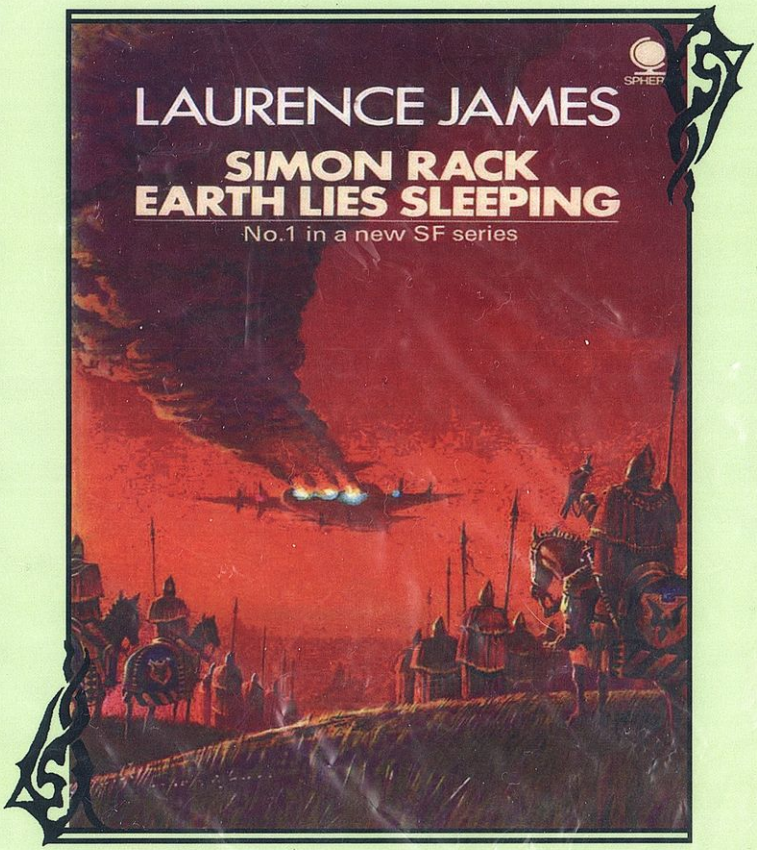
Саймон Рэк

Лоуренс Джеймс

Лоуренс Джеймс

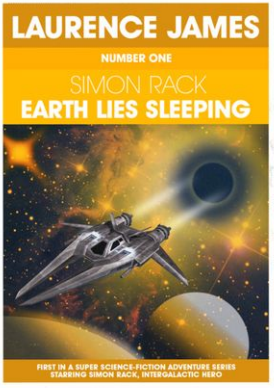
Саймон Рэк

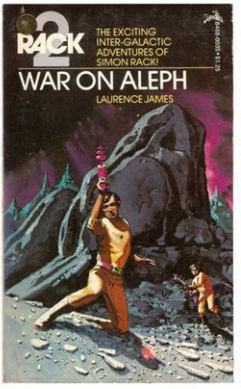

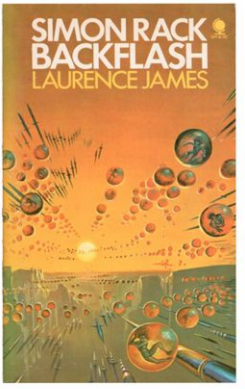
КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ ФАНТАСТИКИ * СОКРОВИЩНИЦА НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

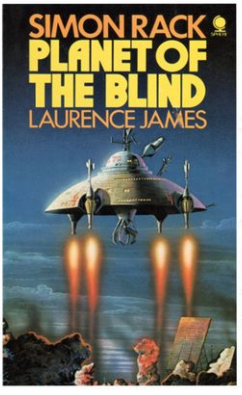
Лоуренс Джеймс

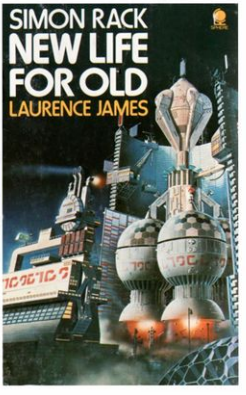
Саймон Рэк

ЗОЛОТОЙ ФОНД СОВРЕМЕННОЙ ФАНТАСТИКИ · BEST SELLING SCIENCE FICTION BOOKS ·

Laurence James. Earth Lies Sleeping. 1974
Laurence James. War on Aleph. 1974
Laurence James. Backflash. 1975
Laurence James. Planet of the Blind. 1975
Laurence James. New Life for Old. 1975
Перевод — А. Грузберг, О. Колесников

Клубное издание:
только для членов Клуба КЛФ.
(Издание № 020.)

Лоуренс Джеймс
Саймон Рэк. — М.: Клуб КЛФ, 2018. — 640 с.

Дремлет земля

Посвящаю Терри Хакнету — хорошему другу и очень хорошему писателю.

Пролог. Лицом к лицу со смертью

— Черт побери, милорд, эти сволочи мечутся по кустам как вспуганные кролики.

— Да, сержант, постараемся их не затоптать, чтобы нам все же досталась парочка годных кроличьих шкур.

Глубоко в кустах четверо людей дрожали и тяжело дышали, прислушиваясь к голосам своих преследователей. Все они были одеты одинаково, в лохмотья, прикрывавшие их тощие тела, окончательно разодранные колючим кустарником. Лица их были бледными и измученными, глаза — затуманенными, а широко раскрытые рты проталкивали воздух в пылающие огнем легкие.

Почувствовав, как земля вновь задрожала под копытами всадников, они переглянулись в безмолвном отчаянии.

— Молчите, не шевелитесь: возможно, божьей милостью они проедут мимо и устанут нас преследовать. Тише!

Со всех сторон убежища, где залегли крестьяне, разъезжали всадники, разыскивая свою добычу. Постепенно крики и топот умолкли, и снова на лес опустилась тишина.

— Отец, они уехали. Мы спасены. Идем, мать, не плачь. На этот раз они нас потеряли.

— Да, Томас, но мы потеряли свой дом. Теперь мы должны скитаться, как волки, жить в лесу и есть коренья.

— Что с того, мать? Вряд ли нам лучше было жить под бароном Мискарлом. По крайней мере мы будем свободными.

Несколько минут прошло в тишине, нарушаемой только стоном ветра и слабым криком одинокого кроншнепа. Потом густой вересковый кустарник затрясся и зашелестел.

Медленно, осторожно, боязливо из кустов выползли четыре человека. Мужчина, сутулый и морщинистый, выглядевший лет на шестьдесят. За ним, болезненно морщась, ползла на четвереньках женщина такого же облика и примерно того же возраста. Потом

появились двое мальчиков, оборванных и грязных. Одному было лет пятнадцать, другому на два-три года меньше. Внимательно оглядев полянку, они наконец направились от своего убежища к мрачному густому лесу.

Они прошли примерно полпути, когда тишину прорезал резкий звук охотничьего рога и кто-то закричал:

— Сюда, милорд! Добыча поймана!

Крик подхватили другие голоса, зазвенела сбруя, и из леса на крестьянскую семью вылетели кони.

Старший сын резво повернулся и увидел, что путь к бегству отрезан отрядом ухмыляющихся всадников, одетых в кольчуги с гербом своего хозяина на груди и щитах.

Кольцо всадников уверенно сжималось вокруг своих жертв. Отец стоял молча, покорно опустив плечи. Мать упала на колени и беззвучно плакала. Ее тонкие плечи дрожали от глубочайшего отчаяния. Она сжала руки у груди, как при молитве. Младший мальчик стоял между родителей. Он вряд ли понимал, что происходит, но тем не менее ненавидел и боялся тех людей, что охотились за ними. Только старший мальчик попытался сопротивляться. Он нащупал у себя на поясе рукоятку и вытащил старый кинжал.

— Смотри-ка, Мэтью, у кабанчика еще остался один клык.

— Осторожнее, люди! Он раскроит вас этим страшным оружием от шеи до паха!

С воплем отчаяния и ярости юный Томас бросился на ухмыляющегося высокородного предводителя отряда охотников. Восторженно рассмеявшись неожиданному развлечению, Анри Шерневаль де Поиктьерс дернул за узду своего вороного скакуна, заставив его осесть на задние ноги и замолотить по воздуху железными копытами. Одно копыто попало мальчику прямо в грудь и отшвырнуло его прямо на мягкую лесную землю. Когда он упал, раздался громкий хруст, и когда мальчик поднялся, его правая рука висела под неестественным углом. Солдаты подбадривали его, как это делают на петушиных боях и при травле медведя. Не обращая на них внимания, мальчик наклонился, неуклюже подобрал рукой кинжал и на сей раз осторожнее начал приближаться к всаднику.

Отец попытался было задержать его, но он отстранил старика.

— Нет, отец. По крайней мере я сам выберу, как мне умереть.

Де Поиктьерс откинул назад голову и рассмеялся. Сочный, глубокий смех лаем вырывался из зарослей его черной бороды.

— Хорошо сказано, щенок. Клянусь чревом Марии, не будь я должен убить тебя, взял бы тебя на службу, хотя ты уже и совсем взрослый.

— Подлый ублюдок! Я бы скорее тысячу раз умер, чем стал служить тебе! Мы и здесь, в лесах, знаем о тебе, де Поиктьерс. Мы видели, как ты виляешь хвостом перед своим мерзким хозяином Мескарлом. Так что конец здесь возможен только один. — Он медленно подходил все ближе к вельможе. — Моя смерть так же неизбежна, как восход солнца. Я умру сегодня. Но и твоя смерть недалека, милорд. Она рядом!!!

Выкрикнув последнее слово, он метнулся вперед и вверх, едва не застав де Поиктьерса врасплох. Но Томас поскользнулся на гнилом пеньке, скрытом палыми листьями, и для точного удара ему не хватило какого-то ярда. Кинжал его не попал в горло человеку, а вспорол шею коня, и тот вскрикнул высоко и тонко, как раненая девушка.

Шпоры всадника вонзились ему в бока, заставляя вновь повиноваться. Одновременно де Поиктьерс схватился за узорчатую рукоять своего меча. Тонкая сталь с шелестом выскочила из ножен. Томас готовился ко второму броску, наставив кинжал здоровой рукой.

Все произошло так быстро, что движение было трудно уловить глазом. Свистнула смерть, и Томас тупо уставился на обрубок левой руки, из которого фонтаном била кровь и бесшумными каплями падала на рыжую землю. Солдаты глазам своим не поверили — так быстро все произошло, — а мать закрыла глаза и упала в обморок.

— Прощай, собака. — Слова Томаса были бесстрастными, но последними. Он взглянул вверх, на свою смерть, и глаза его стали усталыми. Меч снова взметнулся и упал. Что-то коротко и тяжело стукнулось о землю, потом раздался звук более мягкого, более тяжелого и более медленного падения.

— Убить старика, милорд?

— Да. Он сам прекрасно знает причину своей смерти. Милорд Мескарл слишком высоко ценит своих оленей, чтобы какой-то крестьянин мог тайком пользоваться чужими запасами. Повесь и его и женщину. Мэтью, шлепни ее по лицу, чтобы она вернулась в этот мир и могла бросить на него последний взгляд, прежде чем успокоиться навеки. Потом повесь их обоих на молодом дубке.

Трое солдат спешились, чтобы выполнить приказ де Поиктьерса. Сам де Поиктьерс подъехал к стоявшему мальчику и осто-

рожно положил вымазанное кровью лезвие меча на плечо паренька. Лезвие оставило красный след на его бледной шее.

— Стой спокойно, щенок, и ты еще можешь выжить. Побежишь — погибнешь так же, как твой храбрый брат. — Он заставил своего жеребца немного пройти вперед, чтобы загородить от мальчика приготовления к повешению. — Не нужно на это смотреть, — произнес он почти дружелюбно.

Мальчик посмотрел вверх, на дворянина; глаза его были такими же чистыми, как горные озерца, питаемые водопадами. В первый и последний раз за этот день он заговорил:

— Спасибо, добрый господин. Но я должен все это видеть, чтобы запомнить.

И он встал в сторонке от людей Мескарла и молча смотрел, как умирали его родители. Вначале пеньковая веревка захлестнула шею его отца, и грубый узел затянулся под его правым ухом. Старику связали руки сыромятным ремнем и посадили на лошадь, а потом конец веревки привязали к ветке дуба.

— Молиться будешь, старик? Нет? — Де Поиктьерс кивнул, и один из его людей шлепнул лошадь по крупу тяжелой перчаткой. Она рванулась вперед, и старик неуклюже соскользнул с ее спины. Его тело было настолько легким, что шея не сломалась, и он заплясал, замолотил ногами по воздуху, пока наконец спасительная пелена не застлала его мозг. Глаза его были полузакрыты и казались почти безразличными; язык посинел, разбух и выпал изо рта.

Солдатам наконец-то удалось вернуть женщину к жизни, и та очнулась как раз вовремя, чтобы увидеть последние мгновения жизни своего мужа. Она смотрела на надменного лорда снизу вверх, и тот казался ей гигантом. И тут вдруг она поняла, что больше ничего не боится.

— Я прошу вашего милосердия. Выполните мою последнюю просьбу, милорд. Пусть я умру, но мой мальчик останется жить.

Лорд расхохотался.

— Нет ничего проще. Взгляни, женщина, веревка приготовлена только для твоей морщинистой шеи. У барона Мескарла твой отпрыск станет большим человеком. Может, даже слугой. Кончайте с ней. Саймон, дерни ее за ноги, чтоб побыстрее. Не хочу два раза за день смотреть на эти пляски.

Она умерла гораздо быстрее своего мужа. Когда она усаживалась верхом на большого боевого коня, ее рваное платье задралось

и обнажило бедра. Однако она держалась с таким неожиданным достоинством, что грубые мужчины, которые, казалось, должны были обменяться непристойными шуточками, промолчали. Прежде, чем жеребец сбросил ее в небытие, она перевела взгляд на своего младшего сына, молча смотревшего на нее.

— Запомни все это. В какое бы рабство ты ни попал, не позволяй им затронуть свой разум.

Она соскользнула с лошади; самый толстый из воинов, Саймон, ухватился за нее и поджал ноги. Ее шея переломилась как сухая тростинка.

— Срезать их, милорд?

— Нет, пусть повисят несколько дней, послужат предупреждением тем, кто положит глаз на оленей барона. Мэтью, посади мальчишку к себе и следи за ним.

Внезапно спокойный до того лес задрожал, по нему прокатилось эхо могучего грома. Лошади заржали и попятились, но их всадники, казалось, ждали этого грома. Прямо над склонившимися деревьями пролетело серебристое, пышущее огнем чудовище.

Де Поиктьерс взглянул на свой массивный хронометр и крикнул сержанту, перекрывая шум заходящего на посадку корабля:

— «Заратустра» опаздывает. Надеюсь, на нем добрый груз фероиума. Помнишь последний полный шаттл? Вино и девки на три дня. Спешим домой, парни!

Отряд вытянулся за своим предводителем, всадники скакали по лесу, смеясь и жестикулируя, как это всегда бывает после удачной охоты. На луке седла солдата, которого звали Мэтью, неудобно примостился мальчик. Он оглянулся всего один раз, и глаза его были сухи.

Люди исчезли, топот копыт утих, и лес снова ожил. Белка яростно обругала галку, залетевшую на ее территорию. Заяц, дрожа, проковылял по полянке, взрытой копытами коней. Из-за легкого ветерка веревки поскрипывали. Тела слегка танцевали в воздухе, временами стукаясь друг об друга. Несколько трупных мух уже вилось над тем местом, где мужчина облегчился, когда его мускулы расслабились после смерти.

На макушку женщины элегантно вспорхнула ворона, вопросительно склонила блестящую черную головку и заглянула в лицо мертвой. Убедившись, что ей ничто не помешает, она неуклюже спрыгнула на плечо и принялась выклевывать глаза.

Глава 1. Весьма влиятельная организация

За всю свою работу в Галактической службе безопасности я никогда не сталкивался... даже в той клоаке занюханного Голота Четыре я никогда не видел такой полнейшей, такой грандиозной тупости, такого бездумного высокомерия, такого вопиющего пренебрежения простейшими обязанностями, такого игнорирования минимальных требований, и господь свидетель, вы двое — большие специалисты пренебрегать простым минимумом даже в дерьмовой ситуации. Даже самые тупые новобранцы сработали бы лучше. Рэк, убери с лица эту идиотскую ухмылку...

— Великолепно, Богги! Но только когда он произносил «убери с лица ухмылку», он оторвал три верхних пуговицы с парадной формы. И его ногти впились в ладони. Все остальное — великолепно.

— Зря ты перебил меня, Саймон. Я уже готовился пустить пену изо рта. Пришлось проглотить слюну — я чуть не подавился. Боже, как долго нас заставляют ждать! Как ты полагаешь, что будет?

— Трудно угадать, как поступит Стейси. Многое зависит от того, как объяснила Федерации семья этого «коммивояжера» то, что ты с ним сделал. Если им поверили, нам придется туго.

— Он такой же коммивояжер, как моя задница! Все знают, что он был контрабандистом. Страшно подумать, что он делал с этой хорошенькой девчушкой. Я просто дал ему попробовать его же блюда.

— Лейтенант Богарт! Вас вызвали, чтобы предъявить самое серьезное изо всех бывших до сих пор обвинение, а вы еще можете спокойно говорить, что «дали ему попробовать его же блюда». То, что от него осталось, просто сгребли лопатой!

— Но ведь дело стоило того, а, Саймон? Достаточно было посмотреть на лицо девчонки, когда он помер. Как ты про нее сказал?

В этот момент дверь отворилась, и вошел майор службы безопасности. Лицо его казалось высеченным из камня.

— Надеть головные уборы! Не разговаривать! Полковник Стейси готов вас принять. Шагом марш!

Они зашагали подчеркнуто строевым шагом, что явно выдавало их неповиновение, за которое и наказать-то было нельзя. Саймон Рэк шепотом ответил на последний вопрос Богарта:

— Я говорил, что она похожа на золотую бабочку, порхающую в опаловом тумане.

— Молчать!! — Майора чуть не парализовало от того, что Саймон таким чудовищным образом нарушил дисциплину. — Стой! Снять головные уборы! Сэр, — он энергично отдал честь седому офицеру, сидевшему за покрытым пластигласом столом. — Капитан Саймон Кеннеди Рэк, 2987555, и старший лейтенант Юджин Богарт, 2895775, по вашему приказанию прибыли. Сэр, — он снова энергично отдал честь и щелкнул каблуками так, что воздух в кабинете задрожал.

Полковник Стейси устало оторвался от бумаг и махнул рукой, затянутой в перчатку.

— Хорошо, спасибо, майор. Не стану вас больше задерживать. Думаю, у вас есть другие важные дела.

— Но сэр... вы уверены?

— Вероятно, щелканье каблуков помешало вам хорошо расслышать меня, майор. Я сказал «не стану вас больше задерживать». На обыкновенном языке это означает попросту «вон». Ну!! — И майор-адъютант повернулся, держась за ручку двери. — Пожалуйста, постарайтесь не хлопнуть дверью.

Дверь закрылась так бесшумно, что Рэк и Богарт вывернули шеи, проверяя, действительно ли она закрыта.

— Джентльмены, — голос Стейси стал обманчиво мягким, но оба они по собственному опыту знали, каким может иногда становиться этот мягкий голос. — Пожалуйста, садитесь.

— Простите, сэр, вы сказали «садитесь»?

Полковник выказал признаки раздражения.

— Вы что, тоже страдаете глухотой, Рэк?

Рэк и Богарт поспешно уселись в два черных кресла, стоявших на одинаковых расстояниях по обе стороны стола. Стейси отодвинул от себя бумаги и откинулся назад, задумчиво прижав пальцы к подбородку. Потом протянул левую руку и нажал кнопку, приделанную к столешнице снизу. На контрольной панели в подлокотнике его кресла запульсировал желтый огонек.

— Только для того, чтобы быть абсолютно уверенным, что нас не подслушивают, джентльмены. Не люблю этих нюхачей, к тому же для меня очень важно, чтобы то, о чем мы будем говорить сегодня, нигде и никогда не повторялось. Ясно? — Оба кивнули. Полковник тяжело посмотрел на Богарта. — Лейтенант, и это касается всех тех пьяниц и шлюх, с которыми вы сочтете возможным расслабиться. Итак... Как вы полагаете, почему вы здесь?

Наступило тягостное молчание, потом Богарт заговорил:

— Ну, сэр, мы думали, это как-то связано с тем контрабандистом, которого мы прикончили в Стердале. Понимаете, сэр, там была та девчонка, и этот тип, и...

Саймон перебил его:

— Осмелюсь доложить, сэр, лейтенант Богарт хотел сказать, что ни он, ни я не имеем малейшего понятия, зачем нас вызвали.

— Так о чем там бормотал этот кретин? Стердал? Подождите-ка, где-то здесь у меня был какой-то рапорт...

Саймон подал Богги пальцем знак, означавший «держи язык за зубами», и вкрадчиво продолжил:

— Что бы там ни произошло на Стердале, я уверен, что то, о чем собирается говорить с нами полковник, существенно важнее.

К удивлению — и явному беспокойству этих двух достойных офицеров службы безопасности, полковник Стейси улыбнулся. Улыбнулся! Все равно как если, к примеру, встретишь разъяренного тигра на узкой лесной тропинке, а тот игриво толкнет тебя в бок и расскажет сомнительного достоинства анекдот. Потом, к их ужасу, он прямо-таки расхохотался. Тут-то Саймон и понял, что их следующее задание будет весьма нелегким. Он не мог припомнить, когда полковник в последний раз улыбался, не говоря уже о смехе.

— Саймон Рэк, в вашу пользу говорит многое. Так, посмотрим. Вы вступили в службу безопасности одиннадцать лет назад, в минимально допустимом возрасте четырнадцати лет. Основной курс обучения прошли весьма успешно, да и потом отличались. Одиннадцать лет. И до сих пор всего лишь капитан. Если бы я не знал вас так хорошо, меня бы удивило такое медленное продвижение по служебной лестнице. Ваше личное дело великолепно, если судить только по результатам. Процент удачного выполнения заданий у вас выше восьмидесяти. И всего лишь капитан! Я бы сказал, что вы губите свою карьеру исключительно непослушанием. Что скажете вы?

Саймон слегка задумался.

— Я бы сказал, что не устраиваю спесивых идиотов. И чем выше их служебное положение, тем больше я их не устраиваю.

— Ну, хорошо. Во всяком случае я не собираюсь сейчас просматривать ваши личные дела — ваше и той жалкой обезьяны, которая, видимо, всюду вас сопровождает. Вы представали передо мной по различным обвинениям чаще, чем любые другие, и даже трое, офицеров службы безопасности. Рэк и вы, Богарт, — я скажу

вам сейчас нечто такое, чего никогда повторять не стану. А если кто-нибудь из вас когда-нибудь повторит мои слова, я уничтожу вас обоих. До конца своих дней вы будете возить дерьмо на лунниках. Невзирая на ваши теперешние чины. Пусть вы постоянно попадаете в неприятности из-за субординации. Пусть вы ненавидите дисциплину. Но мне время от времени нужна парочка грубых инструментов. И, видит Бог, трудно найти инструменты более грубые, чем вы двое. А сейчас я буду вам весьма обязан, если вы не станете так явно выказывать свою ненависть к дисциплине. Потому что, — он помолчал, чтобы его слова лучше дошли до них, — вы мне нужны. Нужны прямо сейчас.

Наступило тревожное молчание. Богарт и Саймон поглядывали друг не друга, на стол, на свои ногти, лишь бы только избежать взгляда Стейси. Молчание наконец нарушил сам полковник:

— Богарт! Перестаньте ковырять в своем проклятом носу!

Саймон выстучал левой рукой по своему бедру сообщение, и тут же получил согласие своего помощника. Если Стейси обращается с ними таким образом, так сильно давит на них, — это означает одно: задание им предстоит то еще!

После двухчасового обсуждения, сопровождаемого показом стереокарт и стереоснимков, они поняли, насколько сложным будет это задание. Саймон просматривал свои записи и задумался над планами и полученными сообщениями. Тут до него дошло, что Стейси закончил говорить и ждет от него ответа на заданный вопрос. Он бросил взгляд на Богарта, но тот ничем помочь не мог, и Саймону пришлось попросить повторить.

— Рэк, мне иногда кажется, что у вас вместо мозга каша. Я спросил, вопросы будут?

— Да, сэр. Если учесть законы Федерации о рабстве, плюс к этому жизненную важность фероиума для подпространственного привода, я не могу понять, почему бы вам не послать патрульный крейсер?

Такого рода вопросы менее всего интересовали Богарта. Он хотел знать, где, когда, как, сколько, с помощью чего, но ни в малейшей мере — почему. Пока полковник Стейси рассуждал о тонких проблемах внутригалактической политики, он внимательно следил за мушкой, почти неслышно жужжавшей над столом.

— Информацию мы получили от крохотного и почти не располагающего силами партизанского отряда. Помните тот последний раз, когда Федерация действовала на основании непроверен-

ного донесения подобного формирования? Это случилось восемь лет назад, и мы расхлебываем последствия до сих пор. Мы не можем вмешиваться во внутренние дела, если нет доказательств, Рэк, строгих доказательств, что законы Федерации нарушены или существует угроза самой структуре Галактики. Так вот, если, и я подчеркиваю — «если», эти донесения верны, то ситуация потенциально апокалипсическая. А я никогда не был склонен к преувеличениям. Итак, вы загружаетесь всем необходимым и со всей возможной скоростью летите на Сол Три. Там вы делаете все, чтобы скорее вступить в контакт с предводителем партизан. Помните его имя? Хорошо. Проследите за тем, чтобы ваш полоумный помощник... смотрите, глаз с мухи не сводит... Проследите за тем, чтобы он хорошенько познакомился с обычаями Сол Три. Это в ваших интересах, Рэк. Надеюсь, этого напоминания вам будет достаточно. Отныне вы оба освобождаетесь от своих обычных обязанностей. Можете идти.

Саймон вскочил по стойке смирно — когда он считал это нужным, он мог быть столь же ревностным служакой, как адъютант, и даже более. За ним вскочил Богарт. Когда они повернулись, чтобы выйти, рука Богарта метнулась, как песчаная кобра, и схватила мушку на лету. Полковник мигнул — не померещилось ли это ему.

Богарт вышел первым и метнул мертвое насекомое прямо в левую ноздрю адъютанта, стоявшего по стойке смирно у двери. Как и следовало ожидать, Богги поразил цель. Верзила-офицер побагровел и шагнул вперед. Голос полковника Стейси, донесшийся из открытой двери, заставил его замереть.

— Саймон! Саймон! Одну минуту. По поводу того дельца, о котором проболтался лейтенант в начале нашего интересного совещания. Кого-то там прихлопнули на Стердале. Об этом вы больше не услышите. Если на Сол Три все будет в порядке. Надеюсь, вы меня понимаете. Хорошо. Между прочим, по поводу этого дела. Неважно, какого. В коридоре у меня есть жучки, и кое-что из вашего разговора я услышал. Там была замешана девушка. Как вы про нее сказали?

— Я сказал, что она похожа на золотую бабочку, порхающую в опаловом тумане, сэр.

— Очень мило, коммандер, очень мило.

Саймон Рэк, капитан Галактической службы безопасности, вышел из кабинета, и дверь за ним мягко захлопнулась. Полковник

Стейси снова сел за стол и на мгновение опустил голову на руки. Потом снова поднял голову и вздохнул.

— В опаловом тумане. Великий боже! Надеюсь, барону Мескарлу нравятся красивые фразы.

Глава 2. На грани провала

Корабль-разведчик сел среди деревьев мягко, как оса на протухшее мясо. Шум его пространственных двигателей затих. Лес замолк в ожидании, птицы и звери словно гадали, что собираются делать эти пришельцы. Ждать долго им не пришлось.

Прошло несколько секунд, тускло-серебристая панель в борту небольшого корабля откинулась и вышли двое людей. Один был невысоким и коренастым, «похож на бочонок с ногами», как кто-то когда-то сказал.

Второй был высоким — таким высоким, что ему трудно будет выдавать себя за местного, — темноволосым и кареглазым. Только цветом своих волос он был обязан краске, а цветом глаз — контактным линзам. Оба были одеты в обезличивающую униформу, повсеместно распространенную среди космокоммивояжеров.

Оба они были вооружены кольтами — стандартным личным оружием Галактической службы безопасности. Правильнее было бы называть их парализаторами, но все называли кольтами — никто не знал почему. Стоило нажать кнопку в рукоятке, и все живое на большом расстоянии оказывалось парализовано. Саймон Рэк и Богарт не часто пускали их в ход, только в случае крайней необходимости, — возможно, поэтому дела у них шли хорошо.

— Порядок?

— Поблизости никого не видно. Наверное, это к лучшему. Мы должны встретиться с человеком в борделе.

Пока Саймон быстрым шагом обходил корабль, настороженно отыскивая следы чужого присутствия, Богарт вернулся на борт, чтобы выключить оборудование и подготовить камуфлирующее устройство. Он был еще внутри, когда Саймон окликнул его. Голос Саймона был негромким, но напряженным.

— Богги! Уничтожай! «Двойное А»!!!

Для персонала ГСБ нет более серьезной оценки положения, чем «двойное А». Когда она сопровождала приказ, то это означало на языке устава, «что вышеупомянутый приказ должен быть ис-

полнен незамедлительно, и что он не должен подвергаться сомнению, кроме как в тех случаях, когда не расслышан или не полностью понят. Невыполнение приказа, подкрепленного «двойным А», кроме случаев, упомянутых выше, карается наравне с бунтом и убийством. (Дальнейшую детализацию и исключения из правил см. р.293.(а)–(м). Дополнительные указания в «Приложениях»).

Когда группа сотрудников долго работает вместе, как Богарт и Рэк, зачастую в отдаленных уголках фронтира, уставы теряют свой смысл. В большинстве случаев, когда кто-нибудь из них пользуется кодом «двойное А», на кону стоит чья-то жизнь. Эти «двойные А» обладают уникальным свойством — действуют как сверху вниз, так и снизу вверх. Если обстоятельства складываются определенным образом, то самый зеленый новичок может приказать полковнику, шефу, всей ГСБ сделать то-то и то-то, и тот должен — и будет — повиноваться. Ну а если уж этот новичок по неопытности ошибется...

Как-то раз Богарт суммировал все это в своей обычной манере:

— Если ты услышишь «двойное А», когда сидишь на толчке, не вздумай тратить время на то, чтобы вытереть задницу. Потому что чистая задница ничем тебе не поможет, когда тебя будут стирать в порошок.

Пока мы делали это краткое отступление, вот что происходило на полянке: Саймон прижимался к земле на краю опушки у подножия деревьев с кольтом наготове. Богарт в корабле бросил все, что у него было в руках, и произвел редко встречающийся ряд действий. Более того, ему до сих пор и не приходилось так поступать. Нажать кнопку, повернуть рукоятку — сначала влево, затем вправо, и наконец щелкнуть переключателем. Ошибешься в этой последовательности в самом начале — ничего не случится. Ошибешься в конце — взлетишь на воздух вместе с кораблем.

Богарт выпрыгнул из корабля, покатился по земле и остановился рядом с Саймоном, тоже с кольтом наготове.

Будь вы наблюдающим за происходящим, вас могло бы удивить, откуда он знал, где Саймон, — ведь сам-то он был внутри корабля. Конечно же, этому есть весьма простое объяснение. Он просто знал!

— Где? И сколько?

Саймон указал вперед, сквозь толстую завесу деревьев.

— Там. Может быть, десять. Может быть, двадцать. Или двое. Я просто услышал, как сначала всхрапнула одна лошадь, потом другая.

Богарт удивленно посмотрел на своего командира.

— Наш босс был прав! Они здесь действительно ездят на лошадях! — На его лице внезапно появилось ужасающее выражение, которое означало, что он думает. — Саймон, — прошептал он, — откуда, черт возьми, они узнали, что мы здесь? Старик говорил, что у них нет сенсоров. Так откуда?

— Может быть, случайно. Может быть, они даже не знают, что мы здесь. Мы приземлились так тихо, что и пушинки с пчелы не сдунули. И потом, Стейси мог ошибиться. Когда корабль взорвется?

Богарт взглянул на хронометр.

— В три двадцать. Поскольку я ничего не слышал, то поставил на пятую ступень. — Он прижал ухо к земле и прислушался. — Через пару минут будут. Похоже, их около десятка. Сматываемся?

Саймон оглянулся через плечо, взвесил свои возможности. Несколько всадников приближаются к ним спереди. Позади ничего не слышно — возможно, там ловушка, но в любом случае это единственный путь отступления. Его старый инструктор рукопашного боя, унтер-офицер Ньюмен, частенько говаривал: «Если перед тобой пятьдесят человек с кольтами, а позади пятьдесят один, бей вперед. Хуже упущенного шанса только одно — когда вообще нет шансов».

Всадники приближались, и скакали все быстрее. Саймон больше не тратил времени на разговоры. Он похлопал Богарта по левому плечу и указал назад. Они двигались быстро и одновременно, как две части одного животного. С другой стороны опушки рос густой кустарник, и им удалось забраться глубоко внутрь него по тропе, проложенной лисой или барсуком. Сквозь переплетение ветвей можно было видеть корабль, если хорошенько приглядеться. Они затаились.

Прошло всего четыре минуты с тех пор, как Саймон услышал приглушенное ржание. На полянку выехали девять всадников, ведомые кряжистым мужчиной, одетым гораздо богаче простого солдата. Богарт почувствовал, как Саймон напрягся, — у него пресеклось дыхание.

Махнув рукой, рыцарь отправил большинство своих людей широким кругом объехать корабль. До разведчиков донесся его голос, отдававший приказы оставшимся троим людям:

— Саймон, внутрь. Вы двое останетесь со мной.

Из своего убежища агенты федеральной службы расслышали только, что тот, к кому обращались, высокий и толстый человек,

что-то произнес в ответ. Рыцарь расхохотался лающим смехом. Он откинул голову назад, и полуденное солнце высветило серебро в его бороде.

— Топай! Немного порастрясешь свой жир. — В его голосе послышалась нотка нетерпения. — Да побыстрее, жирный бурдюк! Я должен знать, нет ли кого там внутри.

Вздыхая и постанывая, толстяк спрыгнул со своего гнедого и, задыхаясь, залез в разведывательный корабль.

Взглядом следя за хронометром, Богарт молча поднял десять пальцев перед Саймоном. С каждой секундой он зажимал один палец. Как только он зажал последний, внутри корабля раздался приглушенный грохот и вопль агонии, быстро затихший.

— Будто свинье глотку перерезали, а? — сказал Богарт, прижав губы к уху Саймона, но к его удивлению тот даже не улыбнулся.

А на полянке лошади попятились, люди закричали, из открытого люка вырвалось пламя. Через несколько мгновений корабль превратился в пылающий ад, и даже папоротник рядом с ним тоже загорелся.

— Милорд, там никто не выжил! — крикнул один из солдат.

Это-то было очевидным, и столь же очевидно огонь начал распространяться. Так что выбора у них не было. Яростно пришпоривая коня, дворянин галопом повел свой поредевший отряд в сторону двоих беглецов. Богарт начал было поднимать свой кольт, но Саймон удержал его. Он лучше знал лошадей и понял, что те не станут продираться сквозь кустарник, а обогнут его. Так и случилось.

Они лежали неподвижно до тех пор, пока стук копыт не замер вдали. И только когда языки пламени стали лизать ветки в опасной близости от них, Саймон зашевелился. Когда он встал, Богарт заметил, что лицо у него бледное и дышит он прерывисто. Смерть прошла рядом, но ведь частенько они оказывались гораздо ближе к ней.

— Нам пора удирать, Саймон. Они могут вернуться. Саймон!

— Что? Прости, я...

— Я сказал, нам нужно идти. В бордель, и как можно скорее. Этот здоровяк натравит на нас всю округу.

— Да. Да, ты прав.

После этого Саймон не произнес ни слова, пока они не сменили свою одежду на грязно-коричневые одеяния, которые предпо-

читали местные крестьяне. По его настоянию они зашвырнули кольты в огонь, чтобы те расплавились. Богарт было воспротивился, но Саймон рыкнул на него:

— Дурак. Если бы ты не дремал на занятиях, когда говорил Стейси, то знал бы, что кольты запрещены. Как и все другое оружие, кроме мечей и прочей рухляди того же периода. Стоит кому-то что-то заподозрить, и нас застукают. Ясно?

Богарт молча кивнул. Саймон отвернулся, но потом снова посмотрел на своего товарища.

— Богарт, прости. Кое о чем я тебе никогда не рассказывал. Потому что думал... ну... думал, нет нужды. Но вскоре, когда доберемся до борделя, расскажу.

— Саймон, я знаю, что ты родом с Сол Три. Я почувствовал, как ты напрягся, когда появились эти люди. Ты знаешь их. Правда?

Не глядя на него, Саймон ковырял землю носком ботинка.

— Да. Да, я знаю этих двоих. Толстяка, который погиб, Саймона — моего тезку. И дворянина. Его я знаю лучше всех.

Богарт зашагал в ту сторону, где должна была быть деревня, смущенный глубиной чувств Саймона. Через плечо он бросил то, что счел словами одобрения:

— Будем надеяться, что мы с ним больше не встретимся.

Ярость, прозвучавшая в голосе Саймона, заставила его замереть. Голос был холодным и сухим, как лунная пыль.

— Нет. Богги, дружище. Ты очень ошибаешься. Есть у меня один должок к лорду Анри Шерневалю де Поиктьерсу, вассалу барона Мескарла. И этот долг за пятнадцать лет весьма вырос!

Любой пьяный посетитель борделя «Красный фонарь», заглянувший в тридцать третий номер, известный как «Лачуга священника», решил бы, что застукал двоих гомиков за их странным противоестественным занятием. Что само по себе необычно в самом популярном публичном доме во всем Стендоне.

В маленькой комнате, на одной из двух раскладушек, тесно прижавшись друг к другу и обнявшись, сидели двое мужчин. Тот, что повыше и помоложе, прижав губы к уху второго, что-то жарко шептал ему. Второй почти не шевелился, лицо его ничего не выражало, а из приоткрытого рта вырывалось низкое немелодичное гудение.

Это был испытанный метод коммуникации агентов ГСБ в обстоятельствах, не исключавших наличие жучков. А гудение — это дополнительное усовершенствование, придуманное Саймоном Рэком.

Они с Богартом благополучно добрались до борделя, избежав встречи с необычайно многочисленными патрулями Мескарла. Тощая владелица «Красного фонаря», Долговязая Лиз, приняла их за странствующих лекарей-шарлатанов, решивших отдохнуть несколько дней перед бешеной деятельностью во время празднования дня Св. Варфоломея. Она немного удивилась, когда они отказались от предложенных женщин, «пока», но они хорошо заплатили за комнату. Однако комната того стоила. «Красный фонарь» был самым чистым публичным домом в городе. А поскольку меблированные комнаты и гостиницы исчезли сто лет назад, куда еще податься приезжим богатым торговцам, как не к Долговязой Лиз?

Тот, что повыше, Симеон, был славным парнем, хотя и казался старше своих лет — что поделаешь, жизнь знахаря быстро старит человека. А вот тот, что постарше, Зебадия (Богарту всегда нравились странные псевдонимы), сильно отличался от первого. Долговязая Лиз сразу поняла, кто он такой. Жулик, развратник и, возможно, карманник. Ей придется не спускать глаз с постельного белья и проследить за тем, чтобы никто из девиц не соблазнился его медоточивым голоском и плутоватыми глазками. И если для ублажения господина Зебадии понадобится женщина, то это будет сама мистрис.

Оказавшись в комнате, в безопасности, ее гости обсуждали свои планы.

— Саймон, тебе следовало рассказать мне все это раньше, — упрекнул Богарт. — Но ведь все кончилось. И давно.

— Нет. Все только начинается, Богги. Сейчас, когда мы благополучно добрались до места, мы должны войти в контакт с нашим человеком. Агент партизан, кузнец Эдрик, скоро поймет, что мы здесь. Лучше будет, если он сам найдет нас. В таких местах как это полно шпионов Мескарла. Все стены кишат нюхачами.

— Ага. А кровати — клопами, которые не только подслушивают.

— Идем. Здесь нам больше нечего делать. Спустимся в столовую и попытаемся запихать в себя ту кашу, что подают у девицы Элизабет. И будем держать ушки на макушке. Должно быть, сюда заглядывают крепостные Мескарла.

— Судя по тому, что говорил наш дражайший полковник — хотя большую часть его речи я продремал, — мне кажется, их гораздо лучше назвать рабами, чем крепостными. А что до каши Долговязой Лиз, то, по-моему, ею лучше всего чистить от ржавчины те тесаки, которые нам приходится носить здесь. Судя по всему, она моет в ней ноги. Или еще чего похуже!

Они спустились вниз. Общая столовая была забита шумными людьми. Богарту и Саймону удалось проскользнуть и примоститься на краю грубой деревянной скамьи. Им швырнули миску похлебки, ломоть ржаного хлеба и металлические ложки, несшие на себе следы прошлых трапез.

Девушка-служанка, неряшливо одетая шлюха, прокладывала себе путь мимо битком набитых столов, не обращая внимания на колкости. Какой-то бородатый здоровяк попытался запустить руки под ее заляпанную жиром юбку. Не говоря ни слова, она с ужасающей силой ударила его горшком по башке. Глиняный горшок с кашей раскололся, обрызгав разразившихся проклятиями едоков липкой жижей. Тот, на которого пришелся удар, коротко простонал и рухнул лицом на стол. Кусочки жира и овощей застряли в его бороде и на веках. Девица вцепилась в его жесткие волосы, скинула со скамьи, и он рухнул на грязный тростник, устилавший пол.

Поставив ногу на спину потерявшего сознание человека, она визгливо крикнула:

— Вот и еще один! Созрел для навозной кучи!

Едоки одобрительно вопили, а в это время верзила-немой протолкался к девице, нагнулся и поднял с пола пьяницу за шею и промежность. Держа его над головой, немой вышибала прошествовал сквозь веселящуюся толпу к двери на задний двор. В столовой стало тихо, все ждали чего-то.

Богарт вопросительно повернулся к своему соседу, но тот поднял палец, призывая к молчанию. Где-то на заднем дворе раздался громкий всплеск. Будто что-то тяжелое плюхнулось в крем для торта, что не соответствовало истине. Или в навозную жижу. Что соответствовало.

После того как стихли аплодисменты, Саймон снова принялся за еду, постепенно втягивая в разговор угрюмого человека, сидевшего рядом с ним. Его звали Ричард, и он был писцом, принятым ко двору бароном Мескарлом. Да, он знает кузнеца Эдрика, но не дружит с ним. С Эдриком опасно знаться. Дурная компания, опасная компания. Человек, который хочет изменить порядок вещей.

Вплоть до свержения барона. Но главнейший помощник барона, де Поиктьерс, скоро все о них разузнает и заточит под стражу. Фероний? Каждый знает, где его добывают, и барон — один из самых важных людей на всей Сол Три, потому что владеет фероний.

Мудреная штука, этот фероний. Не так-то безопасно им владеть. Ну как же, он помнит, как однажды в космопорте раскололся контейнер с фероний, и половина крепостных, оказавшихся поблизости, покрылись ужасными ожогами и бубонами. Большинство из них умерло.

Саймон был рад такому источнику информации. Ричард оказался не очень-то разговорчивым, но то, что он рассказал, было интересным. Однако кое-что, вроде того, что фероний появился в качестве побочного продукта при взрыве расщепляющихся материалов во время Большой Войны и что он жизненно важен для подпространственного привода космолетов, было скучноватым, потому что общеизвестным. Даже бродячему лекарю следовало все это знать, и Саймон вежливо посоветовал писцу рассказывать эти байки своей бабушке, причем Саймон попутно охарактеризовал привычки этой бабушки.

Ричард подскочил.

— Слушай, знахарь. Будешь грубить людям, вроде меня, тем, к кому прислушивается лорд, и вскоре будешь делать только ту работу, которую никто не хочет делать, и воротничок будет подходить тебе гораздо больше, чем эти фланелевые лохмотья. Правда, шею тебе он будет тереть посильнее.

— Ты, мерзкий червяк! Шныряешь тут повсюду и грозишь честным людям железными воротниками! Почему бы тебе не назвать их правильно, сладкоречивый ублюдок? Ошейники рабов!

В их разговор вклинился мужчина, казавшийся еще более громоздким, чем немой вышибала. На его обнаженной груди и кожаном фартуке были сотни шрамиков и отметин от искр, которые вылетают из раздуваемого горна. Саймон поймал взгляд Богарта. Должно быть, это и был кузнец Эдрик — их связной с партизанским движением Сола.

Писец привстал. На его лице была та неприятная смесь трусости и высокомерия, которая появляется у любого мелкого чиновника, когда он чувствует, что ему что-то угрожает.

— Только таких слов и можно было ожидать от тебя, кузнец. От тебя и твоих друзей из леса. Очень скоро ты сможешь повторить все это милорду де Поиктьерсу. Когда я поведаю ему о тво-

их словах, он с удовольствием окажет тебе гостеприимство в замке, где тебя будут допрашивать. Ну, ударь меня, если хочешь! Только помни об этом, когда тебя вздернут на дыбу, и твои суставы растянутся, а руки выскочат из плеч. Помни, ты будешь плясать на виселице, а я, Ричард-писец, буду стоять рядом на площади и смеяться над тобой. А теперь прочь с дороги, собака, я иду к милорду!

Кузнец уже поднял было руку, чтобы ударить самоуверенного доносчика, но тут его остановил спокойный голос:

— Погоди, друг. Он говорит правду.

— Кто ты такой? Чего вмешиваешься?

— Я — лекарь. Симеон. А это — мой помощник. Его зовут Зебадия. Тронешь этого негодяя, и умрешь наверняка. Страшной смертью.

— Подумай, кого называешь негодяем. Хочешь присоединиться к нему? Он-то ведь точно умрет.

— Все там будем, Ричард. Мне очень жаль, но другого выхода я не вижу. Прощай.

Тонкий стилет выскользнул из ножен из-под рубашки Симеона и коснулся груди писца легко, как первый поцелуй девственницы. Столь же легко он проник и в плоть, и сердце жертвы разорвалось, когда лезвие раскроило его стенки. Рот Ричарда раскрылся в напрасном вздохе, и он соскользнул на пол, свалив на себя скамью. Несколько мгновений он бился, как рыба, вытащенная из ручья. Затем умер, захлебнувшись кровью.

Бордель взорвался воплями, проклятьями, замелькали кулаки. Громко мыча, немой размахивал дубинкой, сбивая с ног каждого, приблизившегося к нему. Саймон метнулся к лестнице в тот же момент, как только вытащил стилет из тела писца. На первых ступеньках, оказавшись в относительной безопасности, он бросил взгляд на дерущуюся толпу, полагая, что Богарт и кузнец рядом с ним.

Они прокладывали себе путь к лестнице, но им помешали перевернутые столы. Богарт орудовал кинжалом беспечно, будто вел учебный бой с унтер-офицером Ньюманом. Легкая улыбка изогнула уголки его губ, и он немелодично насвистывал что-то себе под нос. Богарт наслаждался. Люди падали перед ним, хватаясь за порезы. Он старался не убивать без крайней нужды, но много добрых людей до самой могилы были отмечены шрамами, полученными от него в тот вечер в «Красном фонаре».

Сзади его защищал от подлых ударов Эдрик. Он расшвыривал людей звучными ударами кулаков. Они уже были рядом с лестницей, когда на заднем дворе раздался крик:

— Люди лорда! Де Поиктьерс с патрулем! Бегите! Бегите!

Немой, пошатываясь, отошел от двери, беспомощно хватаясь за стрелу, торчащую из его правого плеча. Оттолкнув его в сторону, широкими шагами вошел де Поиктьерс: в руке — окровавленный меч, шлем откинут. За ним, тяжело дыша, как свора легавых, дюжина его солдат. Вскинув меч, рыцарь проревел громовым голосом:

— Именем барона Мескарла, все присутствующие задержаны! Кто пошевелится — умрет. Вильям, приготовь стрелу для первой же собаки, которая двинет хоть пальцем.

Саймон хорошо понимал: есть время драться и время спрятаться поглубже в тень. Богарту и кузнецу он ничем помочь не мог, даже если бы оказался рядом с ними. Ему оставалось только смотреть из своего укрытия и ждать. Он знал, что Богарт не рискнет шевельнуться — слишком много врагов, — однако видел, что лейтенант что-то бормочет себе под нос. Богги ругался — ему очень не хватало любимого кольта. На мгновение Саймон подумал, не ошибся ли он, выбросив оружие, но законы Сол Три, направленные против любого оружия, кроме простейшего, были сильнее даже религии. Любой человек, как бы не относился он к барону Мескарлу, сделает все возможное, чтобы убить того, у кого окажется оружие. Нет, он был прав.

Для кузнеца Эдрика подобного рода рассуждения ничего не значили. Его поймал в свою ловушку де Поиктьерс. А прямо перед ним была лестница, ведущая к безопасности. Ну, он и ринулся вперед.

— Вильям! Останови этого рысака!

Неподвижный воздух задрожал от басовитого гудения тетивы. Стрела свистнула и глубоко вонзилась в широкую спину кузнеца. Сила удара швырнула его лицом вниз на ступени. Бордель замер, а гигант с трудом поднялся на ноги. Из груди его вырывалось болезненное дыхание, и он снова стал карабкаться наверх. С площадки, где Саймон скрывался в тени, он мог видеть агонию в глазах Эдрика, и то, каких усилий стоят ему эти шаги наверх.

— Еще раз, Вильям. Свали его!

Свистнула стрела, но мгновением раньше повернулся Богарт с криком:

— Не-е-ет! — Кинжал его оказался в воздухе одновременно со стрелой и нашел свою цель, но слегка запоздал. Кинжал раскроил горло лучника, и того окатило фонтаном крови. Однако его последний выстрел тоже был удачным.

Кузнец уже был на самом верху лестницы, почти на площадке, когда вторая стрела вонзилась на дюйм ниже первой, и ее черное оперение окрасилось кровью.

Комната внизу превратилась в хаос. Лучники прокладывали путь к Богарту, который размахивал перед собой вторым кинжалом. Все остальные люди борделя бросились на пол, присоединившись к девицам-служанкам под дубовыми скамьями и столами.

— Рассредоточьтесь и возьмите его живьем. Засеку до смерти того, кто его убьет! Растянитесь. Осторожнее, черт возьми! Живьем!

На какое-то время о кузнеце забыли. Саймон выскользнул из темноты и затащил его на площадку. Перевернув его лицом вверх, он понял, что Эдрику больше не ковать лошадей. Взгляд его обратился вовнутрь, созерцая тот великий путь, на который он уже вступил. Дышал кузнец с трудом, и при каждом выдохе в уголке его рта пузырилась кровавая пена. Но сознание еще не покинуло его, и Эдрик увидел лицо Саймона, почувствовал его руку.

— Ты — это он?

Саймон кивнул. Слова сейчас были неуместны — кузнец сам скажет то, что должен сказать. Или умрет, недосказав. Тут ничего нельзя поделать.

— Фероний. Не только грузится здесь. Мескарл... У Мескарла есть своя шахта. Там он со свободными людьми обращается как с крепостными, а с крепостными... — Приступ кашля прервал его шепот. — С крепостными как с рабами. Они скоро погибнут. Иди к Моркину. Вождь свободных. Партизан. Нужна помощь. Он думает, назревает договор с... с... дева Мария... с другими лордами. Найди его.

— Эдрик. Где я найду этого Моркина?

Саймон мучительно ощущал, что в комнате внизу его ближайший, его единственный друг в одиночку бьется за свободу. В одиночку. Но это — важнее. Де Поиктьерс кричал, чтобы Богарта брали живьем. А пока он жив, есть хоть какая-то надежда.

Он почувствовал, как из большого тела кузнеца, лежащего в его руках, ускользает жизнь.

— Эдрик! Где?

— Пресвятая дева Мария... Будь милосердна. Благослови... о-о-ох, нет, нет. — Его глаза открылись, и на мгновение в них блеснул ясный разум. — Он сам найдет тебя. Моя матушка шутила, что я умру в борделе. — Потом он резко, конвульсивно вздохнул, и тело в руках Саймона стало странно легким. Будто что-то покинуло его. Саймон мягко положил тело на площадку и бросил взгляд через перила.

Богарт все еще ткал своим кинжалом паутину смерти, легонько посвистывая. Зубы его слегка обнажились. Солдатам не хотелось умирать, но они и не осмеливались воспользоваться преимуществом своих длинных мечей из опасения убить его. Де Поиктьерс стоял в стороне от дерущихся и следил за происходящим с растущим раздражением.

Как раз когда Саймон взглянул вниз, рыцарь поднял одной рукой тяжелый табурет и швырнул его в мечущегося старшего лейтенанта. Точно брошенный предмет ударил того в грудь и отбросил на ступени. От удара Богарт уронил кинжал, и в тот же момент ближайший солдат прыгнул на него и ударил по незащищенной голове рукояткой меча. Другой, с глубоким кровоточащим порезом на щеке, убил бы его, позабыв обо всем в стремлении отомстить, если бы не окрик де Поиктьерса:

— Нет! Ответишь головой, Хью! Оттащи его и хорошенько свяжи. А я пока поговорю с этим сбродом.

— Милорд. Милорд... — дрожащим голосом заговорил какой-то старик. Вернее, самого старика видно не было, только его лысая башка на морщинистой шее торчала из-под скамьи, будто какая-то диковинная черепаха настороженно высунула голову из-под панциря.

— Иди сюда, старый дурак. Ну, что ты видел?

— Меня зовут Эдгар, милостивый господин. Возможно, вам знакомо имя моего сына... — Де Поиктьерс крепко ударил его по лицу тяжелой латной рукавицей, чтобы остановить это бормотание. На щеке у старика проступили кровоточащие полоски.

— Ты, старый дурак! Меня не интересуешь ни ты, ни твой ублюдок. Ответь мне на один вопрос. Остальное сможешь рассказать моему сержанту, когда окажешься в замке. Вон с тем кто-нибудь еще был?

— Кто-нибудь, милостивый господин?

Рыцарь огромным усилием воли сдержался и не смазал кулаком по лицу старика.

— Да, мастер?

— Эдгар, милостивый...

— Да. Мастер Эдгар. Подумай. Прикинь, прежде чем ответить. Человек, который умер там, наверху, кузнец Эдрик, и тот чужеземец, который тоже скоро умрет. Был ли кто-нибудь с ними?

— Кто-нибудь. Да, того, кто убил вашего лучника, зовут... постойте-ка...

— Зебадия. Знахарь, — встрял кто-то другой, видимо, надеясь, что де Поиктьерс уйдет, оставив в покое всех остальных, находящихся в борделе.

Рыцарь взглянул в ту сторону, откуда раздался голос, потом снова повернулся к дрожащему Эдгару.

— Итак, мы теперь знаем, что его зовут Зебадия и что он — знахарь. — Он положил руку в металлической перчатке на старое, морщинистое лицо и легонько сжал пальцы. Так легонько, что не повредил бы и однодневного цыпленка. — Он был один?

— Нет. Нет. Нет, милостивый господин, был другой. Главный. Его звали Симеон, и он тоже был торговцем снадобьями. Он убежал по лестнице.

Рыцарь посмотрел во тьму, куда указывал дрожащий палец старика. Даже его острый взгляд не мог ничего различить в темноте.

— Мэтью. Возьми четырех людей и обыщи этот муравейник сверху донизу. Остальным — вышибить эту вонючую толпу из дверей и разогнать по их вонючим хижинам. Потом — следить за каждой дверью и окном. Этот Симеон не должен уйти. Барону нужно на него посмотреть. А этого, — он оттолкнул Эдгара, и тот рухнул на тростник, — заберите в замок и закуйте. Я поговорю с ним завтра.

Задолго до того, как Мэтью со своими людьми добрался до первой лестничной площадки, Симеона там уже не было. Осознав, что преследование неизбежно, он инстинктивно стал пробираться все выше. По грязным коридорам, мимо закрытых комнат и распахнутых дверей. С верхних этажей все сбежали вниз на шум драки, и большая часть борделя оказалась в его распоряжении. Он понимал, что тщательные поиски займут много времени, но с другой стороны понимал, что поиски непременно будут весьма тщательными.

Вскоре он оказался на верхнем этаже. Потихоньку открыв покоробившийся люк, он посмотрел вниз, на дорожку возле дома, до

которой было футов восемьдесят. Вокруг его талии была обмотана тонкая, но прочная веревка, и ее хватило бы до земли. Но она не спасла бы его от мечей солдат, уже обходивших патрулем «Красный фонарь». Тусклый свет факелов обволакивал их туманным сиянием. Он уже решил было броситься на тех, кто его ищет, когда они настигнут его, как вдруг услышал тихий голос:

— Мастер Симеон. У вас что, болячка выскочила, и мне придется смазать ее мазью? Или, может, упрятать ее на некоторое время подальше?

В коридоре было очень темно, но Саймон различил бледную фигуру женщины, судя по голосу — молодой, стоявшей у раскрытой двери маленькой комнаты.

Он не смог сдержать смешок и прошептал в ответ:

— Да. И моя болячка разболится еще сильнее, если о ней срочно не позаботиться. Боюсь, здесь скоро появятся другие лекари.

— Идем. Я знаю этих других врачей. Их лучше назвать мясниками.

Было слышно, как двумя этажами ниже топали и рушили мебель. А еще было слышно, как вопила Долговязая Лиз и спрашивала, кто заплатит за все это. Когда Саймон вошел на цыпочках в комнату женщины, он услышал глубокий голос де Поиктьерса — чертовски хорошо знакомый голос. Де Поиктьерс отвечал Лиз, что с удовольствием заплатит, и ровно столько, сколько она запросит. Если она в свою очередь заплатит за то, что приютила врагов барона Мескарла. После этого Саймон больше не слышал Долговязую Лиз.

Женщина взяла его за руку и провела по своей темной комнате. Она была теперь рядом с ним, и он осознал, что она обнажена. Несмотря на близкую опасность, он почувствовал, как кровь вскипела в его жилах. Она наклонила к нему голову, так, что он почувствовал свежий запах ее длинных волос, и тихо сказала:

— Заберись под кровать. Такому парню, как ты, там будет тесновато, но уж постарайся.

Саймон схватил ее за руку:

— Нет! Во имя крови крестовой, девушка. Они войдут сюда, увидят тебя и первым делом перевернут кровать, чтобы посмотреть, не прячется ли под ней какой-нибудь негодяй.

Он почувствовал, как ее рука задрожала — она потихоньку смеялась.

— Мастер Симеон — если тебя зовут именно так, в чем я сомневаюсь, — если они заглянут под кровать, то конечно же найдут тебя. Ты полагаешь, у тебя будет больше шансов, если встретишь их лицом к лицу? — Она ощупала его пояс, будто случайно проведя попутно рукой между ног. — А ты без оружия. Или ты хочешь превратиться в орла, вылететь из окошка и пролететь над их головами? Нет. Полезай! И если я не заставлю этих недотеп забыть о сбежавшем знахаре, то и в половину не такая хорошая шлюха, какой считают меня мужчины. Ну, быстрее, они уже под нами!

Действительно, шпоры уже звякали на лестнице. Саймон успел все взвесить, пока женщина говорила, и решил, что скорее всего людям Мескарла удастся схватить его. А потому он ничего не потеряет, если воспользуется ее предложением и спрячется в этом сомнительном убежище. Он бросился на пыльный пол и заполз под низкую кровать.

Как только он улегся там, то почувствовал, как пружины впились ему в спину — она легла на кровать. В нескольких дюймах от его носа появилось перевернутое лицо женщины, похожее на бледную луну.

— Мастер Симеон, умоляю тебя не шевелиться. Что бы ни произошло. — Ее голос стал более настойчивым. — Запомни: что бы ни случилось, все будет происходить по моему желанию и под моим контролем. Только если дела пойдут не так, как надо, можешь попытаться помочь. Но в этом случае я сама позову тебя.

Саймон ухмыльнулся.

— Девушка, если нам удастся пережить эту ночь, я окажусь у тебя в долгу — уж и не знаю, чем буду платить. А вот насчет того, чтоб помочь — боюсь, наденусь задом на пружины твоей кровати, как на крючок, если попытаюсь выскочить, как галантный рыцарь.

Она хихикнула, потом прошептала «Тш-ш», и голова ее исчезла. Саймон и сам слышал шум, который производили солдаты, руша все внизу в поисках его. Потом он услышал, как сапоги протопали по лестнице, и дверь распахнулась. Неверный свет факела слегка озарил комнату. Но Саймон смог все же разглядеть, что делит свое убежище со сломанным гребешком и обрывком алой ленты. Прижавшись щекой к полу, он увидел солдатские сапоги со шпорами.

— Мэтью! Сюда!

Снова топот в коридоре, и в комнату ворвался сержант.

— Лиса здесь нет. Зато есть лисичка, и хорошенькая. Держи факел покрепче, черт побери. Ну, шлюшка, видела ты удравшего злодея? Лекаря?

Саймон почувствовал, что девица села.

— Ой, нет, милорд. Вы что, думаете, мне нужен врач? — Солдат шумно сглотнул. Мэтью крякнул, а потом еще раз прочистил горло, прежде чем заговорить.

— А ты, девица, не простудишься?

Ответа не было. Саймону показалось, что он услышал, как старый воин облизнул губы.

Он улыбнулся про себя, представив реакцию Мэтью, если он сейчас вылезет из-под кровати и представится лекарем Симеоном. Именно Мэтью привез его из лесу в тот день, когда повесили его родителей, и именно тяжелая рука Мэтью вколачивала в него уважение к дисциплине. И спасала его от куда более тяжких наказаний де Поиктьерса.

Стейси предупреждал его, что по их данным в замке Мескарла осталось по меньшей мере два человека, которые хорошо знали его в детстве. Одним был толстяк Саймон, который очень вовремя погиб при взрыве корабля. Вторым был Мэтью. Де Поиктьерс редко снисходил до того, чтобы обращать внимание на грязного мальчишку, большую часть времени возившегося с гончими на пыльном дворе замка. Даже когда мальчишка стал постарше, рыцарь редко заговаривал с ним. Нет, опаснее всех был Мэтью, и сейчас он находился здесь. Носки его сапог находились в паре дюймов от носа Саймона.

— Томас, ты сейчас пойдешь и осмотришь другие клоповники на этом этаже. Когда все тщательно обыщешь, вернешься и подождешь за дверью. Я собираюсь допросить эту... эту шлюху. И, Томас, не врывайся сюда, пока я буду занят, понял? Если не хочешь получить год нарядов вне очереди.

Хмыкнув, солдат вышел, затворив за собой дверь. Мэтью расстегнул портупею и бросил ее на пол, так что Саймон чуть было не поддался соблазну. Тогда главная угроза его миссии оказалась бы устранена, но из борделя выбраться он все же не смог бы.

— О, милорд! Что вы делаете? Вдруг кто-нибудь зайдет и застанет нас, а ведь я — невинная девушка. Милорд, какое у вас тут страшное оружие! Пресвятая дева Мария, боюсь, вы разорвете меня от живота до горла, если...

Она не договорила и пискнула, когда дородный сержант взгромоздился на нее. Саймона крепко прижало к полу, и он чуть

не завопил. Но худшее было еще впереди. Пружины играли болезненную мелодию на его ребрах, пока девица с сержантом развлекались над ним. Девица оказалась весьма искусной и довольно быстро довела сержанта до полного изнеможения.

— Да, девка, — простонал он, — добрая у тебя там полянка.

— Да, сержант, — ответила она в тон ему, — и вы добро мне ее вспахали. У меня несколько дней будет все болеть от ударов вашей толстой пиявки.

Мэтью свесил ноги с кровати и принялся одеваться.

— А что до того волка, которого мы ищем, то похоже, он проскользнул сквозь нашу сеть. Милорд будет недоволен. Он думает, что лекарь и его друг — шпионы. Но ничего, коротышку допросят, и он выплеснет все что знает. Томас! На этаже пусто? Нам пора идти.

— Сержант... Можно я тоже немного подопрашиваю эту девицу?

Саймон услышал звук удара.

— Нет! Собака... Не забывай о нарядах вне очереди. Идем, сообщим дурные новости де Поиктьерсу. А что до тебя, блудница, то тебе лучше держать язык за зубами по поводу этой ночи. Может быть, как-нибудь в следующий раз я позволю тебе снова доставить мне удовольствие.

Саймону показалось, хотя он мог судить о происходящем только по движению кровати, что девушка поклонилась сержанту. Ответила она насмешливым тоном:

— Милорд оказывает мне слишком высокую честь.

— Идем. — У двери сержант повернулся. — Как тебя зовут, шлюха, чтобы я знал, кого искать?

— Меня кличут Сарой, благородный лорд. А вы не дадите мне денег, чтобы я могла купить себе новую ленточку?

Сержант расхохотался.

— Нет, мадам. Таким, как ты, и старых лент довольно. Во всяком случае из-под твоей кровати как раз высовывается ленточка. Я с удовольствием подарю ее тебе. — К своему ужасу Саймон увидел уголком глаза, что Мэтью возвращается. Стоит ему положить руку на кровать, наклониться и заглянуть под нее, как он увидит старого знакомого, которого не видел уже одиннадцать лет. Он уже был рядом с кроватью, уже положил на нее руку...

Саймон увидел значок на его груди — черного сокола Мескарла, увидел краешек седой бороды, но тут Мэтью снова разогнулся.

— Не подобает рыцарю стоять на коленях перед своей дамой.

— Позвольте мне, я стану на колени перед вами.

Мэтью выпрямился с приглушенным стоном и рассмеялся глубоким кашляющим смехом, который когда-то Саймон слышал так часто. Обычно тогда, когда кто-то страдал. Потом девица спрыгнула с кровати и присела на корточки рядом с головой Саймона. Прежде чем она встала, победоносно размахивая обрывком ленты, он успел разглядеть ее белые бедра, покрытые липкими струйками, и пучок черных волос внизу живота.

— Молодец, девка, теперь ты получила от меня ленточку, и я могу покинуть тебя. Пока, Сара!

Дверь закрылась, и пока солдаты шли к лестнице, свет факела просачивался в щелку под дверью. Потом, когда Мэтью протопал вниз, где их нетерпеливо ждал де Поиктьерс, свет исчез, и в комнате снова стало темно и тихо.

Мягкий смешок.

— Можешь выползти из своего укрытия, лекарь. Собаки исчезли, и медведь может выйти во тьму. Разве я не говорила, что голой женщине ничего не стоит одурачить этих идиотов.

Вспыхнув и чувствуя себя неловко, Саймон выбрался из-под кровати. Девица снова легла под одеяло.

— Мисс Сара, я должен поблагодарить вас за то, что вы сделали. Позволили ему... Почему? Вот этого я никак не могу понять. Почему?

Сквозь приоткрытое окно они услышали звон и топот — де Поиктьерс уводил своих людей и пленников. На некоторое время в тесной комнатке с наклонным потолком воцарилось молчание. Потом Сара ответила на его вопрос. В некотором смысле.

— Садись рядом со мной. Не бойся, Симеон. Не укушу. — Двусмысленная пауза. — Если сам не захочешь. Нет? — Ты спрашиваешь, почему я помогла тебе скрыться от лакеев барона Мескарла. Несколько месяцев назад у нас здесь был один клиент, пилот старой «Заратустры». Он был с горбатой Элен. Слишком много выпил, мешал пиво с джином. Плакал пьяными слезами, молол вздор. Внезапно он встал, вышел из этого дома и спустился к реке. Там есть большие заросли крапивы и чертополоха — как раз туда выливают ночные горшки. Он стоял, смотрел на заросли — там и тебе по голову будет — а потом стал раздеваться, скинул и панталоны, и куртку, и все остальное. Мне было хорошо его видно — его тело, бледное, как корни ивы, его маленький петушок. Он

страшно взревел и бросился в самую середину. Брину, немому привратнику, пришлось кидать этому бедному дурачку веревку, чтобы вытащить его. Он выглядел ужасно. Весь был покрыт ожогами и колючками. Мы уложили его в постель, и на следующее утро я задала ему тот же вопрос. Почему? Он посмотрел на меня, подумал и сказал: «Потому что тогда это показалось мне хорошей идеей».

Много позже той же ночью, когда Долговязая Лиз уже завершила свой ночной обход — что означало еще одно путешествие под кровать, — Саймон попросил Сару рассказать ему все, что она знает о внутреннем устройстве замка.

Она мало что знала, потому что немногие крепостные из Стендона побывали там.

К тому же не по своей воле. А из тех, кто все же попал туда, потом никто не вернулся. По-видимому, Сара решила, что Богарт обречен на гибель, и ее волновало лишь то, чтобы Саймон не разделил ту же участь. Она ненавидела людей барона, как и большинство жителей Стендона, потому что тот был жестоким господином. Гораздо хуже предыдущего, сказала она Саймону.

Чтобы не ввязывать ее дальше в это дело, Саймон уверил Сару, что судьба кретина-Зебадии больше его не интересует. И что утро застанет его на пути в следующую деревню, где он надеется найти другого помощника, который не будет ввязываться в неприятности в борделях.

И хотя было темно, он почувствовал, что девица не поверила ему.

— Да, Симеон. Интересно, мастер, откуда ты и как тебя зовут. Если ты завтра направишься к Брейкенгему, то вскоре окажешься поблизости от замка. И если тебе случайно захочется узнать, нет ли где-нибудь поблизости какого-нибудь твоего друга, и если ты войдешь в замок до обеда, когда главный внутренний двор открыт для торговцев, и если тебе удастся проскользнуть в самую дальнюю дверь, то ты окажешься в самом замке.

— Как много «если», Сара. Возможно, утром я сосчитаю и взвешу их.

— А сейчас?

— А сейчас я покажу тебе, каким неуклюжим недотепой был этот сержант.

Глава 3. Салонные игры

Замок Фалькон стоял на небольшом возвышении к северу от Стендона. Его мрачные зубчатые стены возвышались над окружающей местностью. Ров с застоявшейся водой окружал город, как гнилой пояс. Единственные ворота, ведущие во внешний двор замка, были широкими, усыпанными гвоздями, из двойного дуба с железной решеткой внутри и тяжелым подъемным мостом. Внутренний двор был защищен высокими гранитными стенами, возведенными столетия назад. В черной башне был музей запрещенного оружия. Там были взрывчатые вещества, химические и даже ядерное оружие. Его очень хорошо охраняли, и это был единственный подобный арсенал в северном полушарии Сол Три.

Гораздо более узкие ворота вели во внутренний двор с башней Источника, башней Короля, башней Королевы и башней Сокола — возвышающейся над всеми остальными. Главный пиршественный зал располагался рядом с башней Королевы; возле него были кухни.

Стены в среднем были двадцатипятифунтовой толщины. В гарнизоне, которым командовал сенешаль Анри де Поиктьерс, было свыше четырехсот человек. Кроме того, в замке были не менее двухсот крепостных, в основном взятые из деревни. В этом мрачном и зловещем строении никто не был счастлив, кроме Ричарда де Геклина Лоренса Мескарла, двадцать четвертого наследственного барона. И эта линия наследования тянулась, не прерываясь, прямо к безумным дням конца нейтронных войн.

Мескарл был мужчиной средних лет. Он потолстел с тех пор, как юный Саймон Рэк, преклонив колени, подавал ему густое и сладкое вино. Он унаследовал титул в юности. Его отец, которого прозвали «Черным Роландом», был найден мертвым в своей постели после ночной попойки с рыбьей костью, застрявшей в горле. В конце концов сочли, что он задохнулся, но некоторые вопросы оставались. Например, почему на его лице была написана такая ярость? И почему кость оказалась всего одна? Не похоже, что остальные кости Роланд прожевал и проглотил. И как ухитрился покойный барон оставить синяки на своем собственном горле?

Но, как всегда это бывает, когда умирают знатные люди, его сын тут же унаследовал титул. Гнусно выносить сор из своей избы... Слуги тоже так считают. Старший сын Роланда, Роберт, унаследовал титул и наслаждался им целых двадцать дней. Случай, который унес жизни трех членов семьи Мескарлов: Роберта, его

младшего брата Джеффри и старшей сестры Рут, был действительно весьма неординарным.

Легкое недомогание — расстройство желудка — спасло Ричарда. Ему не пришлось разделить судьбу близких. Простая рыбалка на озере, расположенном в четырех милях от замка, обернулась трагедией. Никто в точности не знал, что произошло. Попросту считалось, что лодка перевернулась вдали от берега, и только двое лодочников ухитрились выплыть. Эти бедняги избежали одной опасности, и тут же попали в другую. В лесу они натолкнулись на Ричарда, расстройство желудка которого прошло. Они выпалили ему новости и в награду были зарублены на месте новоиспеченным бароном Мескарлом. Этот поступок был уже типичным для того человека, каким он стал впоследствии, и к тому же с лица земли исчезли два последних свидетеля.

По Стендону ходили слухи, что кое-кто видел, что на самом деле произошло в тот жаркий летний полдень. Видели, как лодочники дубинками перебили семью, и только потом перевернули лодку. Новый барон переменил девиз с «Всегда Скромен» на «Всегда Прав». И не было ни одного человека, кто осмелился бы доказывать обратное.

Когда барон узнал от де Поиктьерса о драке в «Красном фонаре» и убийстве кузнеца, было раннее утро и он собирался на соколиную охоту. Барон уединился со своим сенешалем на двадцать минут, и когда они снова появились на людях, оба улыбались.

Богарта швырнули в подземную темницу и связали, но не приковали к стене. Потом он пришел в себя и облил своих тюремщиков потоком ругани по поводу свободы для путешественников, и что он собирается сказать этому барону Мескарлу, который заставляет своих дуболомов убивать и грабить невинных людей. Богарт никогда не терял надежды, но сейчас он отметил толщину стен и глубину, на которой находился, и его надежда потускнела.

Богарт не мог слышать из своего сырого и мрачного подземелья шума, с каким начинал свою работу рынок во внешнем дворе. Изо всей окружающей сельской местности съезжались и сходились крепостные и свободные люди со своим товаром, чтобы продать его или обменять. Охрана внешнего двора в дневное время ослаблялась, но вот число стражников у Арсенала удваивалось. Саймону легко удалось пройти сквозь массивные ворота. Сара снабдила его плащом и корзиной. Сейчас эта корзина была полна яиц, которые Саймон купил у старухи прямо на дороге. Старуха

была рада — ей не придется терять целый день. Она продала яйца по явно завышенной цене и с плохо скрываемым восторгом.

Саймон нес перед собой корзину, медленно продвигаясь сквозь шумную и потную толпу, преднамеренно запрашивая за свой товар слишком высокую цену — иначе мог потерять повод быть здесь. Лицо его было полускрыто капюшоном, и он внимательно осматривал стены, пытаясь отыскать какой-нибудь способ проникнуть за них. На мгновение он пожалел, что с ним нет гравиранца, тогда бы он просто перепрыгнул стену. А еще он чувствовал себя голым и беззащитным без кольта на бедре. Короткий меч, который висел у него слева на поясе, и два кинжала — один тоже на поясе, а другой на мягком ремешке на спине за шеей — вряд ли делали его счастливее.

Сара дала ему достаточно информации, чтобы проникнуть в сам замок. Очень немногие могли ему рассказать, как отсюда пройти к подземным темницам, но он достаточно хорошо помнил свою предыдущую жизнь здесь, чтобы знать, какие дороги ведут вниз. За все те годы, что жил в замке Фалькон, он никогда не заходил вниз так глубоко, однако искренне полагал, что сможет туда добраться. А потом ему останется всего лишь найти своего верного помощника и вместе невредимыми выбраться наружу. Всего лишь!

Прежде всего — внутренние ворота. Саймон внезапно нырнул поглубже в толпу и начал предлагать яйца по гораздо более низкой цене. Крестьяне тут же учуяли наживу и столпились вокруг него. Внезапно кто-то громко потребовал дать дорогу. Появившийся Мэтью оттолкнул Саймона в сторону, и мимо прошествовал де Поиктьерс. Как только рыцарь и его сопровождающие ушли, Саймон тут же удвоил цену, и толпа рассосалась, оставив его одного. Притворно закашлявшись, он, спотыкаясь, подошел поближе к внутренним воротам и уселся прямо на землю. Никакого четкого плана у него, конечно, не было, просто он хотел посмотреть на реакцию стражников.

Он подполз к стене, сел, опершись спиной о стену, и прижал к груди свою драгоценную ношу. К нему подошел один из стражников.

— Что случилось, приятель? Солнцем голову напекло? Хочешь зайти в сторожку, посидеть с Гарольдом и со мной? — Отдавшись на волю провидения, Саймон с видимым трудом встал на ноги, позволил стражнику взять его под руку и отвести в тень.

Гарольд был моложе, много моложе второго стражника, и ему совсем не нравилось находиться в одной комнате с вонючим крестьянином. Саймон попытался улестить его.

— Простите меня, господин. Не хотите ли вы со своим великодушным другом взять по паре яиц в качестве скромного знака признательности за ваше огромное добросердечие к моей скромной персоне?

Первый стражник покачал головой и продолжал наблюдать за бурлящим рынком, но Гарольд был менее осторожным и взял не одно, не два, а дюжину яиц из корзины. Потом сказал неприветливо:

— Спасибо, мастер... мастер Как-Тебя-Зовут. Я ведь не видел тебя здесь раньше, верно? И вообще, я не думаю, что ты из Стендона. Эй, Рольф, ты-то знаешь этого парня?

Рольф резко обернулся и вошел в комнату.

— Что?

— Я сказал, ты...

— Неважно. Похоже, я засек карманника рядом с торговцем шелком. Там, где проходил де Поиктьерс. Упаси нас бог, если он все же срежет кошелек. Идем, Гарольд.

— А с ним что делать? — Гарольд ткнул пальцем в Саймона, который только что начал подавать признаки выздоровления.

— Во имя крови крестовой! Ты что, не понимаешь, что нас завтра бросят под кнут, если мы сейчас не поспешим? А ты, мастер Яйценос, будь здесь, пока мы не вернемся.

Проходя мимо Саймона, Гарольд дал ему затрещину кулаком в перчатке и пообещал:

— Получишь гораздо больше, если только сдвинешься с места.

Стражники вышли во внешний двор. Саймон сжимал полную — или почти полную — корзину яиц, и только неохраняемая дверь отделяла его от внутреннего двора. Он думал было оставить здесь громоздкую корзину, но решил, что по двум причинам вернее будет взять ее с собой. Если он оставит ее, то Рольф и Гарольд сразу заподозрят неладное и поднимут тревогу. К тому же она, быть может, еще послужит ему пропуском на дальнейшем пути к Богги.

Саймон осторожно прикрыл за собой тяжелую дверь и пару секунд постоял, обводя глазами памятную ему картину. Да, башня Источника вздымается слева, за ней — башня Короля. Прямо перед ним — массивная гранитная башня Сокола. Если Мескарл в

своей резиденции, то он именно там. Разве что какой-нибудь бедняга преступил какие-то строгие границы и расплачивается сейчас за это в камере пыток на потеху герцогу и его теперешней фаворитке. Тогда Мескарл — справа, в башне Королевы. Забавно, как эта новоиспеченная знать держится за старые титулы! На первом этаже башни Королевы был банкетный зал, к нему примыкали кухни. Саймон машинально потер правую руку о свой потрепанный плащ, вспомнив те несчетные разы, когда он обжигал эту руку, поворачивая на кухне вертела со свининой. И как однажды жирный Саймон решил, что забавно будет заставить мальчишку из леса зачерпнуть кипящий жир голой рукой. Что ж, из толстяка Саймона вытопилось немало жира в горящем корабле...

— И кто же, интересно, ты такой, во имя всех святых, и что делаешь здесь, во внутреннем дворе? — визгливо произнесла костлявая женщина, немногим помладше Саймона, которая появилась из-за низенькой дверцы справа от Саймона. Судя по одежде, она была служанкой среднего ранга, а судя по красному, испачканному мукой лицу — поварихой.

Саймон неуклюже поклонился.

— Просим прощения, мистрис. Сержант Гарольд из вон той сторожки... — он указал на дверь, молясь про себя, чтобы в этот самый момент оттуда не выскочил разгневанный упомянутый Гарольд, — сказал, чтобы я оставил яйца им, но другой, Рольф, сказал, что хорошенькой стройной девушке из кухни будет полегче, если я немножко нарушу правила и постановления и принесу ей все это сам. Они сказали, как зовут эту самую хорошенькую девушку.

К его удивлению, долговязая стряпуха заважничала и зарделась.

— А они не называли ее «Чарити», а?

Саймон изо всех сил ударил себя кулаком по голове, будто хотел вышибить оставшиеся мозги.

— Чарити. Чарити? Чарити! Хм-хм. Клянусь, это была не Фейт. Чарити!

Женщина приплясывала от нетерпения.

— Ну же, ну. Имя. Ты должен вспомнить.

— Сейчас, сейчас. Ни Фейт, ни Хоуп*. Итак, я вспомнил. Это была Чарити. — Он умолк и взглянул прямо в глаза женщине, изо всех сил стараясь, чтобы лицо его не выдало. — А в чем дело, мистрис? Вы знаете эту хорошенькую леди Чарити?

---

* Чарити — Доброта, Фейт — Вера, Хоуп — Надежда.

— Вот дурак! Ты что, не узнал меня по их описанию? Я — мистрис Чарити. Давай мне корзину и убирайся.

Она дернула к себе корзину, но Саймон крепко прижал ее к груди.

— Нет, милая Чарити. Если я так быстро вернусь, они решат, что я ослушался. Они же мне приказали нести яйца всю дорогу до кухни, чтобы ваши хорошенькие ручки не устали.

Как он и полагал, скелетообразная стряпуха жеманно ухмыльнулась и, как на шарнирах, пошла перед ним к кухне. Саймон был рад, что шел вместе с ней: дважды они натыкались на отряды стражников, Но Чарити расталкивала их костлявой грудью, пресекая любые попытки задержать ее. Саймон вприпрыжку бежал за нею, как корабль-разведчик за крейсером через поток метеоритов.

Наконец они добрались до прохода, ведущего к огромным кухням замка. Тут она настояла на том, чтобы забрать корзину. Саймон боялся, что она позовет стражу, чтобы его вывели во внешний двор, и потому придвинулся к ней ближе.

Чуть не уронив корзину, Чарити оттолкнула его.

— Думай, что делаешь, крестьянин. Убирайся в свою хижину, навозный жук!

Саймон отбежал подальше по коридору, повернулся и крикнул:

— Я только хотел сорвать сладкий поцелуй с уст хорошенькой мистрис Чарити.

К его удивлению, она снова вспыхнула.

— Тьфу на тебя! Если я расскажу своему мужу, Гарольду, что ты, наглый негодяй, сейчас сказал, он тебя знатно поколотит. Убирайся!

Благополучно завернув за угол, Саймон с облегчением разразился смехом, который вот уже минут пять рвался из него.

— Боги всех галактик, она в самом деле замужем за этим быком-стражником! Чудесная парочка! Или он ее задушит, или она разрежет его на куски.

Вспышка веселья очистила и оживила Саймона, но дальше он пошел осторожнее. Путь его от кухонь вел вниз, по каменным аллеям и лестницам, становившимся все уже. «Должно быть, со временем Мескарл чувствует себя все в большей безопасности», — подумал он; сейчас коридоры стали патрулировать хуже, чем тогда, когда он жил здесь. Хотя особые телохранители Мескарла, отборная и избалованная банда из шестидесяти искусных убийц, занималась исключительно охраной барона и Арсенала; здесь же

должно было быть достаточное количество других отрядов. Однако звуков шагов он не слышал. Еще он заметил, что переходы освещены лучше, чем пятнадцать лет назад.

Саймон шел вниз, под землю, оставляя за собой мили каменных коридоров, открытые ворота и поднятые решетки. Воздух становился все более сырым и затхлым, однажды что-то скользнуло по его ноге, заставив его подпрыгнуть и выругаться про себя. Саймон оказался в той части замка, где раньше никогда не был, и ступал осторожно, тщательно взвешивая свои решения у каждого поворота.

Когда коридоры стали совсем темными, он стал ступать еще легче. И правильно сделал, потому что когда он ощутил ногой край ямы, ему хватило времени приостановиться, после чего перепрыгнул яму и пошел дальше. Многие кинули бы в провал камешек или какую-нибудь безделушку, чтобы понять, чего они избежали. То, что Саймон этого не сделал, и отражало его характер. Он избежал опасности, а все остальное для него было неважным. Его не интересовало, десяти футов глубиной эта яма или тысячи. Если он упадет в нее, конец будет один.

Между прочим, если он все же бросит камешек, тот будет падать одиннадцать с половиной секунд и упадет с еле различимым всплеском.

Он крался своим путем, а крошечный видеоскоп, размещенный под потолком, в тени, без устали покачивался туда-сюда, как глаз паралитика.

Саймон заглянул за угол, и всего в футе от себя увидел молодое, открытое лицо стражника, прислонившегося к стене и положившего шлем у ног. Он отдыхал. Ждал, когда кончится его нормальная, двойная смена. Больше всего он хотел бы сразу же отправиться в Стендон с парочкой своих закадычных друзей, осушить несколько кувшинов и, если им позволят средства, сбросить напряжение в «Красном фонаре»... проклятье, после гибели Уильяма прошлой ночью туда ходить запрещено! — значит, это будет «Кошкин дом». Он улыбнулся этой мысли. Потом заметил половину лица, появившегося из-за угла.

Он открыл было рот, чтобы окликнуть появившегося. Не вполне всерьез, потому что тот никак не мог быть врагом. Тому требовалось миновать по меньшей мере три поста, и он услышал бы шум, будь там какая-то драка. Итак, это, должно быть, один из его товарищей. Именно поэтому стражник двигался медленно — спешить было некуда.

Саймону, со своей стороны, следовало поторапливаться. Он скользнул за угол грубой каменной стены, уже сжимая кинжал в правой руке, острием вверх. Двумя пальцами левой руки он ткнул стражнику в глаза. Чтобы защититься, юноша откинул голову, подставив шею. Саймон ударил кинжалом, и тонкое, как иголка, острие вонзилось под подбородком стражника, прошло через рот и, проломив тонкую кость черепа, вонзилось в мозг.

Он крепко держал рукоятку кинжала, чтобы дергающаяся голова не слетела с лезвия.

Саймону уже приходилось убивать кинжалом таким образом, и он заметил, что на сей раз не почувствовал знакомого покалывания тыльной стороны руки. Мальчишка, которого он только что убил, еще не брился.

Он оттащил мальчишку, почти не запачкавшись кровью, в самый темный угол и пошел дальше. Еще один видеоскоп бесцельно вращался над его головой.

Эта часть замка была старой, старше самой династии Мескарлов. Возможно, она даже пережила нейтронные войны. Эти высеченные скалы, глубоко погруженные под поля и леса, смогли уцелеть, когда весь мир чуть не погиб. Бороздки на камнях, толщина стен, превосходившая всякое изображение, — все говорило о древности: мрачной, влажной, гнетущей. Наконец Саймон оказался возле железной решетки, преграждавшей путь к подземным темницам. За решеткой, старой и поржавевшей, был виден ряд низеньких деревянных дверок, обитых железом. В дверках были маленькие решетки на уровне глаз и возле пола. И ничего больше. Ни стражи, ни замка на воротах. Возле одной из дверей висела связка ключей. Тут-то Саймон Рэк уверился, что кто-то помогает ему. Но кто и почему? Для Саймона этот вопрос был неуместным. Путь был только один.

Дальше!

Его острый слух внезапно уловил какой-то звук. Из-за одной из запертых дверей доносилось бормотание. Если только двери были заперты!

Он осторожно спустился по стертым ступеням, остановился внизу и снова прислушался. Никаких звуков, кроме этого монотонного жужжания. Шум походил на мелодию, но не вполне. Не первая дверь, не вторая, не третья, не четвертая, не пятая. Вот, шестая. Именно рядом с этой дверью и висела связка ключей. Все ключи — старые и ржавые; один — блестящий и смазанный маслом.

Саймон прижал ухо к двери камеры. Он услышал только одно странное слово и тут же понял, что нашел старшего лейтенанта Богарта. Понять это было нетрудно, кто еще в замке Фалькон мог знать все слова «Астролетчицы Джейн» — невероятно длинной, с многочисленными повторами баллады, описывающей различные приключения и сексуальные злоключения юной, цветущей леди — коммандера ГСБ. Богги как раз приступил к одному из лучших и наиболее причудливых пассажей, где героиня попадает в искажающий передатчик материи, что приводит к странной перегруппировке ее половых органов. Возникающие возможности почти бесконечны, и все — очень, очень неприличны.

— С-с-с!

— Ссы сам, педераст хренов! — Пение продолжалось.

— Мастер Зебадия (на тот случай, если кто-то подслушивает), может быть, прекратите? Мастер Зебадия!

— Симеон? Заходи, снимешь меня с этой обосранной охапки соломы.

Саймон нисколько не удивился тому, что именно начищенный ключ подошел к замку, как и тому, что Богги был всего лишь связан тонким шнуром, а не прикован цепью или кандалами к сочащейся влагой стене. Кинжалом он перерезал веревку, и Богги был свободен.

Пользуясь той же технологией, что и в номере в «Красном фонаре» — казалось, прошло несколько дней, но с тех пор минула едва ли половина суток, — Саймон быстро поведал Богги, что произошло и что он теперь собирается делать. Он не упустил ни одной важной подробности, но и не сказал ничего лишнего. Его друга не касалось, как он попал сюда, чтобы освободить того. Этому наступит время, позже, за кувшином медовухи. Сейчас довольно того, что он здесь.

— И последнее. Когда мы приземлились, они напали на нас слишком быстро. У Мескарла там был какой-то сложный сенсорный механизм. И еще: слишком просто я сюда попал. Всего один стражник, двери открыты, ключи наготове. По пути я засек пару видеоскопов.

— Видеоскопов! В этой древней груде камней! Сомневаюсь, что у них хватит энергии для работы хотя бы одного видеоскопа.

— Хватит, хватит. Так вот, наш корабль они не опознали. Маскировки на нем не было, а после взрыва им и исследовать было нечего. Так что, вероятно, они не знают, кто мы и почему оказались здесь. Надеюсь. Так что в путь, и я кратко введу тебя в на-

шу вторую легенду. Боюсь, этот мир оставил мастеру Симеону и мастеру Зебадии мало времени про запас.

В этот самый момент огни погасли.

Раздался слабый свист сжатого воздуха и тяжелый удар захлопнувшихся металлических дверей. Еще не замерло эхо, когда замерцали светильники, а потом вспыхнули в полную силу. Саймон и Богарт огляделись и сразу же заметили перемены. Старые ржавые решетки исчезли, втянутые в щели потолка. На их месте оказались гладкие стержни дюрстали. Они были не толще мизинца, но это самый прочный сплав, известный в Галактике. Стержни были вытолкнуты пневматикой и образовывали густую паутину. Непроницаемый барьер. Богарт осторожно подошел к ним, потрогал рукой и почувствовал характерную металлическую паутину, типичную для дюрстали.

— Выхода нет.

— Здесь был единственный выход?

— Откуда мне знать? Меня не кормили, дали только ковш очень холодной воды. Никто не заглядывал сюда, но снаружи охранники определенно были. Я их слышал. На самом деле я слышал и твои шаги. Я решил, что если буду выдавать себя за идиота, то смогу вырваться отсюда. Потом я узнал твои шаги. Ты ступаешь мягче, чем кто-либо другой. Во всяком случае я не знаю, есть ли здесь другой выход.

Саймон огляделся, потом заглянул во все остальные камеры: ни одна не была заперта — но и выходов там не было. Тем временем Богарт прошелся по камере, выстукивая каменный пол рукояткой одного из своих кинжалов. Когда Саймон приступил к той же процедуре в другой камере, Богарт прошептал:

— Здесь. Здесь пустота.

Действительно, звук был совсем не такой глухой, как в других местах. Кинжалами они осторожно процарапали канавки вокруг каменной плиты и попробовали расшатать и приподнять ее. К их явному удивлению, она легко поползла вверх. Так легко, что кинжал Саймона сорвался и отстругнул кусочек.

— Это не камень, Богги. Какая-то пластиковая подделка. И весит втрое легче настоящего. Так зачем же Мескарл приделал его в самом центре подземной темницы? Осторожно, сейчас вылезет... Боже!

Этот возглас вырвался у него оттого, что как только они подняли фальшивый камень, из отверстия вырвалась ужасная клад-

бищенская вонь. Запах мертвечины, гниющей плоти и тех бледных тварей, что копошатся во всем этом. Запах оказался таким тошнотворным, что они чуть было не уронили плиту на место, но все же ухитрились перевернуть ее на пол.

Позади них, в дальнем углу, спрятанный в тени резного карниза видеоскоп рассматривал подземную темницу со скукой и безразличием.

Яма под плитой была непроницаемо черной и мрачной. Ни один луч света не проникал в нее. Саймон попытался отразить свет лезвием кинжала, но тусклое сияние упало в паре футов. И все же этого было достаточно, чтобы заметить металлическую скобу и вроде бы ниже еще одну.

— Видал я пути для бегства и получше, — сказал Богарт, морща нос от миазмов, вырывавшихся из отверстия.

— По крайней мере это выход отсюда, даже если он и ведет вниз. Не знаю, есть ли внизу другие уровни. Что ты об этом думаешь?

— Другого выхода не вижу. А ты? Прислушайся.

Где-то вверху, слабо, но вполне различимо, к тому же приближаясь, раздавались поспешные шаги подкованных башмаков и даже звяканье шпор. Богарт метнулся к отверстию, но Саймон схватил его.

— Погоди. Прислушайся!

— С ума сошел? Идем. Они скоро будут здесь.

— Погоди! Прислушайся хорошенько! В борделе у тебя, похоже, вышибли все, что оставалось от мозгов. Ты ничего не замечаешь?

Богарт прислушался, стоя над ямой.

— Нет. Если не считать того, что они опасно приблизились. Похоже, они всего в паре этажей над ними. А один из них такой неуклюжий, что все время спотыкается... Верно!! Это запись на кольцевой ленте. Но зачем?

Саймон потер нос пальцем.

— Они хотят, чтобы мы бросились в эту дыру. Встань на колени и крепко держи меня за запястья.

Когда они приняли эту позицию, шум над ними перешел в громовое крещендо. И внезапно стих.

Морща нос от вони, Саймон велел Богги спускать его потихоньку вниз, пока его нога не коснулась верхней скобы. Когда он наступил на нее покрепче, известковый раствор, державший ее в

стене, раскрошился, и скоба полетела вниз. Повиснув в воздухе, Саймон прислушался, чтобы услышать стук или плеск, когда скоба достигнет дна. Но никакого звука не было. Разве что... Саймон напряг слух... разве что легчайший шорох, неимоверно глубоко, словно какая-то потревоженная чешуйчатая тварь заворочалась в своей слизи. И тут же его обдало новой волной зловония.

— Ниже. Попробую следующую.

Она выдержала, как и третья. Саймон закрепился поясом и в свою очередь помог Богарту спуститься вниз. Туннель, площадью около одного квадратного метра, шел вертикально вниз, и стенки его были гладкими, как мокрое стекло. Разведчики осторожно спускались вниз, и постепенно тусклый свет подземной темницы над ними становился все слабее и слабее, пока не превратился в неяркую звездочку.

Со временем их движения стали автоматическими — правая нога вниз, левая нога вниз, правая рука вниз, левая рука вниз. В конце концов правая нога Саймона не нащупала опоры, и он от неожиданности чуть не разжал руки. Несколько мгновений он висел на руках, ноги отчаянно скребли стенки туннеля, дыхание с хрипом вырывалось из его горла. С ужасом он почувствовал, как в его правом плече зародились мурашки и поползли вверх по руке. Из своего горького опыта он знал, что произойдет, когда они доберутся до запястья.

Помотав головой, чтобы стряхнуть капли пота с глаз, он умудрился подтянуться на предыдущую скобу и передохнуть. Он снова услышал — или ему показалось, что услышал — глубоко внизу тот же шорох. Они привыкли к вони, так что он не мог сказать, усилилась ли она.

Передохнув, он сказал Богарту, тревожно ожидавшему наверху:

— Вот и все. Ступеней больше нет. Придется возвращаться. Богги, по пути наверх ощупывай стенки. Возможно, здесь есть что-то вроде бокового ответвления.

Пятнышко света болезненно медленно становилось все больше, пока не стало немигающим глазом, с непреклонным интересом следившим за их тщетными усилиями.

Боковой туннель оказался на стенке, противоположной лестнице из скоб. Богарт забрался в него первым, за ним — Саймон. Стенки туннеля были гладкими, но пол — грубым. В начале туннель был в метр высотой, но постепенно становился все выше, пока они не выпрямились в полный рост.

Длинный и извилистый, туннель постепенно пошел вверх. Будь у них компас, они могли бы следить за направлением, но в такой темноте и это бы не помогло. Даже Богарт со своим сверхразвитым чувством направления понятия не имел, где они оказались. Разве то, что они все время шли вверх, и это само по себе было хорошо. Глубоко под землей жило когда-то и, быть может, продолжает жить слишком много разных тварей.

Они около часа медленно шли вверх, тщательно ощупывая дорогу, чтобы избежать смертоносных ловушек. Несколько раз они менялись местами, и когда наткнулись на дверь, преградившую им путь, впереди шел Саймон. Они оба тщательно ощупали дверь, пытаясь найти ключ и открыть ее.

По их общему мнению, это снова была дюрсталь, гладкая, если не считать маленькой частой решетки примерно четырех сантиметров в поперечнике, помещенной прямо в центре двери. Богарт повозился над ней с кинжалом, но безуспешно. Саймон снова провел по ней пальцами и затем прижался губами к уху Богарта. В темноте он ошибся и вначале попал губами в ноздри, но сразу же поправился.

— Бьюсь об заклад, это что-то вроде «жучка». И, может быть, ключ. Вероятно, правильный пароль откроет дверь. И равновероятно, особенно после этой чертовой лестницы с фальшивыми скобами, правильное слово может вышибить нас отсюда на Голот Четыре.

Богги подошел к двери и прижал губы к решетке.

— Ну, давай, таинственная дверь. Откройся. Черт возьми, откройся!

Правду говорят, что чаще всего верные слова произносятся в шутку. Дверь была запрограммирована на то, чтобы открыться, когда произнесут правильное слово. И это слово было, конечно, «откройся».

Им обоим показалось, что вспыхнула молния, и они зажмурились. На самом деле свет был довольно-таки тусклым, но после угольной черноты туннеля резал глаза. Когда они привыкли к нему, то увидели, что туннель опять стал ниже, примерно метровой высоты. Боковые стены были белыми, сделанными из какого-то металлопластика. Свет лился из защищенных панелей в потолке. А пол, как ни удивительно, был каменным. И все так же постепенно, но неуклонно вел вверх.

— Нечего озираться. Идем.

Саймон был уверен, что дверь за ними снова захлопнулась. Теперь им приходилось двигаться куда медленнее. А более всего беспокоило то, что через нерегулярные промежутки времени за ними опускались панели, отсекая путь назад. Впрочем, идти назад им было незачем.

— Саймон. Теплеет. Вернее, становится чертовски горячо. Стены быстро раскаляются.

Раскалялись не только стены. Несколько метров назад каменный пол сменился белым пластиком. Основной жар шел от пола. Одна из скользящих дверей только что опустилась позади них, так что им оставалось только ползти вперед. Хуже всего приходилось ладоням и коленям.

— Богги. Разорви свою куртку, обмотай полосками ткани ладони и колени. Будем надеяться, поможет.

Когда они сделали это, передвижение стало не таким болезненным. Пол круче пошел вверх, и в то же время жара усилилась. Светлая ткань потемнела и обуглилась, дым мешал дышать. Подпалились даже подошвы башмаков.

Богги повернулся к Саймону, по его грязному лицу стекали струйки пота.

— Клянусь, для меня это чересчур! Я себя чувствую как изюминка в макаронине. Если станет еще жарче, можешь собрать меня ложкой и сложить в задний карман.

— Эй, бьюсь об заклад, становится чуть прохладнее! Да, верно. И туннель снова расширяется. Вовремя. От моей куртки мало что осталось.

Наконец они обнаружили, что снова могут встать во весь рост. Прямо перед ними туннель разветвлялся, и один путь вел вверх, а другой снова уводил в глубь земли. Саймон указал на тот, который вел вниз, и его товарищ отреагировал легким поднятием брови.

— С тех самых пор, как я вошел в замок Фалькон, события играли мне на руку. Как только я вытащил тебя — сплошь пошли обман и мошенничество. Самое очевидное решение оказывалось самым опасным. Именно потому, что путь вверх кажется самым очевидным, мы туда не пойдем. Идем сюда.

Как только они миновали развилку, вход во второй туннель перекрыла медленно опустившаяся дверь. А затем раздался гулкий удар, будто какое-то огромное животное пыталось преодолеть этот барьер.

Описывать следующую пару часов было бы скучно. Богарт и Саймон просто тащились по хорошо освещенному коридору, иногда вниз, но в основном вверх, пока не увидели перед собой стену. В отличие от встретившихся им дверей, она словно бы составляла единое целое с боковыми стенами. Они подошли поближе и убедились, что это стена, а не дверь. Но у ее подножья был круглый черный бассейн.

— Что это за хреновина?

Саймон очень осторожно окунул палец в жидкость.

— Температура почти телесная. Плотнее воды. Это может быть все, что угодно. Неважно, что это — выход здесь. Я иду первым.

— Прошу прощения, сэр. Я плаваю лучше. Я пошел. Пока!

Не успел Саймон пошевелиться, как Богги нырнул в темную жидкость и исчез. Ни одного пузырька не появилось на поверхности. Прошла почти минута, прежде чем жидкость в бассейне взволновалась. Саймон был так изумлен тем, что появилось на поверхности, что не сразу нагнулся и дернул за них. Это была не голова Богги, а его ноги! Обожженные подошвы его башмаков беспомощно болтались в воздухе. Оказавшись снова на ногах, он прислонился к стене и жадно хватал ртом воздух. Волосы его прилипли к голове, глаза были пустыми.

— Шансов нет. Это кровавое дерьмо с глубиной становится плотнее. Я поднырнул под что-то вроде барьера, там еще хуже. Как сироп. Придется вернуться.

Саймон покачал головой.

— Не думаю, что получится. Прислушайся. А обходного пути нет.

Не так уж далеко позади них снова раздавалось медленный и неторопливый, устрашающий скрежет древней чешуи, царапающей каменный пол. Время от времени эта тварь издавала влажный, шуршащий кашель, будто освобождала свой пищевод от какой-то отвратительной жидкости.

— Мастер Зебадия, вы успели приготовить снадобье, которое защитит нас от этого Великого Червя? Нет? Ну, тогда штурмуем эту лужу.

Поверхность жидкости была очень плотной, и когда они оба нырнули, брызг не было. Богарт шел первым, волоча за собой их прочные связанные ремни. Саймон не отставал. Черная жидкость омыла их, и они будто канули в небытие. Саймон почувствовал,

как барьер царапнул ему спину и он, извиваясь всем телом, поднырнул под него. И сразу же почувствовал, что жидкость стала плотнее. Богарт сучил ногами прямо перед ним, но не мог упереться во что-нибудь и выплыть к живительному воздуху. Если, конечно, там, наверху, был воздух. Какой же это будет отвратительный конец, если они все же ухитрятся выплыть и обнаружат, что потолок прижимается прямо к поверхности жидкости, промелькнуло у Саймона в мозгу.

Скоро они все узнают. Саймон с трудом просунул руки сквозь эту патоку и вцепился в ноги Богарта. Резкий рывок — и он изо всех своих сил толкнул своего товарища вверх. В то же время Богарт оттолкнулся. Суммарной энергии было достаточно. Ноги Богарта выскользнули из рук Саймона.

Саймон висел в полнейшей темноте и чувствовал, что этот мрак давит на него, как тесный костюм из толстой черной резины. Пролетали секунды, и он чувствовал, как его легкие рвутся на части. Он старался сдерживаться, не впадать в панику, продлить оставшиеся мгновения жизни. Когда надежды больше не останется, настанет время использовать последние капли воздуха в отчаянной попытке прорваться вверх.

Что-то царапнуло его подбородок, и он инстинктивно ухватился за эту штуковину. Это оказалась нога с привязанными к ней кожаными ремнями. Сладостная Голгофа! Богарт прорвался, но не смог по-другому протянуть ему ремень, кроме как рискнуть жизнью и вернуться в бассейн.

Вцепившись в кожаную полоску, он снова толкнул Богарта вверх изо всех своих угасающих сил. Ноги исчезли, и почти тут же ремень натянулся и Саймон выскочил из сжимающих объятий этого странного сифона. Возле поверхности жидкость почти ничем не отличалась от твердого тела, и он поразился силе Богарта, который сумел через нее прорваться. Даже с его помощью Саймон с трудом выбрался на сухой каменный пол.

— Черт побери, я уже не чаял, что смогу вытащить тебя. Эта штуковина — сам дьявол.

— Еще худшего дьявола мы оставили с той стороны, Богги. Хотя обычно я купался с куда большим удовольствием. Ей-богу, мне показалось, что меня заталкивают обратно в материнскую утробу. Ох!

Богарт все еще пытался, правда, без особого успеха, стереть липкую массу с лица. Она покрывала их обоих с ног до головы.

— Саймон вот еще одно подтверждение тому, что в старых книгах сокрыта огромная мудрость.

Саймон сдался, прекратил попытки очиститься и только протер глаза.

— К чему это ты?

— Помнится, в одном из моих любимых старых повествований кто-то постоянно произносил: «Черная бездна открылась у моих ног, и я погрузился в нее». Совсем как мы!

Еще полчаса ходьбы — и они оказались в большом помещении с высоким сводом. Пол был песчаным и, похоже, чисто выметенным.

— Чувствуешь, какой воздух? Похолодало, и, похоже, дует. Вот отсюда.

«Отсюда» оказалось створками ворот, окованных бронзой, с огромными дверными шарнирами. Богарт подошел к ним и легонько толкнул створки. Они оказались прекрасно сбалансированными и тут же начали растворяться. Богги попытался было остановить их, но именно в это самое время свет снова погас.

Осторожно, спиной к спине, Саймон и Богарт прошли сквозь открытые двери, шаркая ногами по песку. Они прошли примерно тридцать полных шагов, когда движение воздуха позади подсказало им, что двери захлопнулись. Тяжкий звон, с которым сомкнулись створки, прозвучал как гигантский гонг.

Выхватив мечи, разведчики напряженно всматривались в темноту. Они чувствовали, что оказались на огромной арене, гораздо большей, чем любое оставшееся позади помещение.

Они не слышали ничего, кроме стука собственной крови в висках. Кто-то вверху, над ними, щелкнул пальцами, и вспыхнул свет. Мягкий голос произнес:

— Добро пожаловать в мой дом. Меня зовут Ричард де Геклин Лоренс, двадцать четвертый барон Мескарл. А вас как зовут, скажите на милость?

Саймон заслонил глаза от света и взглянул на того, кто обращался к ним. Он увидел барона, окруженного высокородными женщинами двора и несколькими мужчинами. Насколько он заметил, де Поиктьерса там не было. Мэтью тоже. Они с Богартом

стояли на большой арене, метров пятидесяти в поперечнике, с рядом затемненных клеток с одной стороны. Шестиметровые стены были выложены из гладкого камня. Мескарл склонился над низкими перилами балкона, прикладывая к носу кружевной платок и поигрывая фарфоровым флаконом для духов.

— Ну же, мои мятежные друзья. Я спросил, как вас зовут, и не собираюсь повторять свой вопрос. Я попросту прикажу своим арбалетчикам пристрелить вас. И буду жалеть об этом по двум причинам. Во-первых, не люблю убивать людей, пусть даже и слуг. Не узнав прежде их имени. Во-вторых, ты с твоим толстяком-коротышкой другом доставили мне и моим друзьям много удовольствия и развлечения за последние несколько часов.

— Вы следили за нами? Через эти проклятые подглядывалки?

— Конечно. А зачем иначе было позволять тебе проникнуть в замок? За вами наблюдали все это время. Должен сказать, никто до сих пор не сделал и половины того, что вы сделали вдвоем. Оттого я и печалюсь, что придется убить вас. Но такие сорвиголовы, как вы, могут принести в дальнейшем только неприятности. Насколько я понимаю, вы из банды Моркина? Неважно. Итак, я спрашиваю в последний раз: как вас зовут?

— Симеон, милорд.

— Зебадия, милорд.

— И вы утверждаете, что вы... кто?

— Мы — странствующие лекари, милорд. Мой помощник обладает большим искусством в составлении мазей, а я искушен в излечении глаз и удалении камней.

— Ты лжешь. Не перебивай меня! Мастер Зебадия, что ты пропишешь вот этой леди Иокасте, у которой сильно болят зубы?

— Унцию корня пиретрума. Растереть, растолочь, настоять в примерно шести унциях винного спирта. Взять в рот небольшое количество этой кислой красной тинктуры и держать, пока, прошу прощения, рот не наполнится слюной... во всех тех сотнях случаев, что я применял этот способ, повторять лечение не приходилось.

Саймон глубоко вздохнул и мысленно вознес благодарность искусству ученых и исследователей подсознательных процессов.

Мескарл, очевидно, был изумлен той легкостью, с которой Богарт дал обстоятельный ответ. Но его подозрительность тем не менее не исчезла.

— А вы, мастер Саймон? Если вы так искусны в лечении глаз, то как предупреждаете их воспаление? А?

— Видите ли, милорд, ответ зависит от того, какого рода это воспаление. Может наличествовать кровотечение, или зуд, или дурное выделение. Но, — добавил он поспешно, — если глаза попросту опухли и болят, то я беру по фунту римского купороса — а это опасное вещество, милорд — и земляной глины. Щепотку камфоры и растирать до тех пор, пока все хорошо не перемешается. Далее я бы взял немного этой микстуры и растворил в литре кипящей воды. После перемешивания я дал бы в настое выпасть осадку и получил бы то, что нужно. Несколько капель по утрам и немного меньше перед сном — и воспаление как рукой снимет.

На арене воцарилось молчание примерно на двадцать ударов сердца. Потом Мескарл повернулся к человеку, стоявшего позади него.

— Приведи де Поиктьерса. Он где? Черт побери его совсем! Что с тем старым негодяем из борделя? Сдох?! Я же сказал, что его нужно расспросить, а не прикончить. Я хотел бы еще кое-что узнать. Так значит, нам не в чем обвинить этих грязных бродяг? Что?

Саймон и Богарт смотрели на балкон. Мескарл отошел и исчез из виду, чтобы посоветоваться с каким-то своим офицером. Высокородные дамы продолжали смотреть на них с живейшим интересом, как и подобает смотреть на людей, которые чудом выпрыгнули из Стикса и вновь оказались в обществе себе подобных. Одна из присутствующих на балконе леди строила глазки Богарту и «случайно» выронила кружевной платочек ему под ноги. Богарт изящным движением подобрал его, высморкался и снова бросил платок на песок. Тут снова появился Мескарл.

— Искренне приношу извинения за эту задержку, друзья мои. Не сомневаюсь, вы полагали, что вам давным-давно пора быть мертвыми. Мне сказали, что вас, мастер Зебадия, задержали главным образом потому, что вы убили одного из моих лучников и пытались помочь подозреваемому в мятеже. К сожалению, свидетель вашего преступного поведения не в силах нам дальше помогать. Так что вы скажете в ответ на обвинение в том, что пытались помочь этому головорезу?

Богарт ответствовал:

— Милорд, я просто заступился за человека — до того вечера в том похабном домике я его не встречал, — на которого напали. Кажется, напал писец. Началась драка, и писца зарезали. Потом ворвались ваши громилы и принялись палить во все стороны. То-

гда я попытался остановить эту бессмысленную резню. И при этих попытках, боюсь, прикончил одного из ваших убийц-арбалетчиков; и если обвинение в этом смертельно, можете прирезать меня — я виноват.

После недолгой паузы Мескарл легонько хлопнул в ладоши.

— Прекрасная речь. Цепкая же ты пиявка! Вы оба выказали перед нами больше мужества, чем я полагал. Возможно... Боже мой, миледи Иокаста была так восхищена, когда дела пошли все горячей, что совершенно забыла про свой пирог с языками жаворонков. Вы все делали хорошо. И поскольку я не хочу терять таких людей понапрасну, предлагаю вам выбор. Поступайте ко мне на службу в ранге сержантов моих телохранителей. Что скажете?

Прежде чем они успели что-либо ответить, вмешался новый голос, более глубокий и твердый.

— Простите, лорд. Прошу прощения за опоздание. Если позволите, лорд, прежде чем эти люди поступят к вам на службу, я задам им один вопрос. Я хотел бы спросить у того, что повыше: как вы попали сюда? И почему уничтожили свой корабль?

Саймон подождал, пока шум на балконе стих, и ответил:

— Вижу, от слуг барона Мескарла ничего не скрыть. Воистину, милорд, ваши подозрения небезосновательны. Мы — лекари. Но не только. Мой товарищ и я сбежали, спасаясь от преследований, из земной колонии на Марсе. Мы были там наемниками. И прилетели сюда, чтобы вступить в гвардию барона Мескарла, потому что слышали, что здесь и платят хорошо, и кормят лучше. И здесь не дадут скучать человеку, который умеет работать мечом и шевелить мозгами. Сам тот факт, что мы оказались здесь, показывает, что мы — люди выше среднего уровня. Поскольку нам не удалось сделать так, как мы хотели, не привлекая внимания таких острых глаз, как ваши, то придется поступить к вам на службу сейчас. И здесь.

Он вытащил меч и протянул его Мескарлу.

— Милорд, теперь вы знаете о нас всю правду — кто мы такие и почему здесь. Мы оба клянемся вам на мече. Будем вашими вассалами пожизненно и до конца. Без колебаний отдадим жизни за вас. Вы берете нас, милорд?

Мескарл повернулся к де Поиктьерсу.

— Не хмурься, старый медведь. Если они не шпионы, то подходят нам. Я тебе потом сам расскажу, что они сегодня тут натворили. К тому же, мой бесценный сенешаль, если они все же шпио-

ны, то нет для них лучшего места, чем быть в твоей компании, находиться под твоим присмотром с рассвета до заката. Улыбнись, черт возьми, де Поиктьерс! И присмотри за ними.

Саймон и Богарт поклонились в спину удалявшемуся барону и следовавшим за ним лордам и леди. Затем де Поиктьерс приказал одному из стражников сбросить им веревочную лестницу. Когда они предстали перед ним, он даже отшатнулся — такие они были грязные и провонявшие.

— Первым делом посмотрим, на кого вы похожи под этим слоем грязи. Найдите старшего сержанта Мэтью, представьтесь ему и скажите, чтобы он отвел вас в баню. Потом доложитесь мне. И не пытайтесь провести его. Ничто не ускользнет от соколиных глаз старого Мэтью. Ясно? Четыре.

Глава 4. Спаси и сохрани

Горячая, с паром, вода хлынула из медных кранов так сильно, что у них перехватило дыхание и кожа покраснела. Грубое мыло, казалось, было сделано из песка, но оно отлично смывало вонь подземелий замка и черный гной того отвратительного бассейна.

Грязь стекала со сбившихся в колтун волос по их лицам, пузырилась на белом кафеле и исчезала в круглых дренажных отверстиях. Вода струилась по телу Саймона, и столь же быстро текли его мысли. Перед ним сейчас встало очень много проблем. Поскольку уж он оказался в замке Фалькон — правда, в сомнительной роли одного из телохранителей Мескарла, — сможет ли он установить правдивость слухов о заговоре высокородных на Сол Три, об угрозе возвращения к рабовладению и, что самое главное, об угрозе галактическим запасам фероний — жизненно важного элемента для распространенного привода всех звездных кораблей?

Но в данный момент перед ним и Богартом стояла непосредственная угроза — угроза их жизням. В другом конце душевой, невидимый из-за клубов пара, стоял мастер сержант Мэтью Скримжор. Вероятно, единственный человек во всем замке, от которого можно было ожидать, что он узнает в коммандере Рэке — или, вернее, в лекаре Симеоне — того мальчишку, которого он воспитывал на свой лад целых четыре года, юношу, которого он проводил в возрасте четырнадцати лет в Галактическую службу безопасности. Мальчика, в которого не удалось вколотить понятия

о дисциплине и который не подошел на роль пажа для де Поиктьерса. И что самое главное, этот человек помогал повесить отца и мать Саймона за браконьерство на лесной полянке пятнадцать лет назад.

Теперь, далеко перевалив за средний возраст, Мэтью больше не скакал за своим лордом по зарослям, не гонялся за лесными жителями. Глаза его не утратили остроты, но окостенение суставов плеч заставило его заниматься в основном административными обязанностями внутри замка.

— Эй, вы там! Достаточно! Вы уже и так истратили почти месячный водяной рацион. Выходите, посмотрим, что скрывалось под грязью. Быстро! Выключаю воду.

Горячие потоки превратились в тонкую струйку, но пар все еще висел в воздухе, делая их почти невидимыми. Самсон дернул к себе голого Богарта и что-то шепнул ему на ухо. Богги кивнул, внезапно рухнул на пол и застонал.

— Сержант! Мой приятель Зебадия наступил на мыло и подвернул ногу. Дайте руку.

Мэтью осторожно прошел через душевую, шлепая сапогами по лужам на кафеле.

— Кровь господня, волосатая задница, что за недотепа! Он стоять на ногах не умеет, а собирается быть сержантом-телохранителем! Давай руку, обними меня за плечи, да осторожно, черт возьми!! Ну, пошли! Между прочим, не думайте, что вас уже зачислили. Окончательное решение будет принимать милорд сенешаль, а его не так-то просто убедить в своих достоинствах.

Задохнувшись под весом Богарта, сержант, поскальзываясь, вывел того из душевой и мягко положил на сосновую скамью в предбаннике, где они скинули свои провонявшие одеяния — вернее, то, что от них осталось.

Положив ладони на бедра, Мэтью выпрямился, со стоном развел плечи и откинул голову назад. Тут-то Саймон и ударил его. Удар был жестоким и предназначался для того, чтобы причинить человеку страшную боль, полностью вывести его из строя, но не убивать. Он был нанесен жестким ребром правой ладони в мягкое подбрюшье, не защищенное броней в безопасных условиях замка.

Здоровяк задохнулся, схватился руками за пах и сложился вдвое. Он изверг из себя все, что съел на ужин, забрызгав весь пол, и упал на колени, постанывая и бормоча что-то себе под нос.

Саймон подошел к нему, осторожно обогнув рвоту, схватил его за волосы и откинул назад голову сержанта. Перед ним оказалось старческое лицо, искаженное яростью и болью. Мэтью видел перед собой только расплывчатое лицо, смотревшее на него сверху вниз. Старик выдавил из себя «За что?», и Саймон почувствовал, что вся его многолетняя ненависть к этому человеку улетучилась. Но он зашел слишком далеко, а ставки были слишком высоки, чтобы позволить жалости овладеть собой.

Богарт открыл краны во всю мочь. Перегретая вода свистела и бурлила в трубах, и даже предбанник начал наполняться паром.

— Богги! Выключи.

— Но ты же сказал...

— Выключи, черт побери!

— Я думал, ты хотел сварить его... представить дело так, будто произошел несчастный случай и он ошпарился насмерть, когда упал.

— Хотел, но теперь не хочу. Возьми швабру и подотри здесь.

Постепенно проблески сознания стали снова появляться в глазах старого Мэтью, и он пригляделся к Саймону, пытаясь отыскать ключ к происходящему.

Молодой человек присел над ним на корточки и взял его голову в руки.

— Повешение. Много лет назад. И мальчишка, который не плакал. Помнишь, старик?

Рот приоткрылся, раздался шепот:

— Саймон. Саймон Рэк. Ты вернулся, чтобы убить меня. Чертовски издалека, и только для того, чтобы убить меня. — На лице его отразилась гордость.

— Да, Мэтью. Только чтобы убить тебя. Ты учил меня слишком хорошо. Слишком хорошо, Мэтью. Ты говорил, «не оставляй врага в живых». Потому что настанет день, когда этот враг припомнит тебе прошлое и лишит тебя будущего. Помнишь?

Седая голова качнулась.

— Я дам тебе время, чтобы прийти к согласию с Создателем. Такой старой собаке, как ты, это ох как не помешает. Боюсь только, для этого тебе потребовалось бы больше дней, чем у меня есть минут. Так что придется сейчас.

— Быстро? — голос был таким слабым, что Саймону пришлось наклонился. И когда он приложил ухо к губам Мэтью, сержант предпринял последнюю попытку: руки его потянулись к гла-

зам Саймона и вцепились ему в лицо. Но на его руках все еще были толстые боевые рукавицы, и он не смог вцепиться как следует. Саймон достаточно легко отбил нападение и крепко ухватил его обеими руками за подбородок. — Да, хитрый старый ублюдок, быстро. — Улыбка тронула губы Мэтью — хотя он и понимал, что время его вышло, но по нему этого не было заметно. Тогда Саймон изо всех сил стукнул его затылком о каменный пол. Пышная грива волос не защитила от такого зверского удара, и череп треснул с тем звуком, с каким спелое яблоко падает на камень. Тело того, кого Саймон так долго ненавидел, обмякло — перед ним лежал труп.

Богарт посмотрел на него.

— Старый чертяка был настоящим игроком. Но почему ты не заставил его заплатить сполна за все преступления?

— Он всего лишь выполнял приказы своего командира, де Поиктьерс. И, Богги, посмотри на него — ведь он уже старик. Он теперь гораздо старше, чем был мой отец тогда. Должно быть, верно говорят, ненависть — такое блюдо, которое лучше всего подавать холодным. Боюсь, за годы ожидания мое блюдо остыло слишком сильно. Мальчишкой, когда я укладывался спать на соломенную подстилку вон в той Башне Источника, я представлял себе, как убью каждого из того отряда. Теперь они все мертвы, или жизнь разбросала их по свету. Толстый Саймон погиб два дня назад. Сейчас Мэтью. Остались только двое главарей. Я постарался, чтобы старик ушел легко. Теперь давай приберем здесь и позовем на помощь. Старика подвело сердце. Он схватился за грудь и упал. Мы ничем не могли ему помочь.

Беседа с де Поиктьерсом была вовсе не из разряда приятных. Он и до гибели Мэтью относился к ним с подозрением, и теперь был насторожен вдвойне. К счастью для них, Мескарл решил сам присутствовать при расследовании и склонялся к тому, чтобы поверить им. Главным противником барона была скука, и любое новое лицо или новая забава всегда оказывались у него в фаворе. На некоторое время.

Так что они покинули покои Поиктьерса с виду ничем не запятнанными. В замке хорошо знали, что здоровье Мескарла оставляло желать лучшего. Боли, которые искалечили его плечи, видимо, перешли на грудь.

Единственный неприятный момент пришелся на самый конец. Де Поиктьерс расхаживал по пышному ковру, решая, что делать. Наконец он сурово и холодно предупредил их, что произойдет, если когда-нибудь в чем-нибудь они выбьются из строя. Или если они будут замешаны еще в одной таинственной гибели. Им было велено тут же приступить к несению службы. Лорд остановился прямо перед Саймоном и заглянул ему в глаза.

— А это означает тяжелую работу. Понимаешь? Строгую дисциплину. То, что вам пришлось пережить в марсианской колонии, — мелочи по сравнению с тем, что ждет вас здесь. Вот так-то, мастер Симеон. — Он ткнул в грудь Саймона толстым указательным пальцем. — И следи за выражением своего лица! А то даже благосклонность барона не спасет тебя от порки. Не забывай, он — человек жестокий, его забавляют страдания других. Сейчас вы для него — что-то новенькое. Люди, которые выжили там, где не смог выжить никто. Но он непостоянен. Вы будете интересны ему лишь несколько дней, ну, неделю — не больше. Потом вам придется самим доказывать свою ценность. Как и всем нам.

Саймон и Богарт щелкнули пятками своих новых сапог — они теперь были одеты щегольски, их новые кожаные портупеи поскрипывали.

— Капрал Симеон! Вы раньше на Сол Три не бывали? Нет? Ваше лицо мне кого-то напоминает. Ваша матушка не из этих мест? Неважно. Вы, оба, — хотите несколько лет оставаться сержантом? Будьте особенно внимательны на сегодняшнем банкете. Сюда съедется много важных лордов со всего мира. Наверное, замок Фалькон и не видывал такого собрания. Будьте настороже. В таких случаях предательство чаще всего ходит бок о бок с фальшивым дружелюбием. Отправляйтесь в казарму, господин Грейв и господин Феттер.

Этой ночью капралу Симеону Грейву и капралу Зебадии Феттеру совещаться особой нужды не было. Их подхватила волна событий, они оказались рабами обстоятельств, и оставалось только ждать, куда их вынесет. Несколько затруднений было преодолено. Толстяк Саймон погиб, за ним последовал Мэтью. Они пробрались в замок. Плохо то, что за ними все время следили, де Поиктьерс относился к ним с сильным подозрением и, похоже, они никоим

образом не могли вступить в контакт с Моркином, главарем партизан.

Но по крайней мере они были живы.

На следующий вечер огромный банкетный зал замка Фалькон был переполнен и задымлен. Весь день прибывали величайшие лорды Сол Три со своими свитами, и все уголки замка были заняты. Саймон и Богарт в суматохе ухитрились оказаться полезными, и в то же время постарались осмотреть замок поподробнее. Когда им удалось перехватить по ломтю хлеба с толстым куском белого сыра и смочить глотки элем, они сравнили свои наблюдения.

— Арсенал охраняется крепко. Чтобы пробиться туда, нужно хорошо спланировать нападение. Но, похоже, он уязвим для огня. Если запалить нижний этаж, удержать остальное будет трудно. Даже всеми их силами. Пожар в нужном месте заставит их отступить, и в то же время несколько отборных людей прорвутся к оружию. Саймон, я бы все отдал, лишь бы кольт снова оказался в моей руке. Но фероииума я нигде не заметил.

— Я разговаривал с другими стражниками, они рассказывали о хорошо охраняемом карьере в горах по пути к Брейкенгему. Может быть, стоит подождать. После празднества, ночью, в покоях Мескарла должно состояться совещание. Телохранителей туда не допустят. Там, Богги, ночью и должен оказаться один из нас.

Наступил вечер. Они стояли в нескольких футах друг от друга, у низкой балюстрады галереи, с трех сторон окружавшей зал. В одном конце галереи, прямо напротив Саймона и Богарта, группка певцов пела мадригалы высокими, чистыми голосами — голосами евнухов — под приглушенное сопровождение цимбалы и лютни. Внизу, в зале, царили шум и беспорядок. Скрытые электрические светильники были выключены, и тьму разгоняли лишь свет огня в огромном очаге и множество факелов, горевших высоко под сводчатой крышей. Временами слуги с длинными деревянными лестницами бесшумными тенями скользили вдоль стен, гася и меняя факелы, когда они начинали чадить или гасли.

Знать со своими ближайшими родственниками сидела за столом с Мескарлом в центре. Празднество было необычайным уже тем, что все лорды и леди были высочайшего ранга. Сам барон,

напоминавший слегка располневшего льва, больше смотрел и слушал, а говорил мало. Рядом с ним сидел его сын-альбинос. Лицо его было цвета выбеленной солнцем кости, а глаза красными, как зев ада. Мескарл был женат трижды, и ни одна его жена не выжила. И ни одна не подарила ему ребенка, не считая этого ублюдка — Магуса.

Под прямым углом к главному помосту стояли два стола, за которыми сидели простые смертные, ожидая знака своего лорда, чтобы рассмеяться погромче. Каменный пол был устлан чистым тростником, теперь уже изгаженным костями, кусками жира, ломтями хлеба, рвотой и экскрементами. По мере того как пир продолжался, знать становилась все беспечнее и многие сочли, что нет смысла таскаться к сосудам, развешенным вдоль стен. К тому же горшки переполнились, и в конце концов все облегчались прямо там, где сидели.

Стол был заставлен роскошной едой. Фаршированные головы вепрей перемежались каплунами, тарелки с холодными овощами, ломти оленины, кувшины с жирными сливками, сливовые пироги, закрытые крышками чаны с супами стояли на всех скамьях и столах. Вокруг столов сновали пажи с чашками воды и холстиной, чтобы гости могли вытереть пальцы и лица.

Гости спьяну стучали серебряными и хрустальными кубками с темным рейнским, сладким медом или простым элем по тарелкам или роняли их на пол. Собаки под столами бегали, дрались или совокуплялись с теми животными, которых привезла с собой прибывшая знать. На плече у Мескарла безучастно сидел кот. Он был совершенно черным, если не считать белого кольца меха вокруг шеи. Все люди в замке Фалькон относились к нему с почтением, потому что он был любимцем барона. Звали его Священник.

В тени стен стояли терпеливые и неподвижные вооруженные люди, не спуская рук с рукояток мечей. Они следили за кутежом и друг за другом. Там были телохранители как Мескарла, так и гостей. Большинство из них получили приказ как только запахнет предательством убить барона.

Во время пира жонглеры и акробаты соревновались с едой и питьем за внимание пирующих. Один бедняга — менестрель — не потрафил вкусам компании и был наказан тем, что ему тут же вырезали язык. Одна из присутствующих высокородных леди сорвала бурные аплодисменты, выкрикнув: — Раз уж его язык нехорош на наш вкус, то, быть может, он понравится ему самому?

Язык тут же насадили на спицу и сунули в угли с краю очага, пока он хорошенько не прожарился. Потом, даже не стряхнув с него пепла, язык порезали на куски, и двое дюжих молодцов той леди затолкали их в окровавленный рот несчастного. Толпа веселилась и хлопала в ладоши, а сама леди сидела напротив бедняги и смеялась над его страданиями. Натешившись, менестреля вышвырнули в ров. Его лютня полетела вслед за ним.

Он утонул. Для него, возможно, это был наилучший исход.

Обнаженные борцы с блестящими от масла телами боролись в центре зала, а лорды заключали пари на победителя. Со своего поста Саймон все видел и все запоминал.

С тех пор, как он жил в замке Фалькон, многое здесь переменилось в зловещую сторону, но лишь одно выросло неимоверно — невыразимая жестокость барона Мескарла и стая тех продажных тварей, что пресмыкалась перед ним и забавляла его. Если здесь действительно собралась лучшая часть населения Сол Три, то настало время провести решительную чистку. К сожалению, жестокость в таких небольших масштабах — даже возврат к крепостному праву — еще не повод для вмешательства ГСБ. Саймон вспомнил слова Стейси о том, что сам фундамент галактики сейчас под угрозой. Он сжал в руке плетеную рукоятку меча и поклялся всеми святыми, что они смогут найти основания для ввода в действие всех сил. Тогда это прогнившее насквозь логово будет стерто с лица планеты.

Он был так разгневан, что не заметил, как к нему кто-то подошел.

— Ты — Саймон Грейв?

— Да, миледи. А вы — миледи Иокаста?

Внизу в зале резко хрустнула кость — один из борцов победил. Это вызвало взрыв веселья у выигравших и проклятия у проигравших. Саймон почувствовал, что его мягко заталкивают в угол галереи, в густую тень.

— Миледи, я на службе у милорда. Я должен наблюдать.

Глаза леди Иокасты были очень яркими, в них сверкали красные искорки. Рот у нее был приоткрыт, нижняя губа безвольно отвисла, руку она положила ему на бедро.

— Сейчас и здесь никто не осмелится напасть на Мескарла. Он слишком много знает. Сейчас он в большей безопасности, чем когда-либо. Ну, будь хорошим солдатиком, доставь мне немножко удовольствия, Может быть, и тебе будет приятно.

Ее грубое лицо было в нескольких дюймах от его лица, и он с трудом сдержал себя, чтобы не отшатнуться из-за запаха гнилых зубов. Она была далеко не молода, морщинистая кожа на шее, в уголках глаз и рта говорила, что ей около пятидесяти.

— Одно мое слово, и тебе придется куда хуже, чем тому безголосому менестрелю. Тебе вырежут отнюдь не язык, мастер Симеон, но вот что!

Саймон охнул, когда она вцепилась ногтями сквозь ткань бриджей в предмет его мужского достоинства.

— Стой спокойно и молчи. Если у тебя будут неприятности, я тебя защищу. — Она была очень пьяна, говорила невнятно и с трудом нашарила шнурки, скреплявшие переднюю часть его одеяния. — Будь поласковее с бедной Иокастой, и тогда, быть может, станешь моим телохранителем. Будешь жить в комфорте. Мои покои рядом с покоями барона, так что и есть ты будешь лучше всех. Только будь ласковым.

Саймон изо всех сил старался стоять спокойно, пока она развязывала шнурки. Обнажив то, что требовалось, Иокаста рухнула на колени перед Саймоном. Чудовищным усилием воли он смог обеспечить требуемую ей реакцию. Он понимал, что неудача будет воспринята как оскорбление и наказана соответственно. Он даже ухитрился посмеяться про себя, представив себе выражение лица полковника Стейси, с которым тот выслушал бы, на что пришлось пойти Саймону во благо службы.

Когда Иокаста встала на ноги, он поспешно сказал ей, как это все было чудесно, и как он горд той честью, которую она оказала ему.

— Если бы только, миледи... Но нет. Это невозможно.

Иокаста улыбнулась ему, ее рот пьяно перекосился.

— Что, мой милый солдатик?

— Нет, мадам. Милорд де Поиктьерс запретит.

— Ох уж этот пес! Что он запретит моему чемпиону?

— Всего лишь... — Саймон звучно сглотнул. — Ваш чемпион хотел бы еще раз попытать счастье со своей леди.

Леди Иокаста жеманно ухмыльнулась, похлопав по его щеке указательным пальцем.

— Мошенник! Я должна сейчас вернуться к старому медведю. Ты придешь в мою комнату через шестьдесят минут. Возьми этот перстень, и стражники в башне Фалькон тебя пропустят.

— Но...

— Никаких «но». Это приказ. Разве я не кузина всемогущего барона Мескарла? — Она икнула. — И не мать этого беломордого... Она умолкла, даже в этом состоянии сильнейшего опьянения поняв, что сболтнула лишнего. В замке Фалькон безопаснее всего было молчать. — Через час. — Иокаста вложила перстень Саймону в руку, поцеловала его в подбородок мокрыми губами и удалилась, напевая себе под нос какую-то песенку.

Саймон сплюнул в угол, ощущая во рту горький привкус желчи. Тихий голос из-за спины заставил его вздрогнуть.

— Смотри, не застуди такую важную часть тела.

Саймон быстро заправился и завязал шнурки. Потом с сухой улыбкой повернулся к Богарту.

— Я поступил так в интересах Галэсбэ. И, возможно, ухмылка с твоей омерзительной рожи пропадет, если ты узнаешь, что она — мать этого беломордого ублюдка Мескарла. И что ее комната совсем рядом с залом заседаний барона.

— Леди Иокаста всюду поспевает. Честно говоря, я смотрел, как она обрабатывает тебя, и мои чресла трепетали. И почему это женщины гоняются за такими коротышками, как ты?

— Больше того. Я, Симеон, теперь личный телохранитель леди Иокасты, вот в доказательство ее перстень с печаткой. Я должен явиться к ней через час. Думаю, тебе лучше прикинуться, что ты ничего не знаешь. Вернись на свое место. Эй! Пожелай мне удачи.

— Желаю, сэр. Если она тебе понадобится.

Час, оставшийся до свидания, прошел достаточно спокойно. Многих кутил уже свалил с ног излишек вина, некоторые из сидевших за нижними столами теперь бесстыдно спаривались прямо на грязном полу.

За верхним столом некоторые из прибывших лордов рухнули лицом в тарелки с едой, другие продолжали следить за представлением. Но двое-трое ближайших к Мескарлу о чем-то напряженно беседовали. Сам Мескарл почти не принимал участия в этой беседе.

Из-за слабого освещения Саймон не мог понять, о чем они говорят, — хотя у всех действующих членов ГСБ искусство чтения по губам было доведено до автоматизма. Лишь время от времени барон кивал, и Священник на его плече слегка покачивался, чтобы восстановить равновесие.

Сбоку от барона неподвижно сидел Магус, его единственный незаконнорожденный сын. Даже с такого расстояния Саймону бы-

ло не по себе, когда он видел, как красный свет факелов отражается и усиливается в рубиновых глазах Магуса. Эти глаза полыхали, как глаза хищника в ночи.

Банкет явно шел к концу. Большинство прихлебал впало в бесчувственное состояние, а главные лорды стремились начать переговоры. Но напоследок оставалось еще одно маленькое развлечение, которое должно было оживить измученных участников.

Де Поиктьерс, который неподвижно стоял у стены зала все эти долгие часы, покидая свое место только для того, чтобы совершить обход замка, или повинуясь зову природы, ввел двух человек: одного пожилого и другого — юного и оборванного. Сенешаль заявил, что это — отец и сын, которые были схвачены при попытке искалечить несколько лошадей лорда. Юноша заявил, что он — последователь ренегата Моркина. Старик, его отец, вначале отрицал свое участие в этом, но его удалось убедить изменить свои показания. Так, теперь он говорит, что пришлось сделать это из страха перед Моркином, который, как гоблин, мог бы прийти к нему ночью и перерезать глотку.

Мескарл постучал по столу рукояткой кинжала.

— Благородные гости! Внимание! Как нам поступить с этими подонками?

В ответ раздался целый хор пьяных предложений, от сожжения до утопления, от четвертования до дыбы. Саймон старался не подключать свой мозг к этому делу, потому что ничем не мог помочь крестьянам. Они, считай, уже были мертвы. Но он все же вскинул голову, когда мелодичный голос перекрыл пьяные выкрики.

— Отец, можно мне сделать предложение?

Мескарл удивленно кивнул.

— Да, Магус. Что у тебя на уме?

— Пусть один умрет, а другого отпустим.

По залу прошел шумок удивления и несогласия. Один из представителей знати за верхним столом — очень низкорослый мужчина с юга по имени Милан — сказал:

— Извини, милорд Магус. Но если ты поймаешь лису, вся морда которой в пуху твоих лучших курочек, разве ее отпустишь?

Магус насмешливо поклонился Милану.

— Если то, что я слышал о вашем, высокородный лорд, дворе, справедливо, то многие хорошенькие петушки каждой ночью благодарят всех святых, что у некоторых старых лис так мало зубов.

Эта двусмысленная острота вызвала взрыв громкого смеха у Мескарла и смешанную реакцию у остальных. Милан побагровел и схватился было за рукоять меча, но сосед удержал его. Саймон отметил, что этот юноша-альбинос в некоторых делах может быть достойным соперником. Суть скрытого оскорбления была ясна, потому что он тоже заметил, что в свите Милана на удивление много хорошеньких мальчишек, которые при разговоре томно закрывают глаза и бриджи у которых, пожалуй, чересчур обтягивающие.

Магус продолжил:

— Вот что я хочу тебе предложить. Дайте им по мечу, и пусть один из них убьет другого. Неважно, который. Тот, кто победит, получит свободу.

Барон хлопнул сына по плечу.

— Мне это нравится. Клянусь Каиновой печатью, так и будет!! Сенешаль, дать им обоим мечи! Эй вы, собаки, вы все поняли?

Крестьян освободили от оков и обоим вручили мечи. Не взглянув на отца, юноша швырнул свой меч через всю комнату на тростник перед Мескарлом.

— Ты можешь убить нас обоих, но не заставишь пойти друг на друга. Милорд, однажды на твою подлость обратит внимание вышестоящая власть. И тогда тебе...

Договорить ему не удалось. Отец, стоявший позади него, схватился за рукоять меча, как утопающий хватается за соломинку. Не говоря, ни слова он вскинул меч и вонзил его сыну в спину, слева между ребер. Юноша что-то крикнул, когда упал, но никто так и не понял, что.

Старик, всхлипывая и бормоча что-то, рухнул на тело своего сына и стал терзать его и мять, будто обратился в дикое животное. Он все еще пытался пронзить бездыханное тело мечом, когда сам де Поиктьерс подошел к нему и отобрал у него оружие, потом встряхнул его и поставил перед бароном. Вся эта сцена была настолько отвратительной, что даже эта мерзкая компания приумолкла.

Кроме тяжелого дыхания старика лишь единственный звук нарушил тишину — тоненькое хихиканье альбиноса. Кот спрыгнул с плеча Мескарла и осторожно прошелся по усыпанному всякой дрянью каменному полу. Он подошел к телу, перепрыгнул через него и уселся на пол. Струйки и лужицы крови запятнали пол.

Кот погрузил свой шершавый розовый язычок в одну из этих ярко-красных лужиц и принялся лакать.

Хихиканье стало громче. Старик посмотрел на Магуса, его изборожденное морщинами лицо дергалось, как парус корабля при порывистом ветре. Казалось, каждая его часть жила отдельной жизнью.

— Я свободен?

Смех утих, и раздался этот высокий, отвратительный мальчишеский голос.

— Я дал слово. Уведите его, вымойте, накормите, дайте вина. Потом пусть поспит. Завтра, старик, когда все мы будем чувствовать себя свежими, и солнце будет сиять над замком, и птицы будут петь над крепостными стенами, и сам воздух будет источать благоухание, тебя снова приведут ко мне, и я дам тебе свободу. Тебя никто не обидит. Никто тебя и пальцем не тронет. Никто тебе не нанесет ни малейшей раны, иначе он мне ответит. Я обещал свободу победителю. А ты разве не явный победитель? — И он снова откинулся в кресле и захихикал.

Саймон больше не мог смотреть на все это. Он постарался сдержать нервную дрожь и, оставив свой пост, направился в покои леди Иокасты. Он шел и думал о том, как в таком хрупком сосуде может содержаться такое чудовищное зло.

Когда Саймон дошел до хорошо охраняемого крыла, где жили члены семьи Мескарла — те, которые еще цеплялись за жизнь, — он вознес хвалу своему ангелу за перстень леди Иокасты, потому что пару раз вооруженные стражники выказывали явное намерение сначала напасть, и лишь потом задавать вопросы. Он миновал ворота с решетками, двери с шипами, узкие, извилистые коридоры, в которых один человек может успешно сражаться со многими. Средневековые факелы постепенно сменились современными скрытыми светильниками, хотя каменные стены оставались массивными и грубо обработанными.

Наконец он добрался до роскошной прихожей покоев леди Иокасты. Морщинистая дуэнья, издавна служившая надежным хранилищем преступных тайн, махнула ему, даже не бросив взгляд на протянутый перстень. Но когда Саймон уже собрался откинуть гобелен, скрывавший дверь в будуар, дуэнья окликнула его.

— Печатку. На это блюдо с драконом. Если перстень тебе снова понадобится, она найдет способ передать его тебе. На блюдо. — Голос был тихим и усталым, похожим на пыльный старый бархат.

Положив перстень, как было велено, Саймон вошел в дверцу. Он оказался в большой спальне с той атмосферой былого великолепия, какую он и ожидал увидеть. У матерчатых китайских птиц в стеклянных клетках не хватало ног или крыльев. Вся мебель была расшатанной и продавленной. На стенах висели потемневшие от времени и дыма картины, порванные и потертые гобелены с охотничьими сценами.

Над холодным камином висел портрет юной женщины, выполненной в манере пуантилизма, который, несмотря на пятна копоти, которые кто-то пытался очень небрежно стереть, вызывал ощущение какого-то странного очарования. Чудесные краски, сверкавшие и под слоем грязи, делали портрет центром этой печальной комнаты. Саймон постоял некоторое время перед картиной, хранившей облик той леди Иокасты, какой она была когда-то, пока замок Фалькон не сделал ее такой, как она сейчас. Портрет немного поможет ему в том, что должно произойти. Саймон понял теперь, что заставило Мескарла наплевать на все слухи и табу. И несмотря на то, какой старой ведьмой стала сейчас кузина барона, Саймон всегда будет помнить, почему Мескарл позволил ей жить.

Он прошелся по ее спальне. Ноги его беззвучно утопали в толстом ковре. В комнате стоял тяжелый запах перегара. Поперек огромной кровати распростерлась леди Иокаста. Волосы ее были распущены, платье сброшено, она осталась лишь в тонкой шелковой комбинации. Она спала.

Все говорило Саймону оставить ее в покое, но он не мог. Всего лишь через стену от него вскоре состоится совещание, которое, быть может, перевернет судьбу всей Солнечной системы.

Тихонько присев на кровать рядом с леди Иокастой, Саймон погладил ее волосы. Она потянулась, как ребенок, взяла его за руку и прижала ее к губам. Странным образом тронутый, он нагнулся над ней и провел губами по ее щеке, ее руки обвили его шею и потянули вниз.

— Ты добрый, Саймон.

— Симеон. Симеон, миледи, а не Саймон.

— Неважно. Ты добр к печальной старой леди, и я благодарна тебе. Здесь так мало доброты. Мой кузен всегда был чудовищем, но сейчас он приобрел такую власть, которая может сделать его

контролируемым. А мой сын... ты никому не расскажешь об этом, Симеон? Нам обоим это будет стоить наших голов.

— Миледи, я буду нем, как могила.

— А мне безразлично. Смерть для меня — желанный любовник. Я живу слишком долго. Мескарл сохранил моего сына — противоестественное, развратное чудовище — и отобрал у меня мою доченьку. Ее убили, я не сомневаюсь. — Слезы бороздили слои краски и пудры, возвращая ей ее настоящие годы. Действие винных паров почти прошло, и ее охватила жалость к себе, усиленная неожиданной нежностью молодого солдата. — Она была хорошеньким ребенком. — Теперь она уже заплакала всерьез. — Он приходил ко мне каждую ночь, и мы занимались любовью. Он меня гипнотизировал, как удав несчастного кролика. Прошло много лет с тех пор, как он приходил в последний раз. Ключ давно потерян, засовы проржавели.

Саймон прижимал к себе пожилую женщину и гладил ее по спине, как поступают с ребенком, которому приснился страшный сон. Еще ниже наклонившись к ней, он прошептал:

— А почему никто в замке не знал? Разве здесь нет жучков, нет подслушивающих устройств?

— Здесь — нет. Совсем рядом с его собственными покоями. Это было давно, сразу после Роберта, и Рут, и... Джеффри — он был милым пареньком, Джеффри, со всегдашней улыбкой на губах. Он мог неподвижно стоять на полянке, и птицы слетались к нему. Садились к нему на руки.

Наступило долгое молчание.

— О чем это я?

— Вы рассказывали мне о замке после того несчастного случая.

— Несчастного случая? Кровавого убийства! Но они давно мертвы. Я скоро снова увижу Джеффри. Он ждет меня, Симеон. Ждет каждый день. Да, замок. После того несчастного случая Ричард стал очень подозрительным. В каждой комнате появилось по подслушивающему устройству. На каждом повороте коридора — по видеоскопу. Доносчики процветали, и многие несчастные погибли — позабытые всеми, совершенно одни, глубоко под нами. И вот теперь он в полной безопасности. И уже не нуждается в таких трюках, чтобы сохранить свою власть.

— Но как же вы встречались? Разве слуги не видели, как вы приходили друг к другу?

Она подняла голову с его плеча и указала пальцем.

— Там, за гобеленом, на котором Спаситель показывает свои раны Фоме Неверующему. Там — дверца. Возможно, она до сих пор не заперта. Как всегда. Потом — темный коридор. Тут недалеко. Я даже сосчитала шаги. Четырнадцать. Потом — его дверь. Теперь она заперта. Гарантирую, он забыл про нее. Потому что она тоже за гобеленом. На нем изображено Избиение Младенцев.

Леди Иокаста снова начала всхлипывать. Старые воспоминания нахлынули на нее.

— Почему вы не засыпаете, миледи? Позвольте мне позаботиться о вас, и вы попадете в приветливые объятия Морфея.

Она посмотрела на него.

— Ты очень добрый. Как жаль, что мы не встретились много лет назад. Теперь уже поздно. Слишком поздно. Слишком поздно. Слишком поздно... Да, я сейчас засну... ты придешь еще раз? Умоляю тебя, Я, леди Иокаста, умоляю тебя. Приходи завтра ночью. В тот же час. Пожалуйста. — Она улыбнулась, но улыбка получилась кривой. — Не так-то легко мне произнести это слово. Ты подарил мне доброту, Симеон. Не обижай меня, не забирай ее обратно, я этого не вынесу. Ты придешь?

— Да, миледи. Если смогу.

— Клянешься?

— Клянусь.

— Тогда помоги мне уснуть.

Легонько приподняв ее хрупкое тело, он уложил ее поудобнее на кровать. Она закрыла глаза, а он лег рядом с ней и стал гладить кончиками пальцев ее лоб. Успокаивал и ласкал. Постепенно его пальцы спустились к ее шее. Дыхание ее стало более глубоким и ровным. Она спала.

Саймон не мог рисковать и позволить леди Иокасте проснуться, когда он будет заниматься своим шпионским ремеслом. Его пальцы нащупали некую точку под ее правым ухом. Там, где нервы и артерия лежат рядом. Сначала он нажал легонько. Затем покрепче. Поток крови замедлился. Некоторые секции мозга отключились. Дыхание стало прерывистым, потом снова спокойным.

Пока он не вернется и не надавит на другую точку, леди Иокаста будет спать. Если он не разбудит ее, она уснет навсегда.

Не теряя времени, Саймон подошел к гобелену с Фомой Неверующим и скользнул за него. Вокруг него заклубилась пыль, и он чуть не закашлялся. Уже много поколений здесь жили и размножались жуки и пауки, и никто их не тревожил. Под ногами Саймо-

на захрустели сотни крошечных сухих трупиков. Дверь здесь действительно была. И она была открыта!

Проржавевшие петли скрежетали и изо всех сил сопротивлялись тому. Чтобы заставить их замолчать, Саймону пришлось смочить слюной наиболее проржавевшие части. В туннеле было сыро и холодно. Никто, даже самые отважные мыши, не согревали его своим дыханием уже много лет. Четырнадцать птичьих шажков леди Иокасты оказались всего восемью для Саймона, и он очутился у второй двери.

Сюда не проникал ни один лучик света, и Саймон, даже прижав ухо к сухому дереву, не услышал ни звука. Он взялся за узорчатое металлическое кольцо, служившее дверной ручкой, и осторожно повернул его. В ответ пронзительно и возмущенно завизжал дверной замок. Потом он почувствовал сопротивление. Дверь была заперта! Всего лишь с другой стороны двери соберется знать — может быть, уже собирается, может быть, они уже приготовились схватиться за мечи, чтобы ворваться в эту предательскую дверь и убить его на месте. Саймон покрылся потом. Он вытер руки о нижнюю рубашку и всем весом навалился на ручку. И снова в ответ раздался терзающий душу вопль прогнившего металла.

— Поворачивайся, ты, ублюдочный сын проститутки, трахнутый, дерьмовой, вонючий... а-а-ах!

Замок так давно не трогали, что его части приржавели друг к другу. Конечно, Саймон никоим образом не смог бы открыть замок, но случилось то, что и должно было случиться. Древний металл не выдержал натиска Саймона, и все внутренности замка рассыпались. Дверь от толчка приоткрылась на несколько дюймов.

Ни света. Ни звука!

Саймон успел вовремя. Он, тяжело дыша, прислонился к грубой стене и закрыл глаза, чувствуя, как пот ручьями катится по его лицу. Эти усилия выжали его, как лимон. Его правая рука ныла и дрожала. Если бы здесь его ждал вооруженный человек, Саймон не смог бы оказать сопротивления. То, что он видел и вытерпел этой ночью, в совокупности с яростной борьбой с запертой дверью, забрали все его силы.

Через минуту он выпрямился. Просунув руку за дверь, он ощутил грубую поверхность тыльной стороны гобелена. Узелки на ощупь казались ветхими. Он встал на колени, ощупал пол и обнаружил, что гобелен свисает до самого низа. Стоя на коленях, он уловил топот сапог, звяканье шпор, резкие голоса. Саймон мет-

нулся назад и прикрыл дверь за собой. В коридор просочился лучик света. Саймон снова смазал слюной петли и смог прикрыть дверь почти до конца.

Покои с другой стороны гобелена заполнились людьми. Хорошо были слышны кашель, скрипение кресел, шарканье ног — звуки, предшествующие любому совещанию. Шум смолк, когда кто-то — предположительно Мескарл — постучал по столу.

— К порядку! К порядку! Приступим.

Другой голос. Нетрудно было узнать ядовитые интонации Милана.

— А что, милорд, нам можно не опасаться ваших чертовых жучков?

— Да. То, что будет сказано здесь, не услышит никто посторонний. Можете говорить здесь столь же откровенно, как в своей собственной спальне.

— Может быть, и более откровенно, отец.

Саймон широко раскрыл глаза. Стейси не упоминал альбиноса в числе тех, кто был посвящен во все секреты. И все же он оказался здесь, на самом секретном совещании планеты. Когда Саймон покидал замок Фалькон, о существовании этого мальчика только ходили слухи. Его предполагаемая мать исчезла — было объявлено, что она заболела и скоропостижно скончалась. Теперь, по-видимому, Магус стал силой, с которой придется считаться.

После первоначального обмена любезностями совещание продолжалось до четырех утра, пока все, в большей или меньшей степени, не пришли к согласию. Когда в комнате снова стало темно и тихо, Саймон захлопнул дверь, прошел по узкому коридору и закрыл за собой другую дверь. Он вернул леди Иокасте нормальный сон и направился в казарму охранников. По пути он взял перстень с печаткой с блюда и положил его в карман.

Дуэнья проснулась, когда он проходил мимо, и потянулась в своем кресле. Она проводила Саймона своими желтыми глазами. Старуха походила на большую, пригревшуюся на солнце ящерицу.

Несмотря на многолетние тренировки, Саймон не смог утихомирить свои мысли и заснуть в эту ночь. Слишком о многом следовало поразмыслить.

Глава 5. Все зависит от того, что называть жизнью

Ни один из дворян, за исключением несокрушимого де Поиктьерса, не поднялся на завтрак. Большинство вышло только к обеду. Некоторые собрались на соколиную охоту, и с ними был снаряжен отряд охранников. Саймон понял, что в замке предприняты усиленные меры безопасности. Опасаются увеличения активности мятежников, чувствуется, что партизаны могут воспользоваться собранием власть имущих, чтобы предпринять массированное нападение.

Ни Богарта, ни Саймона не включили в этот отряд. Более того, были отобраны только те, кому доверял сам сенешаль. Остальная часть гарнизона была переведена на казарменное положение на все те восемь дней, пока гости оставались в замке.

Впервые за день они вышли из замка на полуденный парад, и теперь жмурили глаза от яркого солнца. Когда все стояли в положении «вольно», ожидая смотра, откуда-то сверху раздались слабые крики. Как они ни выворачивали шеи, никто ничего не увидел.

Когда всех разбили на группы для несения послеобеденной службы, Саймон с Богартом оказались на посту в дальнем конце внутреннего двора. Там они и увидели источник шума. Почти у самого верха башни Фалькон висела большая клетка из кованого железа. Клетка, сделанная из железных прутьев, отстоящих друг от друга на несколько сантиметров, раскачивалась на ветру. В углу клетки сжался в комочек старик, который прошедшей ночью в банкетном зале убил своего сына.

Солдат, стоявший поблизости от них, кивком показал на качающуюся тюрьму. Молодец этот белолицый, всегда держит слово. Пообещал старику, что тот будет жить, и ни один человек его не тронет. Вот он и висит там, в тишине и спокойствии. Похоже, он уже хочет пить, а пока еще не жарко. Завтра ему захочется есть. Хотя никакой одежды на нем нет и он худой как щепка — наверное, ночи ему не пережить...

Богарт сплюнул, и плевок упал совсем рядом с ногой солдата.

— Ага. Он — мастер играть словами. И своим великодушием! Да у бешеной крысы великодушия побольше.

Саймон ткнул его, чтобы он заткнулся, но тут появился де Поиктьерс, призвал их к порядку и тем самым пресек возможные неприятности.

Висячая тюрьма находилась на своем месте три дня, пока всякие движения в ней не прекратились. Еще через два дня клетку убрали. Окно, из которого торчал брус, на котором она висела, принадлежало спальне Магуса Ричарда Мескарла!

День прошел спокойно. Вечером, после того как их сменили, Саймон с Богги сидели рядом, полировали свои мечи, и Саймон объяснял свой план. Лишних слов он не тратил.

— Первое. У нас восемь дней. Второе. К концу этого времени все эти прекрасные люди разъедутся по своим замкам и шанс исчезнет. Три. Если мы сможем связаться с ГСБ, то космический корабль будет здесь через день. Четыре. Поскольку нам пришлось уничтожить наш корабль, до ГСБ добраться мы не сможем. Те немногие трансмиттеры, что есть здесь, охраняются так, что до них мы не доберемся. Пять. Значит, мы должны добраться до Моркина, разъяснить ему всю сложность положения и напасть на замок Фалькон.

— У нас нет никаких шансов выйти за стены замка. Де Поиктьерс проследит за этим. Так что нам придется остаться здесь.

— Ты неправ. Ночью, после того как повидаюсь с бедной старой Иокастой, я собираюсь попытаться прорваться. Тебе придется оставаться здесь и изображать невинного младенца. А я рвану в леса, к Моркину.

— Что ты собираешься ему рассказать?

— Всю правду. Что Мескарл возглавляет заговор лордов Сол Три, у каждого из которых свои сильные интересы в запасах фероний для Федерации. Что они все за последнее время сильно увеличили свои запасы, практически обратив крестьян на шахтах в рабство. А потом фероний перепрячут в тайные хранилища по всему миру. Следующий шаттл, который прибудет в порт, увезет с собой только грубый ультиматум.

— Условия жесткие?

— Да. Свобода внутри Федерации. Признание рабства законным. Десятикратное увеличение цен на руду. И власть. Власть не только над Сол Три, но и над всей Солнечной системой.

— Без фероний уже через несколько недель звездолеты станут бесполезными. Любая попытка нанести удар возмездия — и все запасы будут уничтожены. А все знают, что запасы эти не так уж и велики. И синтезировать его нельзя.

Саймон швырнул свой меч на кровать.

— И все те, кто знает об этом, сейчас собрались здесь, в одном месте. Так что ночью я попытаюсь вырваться отсюда. Я бы ушел раньше, но если я не появлюсь, леди Иокаста поднимет шум. Всех перебудоражит. Похоже, она считает меня своим последним шансом в жизни. Когда она узнает обо мне все, для нее это будет страшным ударом.

Богги положил свой полированный меч на меч Саймона.

— Будь осторожен. Если тебя поймают, за мной будут следить вдвое строже. — Он бросил взгляд на большие часы в углу унылой казармы. — Пойдем, капрал Симеон. Перекусим напоследок в столовой. Может быть, капелька той гадкой мочи, которую там называют светлым пивом, прибавит тебе страсти к миледи.

Саймон шагал по притихшему замку, крепко сжимая в кулаке перстень леди Иокасты. Время от времени он слышал разносившийся по замку мерный топот патруля по каменным коридорам. В этот вечер банкета не было, но в замок привезли много юных девушек из Стендона, Брейкенгема и даже более далеких поселений. Их привозили в крытых повозках. Судя по их реакции, когда они понимали, что очутились во внутреннем дворе замка Фалькон, далеко не все ехали сюда по своей воле.

Саймон бесшумно шел мимо запертых дверей к апартаментам семьи владельцев замка. И когда он подошел к пересечению коридоров, кто-то нанес ему аккуратный удар по затылку чем-то мягким и гибким.

Вне всяких сомнений, впервые в жизни он потерял сознание от одного удара. Первым делом, как начал приходить в себя, он подумал, что большинство писателей абсолютно неправы. Не было никаких звезд, вспышек света, звона колоколов. Будто кто-то просто повернул выключатель в мозгу — никакой промежуточной стадии. Какой-то отрезок времени просто выпадает из жизни. Потом лишь легкое недомогание и боль в глазницах говорит о том, что ты прошел через это. Еще одно заблуждение состоит в том, что человек может настолько контролировать свое тело, что способен скрыть тот факт, что он пришел в сознание. Если тебя действительно отправили в нокаут, ты придешь в сознание только тогда, когда это тебе позволит мозг. Не раньше.

Саймон с трудом открыл болевшие глаза и увидел перед собой свет факелов. Его крепко держали под руки. Два человека стояли чуть позади него, по одному на руку. Перед ним, в круге света —

человек шесть-восемь, и ближе всех — мужчина с бородатым лицом. Де Поиктьерс.

— Ну, ну, ну. Успехи по службе вам не грозят, капрал Грейв. Вне казармы... Мне чертовски знакомо твое лицо. Что-то из давнего прошлого... Вспомню. Ты оказался вне казармы. Почему?

Саймон слегка потряс головой, чтобы прояснить мысли. Осторожнее!

— Я направлялся в покои леди Иокасты. Чтобы охранять ее ночью. Как и вчера. Мне кажется, вы знали об этом, милорд?

Де Поиктьерс ухмыльнулся в бороду.

— Да, я припоминаю, о чем-то подобном она просила. Но если ты направлялся к леди, у тебя должен быть ее перстень. Все ее «охранники»... получают такой перстень.

Вот оно что! Его схватили не как шпиона. Это всего лишь уловка де Поиктьерса. Он насаждает дисциплину своими методами. Когда Саймона ударили, он, конечно же, уронил кольцо. И сейчас оно преспокойно лежит в кошельке у сенешаля. Что ж, придется трудно. Но надо попытаться...

— У меня он был, милорд, — сказал Саймон, очень осторожно выбирая слова. — Но, вероятно, я случайно обронил его. Если ваше лордство мне позволит продолжить путь, то леди Иокаста подтвердит мои слова.

Де Поиктьерс приблизился к Саймону вплотную. Борода его царапала лицо Саймона, слюна брызгала изо рта.

— Нет! Наглый трус! У тебя нет перстня. А посему ты — лжец. Думаю, ты лжешь. Думаю, ты тайком выбрался из казармы для гнусного совокупления с какой-то грязной посудомойкой. Полагаю, что ты сядешь на цепь в карцере, на четыре дня, на хлеб и воду. И что твой друг-проныра будет сам сторожить тебя. Так что вы оба пропадете с моих глаз на некоторое время. Что ты скажешь на это?

Что было ему сказать? Разве то, что леди ждет его. Если он хоть что-то понимает в женщинах, то она воспримет очень болезненно то, что он не пришел к ней. Саймон никак не мог подобрать ответа. Сенешаль шагнул назад и нежно улыбнулся ему.

— Мой милый Симеон, клянусь, ты не очень хорошо выглядишь. До казарм далеко, и мне не хочется, чтобы ты устал еще больше, бил себе ноги по твердому булыжнику.

И он кивнул кому-то позади Саймона. Тот успел только вскинуть глаза — хотя ни к чему хорошему это не привело, просто ре-

акция на неожиданное действие — и тут снова все выключилось. На этот раз он уплыл надолго.

Саймон пришел в себя от резкой боли в шее. Он сразу же обнаружил, что боль ему причиняет грубый металлический ошейник с острыми краями, скованными сзади. Ошейник висел на цепи, которая, в свою очередь, была приделана к стене. Стене тюремной камеры.

Он лежал на охапке соломы. Светало. В отличие от подземных тюремных клеток донжона, этот карцер находился в помещении казарм, и забранное железными прутьями окно выходило во внутренний дворик. От двери свистнули. С большим трудом Саймон сфокусировал взгляд на глазке в центре двери. Там была видна половина лица Богарта, выглядевшего обеспокоенным и несчастным.

Видно, де Поиктьерс сдержал слово. Саймона посадили на хлеб и воду на четыре дня за пренебрежение обязанностями. Его сторожил — шесть часов на посту и два часа отдыха — капрал Зебадия Феттер.

На заре сенешаль посетил заключенного. Странно, но чувствовал он себя явно неловко. Де Поиктьерс мерил шагами крохотную камеру, пиная сапогами пучки соломы. Наконец он подошел к окну, свесил руки через железные прутья и сказал через плечо Саймону.

— Загадочный ты человек, мастер Грейв. Многое в тебе заставляет меня удивляться. Ты со своим невоспитанным другом появился на Сол Три, приземлился возле замка Фалькон как раз перед самым важным собранием знатных людей за последние несколько десятилетий. Вы утверждаете, что вы наемники. Тот способ, каким вы сбежали из Логова Червя, заставляет меня думать, что может быть это и так. Однако вы ведете себя слишком независимо. Вы слишком уверены в себе. Корабль ваш таинственным образом взорвался. Произошла драка в борделе, было убито несколько человек. Одного из них подозревали в связях с мятежниками. Ты связался с леди Иокастой. Ты шнырял по замку поздно вечером. Нет, не перебивай меня. Я знаю, что ты скажешь, и сейчас склонен в это поверить. На, возьми. Ей он больше не нужен.

Он швырнул что-то в солому перед Саймоном и снова отвернулся к окну. Нагнувшись, насколько позволил ему железный ошейник, Саймон зашарил по полу.

Де Поиктьерс заговорил снова:

— А потом вспомним смерть Мэтью. Опять вы оба оказались замешанными. Куча странных совпадений, братец. Тебе следует согласиться. Но это кольцо доказывает, что хотя бы отчасти ты не врал. То, что произошло сегодня утром — еще большее тому доказательство.

Саймон сжимал в кулаке перстень с печаткой леди Иокасты Мескарл.

— Что с ней случилось?

Сенешаль повернулся к нему.

— Она умерла. Не сомневаюсь, твой дружок все подробнее расскажет тебе. Я не хочу. Со своей стороны я рад этому... она освободилась. Когда-то я... — Он помолчал. — Хотелось бы верить, что она беспокоилась о тебе. Иначе... — Почувствовав, что уже и так сказал слишком много, он подошел к двери и распахнул ее. — И последнее. Твое лицо я все же вспомню. К добру ли, к худу ли, но вспомню. До тех пор ты будешь свободен — завтра тебя раскуют. После этого можешь снова приступать к своим обязанностям.

Тяжелая дверь захлопнулась.

Только после обеда Богги смог прийти и рассказать ему, что произошло. Повествование оказалось коротким и печальным.

Леди Иокаста долго ждала Саймона. Она дважды посылала свою старую служанку поискать его. И каждый раз та не могла его найти. Наконец Иокаста отослала служанку и заперлась в спальне. Утром та женщина зашла, чтобы разбудить свою госпожу, и обнаружила ее мертвой. Леди Иокаста взяла свои портновские ножницы и отрезала длинную полосу от простыни. Взобравшись на изящный лаковый столик, она ухитрилась привязать один конец к подвесному бра. Другой конец она захлестнула петлей вокруг своей тонкой шеи. Потом, как пловец ступает в глубокую воду, она скользнула к своему концу.

— Честное слово, мне очень жаль, Богги. Но она очень устала.

— Да. Говорят, Магус смеялся, когда услышал эту новость.

Прошло пять дней из восьми. Старика и его клетку убрали. Хрупкое тело леди Иокасты было положено на вечный отдых. Саймон провожал ее в последний путь. Плечом к плечу с ним богато украшенный гроб нес де Поиктьерс. Когда ее несли в семей-

ную усыпальницу, Магус сидел у раскрытого окна и выдувал мыльные пузыри. Большая часть лопалась, но некоторые плыли в теплом воздухе высоко над стенами башни.

На шестой день Мескарл послал за Саймоном.

— Капрал Грейв, я слышал от моего дорогого де Поиктьерса, что вы и ваш друг с тех пор, как таким чудесным образом появились среди нас, то взлетаете вверх, то падаете глубоко вниз. Вероятно, вы слишком не любите замкнутые помещения. Я убедил его, что вы должны завтра выехать с нами. Я везу своих гостей, чтобы показать им карьер. Поездка будет долгой и займет большую часть дня. Но ваш друг-коротышка останется здесь. Понимаете, только так мы можем быть уверены, что вы не только выедете вместе с нами, вы еще и вернетесь. Понимаете?

Саймон стоял по стойке смирно.

— Да, милорд. Я очень хорошо вас понял.

Мескарл улыбнулся. Он носил траур, как и все высокородные. Только Магус ухитрялся носить свои всегдашние черные одеяния таким образом, что казалось, будто он посмеивается над трагедией. Сам барон надел широкий плащ из черного шелка, который мягко шелестел при движениях. На плече его сидел кот, Священник, и его черный мех искрился, как настоящий соболиный.

— Ну и отлично. Выходим через час.

Пышная кавалькада долго грохотала по подъемному мосту замка Фалькон. Лорды гарцевали на своих скакунах, леди ехали степенно на покрытых роскошными попонами дамских верховых лошадях. Авангард, состоящий из воинов гостей и отборных бойцов самого Мескарла, скакал в сотне метров впереди основной процессии. Другие солдаты охраняли правый и левый фланги, и основные силы, возглавляемые де Поиктьерсом, следовали сразу за дворянами.

Всех вместе было не менее двух сотен душ. По плану утро посвящалось охоте, в том числе и соколиной. После пикника большая часть воинов сопроводят леди обратно в замок. Остальные отправятся к фероииевым карьерам и обогатительной фабрике.

Саймон скакал в первых рядах арьергарда, сразу же за де Поиктьерсом. Он был одет по всей форме — в длинном плаще, спус-

кавшемся ниже колен, в стальном шлеме. Кроме длинного меча у него был еще один из его тяжелых метательных ножей с листообразным лезвием, висевший в ножнах из оленьей кожи на тыльной стороне шеи. День обещал быть жарким.

Людей и соколов было очень много, более чем требовалось для удачной охоты. Однако то путы на ногах птиц никак не хотели развязываться, то соколы бросались не на дичь, а друг на друга. Многие леди от жары и суматохи расслабились, и посыпались выражения, которые скорее услышишь в публичном доме в базарный день, чем на пикнике в благородном обществе.

Мескарл возглавил группу охотников, решивших загнать нескольких вепрей, которые уже были пойманы слугами и которых отпустили, как только лорды приблизились. Но улюлюканью и охотничьим воплям не хватало воодушевления. Солнце поднималось все выше, становилось все жарче. Некоторые звери были так измотаны, что тупо стояли на месте, пока их не закололи длинными охотничьими копьями.

Однако один старый хряк со злобно изогнутыми клыками и налившимися кровью глазами стрелой метнулся сквозь кольцо солдат, распоров живот бедняге, оказавшемуся на его пути. Де Поиктьерс пришпорил своего коня, чтобы перехватить вепря, но тот успел подцепить скакуна за переднюю ногу и свалить его на землю.

Леди закричали, когда зверь вновь развернулся к упавшей лошади. Лошадь упала рыцарю на ногу, и тот лишь мог беспомощно смотреть, как его смерть в убийственной ярости роет копытами землю. Потом зверь бросился на него. Ни один из бравых дворян даже не пошевелился, чтобы помочь сенешалю.

Саймон желал смерти этого человека. Но тот еще не был стариком, пережившим время своего расцвета и преждевременно искалеченным, как Мэтью. Де Поиктьерс все еще был крепким мужчиной, которым можно восхищаться, гордым и высокомерным, не уступавшим ни в чем никому, кроме своего сюзерена. Неприятно было думать, что он должен умереть, в клочья разодранный дикой свиньей. Это не нравилось Саймону.

С диким воплем он пришпорил своего коня, но тот лишь всхрапнул, попятился и неуклюже попытался сбросить своего всадника. Как бы то ни было, это вмешательство заставило вепря приостановиться на какое-то мгновение, прежде чем снова броситься на свою жертву. В это самое мгновение Саймон и оказался у него на пути.

Припав на колено, он упер тупой конец копья в землю позади себя, совсем рядом с извивающимся, изрыгающим проклятия сенешалем. Одной рукой Саймон держал копье возле колена, чтобы закрепить его, другой — гораздо выше по древку, почти у самой перекладины, чтобы направлять копье. Он не обращал внимания на вопли оставшегося позади человека и ждал.

Все вокруг него, казалось, взорвалось воплями и суетой. Потом он заглянул в глаза вепрю, и словно перестал слышать все это. Он сконцентрировал свое внимание на животном, во всем мире остались только вепрь и он. Зверь начал двигаться, но, казалось, все происходит очень медленно. Из-под копыт вепря летели клочья дерна. Земля тряслась. Саймон восхищенно смотрел, как плечевые мускулы зверя перекатывались при движении, щетина встала дыбом. Его желтые клыки, один из которых длиннее другого, были вымазаны кровью до самых корней. Левый бок его был красным от крови убитого недавно человека.

От напряжения кровь грохотала в ушах Саймона. Адреналин непрерывно впрыскивался в его систему. Потом раздался оглушительный треск — наконечник копья пробил грудную кость мчавшегося вепря, и Саймона швырнуло на спину. Не будь на копье перекладины, зверь полностью наделся бы на древко и в последнем смертельном усилии достал бы Саймона.

Саймон повис на рвущемся из его рук копье, и рыло вепря оказалось всего в нескольких дюймах от его живота. Зверь неистово хрипел, его вонючее дыхание било в лицо Саймону. Потом кровь полилась из пасти вепря, и он издох.

После того как восторженные восклицания и аплодисменты стихли, после того как он получил свою долю поцелуев от леди и пригоршню золота и перстней от мужчин — включая чудесный кроваво-красный опал от Мескарла, — Саймон на некоторое время остался наедине с де Поиктьерсом.

Руки его дрожали, когда он пил вино из кубка, который ему вручил сенешаль с мучнисто-белым до сих пор лицом. Де Поиктьерс положил Саймону руку на плечо и отвел немного в сторону от толпы.

— Во-первых, спасибо. Я в таком долгу у тебя, как мало кому был должен за всю жизнь. Вепрь разодрал бы меня прежде, чем кто-либо успел бы пошевелиться. Нет, не возражай. Выслушай меня, я еще не все сказал. Я уже выразил тебе свою благодарность. Я оказался в большом долгу у тебя. А я этого очень не люблю. Од-

нако на сей раз мне будет очень легко рассчитаться. Когда мы вечером вернемся в замок Фалькон, я распоряжусь, чтобы тебе и твоему другу дали лошадей и еды. Оправдаться я всегда смогу. Вы уедете, и никогда не вернетесь. Поезжайте спокойно к своим друзьям из Галактической Безопасности. Уезжай, и на сей раз навсегда, Саймон Рэк.

Саймон первым готов был признать, что вся эта затея рискована. Хотя проверка показала, что в замке Фалькон было теперь всего три человека, хорошо знавших его, оставалась вероятность, что его могла узнать какая-нибудь служанка. Время оставило на нем многочисленные отметины, но сущность того человека, каким он стал, должно быть, присутствовала в нем и в те дни. Ему повезло, что толстяк-Саймон взорвался вместе с кораблем-разведчиком. Убийство Мэтью было более-менее спланированным, но и тогда удача бросила свои кости в его пользу. Теперь шансы переменились. Песок в часах вытек. И лавры и пенаты повернулись к нему спиной. Выберите любую метафору, какая вам понравится.

Но даже и теперь ничтожные шансы еще оставались. Де Поиктьерс у него в долгу — а это человек чести, и он в любом случае выполнит свое обещание, — так что у Саймона было два выхода. А если учесть, что он мог просто принять предложение и отказаться от выполнения своей миссии, то выходов было три. Но третий на самом деле не был выходом.

Так что он может попытаться убить де Поиктьерса и таким образом заставить его умолкнуть навсегда. Или он может убежать в лес и попытаться найти Моркина. А это значит потерять Богги. Нет, вернее — убить.

Когда сенешаль высказался, Саймон не смог ничего ответить. Де Поиктьерс не сводил с него холодного взгляда.

— Не будь я у тебя в долгу, прирезал бы тебя прямо сейчас. Ты это понимаешь?

Люди снова стали к ним приближаться.

— Да, милорд. Я слишком хорошо вас знаю. Что касается спасения вашей жизни, то я не мог позволить вам умереть на моих глазах. Такого дня я ждал долго, но все должно свершиться подобающим образом. А что до ваших слов, то я буду думать о них весь день. И, милорд, от меня вам тоже — спасибо.

Однако обстоятельства сложились так, что выбора Саймону не оставалось. При падении де Поиктьерс повредил лодыжку, и барон приказал ему вернуться в замок вместе с дамами. Саймону, тут же произведенному Мескарлом в сержанты, пришлось оставаться с высокородными гостями и вести авангард к карьеру.

Саймон долго не сводил взгляда с прямой спины сенешаля, который вел за собой большой отряд воинов, охранявших яркую процессию дам. Наконец он натянул поводья и направился в противоположную сторону. Губы его слегка шевелились, но никто не смог бы расслышать его шепот.

— Прости, Богги.

Путь к карьеру был долгим и грустным для Саймона, однако Мескарл и все дворяне пребывали в хорошем настроении. Их планы близились к завершению: богатство и власть, да такие, что превосходили всякое воображение, принадлежали им — оставалось только протянуть руку и взять их.

Путь был трудным, частенько он пролегал через густой лес и глубокие ущелья — прекрасные места для засады. Трижды за то время, пока они не подъехали к шахтам, откуда-то летели стрелы. Одному солдату стрела попала прямо в горло, и вскоре он скончался. Другая стрела попала в лошадь одного из гостей, а третья вонзилась в мягкий грунт как раз перед лошадью Саймона.

Пока Мескарл сам показывал своим гостям шахту, Саймон расположил людей в кольцо вокруг карьера. Дважды ему докладывали, что видели какое-то движение у подножия горы, но никто так и не напал на них. Шахта оказалась разверстым шрамом на теле земли.

Со своей позиции Саймон видел, что происходит в шахте, не так хорошо, как ему хотелось бы. Но все же он заметил, что те люди, которые копали и долбили слежавшиеся пласты грунта, содержавшего руду, были в весьма плохом физическом состоянии. У всех у них были железные ошейники. Надсмотрщики подбадривали их тупыми концами копий и устрашающего вида кнутами. Обращались с ними гораздо хуже, чем с крепостными. Донесенья не солгали — Мескарл действительно возродил рабство.

Не отводя взгляда от зарослей у подножия горы, Саймон уголком глаза следил за плотной черной фигурой барона, скакавшего с камня на камень на дне карьера, и время от времени скрывавшегося в клубах пыли. Одна мысль не давала покоя Саймону: разведанных запасов фероиума было чрезвычайно мало, и карьеров, по-

добных этому, не более дюжины на всей Сол Три. Обогатительная фабрика, принадлежавшая Мескарлу, была самой большой во всем этом полушарии, и челночные корабли постоянно грохотали у них над головами, перевозя очищенный фероний с планеты на галактические грузовые звездолеты, ожидавшие на орбите.

Этот карьер располагался к югу от замка, однако в донесениях, переданных Стейси, говорилось о том, что какие-то люди и охраняемые ими повозки тайно направляются в пустынную местность к северу от замка. Судя по старым картам, во времена, предшествующие войнам, в том районе располагался гигантский мегаполис. Ядерные и нейтронные взрывы, чуть было не уничтожившие саму планету, раскалывали землю и внесли чудовищные изменения в саму структуру скал. Одним из побочных продуктов этого и явилась реакционноспособная руда — фероний, вещество, которое позволяло космическим кораблям летать по всей галактике.

В месте расположения старого города, за покрытыми вечным туманом горами на севере можно было рассчитывать найти следы фероний. И все же шахта была на юге. И небольшая шахта. Весьма вероятно, что Мескарл затеял более рискованную игру, чем все предполагают. Что он готов перехитрить своих союзников и забрать себе все. При этой мысли по спине Саймона пробежал холодок. Если это так, то сейчас он старший офицер отборной гвардии предполагаемого диктатора всей галактики!

Этот поток мыслей был прерван зовом одного из его людей. Саймон полусоскользнул, полусбежал по песчаному склону и ухватился за плечо воина, чтобы не скользить дальше.

— Я... я не совсем уверен, Симеон, но мог бы биться об заклад, что видел большую группу людей между теми двумя холмами. Вон там. Вроде колонны муравьев. Трудно судить на таком расстоянии.

Саймон приставил ладонь ко лбу и вгляделся туда, куда указывал воин. Сейчас там, конечно же, уже не было никаких людей, но вроде бы еще висело легкое пыльное облачко. К ним подошел еще один солдат.

— Простите, сержант. Но если Уот полагает, что видел людей, то я считаю, он не ошибается. Глаза у него ястребиные.

— Ну хорошо, Уот, сколько их было?

— Трудно сказать. Может быть, пятьдесят. Может быть, и сотня.

— Боже мой! Сотня! Как раз на нашем пути обратно в замок.

Саймона прошиб холодный пот, и он сломя голову бросился к группе дворян. Какая ирония судьбы, подумал он, ему придется делать все возможное, чтобы спасти Мескарла от партизан. Но если на них нападет настолько сильный противник, весьма возможно, что перебьют всех лордов. И что хуже всего, есть некоторая вероятность, что убьют и его. А тогда — поскольку Богарт, можно считать, уже мертв — некому будет подхватить факел.

Барон слегка обеспокоился и, похоже, счел, что Саймон преувеличил число противников.

— Мой дорогой Грейв, этих негодяев не больше сотни, считая всех мужчин, женщин, старых пердунов и молокососов. Но нам здесь уже делать нечего, так что отправляемся обратно. Сомкнутым строем, я полагаю. И наверное, лучше нам не соваться в это ущелье. Выберем восточный маршрут. Поскольку вы не знакомы с этой местностью, пусть сержант Брук возглавит авангард. А вы будете в арьергарде. Джентльмены, возвращаемся в замок!

Может, Мескарл и не волновался, но некоторые из его друзей были не столь самоуверенными. Они столпились в центре кольца из стали, бросая боязливые взгляды поверх охранников. Саймон скакал последним, одной рукой держа поводья, другую положив на рукоятку меча. Когда отряд втянулся в скалистое ущелье, стая ласточек вспорхнула с расположенных впереди деревьев и крохотными серпиками поднялась высоко в небо. Пара секунд еще оставалась Саймону подумать, что же вспугнуло птиц. А потом его лошадь упала под ним, будто пораженная ударом грома. Саймон откатился от бьющегося в агонии скакуна и увидел обломок стрелы, торчащий из разверстой раны за его левым плечом.

Другие стрелы запели в воздухе, и он припал на колено, держа меч наготове. Он мельком увидел, что солдат по имени Уот, низко пригнувшись, скачет к лесу, размахивая руками и что-то крича спрятавшимся лучникам. Значит, его «Может быть, пятьдесят. Может быть, и сотня» было ложью, и партизаны смогли внедриться в окружение своего врага.

Стрелы поразили многих, и люди в грубых зеленых и коричневых куртках поползли к ним с длинными тонкими ножами, чтобы срывать с них шлемы и перерезать глотки. И хотя отряд смешался, Мескарл показал свой характер и проявил себя настоящим лидером. Он одной рукой размахивал над головой своим огромным мечом и криками собирал своих людей вокруг себя. Дважды стрелы отскакивали от его брони, один раз пара нападающих про-

рвалась сквозь охрану и попыталась выпустить кишки его коню. Барон заметил их и зарубил обоих с невероятной легкостью.

Других смельчаков не нашлось, и постепенно порядок восстановился. Не обращая внимания на павших, большинство дворян и штук двадцать солдат покинули поле боя и ускакали из ущелья, низко пригнувшись, чтобы избежать стрел, запевших им вслед.

Наступила пауза. Саймон рискнул встать, и при этом он решительно отшвырнул свой меч. Возле него двое или трое раненых стонали; лошадь, сломавшая при падении ногу, тонко и пронзительно кричала. Постепенно, по одному, по двое, мятежники показались из своего укрытия. Кое-кто еще не снял стрелу с тетивы, но вскоре стало очевидно, что схватка окончилась. Один из партизан с мечом в руке обошел всех, лежавших на земле, перерезав глотки и людям и лошадям. Шансов выжить не оставалось. Вскоре стоны и крики утихли.

Не то это было время, чтобы вступать в разговор. Саймон один остался в живых. Одно неверное слово — и выживших не останется. Несколько лучников стояло неподалеку наготове. А тем временем на самой границе леса несколько человек совещались.

Трое из них — Уот, какой-то старик и здоровяк, крепкий как гранитная стена, — подошли к нему. Гигант заговорил первым.

— Сержант Симеон Грейв. Уот и мой дядя за то, чтобы тебе тут же перерезать глотку. Но я считаю, что ты можешь рассказать нам кое-что интересное. Что скажешь?

— Скажу, что буду говорить. Но буду говорить только с вашим вождем. Где Моркин?

Уот вышел вперед и плюнул Саймону в лицо.

— Научись сдерживать свой язык, друг Симеон! Тут твой высокородный покровитель, великий барон Мескарл, тебя не защитит. Не тебе решать, когда и с кем ты будешь говорить. Теперь ты среди свободных лесных жителей. Одно слово некстати — и твоя кровь оросит этот песок.

Саймон рукавицей вытер плевок со щеки.

— И ты мне говоришь о свободе? Предатель, приведший людей на гибель! Людей, которых называл друзьями всего час назад. Если ваш вождь не позволит тебе убить меня, то лучше не поворачивайся ко мне спиной. Я убью тебя за это оскорбление.

Уот выхватил кинжал и метнул его в горло Саймону. Тот уклонился и бросился на обидчика, но в это время великан развел их. Рука, вцепившаяся в куртку Саймона, была крепкой, как дубовая

ветка, и большой, как баранья нога. На некоторое время он приподнял над землей Саймона и Уота, которые вовсе не походили на подростков.

— Ты, Уот, хорошо сработал сегодня. Но теперь попридержи язык и подумай, кто у нас решает, кому жить, кому умереть. А ты, лакей, никогда не был ближе к смерти, чем сейчас. Одной ногой ты уже ступил на другой берег Гадеса.

Саймон уже понял, что с этим народом нельзя проявлять слабость и уступать. Он вывернулся из-под огромной руки.

— Моркин, ведь это ты и есть? Моркин, полагаю, ты стал старухой. Ты думаешь, что спас *мне* жизнь! Сейчас бы этот дурак был уже мертв. И не считай меня идиотом — у нас общая цель. А если хочешь меня убить, то пусть твои лучники стреляют сейчас. Если кто-нибудь выйдет против меня один на один, я его пришибу.

Старик рассмеялся и хлопнул в морщинистые ладоши.

— Хорошо сказано! Я давно думал, что этим щенкам урок не помешает. Однако запомни: любой человек может вызвать на поединок любого. Но победитель встретится с Моркиным.

— А если я вызову Моркина?

— Победишь — станешь предводителем.

Моркин расхохотался и проревел:

— Ага, а у кабанов в ушах серьги, и они умеют летать к солнцу. Кончай дурачиться! Идем.

Трупы вскоре были обобраны, и все люди потянулись в лес, оставив своих мертвых среди трупов обитателей замка. Шли долго, и все время в полнейшей тишине. Моркин вел отряд, а Саймона окружали партизаны с обнаженными мечами. Руки его были связаны, на глазах повязка. Он чувствовал большое облегчение, когда они добрались до места. Уот грубо сорвал тряпицу с лица Саймона, и тот заморгал от света костра. Вокруг него молча стояла грязная толпа мужчин, женщин и детей. За ними виднелись плетеные хижины. Уот ухмыльнулся, заметив выражение лица Саймона.

— Что, не такого великолепия ты ожидал, а, покойничек? Ни шелков, ни роскошной еды... Ни сладкого вина. Но воздух, которым мы дышим, — воздух свободы, без привкуса рабства.

Не обращая на него внимания, Саймон огляделся. Мескарл не слишком ошибался в предположениях об их числе. Несмотря на их жалкий облик, большинство выглядело здоровыми, и те, кто участвовал в засаде, пострадали не сильно. Впервые за все время его туманные планы стали приобретать реальные очертания.

После нескольких минут ожидания его провели в самую большую хижину — очевидно, принадлежавшую Моркину. Толпа стояла неподвижно, безмолвно, никто не кричал ему оскорблений, ничего в него не швырял. Все просто ждали чего-то. Не было никаких проявлений ненависти, только какая-то болезненная апатия.

Внутри хижины был полумрак, и Саймон смог разглядеть лишь неясно вырисовывающуюся фигуру Моркина, развалившегося на груде вонючих шкур. Рядом с ним сидела женщина. Сбоку стояли старик, Уот и еще двое бойцов. Саймон встал перед ним.

— Думаю, ты можешь быть тем человеком, которого я жду. Если это так, то ты можешь кое-что сообщить мне. Если же нет, то ты даже не знаешь, о чем я говорю. Ну?

— А ты уверен, что здесь нет шпионов?

Моркин сел, его голос сделался угрожающим.

— Я знаю, кому могу доверять и до каких пределов. Никто из этих людей не предаст меня.

— Даже вот этот? — Саймон указал на Уота. — Не далее как сегодня он послужил причиной гибели людей, которые тоже доверяли ему. Случайно предателями не становятся, скорее всего, это кроется в его натуре. Я — тот человек, которого ты ждешь. Но разговаривать я буду с тобой одним.

— Я бы смог найти способ заставить тебя прикусить свой упрямый язык. Но не вижу в этом смысла. Если ты тот, за кого себя выдаешь, то все будет хорошо. Оставьте нас.

Раздалось недовольное ворчание — особенно заметен был голос Уота, — но хижина опустела. Осталась лишь женщина. Саймон молча указал на нее. Она встала и подошла к нему. Ростом она была чуть ли не с Саймона, гибкая и обладающая кошачьей грацией. Таких женщин Саймон на Сол Три еще не видел. Ее волосы черным водопадом ниспадали на плечи. И хотя ее кожа огрубела от ветра и солнца, она все еще была по-настоящему прекрасной. Она стояла совсем рядом с ним, так что ее грудь чуть ли не касалась его груди, и Саймон почувствовал, как сердце его заколотилось.

— Я — Гвенара, женщина предводителя.

Моркин перебил ее:

— Ты — моя.

Она и головы не повернула, чтобы ответить ему.

— Я сказала, что я — женщина предводителя. А поскольку ты предводитель, то я должна быть твоей женщиной. И потому я остаюсь на всех совещаниях. На всех.

Особых причин для скандала не было, время бежало слишком быстро, и Саймон не хотел его тратить. Таким образом в этой продымленной хижине, с деревянными мисками густого овощного супа в руках они приступили к беседе.

Саймон Рэк дураком не был и провел достаточно много времени в компании лжецов и негодяев. Он прекрасно чувствовал обман и ложь. Что-то в этом Моркине было не то. Но вот что, он никак не мог уловить. Этот человек был предводителем партизанского отряда, противостоящего Мескарлу, слушал Саймона без особого энтузиазма. С виду он вроде зажегся и рвался в бой, но Саймон чувствовал, что все это невзаправду. Моркин хитрил и изворачивался так усердно, что Саймон в конце концов утомился.

— Моркин. Пустая болтовня недорого стоит. Действия ценятся куда выше. Мы беседуем уже несколько часов. Мой друг скоро погибнет в замке Фалькон. А я бы не хотел, чтобы он отдал свою жизнь зазря.

Великан нехотя встал и подошел к двери хижины. Некоторое время он молча вглядывался в темноту. Потом, пробормотав что-то вроде «поговорю с помощниками», вышел.

Саймон гневно выплеснул остатки кислого молока из кружки в огонь. Молоко зашипело на угольках, в хижине запахло паленым. Женщина в течение всей многочасовой беседы почти не раскрывала рта, но никуда не уходила и как кошка сидела в углу. Шаги Моркина стихли вдали.

Ее голос внезапно нарушил тишину. Голос низкий и напряженный.

— Он переметнулся. К Мескарлу. Об этом знаю только я, но я хорошо разбираюсь в людях и вижу, что ты тоже подозреваешь это. Поэтому он и не желает шевелиться. И ищет любых причин для отсрочек. Чтобы не ввязываться в драку.

— Почему? И когда? Он сам первый попросил нас о помощи. Он был моей главной... моей единственной надеждой! Разве он может быть предателем?

Она поманила Саймона сесть рядом с ней.

— Я говорю тебе об этом потому, что верю в то, что ты сказал. Моркин тебе не поможет. Он будет чинить тебе всевозможные препятствия. А раз он — вождь, то и весь отряд последует за ним. Даже если я встану на твою сторону, это мало чем поможет. А причины для предательства стары как мир. Мескарл пообещал ему власть, если тот поможет ему. Я знаю это потому, что он недавно

намекнул — настанет время, и я вознесусь так же высоко, как любая леди.

— Но когда? Должно быть, недавно. Погоди... погоди минутку. Когда планы Мескарла так близки к завершению, он не может позволить себе ни малейшей неудачи. Ничто не должно вносить дисбаланс в его план. Так вот, он знает про Моркина и его отряд. Если бы он хотел, то, вероятно, мог бы запросто раздавить их. Но есть вероятность и неудачи. Все вы хорошо знаете этот район, и даже многочисленные и хорошо вооруженные силы могут уступить сплоченному партизанскому отряду. История, особенно история этой планеты, полна подобных примеров. Так что же ему делать? Внедриться. Поставить во главе своего человека. Во главе — Моркин, поэтому Мескарл и добрался до него. Теперь он знает, что партизаны не помешают его планам. Черт побери!

— Боюсь, Саймон, ты ничего не сможешь сделать. Если ты попытаешься удрать, он убьет тебя как предателя. Если ты будешь молчать, то он сделает все, чтобы наши планы развивались медленно, не опережая событий. Я перегрызла бы ему глотку, когда он лежал со мной, если бы знала, как сильно время работает против нас. Прости.

— Возможно. А возможно и нет, Гвенара. Вот чего я не смогу понять, так это того, насколько хитроумно составлен этот план. Много лет назад я знал Мескарла. Он был грубым, бессердечным, безжалостным, самоуверенным и жестоким человеком. Отважнее многих диктаторов и глупее большинства из них. А теперь мы все время сталкиваемся с умом изворотливым. На каждом шагу он предусматривает возможную опасность и предпринимает хитроумные действия, чтобы избежать этой опасности. Мескарл прежний набросился бы на вас, как старуха с горшком кипятка, пытающаяся уничтожить муравейник. И получилось бы у него как у старухи — некоторых убил бы, остальные попрятались и объявились бы позже, еще более сильными, чем раньше.

— К Моркину приходил не барон. Другой.

Саймон с удивлением посмотрел на женщину.

— Ты видела их вместе! Когда?

— Около двух месяцев назад. Моркин ночью встал и покинул меня. Я думала, он пошел попить, но услышала, как он одевается. Я заподозрила неладное и пошла за ним. Тайной тропинкой он вышел на полянку возле маленького водопада. Я ухитрилась по-

добраться совсем близко. Некоторое время он разговаривал с невысоким человеком, который кутался в плотный плащ.

Саймон крепко схватил ее за плечо.

— Как он выглядел?

Тут они оба услышали шаги, приближающиеся к хижине, — шаги грузного человека. Гвенара отшатнулась от Саймона и потерла плечо.

— Голос его был слишком мягким и высоким для мужчины. Сладкий, но ядовитый, как скорпион в бочонке меда. И когда он шел, он подволакивал ногу.

— Ну конечно же! Бледнорожий Магус!

В этот момент Моркин вошел в хижину. В его руке был большой полыхающий факел.

Глава 6. А тем временем в замке...

Хуже всего было то, что он не мог расслабиться. Если он пытался встать, то стукался головой о низкий свод камеры. Если пытался сесть или лечь, то железный ошейник вначале давил его шею, затем начинал душить. Так что ему приходилось стоять согнувшись. Руки его были связаны так крепко, что из-под ногтей сочились струйки крови. Ноги были свободными, и он время от времени переступал по соломе, чтоб хотя бы одна часть его тела функционировала.

Вначале вернулись леди, во весь голос восхвалявшие бравого сержанта Грейва. С ними приехал де Поиктьерс, слегка прихрамывающий из-за поврежденной лодыжки. Замок вскоре жужжал от новостей об убитом вепре и быстром продвижении нового фаворита барона.

Прошло около часа, и стражники с наблюдательной башни прокричали новости о другом отряде. Барон, большинство дворян и часть их охранников на взмыленных лошадях, кое-кто с ранами от стрел, вихрем пронеслись к воротам. Они проскакали во внутренний двор замка, громко проклиная партизан и предателей. Богарт со смешанными чувствами увидел, что Саймона с ними не было. Хотя некоторые видели, как он упал, один сказал, что вроде бы убили только его лошадь, а сам он невредимый покатился по земле. После долгой совместной работы с Саймоном Рэком Богги верил в его способности к выживанию. Возможно, все это каким-

то образом было подстроено Саймоном, чтобы таким путем связаться с партизанами.

Когда после обеда Богарт сдал свой пост, у него было хорошее настроение. Видимо, Саймон чисто ухитрился сделать то, чего добивался, не теряя своих позиций в замке. И в самом деле, многие дворяне вызывались делать вылазку, чтобы попытаться отыскать героя. Сам Мескарл первым делом отправился в покои де Поиктьерса и не показывался оттуда больше часа. Появившись, он первым делом собрал на совет самых важных лордов.

Богги знал об этом, но ничего поделать не мог, и потому просто отправился в пивнушку, предназначенную только для капралов и сержантов, — он решил слегка выпить на ночь. То количество эля, которое он выпил, заставило бы большинство людей искать темный уголок и думать о куске льда на голову. Он же этим ранним вечером был лишь слегка навеселе.

Он встал и прикрыл глаза, пытаясь прочистить мозги и понять, что же случилось. Его вызвали в покои де Поиктьерса, и он пошел, ожидая выслушать слова соболезнования по поводу гибели его друга. Вместо этого он получил железной перчаткой по лицу, кулаком по голове, так что упал, а потом его пинали, пока он не потерял сознание.

Так он и оказался здесь, прикованным, в одном из верхних донжонов. Он примерно представлял, где оказался, потому что еще не совсем стемнело, и тусклый свет из окошка слегка рассеивал мрак тюремной камеры.

Позже той же ночью его раздели и привели, вне всякого сомнения, в камеру пыток замка Фалькон. Его положили лицом вверх на стол, жирный от застарелых пота и крови, и пропитавшийся застарелыми запахами страха. Руки его прикрепили к верхнему краю стола, а ноги широко, до боли развели в стороны и привязали к противоположным краям. Повернув голову, он увидел разложенные, заботливо приготовленные кнуты. Под ними были прислонены к каменной стене различные металлические инструменты: прямые и изогнутые, длинные и короткие, гладкие и с крюками, с зазубринами. Все они были приспособлены для того, чтобы рвать и терзать человеческое тело. На скамье слева от него беспорядочной грудой лежали более обычные инструменты: молотки, шила, клещи, дрели и пилы различных размеров. Большая часть была чистыми и сверкающими, будто недавно начищенными; другие покрыты темными пятнами.

Богги не ощущал холода, хотя и был обнажен. Справа от него стояла большая железная жаровня, полная пылающих углей. На углях лежала третья группа инструментов. Хотя Богги и вывернул голову, насколько мог, он так и не понял, что это за инструменты, потому что их рабочие части были погружены в горящий уголь. Рядом лежали тряпки — ими палач обматывал рукоятки инструментов, чтобы не обжечь себе руки.

Случилось что-то нехорошее, вероятно, даже худшее из возможного. Обычно так не обращаются с лучшим другом бравого воина. Таким образом обращаются с приятелем того, кого подозревают в шпионаже. Однако все другие мысли в этом направлении были прерваны скрипом открывающейся двери. Затем дверь с грохотом захлопнулась. Пара ног медленно спускалась по ступенькам, потом протопала по полу. Те люди, которые привели сюда Богги, удалились. Наконец вновь пришедший попал в поле зрения Богги, и тот понял, что остался наедине с сенешалем, Анри Шерневалем де Поиктьерсом.

В правой руке у рыцаря был хлыст для верховой езды, которым он машинально похлопывал себя по бедру. Богги заметил, что в конец хлыста вплетены куски проволоки. Сенешаль остановился в шаге от стола и хмуро улыбнулся лежащему на нем человеку.

— Капрал... Зебадия... Феттер. — Каждое слово он подчеркивал легким ударом по незащищенному паху Богги. Тот помимо своего желания съеживался и вздрагивал при каждом слове, ожидая неизбежного удара. Надеясь, что сможет его ослабить.

Де Поиктьерс ткнул его чуть сильнее.

— Глаза открой. Ну вот, молодец. Итак, господин капрал, сейчас я расскажу тебе одну историю. Когда я закончу, рассказывать начнешь ты. Лет пятнадцать назад я повесил семью одних браконьеров — мать, отца и подростка. Но второго мальчишку я пощадил. Взял его с собой, заботился о нем, а затем отослал, чтобы тот нашел себе место в этом мире. И вот он его нашел. Ты слушаешь?

Де Поиктьерс во время рассказа мягко, но метко бил кончиком хлыста по бедрам Богги. Кроме неприятных ощущений, это был еще и эффективный способ подчеркнуть, кто здесь силен, а кто слаб.

— Да, милорд. И я верю, у вашего рассказа счастливый конец, мне сейчас очень хотелось бы посмеяться. Правда, если вы будете неаккуратно обращаться с хлыстом, то в будущем у меня смогут подниматься только уголки губ при улыбке.

Де Поиктьерс расхохотался.

— Право, мне нравится твое остроумие. Жаль, что у меня не так много времени, чтобы подольше наслаждаться им и посмотреть, насколько его хватит. Но время идет. Этот мальчик поступил в Галактическую службу безопасности. И, надеюсь, проявил себя хорошо. Потом мы потеряли его след. Многие думали, что он не вернется. Но я... я так не думал. Я чувствовал, что он каким-то странным образом связан со мной и с этим замком. Я знал, что настанет день, и он вернется. И, Зебадия, я был прав, верно?

Тот ожидал удара, но боль от этого не стала менее сильной. Тело Богги выгнулось на столе, и резкий выдох вырвался сквозь стиснутые зубы.

— Прости, я был неосторожен. Я вовсе не хотел повредить твой роскошный член. Не сомневаюсь, он доставлял удовольствие многим девицам, и проявит себя еще неоднократно. Если ты ответишь мне на пару вопросов.

Богарт стряхнул с глаз пот.

— Во-первых, милорд, позвольте мне один маленький вопросик. Он все еще на месте или отвалился после удара?

— Все еще на месте. Хочешь, докажу?

— Нет! Нет, спасибо. Что вы хотите узнать, милорд?

Де Поиктьерс отошел, вернулся с низким стульчиком и поставил его на пол напротив головы Богги. Потом уселся и закинул ногу на ногу.

— Вот и хорошо. Скоро мы с тобой станем верными друзьями. Когда все эти неприятности закончатся, мы оба посмеемся над ними. Я хочу знать, где сейчас Саймон Кеннеди Рэк, что он знает о планах барона и что собирается делать. Ах, да, еще. Как тебя зовут и какую роль ты играешь во всем этом?

Богарт старался не показывать виду, но боль в его паху не могла сравниться с тем потрясением, которое он испытал, поняв, что они проиграли окончательно и бесповоротно. Если пытают с умом, без бессмысленной жестокости, любого человека можно в конце концов сломать. Все, что ему оставалось делать, это выиграть для Саймона немного времени.

— Милорд де Поиктьерс. Мой отец говаривал мне, что тот, кто не сопротивляется и не старается сбежать прямо сейчас, остается жить для того, чтобы вовремя сбежать в другой раз. Так что, следуя этому предположению и принимая во внимание...

— Прежде всего мне нужно твое имя, потому что скорее всего ты — не Зебадия Феттер. И я думаю, что ты, во всяком случае, не дурак. И, пожалуйста, не считай дураком и меня. Мы оба знаем, что Рэк пытается войти в контакт с партизанами, чтобы захватить замок. А этого он сделать не сможет, потому что их вождь — грубая скотина, которого зовут Моркин — нами подкуплен. Ах, ты этого и не знал? Я считаю, что Саймон отправился в лес потому, что знал о наших планах и о том, насколько они были близки к осуществлению. Наверняка и ты знаешь о них. Думаю, активного участия в его действиях ты не принимаешь, просто ждешь здесь, чтобы помочь, если это окажется возможным. Ну, теперь все стало еще проще. Мне нужно только твое имя и ответ, верны ли мои предположения. — Он протянул руку к жаровне и взял один из инструментов. Воздух закипел на его раскаленном кончике — тонком, закрученном в штопор кончике. Сенешаль поднес его к лицу Богги и подержал перед его глазами. Даже с расстояния сантиметров в двадцать жар заставил того зажмуриться.

— У тебя же есть воображение, правда? Подумай о тех частях твоего тела, куда я могу его просто положить, или слегка вкрутить. Не трать времени попусту, черт возьми.

Кончик пыточного инструмента стал темно-красным, и сенешаль снова положил его на жаровню. Богги понял, что на сей раз это действительно конец. Теперь ему ничего не остается, как только лгать. Но вначале — немного правды.

— Меня зовут старший лейтенант Юджин Богарт, Галактическая служба безопасности. А ваши предположения — это куча дерьма.

— Дерьма?

— Навоза. Говна. Того, чем этот замок полон от подвалов до шпилей.

Де Поиктьерс встал и обошел вокруг стола.

— Если я ошибаюсь, то ты мне сейчас скажешь, где и в чем. И расскажи мне, почему ты здесь.

В этот момент дверь со скрипом отворилась и послышались приближающиеся к ним шаги. Странные шаги. Будто шел калека.

— Почему же ты ничего не сказал мне, сенешаль, про двоих предателей? Двоих шпионов из ГСБ? И что один из них здесь, в этой камере? — голос был мягким, как майский полдень, и зловещим, как поцелуй кобры.

— Потому, лорд Магус, что я рассказал обо всем вашему отцу, и тот не счел необходимым поставить в известность вас. Я думал, что вы... что вы отдыхаете.

Ноги снова зашаркали по полу, сопровождаемые постукиванием толстой, резной и усыпанной драгоценными камнями трости, которая везде сопровождала альбиноса.

— Ты мне нравишься еще меньше, де Поиктьерс, когда строишь из себя чертова уклончивого святошу. Ты же знаешь, что я исследовал влияние колдовских грибов. Ты знаешь, что я пользуюсь кокаином и опиумом. Я не «отдыхал», как ты вежливо выразился.

Богарт почувствовал, что этот ублюдок разъярен, и увидел в этом проблеск надежды. Превозмогая боль, он поднял голову и взглянул в искаженное яростью лицо Магуса.

— О, господин Магус, как приятно видеть ваше лицо. Как это ваш отец позволил вам одному выйти из вашей детской?

Магус подошел ближе, рот его скривился.

— Последи за своим болтливым языком. Иначе лишишься его.

— Как храбро вы разговариваете с человеком, связанным по рукам и ногам! Полностью беспомощным. Впрочем, чего еще ожидать от слабого калеки, прыгающего по белому свету, как прокаженная лягушка.

Сын Мескарла отшатнулся, как будто его ударили по лицу. Его красные глаза сузились и полыхнули злобой. Обеими руками он схватился за свой ворот, разорвав завязку и обнажив белую кожу. Он издал странный отвратительный полувскрик-полустон.

Де Поиктьерс поспешно встал перед ним, пытаясь загородить собой Богарта. Магус вскинул трость и прошипел:

— Отойди, или я ударю тебя.

— Милорд, подумайте о том, что знает этот человек. Наши планы находятся сейчас в настолько подвешенном, неустойчивом состоянии, что его сообщник может выкинуть какой-нибудь трюк и уничтожить все. А этот человек может все знать, и он будет говорить. Подумайте о своем отце и о плане.

Медленно, нехотя трость опустилась.

— Возможно. Но не думай, что я ломал себе голову над этим планом ради отца. Замок Фалькон будет моим.

Настало время для следующего укола, пока горшок еще кипит.

— Ради меня не стоит его оттаскивать. Я слегка замерз, и небольшое развлечение мне не помешает. А он привык только обры-

вать крылышки мухам. Он не сможет причинить вреда настоящему мужчине. — Тот снова разъярился. — Впрочем, я сомневаюсь, что он сможет хотя бы поднять эту палку. Телосложением он скорее в мать, чем в отца.

Этого было более чем достаточно. Де Поиктьерс еще пытался отвлечь Магуса, но безуспешно. В лице альбиноса проглянуло безумие.

— Что ты знаешь о моей матери? — слова с трудом пробивались сквозь сжатые зубы.

Последний удар.

— Знаю, что твоя мать повесилась неделю назад. Добровольно лишила себя жизни, узнав, что мертвенно-бледное чудовище, которое она родила, превратилось в колченогую пародию на человека.

Юноша застыл от гнева и потрясения. Клочья пены свисали с его губ. Левой рукой он вцепился себе в лицо, и струйки крови побежали по мертвенно-бледной коже. Он зашатался на своих слабых ногах, и Богарт на мгновенье подумал, что зашел слишком далеко и что тот сейчас упадет в обморок. Но Магус ухитрился взять себя в руки, хотя дрожь во всем его теле и стиснутые челюсти показывали, каких усилий ему это стоило.

Он оттолкнул дородного де Поиктьерса в сторону, и голос его был почти спокойным.

— Я убью тебя, убью тебя, убью тебя, — трость его вздымалась и опускалась, и слова эти перешли в какую-то ликующую песнь.

Де Поиктьерс что-то кричал ему, пытаясь напомнить об отце. На мгновенье Магус приостановился и взглянул прямо в глаза сенешалю. Де Поиктьерс не выдержал этого взгляда и отвернулся.

— Если потребуется, я всегда смогу заменить отца. Но существует только один замок Фалькон. — И он снова вернулся к своему занятию.

Глава 7. Нож, огонь и свеча

— Так.

Это единственное слово, произнесенное спокойным голосом, повисло в воздухе.

— Ты следила за мной. Что ж, я должен подумать об этом. Ты — дочь вождя, и долгое время была женщиной другого вождя.

Итак, мастер Рэк, теперь ты понимаешь. Ты понимаешь, каким образом нашептывания о власти коварного злодея, такого, как белокожий Магус, могут превратить твердое решение в пустое и безосновательное. Нет смысла говорить об этом. Нет смысла пытаться хоть в малейшей степени изменить мое мнение. Я перехожу на сторону Магуса. Ты можешь сказать, что они собираются предать меня. Возможно. Но вот что я скажу тебе: эта гнилая планета не оставила нам ни единого шанса на выигрыш. У них на руках все тузы — власть, богатство, люди, оружие. У нас — ни одного!

Саймон помолчал и, глядя прямо в глаза гиганту, выложил свой решающий аргумент.

— А как насчет того оружия, что в Арсенале? Будь оно у тебя? Что бы ты стал делать?

Моркин не ответил, но Гвенара охнула.

— Нет, только не то оружие! Это святотатство. Ты ставишь под удар свою вечную душу. Ни один человек не посмеет прикоснуться и к песчинке со стен Арсенала. Если он просто взглянет на эти исчадья ада, то ослепнет. Его глаза вытекут. Ты сошел с ума!

Моркин мягко расхохотался.

— Вот уж не думал, что Федерация пришлет идиота.

Пламя вспыхнуло на мгновение, в комнате стало светлее.

— Один вопрос, Моркин. Кто тебе сказал, что один взгляд на это оружие приводит к смерти?

В голосе предводителя партизан появилось легкое колебание.

— Священники. И в книгах так написано. Черт возьми, все это знают! Да и какая разница, кто сказал? Пойдем, люди хотят спать. Нам нужно покончить с этим вопросом до утра. Я созову совет, и ты изложишь им новую идею. Потом я сам, лично, вышвырну тебя обратно, туда, откуда ты пришел. — Моркин вышел, движение воздуха подхватило струйку дыма, и тот заметался по хижине.

Гневно сплюнув в костер, Саймон заговорил будто про себя, однако он надеялся, что Гвенара слышит его:

— И ради этого я преодолел миллионы миль, видел страдающих и умирающих людей. Убивал сам. Обрек лучшего друга на страшную смерть в одиночестве. И все ради этой стаи идиотов! Неужели никто не может понять, почему это оружие запрещено? Почему они так боятся, что кто-нибудь его заполучит?

Гвенара перебила его:

— Кто это «они», Саймон? И почему они поступают так, как ты говоришь?

Саймон повернулся на пятках, подошел к ней, положил одну руку ей на талию, другую на плечо, так что их лица оказались совсем рядом.

— Повторять я не буду. Потом нам нужно вместе выйти к вашим людям. Оружие, которым пользуются здесь — луки, мечи, копья — это очень простое оружие. С таким оружием обычно всегда выигрывает тот, у кого больше людей. А значит, выигрывает всегда правящий класс. Если позволить пользоваться любым другим оружием — порохом, пушками, военными самолетами, атомными бомбами, всем, чем угодно, — то маленькая армия получает реальный шанс нанести поражение гораздо более внушительным силам. Одним снарядом можно разрушить замок Фалькон. Так что кому выгодно сохранять все, как оно есть? Лордам. Кто контролирует церковь и все доступные книги? Лорды. Кто уверяет, что одна только мысль о более совершенном оружии ведет к величайшей ереси? Правильно! Чья многовековая власть рухнет сразу же, как только в руки людей вроде тебя попадут взрывчатые вещества и вы сумеете ими воспользоваться? Вот так-то, Гвенара. Клянусь, это правда. Но как мне убедить в этом ваших людей, а?

Ночную тишину прорезали крики и шум. Моркин начал созывать мужчин и женщин на собрание. Гвенара оттолкнула Саймона и встала у выхода. Ее силуэт вырисовывался на фоне костра.

— Саймон, возможно, ты говорил правду. Я могу в это поверить, и может быть, кое-кого из наших ты тоже сможешь убедить. Но тебе нужно время, а Моркин его тебе не даст. Тебя забросают камнями. То, что ты говорил, сильно смахивает на богохульство. У тебя осталась одна надежда. Беги через заднюю стенку хижины, в лес. Я постараюсь удержать их, и может быть, ты сможешь вернуться в замок. Дай мне несколько дней, я попытаюсь поговорить кое с кем о том, что ты сказал. Потом, если...

Саймон перебил ее.

— Гвенара. Если я вернусь в замок Фалькон, то через несколько часов буду уже мертв. И вряд ли у нас есть несколько дней до того момента, как Мескарл до конца сплетет свою паутину. Осталось лишь несколько часов.

Из толпы партизан, собравшихся вокруг костра, раздался громовой голос:

— Выходи, богохульник, прочитай свою лживую проповедь моему народу. Или тебя вытащить за уши?

* * *

А в замке хирург приложил еще одну пиявку к шее того куска сырого мяса, который когда-то было Юджином Богартом. Как ни странно, жизнь в нем еще теплилась, хотя едва-едва. Лицо его распухло и стало бесформенным, лиловые синяки вокруг глаз показывали, куда было направлено большинство жестоких ударов. Нижняя часть его живота была забинтована, сквозь чистые повязки проступила кровь. На бледной коже резко выделялись следы трости. Грудь шевелилась едва-едва, пропуская в легкие лишь столько воздуха, чтобы поддерживать жизнь. В углу слабо освещенной комнаты уселась смерть и распростерла крылья, ожидая своего часа.

Губы, распухшие и потрескавшиеся, зашевелились. С них слетел слабый шепот, и слова канули в тишину. Из густой тени вышел де Поиктьерс и склонился над избитым человеком. Наклонился еще ниже, пытаясь уловить какой-то смысл в его словах. Потом выпрямился с выражением недоумения.

Доктор, обеспокоенный человек лет пятидесяти, которому приходилось видеть слишком много избиений и смертей в стенах замка Фалькон, робко кашлянул.

— Простите, милорд, но что он сказал? Вы расслышали?

Сенешаль повернулся. Он уже забыл о присутствии здесь еще одного человека и наполовину пропустил его слова мимо ушей.

— Что? Ах, да. Похоже, я все же расслышал. Мне показалось, он сказал: «Ради всего святого, Монтрезор». Что бы это значило? Странно.

Шум был приглушенным, но тем не менее угрожающим. Толпа была против него. Уже потому, что он носил ненавистную им ливрею Мескарла. Каким-то образом просочились слухи, что он — что-то вроде полицейского агента, что он — против барона Мескарла, и что он появился, чтобы освободить всех их. Но Моркин быстро довел до всеобщего сведения, что на самом деле он черный маг и пытается покуситься на самые устои их веры.

Итак, крушение надежд. Грустное, горькое крушение. Их надеждам суждено было на краткое мгновение вспыхнуть, чтобы тут же погаснуть. Многие втайне думали, что ничто и никогда уже не изменится. Что они всегда будут жить в лесу, за ними всегда будут

охотиться солдаты, и даже крепостные будут настроены против них. Они будут есть желуди и мох, пить гнилую воду и жить в вонючих хижинах. Их дети будут умирать во младенчестве. Летом у них будет першить в горле, зимой будет трескаться кожа на руках.

Свет на мгновение озарил их сумеречный быт, но тут же был погашен. Теперь их гнев был обращен на пришельца. Он ни в чем не сможет их убедить, и раз уж ему не под силу сражаться со всеми ними, ему остается один выход.

— Моркин! — воскликнул он и выскочил из полутемной хижины, оставив позади Гвенару. — Моркин, ты — трус. Проклятый трус, шелудивая сука, которая ластится тайком к ногам этого скелетика — сына черного Мескарла. Слизывает грязь с его башмаков, а потом выпрашивает свежей человеченки в благодарность за верную службу.

Дальше продолжать не стоило. Крики окружающей толпы заглушили его голос. Кто-то кричал, чтобы он умолк, другие требовали поединка, чтобы Моркин прирезал его. Некоторые даже онемели от изумления. Рэк никогда не походил на человека, который жаждет погибнуть мучительной смертью.

Моркин, раздавая оплеухи и затрещины, сумел добиться тишины, которую каждая глотка готова была нарушить в любой момент.

— Мне нравятся храбрые люди, но сумасшедших я не терплю. Своим безумным поступком ты хочешь убедить людей, что твоя ложь — это правда. Чего ты добиваешься?

— Я хочу, чтобы люди знали, кто ими командует. Подлый предатель, который продал их Мескарлу. Человек, который растоптал их светлые мечты своими грязными ногами. Человек, которого я убью ради них.

Снова вокруг воцарился бедлам, и Саймону трудно было услышать даже самого себя.

— Выслушайте меня! Я утверждаю, что Моркин — предатель. Я докажу это тем, что буду драться и убью его. Я ненавижу убийства, но для меня убить этого изменника — все равно что раздавить ногою ядовитого паука. По вашим же правилам, если я одолею его, то стану вашим вождем. Я поведу вас на эту груду дерьма, которая называется замок Фалькон. Вместе мы разрушим замок и повесим его злобного владельца вверх ногами на городских стенах. Но вначале...

— Вначале ты должен убить меня. Ну, тихо. Тихо!! На стороне Саймона — обычай и право. Но это мало ему поможет во время

драки. Если он одолеет меня, то станет вашим вождем, вы пойдете за ним и будете выполнять его приказания. Если я виновен в том, в чем он обвиняет меня сейчас своими пронзительными воплями, то бог, конечно же, поможет ему. Наверное, он сумеет оторвать меня от земли и забросить на вершину Стендонского шпиля.

Когда хохот утих, все поспешили расположиться так, чтобы лучше видеть сражение. Отверженные образовали неровное кольцо вокруг костра в центре хижин. У многих в руках были факелы, так что арена оказалась хорошо освещенной. В костер подбросили дров, землю получше утоптали. Оба мужчины разделись и остались только в штанах. Саймон сбросил и ботинки, а Моркин предпочел остаться обутым. Обнаженный Моркин выглядел еще более внушительно: грудь его походила на каменную стену, покрытую порослью жестких, курчавых волос. Мускулы перекатывались под кожей. Саймон по сравнению с ним выглядел худеньким юношей.

Когда они готовились к схватке, к Саймону подошла Гвенара.

— Следи за ним внимательно. Он силен и быстр. Обеими руками он действует одинаково хорошо, и для победы может, не задумываясь, воспользоваться нечестными приемами. Еще я уверена, что он где-то припрятал нож.

— Почему ты мне все это говоришь, Гвенара?

Она помолчала, прежде чем ответить.

— Потому что думаю, что может быть ты и прав. Всю свою жизнь я ненавидела и спасалась бегством. Куда бы я ни шла, мне приходилось озираться — не следят ли за мной. Я знаю, что долго не проживу, потому что положение становится все хуже, а мы сильно спешим. Но, возможно, если ты прав, я смогу пожить хоть немного так, как хочу.

Тут Уот вызвал Саймона и Моркина на середину, и их с Гвенарой разговор кончился. Правила битвы были короткими и простыми. Их просто не было — они будут сражаться до тех пор, пока один не будет побежден и не признает свою неправоту. Или, что скорее всего, пока один из них не погибнет. Оружием пользоваться нельзя. Когда Уот отошел назад и приготовился дать знак к началу, Моркин прошептал Саймону:

— Когда ты умрешь, я вволю назабавляюсь с этой потаскухой. Потом задушу ее. Через два дня милорд выиграет свою игру. И я стану здесь править. А ты, Саймон, будешь гнить на навозной куче, с твоим трупом будут забавляться дети, и мухи выедят твои глаза.

Уот на всякий случай отошел подальше, к самому кольцу зрителей, и высоко поднял руку. Затем резко ее опустил.

Саймон тут же отскочил назад, чтобы оценить великана в действии. Моркин шел за ним, раскинув руки, будто готовясь разорвать своего противника напополам. Он насмехался над тем, с какой скоростью Саймон отступает, но Саймон не обращал на него внимания. Но когда он очутился с той стороны, где, как он помнил, стоял Уот, из толпы швырнули большой камень, который больно ударил его в правое плечо. Саймон пошатнулся, и Моркин набросился на него.

Одной рукой, как тисками, он ухватил левую руку Саймона, а другой попытался вцепиться в ребра. Вместо того чтобы вырываться, Саймон тут же метнулся прямо в объятия Моркина, резко ударив головой снизу в его подбородок, так что голова того откинулась назад. Струйка крови побежала из лопнувшей губы Моркина, и толпа вскрикнула.

Снова они кружили по импровизированной арене. Моркин бросился на Саймона, готовый разорвать его на части, но того на прежнем месте уже не было. Когда его противник протопал мимо, Саймон нанес ему резкий удар в предплечье. Моркин взревел от неожиданной боли и отскочил назад, потирая онемевшую руку.

Саймон улыбнулся. Теперь он знал, каким образом победит. Этот человек был огромным и невероятно сильным, но медлительным. Он медленно думал и медленно действовал.

Рэк осторожно пошел вперед, пружинисто покачиваясь на ногах, и Моркин стал отступать. Они оказались около костра, и тут Моркин решился. Рука его прокралась за пояс и выскользнула оттуда с коротким ножом.

В толпе недовольно загудели, и Саймон не упустил шанса.

— Так значит, Моркин, что бы ты ни делал, все кончается предательством. Ублюдок!

По крайней мере ножом Моркин пользоваться умел. Он снова пошел вперед, держа оружие в правой руке, лезвием вверх, и кончик ножа покачивался, плетя гипнотическую паутину смерти. Саймон изобразил страх, бросился бежать и поскользнулся на песке. Толпа охнула как один человек, но ему показалось, будто он различил крик Гвенары. Он вскочил на ноги как раз вовремя, чтобы избежать удара. В руке он крепко сжимал пригоршню песка. Саймон Рэк редко падал просто так!

Умело маневрируя, он постарался оказаться между своим противником и костром. Тут он бросился на врага, нож свистнул ему навстречу, но в лицо Моркину уже летел песок. Тот инстинктивно вскинул обе руки, чтобы защитить глаза. На какое-то мгновение нож оказался на уровне его плеча.

Ну! Выпрямиться, перенести вес на левую ногу. Ударить правой вперед и вверх, прямо тому в пах. Там оказалась какая-то прокладка, и все же удар был достаточно силен, чтобы тот скорчился. Теперь нож. Скользнуть под руку, ударить по трицепсу. Ребро ладони погружается в мускул, дробя его о кость. Нож на земле. Отшвырнуть его правой ногой. Он выпрямляется. Пнуть его в брюхо. Пальцы ноги погрузились сопернику в живот. Мышцы широкие, но не очень прочные. Теперь выше, в солнечное сплетение. Таким образом можно убить, но только не такого быка, как Моркин. Задохнулся. Боже, как он силен!

Зритель, ничего не знающий о боевых искусствах, подумал бы, что шансы все еще на стороне более сильного человека. Но большинство лесных жителей хорошо разбирались в драке, и вокруг воцарилось напряженное молчание.

Саймон выбросил руку, как жалящая кобра, и ударил Моркина по шее, выразив этим свое презрение.

— Ну вот, предатель. Как тебе нравится драка? Тут тебе не поможет лорд Магус, а?

Моркин не ответил. Грудь его тяжело вздымалась, пот струился по лицу. На фоне костра вырисовывался его гигантский силуэт. Но Саймон понимал, что с ним покончено. Осталось только выбрать способ.

Тот опустил руки, чтобы потрогать свой пах. Вверх! Обе ноги оторвались от земли и врезались в незащищенное лицо. Зубы с жутким хрустом раскрошились вдребезги, нос вмялся внутрь; осколки частей раздробленного носа вонзились в переднюю часть мозга. Удар был ужасным.

Громко крикнув, Моркин рухнул на спину, будто подрубленная сосна, руками схватившись за лицо, словно стараясь собрать его заново, — последнее сознательное усилие гибнущего мозга.

Он перекатился лицом вниз прямо в костер — в полыхающие угли и горящие ветки. Языки пламени облизали его голову и плечи, пожрали бороду и волосы, занялись кожей лица. Умирающий издавал нечеловеческие крики и стоны, приглушенные горящим углем, закрывшим ему рот. Руки его конвульсивно дергались,

хватались за огонь, безуспешно пытаясь вытолкнуть тело из костра.

Саймон встал на ноги, вытер руками лицо и поискал нож. Нож лежал возле костра, его лезвие поблескивало. Смерть медленно подползла к Моркину, отверженному Моркину, предателю. Саймон подобрал нож и за ноги вытащил бьющееся в конвульсиях тело из огня. Волос на почерневшем черепе не осталось, так что трудно было откинуть Моркину голову, чтобы перерезать ему глотку и прекратить его мучения. Саймон все же ухитрился просунуть руку под обугливщийся подбородок и откинуть его голову назад. Большая часть лица была сожжена, а веки выгорели совершенно.

Когда кончик ножа нащупал правую сонную артерию, струя крови брызнула прямо в костер, испаряясь и заполняя полянку запахом жареного мяса. Ток крови ослаб, сердце Моркина остановилось и мозг перестал функционировать. Саймон положил труп на землю и встал.

— Теперь я ваш вождь. Если кто-то с этим не согласен, пусть сразу же выйдет вперед. Уот? Нет? Вы все видели, что я умею делать. А теперь уже поздно что-либо обсуждать и строить планы. Идите спать. И подумайте о том, что видели. Клянусь вам как офицер Галактической службы безопасности, представляющий Федерацию, что этот человек предал вас. Утром, после того как мы позавтракаем, я расскажу вам о своих планах. Многим из вас они покажутся святотатством. Но это не так. А теперь — по хижинам и спите.

Потихоньку переговариваясь, люди начали расползаться во тьму. Тут Саймон еще на некоторое время задержал их.

— Уот! Между нами есть счеты. Я не хочу держать зла на человека, который, надеюсь, будет сражаться на моей стороне. Я буду считать, что с ними покончено, если ты оттащишь подальше эту падаль и закопаешь так, чтобы вонь его не беспокоила честных людей. Что скажешь?

Уот бросился вперед так поспешно, что споткнулся и чуть не упал.

— Да, Саймон. С охотой. Я ничего не имел против тебя. Я верил Моркину. Прошу прощения за плевок.

Саймон поднял руку и прижал лезвие ножа к щеке Уота.

— А за камень, Уот? Просишь прощения и за камень?

Тот побледнел.

— Ах, да, камень. Да, Саймон. За это тоже.

— Так иди же, Уот, и зарой его хорошенько. Утром поговорим о тех, кто остался в живых.

Теперь на арене никого не было, кроме одной женщины. Перед хижиной, которая когда-то принадлежала Моркину, стояла и ждала. Гвенара. Саймон подошел к ней, чувствуя, как усталость и напряжение ударили ему в ноги.

— Ты был хорош, милорд. — Она сделала ему реверанс. — Где ты будешь спать, милорд?

— В хижине вождя, где же мне еще спать?

— Тогда я буду спать с тобой. Я так решила. Разве я не женщина вождя? Где же еще мне спать?

Той же ночью, позже, растратив всю страсть и сняв усталость любовью Гвенары, Саймон незаметно уплыл в сон. Костер снаружи погас, в хижине было темно и тихо. Рядом с ним спала женщина, волосы ее обрамляли загорелое лицо. Его голова лежала на ее обнаженной груди, сосок щекотал его губы, когда она шевелилась во сне.

Утром настанет время планов. Следующий день — день действий.

Последнее, о чем думал Саймон перед сном — это о Богарте и о том, как он встретил свою смерть. Саймон надеялся, что мучаться ему не пришлось.

Глава 8. В моем конце мое начало

Прошло двадцать четыре часа. Моркин потихоньку гнил в лесной могиле. Богарт все еще не пришел в сознание и лежал на койке в замке. Временами он перекатывал голову из стороны в сторону и что-то бормотал. Де Поиктьерс все свое свободное время проводил в больничной палате, пытаясь выловить в этой бессвязной речи какой-то ключ, который поможет установить, какие же опасности угрожают планам его хозяина. Через два дня этим планам уже ничто не помешает. Тогда то, что останется от Богарта, окажется на виселице на западной стене замка. Ему свяжут руки и ноги и он повиснет в воздухе, раскачиваясь и вращаясь, пока плоть не отпадет и сухожилия не разорвутся, а то, что останется, упадет на мостовую с высоты тридцать футов.

Мескарл и приехавшие к нему в гости лорды и леди ограничились развлечениями в замке, чтобы очередное внезапное нападение не сократило их числа еще раз. Проводились шуточные турниры, Мескарл играл в шахматы, фигурки в которых изображали заключенные. Его противник, Милан, получил мат через восемнадцать ходов и самолично зарубил своего ферзя в знак признания поражения.

Весь этот день, после того, как Магус избил Богарта, его никто не видел. Дверь в его покои была все время заперта, еда и питье нетронутыми оставались у дверей. Окна его комнат были закрыты черным бархатом. Один слуга, посмелее остальных, подкрался и приложил ухо к двери. Потом он сообщил остальным, что слышал только монотонное пение и глухие удары в ненатянутый барабан. Другие слуги дрожали и не сомневались в его словах, когда храбрый слуга сообщил, что слышал не только кукольный голосок альбиноса-лордчонка. Хотя все знали, что в комнатах никого не может быть, кроме Магуса, тот слуга клялся, что слышит еще один голос, произносящий слова на неизвестном языке, каком-то булькающем. Голос этот будто доходил издалека, сквозь толстый слой жидкости.

В нескольких милях от замка, глубоко в лесу, весь день Саймон вызывал к себе в хижину по несколько лесных жителей и медленно и мягко пытался внушить им ту задачу, которую они должны выполнить завтра. Он хорошо понимал, что пытается сделать. Для сравнения: заставить полковника Стейси забраться на свой письменный стол и помочиться на уставы ГСБ — задача куда более простая.

Гвенара оказывала ему большую поддержку — она знала всех людей, их слабые и сильные стороны. Она убедилась, что в том, что говорит Саймон, есть смысл, и что его план может зажечь лучик надежды в беспросветном мраке. Некоторых она убеждала, некоторых высмеивала, некоторым угрожала. Кое-кто так и не смог переступить через старые, въевшиеся в плоть верования. Кое-кто пребывал в нерешительности. Кое-кто, из числа более разумных, восприняли убеждения и перешли на сторону Саймона.

Потом он собрал всех вместе, верующих и сомневающихся. Мечом он прочертил линию в центре арены.

— Завтра я выступаю против замка Фалькон, и либо оставлю свои кости белеть здесь, на земле Сол Три, либо одержу победу.

Каждый, кто хочет сражаться рядом со мной, перешагнет эту черту и встанет у моего плеча. Если никто не пойдет, клянусь, я пойду один. Решайте.

Некоторое время никто не шевелился. Старые обычаи умирали с трудом, и никто не хотел отдавать свою жизнь, какой бы тяжелой та ни была, ради каких-то мизерных шансов на успех. Толпа расшумелась, и тут Гвенара взорвалась, перешагнула черту и подошла к Саймону.

— Итак, любимый, остались только мы с тобой. Эти трусливые собачонки будут спать у своих костерков и давать жизнь новому потомству, которое будет жить в грязи и умирать прежде, чем поймет, что же такое жизнь. — Она повернулась к примолкшей от стыда толпе. — Идиоты. Вы же слышали, что говорит Саймон! Если планы Мескарла исполнятся, вы думаете, он оставит в покое гнездо жалящих как осы отверженных — какими бы трусами те ни были — в своей вотчине? Теперь вы знаете, почему нас так долго не трогали. Через два дня нас уже можно считать мертвыми. К чему ждать? Давайте хоть умрем так, чтобы за нас никому не было стыдно.

Уот подошел к ним одним из первых. Люди подходили парами, тройками. Женщины выталкивали своих мужей, вышло и несколько девушек постарше. В конце концов только дети, женщины постарше, пара калек и старики оказались по ту сторону линии.

День незаметно сменился вечером, длинные тени протянулись меж хижин. Саймон, следуя советам Гвенары, выбрал четверых помощников, отказал нескольким девушкам, мужчинам постарше и подросткам. У него осталась боевая единица в количестве сорока восьми мужчин и двенадцати женщин. С этой карманной армией он намеревался штурмовать самую неприступную крепость на всей Сол Три и нанести поражение гарнизону тренированных солдат числом свыше двухсот, плюс охране приехавших лордов.

После тщательного, детального обсуждения плана Саймон отослал помощников к своим отрядам, чтобы каждый человек хорошо понял и заучил свою роль в предстоящей битве. Больше он ничего не мог сделать.

Хижина опустела. Они с Гвенарой остались вдвоем. Она отрезала толстый ломоть скверного хлеба, испеченного из муки с отрубями, и подала ему хлеб с миской острого козьего сыра. Целый день у него не было времени перекусить, и сейчас он с жадностью накинулся на еду. Завершил он трапезу бурдючком эля, чтобы

смягчить глотку. Он лег на шкуры, а Гвенара прикрыла пологом вход и подошла к нему.

Встав перед ним на колени, она принялась развязывать завязки его одеяний.

— Как ты думаешь, у нас есть шанс?

Саймон боролся со сном.

— Если нас засекут слишком рано, арбалетчики перестреляют нас как стадо оленей. Если мы сможем пробиться к Арсеналу, шанс у нас есть.

Хотя она ласкала его очень искусно, на этот раз сон оказал на Саймона Рэка более чарующее воздействие, чем Гвенара. Она укрыла его шкурами и, слегка опечаленная, легла рядом с ним. Завтра к вечеру она или погибнет, или встанет на вершину нового правящего класса, который тоже станет владеть жизнями людей на протяжении столетий. В любом случае она станет свободной.

С раннего утра в замок Фалькон стали прибывать крестьяне. Поскольку лишних посетителей оказалось крайне много, вскоре после рассвета внешний двор был забит необычно плотной толпой продавцов и покупателей. На случай неприятностей де Поиктьерс удвоил стражу, стоявшую на равных интервалах вдоль внутренних стен замка, и добавил людей на ключевые позиции у ворот. Арсенал же охранялся усиленно уже с тех пор, как приехали первые лорды-заговорщики.

Де Поиктьерс собирался сам следить за внешними воротами, чтобы попытаться засечь знакомых ему партизан, и особенно Саймона Рэка. Но обязанности, связанные с ключевыми перевозками фероиума из карьера на секретную обогатительную фабрику, вынудили его отсутствовать пару часов с утра.

Торговля началась как обычно, если не считать большого числа торгующих. Саймон умышленно оттягивал начало нападения, пока стражникам не прискучит на них смотреть. Они расслабятся и перестанут ждать неприятностей.

План его был простым. Первыми ударят женщины под предводительством Гвенары. Они распределились поближе к вооруженным стражникам, пряча под одеждой острые ножи. Один отряд мужчин под началом крепко сбитого бывшего солдата по имени Ральф был наготове, спрятав среди продуктов, которыми якобы торговали, короткие охотничьи луки и стрелы. Их задачей было

помочь женщинам, если что-то пойдет не так, а затем попытаться помешать лучникам со стен замка обстреливать через бойницы нападающих.

Еще двадцать человек, под началом Уота, расположились как можно ближе к замковым воротам, так, чтобы не вызвать подозрений. Как только женщины начнут бой, они должны захватить эти ворота и удержать их любой ценой.

Оставшаяся дюжина — лучшие люди, как отрекомендовала их Гвенара — держалась рядом с Саймоном и должна была справиться с практически невыполнимой задачей захвата неприступного арсенала. Вокруг талий у них были обмотаны фитили, а в их корзинах с овощами прятались горшки с горючим маслом.

На звоннице под башней Источника прозвонил полуденный колокол. Через тридцать минут охрану сменят. Еще через час рынок будет закрыт. Саймон напряженно вгляделся сквозь толпу туда, где Гвенара, продававшая фасоль, ожесточенно торговалась с какой-то пожилой женщиной. Не обращая внимания на жалобы женщины на дороговизну, она уловила его взгляд. Он коротко кивнул, и она улыбнулась ему в ответ.

Вечером они недолго обсуждали, как подать сигнал к наступлению. Благородный призыв к свободе и вольности. Но чем дольше удастся сохранить тайну, тем будет лучше для всех. Каждая сбереженная секунда может означать жизнь по меньшей мере одного человека из их маленького отряда. Теперь, получив его сигнал, Гвенара передаст его так, как они договаривались. Уот и Ральф услышат его и начнут действовать.

— Ты, старая карга! Пусть у меня болячка выскочит, если я продаю гнилую еду! Зачем обижаешь честных людей? Я найду на тебя управу. Пойду прямо к самому лорду. Пусть сам барон Мескарл скажет, злодейка я или нет.

Несмотря на напряжение, Саймон не сдержал улыбку. Было условлено, что она подымет скандал, и паролем станет имя Мескарла. Лицо женщины, торгующейся с Гвенарой, выражало изумление и замешательство от такого неожиданного взрыва.

Если бы она видела, к каким результатам привел этот крик, то изумилась бы в сто раз сильнее. Солдаты, стоявшие вдоль стен внешнего двора, бездельничали, наслаждались теплыми лучами солнца и думали о еде и питье, которые ожидали их менее чем через полчаса. Типичный пример того, что произошло со всеми ними, это то, что произошло с юным Годфриком.

Годфрик чуть не засыпал. Кольчуга натерла ему шею и подмышками, пот стекал по груди. В паху у него свербело, но почесаться он не мог. По крайней мере еще полчаса. На рынке было больше народу, чем обычно. Было душно. О чем кричит эта громкоголосая шлюха? Лишь бы не было никаких неприятностей! По крайней мере до смены. Ну вот, похоже все утихло. Какая-то женщина подходит к нему. Не одна ли из тех девиц, что в борделе предлагают свой товар? Что она говорит?

— Погромче, дорогая. Что?

Солдат склонил голову ко рту девушки.

На шее ясно проступили большие артерии; они пульсировали от ударов сердца, гнавшего кровь к мозгу. Прошлым вечером Гвенара проинструктировала всех женщин, куда и как ударять. Точильный камень крутился, далеко в ночь летели искры, все ножи были остро заточены. Бет, та девушка, которой предстояло убить Годфрика, дрожала, но удар оказался точным и сильным. Острие ножа вонзилось рядом с сонной артерией, и она втолкнула нож поглубже, как ей было велено.

Кровь брызнула прямо ей в глаза, и Бет стало дурно, но дело было сделано. Солдат не произнес ни звука, только глаза его широко раскрылись от удивления. Смерть опустила свое покрывало на его мозг так быстро, что он так и не успел осознать, что же произошло. Он лишь успел возмутиться, что кто-то сильно ударил его по шее как раз тогда, когда хорошенькая девушка собиралась сказать ему что-то интересное.

В течение пятнадцати секунд все солдаты во внешнем дворе погибли. Только один ухитрился закричать, и тут же был зарезан человеком из отряда Ральфа, стоявшим поблизости. Но крики, раздавшиеся отовсюду, показали, что кое-кто заметил убийства. Крики и вопли росли в геометрической прогрессии, пока внутренний двор не превратился в бедлам. Крестьяне пытались как можно скорее покинуть внешний двор. Овощи катались и прыгали по булыжнику, яйца бились, и их содержимое смешивалось с потоками крови. Цыплята били крылышками и пищали, какой-то поросенок в ужасе метался по двору, волоча за собой обрывок бечевки.

Отряд Уота, собравшийся у ворот, связывающих внутренний и внешний дворы, начал бой сразу же, как только они услышали пароль. Солдат там оказалось больше, чем они ожидали, но внезапность оказалась на их стороне и потери были минимальными. Уже через минуту караульное помещение напоминало бойню. Трупы

усеяли пол. Уот приказал выбросить тела во внутренний двор, чтобы расчистить место для драки. Наружную дверь оставили открытой, а внутреннюю закрыли и забаррикадировали.

Четверо людей с луками бросились по спиральной лестнице в комнатку над караульной, чтобы удержать под контролем внутреннюю часть двора. Сержант, спавший в этой комнатке, проснулся от шума внизу и не даром отдал свою жизнь — убил одного лучника и ранил еще двоих. Но главные ворота были захвачены.

Охрана внешних ворот, осознав, что происходят какие-то неприятности, опустила решетку, но к тому времени большинство крестьян уже выбежали из замка и бежали со всех ног куда глаза глядят.

Внешний двор был очищен и оказался в руках Саймона. Люди Ральфа, за которыми увязались и женщины, напали на внешние ворота, воспользовавшись неразберихой. Надо сказать, внешние ворота держались минут десять, но половина нападающих отдала за это свои жизни. Однако как только ворота были захвачены, решетку подняли и главный вход оставался открытым. Выжившие лучники тоненькой цепочкой встали возле рва на расстоянии выстрела от замка в готовности к финальной части плана.

Саймон подождал всего несколько минут, чтобы убедиться, что первые стадии прошли успешно, а затем повел свой отряд на Черную Башню, давшую приют Арсеналу запрещенного оружия.

В вышине бил набат, предупреждая защитников замка, что происходит нечто страшное. В замок Фалькон проник небольшой отряд решительных бойцов. Как ни странно, через две минуты вся внешняя половина крепости оказалась в руках отверженных. Но их власть над замком была призрачна и могла держаться лишь до тех пор, пока держатся ворота, связывающие внутренний и внешний дворы. Во внутреннем дворе уже собирались солдаты, готовые штурмовать их.

Пока, подумал Саймон, вспомнив рассказ Сары из борделя, все идет хорошо. Обстоятельства складывались не так плохо, как он боялся. Теперь его черед.

Черная Башня была расположена слева от входа в замок, во внутреннем дворе. Она была около ста футов высотой и сложена из тесанного гранита. Нижний этаж предназначался для солдат, охранявших башню ежечасно, ежедневно и ежегодно. Оружие хранилось на верхних этажах.

Двое людей, стоявших снаружи у главного входа, погибли мгновенно — стрелы сделали их похожими на подушечки для бу-

лавок. Тяжелые двери были выбиты прежде, чем люди, находившиеся внутри, осознали что происходит. В главной комнате произошла короткая кровавая стычка, и вскоре ее очистили. Но подоспело подкрепление, и схватка стала отчаянной и безнадежной.

Саймон вел нападающих, и меч пел у него в руке. Он яростно нападал и парировал, пока люди позади него захватывали одну из боковых комнат, которую заприметил Богарт, и счел подходящей для того, чтобы устроить в ней пожар. Сложенные в ней матрацы распороли и выпотрошили, солому облили густым маслом.

На другие матрацы вылили питьевую воду из медных сосудов, стоявших возле двери. Пока они все это делали, другие люди сражались и умирали для того, чтобы выиграть время. Раздавшийся сзади крик сигнализировал Саймону, что все готово, и он начал медленно отступать.

Тут он обнаружил, что рядом с ним сражается Гвенара, умело орудующая длинным копьем. И хотя они отступили, обороняющиеся заподозрили ловушку и не последовали за ними. В боковой комнате кремень ударил о кресало, коробочка с заботливо охраняемым трутом воспламенилась. Пропитанная маслом солома вспыхнула, и яркий огонь озарил нижний этаж. Солдаты тревожно закричали и предприняли вылазку. Однако углы стен и лестниц затрудняли им бой даже с численно меньшим противником, и вылазка была отбита.

Одного не предусмотрели строители замка: оборонявшимся пришлось не сдерживать нападающих, а самим прокладывать себе путь наружу. Даже сама форма спиральных лестниц мешала воинам успешно действовать мечом.

Деревянные полы были древними и сухими, как пыль. Пламя облизало их и прыгнуло на двери. Столы высунули языки пламени, а гобелены на стенах моментально рассыпались в пепел. Саймон крикнул, чтобы несли мокрые матрацы, не то пламя сожрет всю башню. Если огонь не взять под контроль, то и сам план рухнет вместе с запертым оружием.

Войлок и матрацы с мокрой соломой бросили на огонь, и тут же повалил густой, едкий дым. Саймон отвел своих людей к главному входу, где воздух был чище. Дым был таким густым, что уже в метре от себя ничего не различить, и они только слышали кашель и проклятья оборонявшихся, когда черный дым окутал их.

Вся гениальность плана захвата Арсенала заключалась в том, что заметил Богарт взглядом опытного военного несколько дней

назад во время краткой рекогносцировки. Как ни замечательно построена Черная Башня, у нее было два фундаментальных изъяна. Нападающие очень искусно воспользовались обоими. Во-первых, главный вход не сдержал внезапного нападения. Во-вторых, все здание построено в виде ряда сегментов, каждый из которых на несколько футов выше предыдущего, располагающихся вокруг большой центральной лестницы. Они походили на последовательность каменно-деревянных треугольников, наложенных друг на друга, крутившихся относительно центра.

Таким образом, получалось что-то вроде гигантского дымохода, бешеным циклоном уносившего весь дым с нижних этажей на верхние. И избавиться от дыма нельзя было никоим образом.

— Сейчас мы больше ничего не можем сделать, милорд? — спросила Гвенара, когда они ждали у главного входа.

— Ничего. Наружные ворота наши, Уот удерживает средние ворота. Нам остается только ждать, когда дым заполнит всю башню.

Дым уже вырывался из всех амбразур и окон запретной крепости. То тут, то там из отверстий высовывались головы, глотая свежий воздух или взывая о помощи. Ни один из людей Мескарла не запросил пощады. Они знали, какую цену придется заплатить тому, кто сдастся неприятелю, когда барон или де Поиктьерс восстановят порядок. Ну а для того, чтобы перебить горстку подонков, им много времени не понадобится.

В башне над средними воротами становилось все горячее. У нападающих были тараны, и они вышибали прочную дверь. В комнатах наверху оставшиеся в живых лучники изливали прямо-таки потоки смерти во внутренний двор. Мостовая была забрызгана кровью, на ней то здесь, то там лежали карикатурно изломанные тела.

Сенешаль, укрытый мантелетом, понуждал своих людей удвоить усилия. Столб дыма, стоявший над Черной Башней, сказал ему о многом. И настроение от этого у него не улучшилось. Де Поиктьерс многое вспомнил и многое узнал о Саймоне, и кулаки его сжимались в бессильной ярости. Неужели он осмелится захватить Арсенал? И, если так, неужели он?.. Мысль эта была настолько ужасной, что он отбросил ее и с проклятьями набросился на солдат, орудующих тараном.

Следующая четверть часа были заполнена яростным действием и противодействием. Смертью и насилием. Дымом и грязью. Саймон впоследствии мог вспомнить только несвязанные обрывки событий — как незначительных, так и жизненно важных.

Вот момент, когда первый защитник Черной Башни понял, что не может больше находиться в этом удушливом аду. Он выпрыгнул в окно и молча летел до булыжной мостовой добрых тридцать метров. Он ударился о землю с такой силой, что голова его раскололась как глиняный горшок и Саймона, стоявшего на значительном расстоянии, забрызгало мозгами этого человека.

За ним последовали другие. Они летели к земле как осенние листья. Саймон собрал остатки своего отряда для последней отчаянной атаки. Он полагал, что долго она не продлится, поскольку защитников охватило отчаяние. Благодаря тщательно продуманному плану, им, видимо, без труда удастся справиться с кашляющими, задыхающимися солдатами, у которых к тому же слезятся глаза.

Вот еще запомнившиеся моменты.

Гвенара, колющая солдат под колена своим копьем, режущая незащищенные сухожилия, затем, когда они беспомощные, падали, разбивающая им головы. И смеющаяся при этом. Ее длинные волосы заляпаны сгустками крови.

Закрыли двери, преградили путь огню, сочилась только тонкая струйка дыма. Убили нескольких человек, которых обнаружили на верхних этажах. Эти люди ослабли от недостатка воздуха. Все вокруг было покрыто копотью и стало липким.

Потом — галерея с ранним огнестрельным оружием. Он остался один, потому что другие — несмотря на все их мужество — не могут преодолеть табу. Гвенара насмехается над ними и разбивает стекло витрины. Хватает и размахивает маленьким ручным оружием. Направляет его на Саймона и отводит в сторону, заметив выражение его лица. Остальные, набравшись у нее мужества, радостно смеются и расхватывают оружие.

Саймон кричит им бросить. Оружие тех времен полностью пришло в негодность. Заряды сгнили, рассыпались в прах. На следующем этаже он находит то, на что надеялся. В большой витрине выставлены блестящие твистеры, которым едва ли не сто лет. Если арконовые заряды еще активны и действуют, то ими можно пользоваться. Люди от него погибают в страшных мучениях — у них взрываются клетки брюшной полости. Жертвы корчатся и ужасно кричат от боли — поэтому оружие и названо твистером.

Он повернул указатель на одиннадцать и восемь — максимум для этой модели — и огляделся, на ком бы его испытать. Было бы здорово, если бы остался в живых хоть один солдат и бросился бы

именно в этот момент на Саймона в самоубийственном приступе ярости. Тогда оружие удалось бы опробовать.

Но судьба не оказалась настолько заботливой, и Саймону пришлось вывернуть указатель на самый минимум и рискнуть выстрелить себе в живот. Он обрадовался, ощутив дрожь и сильный приступ тошноты. Работает!

Перекрикивая набатный колокол, вопли и крики, доносившиеся в башню, Саймон ухитрился объяснить своим людям основные принципы обращения с оружием — так фрагментарно, что узнай об этом его инструктор из ГСБ унтер-офицер Ньюман, у того от негодования из сверкающей лысины выпали бы последние остатки волос.

Еще он нашел пару гранатометов с дюжиной снарядов. Арсенал пал вовремя.

Когда партизаны сбегали по каменной лестнице вниз, они наткнулись на человека из отряда Уота, истекавшего кровью от ран на лице и левом плече. Саймон понял, что атакующие их со стороны внутреннего двора скоро прорвутся.

По ступенькам, скользким от крови, они влетели в эту бойню — караульное помещение. Уже только трое защищали чуть ли не вдребезги разбитые дубовые ворота. Один упал прямо на руки Саймону с дротиком, торчащим из ребер. Были пробиты легкие — кровь, текущая из раны, пенилась. Уот. Лицо его искажено в смертельной агонии. Увидел оружие в руке Саймона. Дотронулся до него, как до священной реликвии. Улыбнулся. Умер.

Дюжина партизан едва держится на ногах, и ни один не избежал ранения. Гвенара ранена в бедро, платье разорвано. У самого Саймона порез на правом предплечье — неудачно отразил удар. Еще одно темно-красное пятно под левой рукой, где его зацепила стрела.

У каждого или у каждой в руке — запрещенное оружие, лица испачканы копотью. Им противостоят три четверти вооруженных сил замка Фалькон, которыми лично руководит многоопытный сенешаль. Они собираются разбить последних мятежников и повесить оставшихся в живых для назидания, что может случиться с каждым, кто осмелится выступить против законной власти.

Вспоминая следующие моменты, Саймон всегда старался пробежать их как можно быстрее. Время так спрессовалось, когда они собрались в караулке, что не было никакой надежды на переговоры, никакой возможности просто оглушить солдат. Приходилось убивать.

Парочка твистеров оказались негодными, но остальные выкосили солдат. Несколько дюжин тут же упало замертво, их тела бились от невыносимой боли так, что несчастные откусывали себе языки. Ни один, пораженный твистером, не выжил. Их животы буквально взрывались, и мотки кишок тут же кристализовывались.

Таран упал, люди разбежались. Корчащиеся тела умирающих ковром устилали булыжную мостовую внутреннего двора. Вскоре все стихло, кроме ужасных воплей умирающих. Саймон прекратил огонь, и остальные тоже. Гвенара плакала от ужаса при виде такой массовой смерти. Внезапно наступила напряженная тишина.

Саймон взял пару гранат и, тщательно прицелившись, метнул их в противоположную стену, возле башни Королевы и башни Источника. Осколки камней взлетели высоко в воздух. Выжившие, укрывшиеся у основания башни Фалькон и, большей частью, возле мантелета, где стоял де Поиктьерс, были ошеломлены.

Саймон предложил им сдаться, обращаясь прямо к де Поиктьерсу. Умолял прекратить кровопролитие. Де Поиктьерс вышел из укрытия один, с мечом в руке. Остановился шагах в двадцати от них. Переломил меч через колено и приказал своим людям сложить оружие. Больше он не сказал ни слова.

Крики доносятся из апартаментов барона Мескарла, в окнах Магуса дрожат занавески. Лорды свешиваются из окон и проклинают своих людей за трусость.

Люди из отряда Саймона разводят пленников по донжонам. Замок — их. Сопротивление подавлено как самим апокалипсическим видом навеки запрещенного оружия, так и ужасающим эффектом, которое оно производит. Оставили очистку башни Фалькон на потом. Поставили охранять ее четырех мужчин с твистерами.

Через час с пленниками разобрались. Осталось очистить последнюю башню. Саймон спросил про Богарта: когда он умер? Оказывается, его забрали в башню Фалькон. Живого!

Ворота открыты, и все оставшиеся в живых отверженные расставлены во внутреннем и внешнем дворах, на замковых стенах.

Корни и ствол старого, старого дерева удалены, остались только самые верхние ветви.

Саймон стоял у стен башни Фалькон и, приставив руки ко рту, кричал вверх:

— Меня зовут коммандер Саймон Рэк, я офицер Галактической службы безопасности Федерации, в чьей юрисдикции эта планета. У меня есть неопровержимые доказательства того, что

основные законы Федерации были здесь преднамеренно нарушены. А также того, что существует широко разветвленный заговор, в котором замешан каждый лорд, присутствующий сейчас в замке. Заговор угрожает всей Федерации и сводится к тому, чтобы скрыть все запасы фероиума и выдать их только за чудовищный выкуп.

Он хладнокровно отошел в сторону — из окна над ним вместе со стеклом вылетело громоздкое кресло красного дерева и разбилось о мостовую как раз там, где он стоял.

— Убить офицера Галэсбэ, находящегося при исполнении служебных обязанностей, — тяжкое преступление. Любой из вас, кто желает предать себя в руки закона Федерации, должен выйти, без оружия, на это место через пять минут. По истечении этого времени я войду в башню со своими помощниками и очищу это вонючее крысиное гнездо. Всякое сопротивление будет подавлено.

Небольшими группками, постепенно большинство лордов и леди вышло. Они знали, что им предстоит долгий период медицинского перевоспитания в одной из исправительных колоний Федерации. Большинство предпочло перевоспитание неизбежной смерти. С ними вышли также и все наемники-телохранители. Они знали, что их ждет гораздо менее суровый приговор. Саймон выбрал с дюжину наиболее высокопоставленных из них и возложил на них ответственность за безопасность в переполненных тюремных камерах. Хорошо понимая все преимущества этого предложения, они с радостью согласились.

Прошло пять минут, и Саймон сделал последнее предупреждение.

— Помните, что я говорил об убийстве офицера Федерации. Если мой помощник, старший лейтенант Богарт, все еще жив, я лично казню любого человека, кто поднимет на него руку.

Среди тех, кто еще не сдался, были Мескарл, Магус и лорд Милан. Перебросившись несколькими словами с наемниками, Саймон выяснил, что в башне Фалькон осталась едва ли дюжина человек.

С твистером в руке и сопровождаемый Гвенарой, Саймон ввел свой штурмовой отряд в роскошные покои повелителей Сол Три. На первом этаже не оказалось никого, кроме тел лорда и леди в богатых одеяниях, лежащих на одной кровати. Судя по сильному запаху миндаля, они предпочли покончить с жизнью вместе, одновременно, чем терпеть унижения и разлуку.

На следующем этаже нашли еще пять тел. Снова семья. Трое юных детей зарезаны мечом, жена с почти отделенной от туловища головой и муж с перерезанным горлом. Меч лежал возле его руки — он уронил его, закончив свою кровавую работу.

Со следующего этажа до них донесся голос. Голос Милана.

— Коммандер, я помню твои слова о том, как вредно убивать галэсбэшных сволочей. Но боюсь, я слишком глубоко погряз в крови, и еще одна смерть вряд ли сделает мою участь более тяжкой. Ну и поскольку мне, похоже, остается только мстить, я надеюсь, ты простишь меня, если я позволю себе одно маленькое удовольствие. В руке у меня нож, и острие направлено на твоего лейтенанта.

— Он жив?

— Как ни удивительно — да. А удивительно потому, что ты бы видел, что сделал с ним лорд Магус в приступе своей детской ярости.

Пока Милан говорил, Саймон бесшумно крался вверх по винтовой лестнице. Он надеялся, что тот будет достаточно долго продолжать свою злобную болтовню. Но Саймон опоздал.

— Я не слышу тебя, коммандер, но рискну предположить, что ты уже на полпути ко мне. Прислушайся: звук, который ты сейчас услышишь, будет означать, что последняя кровь — как мало ее осталось! — истекает из твоего товарища. Ты... А-а-ах!

Саймон одним махом взлетел по лестнице и ворвался сквозь полуоткрытую дверь в комнату. Шум схватки и внезапный придушенный вскрик Милана тут же объяснились. Лорд Милан стоял на коленях на соломе, с побагровевшим лицом, пытаясь расцепить пару ног, которые крепко обвились вокруг его шеи, помяв белый кружевной воротник. Ноги принадлежали странному обнаженному призраку. Это был крепко сбитый человек, гениталии которого стали почти черными от синяков и опухоли. Его грудь и торс тоже были сильно изуродованы, а лицо почти скрыто огромным комком тряпки, кляпом затолкнутой ему в рот. Один глаз, видневшийся над тряпкой, с надеждой смотрел на Саймона, другой был закрыт иссиня-черной опухолью. Руки его были подняты вверх и прикованы цепью к кольцам возле потолка. Это был Богарт.

Саймон ударил лорда по голове рукояткой меча, который был у него в левой руке, и поспешно разрубил связывающие звенья кандалов. Богарт тут же рухнул на солому, не в силах пошевелить затекшими руками. Саймон усадил его и вытащил кляп.

Богарт облизывал сухим языком потрескавшиеся губы.

— Боже милостивый, как ты вовремя, Саймон. Я думал, этот хорек проколет меня, как бабочку прокалывают булавкой. — Тут он заметил Гвенару, стоявшую у двери с твистером в руке. Лицо ее было покрыто копотью и кровью. — Мадам, надеюсь, вы простите мне некую небрежность моего наряда. Я понимаю, не в таком виде представляются леди. Все в порядке, Саймон?

Не в силах согнать с лица довольную улыбку от того, что нашел Богарта живым — правда, не вполне здоровым, — Саймон быстро пересказал ему, что здесь произошло. Богарт перебил его:

— Магус. Думаю, он здесь подлинный источник зла. Хуже Мескарла. Это он меня так обработал. Его комната на этом этаже.

Остальные члены отряда Саймона уже собрались вокруг них. Саймон встал, чтобы отправиться за самой большой рыбой в этом садке. Он выделил двоих, чтобы те остались и позаботились о Богарте. Приостановившись у двери, он повернулся и задал один вопрос:

— Тебе действительно здесь было очень плохо?

Богарт выдавил улыбку, которая никак не могла удержаться на лице, искажаемым болью.

— Расскажу тебе позже. Не так уж и плохо. Большую часть времени я просто провисел здесь без дела. — И подмигнул здоровым глазом.

Прощальный взмах рукой, и Саймон исчез. Больше никого на этом этаже не было, но они обнаружили, что апартаменты Магуса заперты. Они безо всякого успеха подолбились в медную обшивку, затем приложили уши к двери, чтобы услышать хоть какой-нибудь звук. Двери были холодными, и за ними царила полнейшая тишина. Возле покоев Магуса пахло миррисом и оказалось холоднее, чем можно было ожидать.

— Идем. Вернемся к пащенку, когда расправимся с отцом. Двое остаются здесь. Будьте настороже, опасайтесь коварства дьявола с меловой мордой.

Так Саймон, Гвенара и еще двое человек взобрались на верхний этаж башни Фалькон, который располагался выше всех других этажей в замке.

Он был пуст!

Мескарл ускользнул от них. Ни в одной комнате никого не было. В ярости Саймон сорвал со стен все гобелены и перевернул

каждый предмет мебели. Он тщательно осмотрел каждый угол, простучал все стены и полы. Но барон бесследно исчез.

Закрыв глаза и усевшись на одну из кроватей, Саймон собрался с мыслями и постарался успокоиться. Абсурдно потерпеть поражение именно теперь. Мескарл был здесь, и потому он должен быть где-то здесь. Где-то. Его нет ни в одной комнате. Его нет за стенами. Его нет под полами. Поэтому... Как все просто!

Потолки были пышно изукрашены и орнаментированы. Во всем замке больше нет таких разукрашенных потолков. Как только Саймону стало ясно, что нужно искать, он очень быстро отыскал потайной люк в спальне, скрытый прямоугольным пурпурно-черным орнаментом.

С помощью своих солдат он построил пирамиду из столов и стульев и с нее смог просунуть кончик меча в трещину. Задвижка отскочила, он откинул крышку люка и забрался на чердак с его балконами и стропилами. На чердаке оказалась небрежно свернутая шелковая лестница, и Саймон тут же сбросил ее свободный конец вниз, чтобы спуститься, когда будет возвращаться.

К его удивлению лестница тут же натянулась — кто-то начал по ней взбираться. Он заглянул в люк и увидел на лестнице Гвенару. Он сразу же хотел отправить ее обратно, но легче было бы, наверное, свернуть звезды с их привычного пути. Отдуваясь, она вылезла на чердак и улыбнулась ему.

— Не брани меня, милорд. Знаешь ли ты, что у меня есть дар предвидения? Прошлой ночью я ушла в лес и вычислила следы сегодняшних событий на песке. Там было сказано, что я буду с тобой до конца.

— А после конца?

— Дальше все стало неясным. Позволь мне пойти с тобой.

Саймон наклонился и очень нежно поцеловал ее в губы.

— Ты всегда будешь со мной, Гвенара. Никто не сможет нас разлучить после того, как мы доиграем эту игру до конца.

Он крикнул своим людям, чтобы те оставались внизу на тот случай, если барон проскользнет мимо него и попытается сбежать. В этом случае они должны будут тут же убить его.

Воздух на чердаке был холодным, сквозняк дул откуда-то слева от них. Они направились в ту сторону, ступая по вековым наслоениям пыли, перелезая через массивные балки. Ветерок усилился, показалось пятно света.

Это была дверь на крышу, оставшаяся приоткрытой. Саймон толкнул Гвенару себе за спину и протянул руку к двери. Нервы его были так напряжены, что голос, раздавшийся на крыше, заставил его подпрыгнуть, и он ударился головой о стропило.

— Коммандер Рэк. Я ждал тебя. Пожалуйста, присоединяйся ко мне на вершине этого мира.

С твистером в одной руке и мечом в другой, Саймон Рэк вышел на крышу замка Фалькон. За ним вышла Гвенара. Барон Мескарл стоял лицом к ним в десяти шагах, и еще десять шагов отделяли его от края крыши. С этой стороны не было парапетной стенки, предохраняющей от нечаянного падения в пропасть. Барон был одет в те же самые черные одеяния и плащ, который носил со дня смерти своей кузины, леди Иокасты. На шее его висела золотая цепь Мескарлов, а в руке был тонкий меч.

— Так значит вот ты каким стал, Саймон Рэк. Я бы не узнал тебя. Негодный виночерпий, непослушный паж, вернувшийся на свою родную планету, чтобы изменить ее тысячелетнюю историю. Де Поиктьерс подозревал тебя с самого начала. Мне следовало прислушаться к его мудрым советам и заставить тебя замолчать уже тогда, когда ты, весь провонявший, выбрался из логова червя. И женщина. Кто она?

— Меня зовут Гвенара. Я была женщиной Моркина, партизана, убитого Саймоном Рэком. Теперь я его женщина.

Черная борода затряслась от хохота.

— Так. Бедный Магус. Он уверял меня, что даже медведь не справится с Моркиным. Но тощий волк справился. А? Да. Что? Позволить тебе увести меня в цепях — меня, величайшего лорда Сол Три? Чтобы я провел весь остаток своей жизни в каком-то вонючем мирке там, за темными далями космоса? И был «перевоспитан»! Нет! Думаю, что нет! Значит, конец ждет меня здесь. Вижу, ты решился на такой шаг, которого я боялся. Запрещенное оружие. Только пришелец из других миров вроде тебя решился бы на это. Здесь оно тебе не нужно, Саймон. Смотри, я бросаю свой меч на ветер.

Даже не взглянув назад, барон отшвырнул свой меч и тот, будто живой, повиснув на мгновение в воздухе, нырнул в бездну. Напряженно вглядываясь в это властное лицо, Саймон отшвырнул оружие назад, и оно упало возле двери.

— А ты осторожен, коммандер! — упрекнул Мескарл. — Я устал от этих игр. Я поставил на карту все и считал, что нет ни

одного шанса из миллиона против меня. И все же я ошибался. Теперь я и мои друзья должны заплатить за это.

— Милорд, мне кажется, вы не собирались в этой игре идти до конца со своими друзьями. Если я не ошибаюсь, в вашей стратегии существовал еще один слой.

— Что?

— Еще один тайный запас фероииума. Он, наверное, и побольше? На севере, а не на юге.

И снова барон расхохотался лающим смехом.

— Если бы только ты остался со мной, в замке Фалькон! Ты стал бы мне более проницательным помощником, чем мой... Неважно. Настанет день, и ты все раскопаешь, так что почему бы мне не рассказать тебе? Да, фероииум. Побольше? Гигантские запасы, которых хватит всем кораблям Федерации лет на сто. А может быть, и больше. Я собирался вначале взвинтить цены, а затем скупить всех своих конкурентов. Они не осмелились бы противостоять мне. Это же животные, Саймон. Их мечты о власти — весьма скромные. Им нужно много денег и огромные владения. Я, один я мог править вселенной. А теперь ты отобрал у меня все это. Я потерял даже свой замок.

Саймон не пошевелился.

— Вы утратили все права на сочувствие, милорд, и много лет назад. Вы унижали и разлагали людей, сводили их на уровень животных и даже ниже. А ваш замок, вне всякого сомнения, останется стоять. Под контролем Федерации. Я порекомендую назначить Протектора, который управлял бы им.

— Кого? Какого-нибудь грубого лакея?

Саймон улыбнулся.

— Вряд ли. Я собираюсь рекомендовать милорда сенешаля. Не знаю другого человека, который справится с этим лучше, чем де Поиктьерс. Бередить старые раны бесполезно; этому-то я уже научился. И я вовсе не испытывал восторга от того, что именно я лишил вас вашего высокого положения. Я сделал это по долгу службы. Хотя раньше я думал, что в этот момент вспомню своих родителей.

Мескарл удивился.

— Родителей! А причем здесь, черт возьми?.. Ах, да. Де Поиктьерс говорил, но у меня вылетело из головы. Он повесил твоих родителей.

— Да. Он повесил их потому, что не знает других жизненных правил, кроме как всеми силами выполнять распоряжения, исхо-

дящие от властей. Так что он станет прекрасным Протектором замка Фалькон. Что ж, поговорили достаточно. Вы пойдете со мной, или мне вас убить?

Тут Гвенара заговорила в первый раз за все время.

— Разве ты не видишь, милорд? Смерть нанесла на его лицо отчетливую печать. Он сам распорядится своей жизнью.

Произнося это, она подошла ближе к барону и оказалась между ним и Саймоном.

В этот момент Мескарл указал своей тяжелой кольчужной перчаткой на стоявшую за спиной Саймона Черную Башню.

— Смотри, Арсенал горит! Он скоро взлетит на воздух, и мы все вместе с ним.

Как и предполагалось, Саймон обернулся и посмотрел туда, куда указывал палец. Мескарл воспользовался моментом быстрее, чем можно было ожидать от такого толстого человека.

Из-под плаща он выхватил второй меч, метнулся и нанес молниеносный удар.

Не Саймону.

Гвенаре.

Краем глаза она уловила блеск лезвия и повернулась лицом к мечу. Сталь ударила в полуоткрытый рот, рассекла губы надвое. Раздробила зубы, прорвала заднюю стенку горла, задела позвоночник и на ладонь высунулась из шеи.

Она не успела сказать ни слова. Смерть, которую она увидела на песке в ночном лесу, наступила слишком быстро.

Тело ее упало на Саймона, и тот не смог броситься на Мескарла. Барон и не пытался вырвать меч из тела. Он отошел к самому краю крыши.

— Ты отобрал у меня то, что я ценил больше всего: мой замок и мои планы. Так что вполне честно, что и я забрал у тебя нечто очень ценное. Слезы не льешь, Саймон? Побереги их. Они не помогают. Ну а теперь, прежде чем ты бросишься на меня, размахивая мечом, я оставлю тебя. Адью, Саймон. Наслаждайся своим триумфом.

Сказав это, Ричард де Гесклин Лоренс Мескарл, двадцать четвертый и последний законный барон Мескарл, спокойно шагнул с крыши замка Фалькон и понесся навстречу своей смерти на мостовую.

Было всего лишь четыре часа пополудни этого теплого ласкового дня.

Саймон не подошел к краю крыши, чтобы взглянуть на лежащее внизу тело. Он уронил окровавленный меч, сел на продуваемой всеми ветрами крыше и положил руку на волосы Гвенары.

И заплакал.

Эпилог. Тревожное прощание

— Может быть, так оно и лучше. Мы сберегли много времени и избежали некоторых неприятностей. Женщину жалко. А?

— Да, сэр.

— Ее можно было бы использовать в службе. Ну уж, как получилось, так получилось. Конец не так уж и плох. — Полковник Стейси повернулся к Богги. — Старший лейтенант Богарт, я буду весьма обязан, если вы выполните одну мою просьбу.

— Конечно, сэр. Все что угодно.

— Перестаньте копаться в этом здоровенном наросте на вашем лице, который вы, похоже, считаете носом! Спасибо. Похоже, и на этот раз вы исчерпали квоту грубых ошибок, но конечный результат мог бы быть и хуже. Я оставляю за собой право высказать окончательное суждение после того, как прочитаю ваши письменные рапорты — которые ожидаю увидеть у себя на столе завтра в десять ноль-ноль. Можете быть свободны до десяти ноль-ноль послезавтра, и я расскажу об одной пограничной проблеме, которая возникла на Сигма Девять. На сегодня — все.

Саймон встал и вытянулся по стойке смирно. Богарт тоже встал и многозначительно кашлянул в кулак.

— Коммандер! Эта ваша груда дерьма, напоминающая человека, действительно подхватила какую-то болезнь на Сол Три, или это тонкая уловка, чтобы привлечь мое внимание к чему-то?

Богарт вытянулся по стойке смирно.

— Сэр, я только... Кажется, нам полагается какой-то отпуск.

Стейси тонко улыбнулся.

— Что ж, посмотрим. Что-то было у меня на столе насчет вашего отпуска. Вероятно, вы совершенно правы, старший лейтенант. — Он пролистал груду разноцветных папок, вчитываясь в зашифрованные надписи. Наконец он вытащил светло-зеленую папку.

— Минуточку. Не тут ли?.. Забавная вещь, джентльмены. Помните то грязное дельце на Стердале? Некий торговец предпо-

ложительно был убит кем-то, выдававшим себя за офицера ГСБ. Вот папка об этом деле.

Саймон и Богарт едва заметно обменялись взглядами. Саймон быстро провел пальцами по шву фирменных брюк, что означало: «Сматываемся. Быстрее».

— Не извивайтесь, коммандер! Пока вы были на Сол Три, я не смог выбрать времени, чтобы посмотреть эту папку. Может быть, я прочту ее, пока вы будете в отпуске.

Богарт снова кашлянул.

— Позвольте сказать, сэр. Вероятно, меня подвела память. Наверное, отпуск нам не полагается, сэр. Во всяком случае сейчас.

Зеленая папка снова исчезла под грудой других документов.

— Ну, хватит. Рапорты завтра здесь, в десять ноль-ноль. Оба вы — здесь в то же время на следующий день. Свободны.

Оба офицера отдали честь, четко повернулись и промаршировали к двери. Богарт вышел первым, за ним — Саймон. Они уже были в коридоре, когда Стейси окликнул Саймона. Саймон посмотрел на Богарта, выразительно поднял бровь и вернулся.

— А как насчет этого альбиноса? Магуса? Что случилось с ним?

Саймон сжал челюсти.

— После того как Мескарл покончил с собой, мы долго пытались проникнуть в комнату Магуса. В конце концов мне пришлось воспользоваться гранатой. Странно — казалось, двери из обычного бронзового сплава. Мы должны были их легко взломать. Ворвавшись, мы обнаружили, что дверь была заперта изнутри. Все окна были забраны тяжелыми решетками и заперты. Изнутри. Я сам несколько часов обыскивал его покои. Клянусь, тайника там не было. Не было и скрытых люков в стенах, на полу и потолке.

— И?..

— Его апартаменты были пусты, сэр. Магус попросту исчез.

ВОЙНА НА АЛЕФЕ

Посвящается Брюсу Пеннингтону — самому виртуозному автору научной фантастики, который наконец-то получил признательность, полагающуюся ему по праву.

Глава 1. Повсюду неожиданности

День стоял просто замечательный. Градусник не поднимался выше шестой отметки. Впервые за последние двадцать дней он замер на столь низком уровне.

Бледный свет солнца никогда не проникал в эти подвалы города Капуи, выложенные камнем с большим содержанием хрома, даже поздним летним вечером. Стоял уже поздний вечер, и раскаленный сегмент быстро скользил за верхушки гор, видневшихся далеко к северу от города.

Чтобы наблюдать восход и заход солнца, нужно проживать в одном из верхних этажей дома. Это означает, что следует принадлежать к кругу «высокопоставленных» — как здесь называют старейшин и придворных слуг короля.

Люди, относящиеся к городским «низам», были бы весьма удивлены, увидев, как зеленое солнце скользит к месту своего покоя. Для многих оно стало частью легенды, в которой к тому же фигурировали горы, реки и самое загадочное из всего — далекое море. Стоять так высоко, стоять на этаже, где стоял Слейд Рил, вызвало бы у всякого человека из «низов» мгновенное помутнение рассудка; его разум бы не вынес вида оконечности города — далекого и туманного, каким он и являлся взору, и землю, вращающуюся где-то глубоко под вами.

Но для Слейда Рила этот пейзаж был таким же обычным, как работа в картотеке в течение всего дня. Свет в помещении включался автоматически, как только потемки сгущались. Он даже не повернул головы, чтобы понаблюдать исчезновение последних зеленых лучей.

Ему предстояло подумать над более важными вещами. Его старший сын Сорак прошлым вечером признался, что женится и

покидает семейный уют. Это означает, что Слейду придется нелегко. Проживать вчетвером в трех комнатах — роскошь для заработка Слейда. Если бы Сорак выбирал девушку, имеющую с другими общую спальню, либо потому что их родители умерли, либо заработок их семьи не позволяет иметь лишней комнаты, все было бы иначе.

Если бы, всегда это «если бы» — Сорак рисковал потерей своего социального облика, женившись на бесприданнице, но зато молодая семья могла переехать к ним. Фактически глаза Слейда широко раскрылись при этой мысли, что появится возможность получать три с половиной единицы добавки. Джана может тогда получить обеденную гостиную, а не то пространство, вонючее, задымленное с вечными ссорами, где готовили пищу двадцать семей на их этаже. Да, добавка в три с половиной единицы перевела бы их в разряд аристократов. Работа в картотеке приостановилась, забытая на какой-то момент в горячке возбужденного ума при мысли об улучшении жизненной квоты. На что же намекал его начальник в прошлый раз? Один из старейшин из Ист-Ейчин ищет человека для работы в картотеке? Не на это ли он намекал?

Кашель прервал его мысли, и Слейд вытер свои слезящиеся глаза. Он выругался, когда заметил, что растер часть макияжа на правом глазу, размазав очаровательную звездочку, которую Джана так любовно нарисовала, когда они легли спать.

Он осторожно положил пурпурную папку на маленький стол в углу комнаты. Для него станет огромным несчастьем, если часть макияжа попадет на очень важный документ. Он знал, насколько это важно, по цвету папки. Пурпурный цвет провозглашался наивысшим цветом, и это указывало на ее важность в его картотеке, которой ему дозволялось руководить. Из папки выбился край какой-то бумаги, и он торопливо поправил ее. Не читая.

Он не умел. Это настолько абсурдно, насколько немыслимо. Еще ребенком он подвергся одной операции, вызвавшую одну из форм дислексии, сделавшей его неспособным к чтению. Хотя операция должна была бы предупредить умопомешательство, выполнялись постоянные проверки. Ему предлагалось найти сообщение, содержащее несколько слов огромной важности — возможно, там говорилось, что ему надлежит освободить целую комнату по причине его нерасторопности. Естественно его реакция записывалась, пульс и дыхание тестировала электроника, чтобы удостовериться, что он не прочел этих слов.

Слейд осмотрел свои пальцы, удостоверился, что нет пятен на его мягких белых руках. Затем взял пурпурную папку и прошел в соседний кабинет. В верхнем углу папки красовалась надпись: «Совершенно секретно». В верхней части бумаги, едва не выпавшей из папки, прочитывался заголовок: «Предварительный рапорт о возможности практической жизнедеятельности при четырех *g* (Виррона)».

Шум, донесшийся от бронированной двери, заставил его вздрогнуть, и он пробормотал какое-то проклятие, когда, вспрыгнув, стукнулся рукой о косяк двери. Какого черта не притупили они края, а оставили такими необработанными, что человек может повредить себе руку?

Архивариус Рил чуть не заплакал, когда заметил, что срезал слой лака, свеженанесенного на ногти. Он был новоизобретенного оттенка, как заявил ему продавец. «Аква-грин», который стоил... да, стоил гораздо дороже, чем он осмеливался думать. Ему пришлось отдать всю свою наличность, только для того чтобы наложить один слой; микроскопические кристаллы мерцали необыкновенным, красивым образом. Именно так этот продавец описал ему этот лак.

И вот лак срезан.

Он чуть не заплакал от расстройства. Это испортило ему весь день. Если он попытается восстановить лак после работы, то не попадет на автотранспорт, и ему придется ехать в тесноте вместе с «низами». Но если хоть кто-то из его друзей увидит его с размазанным макияжем и срезанным лаком, они постараются, чтобы он долго не забыл этот факт.

Охваченный гневом Слейд полностью забыл о шуме, который заставил его привскочить. Его реакция была такой сильной, потому что шум редко доносился к нему через стену. И, конечно, был не таким громким.

И хотя он почти забыл про шум, он едва не умер, когда чья-то рука схватила его за плечо. В то время как низы жили в тесноте, сталкиваясь и перемежаясь от момента, когда покидали родильные дома до момента, когда их тела относились в утилизационные камеры, совсем не так жили люди его класса.

У него имелось три комнаты. Мужчины его класса любой физический контакт считали чем-то постыдным. Самое великое оскорбление, которое он мог вообразить — это положить руку на плечо друга. А тут, в рабочей комнате, кто-то схватил его!

Ему пришлось собрать всю свою волю, чтобы не потерять сознание, не упасть на пол. Его рот наполнился горьким вкусом желчи. Он сглотнул через силу и повернулся вокруг своей оси, чтобы посмотреть, кто покусился на его персону. Его губы сжались в одну узкую линеечку ненависти, ноздри гневно расширились.

Он ожидал увидеть кого-нибудь из низов — может быть, одного из той безымянной орды рабочих, которых много на всех этажах, чистящих и подметающих в коридорах. Но по яркому макияжу стало очевидным, что это представитель из верхов, из старейшин. Прежде чем Слейд успел оценить сложность одежды и круто закрученную вверх лакированную прическу, он неожиданно, как в шоке, понял, что узнал этого человека. Не потому, что когда-то встречал его лично. Но часто видел его по видеоканалам.

— Это у вас доклад по Вирроне, архивист?

Смущенный присутствием дворянина в такой близости и без окружения охранников, Слейд поклонился.

— Мне неизвестно, что это, ваша честь, поскольку я не умею читать. Я знаю, что это пурпурное сообщение, и поэтому отношу его в пурпурный кабинет.

Старейшина попытался улыбнуться, но по его губам прошла дрожь, и подобие улыбки проступило на его лице.

— Уверен, что это именно оно. Если, конечно, не было другого пурпурного сообщения сегодня?

Он подождал ответа, но его не последовало.

— Послушайте, может, вы утеряли какое-нибудь сообщение?

— Нет, нет, ваша честь. Пурпурных сообщений не было уже много дней. Они так же редки, как лучи солнца на наших улицах.

Протянув руку, старейшина сказал:

— Тогда дайте это мне... Господин архивист, думаю, вы сознательно не повинуетесь мне. Клянусь нашим королем Гейном, я повторно никогда не прошу! Отдайте мне рапорт!

Слейд показалось, что его виски взорвутся от напряжения. Его ноги задрожали, как трава перед бурей, он почувствовал, что из его глаз закапают слезы. Его голос задрожал:

— Ваша честь. Я не могу. Его может забрать только тот, кто скажет мне пароль.

Каждый день, приходя на службу, он заходил к своему начальнику, который шептал ему на ухо пароль. Часто оно и не имело смысла, но он лишится работы, если забудет его. Как он уже и

сказал старейшине, только зная пароль, можно получить бумагу в картотеке.

Со своей зачесанной вверх прической, старейшина возвышался почти на целый фут над архивистом. Как до лунатика, до Слейда дошло, что этот мужчина собирается поломать еще одно табу и ударить его.

— Ваша честь, если вам неизвестен пароль, вы подождите моего начальника... Он вскоре явится сюда, скажет вам его, и затем вы можете сказать его мне. — Он улыбнулся, освободившись от напряжения, что такое простое решение пришло ему на ум.

— И ничто из того, что я могу вам предложить, не изменит вашего решения? Я мог бы вам предложить одну добавочную комнату. Даже две комнаты.

Действительно, это был странный день. Начиная с увеличения зарплаты до трех с половиной. А теперь один из самых главных старейшин в Капуе — да, пожалуй, на всем Алефе — предлагает ему иметь пять комнат. Даже если он будет работать на службе до самой смерти, он не может надеяться иметь более четырех. Если, конечно, он не станет счастливым обладателем выигрыша в жилищной лотерее.

Слейд уже готов был согласиться, когда появилось маленькое облачко сомнения. А что если это тест на его благонадежность? Он уже слышал о таких фокусах. Да, это проверка. Ни один старейшина не может предложить ему столько только ради того, чтобы посмотреть на какой-то документ. Даже из пурпурной папки.

— Нет, ваша честь, — твердо сказал он, отводя папку за спину. — Я обязан исполнять и всегда буду исполнять свою работу без страха и не руководствуясь своими личными интересами.

— Достойно похвалы, — усмехнулся старейшина.

Что именно произошло дальше, Слейду Риелу никогда не суждено узнать. Старейшина ударил его! Сильно ударил его в грудь! Такой был сильный удар, что Слейд почувствовал, будто его сердце сжал металлический кулак. От удара воздух покинул его легкие, и ему пришлось прижать руки к груди.

Старейшина посмотрел на него заинтересованно, потом протянул к нему руку. Слейд попытался что-то сказать, извиниться за свою слабость. Старейшина взял пурпурное досье из его ослабевших рук и отступил на шаг.

Так все было непонятно. Досье было чистое, без единой помарки. Только влажная полоска пересекала его. Нечто яркое и пылающее. Красное и блестящее в искусственном свете.

Не зная, как это случилось, Слейд понял, что упал. В нескольких дюймах от глаз он увидел палец с остриженным ногтем. Он попытался сосредоточиться на нем, запечатлеть в памяти как плохо выглядит его ноготь. Но ему показалось, что свет потемнел или, может, это его глаза ослабли.

Если бы зрение вернулось к нему, это ничего бы не изменило. Людям его круга трансплантация органов не производилась. Он искоса посмотрел на старейшину, чья фигура показалась ему гротескно огромной.

Он подумал, что некрасиво лежать на полу, и повел руками, пытаясь приподняться. Его длинные пальцы заскребли по гладкому полу, в глубокой тишине звук этот показался схожим со звуком скребущегося жука.

Его усилие успехом не увенчалось. Все еще глядя на старейшину, Слейд попытался придать чертам лица выражение извинения.

Затем он умер.

Старейшина презрительно фыркнул, склонился над телом, вытащил богато украшенный драгоценностями кинжал и вытер его о блестящую рубашку архивиста.

Он вышел из кабинета, закрыв потихоньку за собой дверь. Зеленое солнце зашло на севере, и неяркий свет с потолка отбрасывал неясные тени на гладкий пол.

Ручеек крови вытекал из раны на груди Слейда и извивался по полу, цвет ее контрастировал с темно-оранжевым цветом паркета. Ни одного звука не доносилось из комнаты с картотекой, находившейся в городе Капуя, на планете Алеф в галактике Омикрон.

Саймон Рэк напряг голову, чувствуя, как от усилия трещат жилы на затылке. Палец, вцепившийся в уголок его рта, раздирал, будто клещи, его тело, разрывая ему щеку. Он откинул голову еще дальше назад, пытаясь использовать свое преимущество в весе, но его противник, обладавший более широкими плечами, не поддался ему.

Имелся только один способ высвободиться. Он крутанулся вместе с пальцем во рту, закинув руку за затылок своего против-

ника. Неожиданное смещение тела вывело сцепившихся из равновесия, но Рэк среагировал первым. Он стряхнул вцепившуюся в него руку и пальцами повел сильно вбок лицо противника.

— Довольно! Довольно! — пытался произнести его оппонент, но очень трудно произнести это отчетливо, когда половина вашего лица повернута дальше ваших ушей.

— Отпустить?

Все, что ему удалось сделать — сильный кивок головой, за которым незамедлительно последовал болезненный стон, когда этот кивок позволил еще сильнее вцепиться в лицо оппонента.

— Извини, если сделал тебе больно, Богги, но тебе не следовало бы предлагать такие болезненные игры.

Громко рассмеявшись, Юджин Богарт сел на соседнюю кушетку их маленького разведывательного звездолета. Галактическая служба безопасности не отличалась предусмотрительностью в отношении создания комфорта для своих офицеров; крохотная каюта заставляла двух мужчин располагаться в большой близости, чем самая влюбленная пара молодоженов могла вынести.

Но выносливость была тем, в чем эти двое мужчин были самыми искусными. Может быть, более искусными, чем любая другая пара офицеров ГСБ. Чуть старше двадцати лет, Саймон Кеннеди Рэк поступил на службу в самом юношеском возрасте — четырнадцати лет. Он продемонстрировал большие способности в самом опасном поле деятельности офицеров и дослужился до коммандера в довольно раннем возрасте. Выполнив свою миссию хотя бы на восемьдесят процентов успешно, Саймон мог быть уверен, что его переведут на более крупный корабль, а там уж неизбежно он попадет на флагманский корабль.

Если бы не один нюанс: С. К. Рэк, 2987555, не любил дисциплину. Он был одинок, предпочитал грязную, опасную миссию — образ жизни людей, летавших на маленьких, двухместных разведывательных звездолетах. Эти люди никогда не вовлекались на крупные операции, проводившиеся иногда Федерацией. Им главным образом приходилось защищать самих себя на задворках какой-нибудь безымянной планеты, какой-нибудь третьесортной галактики. И многие из них заканчивали свою жизнь, захлебываясь своей кровью в вонючих катакомбах среди крыс.

Особенностью этой службы, в которой люди сражались на самых дальних границах, где уровень смертности достигал грозной цифры — восемь процентов. Это означало, согласно данным, что

ожидаемый предел вашей жизни наступал после двенадцати с половиной разведывательных миссий.

Рэк и его партнер — старший лейтенант Юджин Богарт, 2895775, — провели совместно сто одиннадцать разведывательных миссий.

Многие из их коллег удивлялись, как это им удавалось. Физически они были несовместимой парой. Саймон Рэк, родившийся на планете Земля, имел рост шесть футов и вес более среднего для рядового офицера. Он сохранял свою земную антропометрию — темно-коричневые волосы и коричневые глаза. Богарта же однажды описали как «взбитое масло на ножках». Тридцатилетний мужчина, место рождения которого — земная колония на Марсе — придало ему невысокую, но весьма мускулистую фигуру.

Несколько месяцев назад их тепло похвалил командир, внушающий страх и почтение полковник Стейси, за предотвращение попытки мощной политической группировки на Земле наложить на Федерацию выкуп за прекращения эмбарго на поставку бесценного элемента периодической таблицы — фероний.

Случилась кровавая и ожесточенная борьба с привлечением местных вооруженных группировок. Закончившаяся тем, что почти все организаторы заговора были схвачены или убиты. Но одному человеку удалось сбежать — альбиносу Магусу, сыну барона Мескарла. Имевший репутацию колдуна, Магус смог исчезнуть из запечатанной и забаррикадированной комнаты.

Несмотря на их успех в этом инциденте, Рэк и Богарт были менее удачливы в последующих акциях. Причиной послужило несчастное недоразумение с одним высокородным послом, которое закончилось бешенством дипломата в помещении галактической безопасности — совершенно голого. Они защищались тем, что думали, что он занимался контрабандной «перекачкой мозгов», но эта версия отпала при тщательном разборе дела. Надо заметить, что посол был выдворен с планеты несколько дней назад после неприятного инцидента с сумасшествием девушек и обнаружения наркотиков. Местные офицеры службы безопасности были уверены, что эти наркотики доставлены на планету в течение последних двух недель.

К несчастью, как только дым этого события едва рассеялся, как последовала сильная драка в баре с дюжиной солдат, решивших, что два офицера службы безопасности — легкая добыча для

их кулаков. Но Саймон и Богарт были не в настроении рассматривать это как шутку, и шутка закончилась смертью двух человек и еще четверо получили переломы.

И сейчас они находились на посадочной петле снижения на задворках галактики Омикрон, и им предстояло возвращение домой. На дорогу они потратили два месяца, на все остальное им оставалось еще четыре.

Усталость — ползучая, смешная усталость — была их самым главным врагом. В этой зоне космоса сто лет назад возникла одна стычка, небольшая. Но как Стейси сообщил им на небольшом брифинге, порядок не должен оставаться в этом месте долго.

«Факт первый: самая важная планета галактики — Алеф. Центральная планета Алеф действует как административная штабквартира, и все важные дела галактики микрон ведутся тут. Она сильно перенаселена, достигая восьмидесяти девятой отметки по шкале Чакберга. В основном почти так же населены планеты Федерации, которые были колониями землян прямо перед нейтронными войнами. Феодальное мироустройство, сохраняющее силу и богатство небольшого количества дворян. Правитель — Гейн IV, всесильный император.

Исключением общему правилу служит планета Гимель. По размерам меньше чем Алеф, это один из восьми окраинных миров галактики. Ее проблема тоже перенаселенность. По последним данным — полученным три года назад — девяносто вторая отметка по шкале Чакберга. Одно исключение: на этой планете тоталитарный режим. Избранный руководитель их госправительства — госпожа Тин Боа».

Спокойствие в атмосфере офиса Стейси было нарушено низким гудением. Прервав чтение характеристики, полковник вынул из ящика коробку и запустил ею в улыбающееся насмешливо лицо лейтенанта Богарта.

— Господи, что... За что, сэр? — Вид оскорбленной ненависти могла бы убедить доброго, простого, наивного идеалиста. Каким полковник Стейси совсем не был.

— Я размышлял, закрыв глаза, сэр, и слушал все, что вы говорили, сэр.

— Богарт! Закрой свой пакостный рот и слушай меня. Если ты и в самом деле размышлял, закрыв глаза, тогда попытайся не ухмыляться. На чем я остановился?

Богарт быстро выпалил:

— Вы говорили нам, сэр, своим кристально-чистым голосом об избранном руководителе госправительства планеты Гимель, о леди по имени Син Боа.

Саймон даже не пытался скрыть улыбки, услышав неправильное произношение Богарта. Он даже был готов поклясться, что лейтенант на самом деле спал. Но с Богги случались такие вещи, которые до сих пор его удивляли, даже после многих совместных лет работы.

Стальное самообладание полковника слегка растаяло.

— Мог... близко, лейтенант. Очень близко. Но правильное имя леди Тин Боа. А не Син Боа*.

Богги совсем не смутился. С искусственной светлой улыбкой любимца учителя, он произнес:

— Конечно, сэр. Разве же не змея? Тонкая змея.

— Ф... фу!

Рэк бросил предостерегающий взгляд на усмехающегося Богарта и стукнул его по колену. Когда Стейси произносил «Ф... фу», шутку следовало прекратить.

— Столкнувшись с фактом перенаселенности, есть причина подумать — так как думают наши безмозглые ребята, — что ситуация на планетах взрывчатая. Достаточно одной искры. У нас готова команда миротворцев, и мы готовы их отправить на Гимель или на Алеф — в зависимости от того, где начнутся беспорядки — в течение двух дней.

Саймон, сидя в неудобном кресле, наклонился вперед.

— Сэр, если вы думаете, что беспорядки могут вот-вот начаться, почему бы не направить их прямо сейчас?

— Справедливый вопрос, коммандер. Завтра вам придется лететь в субпространстве в район галактики Омикрон. Вы узнаете, что как Алеф, так и Гимель крайне обидчивы относительно своих дел. Федерация уже много раз предупреждала их, и они знают, что беспорядки вызовут постоянное пребывание сил сдерживания на обеих планетах. Но это они рассматривают как последнее средство. Нет, нам надо немного потерпеть и переждать.

Богарт и Рэк обменялись взглядами. Шесть месяцев на околопланетной патрульной орбите! Это была работа, о которой эти близнецы вовсе не мечтали.

---

* При неправильном произношении имени Син Боа оно походит на слова «тонкая змея».

Стейси посмотрел вверх, его глаза почти были невидимы из-за густых бровей.

— Есть вопросы? Отлично. Вы свободны.

Они встали по стойке «смирно» и отдали честь. Дверь, открываясь, мягко скользнула в сторону, но Рэк остановился на пороге.

— Сэр?

— В чем дело, коммандер? — спросил он, не поворачиваясь.

— Это патрулирование в наказание нам, сэр? За драку в баре?

— Разумеется. Были убиты люди. Вы должны быть счастливы, что вас не предали суду.

Но от Саймона не так то просто отделаться:

— Предположим, сэр, что вы чувствуете в воздухе, что где-то сильно горит. Послали бы вы людей патрулировать этот район?

Стейси встал с ничего не выражающим лицом.

— Коммандер, если бы до меня доползли подобные слухи, я и то бы держал их при себе. Даже шепота будет достаточно. Но я, пожалуй, что не послал бы свой разведывательный корабль в этот регион с двумя добровольцами. Я даже рад, что некоторая дисциплинарная причина есть, чтобы послать двух самых отчаянных и неустрашимых офицеров из своей команды. Тебя удовлетворяет мой ответ?

Саймон улыбнулся.

— Да, сэр. Спасибо, сэр.

Неожиданный крик полковника заставил их обоих подскочить.

— Да прекратите эти прыжки, ходить вокруг да около, и не суйте нос, пока он у меня в офисе!

— Думаю, тебя обманули, Саймон. Уверен, что ты не предполагал, что все так получится.

— Я победил, Богги. Не важно, во что ты играешь, но это самое важное.

Богарт неодобрительно кашлянул и провел взглядом вокруг.

— Не знаю, почему я делаю это. Однажды мы совершили отвратительную вещь, нам предстоит облететь эту отвратительную галактику, как машина на карнавальной ярмарке. Ничего не случится. Мы никуда не летим... И когда мы прилетим в никуда, там разворачиваемся и возвращаемся обратно.

— А не сыграть ли нам в шахматы? Или включить видик и посмотреть что-нибудь? Слушай, мы даже можем посмотреть

цветной видик, который ты «позаимствовал» на базе службы безопасности. Ты знаешь, о чем я говорю. — И он подтолкнул Богги в бок с фальшивым заговорщицким видом.

— Гром и молния! Если я найду эту мусорную щель, справляющую свою нужду с помощью банана или собаки, то брошу всю эту металлическую кучу, которую все называют разведывательным кораблем. Саймон, как ты думаешь, наш старина Стейси и в самом деле предполагает, что здесь нас ждут крупные неприятности?

Последние несколько месяцев и у Саймона закрались сомнения. Может, из-за драки и потому что старина Стейси снизошел до не очень смешной шутки.

— Богги, мне теперь двадцать шесть лет и еще несколько месяцев. Если я как-то достигну пенсионного возраста, то никогда не пойду дальше первых нащупывающих шагов к пониманию этой кишащей массы отбросов, на которую наш полковник ссылался, называя ее своим умом.

— Мы ничем не сможем противостоять беспорядкам на этих планетах. Я полагаю, что головорезы не всех еще там одурачили.

— Я знаю, Богги. Я знаю. Именно это и меня беспокоит. Думаю, они втравили нас в драку, чтобы мы убивали самым эффективным способом. Затем они полагают, что мы способны жить нормальной жизнью по окончании нашей миссии. Но если мы попали в эту заваруху, потом нам будет чертовски трудно попытаться выпутаться из нее.

На какое-то мгновение повисла пауза в их маленьком отсеке. Мужчины погрузились в свои собственные мысли о драке в пивной. Каждому из них выпало по одному убийству. Богарт сломал кресло на голове одного из солдат и уже после смерти последнего обнаружил, что у него необычно тонкий череп. Другой умер, когда его нож, которым он хотел порезать лицо Саймона, странным образом очутился между его собственными лопатками.

— Саймон!

— Ммм. В чем дело?

— Ты помнишь нашего инструктора по борьбе перед полетом на Самек Шесть?

— Невысокий такой толковый парень. Лысый. Ну и что?

Богарт лег на кушетку и, прежде чем ответить, покрутил ручку искусственного сна. Затем, расслабляясь под его влиянием, продолжал:

— Я слышал о его жене. Его представили как самая эффективная персонифицированная боевая машина в нашей разведслужбе. Высокотренированный спусковой крючок эффективного боя. Реакция на микросекунду быстрее среднего показателя.

— Да, я помню его. Хороший парень. Несчастный увалень, однако. Никогда не улыбался. Не то, что другие парни. Помню...

— Не прерывай, Саймон. У него была причина, отчего он выглядел таким несчастным. Он был женат шесть месяцев. Отродье, между нами. Он был очень активным эти дни и как раз вернулся с одного задания на границе. Повидал много смертей. Очень много. Его хлопнули по плечу. У него все нервы напряжены и оголены. Ты понимаешь?

— Продолжай, наступает время для связи. Они обидятся, если мы не ответим на второй вызов.

Богарт, казалось, весь погрузился в воспоминания. Автопилот корабля что-то напевал и тихонько шептал про себя. Внезапно Богарт вскочил с изменившимся лицом.

— Извини, Саймон, вот что могло произойти с этим бедным парнем. Видишь ли, его жена собиралась лечь спать, когда он пришел домой. Она решила сделать ему сюрприз и надела свои самые красивые одежды, готовясь ко сну. Едва услышав его шаги на лестнице, она медленно выключила свет и встала за дверью. Затем, в тот момент, когда он... Оставь, Саймон, я почти закончил. Она прыгнула на него сзади и обхватила его за шею... Черт, включай связь.

Контрольное табло компактно располагалось на их маленьком корабле, и Саймон пересек каюту и включил спаренный тумблер связи. В динамике послышалось обычное шипение несущей волны, потрескивание, которыми сопровождается всякая связь. До сих пор не придуманы фильтры, которые могут эффективно очищать эфир от радиации, бушующей во всех галактиках.

— Галактическая служба безопасности вызывает Эс-одиннадцать. Галэсбэ вызывает Эс-11. Эс-11! Отвечайте!

Саймон ответил в микрофон:

— Эс-11 слушает. Прием.

— Галактическая служба безопасности переключается на четвертый. Произведите переключение на четвертый.

Взглянув на Богги и повернув ручку диапазонов, он переключился на редко используемый четвертый канал.

— На четвертом. Прием.

— Сверьте номера с Галактической службой безопасности. Оба... — Все остальное потонуло в шуме помех.

— Только номера? Только повторить номера вызовов?

Какое-то время не было никакого ответа. Динамики щелкнули и что-то пробормотали самим себе. Потом:

— Подтверждаю. Подтверждаю. Сверка номеров экипажа по цифрам. Два — девять — восемь — семь — пять — пять — пять и два — восемь — девять — пять семь — пять — пять.

Голос, ворвавшийся в динамики, узнаваемый даже через миллионы километров космоса, безошибочно принадлежал полковнику Стейси.

— Рэк. Искра прилетела и висит на стволе... на Алефе и...

— Повторите все после слова «ствол». Сильные помехи. Прошу повторить.

— Садитесь на Алефе полномочным послом и попытайтесь... ...стью и без всяких... не так необходимо.

Богарт сел и взглянул на Рэка, в его глазах светилось недоумение.

— Что-то происходит в здешней галактике, и нам надлежит навести порядок на Алефе. Но, мне кажется, он что-то сказал про посла. Ты?..

Саймон махнул ему, чтобы он замолчал.

— Помолчи, Богги. Помехи все сильнее и сильнее. Где-то, должно быть, произошел дьявольский взрыв. Вот опять.

На этот раз напряженность голоса Стейси чувствовалась сильнее:

— Подтверди, что понял. Весь дипломатический персонал сбился с пути в результате неожиданных прогибов космического неоднородного пространства... вдалеке от них, чтобы... время. Вы двое ближе всех... единственная возможность... такт и...

Им пришлось ждать почти полчаса с усиливающимся фоновым шумом, чтобы принять это сообщение.

Возникли серьезные разногласия между Алефом и Гимелем по непонятной причине — Стейси самому была неясна причина, на планетах носились слухи об убийстве и шпионаже, о похищении каких-то бумаг жизненной важности. Руководители Гимеля вылетели в столицу галактики для переговоров. Все искусные ораторы для ведения переговоров Федерации находились не ближе нескольких дней пути до планет в силу механических поломок, либо в силу космической непогоды.

— Переговоры о мире... о войне.

Это были последние слова, которые им удалось поймать по космической связи со своим командиром. Эфир заполнился оркестром всевозможных помех, будто все электромагнитные волны закрутились в водовороте.

Саймон со стоном выключил узел связи.

— Таковы дела. Я думал, что мы уже все сделали. Теперь нам надо попасть в этот чертов миллионный город и ходить кругами, чтобы заключить мир с другой планетой чертовой галактики Омикрон. Там только вести переговоры, Богги. Всего лишь переговоры.

— По крайней мере мы не подвергаемся опасности, снимая нагар на одной планете.

— Не говори наперед, Богги. Чем дольше длятся переговоры, тем сильнее я чувствую себя в окружении вояк с дергающимися пальцами, привычными к спусковому крючку.

Богги сел в астронавигаторское кресло и вводил координаты для посадки на Алефе. Миникомпас зажужжал, вспыхнули индикаторы и замерцали сигнальные огоньки.

— Четыре часа. Пора. Не надеть ли нам номера «Один», Саймон?

— Да, думаю, надо надеть. Будто я ношу свой. По крайней мере нас ждут на Алефе, не падать же им от смеха. Вот и «Астра либерата» Богги. Все стороны жизни — сущий образец. Ненормированный рабочий день офицера Галактической службы безопасности обеспечивает обитателям звезд свободу.

Саймон не мог скрыть нотки цинизма. Он и Богги видели столько раз офицеров службы безопасности в работе, отличающейся от смеха в фильмах для рекрутов-новичков. Пока он рылся в своем шкафу, пытаясь отыскать свою самую лучшую униформу, у него появилась одна мысль.

— Богги, так что про того мужчину и его жену? Когда она хотела удивить его...

— А, да. Он вошел в спальню, она прыгнула и обняла, хотела поцеловать его. Он крикнул, срывая голос, повернулся и ребром ладони ударил ее в горло. Раньше, чем осознал, что происходит. Условный рефлекс. Разбил ей затылок. Она на месте скончалась.

Корабль накренился и лег на новый курс. Саймона швырнуло через всю каюту, потом магнитная обувь зафиксировала его.

— Все было так? Он убил ее?

— Именно для этого его и тренировали.

— Не удивительно, что этот парень уже никогда после этого не улыбался.

— Не очень-то смешно, не так ли?

— Богги, когда ты мне рассказываешь одну из своих историй, я всегда знаю одно. Я знаю, что они всегда о людях, спятивших от работы.

Богарт боролся, освобождаясь от своей рабочей униформы, его мускулы на груди напряглись как параллельные стальные выступы.

— Прекрасно, Саймон. Смерть. Я полагаю, что именно это главное в жизни. Не так ли?

Глава 2. Скатывая кроваво-красный ковер

Видавший виды маленький разведывательный корабль сел и замер на обгоревших, черных плитах главного космопорта города Капуи. Город раскинулся на таком обширном пространстве, а земля пользовалась таким большим спросом, что было совершенно невозможным сохранить газоны в пределах границ города. Город рос и увеличивался с такой скоростью, что даже космопорт несколько раз поглощался скопищем небоскребов, которые делали любую навигацию невозможной.

Хотя на планете всегда стояла хорошая погода и атмосферные катаклизмы жителям были неведомы, ветры с визгом проносились по бетонным джунглям Капуи и превратили в лезвие бритвы место посадки. Космопорт находился примерно в шестидесяти милях от центра города.

Заходя на посадочную кривую, Богарт выглянул в иллюминатор, удерживая себя от невольного комментария по поводу удивительной необъятности столицы. На горизонте со всех сторон можно было разглядеть грязно-серые пятна других городов, наступающих друг на друга с невероятной скоростью.

— Что случится, если они все объединятся? — спросил Богги.

Саймон произвел глухой взрыв ртом и описал руками разлетающиеся прямые, демонстрируя разлет от взрыва невероятной силы.

— Иисус-спаситель! — воскликнул Богги. — Это будет первая в истории планета, которая станет сверхновой по воле людей. По-

чему же... Почему же они не остановят рождаемость? Не говори ничего! Саймон, я знаю все о свободе на планетах Федерации. Но если такая угроза всему миру?..

Сконцентрировавшись на предпосадочных маневрах, удерживая корабль устойчиво в противовес меняющемуся ветру, Саймон бормотал:

— Потому что, Богги, заглянув назад, когда начали вести каналы, раньше войн, прогремевших на Сол Три, было ясно всем, что много детей нельзя уравновесить с недостатком пищи. Поэтому следует вести селективную рождаемость. А им еще далеко до этого. Одни только разговоры, а на деле ничего.

— Ты помнишь, что случилось на... да где же это?

— Зал-два-ноль-два. Любой напомнит тебе. Единственная планета, которая попыталась ввести полнейший контроль над рождаемостью. Через сто лет остались только неспособные к воспроизводству кретины и дебилы. Этого опыта достаточно, чтобы остановить любого, кто попытается заняться этим снова.

— Корректируй по альтиметру и дрейфу.

— Двадцать секунд до касания. Да, Богги, это проблема. Мы не имеем права перемещать население между галактиками. Логически невозможно. И нет другого незаселенного мира во всей системе Омикрон. Ни одного.

Сделав «бам», их корабль сел.

Последовало тяжелое шипение компрессов, и входной люк скользнул в сторону, затем открылась демпферная воздушная завеса. Оба мужчины мигнули, когда сильный зеленый свет залил каюту, последняя стала походить по своему интерьеру на некоторый искусственный аквариум.

Автоматически Рэк и Богарт начали проводить физическую зарядку для предупреждения тошноты, которая неизменно наступает при переходе от искусственной к нормальной силе тяжести. Есть одна особенность звездолетов, о которой следует упомянуть. Они снабжены гироконтролем, который не позволяет их экипажам проживать в искусственно поддерживаемом поле тяжести.

Когда они двинулись к выходному люку, удивительный факт привлек их внимание. На некотором расстоянии, поблескивая как стайка раззолоченных павлинов, стояла группа старейшин Капуи. Прямо перед ними находилось примерно сто человек, пытавшихся развернуть длинный, тяжелый ковер, толкаясь и дергая его, они кричали и падали под ноги другим.

Наконец им это удалось, и кроваво-красный ковер лег у подножия корабля, простираясь до группы старейшин. Саймон ступил на ковер, чувствуя стесненное движение плеч, крепко затянутых в его самую лучшую униформу. Богарт шел позади него, похожий на гориллу, которой пришлось надеть костюм на два размера меньше, чем ей требовалось.

Люди, раскатывавшие ковер, стояли молчаливой линией с безразличием на лицах, не выражавших никаких эмоций. Рядом с башней космопорта, Саймон и Богарт видели обширные толпы ротозеев, уцепившихся в решетку, охраняемые тройной линией гвардейцев с серебряными позументами, вооруженных пуленепробиваемыми щитами.

Богарт поравнялся со своим командиром, шепча ему сквозь неподвижные губы:

— Ползучие продукты ползучего растения. Здесь их не меньше трех-четырех тысяч, и ни одного звука.

Саймон, не обращая внимания на его шепот, размеренно шагал к кучке дворян, затем в десяти шагах от них остановился. Каждый из той дюжины мужчин и ни одной женщины, отметил он, имели на лице столько макияжа, что оно походило на маску, и невозможно было догадаться об их подлинных чувствах.

Богарт встал по стойке «смирно» рядом с Саймоном, и обе стороны ждали, глядя друг на друга. Никто из дворян Алефа не шевелился, они просто стояли и слегка переминались. Стоявшие в заднем ряду, казалось, что-то шептали друг другу.

Наконец стало очевидным, что первым начать придется гостям.

Саймон шагнул вперед.

— Мое имя — Саймон Рэк, и я официальный представитель Федерации. Этой мой помощник господин старший лейтенант Юджин Богарт. — Мысли летели в голове стремительным потоком в попытках найти подходящие дипломатические слова.

В это время самый высокий старейшина — самый высокий, если судить по взметнувшейся вверх, колоссальной башне блестящих волос — сделал шаг к послам и уставился на них сквозь хрустальные линзы. Хотя его лицо пряталось под толстым слоем краски, пудры, лака и блестело яркой расцветкой, в его голосе явно слышалась неприязнь. Странные приливы и тон на пол-октавы выше нормального и слова, едва ли идущие от сердца:

— Мы ожидали посла более высокого ранга. А вовсе не ребенка с телохранителем.

Оба офицера службы безопасности были хорошо обучены, чтобы достойно отвечать на оскорбление. Саймон решил разыграть оскорбление.

— Мой благородный господин, могу ли я спросить, где тот посол, о котором вы говорите?

Можно было обнаружить легкое сомнение, прячущееся в нагромождении слов:

— Речь идет о разногласии между нами и людьми с планеты Гимель. Нашим желанием и желанием наших братьев в этом мире было, что мы сами должны решать наши разногласия своими старыми способами. Но поскольку мы все члены прославленной Федерации, — сарказм бы слишком очевиден, чтобы быть обдуманной провокацией, — нам сообщили, что мы не должны предпринимать никаких акций, пока не прибудет официальный посол для ведения переговоров. Именно это мы ожидали, и все, что получили — это вас.

Большим усилием он сдержал себя, чтобы не ударить хладнокровного высокомерного дворянина, Саймон так сильно сжал руки, что ногти впились в ладони, что на них проступили бусинки крови. Мысль, которая внезапно появилась у него, была так удивительна, настолько неожиданна, что поразила его будто молотом. Он широко раскрыл глаза от присутствия красоты и от удивления ею.

Лидеры Алефа активно противостояли идее постороннего вмешательства во внутренние дела галактики Омикрон. Но пришлось повиноваться власти Федерации и согласиться на посредника в решении их проблемы. Каким тот ни будет. И они сильно удивились, увидев его и Богги, упавших с небес. Прибыв в космопорт, они ожидали появления самого настоящего посла.

Кашлянув, чтобы прочистить горло, и чтобы не подвел его голос, Саймон сказал:

— Милостивый господин, ваше обращение с послом Федерации едва ли оставляет желать лучшего. Есть ли у вас причина считать, что я неопытный младший офицер? Вам, должно быть, сообщили о моих недавних заслугах. Послушайте, господин, — он вложил нотки грубости в свой голос, — может, мне вернуться в штаб Федерации и сообщить им, что вы отказываетесь вести со мной переговоры?

У него заблестели глаза, потемнело лицо:

— Я уверен, что вы знаете о сильных беспрецедентных интерференциях в космосе, прервавшие всякие коммуникации на ок-

раинах галактики Омикрон на несколько часов, которые, похоже, продлятся еще несколько дней. Нам сказали, чтобы мы ожидали посла, и ничего больше. Можем ли мы считать, что вы и, — он махнул рукой в сторону Богарта, — этот мужчина — самые лучшие во всей Федерации, и что эта куча металлолома — самый лучший звездолет для посла Федерации?

Для Рэка чтение было лучшим времяпровождением, а самые любимые цитаты — выборки из пьес Шекспира. Цитата, которую он особенно любил, была о значении воодушевления в людских делах. Иными словами — отступая, вам никогда не победить.

Симулируя гнев, — не такая трудная для него вещь, — Саймон подошел вплотную к старейшине; его лицо оказалось в нескольких дюймах от разрисованной маски собеседника. Богарт двинулся к нему, готовый прикрывать его, инстинктивно сжав рукой кольт — так назывались стандартные парализаторы.

Они мгновенно вспомнили инструктаж, где говорилось о табу на прикосновение к телу на этой планете, и Рэк решил воспользоваться этим. Как он и догадывался, в группе старейшин произошло движение, и все они попытались одновременно сделать шаг назад. Стоя на высоких каблуках, они все сделали шаг назад, и вся их строгая группа превратилась в колышущуюся разноцветную массу.

— Выглядит, будто мы потревожили гнездо бабочек, Саймон.

Не обращая внимания на шепот Богги, он сконцентрировался на удерживании своей гневной позы. Когда они навели в своих рядах нечто похожее на порядок, Саймон заговорил, возвысив голос:

— Вы, дерзкие выскочки! Вы, манекены, высокомерные куклы! Нет, закройте рты и выслушайте, что я вам скажу. Потому только что я прибыл на таком маленьком корабле и в сопровождении одного коллеги и потому, что я выгляжу молодым, и потому что я не хочу играть в ваши глупые игры со словами, вы думаете, что это дает вам право грубо обращаться со мною. Клянусь огнями ада, вы пострадаете за это! Ни один человек не может оскорбить, законно посланного к вам представителя власти Федерации и избежать наказания.

Молчание, наступившее после его крика, было таким глубоким, что слышались завывание ветра, разбивающегося об углы массивных зданий. Рискованное предприятие совершил он. Если Рэк проиграл, это положит конец его и Богги карьере в ГСБ и может даже нарушить тот зыбкий мир, который сохранялся между Алефом и

Гимелем. Если послы знают, что настоящий посол запаздывает где-то в космосе, не имея возможности прилететь в ближайшие дни, и что Рэк и Богги только пешки, заполняющие пробел...

Но с первых же слов главного старейшины Саймон понял, что выиграл. По крайней мере на первое время.

Скульптурная голова чуточку осунулась, и голос его был уже не таким самоуверенным:

— Прошу извинения, и... Посол... что у вас сложилось впечатление, что мы не гостеприимны. Но поверьте мне и согласитесь, что вы довольно молоды для такого задания?

— Неужели вы оказались бы счастливее, будь я с белой, струящейся до колен бородой? Или ковыляющим на костылях? Я не ожидал, что мне придется встретиться с такой глупой недальновидностью, ваша милость. Приступим к делу, где император? Где же Гейн? Я думал, что он явится самолично.

Снова колыхание одежд.

— Нет, нет. Его величество никогда не покидает дворца. Никогда. Он признанный лидер Галактики. Все послы съезжаются к нему. Даже... даже делегация с Гимеля прибыла к нему. Фактически, они прибудут сюда, в этот космопорт, в течение суток. Первая наша с ним встреча состоится завтра.

Саймон внутренне проклинал себя за то, что так мало обращал внимания на обучение дипломатическим приемам. Но ему всегда нравилась только именно активная сторона Галактической службы безопасности, а все остальное казалось кучей дерьма. Однако сожаление его было очень кратким. Все, что он мог делать — это поступать сообразно с обстоятельствами и попытаться имитировать актеров, которых он видел в роли послов по видео. Это и еще чуточка здравомыслия помогут ему преуспеть.

Вновь он возвысил голос, заставив все собрание дрожать, как осиновую рощу.

— Я решу, когда начнутся первые переговоры, и конечно, они начнутся не завтра. Может, послезавтра. Завтра мой коллега и я будем отдыхать и входить в курс дела.

— Но мы думали, что вы уже...

— Прошу оказать мне минимум любезности и позволить закончить произносить то, что я говорил.

— Прошу извинения, посол.

— Хорошо. Я принял в обязательство не перегружать свой ум предвзятыми понятиями. Конечно, все базисные факты у меня

имеются, но мне нужно услышать суть дела от людей здесь на месте.

Елейно-злобный взгляд исказил лицо одного из дворян:

— Конечно, ваше превосходительство. Какой ум! Я сам явлюсь к вам в назначенный вами час и ознакомлю вас со всеми фактами.

— С вашим на них взглядом, несомненно. Спасибо, ваша милость, но я жду старшего министра Алефа и старшего министра Гимеля завтра после завтрака. А теперь я очень устал. Проводите нас в наши апартаменты.

Чтобы показать, что переговоры закончились, он двинулся в направлении, показавшееся ему правильным. К счастью, так и было. Взволнованно разговаривая, старейшины группой следовали за ними, их руководитель шел впереди и показывал дорогу. Когда они подошли к главному, зданию Саймон увидел множество флагов, апатично вздернутых над толпой.

«Многочисленному населению — большую территорию!» «Алефу — да, Гимелю — нет». «Живым людям — право на жилье». «Удовлетворить все требования». Вот некоторые из лозунгов. Все сконцентрировано на проблеме жилья.

— Жилье вам приготовлено в одном из ответвлений дворца, ваше превосходительство. Думаю, вам это понравится.

— Я скажу вам, когда увижу. Надеюсь, что места нам хватит.

Голос осекся.

— Конечно. Три комнаты.

Саймон остановился так резко, что некоторые старейшины налетели друг на друга, пытаясь не наступить ему на пятки.

— Три! Три! Я хочу, чтобы была спальня у каждого, столовая у каждого и общая комната для переговоров. И, пожалуйста, две ванные.

Последовал подсчет на пальцах.

— Итого семь. Семь. Ваше превосходительство! Я не знаю, сможем ли мы...

— Господин... Извините, не знаю, как вас зовут.

— Вази, посол.

— Значит, господин Вази, займитесь делом. Подумайте над моими словами. Лучше найти семь комнат для посольства двух человек, чем то, что потребуется для галактической армии из двух миллионов.

— Ангис Вейл, ваше превосходительство.

Их доставили через весь город в закрытом автомобиле до дворца Гейна IV, императора Алефа. Хотя они и не видели остальную часть здания, картины на инструктаже изображали обширное здание из хрома и золота, возвышающееся как католический собор со шпилями, устремленными высоко в небо.

Их комнаты — семь, как потребовали, — были богато отделаны по стандартам Капуи. Саймон провел рутинную проверку на предмет наличия следящего оборудования и был очень удивлен, найдя комнаты чистыми. Приняв ванну и поев — синтетическое мясо и овощи, — они приготовились к отдыху.

Явилась группа, посланная старейшиной Вази, и сообщила, что запланировано развлечение на главной арене для послов Федерации и дипломатов с Гимеля, которых ожидали с минуты на минуту.

— Отлично. Скажите старейшине Вази, что нам приятно будет явиться туда. И скажите ему, что нам не нравится, что у нас в апартаментах много слуг. Для меня едва хватает места в ванне, поскольку дюжина мужчин наливают воду, намыливают меня и подают мне полотенце. Нам не надо слуг, если мы их только сами позовем.

— Не надо? — спросил руководитель группы, посланной старейшиной; ужас на его лице показывал, что он выслушал весьма кощунственные слова.

— Ни одного. И еще одно: нужен умный, знающий местную расстановку, вхожий во все круги, действующий для нашего контакта с другими делегациями, кто помог бы нам со всей здешней шумихой.

Лицо слуги просветлело.

— Конечно, ваше превосходительство. Я знаю такого человека. Готов моментально найти дюжина таких.

— Нет! — Саймон обхватил голову руками. — Что вы вбили себе в голову, что мы прибыли сюда, что у нас не было там людей и женщин, чтобы использовать их там как-то... в какой-то манере? Нам нужен один человек. Понятно? Только один.

После того, как посланные ушли, Саймон сел в шезлонг.

— Клянусь богом, Богги, это мир сумасшедших. Я буду рад, когда закончится эта миссия и мы сможем забраться обратно в наш корабль.

Богги стоял, глядя на город поверх крыш, поскольку им соизволили предоставить комнаты под самой крышей, в миле над землей. На его лице отразился испуг.

— Саймон!

— Что?

— Ты и в самом деле думаешь, что этот один что-то сделает? А что если они нас грохнут?

— Тогда мы в дерьме во весь рост. Все, на что мы можем надеяться, вещи сами собой решатся, прежде чем свершится приговор.

— Клянусь Господом! Саймон, ты даже не предполагаешь, какая это тяжелая проблема. Так во имя... — Он изо всех сил стукнул кулаком в спинку одного из кресел, чтобы разрядить напряжение. — Как ты сможешь найти ответ, если не имеешь никакого понятия, о чем идет речь?

— Богги, они уже знают его. Делегация с Гимеля знает. Они оба знают. Один из них готов сообщить нам достаточно, чтобы нам начать работать.

— Я надеюсь, что ты прав, Саймон.

— Остынь, Богги. После Сол Три и Сигмы IX прекрасно здесь отдохнем. Послушай, все, что нам предстоит — вести переговоры. Никто еще не был при этом убит, не так ли?

Его риторический вопрос был прерван стуком в дверь. Саймон нажал рукоятку, дверь отворилась, и вошел невысокого роста человек. Его одежда не походила на скучную одежду низов общества, наоборот, она имела сходство с богатой одеждой старейшин.

На плечах у него был накинут плащ, и широкая полоска ленты раскачивалась на спине при движении. Он, казалось, сделал жест в сторону своего лица с нанесенным макияжем, представлявшего собой несколько полосок желтого на щеках, и кармином был обрисован рот. Но все это выглядело так, будто он наложил макияж в туалете, в потемках, левой рукой.

В отличие от старейшин Алефа, которых они уже видели, мужчина носил усы и лохматую бороду. Невозможно было сказать, что он холил их. Терпел — скорее всего.

Он остановился на пороге, нервно переводя взгляд с Саймона на Богарта и обратно. Он кашлянул, звук голоса походил на глоток слюней.

— Говорите, — предложил ему Рэк.

— Меня зовут Ангис Вейл, ваше превосходительство.

— Вот как?

— Я Ангис Вейл. Мне приказано явиться сюда и быть вашим гидом и генеральным фактотумом.

— Генеральным чего? — изумился Богарт.

Мужчина повернулся и близоруко уставился на него.

— Фактотумом. Я буду вашим помощником на все время вашего пребывания и в Капуе.

Саймон пересек комнату и протянул руку дрожащему мужчине.

— Добро пожаловать, Ангис. Вы не пожмете мне руку?

Вейл отступил, стукнувшись головой о стену.

— Нет, ваше превосходительство. Простите меня, но вам следует знать, что не допускается физического контакта, не иначе как только с «низами».

— Конечно. Я забыл. Проходите, садитесь и отведайте этого вина.

После трех стаканов светло-зеленого напитка их посетитель расслабился и начал разговор. Он являлся бывшим воспитателем Алифа, единственного сына императора Гейна, которому уже минуло восемнадцать и который не нуждался в воспитателе.

— Я думал, что у Гейна масса жен. Так случилось, что у него только один сын?

— Лейтенант Богарт, древние доктрины явно провозглашают, что император может иметь столько леди, сколько пожелает, и они могут ему родить столько детей, сколько способны. Родить дочь императору — честь. Но будет оскорблением в глазах бога родить ребенка-мальчика. Дозволено иметь только одного сына. Единственный его сын — Алиф.

Последовала пауза, пока Богги переваривал полученную информацию. По пугающим морщинам, что появились на его лице, было очевидным, что Богарт все еще размышлял.

— Скажи мне, добрый мастер Вейл, как может так оказаться, что только один мальчик рождается? Что случится, если родится у какой-нибудь женщины еще один мальчик?

Вопрос вызвал нервное движение у воспитателя. Он дергал себя за усы, будто пытался оторвать от сомнительного их крепежа на верхней губе.

— А-а. Это достигается очень интересными теологическими построениями, мой друг. Теоретически любая женщина способна родить сына императору, после того как он уже имеет сына.

Саймон прервал его.

— Такова теория. А что же на практике?

Ангис понизил голос до шепота, заставив двух мужчин склониться к нему, чтобы разобрать его слова:

— Если такое случается, то не остается ничего другого, как сделать так, чтобы теория и практика не расходились.

Потребовалось некоторое время, чтобы утонченность этой концепции была усвоена Богартом. Поняв, он разинул рот.

— Гром и молния! Вы хотите сказать, что они убивают этого маленького несмышленыша? Какая прекрасная публика живет на этой планете, Саймон. Я буду счастлив, когда она останется за кормой на расстоянии в миллион световых лет!

Саймон торопливо налил еще всем по стакану, чтобы разрядить напряженную атмосферу.

— Мастер Вейл, расскажите нам побольше о проблеме, с которой столкнулся добрый народ на планете Гимель.

Бывший воспитатель удивленно уставился на него.

— В самом деле, посол, вам ничего не известно?

Сердечно рассмеявшись, Саймон откинулся на кушетке.

— Конечно, известно. Но я слышал так много версий, что уже путаюсь, что правда, а что нет. Мне бы надо поговорить с человеком, имеющим острый, аналитический ум, не боящийся угодить в ловушку. Пожалуйста.

Вейл самодовольно улыбнулся.

— С большим удовольствием. С большим удовольствием, ваше превосходительство. В самом деле. Какое удовольствие, что...

— Так скажите же мне! О, простите меня, что я повысил голос, но время идет, и нам вскоре предстоит во все это погрузиться. Мне бы не хотелось запоздать.

— Просто и коротко, посол. Алеф находится в центре галактики, и как вы могли сами заметить, мы все страдаем от перенаселенности. Гимель ближе к краю Омикрон и имеет ту же проблему, хотя между нами очень мало сходства. Множество ненаселенных планет в космосе, но все они выжжены, и жить на них невозможно. И вот месяц назад в их число решили включить планету Вирона. Теперь же, насколько вам известно, это не так.

Если бы кто-то взорвал в голове Саймона гранату, это возымело бы почти схожий эффект. Ему пришлось собрать всю свою волю, чтобы не открыт по-идиотски рот. К счастью, Богарт никогда не погружался в теоретические проблемы, и ему хватило немного времени, чтобы понять все значение этих слов.

Пока Саймон пытался скрыть свою реакцию, Ангис Вейл продолжал свою речь.

— Конечно, это создает много проблем для всей галактики Омикрон.

— Ну-ка, повторите снова!

Наставник озадачено посмотрел на него.

— О, конечно. Я сказал, что это создает...

— Прошу извинения. Это только речевой оборот. Пожалуйста, продолжайте.

Последовал квохчущий смех алефца.

— О, я понял, речевой оборот. Наша речь богата, дорогой господин. Мне повторить это снова? О, да. Я могу повторить снова. В самом деле. Я запомню это. Я могу снова все повторить.

Богарт и Рэк терпеливо ждали, когда мужчина продолжит, что он наконец и сделал.

— В основе этой новости — секретное сообщение группы исследователей, которая изучала атмосферу и нашла, что там произошли сильнейшие изменения после последней проверки. Эта проверка была, дайте мне вспомнить, пятнадцать лет назад. Или шестнадцать? Нет, я служил в то время, значит, было пятнадцать лет назад. Нет, это могло быть где-то около четырнадцати, не совсем пятнадцать. Но я полагаю, что это мало что значит. Было отмечено, что в почве произошли некоторые химические изменения, которые последовали вследствие распада аммония. Я не ученый, мне неизвестны все детали. Все, что я знаю, что на планете Виррона может существовать жизнь.

Последовал стук в дверь, и вошел посланник, чтобы сказать послу Рэку, что его присутствие обязательно, что игры сейчас начнутся.

— Мои комплименты императору, — отвечал Рэк. — Мы скоро явимся. Вы, мастер Вейл, сопровождайте нас, и можете нам что-нибудь сказать полезное по дороге.

Путешествие было коротким, но Вейл болтал без умолку, заполняя все пробелы в их странном мероприятии. Он рассказал об убийстве — беспрецедентном на Алефе: оружием послужил нож, и мог он быть использован одним из «старейшин», поскольку «низам» не дозволяется без сопровождения появляться в этих секретных местах, и как исчезла копия рапорта о Вирроне и как она попала в руки правителей Гимеля.

— И теперь каждая из планет заявляет свои права на Виррону?

— Разумеется, посол. Она должна принадлежат Алефу, поскольку мы — центральная планета галактики, и мы открыли ее. Но правители Гимеля говорят, что их нужды такие же, как и наши, и что Виррона ближе к ним. Отсюда проистекают все наши несчастья. Это все, что я мог повторить снова, как вы сказали.

— Теперь об этом знают все? На обеих планетах?

— Боюсь, что так. На обоих планетах растет недовольство, все говорят, что Виррона должна принадлежать им, а не другой планете. Вот все, что я могу сказать вам, посол, и не вижу выхода из создавшегося тупика.

Будь он честен с самим собой — а он всегда был честен, — Саймон констатировал бы, что ничего с этим не может поделать. Единственное благословление заключалось в том, что планеты еще не вступили в войну. Он знал оценку их сравнительно равных военных сил из первоначальной инструкции.

Алеф имел очень многочисленное население и большие вооруженные силы. Но армия и космический флот Гимеля были лучше тренированы и имели большую степень готовности.

Видеоинформация гласила: Любая конфронтация будет иметь страшные последствия, поскольку компьютеры предсказывали равенство между Алефом и Гимелем. Следует сказать, что очень небольшие силы смогли бы уничтожить гораздо более крупные силы, что история демонстрировала во многих случаях. Но и крупная сила может легко подавить и уничтожить мелкие подразделения Гимеля. Возможный фактор победы для одной из сторон не может быть оценен выше 3,5 или 3,6 % в пользу Алефа. Ошибка в подсчетах может составить 8,7 или 8,8 %. Отсюда ясно, что все предсказания ничего не стоят.

Ангис Вейл проскользнул вперед них, когда они прибыли на стадион, позволив Саймону кратко проинформировать Богарта о сложившейся ситуации.

— Обе стороны думают, что новая планета должна принадлежать им. Никто не собирается отступать, перенаселенность достигла взрывчатого состояния. — На его лице появилась широкая улыбка, когда решение пришло к нему. — Саймон, все так просто. Все, что нам требуется, это достигнут компромисса.

Саймон посмотрел на него, удивляясь его простоте.

— Твое понимание вещей удивляет меня, Богги. Я вижу, что ты сможешь руководить дипломатической стороной вещей, а не я. Ради бога, каким же способом ты достигнешь компромисса?

— Не переживай, не переживай, Саймон. Что-то подвинет дело. Всегда так случается.

На этой веселой оптимистической ноте, не разделенной Саймоном Рэком, они очутились в королевской ложе главного стадиона Капуи, встретившись с правителем этой планеты, могучим и всесильным императором Гейном IV.

Он представлял собой лирическую поэму в своем блестевшем золотом и серебром плаще, отбрасывающим свет радужным дождем, ослепляющим глаза. Волосы его были зачесаны в остроконечную башню, чередуясь разноцветными слоями — пурпурными, желтыми, пламенно-алыми, присыпанными золотой пудрой. Хотя он был сравнительно невысок, его волосы в комбинации с покачивающимися шестидюймовыми каблуками на хрустальной обуви, представляли его гигантом, превышающим Саймона Рэка на целых пятнадцать дюймов.

Тогда два офицера склонились перед ним, он поприветствовал их взмахом руки, унизанной перстнями.

— Приветствую вас на нашем развлечении и на нашей планете Алеф, посол Рэк. Утром нам предстоят переговоры и разрешение нашей дилеммы. А теперь, время для развлечения. Я нахожу смерть развлечением, а как вы?

В этот момент Саймон догадался, какое им готовилось развлечение. Пытаясь не выразить в голосе свое отвращение, он посмотрел императору прямо в глаза.

— Не знаю, ваше высочество. Мне еще не доводилось умирать.

Глава 3. Але-гоп и...

Откинувшись на обтянутые шелком спинки кресел, Саймон и Богарт приготовились наслаждаться первой частью вечерних игр. Девушки, которых они впервые увидели на Алефе, собрались вокруг них. Они были одеты в одежды, которые не могли понизить температуру в императорской ложе.

Стирая капельки пота со лба, Саймон спросил Ангиса, который сидел в неудобном кресле сбоку от него, почему оно такое горячее. Наружная температура на Алефе редко поднималась выше шестидесяти градусов, на стадионе же она поднялась почти до восьмидесяти.

— Наши божественные сильно страдают от холода. — Вейл прижал свой рот к самому уху Саймона, заставив его отшатнуться от сильного запаха гниющих зубов. Тихий, шепчущий голос сказал: — Они говорят, что это результат лишенных воспитания поколений. Многие из высокорожденной элиты в Капуе и во всем Алефе имеют схожие проблемы.

Их внимание привлек пронзительный вскрик протеста Богарта. Все головы в ложе, включая и самого Гейна IV, с любопытством уставились на него. Одна из девушек, закрыв глаза руками, легла на богатый ковер у ног Богарта. Он с лицом, краснее реки Голот, пытался застегнуть ширинку на брюках.

И сам Гейн своим высоким голосом в гневе спросил:

— Что случилось? Кто осмеливается нарушить наше удовольствие.

Прежде чем Богарт что-то ответил, лежавшая девушка бросилась к ногам императора. Она, рыдая, прижалась губами к носкам его туфель.

— Высочество, я хотела дать ему удовольствие.

Холодные глаза, почти спрятанные за извивами линий макияжа, обратились к Богарту:

— Это правда? То, что говорит эта девушка?

Красный от смущения, Богарт поджал ноги:

— Да, ваше высочество. Прежде чем я понял, что происходит, я обнаружил прямо перед собой ее горло.

— И это не понравилось вам? Может, вам лучше пригласить мальчика?

— Нет! — И потом уже более умеренным тоном: — Нет, ваше высочество. Я потерял вкус к такого рода развлечениям. Вот... нет, я не думаю, что здесь время и место для этого.

Голова с прической медленно кивнула.

— Я вижу. Уберите девчонку. И пусть больше никто не беспокоит послов. Если они сами того не пожелают.

Инцидент закончился, так еще и не начавшись. Парад участников закончился, и распорядитель только ждал сигнала Гейна, чтобы начать игры. Император встал во весь рост и помахал блестящей перчаткой в воздухе. Толпа взорвалась криками и возгласами. Хотя облака подгоняли друг друга в зеленоватом небе, Саймон сразу заметил, что они были искусственными, и само небо представляло взорам свое своеобразное шоу. Стадион представлял собой крытую арену, заполнив глубину три-

дцати этажей одного из зданий, расположенного недалеко от дворца.

Первым номером шел бег — пять тысяч ярдов по круглому треку. Как можно было догадаться, в беге участвовало сто участников разного возраста. Рэк и Богарт сильно удивлялись, как они дрались и толкались, одни бились на кулаках, другие катались, итак по всему треку. Один стройный, молодой атлет опередил всех, но группа старших участников поджидала его и напала на него, когда он попытался обойти их. Когда они продолжили бег, тело молодого атлета лежало у высокого барьера, и из него сочилась кровь. Бег выиграл высокий, крепкий мужчина, у которого из раны на лбу бежала кровь. Результат его был чуть выше тридцати минут. Аплодисменты прозвучали спокойнее, чем следовало ожидать.

Ангис объяснял:

— Зрители не принимают во внимание борьбу, они аплодируют только бегу. Только соревнование закончится, они теряют к нему всякий интерес. Все очень завистливы к победителю, поэтому многие не аплодируют. Победитель получает три дополнительные комнаты, и поэтому они завидуют ему. Смотрите, уже закончились прыжки в высоту.

На полдюжины раздельных местах соревновались в прыжках, которые начались почти одновременно с бегом. И снова соревновалось гораздо больше людей, чем ожидал Рэк, и снова это напомнило ему о перенаселенности. Планка на прыжках в высоту часто слетала на пол. Это вызывало визг удовольствия в толпе, вспышки его возникали каждый раз, как прыгун сбивал планку какой-нибудь частью своего тела и сам вид атлета, распластанного на песке, пока его не уносили распорядители.

— Поле для высокоэнергичных спортсменов. Их бьют, если они затронут планку. И часто даже убивают. Они соревнуются ради двух дополнительных комнат.

Во время одной церемонии награждения, Саймон склонился к Богарту, заметив выражение на его лице. Он предполагал, что этот парад антигуманности вызовет резкую реакцию у его друга.

— Спокойнее, Богги. Так у них заведено. Мы прибыли сюда не для того, чтобы судить их обычаи. Всего лишь разрешить галактическую проблему. Согласен?

Богги, повернувшись, посмотрел на него. Хотя пот стекал по его щекам, все мускулы напряглись. Он был бледен.

— Я знаю, Саймон. Но все это так гнусно. Я буду страшно рад убраться отсюда поскорее.

Саймон потрепал его по плечу и снова сел.

Богарт толкнул локтем Ангиса Вейла.

— Наставник, я все еще думаю о той девчонке, ну той, что пыталась... хотела... ты знаешь... лезла ко мне. Она, похоже, очень напугана. Ее накажут?

Алефец ответил ему намеком, сконцентрировав все свое внимание на состязании по метанию копья.

— Девчонка-то, посол? Нет, ее вовсе не накажут.

— Хорошо, — с облегчением в голосе произнес Богарт.

— Нет. Ее просто убьют.

Очень медленно наступал вечер.

Борьба за жизненное пространство становилась все ожесточеннее, все игры и все эстафеты приносили кому-то смерть. И призовой фонд соответственно вырастал.

— Потерпите, ваше превосходительство. Игры в самом разгаре. Должен предложить вам небольшой совет. Императору не нравится, когда его почетные гости высказывают знаки усталости. Посол Богарт зевает прямо до неприличия, и это могут заметить.

В этот момент вошла группа посланников к императору, один из них, шедший первым в группе, встал на колени перед императором и подал ему украшенный драгоценностями свиток. Гейн передал его одному из старейшин, чтобы тот вскрыл его. Сообщение было передано императору шепотом.

Хрупкая маска лица начала вращаться, пока цепкий взгляд не прицелился в Рэка.

— Посол. Появилась и вторая половина нашей проблемы. Делегация Гимеля на Стадионе. Я приказал, чтобы их быстро привели сюда. Думаю, вы возжелаете познакомиться с ними как можно скорее.

Саймон поклонился посланнику.

На стадионе реакция толпы достигла апогея, поскольку игры близились к завершению. Центр песочной арены пошел вниз, оставив круглый колодец, около пятидесяти ярдов в диаметре и возможно ярдов десять в глубину. Пока Саймон и Богарт смотрели, озадаченные, колодец начал заполняться густой коричневой мас-

лянистой жидкостью, которая, казалось, пузырилась и кипела, поднимаясь к верхним краям колодца.

Ангис широко улыбался, увидев выражение удивления на лицах своих «подзащитных».

— Это одна из разновидностей грязи, составленная из... э... человеческих экскрементов. Пузырящийся эффект создается не подогревом. В емкость выпущено много джилонов.

— Джилонов?

— Очень прожорливые черви, которые едят все подряд. Если их лишить еды на долгое время, они начинают поедать друг друга. — И он деликатно передернул плечами.

Наконец емкость заполнилась. Жидкость остановилась на нескольких футах от верхней кромки. Из центра емкости поднялся подиум около шести футов в диаметре, представляющий собой конус из которого поднялось нечто, похожее на ладонь руки. Ладонь находилась на высоте пяти футов от поверхности жидкости.

Послышались звуки труб воинственной музыки, и две шеренги мужчин направились к арене. К великому удивлению Саймона, он насчитал около двухсот человек, построенных по ранжиру в возрасте от мальчишек-подростков до седых стариков.

Смысл происходящего объяснил распорядитель:

— Самый крупный приз соревнований! Наш любимый император Гейн IV сейчас объявит нам размер приза, за который предстоит бороться этим мужчинам.

Напротив императорской ложи на консоли, укрепленной на стене, загорелся бледно-красный огонек, указывающий, что микрофон включен. Вызвав возгласы и выкрики в амфитеатре, император поднял в приветствие руку. Его голос, усиленный громкоговорителями, отдавался от стен и потолка огромного стадиона.

— Граждане! В честь наших гостей — посла Федерации и его коллеги — я решил установить специальный приз. Победитель получит, — он сделал паузу для наибольшего драматического эффекта, — не пять комнат, как обычно, не шесть и не семь. А восемь! Восемь дополнительных комнат! Соревнование начинается!

Даже старейшины в ложе своей стали возбужденно обсуждать сказанное. А зрители визжали и кричали так громко, что Рэку показалось, будто сам воздух вибрирует. Восемь комнат означали невероятную роскошь. Если победитель уже имеет, скажем, три комнаты, в сумме станет уже одиннадцать и мгновенно переведет

его в ранг «высокопоставленных». Если он пожелает продать четыре, то сможет жить в невероятной роскоши.

Положили трап на край колодца, и соревнующиеся ринулись к нему. Из-за чрезмерной спешки некоторые из них упали в колодец, в навозную жижу, которой надеялись избежать. Когда они были готовы, все взоры обратились к императорской ложе, где виднелась статная фигура ожидающего императора. Резкие вспышки света отразились от его колец на руке, когда он резко опустил ее вниз. Жидкость потемнела от всплесков, но первые крики тонущих были едва различимы в шуме толпы.

К отвращению Саймона, он заметил, как двое «высокопоставленных», возбужденные зрелищем смерти на арене, бесстыдно приводили друг друга к оргазму. Несмотря на их экзотическую красивую внешность, манеры старейшин Алефа оставляли желать лучшего относительно стандартов других миров. Посреди этого долгого знойного вечера лорды поднимали руку, и слуги бежали к ним с красиво орнаментированными керамическими вазами, помогая хозяевам совершать процесс освобождения желудка, расстегивая и застегивая им одежду и затем старательно протирая их насухо. Когда подобная нужда случилась с Саймоном, он невнятно прошептал об этом Ангису, и тот, казалось, был удивлен его таким странным желанием.

Саймон ожидал, что Богарт последует за ним, но его помощник даже не пошевелился. Саймон заметил, что один из старейшин справа от Богарта и высокомерный лорд Вази, который встречал их в космопорте, и сидевший слева от него были заняты в этот момент своими слугами, облегчающими их естественные надобности.

Вернувшись из крошечного кабинетика в задней части ложи, он заметил, что Богарту удалось высвободиться из скопления окружавших его людей. Саймон указал ему на дверь комнатки, и Богарт ринулся прочь.

Когда Богарт вернулся, Рэк дернул его за рукав:

— Богги, почему ты не пошел вместе со мной? Испугался того, что они об этом подумают?

— Саймон, я просто не смог. Я собрался пойти, но этот Вази занимался со своим слугой с одной стороны, а тот маленький толстяк с другой. Говорю тебе, просто не смог. Я оказался в безвыходном положении!

* * *

Маслянистая грязь вобрала в себя уже многих соревнующихся, тех, которых затоптали и спихнули в вонючую жидкость. Еще множество пожрали черви. В конце концов осталось четверо или пятеро, борющихся из последних сил и цепляющихся друг за друга. Одному из них удалось взобраться на подиум, и он, повиснув, держался за него с жестоким отчаянием.

Остальные уже исчезли в пузырящейся грязи, последний из них потонул несколько секунд назад. Победитель махал свободной рукой зрителям, вызывая их вопли и приветствия. Восьмикомнатный победитель! Воистину фаворит Капуи.

Неожиданно что-то неопределенное выскочило из мерзкой грязи, обхватило победителя обеими руками и ударом нарушило его победную хватку. Одному из соревнующихся удалось задержаться у поверхности, поддерживая дыхание, и тогда он смог добраться до победителя совершенно неожиданно для него.

Победитель заплатил свою цену за свою победу. Когда оба человека упали вниз по скользкой стороне подиума, зрители увидели, что по всему его телу извивалось множество джилонов, и из-под их впившихся в тело игольчатых зубов сочилась кровь. Затем с отвратительным всплеском оба мужчин исчезли в коричневой, пузырящейся мерзости.

Все взоры пристально наблюдали за поверхностью емкости, но ничего не происходило. Спустя минуту, веселые возгласы сменились выкриками неодобрения. Гейн снова поднялся, и индикатор включенного микрофона вновь замерцал.

— Друзья мои! Какая ожесточенная и смертельная схватка. И поскольку в ней не оказалось победителя, восемь комнат могут быть разделены пополам и проданы на торгах.

Если он и сказал что-то еще, то все потонуло в громе оваций. Когда он оглянулся, его глаза расширились. Проследив за его взглядом, Саймон с удивлением заметил, что в ложе появились посторонние, в шуме их никто не заметил, и они стояли сейчас молчаливо, построившись в два ряда.

— Ах, госпожа, как приятно видеть вас. Но вам следовало бы доложить о себе, а не ожидать подобно нищему поодаль от богатого хозяина.

Саймон заметил холод в словах императора и особый подбор слов, которые унижали, прибывшую делегацию.

Госпожа Тон Боа была женщиной невысокого роста, одетая в просто сшитый форменный костюм светло-коричневого цвета, без всяких украшений.

Жакет с высоким, круглым воротником и грубо скроенных брюк. Ее волосы были собраны на затылке, а лицо чистое, без тени макияжа. Ее коллеги были одеты в схожей манере и стояли с ничего не выражающимися лицами. Только их темные, круглые глаза оглядывали ложу. Делегация Гимеля состояла из семи женщин и пяти мужчин.

Женщина кивнула, ничего особенного не вложив в этот жест.

— Император Гейн, мы не рассчитывали приветствовать вас здесь, предающегося своим грубым удовольствиям. У нас мало времени, чтобы тратить его на такие безрассудства. Мы желаем начать переговоры как можно скорее.

Невозможно было заметить изменение на лице императора, скрытого за цветной и блестящей маской. Но когда он заговорил, в его голосе появились нотки, которых раньше не отмечалось.

— Госпожа, я вижу, у вас нет времени и на любезности.

Коричневые глаза вспыхнули:

— Император, мы не намерены тратить время на словесные игры с разукрашенной куклой.

Саймон почувствовал, что наступил его черед начать свои упражнения в дипломатическом искусстве. Он выпрыгнул на середину между противоборствующими сторонами с готовой, почтительной улыбкой на лице:

— Госпожа Тин Боа. Имею честь приветствовать вас здесь. Я согласен с вами, что проблему надо решать, но думаю, что и вы устали, как и я сам. Путешествие в космосе утомительно. Не могли бы мы подождать до завтра?

Он преднамеренно не представился и не представил Богги. Он хотел увидеть, насколько любезна эта женщина.

Ее взгляд обратился на него, и она смотрела на него какое-то время, ничего не говоря.

— Вы офицер Саймон Кеннеди Рэк, и вы очень молоды для работы дипломатической. Думаю, ваш более представительный коллега лейтенант Богарт более подходит по возрасту. Принимая во внимание его не столь высокое офицерское звание, можно решить, что он дурак или слишком умный. Мне это еще предстоит выяснить.

Настало время для первой попытки.

— Могу ли я спросить вас, госпожа, откуда вам известны наши имена, поскольку мы только что прибыли, а связь в космосе нарушена?

Вопрос попал в точку, и он был награжден легким сжатием губ в уголках рта.

— Возможно, ваша репутация как молодого гения переговоров несколько опередила вас. Еще я имела несчастье попытаться выяснить, что за мужчина гуляет по императорской ложе весь вечер среди леденящих убийств и пальцем не пошевелил, чтобы помочь бедному и угнетенному народу, которые подыхают здесь на песке, чтобы позабавить своих глупых старейшин. — Последние слова она почти выплюнула, наполнив их горьким ядом.

Отчет один ноль в пользу госпожи Боа, подумал он. Она искусно воспользовалась его вопросом, ничего не дав ему в защиту. Краешек сомнения в своих собственных способностях выглянуло из пыльного закутка его черепа. Но он постарался поскорее захлопнуть дверь этого закутка.

— Госпожа, моя задача — не критиковать обычаи планеты существующей в рамках Федерации. Мои личные чувства выше критики внутреннего социального порядка Алефа. Как лидеру другого дружественного мира этой же галактики, я советую и вам сдерживать свои эмоции. Я вижу, что они ничего конструктивного не несут с собой.

Один из представителей делегации Гимеля тронул госпожу Боа за локоть и указал на арену.

— Что это происходит там, император? И это вы называете спортом?

В центр арены выкатили странную конструкцию на колесах. Она представляла собой башню с дверями и с отверстиями в стенах на разных высотах. Все отверстия были пронумерованы от одного до восьмидесяти. Число восемьдесят находилось у самого верха башни. Саймон прикинул высоту башни примерно ярдов в шестьдесят.

Ангис Вейл, стоявший сбоку от него, пояснил ему назначение башни.

— Да будет вам известно, посол, у нас существует добровольная эвтаназия в любом возрасте и возможность возобновления цикла в восемьдесят. Когда мужчине надлежит уйти, его семья всегда теряет полкомнаты.

— А как у вас с женщинами?

— Посол Богарт, это едва ли предмет для такого как... простите меня, если я говорю то, что может показаться цензорским тоном, но это, нижайше прошу засвидетельствовать мои слова, нечто неприменимое здесь... и я знаю, что говорю, что говорю лишнее, когда хочу обмолвиться...

— Поскорее, господин Вейл. Мне кажется, у вас весьма огромный багаж слов.

— Прошу прощения, но мне кажется, что я потерял нить разговора. Не могли бы вы?..

Богарт тяжело вздохнул.

— Я спросил, почему не соревнуются женщины?

Лицо бывшего наставника просветлело.

— Ах, конечно, конечно. Вам известно, что женщинам не позволяется иметь комнаты. Только мужчинам. Женщины, которых не выбрали в жены, живут в общежитиях. Нет, только мужчины могут купить, продать, выиграть или потерять комнаты.

— Что-то вроде тюрьмы?

— А-а, да. Те, кто возобновили цикл, имеют возможность спасти своим семьям полкомнаты, появившись здесь. Все, что они могут — сброситься с этой башни, и тогда могут получить одобрение толпы. Те, которые получат наивысший балл, когда спрыгнут с этой огромной ширмы, даже могут получить несколько комнат для своих родственников. Хорошая система? Как на ваш взгляд? А вот появились и желающие. В такой благоприятный день я надеюсь, мы получим самое необычное удовольствие.

Не сдерживаемый толкущимися дворянами, у края ложи, Вейл смог протиснуться вперед, и он встал там, напряженно наблюдая за происходящим. Ни Рэк, ни Богарт не пошевелились, чтобы пойти с ним. Они остались в более прохладном месте императорской ложи. Делегация Гимеля осталась вместе с ними, как и большинство придворных. Императору явно хотелось посмотреть на самоубийство стариков, но он осознавал свою ответственность в отношении своих гостей.

Долгий, непрерывный крик толпы указал на то, что в цирке началось финальное соревнование. В промежутках между высокими прическами разукрашенных придворных, Саймон поймал взгляд пожилого человека с зелеными газовыми крыльями как у бабочки, прикрепленными к его мощным голым плечам, последний устремился вниз, вращаясь как веретено, во влажном воздухе, и рухнул кучей кровоточащих костей на неровный песок.

Госпожа Тин Боа вспыхнула:

— Император, почему только рядовым жителям — или, как вы их называете, «низам» — приходится бороться в такой унижающей человеческое достоинство манере? Почему не участвует буржуазная прослойка? Или ваши придворные?

С грубоватой нотой в голосе Гейн ответил женщине, даже не повернувшись к ней:

— Потому что, госпожа, им нет необходимости расширять свое жизненное пространство. У нас у всех более или менее хватает жилья. У низов же в большинстве случаев минимальное прожиточное число комнат. И они готовы развлекать всех нас в надежде улучшить свое жизненное пространство.

Женщина плюнула на ковровый пол.

— Клянусь всеми работающими людьми, это самое деградированное общество! Если общество готово лечь под нож мясника, то это общество здесь. Вы говорите о старых временах, когда ваши братья умирают здесь.

Визг и раскаты смеха со стадиона заглушили ее речь.

Рэк снова попытался подлить немного тактического масла в бушующие воды.

— Я уверен, госпожа Боа, что смелость дворянского сословия на Алефе выше всяких похвал.

— Ложь! Отвратительная ложь! Как долго вы находитесь в их обществе? Приняли ли вы свое божественное решение, кто прав и кто не прав?

Дипломатия совсем не интересовала лейтенанта Богарта. Но он распознал грубость и несправедливое оскорбление, когда услышал все это.

— Послушайте, вы, — начал он, отбросив в сторону руку Саймона, — думаете, что знаете все, но вы страшно мало знаете. Мы здесь находимся чуть не полдня, и нам эти чертовы соревнования нравятся не больше чем вам. Но таким способом эти люди управляют своим миром, и это их дело. Честно говоря, я совсем не думаю, что ваш мир лучше, но мне приходится мириться со всем этим. Теперь нам надо или увеличить наш маленький ум или уменьшить наш большой рот!

В наступившем молчании шум толпы словно бы удвоился. Саймон закрыл глаза и пережидал. Гейн потихоньку улыбался, слушая выпады. Госпожа Тин Боа застыла на месте, затем рассмеялась.

— Хорошо сказано, посол Богарт. Я восхищаюсь мужчинами, которые могут очистить воздух вспышками честного гнева, и считаю, что ваша атака на меня — велась честно. Может, есть еще надежда на переговоры. А вы что думаете, посол Рэк? Вы согласны с тем, что сказал ваш помощник, горящий отвращением?

— Госпожа, я не одобряю манеру, в которой это все прозвучало, но согласен с каждым словом сказанного.

Инцидент был исчерпан.

Над песком, покрытым хлопьями крови и кусочками мозга, еще один старик собирался покончить с жизнью, он махал руками и свистел как ветер, запутавшийся в складках зданий. Толпе он понравился.

— Гейн, я придерживаюсь того мнения, что твоему народу жизнь не нужна. Я считаю, что и дворяне должны здесь проливать кровь. Это так легко — стоять в стороне и смотреть на чужую смерть.

— Все так. Но мои придворные здесь будут проливать свою собственную кровь только тогда, когда их честь будет оскорблена. В данном случае со словом «честь» здесь смех несовместим. Только наша честь разгромит ваши маленькие силы, когда закончатся переговоры.

Женщина снова рассмеялась.

— Отметь это, посол. Он говорит слово «когда», а не слово «если», словно он уже все решил заранее. А наши силы имеют то, чего нет у вас. Они верят и доверяют своим идеалам. Их идеалы непоколебимы.

Теперь настала очередь правителя Алефа высказать свое самодовольство.

— Я бы попросил вас, посол, отметить, что эта... что эта женщина подчеркивает, что ничто не сможет поколебать ее идеалы. Не сомневаюсь, что ее вера включает уверенность, что планета Виррона, открытая нами, принадлежит по какому-то неведомому праву планете Гимель. И не сомневаюсь, что все, что она будет говорить нам, предварительно одобрено ее правительством.

Саймон почувствовал, что его сердце опускается, когда два лидера начали препирательство. Он вовсе не думал, что дипломатия окажется легким делом. Но все видеофильмы, которые он просмотрел, создали у него видимость, что искусный дипломат всегда выходит победителем. Но вот что он упустил из внимания, что для этого надо быть этим самым искусным дипломатом.

Женщина смотрела на императора-павлина с презрением на лице.

— Вы думаете, император, что то, что я говорю, это просто слова. Ваши тощие вооруженные силы почувствуют, что это вовсе не так.

Гейн усмехнулся.

— Заявлять подобное совсем не сложно. Но мне будет забавно понаблюдать, как ваше хвастовство будет подкрепляться делом.

Госпожа Тин Боа резко повернулась на каблуках, посмотрела на свою делегацию, взвешивая и оценивая. Ее палец ткнул на одну из девушек, стоящую во втором ряду.

— Лао, выйди вперед и расстегни жакет.

Робко опустив взгляд, оказавшись в центре внимания, девушка шагнула вперед и встала впереди группы мужчин. Тонкими пальцами он расстегнула пуговицы на жакете и распахнула его.

Богарт открыл рот от изумления, глядя на красивое девичье тело. Под жакетом на ней ничего не было и в бледно-зеленый свет стадиона все увидели тугие груди, тонкий живот, полого опускающийся в брюки.

Позади них всеми забытый распорядитель объявлял с визгом фамилию победившего самоубийцы. В императорской ложе все взоры устремились на девушку.

— А теперь, император, я покажу вам, что наши слова — не просто слова. Лао, во имя Гимеля, продемонстрируй, на что мы готовы пойти ради нашей планеты и ради нашего народа.

Она протянула руку и слегка прикоснулась к плечу девушки.

Девушка улыбнулась в ответ и быстро сунула руку в открытый жакет, под левую руку. Саймон встал, чтобы лучше видеть, что произойдет, но или она действовала слишком быстро, или он был неуклюж.

— Во имя планеты Гимель и во славу моего народа, — произнесла она спокойным тоном. Затем резко вынула руку, в которой сверкнуло тонкое лезвие, и погрузила его в живот с левой стороны и провела им твердой рукой вправо. Ее живот раскрылся как красные губы. Ее глаза повстречали глаза Саймон Рэка, и он посмотрел прямо в них. Ничего более кроме кровавого харакири она не произвела своим телом. Он услышал неестественный вскрик некоторых старейшин Алефа, у которых перехватило дыхание. Глаза мягко улыбались ему. Только Саймон увидел тот момент, когда ее взгляд изменился, увидел ее смерть. Теплоту в них сменили страх

и ледяное одиночество. Затем ее рот раскрылся, и она упала мертвой на покрытый ковром пол.

Он знал, что все взоры обратились к нему, и он повернул голову, глядя на лидера правительства Гимеля. Сознательно он повстречался с ее глазами, зная, что она искала в его глазах отвращение или ненависть. Или слабость.

Она нашла отвращение. Но ненависти она не нашла, поскольку Саймон Рэк уже давно понял, какое это расточительство, и не нашла ни тени слабости.

Госпожа Боа отвернулась, и ее слова предназначались только ему.

— Вот, что мы сделаем, чтобы защитить свои идеалы. Я вижу, посол, что вы нашли это доказательство отвратительным. Думаю, вы не приобрели бы благосклонности, чтобы стать правителем на Гимеле.

Посмотрев вниз, на окровавленное тело у своих ног, он нашел, что трудно вспомнить, что эти останки принадлежали живой девушке, дышавшей всего несколько мгновений назад. Он вернул женщине взгляд, зная, что на этот раз, она увидит в них гнев.

— Нет, госпожа президент, это не для меня. Не думайте, что я поступлю так. Боюсь, что я не найду замены для своего живота.

Глава 4. Подарки умного мужчины

Саймон Рэк с легкостью заснул. Он обладал великим даром — быстро засыпать, несмотря на события дня. Он также обладал талантом быстро просыпаться, если случиться что-то необычное.

Этой ночью его сон прервали.

Ранним утром он проснулся, услышав, что кто-то скребется в дверь его апартаментов. Сдернув со спинки кровати толстый халат, и босой направился к дверям. Когда Саймон и Богарт имели смежные комнаты, они внутреннюю дверь оставляли открытой. Так и в этом случае.

Это была практика, имевшая свои преимущества в некоторых случаях. Однажды в неком доме на одной из планет Богарт несомненно потерял бы свою жизнь от наемного убийцы, если бы Саймон не пристрелил того через открытую внутреннюю дверь.

Но это имело свое неудобство, подумал Саймон, поморщившись от громового храпа Богарта, эхом отдающегося от всех стен.

За дверью, в неохраняемом коридоре стояла дрожащая фигура Ангиса Вейла, сжимавшего маленький сверток. Саймон ввел его в дверь, угостил горячим напитком, поскольку ночи на Алефе были очень холодны.

— Господин Вейл, что вы так осторожно прижимаете к своей груди?

— Это? Вы имеете в виду это? Я совсем не удивлен, дорогой посол, что вы высказываете такой интерес к этому пакету, и ожидал, что вы спросите меня о причине моего появления, поэтому я приготовился к этому вопросу и...

— Господин Вейл, поиски двигателя могут быть прекращены с нынешнего дня. Я задыхаюсь, я не вижу ничего, что могло бы остановить этот словесный поток. Что вы так оскорбительно смотрите! Постарайся прекратить излишние речи хотя бы с поверхностным знанием требований краткости.

На мгновение он подумал, что был слишком резок. Вейл поднялся на ноги и поставил свой полупустой стакан. Затем он кивнул своей маленькой головкой и раздвинул губы в слабой улыбке.

— Вы правы, посол, вы правы. Это давняя моя ошибка, что я позволяю моему языку запутывать мой мозг. Долгое время я был наставником молодого Алефа, сына моего великого императора Гейна, парень часто говорил мне, что я слишком много говорю. Но он был менее тактичен, чем вы. Он называл меня... да, он называл меня Вейл-вайль. Вайль, посол, это маленькое создание, давно вымершее, жившее в стоячей воде. Единственный способ передвижения этого создания заключался в непрестанном поносе, и сила извержения двигала его вперед. — Он чертыхнулся от воспоминания.

— Очень умный юноша наш принц Алиф.

Невозможно было гневаться на этого гувернера, несмотря на его бесконечную болтовню. Саймон просто молчаливо указал на пакет и поднял вопросительно брови.

— Конечно. Меня пробудила группа людей. Они дали мне этот пакет, сказав мне, что я должен передать его послу Федерации до наступления утра. Они казались смущенными, когда я спросил, откуда они. Кажется, их послание проистекает от... из апартаментов, смежных с апартаментами делегации Гимеля, но они уверяли меня, что послание им вручил представитель планеты Алефа. Один из участников группы клялся, что это так. Но эти люди такие впечатлительные относительно приятного голоса и изящных вещей. Что же, и я часто ошибался, идя по улице...

Пока его рот извергал слова, Саймон встал и спокойно взял у него посылку из рук. Ангис, казалось, едва ли заметил, что Рэк забрал пакет.

Он даже не пошевелился, чтобы осведомиться, не тикает ли там. Может быть, где-то в других мирах он послушал, но не здесь. Здесь существовало бесконечное множество путей избавления от врага, не устраивая таких ловушек как грубая, с часовым заводом взрывчатка.

Если лидеры Алефа и Гимеля пожелают избавиться от него, он был достаточным реалистом, чтобы знать, что они смогут это сделать с легкостью. Нет, в пакете была не взрывчатка. Но это могло бы быть любое средство из дюжин альтернативных. Аннигилятор, яд, трехсоставный расщепитель. Саймон унес пакет в свою комнату и положил на стол.

Забыв обо всем на свете, Ангис Вейл последовал за ним, рассказывая бесконечную историю обо всех проявлениях ума молодого принца. Во время работы Саймон не мог не слышать вполуха сообщаемые ему факты.

— Это был вечер, на котором отмечалось шестидесятилетие советника Вази, и он состоялся в его гостиной. Очень помпезно. Каждая комната была украшена по-особенному, посвящена своей теме. Я помню, мы обедали в турецкой комнате, и на нас всех была соответствующая одежда, одеяние...

Было трудно догадаться, что находилось в пакете. Размерами что-то около восьми дюймов в длину, шесть дюймов в ширину. Саймон помахивал ею в воздухе, прикидывая вес, что-то около двух фунтов.

— Это случилось, когда мы уже много выпили, — говорил Ангис. — Сервировка была великолепная. У советника Вази самые замечательные синтохимики на всей планете, им нет равных. Император был в самом замечательном настроении, рассказывая события из своего детства, вспоминал, как сел на колено сына советника Тери — советник Тери дожил до самого преклонного возраста, старше всех на Алефе, — и слушал о тех временах, когда человек мог видеть солнце с центральной улицы Капуи, и как однажды отец позвал его, мальчишку, прогуляться за город...

Шелковая фабричная обертка, орнаментированная красной нитью с узелками. Каждый узел запечатан светлым кристаллом, присовокуплена была записка в маленьком конверте. С адресом, написанным сжатым, угловым с наклоном почерком, предназнача-

лась посылка послу Федерации с припиской, что может быть вскрыта только послом, собственноручно. Саймон принес из-под подушки нож из тугоплавкой стали и начал разрезать пакет.

— Когда они ушли, мы предались самым серьезным развлечениям. Принесли турецкие подносы с напитками в красивых бутылках. Но я равнодушен к таким вещам. Я считаю, что если кто-то был наделен желанием необычной остроты, то это отвратительное преступление использовать приспособления, которые только спаивают тебя. Разве я не прав, посол?

Саймон и не думал ему отвечать. Он знал, что Ангис и не ожидал ответа.

Нить легко поддалась. Саймон убрал обрывки, сложив их в кучку на углу стола. Используя острие ножа, он вскрыл угол блестящей обертки. Шелк с шипением подался ножу, представив взору коробку.

— Естественно, Гейн не стал мириться с такими вещами. Вспомните, как он предупреждал Алифа несколько раз. Он ударил его по голове. Наступило такое молчание, что можно было слышать пузыри, поднимавшиеся на поверхность бокала с вином. Я знаю Алифа хорошо, поскольку обучал его с детства, и я подумал, что у молодого хулигана нрав может подвести его, так как он был скор на ответ. Если бы он поднял руку на своего отца, то мог бы сразу проститься с жизнью. И ничего не могло бы спасти его...

Там находилась простая мягкая прокладка сверху в коробке. Передохнув, Саймон нажал ее. Вакуумная печать с шипением открылась, легко приподнявшись вверх. Взяв ее деликатно большим и указательным пальцем, Саймон приподнял ее.

— Алиф слегка наклонился вправо к тому, кто там сидел — вы помните, что его отец слева и сердито смотрел на него. Я никогда раньше ничего подобного не видел. Такой молодой человек, нарушающий один из главных условий, выказывает необычный характер, согласитесь со мной. Повисло напряженное молчание. Советник Вази вскочил на ноги, горящий гневом. Обычно это умный и контролирующий себя человек, но сейчас все благоразумие покинул его. След от пощечины горел на его щеке, и турецкий макияж размазался.

Саймон заинтересовано посмотрел на него против воли.

— Продолжай. Что же случилось дальше?

— Я не наскучил вам, посол?

— Нет. Продолжай.

Войдя в комнату, Богарт прогремел:

— Продолжай. Теперь, когда ты уже всех нас разбудил, уж дорасскажи до конца.

Вейл подпрыгнул, будто позади него взорвалась граната.

— Посол Богарт! Придется рассказывать все сначала.

— Нет, я бы послушал конец.

— Так вот, принц улыбнулся самой любезной улыбкой взбешенному Вази и затем произнес: «Я не могу ударить собственного отца, советник. Поэтому прошу вас передать этот удар вашему соседу. И далее вокруг всего стола. Он вернется в итоге к моему отцу». Какой плут!

Саймон и Богги рассмеялись, хотя эта история вызвала в его голове какие-то обрывки памяти. Но это все происходило в другое время и в другом месте. Комната наполнилась визгливым хохотом Ангиса Вейла. Лицо наставника заблестело, будто миртовое и он только успокоился, тогда когда вид струящегося напитка словно бы переменил его полностью.

Пока Ангис сидел, потягивая напиток и борясь с дыханием, Богарт стоял рядом и смотрел в открытую коробку.

— Что это такое? — спросил он.

«Это» состояло из двух вещей. Они лежали в оклеенной вельветом коробке, каждый в своем углублении, прекрасно ограненные драгоценные камни, в золоте и платине, круглые и гладкие как вишенки. Две великолепные броши — крошечные модели Виррона, узнаваемые по паутине рек, отображенной с помощью вкраплений.

— Клянусь тьмою, это великолепно, Саймон. По одному каждому? И от кого же они?

Прищурившись, Саймон дотронулся до вишенок кончиком ножа. Под каждой виднелась белая карточка. С осторожным движением он вынул карточки. На одной под левой брошью было написано: «Алеф», под другой — «Гимель».

Вейл оторвался от напитков и присоединился к ним за столом.

— Две планеты, модели Виррона. Одна Алефа и одна Гимеля. Для кого же они? Одна должна стоить императорской честности.

— Думаю, что догадываюсь, мастер наставник. Способ узнать, кто послал их — выяснить какая из них самая ценная. В них есть различие. Приглядитесь к той, что слева. Филигрань не отражает деталей. Вот я сейчас ее достану.

Богарт поднял руку.

— Спокойно, Саймон. Позволь мне.

Рэк не ответил ему. Он взял блестящую сферу в свою ладонь.

— Эта представляет Алеф. И... дьявол!

Ругнувшись, он бросил шар на стол и стал потирать ладони. Драгоценность вспыхнула тусклым светом, и от стола поднялся дымок. Богарт быстро полил ее водой. Послышалось шипение и поднялся пар. Затем все кончилось. В самом центре обгоревшего покрытия стола находилась кучка пепла.

Все молчали. Саймон посмотрел на руку, показывая всем обожженный участок кожи, где лежал подарок. Молчаливо он взял вторую драгоценность. Ту, на которой была надпись «Гимель». Осторожно он переложил ее в другую руку. Ничего не произошло. Долгую минуту они ждали, но ничего не происходило.

Драгоценность была просто драгоценной безделушкой.

— Да, как все просто, не так ли?

Богарт усмехнулся, — действительно. Затем на его лице отразилось сомнение, — подожди минуту. Нет, ничего. Откуда же они и почему послали эту дрянь?

Ангис ответил ему.

— Позвольте мне, посол. Обе модели представляют интересы обеих планет — Алефа и Гимеля в отношении Вирроны. Обе кажутся вначале в равных положениях. Но та, что представляет Алеф, оказывается...

— Болезненной.

— Да. Поскольку вы говорите, вы можете это сказать снова. Но та, что от Гимеля, кажется только ценным подарком, которая не принесет зла никому. Какая глубокая хитрость.

Богарт сильно рассердился, когда понял все случившееся.

— Саймон! Эта драгоценность — взятка делегации Гимеля, не так ли?

Саймон поднялся.

— Да, это так. Но уже поздно и, думаю, нам надо немного поспать. Я буду благодарен, если ты никому не скажешь о произошедшем, Ангис. А теперь я говорю вам «спокойной ночи». Мы надеемся увидеть вас утром.

После того, как наставник с долгими поклонами удалился, Богарт подошел к Саймону, который стоял и взвешивал на руке драгоценность и глядел на выжженное пятно на столе.

— Полагаю, здесь больше чем взятка, Саймон. Что думаешь ты?

Не ответив ему, Рэк подошел к окну и раздвинул жалюзи ставен. За окном огромные здания устремились в небо, хотя ни один не был таким большим и высоким, как императорский дворец. Окна многих из них сияли светом, а на улицах внизу кипела жизнь рабочих.

— Знаешь ли ты, Богги, семь рабочих из каждых восьми вовлечены в работу по изготовлению искусственной пищи? Их столько здесь, что у них у каждого шестичасовой рабочий день и ни секунды остановки. Только для того, чтобы наполнить все эти миллиарды глоток кашей.

Задумчиво, они смотрели на город Капую. Город бесчисленных шпилей. Город, населенный множеством бомб, ждущих часа «Ч».

— Как ты думаешь, кто победит, Саймон?

— Алеф превосходит по количеству населения, но на Гимеле плотность населения больше. Я не знаю. Надо попытаться достичь компромисса.

Он осознал, что все еще сжимает драгоценный камешек, и бросил его на стол с тяжелым стуком.

— Одна вещь Богги, одна вещь составляет огромное различие в том, о чем я думаю. Не о взятке я так переживаю. Я просто не люблю, когда мне обжигают пальцы.

Саймон разрешил Богарту начать предварительную встречу, речь пойдет о составлении протокола и состояния переговоров. После многих ночных перерывов во сне, он был рад отправить Богги вместе с Ангисом Вейлом, а самому поспать лишних два часа.

Войдя в конференц-зал, он был удивлен, узнав, что уже все готово к переговорам. Он махнул рукой, отослав проводников и охранников, и отвел Богги в сторону.

— Как тебе удалось все так устроить?

Улыбка стала на лице Богги все шире и шире, пока не стало ясно, что на лице Богги уже не осталось лишнего для нее места.

— Любой большой взрыв должен сопровождаться взрывами поменьше. Тут все спали. За исключением нас, простых ребят. Но ко мне нельзя так просто привыкнуть. Дела шли плохо, я вскочил, да как крикнул. В одном месте я так ударил кулаком по столу, что рассыпал эту чертову рухлядь. И сейчас все готово.

— Где мы сидим?

— Мы за поперечным столом со стариной Вейлом, нашим помощником. Две делегации за продольными столами. Ты сидишь в центре нашего стола, а Гейн и пожилая госпожа сидят в центре своих столов. Из-за стесненности каждая делегация ограничена до шести участников плюс их лидер. Всего семнадцать человек. Проблема была — кто войдет первым, но я решил ее блестяще.

— Как?

— Я приказал устроить две дополнительные двери. Когда начнется заседание — первое заседание вечером — ударит гонг. Зная их нравы, следует ожидать две дюжины гонгов! А мы войдем через одну дверь. Алефцы через другую. Делегация Гимеля через третью. Очень просто. Никому не выказано предпочтение.

Впервые Саймон потерял дар речи.

Они удалились в свою комнату на один час перед началом переговоров, и Богарт все что-то насвистывал про себя. Когда они отправились наверх в скоростном лифте, он сказал Саймону:

— Эта дипломатия. Это кусочек торта. Вам надо думать быстрее и говорить громче, чем кто-либо еще. Думаю, мне придется говорить все время.

И во второй раз Саймон потерял дар речи. Настоящий день сюрпризов.

Именно в тот момент, когда зеленое солнце скользнуло к зениту над высоким шпилем дворца, воздух в коридоре завибрировал от звучных нот бронзовых гонгов. Богарт толкнул Рэка локтем в бок.

— Да, Богги. Я знаю, ты уже говорил мне. Пойдем, подадим пример, войдем вовремя.

Оба офицера надели свои лучшие униформы. Богарт где-то выкопал орденские планки, и целый батальон девушек прибыл, чтобы аккуратно их пришить.

Даже обнищавший Ангис Вейл приоделся. Девушки сняли всю выцветшую и порванную тесьму с его плаща и заменили серебряной и золотой тесьмой. В приступе великодушия Саймон попросил, чтобы наставника ввели в официальный состав делегаций, и обе стороны согласились. Несмотря на его дикий вид и невероятную болтливость, в нем был ум, который, как счел Саймон, мог быть им полезен.

Саймон прошел в конференц-зал и направился прямо к приготовленным им сиденьям. Только заняв место, он увидел, что его делегация оказалась единственной.

— Что это за?..

Ни слова не говоря, Богарт указал на двери. Двери в обоих проемах были распахнуты, и представители делегаций оглядывали зал. Саймон воздел свои руки вверх в знак гнева и неудовольствия. Прочистив горло, он крикнул Ангису:

— Идите и скажите достопочтимым делегациям Алефа и Гимеля, что я не могу тратить время на ожидание и на их детские игры взаимной вежливости. Если они не сядут за стол, мы найдем другой способ заставить их.

Дергающимся шагом каждая делегация пыталась соизмерить свои шаги с другой делегацией, делегации прошли в двери. Ведомые младшими членами, обе группы сели за стол, старательно отводя взгляд друг от друга.

Быстрый подсчет показал, что в каждой группе находилось по пять человек. Ни Гейна, ни госпожи Боа не было. Хотя это и дозволялось, двух человек не было.

Еще одно состязание у дверей, и все присутствующие поклонились, некоторые не так глубоко, как остальные, когда Гейн IV, император Алефа, появился в зале. Чтобы показать, как серьезно он рассматривает это дело, он надел темную одежду, как и все остальные члены его делегации. Только советник Вази блистал разноцветьем красок, его блестящий плащ украшали яркие полоски зеленого и оранжевого цветов.

Госпожа Боа шла шаг в шаг с Гейном, хотя ее более коротким ногам пришлось удвоить скорость. Она и вся ее группа оставались в той же одежде, которая была на них в момент приезда.

Они подошли к предназначенным им креслам и стояли какой-то момент, глядя друг на друга. Они поклонились друг другу, повернулись к Саймону и поклонились ему. Он вернул им приветствие важным кивком, пожелав, чтобы полковник Стейси мог видеть его в этот момент.

Но это было невозможно. Госпожа Боа потребовала, чтобы их переговоры транслировались по свободным каналам, и Гейн и Саймон оба наложили вето. Император не желал, чтобы его народ был хорошо информирован. Саймон выказал желание избегать любых драматических событий, зная, что присутствие средств информации неизбежно приведут к потере времени.

С долгим шуршанием и скрипом все расселись. Справа от Гейна и слева от госпожи Боа оставались два пустых кресла.

Поскольку никто, похоже, не собирался комментировать об отсутствующих людях, Саймон поднялся, чтобы произнести вступительную речь. Шеренга стенографистов наблюдала за ним, готовая записывать каждое его слово для потомков. И для предпринимателей, подумал он насмешливо.

— Я, Саймон Кеннеди Рэк, офицер Галактической службы безопасности, законно присутствую здесь, как дипломатический представитель Федерации, заявляю, что переговоры открыты. Цель переговоров — определить суверенитет планеты Виррона галактики Омикрон. На планете была открыта возможность существования разумных форм жизни в рамках допустимых параметров.

Он остановился, чтобы немного отпить рециклированной воды, прежде чем продолжить речь. Через эту рутину пришлось пройти, чтобы придать торжественность. Все остальное начнется, когда он сядет.

Чувствуя на себе взгляды, он продолжал:

— Заинтересованные стороны — народ планеты Гимель и народ планеты Алеф, лидеры которых присутствуют на данном заседании.

— Я не лидер своего народа, я его правитель.

Усмешка на лицах делегации Гимеля.

— Отлично, я приветствую императора Алефа Гейна IV и благодарю его за предоставление дворца Капуи в наше распоряжение. Также приветствую госпожу Тин Боа и ее делегацию с планеты Гимель. Удовлетворяет ли это вас обоих? Замечательно. Мы можем перейти к цели наших переговоров. Вначале я хотел бы спросить...

Он прервал свою речь, когда все взоры обратились к дверям. В двери прошла самая величественная фигура, которую он когда-либо видел в Капуе. Высокая, но не на высоких каблуках, с прекрасно сбитой вверх прической. Волосы, зачесанные вверх от самых ушей, присыпанные золотистыми блестками с полоской мерцающих красок, они походили на странный средневековый шлем.

Плащ не имел цвета, но он был гаммой всех цветов. Пурпурный цвет появлялся и исчезал. Саймон догадался, что какой-то осмотический процесс позволял это.

Макияж лица изумлял так же, как и плащ. Черный цвет был обладающим, он шел полоской и закруглялся на высоких челю-

стях. Серебристый цвет скрывал линии рта. Брови, подведенные сверху, превращали глаза в колодцы зеркальной расцветки. Было трудно узнать его возраст и настоящую внешность, но Саймон догадался по походке, что он молод. И насколько он мог судить, юноша был красив.

Как только юноша вошел в зал, вся делегация Алефа, за исключением Гейна, поднялась. Не было необходимости Ангису шептать на ухо Саймону, что этот горделивый юноша — единственный сын императора. Это был Алиф.

Но он не мог обратить на него все свое внимание, поскольку в тот же самый момент, словно это было специально согласовано, в зал вошла молодая девушка. Крошечная по сравнению, она была одета в стандартную униформу Гимеля. Ее темные волосы были коротко подстрижены, глаза смотрели смущенно на пол, словно ей нравилось оказываться в центре внимания.

Хотя Саймон предполагал в какой момент увидеть сына императора, он не ожидал увидеть здесь эту молодую девушку. Ему пришла на ум мысль угадать, чья эта девушка, но она показалась ему столь необычной, что он подавил эту мысль.

Что было его ошибкой, мысль должна казаться справедливой. Пока Гейн представлял Алифа каждому, девушка стояла молчаливо позади пустого кресла. Когда император подошел к ней, он не решился почему-то сказать ему, кто была она.

Госпожа встала и посмотрела на него.

— Император, посол, братья и сестры, я представляю вам мою единственную дочь Тсадию Тин Боа. А теперь мы можем начать наши переговоры.

Подвергнув проверке свое удивление, Саймон имел возможность сравнить павлина самца со старомодной девушкой, прежде чем снова встать для диалога.

— Я приветствую детей обоих семейств. Я доверяю их желанию следовать образцу своих знаменитых родителей, за исключением, быть может, непоколебимой веры своих родителей, что их право всегда справедливое.

Ни госпожа Боа, ни Гей не смотрели на него, но ему было приятно видеть, что Алиф и молодая Тсадия смотрели на него.

И друг на друга.

— Я хотел бы сказать одну вещь, прежде чем начать собственно переговоры. Я оскорблен той мыслью, что на этой планете люди думают, что офицеров Федерации можно влиять внешними

факторами. Заверяю вас обоих, вас, госпожа Боа, и вас, император, что мы будем только искать, что надо сделать, чтобы было справедливым.

Слово взял советник Вази:

— Посол, мне кажется, что вы намекаете на какую-то попытку повлиять на ваше решение. Я думаю искренне за всех нас, вы, должно быть, сказали то, что думали.

— Да, советник. Прошлым вечером, когда мы с лейтенантом Богартом пытались хоть немного отдохнуть, нас прервали женщины. Не считающий достаточным послать нам по одной каждому, ни даже по две каждому, кто-то счел хорошей мыслью абсурдное решение послать нам по восемнадцать девушек каждому. Советник, мы были подавлены таким потоком красоты! Их руководитель сказал нам, что их послали для того, чтобы мы получше думали о правоте дела Алефа.

С одной стороны стола поднялся смущенный шум голосов и любезные улыбки с другой.

— Это был бестактный и напрасный жест, господа. Я не знаю, есть ли за этим столом тот, кто виновный в этом. Но окажись он здесь, надеюсь, больше не поступит так снова, если не хочет совсем противоположного эффекта тому, на что надеялся.

Ее темные глаза засветились от удовольствия, и госпожа Тин Боа поднялась, чтобы что-то сказать, но Саймон продолжал стоять и только отрицательно махнул ей рукой.

— Я не хочу той мысли, что я кидаю камни только в одну сторону. Снова прервали наш сон, и это по-видимому кто-то из группы Гимеля. Что во многих отношениях хуже, поскольку имеет сомнительное достоинство утонченности. — Он сунул руку в грудной карман. — Возьмите свою взятку, госпожа. Может быть, вы найдете этому лучшее применение. Честное применение.

Он бросил драгоценность на стол, где она тяжело подпрыгнула и скатилась на пол. Девушка Тсадия подняла ее и положила обратно на стол.

Никто не тронул драгоценность, никто не произнес ни слова.

Был момент, когда Саймон перехватил взгляд Тсадии и принца и мгновенно исчезнувшую улыбку.

Богарт ничего не заметил, поэтому Саймон решил, что, должно быть, все только вообразил себе.

* * *

Горечь во рту почти физически причиняла боль. Голос охрип от крика, голова болела и готова была расколоться на мелкие кусочки и скатиться по плечам.

— Хорошо! Хорошо! Я откладываю продолжение переговоров на день. Мы встретимся в то же самое время завтра. И я надеюсь, что будет гораздо больше мира на этих мирных переговорах.

Это был ужасный день. Ужаснее, чем он когда-либо себе воображал. Ничего в его долгой службе в ГСБ не готовило его играть в словесную чехарду и маневрировать в конференц-зале.

Никого не удавалось уговорить. Обе стороны пытались выдвинуть свои аргументы, но каждый раз противная сторона поднимала крик и не давала говорить. Ораторов прерывали бесконечно по самым мелочным и тривиальным вопросам.

И так тянулся весь вечер, Саймон был уже готов бросить все эти переговоры и уйти. Но лучше плохие переговоры, чем отсутствие всяких переговоров.

Когда он объявил конец первого заседания, оба — госпожа Боа и император — вскочили и заговорили одновременно. Кашляя, чтобы убрать сухость во рту, Саймон крикнул императору сесть и сделал знак лидеру Гимеля продолжать речь.

— Посол, наш народ увеличивается с такой скоростью, что заполняет целую квадратную милю нашего крошечного мира. Вы знаете, как мы близки к перенаселенности. Последнее число по шкале Чакберга превысило наивысшую теоретическую отметку. Мы отказываемся от переговоров, если нет надежды на положительное окончательное решение. Мы заявляем, что испытываем острую необходимость, а этот разодетый кретин говорит, что Вирона только его. Нет причины продолжать переговоры.

Все время, пока она говорила, все время ее прерывала делегация Алефа. Произнесся последнее оскорбление императору, кто-то бросил папку бумаг через весь зал, чуть не угодив в госпожу Боа.

Подперев рукой подбородок, Саймон весь углубился в размышления. Даже если ударить кого-то из них в лицо, это не даст ничего хорошего, это просто свяжут со своеволием. Если бы он мог получить заслугу, убив кого-то или всех в зале, он бы предпринял это. Но эта ситуация выходила за рамки привычного.

Теперь говорил Гейн, и его голос звенел сейчас выше обычного:

— За весь этот период пустой траты времени я нашел частичное согласие с этой грубой маленькой женщиной, сидящей напротив меня, хотя все ее ложные призывы от имени ее переполненного мира очевидная бессмыслица. Право на Виррону принадлежит Алефу. Наша планета лидирует в галактике, и население у нас в три раза превышает население Гимеля. Ваши предложения, посол, что нам следует идти на компромисс, совершенно неприемлемо, недопустимо. Виррона наша и всегда будет нашей.

Крики и стуки по столу достигли такой силы, что император не мог слышать самого себя на какое-то время.

— ...свидетельствовать о новом повороте политики, когда Федерация колеблется вмешаться во внутренние дела далекой галактики, когда два члена этой галактики согласны в своем желании решить военными средствами свою острейшую проблему. Я едва ли поверю тому, что посол готов взять на свои плечи ответственность отдавать приказ военным звездным кораблям и усмирять нас как непослушных детей. Вы согласны?

Он был очень откровенен. Его глаза смешно замерцали, на фоне гротескного макияжа, когда он повернулся к Саймону лицом и выставил вперед палец. Саймон отметил, что на пальце императора была длинная гарда, украшенная фигурами голых женщин.

Он преднамеренно не ответил, позволив шуму постепенно затихнуть, пока в зале не установилось относительное спокойствие. Он все не отвечал, императору пришлось повторить свой вопрос.

— Готов ли я командовать военными кораблями? Да, высокочтимый Гейн. Выслушайте меня! Я могу сделать все, что может предупредить превращение этого мира, да и половины галактики в горстку горелого пепла, летящего в холодном безжизненном космосе. Ясен ли мой ответ? Судя по тому, что я наблюдал сегодня, и что слышал, я не вижу путей достижения успеха в нашем истерическом споре. Вот что я предлагаю. Переговоры будут длиться пять дней, не больше. По истечении четырех дней вы каждый представите мне на раздельных встречах короткое и взвешенное резюме своего мнения и путей достижения компромисса. Мы подумаем над ними один день и затем предложим свое мнение на общей встрече на пятый день. Если нет надежды на компромисс, я предложу альтернативное решение.

Последовали взгляды и шепот в обеих делегациях. Потом он сказал:

— Не надо обращаться со мной как с неразумным ребенком. И не потерплю, чтобы власть и авторитет Федерации подвергалась оскорблению двумя младшими правителями — лидерами — двух маленьких планет такой незначительной галактики на окраине нашей Федерации. Я буду выслушан, и мои слова примут к сведению. Это все. Если у вас есть еще что-то сказать, вы можете высказать в частном порядке. В противном случае я устрою две встречи на четвертый день и финальные переговоры на пятый день. Все ясно? И еще одно: не надо нам больше взяток и не вмешивайтесь в наш отдых, пожалуйста.

Гейн встал первым и слегка поклонился:

— Хорошо, дорогой посол. Мы слышали ваши слова и будем им повиноваться. Но постарайтесь, чтобы несчастья не приключилось с вами, так как война может очень дерзко начаться, если мы сможем продвинуться в наших переговорах. Долгое время нам тогда не придется увидеть других офицеров Федерации.

Неприкрытая угроза!

— Я постараюсь позаботиться о своем здоровье, ваше превосходительство. Я уверен, вам не захочется иметь недоразумений с законно аккредитованным послом, затерявшимся в вашем собственном дворце. Госпожа Боа?

Делегация Гимеля начала бешено переругиваться, как только Саймон закончил речь. Наконец госпожа Боа произнесла что-то на своем родном языке, и поднялся лес рук. О чем они голосовали, разделилось на три мнения. Снова переговоры. Затем они, очевидно, достигли какого-то согласия.

— Хорошо. Мы тоже с вами согласны. Но мы должны разъяснить нашу позицию. Ваши угрозы о военных звездных кораблях — простая фикция. Если согласие не достигнуто, и если есть разногласия, нам кажется невозможным достичь компромисса, мы возвращаемся на Гимель через шесть дней. И тогда начнется война.

Холодные слова госпожи Боа оглушили сильнее, чем риторические обороты Гейна.

— Еще кое-что, посол. Я надеюсь, что вы обратите внимание на предупреждение этого человека относительно вашего здоровья.

В первый раз в течение долгого, долгого дня Богарт открыл рот.

— Я отметил ваш интерес к здоровью посла. Если с ним что-то случится, я даю клятву, что не забуду этих слов и тех людей, кто обмолвился об этом.

* * *

— Взятки, а затем угрозы, Богги. Что же дальше?

Богарт сидел за столом в своей комнате, разбирал и чистил свой кольт. Он посмотрел на Саймона:

— Как говорил старина Ньюмен — после разговоров переходят к действиям. Уверен, что следующие четыре дня окажутся очень интересными.

С большим усилием Саймону удалось сдержать себя, чтобы не заметить: «Повтори-ка снова».

Вместо этого он спросил:

— Куда ушел Ангис? Я не видел его с момента окончания переговоров. Думаю, нам надо выбраться завтра за город на целый день, и мне нужен его совет.

— Он сказал, что знаменитый бывший ученик просил навестить его.

— Принц Алиф? Мне хотелось бы знать причину этого. Предполагаю, что они вспоминают добрые старые времена.

При этих словах в комнату вошел наставник принца, светящийся счастьем. Он с возмущением отказался говорить о своей встрече с принцем, но самодовольный вид говорил о том, что ему доверена какая-то важная тайна.

— Нет, посол. Какую бы я мог оказывать помощь, если бы выдавал все тайны? Я дал слово молодому принцу, и то, что он сказал мне, останется нашей тайной, пока он не решит разгласить ее. Если таковое вообще случится.

Интересный комментарий. И это укрепило мнение Саймона, что у алефца припрятано что-то важное, в самых глубинах.

— Я могу сказать тебе, посол, одну вещь. Если то, что он сказал мне, произойдет так, как он решил, это будет замечательно. Это все, что я могу сказать.

Усмехнувшись, Богги вогнал патрон в ствол и поставил на предохранитель.

— Думаю, нам не следует ходить в императорскую столовую. Пища здесь отвратительна до омерзения. Прости за грубость, мастер Ангис.

— Нет выбора, Богги. Госпожа Боа и ее дочь будут здесь в сопровождении части своей делегации.

— И Тсадия будет здесь? — спросил Ангис.

— Да, а в чем дело?

— Да, я так спросил. Случайно. Мне надо идти и готовиться к банкету. Не могу решить, что мне надеть, свой старый плащ или не совсем старый.

Бормоча что-то под нос, Вейл вышел из комнаты.

— Ты думаешь, они предпримут что-то против нас? Попытаться нас нейтрализовать, пока готовятся к войне?

— Не знаю, Богги. Старайся быть повнимательнее и не расставаться с кольтами. Думаю, нам надо стоять на часах сегодня ночью.

— Ты думаешь, этот праздник сегодня будет безопасен для нас?

— Да, поскольку они все будут там. Будет очень рискованно подсыпать нам что-нибудь в еду. Запомни, никто не будет из них здесь присутствовать. Только эти огромные цветные бокалы приятно выглядящего мусса. И каждый обслуживает себя. Нет, сегодня вечером мы можем есть, пить и даже попытаться быть веселыми. С завтрашнего дня — диета.

Так они жили до этого времени, питаясь регенерированной пищей. Воду они брали из общего источника, у них были таблетки, которые нейтрализовали любой наркотик и отраву. Но с твердой пищей обстояло труднее. Как он уже сказал, они решили жить, поглощая продукты из своего неприкосновенного запаса в течение пяти дней.

В Галактической службе безопасности никто не становился старше, подвергая себя риску, которому совсем нет необходимости подвергаться!

После окончания обеда собрание распалось на группы, и нигде представители делегаций Алефа и Гимеля не смешивались. Саймон, Богарт и Ангис попытались завязать какой-то разговор, но все безуспешно. Ангис везде таскал за собой принца, заводя короткие разговоры с каждым членом гимельской делегации, но все оканчивалось безрезультатно.

Казалось, закрался ответ, когда принц заговорил с... но нет, об этом невозможно и мечтать.

Вечер не так-то скоро подошел к концу для каждого из них, и Богарт и Саймон ходили по всем переплетенным километрам коридоров, раскрашенных в разные тона, чтобы легче находить выход.

На некотором расстоянии впереди них, они увидели двух телохранителей делегатов Гимеля, одетых в ту же двухсоставную униформу, но только темно-синего цвета. Они шли преувеличенно старательно, как люди, которые на самом деле пьянее, чем думают, и надеются, что окружающие подумают, что они менее пьяны, чем были на самом деле.

Неожиданно на пересечении коридоров, группа около двадцати дворцовых охранников с глазом Гейна, блестящем на их одежде бежали за угол. Было трудно определить, что там происходило. Алефцы не ожидали никого встретить там в это время, и два делегата Гимеля с трудом могли пройти.

— Подонки!

— Сукины дети!

— Императорские прихвостни!

— Недоноски гимельских проституток!

Раньше, чем Саймон и Богарт могли оказаться там, блеснули пистолеты.

Пьяные или трезвые, двое солдат в синей одежде оказались быстрее, чем оппоненты. Они вынули оружие и стреляли, в то время как алефцы спотыкались и подталкивали друг друга, торопясь и поднимая панику.

Послышалось специфическое шипение фризера и резкий запах озона в теплом, спокойном воздухе. Один из императорской охраны завизжал и упал назад на своих помощников.

Фризер выстрелил узким лучом, но когда тот ударил в живое тело, то превратил в лед воду в тканях. Первый упавший был поражен в грудь, и вся кровь в его венах превратилась в кристаллы красного льда; и вода в тканях тела обратилась в лед.

Другому выстрел угодил в лицо и вызвал агонию, когда жидкость его глазных яблок превратилась в лед и, взорвавшись, вылетела из черепа хрустальными осколками.

Алефские стражники были снабжены старомодными звуковыми твистерами и преимущество имели только в численности.

Шипение фризеров и тонкий визг твистеров заполнил коридоры. Болт одного из алефских стражников ударил в стену прямо у локтя Богарта, расщепив кафель от удара.

— Ложись! Этими выстрелами нас могут легко поразить. Я совсем не хочу умереть от случайности. В любом случае тут мы ничего поделать не можем.

Распластавшись с кольтом наизготовку, двое людей ждали и смотрели.

Четверо дворцовых стражников уже лежали, один из них визжал, пораженный в горло. Ему осталось жить столько времени, сколько у него осталось воздуха в легких, и ничего тут нельзя было поделать, через замерзшие ткани воздух пройти не мог.

Другой крутился волчком, зажав руками тело ниже живота. Один гимелец выстрелил снова в упавшего стражника, поразив в грудь, мгновенно остановив его сердце.

Но ситуация изменилась. Точный выстрел одного из сонических дисперсеров поразил высокого солдата Гимеля в живот. Мгновенно резонансный эффект вызвал разрыв в молекулах его тканей, связав их в узел сплошной боли.

Черты лица его изменились, и его руки и ноги задергались как в ускоренном видеофильме. Палец его нажал на спусковой крючок оружия, и поток ледяной энергии стал хлестать по живым алефцам.

Кругом падали тела, в коридоре раздавались стоны раненых и умирающих. Только один из охраны госпожи Боа и четверо дворцовых стражников оставались в живых. Телохранитель Боа прицелился снова, и все четверо алефца выстрелили одновременно. Оружейный залп оторвал человека от пола и швырнул в стену. Послышался глухой звук сломанных костей черепа, и его тело скользнуло на пол.

Как ни забавно, звуковое оружие функционировало даже после его смерти, тело его билось и медленно увядало, руки и ноги бились и царапали пол в странном танце.

Наконец он затих.

Четверо оставшихся в живых выпрямились, их бледные лица были поражены шоком неожиданного насилия. Саймон и Богарт вскочили, с трудом поднялись на ноги и подошли к месту бойни. Оба телохранителя-гимельца были мертвы и все алефцы тоже мертвы, за исключением одного раненого. Но и тот был обречен, так как выстрелы фризеров оставили на его теле мерзлые кровавые узлы. Несколько мгновений спустя последний из раненных уже был мертв.

— Гейн милосердный, что же случилось здесь?

Саймон оглянулся, чтобы увидеть говорящего. Это был один из старейшин, тот, что сидел рядом с Алифом в конференц-зале. Выражение его лица показывало, что его прервали, когда он сни-

мал свой макияж. Половина его лица искрилась голубым и оранжевым цветом, в то время как вторая представляла грубую телесную кожу.

Все стражники заговорили одновременно, но Саймон призвал их к молчанию. Несколькими словами он сообщил советнику, что произошло, объяснив, что никого не следует наказывать за возникший инцидент.

Вокруг них уже собралось множество других гостей, привлеченных шумом и криками. Среди них оказался делегат Гимеля — военный главнокомандующий Сию Но Лен. Его лицо тряслось, будто его охватила лихорадка, и на мгновение показалось выражением гнева при виде тел его поверженных людей.

— Вот как! Убийство! Посол, очень странно, что вы здесь, рядом с этими убийцами. — Но когда он пробился сквозь толпу, то понял, что его собственный народ были единственными жертвами в этом коридоре.

Подсчитав на пальцах, он добавил и мертвого алефца, затем победно повернулся к Саймону и гимельскому советнику:

— Посмотрите! Только двое наших людей предательски подверглись нападению, и они убили восьмерых алефцев. Восьмерых! Ха, подождите, когда мы примемся по-серьезному. Наших двое против ваших восьми. Такие вот неожиданности мы сможем увидеть снова.

Богарт кашлянул, привлекая к себе внимание:

— Прошу извинения, что, быть может, испорчу вам удовольствие, господин, но я запомнил логическую оценку ваших сил соотносительно с оценкой военных сил Алефа. Ваши двое могут убить восьмерых, но они оба будут убиты, но остается еще четверо алефцев живых и здоровых. Я знаю, что войска Алефа превышают ваши в соотношении шесть к одному. Вы отстаете на две единицы.

— Но, но... они все так героичны.

— Да будет мне позволено сказать: я бы лучше вывел армию из живых трусов, чем одного, но мертвого героя.

Вместе Саймон и Богарт прошли несколько сотен ярдов обратно до своей резиденции. И весь путь их руки сжимали рукоятки кольтов, и они готовы были поражать все в широком радиусе.

— Мне понравился твой ответ Но Лену, Богги. У тебя явно дар на короткие и быстрые ответы.

Богарт улыбнулся.

— Спасибо, Саймон. Благодарю. От такой оценки и у девушки закружилась бы голова.

Они подошли к дверям, и Саймон долго нащупывал задвижку на дверях. Комнаты стояли погруженными во тьму.

— А теперь в кровать, и приятного долгого сна.

Прежде чем он произнес это, Саймон услышал шипение почти рядом с собой. Затем последовал парализирующий удар, словно кто-то изнутри нанес удар в голову стальным кулаком и сжал его мозг. Его последней осознанной мыслью было простое удивление.

Глава 5. Идеалы и насилие

Свет в глазах показался ослепляющим, и он затряс головой, пытаясь освободиться от света. Но свет не гас, он слепил, прорываясь сквозь ресницы. Наконец с сожалением Симон Рэк, приподнявшись, сел, потирая затылок. Удар еще ощущался, хотя прошло уже два дня с того знаменательного события.

Прямо перед ним на пыльном полу стоял на коленях советник Вази — один из старейшин Алефа.

— Простите меня, посол, что разбудил вас, — сказал Вази, — но не изыщите ли возможность для частной беседы с вами? Есть пара вопросов, которые я хотел бы прояснить. Может быть, показать вам, что не все вещи таковы, каковы они есть.

Потирая больную голову, Саймон вопросительно смотрел на советника Вази:

— Вы интригуете меня своими насмешками и загадками, советник. Вы можете прийти в наши апартаменты сегодня ночью около одиннадцати часов, это вас устроит?

Советник поклонился, в наклоне головы пряча глаза.

— Я благодарю вас, посол. В одиннадцать я буду здесь.

Он удалился, нетвердо ступая по грубому полу высокими каблуками. Многое прячется за его мягким взглядом, подумал Саймон. Первоначальное высокомерие советника в космопорте, казалось, полностью исчезло. О чем это он собирается со мной поговорить?

Кто-то позвал Саймона по имени, и он встал с постели. Прыгающей элегантной походкой, покачиваясь как танкер при двойной гравитации, к нему шел Ангис — тот, кто на него напал.

Пока Саймон счищал грязь со своих брюк, он вспоминал прошедшее с усмешкой. Когда он пришел в себя два дня назад, то уви-

дел Богги, смотревшего испуганно ему в лицо. Саймон лежал на своей собственной кровати, и в воздухе чувствовалась влажность. Пальцы нащупали шишку крупную в основании черепа с полоской сочившейся крови. Присмотревшись в темноте, он увидел нервное лицо Ангиса Вейла. Он вздернул брови, и Богарт объяснил ему случившееся короткими фразами.

— Он пришел к нам, чтобы поговорить с нами, услышав визг и крики вдалеке, затем услышал приближающихся людей. Он подумал, что нас убрали и что пришли за ним. Он закрылся и стал ждать. Услышав, что кто-то нащупывает задвижку, он взял кувшин с водой со стола и ударил первого вошедшего. Вот осколки кувшина на полу.

И вот теперь здесь был тот самый Ангис Вейл. Саймон вспомнил свои слова, сказанные испуганному наставнику, когда ему удалось подняться:

— Я считал вас здесь в Капуе своим другом, мастер Вейл. Боюсь представить, что будет, если вы окажетесь моим врагом.

Теперь его лицо странно горело под полуденным зеленым солнцем, Вейл был, как всегда, непричесан. Ему где-то пришлось падать, и не раз, поскольку весь его поношенный плащ был покрыт толстым слоем пыли.

— Ах, посол, — произнес он, — я рад, что отыскал вас. Ваш коллега, похоже... как это сказать? Он очень увлечен... да, это более точное слово, чем какое-либо другое, какое я могу найти, чтобы позволить моему языку... замешан в деле с тремя незначительными леди из императорского окружения. Он обучает их какой-то игре, насколько я могу судить об этом. Я сидел и слушал, сидя за купой кустов, где они прятались, и мне это показалось каким-то странным времяпрепровождением. Он называл это «посвистеть в свисток лейтенанта», и это вызывало взрывы хохота у тех леди.

— Клянусь потопом! Этот человек неисправим. Но если они веселятся и это отвлекает его от более серьезных дел... Что вы хотели, Ангис?

Наставник вытер со лба пот. Здесь, неподалеку большой парк расположен, он предназначается для высшей знати, солнце светит там, нескрываемое зданиями.

У молодого принца Алифа появилась мысль, что всякое выдающееся лицо, какое пожелает, может быть гостем его парка, расположенного на южной окраине города Капуи. Его отец пред-

почитает не ходить туда, но его кузина, принцесса Сильва, бывает там, как и советник Вази и весь алефский двор.

Госпожа Боа тоже отказалась от посещения, но Тсадия и многие молодые члены делегации не отказались побывать там. Погода была настолько теплая, что многие из них расстегнули куртки, открывшись зеленому теплу.

Хотя ландшафт выжжен и мертв, синтез-эксперты создали рощицы деревьев и кустов и даже маленькую речку, текущую на этом пространстве несколько часов в сутки. Это просто рай, по сравнению с шумным и грязным городом. Это такой оазис, ноль, запятая, пять нулей, один процент людей Алефа может видеть.

— Клянусь Гейном, я там однажды побывал, посол, но признаюсь, что тогда был гораздо моложе и ловчее. Да, я не помню, чтобы когда-то было так тепло как сегодня. Мы должны принимать то, что нам дается, не так ли?

— Это краткое изложение здешней жизни, не так ли, Ангис? — заметил Саймон. — Слепое, без рассуждений, принимаемое статус кво. Император всегда прав, или советники всегда правы или высшая знать всегда права, и так все будет длиться до того момента, пока не появится уборщик и не сметет всю эту грязь.

Гувернер пустился на защиту немедленно:

— Посол, вам не следует высказывать такие суждения после такого пребывания у нас. На Алефе существуют особые проблемы проживания, которые требуют такого послушания. Когда вы будете способны понять нашу жизнь, вы не будете нас осуждать.

— Хорошо, Ангис. Трудно спорить на политические темы с тобой, у меня тяжесть ложится на сердце.

Вейл принял кающийся вид:

— Не результат ли это моего поведения в ту ночь? О, дорого, я надеялся, что к нынешнему дню все пройдет.

Фактически Саймон был убежден, что всему виной только гнетущая жара, которая вызывала его плохое самочувствие. В предыдущий день он чувствовал себя гораздо лучше.

Закрыв руками глаза, он вздохнул и лег на землю, положив голову на сложенный пиджак. Только сейчас Ангис счел необходимым помолчать какое-то мгновение. Саймон вспоминал, как прошел предыдущий день.

За все пребывание здесь он не мог вспомнить такого скучного и несобытийного дня. Ничего не происходило. Они поднялись. Тогда они впервые вскрыли неприкосновенный запас, вкус кото-

рого оказался гораздо хуже, чем грубая пища, подаваемая им на Алефе, съели они столько, чтобы это им хватило на весь день. Богги снова чистил свой кольт.

Следуя его примеру, Рэк стал чистить свой кольт и вдобавок проверил ножи своей бритвы. Они просили, чтобы никто не мешал им без их просьбы, и все выполняли их требования. Группа женщин-мойщиц и чистильщиков содержала в чистоте их пол.

Они говорили, и их несвязный разговор касался текущих дел, каких-то минувших событий, но все старательно избегали говорить о будущем. Богги спел несколько своих старых песен, и они играли в карты. В словесные игры они не играли.

Два раза Саймон включал телевизор, пытаясь понять, как средства информации отражали сложившую ситуацию. Как и все в этот день, это было напрасной тратой времени.

На экране мелькали только бесконечные серии мыльных опер. Саймону захотелось узнать, как они здесь сами называли такие фильмы. Он знал, что означает слово «мыло», но само название «мыльная опера» потерялось где-то в тумане, в периоде перед нейтронными войнами.

Программа передач всех четырнадцати каналов отсутствовала, и никакого упоминания о тяжелой обстановке. Правящие круги, очевидно, считали, что лучше держать массы в неведении.

Солнце двигалось по своему пути по безоблачному небу, день двигался к своему завершению. Ничего не происходило. Наконец, изнуренные скукой и бездействием, они рано легли спать.

Наконец наступил второй день. Через два дня лидеры Гимеля и Алефа смогут представить свои манифесты. Он внезапно понял, что Ангис пришел к нему, видимо, собираясь что-то рассказать.

Он сел.

— Мастер Вейл, прошу извинения за мою временную слабость, я забыл, что вы собирались говорить со мной.

Саймону не был необходимости волноваться. Гувернер быстро заснул, слой желтой пыли покрывал безжизненную нарисованную маску на его лице. Зная о бесчисленном множестве капуанских женщин, занятых целый день только одним — нанесением красивого макияжа, Саймон не мог понять, почему Вейл предпочитает сам наносить макияж. Краски налезали одна на другую, и левая сторона макияжа не совпадала с правой. Под левым глазом осталось место, где макияж отсутствовал.

Почувствовав себя лучше, Саймон поддался вверх, опираясь на руки, радуясь пощелкиванию суставов и своему гибкому телу. Его движение пробудило Ангиса, он резко приподнялся и сказал:

— Сиди спокойно, когда читаешь!

Затем, оглядываясь вокруг и мигая, как старая птица, Ангис понял, что он не в школе.

— Прошу извинения, посол, — произнес он. — Я, должно быть, погрузился в объятия сна. О чем это я говорил? Мне показалось...

— Вы пришли, чтобы что-то мне сообщить или о чем-то спросить, — сказал Саймон.

— Вот как? Разве? Я что-то не могу припомнить, чтобы это могло быть. Может, что-то незначительное.

— Рассказывайте, Ангис. Почему бы вам не показать мне парк? Эта прогулка здорово помогла нам обоим.

Они пошли в парк, и Рэк прислушивался краем уха к тому, что говорил Вейл, и все это было неинтересно и абсолютно не касалось никаких важных дел.

Неожиданная пауза вывела Саймона из размышлений, Ангис стоял на узкой тропинке, приложив палец ко рту.

— В чем дело? — спросил Саймон, предполагая, что с наставником принца случилось что-то самое неожиданное.

— Клянусь императором, я сейчас припомнил то, о чем мне следовало спросить вас, спросить нечто, о чем совсем забыл.

— И о чем же?

Ангис рассмеялся нервным смехом.

— Я приходил, чтобы спросить у вас, не желаете ли вы осмотреть парк. Вот только это.

Они подошли к развилке. Тропинка, убегающая вправо, видимо, вела к главной аллее, судя по тому, что с той стороны доносились звуки других членов делегации, идущих в том направлении. Тропинка, ведущая влево, вела, видимо, в другое более спокойное место, где лес рос более густо.

Почувствовав себя гораздо лучше и ощущая радость от вдыхания свежего воздуха, Саймон свернул влево, чтобы продолжит прогулку. К его удивлению, Ангис заверещал что-то тревожное.

— Нет! — Затем, подумав лучше над своим необъяснимым поведением, он добавил: — В этой стороне ничего интересного

нет. Тропинка приведет нас в тупик. По этой тропинке мы сможем вернуться обратно.

Задумчиво поведя ногой по мягкой, плодородной почве, Саймон посмотрел на воспитателя, отметив его волнение.

— Ангис, мне хочется прогуляться еще немного. Я совсем не устал.

— Но, но... не следует вам туда идти.

— Не следует? Почему же?

— Потому что... — Затем, с видимым облегчением, найдя эту мысль резонной: — Потому что это частная собственность. Здесь гуляет только император.

Он свернул направо и пошел вперед, остановившись только тогда, когда ему стало ясно, что Саймон совсем не следует за ним.

— Возвращайтесь к остальным. Я прогуляюсь еще тут немного. Не волнуйтесь так, Ангис. Едва ли следует ожидать, что император меня накажет только потому, что я прогулялся немного в окружении его драгоценных деревьев.

К его удивлению, гувернер уцепился в его руку, нарушив тем самым их социальное табу. Только теперь Саймон понял, что здесь кроется что-то важное.

— Пожалуйста, посол, ради уважения ко мне, не ходите по этой тропинке. Это может окончиться несчастьем.

Пальцы Вейла уцепились ему в плечо и нервно подрагивали. А может, дрожали от страха?

— Это очень много значит для тебя, Ангис, не так ли?

Он кивнул: и с несчастным выражением на лице опустил голову.

— Хорошо. Я уважаю твои чувства. Мне надо заняться гимнастикой. Если вы простите меня, я займусь бегом. По этой тропинке. — И он указал вправо.

— Бегом? Иногда, посол, у меня возникают серьезные сомнения относительно здравомыслия людей. Если наше великое божество приговорило нас к бегу, ему следовало сделать наши ноги длиннее и чтобы они при этом быстрее работали. Продолжайте свою прогулку, а мне надо поторопиться. Встречаемся снова на террасе с напитками.

— Конечно, Ангис.

Затем он отправился своим путем, увеличив длину шага и чувствуя нетвердую землю под подошвой. До него донеслись неясные крики благодарности Вейла.

Саймон почувствовал радость от того, что заставил себя согласиться требованиям гувернера. Он не любил сердить людей, когда это могло оказаться во вред ему самому.

Он бежал вперед и оглядывался, пока фигура Вейла не исчезла за поворотом. Не нарушая размеренности своих движений, он сошел с тропинки и побежал прямо на группу деревьев и спрятался за самым крупным из них.

Свистящее прерывистое дыхание объявило о приближении гувернера. Размахивая руками, дирижируя самому себе, он прошел мимо деревьев, не зная о том, что имел добровольного слушателя.

Как только Ангис прошел мимо, Саймон отправился за ним к развилке. На этот раз он свернул влево. Он почувствовал приступ совести, что предал доверие человека дорогого ему. Но во всем происходящем заключалась какая-то тайна. Была какая-то тайна, это неоспоримо. И он счел, что эта тайна каким-то образом может быть связана с той, которую ранее принц Алефа доверил бывшему наставнику.

Деревья росли все гуще и гуще, и стало трудно видеть что-то далеко впереди. Звуки радостные исчезли где-то далеко позади. Он остановился, прекратился шорох гравия под ногами. Где-то вправо, в тенистой глубине рощи, он заметил какое-то движение. Быстро оглянувшись, удостоверившись, что за ним никто не глядит, он вынул кольт из кобуры и положил палец на спусковой крючок.

Стараясь не шуметь, крадучись, он направился вперед. Саймон шел, обходя крупные деревья. В роще ощущалась прохлада. Зеленое солнце слабо проникало сквозь листву, пятнами зеленых покрывая его руки и форму. Впервые с того времени, как они осуществили посадку на Алефе, три дня назад, Саймон Рэк остался один.

Нет, не совсем один. В сорока или пятидесяти ярдах перед ним происходил какой-то странный, ритмический шум. Звук чего-то ритмически поднимающегося и опускающегося. И шепчущие голоса. По меньшей мере двух голосов, один из них по-видимому принадлежал девушке, хотя высота тона алефского мужского голоса менялась в широких пределах, и трудно было определить его принадлежность.

Осторожно оглядывая деревья, Саймон увидел, что что-то двигается вдалеке. Впереди, в нескольких ярдах, он мог уже все ясно разглядеть. Что-то белое поднималось и опускалось. И это было

все, что он мог разглядеть. Затем он услышал стонущий звук — этот стон принадлежал девушке.

Двигаясь бесшумно и быстро, как кобра, он приблизился на десять ярдов к происходящему. Густая травяная растительность мешала ему ясно разглядеть происходящее. Сжимая кольт в правой руке, он левой раздвинул листву.

Ему пришлось сильно сдержаться, чтобы не расхохотаться. Вот куда он крался с такой предосторожностью! Белый предмет представляли ягодицы парня, а стоны издавала девушка, охваченная любовной страстью.

Он собирался уже убраться потихоньку, когда он увидел еще нечто. Хотя парень был голым, его вещи лежали горкой рядом с ним. От всплесков блестящих красок можно было понять, что перед ним кто-то из дворян. И хотя его лицо было прижато к лицу девушки, при каждом рывке, Саймон мог видеть башню крашенных волос.

Зная всю пользу от знания маленьких секретов своего врага, Саймон ожидал, пытаясь рассмотреть тех, кто был перед ним. Может быть, он сможет использовать данный факт.

Парень двигался все сильнее и быстрее, крики девушки становились все громче. Их акт двигался к завершению. Крики стали приглушенными, будто девушка зажала рот руками.

Но раньше Саймон успел расслышать несколько слов ее страсти и любви. Слова произнесла она на языке Гимеля!

Это могло означать, что перед ним Тсадия, дочь госпожи Тин Боа. Он достаточно сумел ее рассмотреть и знал, что она самая молодая из членов гимельской делегации.

Их тела вздрогнули один раз, два раза, затем они замерли, крепко обнимая друг друга. В тишине Саймон услышал слабое шуршание человека, идущего к ним по тропинке.

Парочка тоже что-то услышала, и девушка быстро оттолкнула своего любимого и поднялась. Это была Тсадия. Ее лицо раскраснелось, ее короткие волосы завивались в колечки. Мужчина полусидел, полулежал, глядя на нее, повернувшись спиной к Саймону.

Красиво обрамленные глаза. Крошечные золотые полоски свисали с них, мешая взгляду, покачиваясь от каждого дуновения слабого ветерка.

Глаза принца Алифа, единственного сына Гейна IV, императора всего Алефа и номинального лидера галактики Омикрон.

* * *

Так вот что представляла собой тайна Ангиса Вейла! Тайная любовь Алифа и Тсадии!

Происходящее было таким невероятным, будто край скалы встал рядом с ним и пригласил его на тур вальса. И когда они только успели? Гром и молния! Они встретились всего лишь три дня назад, а здесь они были близки так, как только вообще возможно! Быстрая работа.

Позади него раздались громкие шаги, ногами кто-то осторожно отбрасывал ветви, произнося при этом монотонно жалобы. Безошибочно, эти звуки издавал Ангис Вейл.

Молодые люди вскочили на ноги, не пытаясь совсем спрятаться или защититься. Саймон восхищался изящным строением юноши — крепкими мускулами, стройными линиями живота, и девушкой, стоящей рядом с ним — на несколько дюймов ниже его, с маленькими и твердыми грудями с торчащими сосками. Плоский живот, с завитками темных колечек волос у расходящихся бедер. Ее левая рука висела вдоль тела, правой она деликатно сжимала руку Алифа. Жест влюбленной девушки.

Одежда Ангиса была в обычном беспорядке, когда он вошел на опушку леса.

— Ваше императорское высочество, боюсь, что этот чертов посол Федерации Рэк ускользнул и находится где-то поблизости. Вам надо срочно уходить.

— Прямо так, Ангис? — мягко спросила девушка.

— Клянусь Гейном! — Невероятно, но Вейл в своем возбуждении и не заметил, что эти двое были совершенно голыми. — Одевайтесь поскорее. Если он придет сюда и заметит вас, то использует это в своих гнусных целях.

Момент показался ему самым подходящим.

— Вы правы, мастер Вейл, — сказал Рэк, — теперь и ваша очередь заметить.

Странно, его появление, как демона из леса, имело наименьший эффект на мальчишку и девчонку, чем на гувернера. Он визгливо вскрикнул и упал без сознания на землю. Девушка покраснела и попыталась прикрыть свое тело руками. Но принц слегка улыбнулся и кивнул ему.

— Я сказал Ангису, что лучше для нас доверять вам. Я под впечатлением от вас и вашего крупного коллеги. Прошу вас, садитесь.

Холод был напыщенным. Саймон знал, что сам, будучи пойманным в похожей ситуации, только усмехнулся бы и попытался бы разрядить ситуацию быстрой шуткой. Но принц вел себя как принц, невзирая на то, что был совершенно голый и совокуплялся с дочерью самого главного врага своего отца.

Так же изобразив самоуверенность, Саймон сел на поваленное бревно, на которое ему указал Алиф. Пока девушка надевала свой нехитрый костюм, вытеревшись букетом из листьев, Алиф встал на колени перед распростертым Вейлом и легонько шлепал последнего по щекам. Смех и сопение указывало на то, что жизнь снова навестила тело наставника. Как только наставник привстал, Алиф оставил его и стал надевать свои одежды. Нижняя одежда состояла из простой рубашки, не имевшей никаких пуговиц и крючков, которая тонко обрисовывала его тело. Затем красные туфли и разноцветный плащ. Наконец деликатное прикосновение к волосам и взгляд в карманное зеркало, чтобы убедиться, что макияж не попорчен.

Удивительно, ему хватило всего две минуты чтобы превратиться из голоного парня в блестящего принца.

В это время Ангис, спотыкаясь, поднялся на ноги, листок приклеился к его размазанному макияжу. Продирая глаза, стараясь не смотреть на Саймона, он сел на ствол дерева рядом с Саймоном. К его смущению, Вейл зарыдал, его плечи тряслись от усилия его слез. Саймон протянул руку, чтобы успокоить его, затем вспомнил о табу.

Вместо этого он сказал:

— Ангис, друг мой, успокойся. Не стоит плакать.

Хныкая и вытирая нос краешком плаща, Ангис наконец успокоился.

— Посол, как вы можете меня называть своим другом, когда вы так разочаровали меня. Пришли сюда, не слушая моего предупреждения. А давали мне обещание. О, Саймон, как вы могли?

Впервые он назвал его по имени.

— Ангис и вы говорите мне такие вещи! Друг — это человек, который всегда говорит вам правду. Стоило бы вам просто сказать мне, что принц и Тсадия занимаются... спортивными играми... я бы не стал вас обманывать и не пополз бы сюда под деревьями, как низкий соглядатай.

К этому времени оба молодых человека стояли рядом, перед Рэком держась за руки.

Принц заговорил первым:

— Думаю, мой старый учитель подумал, что будет очень опасным посвящать вас в наш маленький секрет. Теперь, когда он вам известен, что вы советуете нам делать?

— Ваше высочество, я не могу согласиться, что это, как вы очень очаровательно назвали, «маленький секрет». Этот секрет, мне кажется, имеет такие галактические размеры, что мне потребуется время спокойных размышлений, прежде чем обдумать все его грани.

Тсадия пристально посмотрела на него.

— Если моя мать узнает, война начнется раньше, чем она успеет отдать приказ о ней.

— То же и мой отец.

Саймон почесал лоб. Это был сюрприз таких размеров, что он просто не мог сразу осознать все его последствия.

— Один вопрос, ваше высочество: кроме нас четверых, о нем еще кто-то знает? Или, быть может, подозревает? Подумайте хорошо.

Дочь госпожи Боа ответила сразу:

— Луа. Она мой личный телохранитель. Она моя самая близкая подруга. Она знает. Кроме нее, никто.

Алиф покачал головой.

— Значит, мы знаем секрет, который может оказаться страшным. Или может оказаться подарком богов. Я хочу вернуться в наши комнаты как можно скорее и поговорить о нем с Богги, моим коллегой. Вы возвращайтесь раздельно. Ангис, я бы хотел, чтобы ты остался со мной и ответил на несколько вопросов.

— О, дорогой Саймон! Когда вы говорите так, вы всегда говорите как страж закона, а не как посол. — Он слегка вздохнул. — Да, это так.

— Две вещи, посол.

— Госпожа Тсадия?

— Вначале узнайте, поскольку остаетесь здесь. Луа стережет в лесу. Вам надо уходить как можно тише, чтобы она вас не заметила и не услышала.

— Она близко отсюда?

— Да. Она позволила Ангису подойти, потому что знает его. Она слышала нас и теперь знает, что вы друг. Но будьте с ней осторожны, у нее непредсказуемый характер.

Саймон улыбнулся, зная, что мог бы управиться с любой женщиной любой расы. Но послу не следует рассказывать о своих маленьких секретах.

— Я запомню. А теперь вам надо идти. Я скажу Ангису, когда мне потребуется переговорить с кем-нибудь из вас еще. Идите раздельно. Я не думаю, что кому-то на Алефе понравиться видеть вас вместе.

— Я знаю одного, кому это понравиться.

Алиф повернулся к девушке:

— Что ты хочешь этим сказать?

По ее лицу можно было заметить, что она явно сожалеет о сказанном. Ее лицо покраснело, а глаза замерцали, будто она хотела убежать прочь от своих слов. Но бежать было некуда.

Саймон спокойно сказал:

— Ты хочешь сказать, что знаешь о шпионе в Капуе? Того, кто работает здесь на ваш народ?

Ее молчание было красноречиво.

— Ты мне скажешь, кто это? Даю тебе слово, что не пойду выдавать его.

— Я не могу. Простите меня, но не могу.

Алиф схватил ее руками и силой повернул ее лицо к себе.

— Если ты не можешь об этом сказать послу, то, конечно же, скажешь мне, моя любовь. Ты должна!

Пытаясь вырваться, девушка не отвечала.

Ангис Вейл встал и заговорил:

— Может быть, я могу разрешить этот разговор. У меня есть друг, другой мой бывший ученик, который занят неприятным бизнесом в Капуе. Его имени никому здесь неизвестно. Работа его — азартные игры. Он может выиграть любое пари по любому предмету, его специальность — игры и развлечения. Его знания астрономические. Он всегда великолепно справлялся с цифрами. Я помню, как он однажды...

— Ангис! Вспомни кличку, данную тебе принцем. Поторопись!

— Конечно, посол. Хорошо, урезаю рассказ о развлечениях, так вот этот игрок имеет контакты и клиентов среди наших старейшин. Я видел его несколько дней назад до того, как все это неприятное дело обрушилось на нас, и он рассказал мне о высокопоставленном господине, который тратит гораздо больше, чем имеет. Ничего зрелищного, вы понимаете, но очень много. И это все только потому, что у моего друга сильное чутье на деньги и на

числа, что он замечает все необычное. Мы оба с ним удивлялись, как у этого человека могут оказаться такие крупные суммы.

— Именем отца, Ангис, приди к завершению!

— Прошу прощения, Алиф. Храня в уме то, что сказала эта красивая девочка, не думаешь ли ты, что этот человек как раз и может им оказаться?

— Его имя! — Этот голос уже был голосом властелина, а не мальчика.

Саймон смотрел Тсадии в лицо, когда Ангис произнес имя:

— Советник Вази.

Никакой реакции не последовало.

Принц слегка встряхнул ее и произнес, понизив голос:

— Любовь моя, ты не должна больше молчать. Это Вази, не так ли?

— Да.

Одно слово. И то почти шепотом.

Достаточно.

Алиф мягко оттолкнул Тсадию от себя и стоял один, обернув вокруг себя его плащ. Его руки висели по бокам, в гневе сжатые кулаки.

— Деньги часто более мощная сила, чем любовь к своей стране, ваше высочество.

— Посол, я убью его. Я сам. За его предательство нашего мира и моего отца.

Саймон чувствовал себя как человек, придумавший игру и обнаруживший сейчас, что те кусочки, которыми он играл, принадлежат совсем другой игре. Теперь ему следует подумать и об этом факте, который разразился как удар грома прямо у его уха.

— Нет. Если вы простите меня, Алиф, дело не стоит продолжать. Если вы вступите с ним в конфронтацию, он будет все отрицать. Есть сомнение в том, что эта так, и разразившийся скандал может нарушить наши хрупкие надежды на мир. Я встречусь с ним сегодня вечером, когда он придет ко мне по своей просьбе. Я подумаю, что смогу сделать. А теперь вам обоим следует уходить. Тсадия, оставь свою стражу и уходи поскорее. Ваше высочество, следуйте за ней на некотором расстоянии. Солнце уже клонится к закату, а мне еще предстоит много сделать и сказать. Идите!

После финального объятия пара влюбленных исчезла за деревьями.

Ангис и Саймон посмотрели друг на друга.

— Вам следует доверять мне, Ангис. Да, я могу понять, почему вы мне не доверяли. Не видишь ли ты что, нас могут и соломинки сжать как пресс? Удачное решение. Рычаг, которым мы можем воспользоваться, способен сдвинуть и галактику.

Наставник впал в уныние, его борода и усы опустились вниз гораздо больше обычного. Дважды он пытался заговорить и только заикался.

Наконец он произнес:

— Прошу извинения, посол Саймон. Я вижу теперь, что будет лучше, если... но я подумал, что вы... можете принять это как средство для получения... Прошу прощения.

Слева от них, из леса донеслись звуки. Саймон бросил взгляд в ту сторону, но ничего не увидел. Может, просто животное какое. Но, конечно, не птица. Поскольку ни одного летучего создания не сохранилось на всей планете.

Понизив голос, боясь, что кто-то подслушает, он продолжал:

— Ангис, как долго это продолжается? Между принцем Алифом и Тсадией Тин Боа?

— Около двух лет. Они встретились во время какого-то посольства и сразу влюбились. В самом деле странно, если принять во внимание то существенное различие в культуре на Гимеле и у нас. Их страсть усилилась, когда принца послали стажироваться в дипломатии в наши владения на Гимеле. Я ездил вместе с ним, чтобы помочь ему в обучении.

— И этой помощи ему не хватало?

Его остроумная реплика была награждена тонкой улыбкой Ангиса.

— Остроумно сказано, Саймон. Очень остроумно. Они оба знают о предостерегающем их риске. Они знают об огромном риске. Им нелегко досталось на Гимеле, где мир переполнен доносчиками. Но для двух таких молодых людей, — его глаза подернулись туманом, — всегда найдется время и место. Признаюсь вам, Саймон, что я чаще занимался сводничеством, чем наставничеством.

С огромной силой кусты слева от них взорвались от толчка человеческого тела. Его палец врезался в кольт, как удар судьбы: какой-то алефец из высшего сословия решительно шел прямо к ним.

— Клянусь Гейном, учитель, придется тебе заняться спортом пред нами на стадионе! Я слышал все твои гнусные слова.

Если бы не рука помощи Саймона Рэка, возможно, Ангис искупался бы в грязи в полный рост во второй раз за последние пять минут. Его зубы застучали от страха. Отчаянно он пытался что-то сказать, но ничего не выходило, кроме придушенного визга.

Дворянин остановился прямо перед ними и насмешливо заговорил:

— Ты способен только бормотать, учитель. Прежде чем истечет завтрашний день, придется тебе распроститься с жизнью на нашем стадионе. И твой драгоценный принц вместе с тобой. У этого дерева вы играли в опасную игру, и вы проиграли! Что там, даже сам император теперь в опасности, когда все узнают о случившемся.

Яд и ненависть в голосе этого мужчины кипели и изливались на собеседников. Саймон пытался сохранять хладнокровие, найти какой-то выход из создавшейся ситуации. Выход один — убить его.

— Что вы хотите сказать, господин?

Его губы выпирали вперед от излишнего зеленого макияжа и насмешливо улыбались прямо в лицо Саймону:

— И вы, дорогой посол, вы тоже! Я услышал достаточно, чтобы поставить вас на колени. Если вы не хотите быть дискредитированы, вам следует подать свой голос на защиту права Алефа на Виррону.

Это погубило его. У него не оставалось иного выхода; Саймон не мог не убить его, чтобы заставить замолчать его проклятый язык.

— Может, нам следует тщательно обсудить ваши претензии, — сказал он и отошел в сторону, выбирая удобную позицию для огня.

Но в этом уже не был необходимости. Послышалось шипение фризера, затем сильный запах озона. Дворянин резко дернулся, его глаза в ужасе широко раскрылись. Его руки дернулись к спине, словно он хотел вытащить ядовитую стрелу. Но это был напрасный труд. Замораживающий элемент поразил все пространство над его почками, во всех внутренних органах вокруг вся жидкость превратилась в лед. Кровь в венах мгновенно замерзла, заблокировав кровообращение.

В момент смерти пальцы господина обратились в когти, и в агонии он ногтями на щеках прочертил кровавые полосы, размазав при этом свой великолепный макияж. Он беззвучно упал лицом вниз, прямо в грязь.

Странная фигура появилась из-за деревьев, засовывая за пояс смертоносное оружие. Коренастое, мускулистое, с обрезанными

волосами его можно было принять за мужчину на любой планете. Но когда он заговорил, в голосе послышались мягкие женские нотки.

— Он мертв. — Это прозвучало как утверждение, а не как вопрос.

— Да.

Воспитатель наблюдал за быстрой сменой событий с открытым ртом, потом покачнулся и уселся на бревно.

— Я не могла ему позволить остаться в живых, он выдал бы мою госпожу.

Очевидно, это была Луа — телохранитель Тсадии. Она выслеживала этого дворянина, когда он полз под деревьями, но не могла помешать ему подсмотреть тайну любви Тсадии и Принца Алифа.

Проблема состояла в том, чтобы навести порядок. Не было способа в этой части парка избавиться от тела высокопоставленного алефца. Земля позволяла выкопать могилу, но отсутствовала вода, которая помогла бы исчезнуть. И он мог бы отыскаться, на этот счет нет никаких сомнений. Как объяснить появление тела с половиной замерзших кишок в совершенно теплые дни? Только гвардия Гимеля была вооружена фризерами. Сможет ли Луа молчать, если будет допрос? Она, вероятно, лояльна, но он сомневался в ее уме, сможет ли он выдержать допрос с пристрастием?

Нет. Оставался лишь один путь.

Он поднял Вейла на подгибающихся ногах и прошептал ему на ухо:

— Ангис, это может все нарушить. Оставь это все мне. Ни слова ни одной душе. Уходи и забудь обо всем. Я найду, как загладить событие. Иди же!

Телохранительница смотрела недвижно, как он вытолкал наставника с места события. Бросив еще один последний взгляд через плечо на поверженного алефца, Ангис удалился.

Саймон поманил Луа пальцем. С лишенным всякого выражения взглядом, Луа подошла к нему. Ее оружие находилось в кобуре.

Был только один способ прикрыть смерть дворянина. Его смерть должна выглядеть случайным происшествием между ним и Луа. Они должны были выстрелить одновременно, и ее выстрел убил его. В то время как он...

Опасаясь ее рефлекса, если он потянется за кольтом, Саймон решил вначале положить ее. Напружинив пальцы, он ударил сбоку по ее мясистому затылку ударом, которым скала разделяет пополам водопад. Он чувствовал силу удара по своему плечу, будто ударил жесткую, сложенную в пряди вату. Он услышал, как хрящ щелкнул где-то ниже нанесенного удара.

Но Луа не упала. Ее глаза загорелись кровавым бешенством, она дернула головой, будто поправляя парик, сползший ей на лицо. Она отступила на один шаг и ухватилась за фризер.

Это был тяжелый момент для Саймона Рэка. Он не собирался бить ее со всей силы, потому что не хотел убивать ее ударом в затылок. Теперь уже все обстояло иначе.

Оставалось мало времени. Он сделал притворную атаку, пытаясь ударить левой рукой по лицу, но она сориентировалась быстрее мысли. Из-под атаки он запустил оглушающий удар в солнечное сплетение, удар, которым можно было лишить сознания на короткое время. Но на этот раз ему не удалось.

Хотя его ноги ударили с удовлетворительным стуком, шок, пробежавший по его телу, сообщил ему о наличии крепких мускул. Довольная, она заворчала и вцепилась пальцами ему в лодыжки и крутанула его на спину, воздух покинул его легкие, и мозг заскрипел в его черепе.

Прежде чем он смог встать на ноги, она насела на него, его горло оказалось у нее между ног, и он очутился в ловушке между невероятно сильным бедрами. Она начала его сжимать и тут он почувствовал силу женщины. На какой-то момент он смог вообразить, что ощущает тюбик с зубной пастой. Но только это на одно мгновение. Боль была такой сильной, что тут не до юмора. Уже он осознал, что его мозг лишен драгоценного кислорода, а затылок сжат крепким объятием.

Он заскреб руками, пытаясь за что-то ухватиться, но она с презрительной легкостью поймала его руки и сжала вместе его запястья. Он оказался ослеплен, а лицо прижато к низу женского живота.

Саймон с отчаянием осознал, что зажат так, что ничего не может поделать. Он открыл рот, чтобы глотнут воздуха. И ощутил губами женское тело! В напряженно борьбе брюки Луа разошлись по швам.

У самых его губ оказались волосы, и он пошире открыл рот, вдыхая острый запах немытой кожи. Для дальнейшей борьбы не

было времени. Со всей силы он впился зубами прямо в женские половые губы, прокусывая кожу.

Пронзительный визг боли наградил его усилие, и объятие на его затылке ослабло. Изо всех сил он стал извиваться и сталкивать от Луа. Затем быстро вскочил на ноги, пока она стонала от боли, а кровь капала, просачиваясь между пальцев.

Гимельская женщина все еще стояла, согнувшись вдвое, прижав руки к больному месту, Саймон вынул кольт и аккуратно и старательно выстрелил ей в голову. Кольт вскрыл с ужасающей силой кость и парализовал мозг. Убил ее мгновенно и безболезненно.

Располагая таким крепким противником, многие мужчины почувствовали бы приступ сожаления. Но не таков Саймон Рэк. Это была одна из реальностей работы службы безопасности. Она так близко смогла подойти к его убийству, чем кто-либо другой. И это не позволило ему уважать ее, это просто огорчило его, так неверно оценили его намерения.

Ее крик, должно быть, слышали далеко в округе, даже праздно гуляющая толпа за пределами парка. Саймону теперь придется совсем по-другому рассказывать перипетии борьбы с Луа. Он теперь не мог, как рассчитывал, обвинить их во взаимном убийстве. Луа теперь убита им, его оружием, и нет никакой возможности скрыть рану у нее на животе.

Впервые на сцене, с раскрасневшимся от напряжения лицом появился Богарт с кольтом в руках. Когда он увидел два тела, то скользнул по листьям и замер с выражением такого удивления на лице, что Саймон не мог не рассмеяться.

— Боже мой, Саймон, ты как забойщик на бойне!

— Быстрее, Богги. Совсем нет времени. Я слышу, как сюда идут. Гимельская стражница заморозила дворянина. Я уничтожил ее. Остальное я позже расскажу. Когда мы вернемся, я расскажу тебе такие новости, что ты ума лишишься. А вот и они. Идут отовсюду.

Со всех сторон шел группами народ. Дипломаты с Гимеля, алефские старейшины и группа отборных гвардейцев и все размахивали различным инструментом. Среди них отдельно приближались принц Алиф и Тсадия Тин Боа.

Наступил острый момент. Если она запаникует, когда увидит тела, в особенности тело Луа, тогда все погибло. Но она была истиной дочерью своей матери. Саймон наблюдал за ней и не заметил ни тени чувства.

Как приличествует его рангу, Алиф задал вопрос:

— Могу ли я спросить, посол, что вы знаете об этой печальной сцене?

Они стояли лицом к лицу на расстоянии шага. Игнорируя толпу, Саймон заговорил с принцем.

— Сожалею, ваше высочество, что мне не удалось отвести эту трагедию. Я прогуливался по этому прекрасному лесу, надеясь, что получу вдохновение, способное остановить конфликт между вашим народом и народом Гимеля. Я услышал шум. Естественно, я прибежал сюда и обнаружил...

И он преднамеренно остановился.

— Что?

— Простите меня, но мне кажется таким абсурдным, что я могу едва ли поверить своей памяти. Этот дворянин и эта охранница боролись на земле. Катались повсюду. Но казалось, они не стремились никому сделать зла. Фактически они, казалось, почти похожи... на...

Алиф смотрел прямо на него своим умным и острым взглядом.

— Похожим на кого?

— На двух влюбленных, которых внезапно застали, и им требовалось что-то сделать, чтобы скрыть это. Вам известно такое?

Принц кивнул. Да, ему это знакомо.

Благодарение богу, молодой человек оказался не дураком. Саймон быстро стал излагать дальше.

— Дворянин, похоже, укусил женщину в... интимное место, возможно, чтобы дать мне понять, что они не... вы знаете. Это, конечно, явилось очень порочным фактором, и она вскочила на ноги. Прежде чем я мог подойти к ним, она застрелила его из своего оружия. Он мгновенно умер.

Последовал общий вздох окружавшей их толпы. Это явилось крупным скандалом.

— А женщина?

Покачивая головой, Саймон отвечал.

— Я бы лучше сделал что-нибудь другое, чем убивать ее. Я прошу вас поверить мне, что у меня не было выбора. Ваше высочество, примите мои самые глубокие сожаления и мои соболезнования делегации Гимеля за такое несчастливое событие. У меня не было выбора.

Алиф продолжал напряженно смотреть на него, закрывая его от толпы.

— Я верю вам, посол, верю. Почему вы убили ее?

Вопрос прозвучал громче, чем раньше. И тут же немного мягче, сказал:

— Посол, пятно крови той женщины на ваших губах.

Саймон фальшиво раскашлялся, вытирая с лица красную полосу.

— Она подошла ко мне, приняв меня за врага, я полагаю. Я крикнул, предупреждая ее, но она целилась в меня из оружия. Я вынул свой пистолет и выстрелил в нее. Это был самый благотворный удар судьбы, что я выстрелил в нее. Я плохой стрелок.

— Благотворный удар! Бедняжка Луа погибла!

— Госпожа Тсадия, я бы не лишил ее жизни, но все это ради мира!

Позже, на обратном пути, шагая вместе с Богги среди деревьев, он сказал:

— Ради двух миров — это нечто совсем другое.

У них было время на обратном пути в цент Капуи, чтобы сообщит Ангису все детали того, что произошло в парке, и чтобы вся правда дошла при удобном случае до принца и Тсадии. Саймон предполагал, что Алиф окажется достаточно умным, чтобы понять больше, чем голые события, чтобы он понял то, что отсутствует в официальном отчете.

Подошло время ожидать прихода предателя советника Вази.

— Что ты думаешь предложить, Саймон? Деньги, власть, невосприимчивость к смерти? Обычно предлагают только это.

Не было необходимости отвечать ему. Кто-то тихонько поскребся в дверь, и на пороге появился Вази.

Странно, капюшон его расцвеченного плаща был надвинут на голову так, что все лицо его тонуло во мраке. Но его голос был тем же высокомерным голосом советника Вази.

Саймон молчаливо предложил ему кресло на длинной узкой кушетке, а Богарт подал ему напиток. Он отказался, отрицательно качнув головой.

— Я не собираюсь тратить ни ваше, ни свое время на пустые разговоры. Я тонкий наблюдатель человеческой природы, посол. Я вижу, куда могут завести человека его мысли, прежде чем он догадается сам. Я убил архивариуса, принадлежащего к низам об-

щества. Я передал план Вирроны Гимелю. Я предатель и оплачиваемый шпион.

Он все еще не снял своего капюшона. Он сидел просто, его тело отдыхало, словно говорил здесь только он, и никто не имел права говорить.

Не отрывая глаз от советника, Саймон сел на низкое кресло, напротив него. Богарт откинулся на кушетке, ожидая знака от своего друга, как бы желая разыграть советника. К его удивлению и восхищению, советник Вази передавал все свои козыри им в руки.

— Вы пришли сюда только для того, чтобы нам рассказать все это?

Последовала долгая пауза.

— Нет. По совсем другой причине. Я подойду к ней позже. Вначале личные причины. Я расскажу о них, потому что думаю, вы человек чести и можете их понять.

— Продолжайте.

Что еще мог Саймон сказать?

— Год или примерно столько времени назад я влюбился в одну женщину с Гимеля. Но ее родина — Алеф. Ее родители были дипломатами Алефа и жили там. Когда они умерли, она осталась жит там. Честный поступок. Из-за важности моего сына, я не мог публично сообщить об этом. Постепенно мы сблизились.

Последовала долгая пауза. У Богарта начался приступ кашля, который ему удалось побороть.

— Я буду покороче.

Саймон прервал его.

— Советник Вази, у нас весь вечер впереди, и меня очень интересует ваша история.

— Нет! Простите меня, посол. У вас, должно быть, есть время, а у меня его нет. По причине моей любви к... этой женщине, я продал тайны своей планеты. Мне понадобились деньги по личным вопросам. Так мало времени осталось. Я чувствую... неважно. Я дал ей сведения о Вирроне, так что она знает, как обстоят дела, и этим сможет купить свою свободу.

— Почему купить свободу? — спросил Богги. — Вы сказали, она сама решила остаться.

Голова резко задергалась на узких плечах, словно его схватила лихорадка.

— Да это так. Я в смущении. Не могу вспомнить. Нет, она не смогла выехать. Да, именно так. Служба безопасности Гимеля

держала ее под наблюдением, и у нее не было возможности выехать ко мне. Поэтому я продал тайну — самую важную, когда-либо известную в галактике. Она уже была на пути сюда. Я решил придти сюда, чтобы спросить вашего совета. Может быть, предложить вам какую-то награду... я не знаю.

Голос его изменился, стал старым и усталым. Путаница в его словах все росла.

— Это уже не имеет значения. Никакого значения. Видите ли, уважаемый молодой посол, она умерла. С каждым может случиться такое. Вы знаете, кто убил ее? Красавец Алиф. Мне кажется, он слышал о моем неуважительном отношении к Алефу и сам решил, что мне нельзя жить счастливо при моем предательстве. Это его собственные слова. Слова. Слова. Одни только слова.

В комнате установилась тишина. В коридоре было тихо, как в могиле. Богарт быстро подошел к столу и сел в кресло. Саймон обменялся с ним взглядом, пальцем подав знак, который означал «Он пьяный или больной?»

За спиной советника Вази Богарт произвел жест человека, проглотившего неприятную пилюлю. Ясный, недвусмысленный ответ.

Советник, один из высокопоставленных людей во всей галактике Омикрон, принял отраву.

Резким движением Вази вдруг сбросил капюшон своего плаща. Уже привыкший ко всяким неожиданностям на Алефе, Саймон почувствовал пробежавшее по спине нервное волнение. На советнике не было макияжа. Совсем никакого. Его лицо, чистое и небритое, длинное и узкое, выглядело лицом аскета. Его голова была совершенно лысая.

— Мне надоели причуды нашей страны, посол. Парад масок и париков. Да, париков. Представитель высших кругов общества будет немедленно убит перед лицом своей семьи, если обнародует это. Результат высокого воспитания. Все мы носим парики. И они становятся все более фантастичными. Фантастичными. Фантастичными.

Вновь он начал что-то бормотать и осуждать. Временами в его фразах появлялся какой-то смысл. В основном они касались его погибшей любви.

— Алиф сказал мне про корабль. Она упала в люк. Так он мне сказал.

Условия пребывания в космосе оставались еще достаточно опасными, поэтому невозможно, чтобы Алиф подстроил все это.

Он, возможно, сказал об этом советнику, чтобы вернуть его служить делам государства. Что было бы проще и эффективнее. Ведь он мог и пристрелить его на месте.

— Я не задержу вас долго. Вы знаете, что я принял в себя смерть? Я все еще могу видеть вас, мастер Рэк, но я уже не могу слышать вас. Но это неважно. Я сомневаюсь, что вы можете мне что-то сказать, что соблазнило бы меня вернуться. Я прошу у вас прощения, но боюсь, что моя кончина вызовет беспорядок. Яд ослабляет вены и артерии, и поэтому кровь может сочиться сквозь кожу. Кожу. Кожу. Кожу. Я не хочу умирать ни в объятиях Алефа, ни в помещении делегаций Гимеля. Обе страны воспользовались моими благодеяниями, и обе отказались от меня. Я хочу умереть здесь.

С большим усилием он поднялся и скинул плащ на пол. Он был совершенно голым. Он отринул все связи со своей планетой и стоял здесь умирая, просто как человек.

Он поклонился сначала Саймону, затем Богарту и слабеющей походкой направился в ванную. В ванную комнату с огромной ванной. Белая и холодная, она напоминала чем-то нашу самую передовую клинику.

Не оглядываясь назад, он вошел в ванную и закрыл за собой дверь.

Какое-то время никто не произносил ни слова. Богарт налил себе и Саймону освежающего напитка и бросил в стаканы таблетки с антидотом. Они молча выпили. Они оба знали, что советник Вази умирает позади них в ванной комнате.

Избегая встретиться с глазами Саймона, Богарт встал через несколько минут и открыл дверь в ванную. Вошел и быстро вышел.

Ангис Вейл поздним вечером пришел в апартаменты послов и застал их обоих в сильном опьянении. Они отказались говорить с ним о беседе с советником Вази, а ограничились только монологом о человеческом зле.

— Вызывает удивление, послы, как этот человек мог так низко опуститься. Вы знаете, некоторые говорят, что у него в венах текла и императорская кровь.

Саймон встал и, взяв наставника за руку, повел его в ванную комнату.

— Старина Ангис, только не сейчас!

Глава 6. Давай забудем о нынешних делах до завтра

Тело советника Вази вынесли из ванной и отправили в ближайшую аннигиляционную камеру. Сам принц отозвался на просьбу послов и занимался операцией по аннигилированию.

— Ваши слова, ваше высочество, вызвали требуемый эффект, — заявил Саймон горькими и холодными словами.

Алиф, скрыв свое лицо за маской — его вызвали из спальни, и он не успел даже полностью нанести макияж — не возразил на критику. Затем все-таки обратился к ним.

Голосом приглушенным и огорченным он воскликнул:

— Посол! Этот человек предавал нас десятки раз. Он предал доверие, оказанное его сану. Предал! Все, что я сделал, это позволил ему рассказать о чудовищных причинах всего случившегося. Затем я сказал ему то, что его так болезненно ранило, ранило так же, как нас ранило его предательство. Посол, я сожалею, что он выбрал ваши апартаменты, чтобы закончить свою низкую жизнь таким низким способом. Ведь он только заплатил той мерой за свою жизнь, которую сам выбрал.

Несмотря на всю свою горечь, Саймон был реалистом и знал, что принц сделал только то, что следовало сделать.

— А теперь, — сказал Алиф, — желаю вам спокойной ночи. Мне еще много предстоит сделать, прежде чем мы снова увидимся через три дня.

Когда они снова остались одни и все следы смерти были уничтожены, и Вейл удалился, нетвердо ступая, в свои комнаты, Саймон и Богги снова выпили.

— Я сильно удивлюсь, если завтра произойдет что-то серьезное, Богги. После всего что случилось. Завтра мы должны получить письменные предложения сторон. Послезавтра последние переговоры. А затем все должно закончиться.

— И? — Богги уронил эту букву в наступившее в комнате молчание.

— Есть шанс, Богги. Есть шанс справиться со всей этой прорвой несчастий.

— А если этот шанс не сработает?

Он поставил стакан на низенький столик и, выпрямившись, поднял руки вверх и опустил вниз.

— Если не сработает? Тогда нам понадобится много времени, чтобы все это позабыть.

* * *

Как Саймон и предсказывал, следующий день тащился будто на свинцовых ногах. Они оба потеряли сон, приняли дозу транквилизатора и провели большую част времени в одуряющем бессонном отдыхе.

Единственная передышка случилась поздно вечером. Они глотали таблетки с концентрированной едой из неприкосновенного запаса и пережевывали старые солдатские шутки о том, как они вкусны, не желает ли кто добавки с соусом?

Из коридора послышался звук шагов, и вошла толпа посланников его величества. Их руководитель протянул пакет с каким-то текстом. Саймон взял его и сунул в коротковолновый нагреватель.

Когда вскрылся контейнер, донеслось шипение, которое указывало, что вакуумную печать никто не вскрывал. Буклет послания был изготовлен из флуоресцирующей пластмассы, она вся полыхала и меняла окраску в соответствии с изменением тепла от его руки.

— Что там пишут, Саймон?

Саймон не сказав ни слова, протянул Богарту буклет. Текст был затейливо украшен и расцвечен, буквы налезали друг на друга, скакали вверх и вниз, не укладываясь в общепринятый образец написания. Высунув язык от сложного усилия прочитать текст, Богарт медленно произносил слова.

— Принцесса Сильва желает... э... что это за слово? О! Присутствия посла Федерации Саймона Рэка и как можно скорее, чтобы... обсудить новые планы известных двух ему человек.

Саймон уже надевал пиджак, застегивал ремень и проверял кобуру.

— Будь осторожен, Саймон.

— Да. Встретимся, когда я тебя увижу. Если не вернусь к обеду, приди навестить меня.

Он неплохо знал расположение всех императорских апартаментов во дворце, но ему дважды пришлось останавливаться и спрашивать у слуг, куда пройти. Каждый раз они сбегались к нему как мыши и говорили, что могут проводить его. Ему было нелегко убедить их, что ему надо указать только направление. Только направление.

Наконец он попал в тот коридор, который находился на самом высшем уровне, где-то поблизости от покоев самого императора.

Целые роты охраны патрулировали коридоры, и он был рад, что захватил с собой буклет приглашения... или директивы? Он не был уверен в точном определении.

У дверей стояла охрана, состоящая из нескольких молодых девушек в легкой одежде. Самая старшая из них провела его через серию ярко освещенных приемных, пока они не вошли в обширную сводчатую комнату и остановились у тяжелой двери. Девушка указала на дверь, захихикала и убежала, зажав рот рукой. Саймон отметил, что нижние слои общества Капуи обладают очень низким развитием ума, иногда граничащим с идиотством.

Он шагнул вперед и слегка толкнул двери с выгравированными рисунками. Они отворились легко и бесшумно, представив взгляду комнату неопределенных размеров, слабо освещенную, так он мог едва что-то рассмотреть.

Голос донесся из темного угла, где он смог рассмотреть массивную кушетку.

— Пожалуйста, закройте дверь, посол. То, что я хочу вам сказать, не для ушей слуг. Только для ваших ушей. Садитесь поближе, и мы поговорим.

Двери с шипением закрылись, и он услышал пугающий шум тяжелых задвижек. Сжимая рукой рукоять кольта, он двинулся вперед, ступая по ковровому настилу, редкому на Алефе, и сел на пуфик, стоявший рядом с кушеткой.

Улыбаясь как хорошо откормленный котенок, на кушетке возлежала принцесса Сильва. Она была гораздо моложе своего кузена Алифа, но обладала той же нежной красотой. Темноглазая, с ирисами странно-золотистого цвета, отражающими мерцания неясного света какого-то.

На ней было простое платье, прямого покроя, со вставками полос желтого и голубого цветов. Саймон, посетивший мириады миров, привыкший к разным формам морали и сексуальных обычаев, был почти шокирован, заметив, что ее платье оставляло неприкрытыми груди, соски которых обведены по кругу радужными красками грима.

Принцесса могла себе позволить и такое!

Она снова улыбнулась, заметив его взгляд, ощупывающий ее тело.

— Отдыхать — это прекрасно, посол. Не так ли?

— И мне нравиться отдыхать. Но мне вначале хотелось бы выполнить возложенную на меня работу.

Она скорчила недовольную гримасу, как школьница.

— О, если вы хотите рассердить меня, мне придется повторно обдумать, сообщать ли вам мой маленький секрет.

На манер котенка, она пососала кончик своего пальчика.

Саймону она напомнила одного его любимого писателя. Человека по фамилии Чандлер. Его герой повстречал очень схожую девушку в одном из своих приключений. Девушка, довольно испорченная и богатая, привыкшая жить на свой собственный манер. Со странной, врожденной испорченностью, которую она скрывала за маской своего поведения. Что же тот мужчина сказал слуге? Ах, да: «Пора вам отучить ее». Ему всегда нравилось то, что следовало дальше, и ему всегда хотелось узнать, появится ли у него возможность воспользоваться этим самому. Может быть...

Если Сильва обладает каким-то секретом, то он явно касается ее семьи. Это означает Алиф и, возможно, Тсадия. Саймон внутренне вздохнул, подозревая какую ему плату придется платить за ее секрет. «Астра либератта» — таков лозунг Галактической службы безопасности. «Звезды должны быть свободны». Это касается звезд, а как же поступать ему?

Нельзя сказать, что Саймон Рэк питал отвращение к женской компании, нет, совсем не так. Он только предпочитал свободу в выборе женщин, чтобы заниматься с ними любовью. Да еще в подходящее время и в подходящем месте. Однако Сильва была довольна красива. В его голове возник замок Фалькон и трагическая фигура Иокасты, кузины барона Мескарла. На это потребовалось усилие ума и воображения!

Здесь же присутствовала совсем другая кузина. Она была молода и, возможно, совсем не умна. Будет наверно трудно обмануть ее и заполучить информацию, тогда он мог бы ускользнуть как утренняя роса.

Он протянул руку и взял ее ладонь, коснувшись центра ладони кончиком своим указательного пальца, затем повел кругами, мягко потирая кожу ногтями. Сильва вздрогнула и томно вздохнула.

— Какие дурные мысли вы вызываете во мне, Саймон. Надеюсь, я могу называть вас Саймон?

— Конечно, моя принцесса.

— А вы зовите меня Сильва. Но только когда мы одни и вместе.

— Хорошо, Сильва.

Он прижался губами к ее руке, проведя языком между пальцами. Ее рука поднялась и прижалась к его рту. Без предупреждения Саймон чуть кусанул круглый шарик кожи в основании большого пальца. Холмик Венеры — так его называли в античности. Реакция была пугающей.

Принцесса обхватила его свободной рукой за затылок и потянула его лицо к своему. Саймон послушно последовал за этим движением, приоткрыв рот, чтобы ее язык мог свободно двигаться. Ее дыхание свидетельствовало о ее нежности и испорченности.

Неожиданно он отдернулся от нее и глубоко задышал.

— Принцесса! Сильва. Пожалуйста. Я не могу сосредоточиться на любви, пока не узнаю о вашем секрете. Скажите его мне, и тогда мы можем играть столько, сколько вам понравиться. Пожалуйста.

У Рэка не было ни малейшего сомнения, что она будет сопротивляться его требованию. Он достаточно знал женщин, чтобы подчинить их умному и веселому мужчине. И тогда он сбежит так быстро, что его обувь даже не коснется пола.

Так мягко как муха касается поверхности ручья, ее пальцы касались его тела, находя его пенис мягким и податливым.

— О, так твой маленький помощник не хочет играть больше в игры с маленькой Сильвой?

Его живот сводило от ее детского лепета. Боже милостивый, неужели она еще не удовлетворена? Три раза он удовлетворял ее, и не мог придумать никакого другого слова, поскольку они только что закончили заниматься любовью. А теперь ей хотелось еще раз.

Столько ума и столько веселья!

Часы проходили в глубоких потемках, и она все держала про себя свой секрет. Если он вообще существовал. Но зайдя так далеко, будет глупостью остановиться на этом.

— Если маленький помощник не удовлетворит Сильву снова, — сказала она с холодностью в голосе, — то она покончит со всем и забудет о своем секрете. Что скажет на это наш строгий посол?

Молча он сосчитал до десяти. Потом еще раз сосчитал. И вот он уже был готов снова.

— Моя дорога, моя любимая Сильва, поскольку ваш большой и строгий посол едва может улыбнуться, то он хотел бы показать вам, что есть еще один способ войти в ваш портал любви.

Он соскользнул с кушетки и начал снова послушно удовлетворять ее. Последние слова, которые он мог услышать, поскольку его уши были зажаты ее мягкими бедрами:

— Посол, теперь мне понятно, как вы добились своего высокого положения. У вас очень убедительный язык.

Ей так понравилась эта маленькая шутка, что она даже повторила ее еще раз, когда он оторвался от ее колен; его челюсти болели, затылок затек, а язык устал, будто он им производил ту же работу, что и маленьким помощником, губы и щеки его кололо, и они тоже болели.

Ту уж ему было не до смеха.

Сильва лежала на спине, широко раскинув ноги, на лице ее светилось довольство. Она схватила его за волосы и потянула вверх так, что его голова оказалась на ее грудях как на подушке, соском груди она коснулась его рта. Тогда он закрыл глаза, она оделась и вытерла ему губы.

— Теперь, когда мой чемпион благополучно завершил свой труд, мы наградим его за старание. Клянусь, я не чувствовала ничего лучше с тех пор, как мне этот советник привез это приспособление с очень странной... но хватит об этом. Желает ли мой воин получить награду?

— Если госпоже так будет угодно.

Саймон чувствовал себя так плохо, что с трудом мог переносить боль.

— Тогда получи. Вот она. Мой всесильный кузин влюблен в эту дурочку с Гимеля.

— Устарели новости, принцесса.

Он чувствовал горечь тошноты, подступившей к горлу при мысли, что он напрасно провел бессонную ночь.

Нет, надо быть честным. Не напрасно. Сильва явилась его эпизодом, которому он будет рад, если доживет до пенсии и будет вспоминать.

— Ах, какая вы умница. Но есть еще кое-что. Интересно, стоит ли это еще одной игры на кушетке.

Его сердце оборвалось, когда он размышлял над ответом, машинально стукая себя по носу ее грудью.

— Нет, Оставим это на более позднее время. Тебе все известно об этом деле. Но я клянусь, что тебе неизвестно совсем, что они собираются вместе сбежать.

Саймон дернул головой вверх при этих словах, сильно ударив ее по подбородку.

— О... о, ты, негодяй, я прикусила губу!

— Когда? Говори когда?

— Моя губа, — захныкала она.

Огромным усилием он преодолел свое нетерпение.

— Прошу извинения за губу. Говорите, принцесса, когда они это планируют? Наверно скоро.

— Да. Завтра ночью. У Алифа есть небольшой корабль, дядя Гейн подарил ему на день рождения. Он заправлен горючим и стоит наготове в космопорте.

Он почувствовал облегчение. У него целый день, чтобы помешать им.

— Куда они собираются лететь? Если это спортивный корабль, у него ограничена дальность полета.

— Куда угодно подальше от Гейна. У вас нет ни малейшего представления, Саймон, на кого он походит, когда в гневе. Если он узнает... нет, когда он узнает, он способен сбросить Алифа с башни во время игр на стадионе.

— Так вот каков его план. На что походит его корабль?

— Он назвал его «Капуя-Оазис» — смешное имя, корабль серебристого цвета с пурпурными звездами. Что ты решил?

— Неважно. Неважно. А теперь, принцесса, я чувствую, что должен вознаградить вас за этот секрет. Хотя думаю, что уже заплатил. Теперь я могу оплатить повторно.

— Что... что ты собрался делать? Остановись или я...

— Тебе не надо ничего делать, Сильва. Просто лежи и получай удовольствие.

— Нет!

— Да!

При первых зеленых лучах зари, возникших в южном сегменте неба, Саймон вернулся к себе. Его военная форма была порвана и запачкана сзади, словно он полз среди грязи и отбросов.

Он принял ванну, чувствуя только отвращение при виде темно-коричневого пятна у глаза, которое не смогли смыть специальные механические приспособления в ванной.

Делегации появятся не раньше послеполудня, поэтому он решил немного отдохнуть. Богарт проснулся, когда он вошел и разогрел ему напиток. Не было возможности спрятать царапины и укусы, красовавшиеся на его теле от затылка до... словом, до самого низа.

Как раз пока заполнялась ванна, этого времени хватило, чтобы сообщить Богги, что случилось во время разговора с принцессой и позже. К удивлению Саймона, Богги гораздо больше интересовался сексуальной стороной, чем политической.

— Клянусь веревкой Иуды! Она походит на ту маленькую госпожу, с которой мне следует познакомиться.

— Нет, Богги, она увлечена только подлинными джентльменами, например такими, как я.

— Саймон, каждый знает, что опыт ничем нельзя заменить. Я не только все сделаю лучше тебя, но буду делать это гораздо дольше. Это звучит так, будто она обошла тебя в игре в крокет.

— Возьми, к примеру, мой собственный опыт, Богги, в конечном счете. Во всех мелочах. И это остановит ее чертово детское щебетание.

— Как?

Он поднялся из воды и повернулся.

— Как Богги? Очень легко. Даже принцесса не может говорить, когда ее рот занят!

Саймон Рэк спал сном праведника и проснулся только тогда, когда Богги вошел на следующий день с таблетками концентрированной еды.

— Принц Алиф в ужасном состоянии. Хуже, чем Стейси, который все крушил во время крупной федеральной инспекции. Похоже, этот Алиф рассержен чем-то, видимо, тем, что случилось сегодня ночью. Не знаю, чем бы это могло быть. Я сказал ему, что ты спишь, и мне приказано не беспокоить тебя, пока не взойдет солнце. Он сказал, что через час вернется. Он будет здесь очень скоро.

Принц явился вовремя. Саймон успел только вымыться и надеть чистую военную форму, когда заметил огорченный взгляд Алифа.

Макияж был почти великолепен лирически, поэма накатывающая разноцветных волн — смесь серого и белого с другими

темными тенями. Но глаза были обведены ярко-алым. Саймон отмечал это и раньше, что Алиф чем-то взволнован, хотя он желал казаться всем спокойным, при этом он потирал нос указательным пальцем, что выдавало признак его волнения.

Единственная вещь портила красивую маску на его лице — место вдоль носа, где краска смазана и расплылась.

— Боже мой, какая неожиданность, я не рассчитывал видеть вас раньше, чем мне предложат решение проблемы — это через два, а нет через три часа. Чему...

— Великий Гейн! Ты шутишь своей жизнью, посол! Какой вы дипломат, если можете убить самого смертного человека во всей галактике, спите с принцессой королевской крови и уничтожаете единственную надежду на счастье двух молодых людей? Думаю, вы совсем не дипломат!

Саймон не реагировал на красноречие этой тирады и только сел на стул, поставив принца в психологически невыгодное положение. Ему оставалось стоять и выглядеть дураком или сесть — что означало принять гостеприимство Саймона. Он выбрал последнее.

— Алиф, я из того рода дипломатов, которые считают, что цель оправдывает средства. Цель — спасение галактики от кровавой войны. Эти средства включают убийство невинной женщины. Если она действительно невинна и действительно женщина. Я спал с вашей кузиной, потому что она сказала мне, что обладает тайной и не выдаст мне ее, пока я не предоставлю ей удовольствие, которого ей не хватало.

— Вам не следовало с ней спать!

— Принц прав, Саймон. Тебе не следовало спать с ней. Все прошло бы гораздо быстрее, если бы ты просто сбил ее с ног и кинул бы палку-другую. Или вынул ее глаз и поместил ей на щеку, чтобы она посмотрела на себя в зеркало, как замечательно выглядит. Или ты бы мог...

Алиф зажал руками уши очень осторожным жестом, чтобы не помять шатер золотистых волос.

— Довольно! Вы ясно высказали свое мнение.

С усмешкой на лице, Саймон наклонился вперед, пока его лицо не оказалось в нескольких дюймах от лица Алифа.

— Мы не собираемся вас разыгрывать. Когда вы поймете это, то подрастете немного. Ваша любовь меня нисколько не интересует. Я вижу только возможную угрозу моим планам или возможную

работу. Вы не только то, что как вы легко заявили всего лишь «два молодых человека», пытающихся быть счастливыми! Вы — наследник крупнейшей планеты галактики. Другая «молодая персона» — дочь избранного главы правительства второй по величине планеты галактики. Не будьте такими наивными, вы, красивый размалеванный дурак!

— Но мы только хотим быть счастливыми, вдалеке от всех междоусобиц. Вдалеке от всего этого.

Богарт прервал его:

— Принц Алиф, как далеко, по-вашему, вы смогли бы оказаться на этом крошечном корабле? Когда обнаружат, что вы исчезли, ваш отец заявит, что вас похитили. Госпожа Боа заявит то же о своей драгоценной дочери. Первые бомбы обрушатся раньше, чем вы преодолеете миллион миль. Идиот!

Гордый принц Капуи выглядел все более и более капризным мальчиком, пойманным с пальцами, запачканными в краденом варенье. Он опустил голову, и плечи его поникли.

— Конечно, это все нехорошо. Но вам не следовало взрывать мой корабль.

Саймон подмигнул Богги. Жалобный тон голоса Алифа подсказал им, что они победили, победили, поскольку в деле оказался замешан принц.

— Вы хотите сказать, что мне не следовало взрывать корабль? Дурачок! Меня прямо так и тошнит от вас!

— Восемь механиков находились на борту. И все они погибли!

— Я знаю. Я знаю, что они находились там.

— Вы...

— Да. И все по причине вашей глупости. Мне пришлось разбомбить корабль прямо в космопорте. На это не потребовалось много времени. Я не смог попросить рабочих его покинуть, сказать, что собираюсь его взорвать. А следовало бы?

Ответа не последовало.

— Правильно, принц Алиф. Я хотел тебе снова показать, что случится, если вы отправитесь в путешествие. Десятки миллионов людей погибнут здесь на Алефе и далеко на Гимеле. Я убил всего восемь человек, чтобы не допустить большего. В противном случае вам пришлось бы совсем иначе складывать, вы должны согласиться, что это неплохой обмен. И еще одна вещь.

— Какая?

— Если попытаешься сделать что-то похожее в следующие два дня, я тебя убью. Ты веришь мне?

Алиф кивнул.

— Хорошо. Веришь, и хорошо. Богги и я, мы хотим конструктивно поговорить с тобой сегодня попозже. После того, как поступят предложения. Нам требуется твое и Тсадии согласие. Ясно?

— Да.

— Великолепно. Еще одна мысль. Я ждал много лет, чтобы сказать кому-то нечто такое, что скажу о твоей кузине Сильве.

— Что такое?

— Тебе надо отучить ее от вредной привычки.

Глава 7. Что такое честь? Всего лишь слово

Мирные предложения обеих сторон прибыли во время. Они оба были написаны от руки и завернуты в блестящую обертку, которая служила только для отвода посторонних глаз. Саймон быстро просмотрел оба буклета и бросил их на стол.

Богарт предался со всей святостью правоверного своему религиозному занятию — сборке и разборке пистолета. Он рассеянно посмотрел на два пакета, упавших на стол в нескольких дюймах от его пистолета.

— Ни один не предлагает ничего серьезного? Так?

— Это годится для подтирки в туалете, Богги. Больше некуда. Обе стороны остаются за своими фортификационными сооружениями и даже отказываются высовывать нос. Они не сдвинулись ни на йоту.

— Придется повыкручиваться.

— Да. Ты прав. До наступления ночи у нас еще полдня. Затем завтра наступит час правды. Пошли прогуляемся где-нибудь. Сходим в картинную галерею в подвальном этаже.

Богги и Саймон прихватили с собой револьверы. Покинули свои апартаменты и вошли в маленький частный, предоставленный им, лифт.

Хотя опускаться в подвал предстояло глубоко, это заняло у них меньше минуты.

— Спуск занял меньше минуты, но мне придется постоять здесь, и подождать, мой желудок прибудет сюда двумя минутами позже.

Саймон, смеясь над шуткой Богги, двинулся вдоль правой стороны к галерее, следуя расцветке стен — знаку, с которым сверился перед началом спуска. Необходимая предосторожность в этом горменгастском лабиринте.

Их уже ожидал посланник. Или точнее группа посланников ожидала их. Изобразив приветственную улыбку, радостную, Ангис Вейл стоял у вращающихся дверей. Его борода и усы были щеголевато подстрижены, хотя левый ус свисал на два дюйма ниже правого; плащ опрятный, серого рабочего цвета.

— Я знаю от принца, что вы сказали ему, что собираетесь делать. И мне не надо дважды повторять, что это хорошее, похвальное дело. Мне остается только пожелать самому себе, чтобы у меня достало нервов, смелости, отваги, мужества и сердца...

— Вспомните о своей кличке, мастер Вейл.

— Разумеется, разумеется, посол, Богарт. Он все сказанное вами принял к сердцу и решил нынче ночью обратить все свое внимание на ваши планы.

Саймон был шокирован.

— Вам известно об этом, Ангис! Я думал, что никто не узнает.

— Мой дорогой посол, нынче трудно что-либо удержать в тайне в Капуе, как сыру трудно поменять свой запах. Я почерпнул эти сведения из источников, близких к принцу, и поэтому знаю, что они верны.

— Сильва!

— Да, посол. Я слышал, что вы были близки с этой госпожой.

Взрывчатая усмешка Богарта:

— Госпожой!

Гувернер покачал головой.

— Я согласен, что мораль принцессы оставляет желать лучшего. Да, я помню, как меня однажды неожиданно вызвали к ней, и я нашел ее развлекающейся не только с...

— Так, значит, и она знает, — прервал его Саймон.

— О, да, она знает.

Богарт мгновенно понял, что тут подразумевалось. Если Сильва знает, значит, нет необходимости выяснять, сколько других человек знали об этом. Они просто не решались задеть принца и Тсадию. А если они решили проверить посла? Здесь многие хотят войны. Хотят сильнее, чем хотя бы микроскопической потери лица.

Значит, теперь в любое время им грозит опасность.

Пока Ангис стоял озадаченно между ними, оба офицера обменялись тревожными взглядами.

— Может, вернуться назад? Мы сможем удержаться в комнатах всю ночь.

— Нет, Богги. Уж если мы здесь, пойдем вперед. Держись наготове. Ангис, много ли посетителей в галерее?

— Боюсь, никого, посол. Картины никогда не интересовали мой народ. Я удивился бы, окажись здесь хоть одна душа. Совсем никого.

Галерея была обширной, экспонировалось искусство, практикуемое на Алефе, с несколькими залами из других планет галактики Омикрон. Экспозиция Гимеля занимала весьма небольшое место.

— Все потому, что народ на Гимеле больше интересуется увеличением количества больших чисел и мало обращает внимания на занятие искусством. Признаться, это огорчает меня.

Несколько минут трое мужчин гуляли по лабиринту, глядя на картины и скульптуры, слушая записи музыки, восхищались звуковыми скульптурами и чувствовали, как улетучиваются тревоги под действием эмоций.

После того как они осмотрели половину музея, Саймон остановился и посмотрел на воспитателя.

— Ангис, вы сказали, что недостаток созидательного искусства наших тоталитарных друзей с Гимеля огорчает вас. Я внимательно осмотрел художественные достижения вашего собственного мира, и меня поразила одна вещь.

— Уровень нашего искусства? Развитие пути творческого процесса?

— Нет, Ангис. Остановка развития искусства на Алефе!

Выражение лица Вейла изменилось.

— Остановка, Саймон?

— Да, очень хорошо представлены образцы двухсотлетней давности. Несколько примитивных картин постколонистского периода. Мне нравятся эти звуковые скульптуры в комнате Балларда, но им, должно быть, не меньше пятисот лет. Я все пытался увидеть, что ваши молодые современные художники изобразили в свете и звуке. Ангис, вы можете сказать мне, что ваши художники сделали за последние, ну скажем тридцать лет?

Наставник зашаркал ногами и, казалось, вдруг сильно заинтересовался огромной пластмассовой фреской под потолком. Сай-

мону пришлось повторить свой вопрос, когда ему наконец ответил Вейл.

— Не много. Несколько красивых штучек для развлечения богатых женщин и ничего заслуживающего внимания. Все молодые люди, обладающие каким-то художественным талантом, работали там, где можно купить квартиры. Рисовали макияж для сановников.

— Этим сказано все, — произнес Богарт. — Если люди на вашей планете не умнеют и мир приходит в упадок, то жизнь так же плоха, как и жизнь на Гимеле. И в этом между вами нет никакого различия.

Ангис ничего не смог ответить на этот аргумент, и они молчаливо преодолели тяжелую вращающуюся дверь и вошли в зал с названием «Костюмы всех эпох». Это была одна из самых обширных комнат, которые они когда-либо видели; в ней ряд за рядом стояли стеклянные шкафы, в которых стояли манекены, изображавшие алефских представителей высших кругов в полный рост.

Богги фыркнул, — ни одной женщины и ни одного представителя из «низов»! Как это типично! Толпа бесполезных людей, бременем лежащих на обществе!

Ангис ничего не сказал. Они миновали примерно половину рядов разукрашенных павлинов, когда услышали звук открывающихся дверей, которые тут же закрылись. Высокие каблуки застучали по полу. Звуки шагов нескольких мужчин.

— Кто?.. Ангис, вы заявили, что люди сюда редко заходят!

— Посол, — как и Саймон, Вейл понизил голос до шепота, — а я же так вам и говорил. Теперь вы сами можете убедиться, что музей не заброшен. Удивительное совпадение, что именно сегодня кто-то сюда пришел.

— Никакого совпадения, Ангис. Держись позади нас. Саймон, позволь мне пройти первым.

Что Рэку пришлось согласиться с ним — это вне сомнений, так как громкий, высокого тона голос загремел эхом в пыльной комнате.

— Клянусь императором! Какой неприятный здесь запах. Думаю, нашлось бы достаточно мойщиц, чтобы убрать отсюда лишний мусор. Он воняет так, что можно подумать, какая-то нечисть вползла сюда, чтобы здесь подохнуть!

Ни грамма сомнения не осталось в головах Рэка и Богарта, что их здесь провоцируют. Но для чего? Найдется ли здесь такой

смельчак, который рискнет убить публично двух послов Федерации... или полупублично?

Если нет, то зачем эта приманка? Новые голоса поддержали оратора.

— Вы совершенно правы, братец Крисс. Здесь воняет тем, что можно обнаружить между грязными пальцами ног бомжа.

Эта остроумная выходка вызвала взрыв смеха. Ангис был уже готов взорваться гневом, услышав эту грубость, но рука Саймона, лежавшая на его руке, призвала его к молчанию. Богги ковырялся в правой ноздре, словно это единственное в мире, что могло касаться его в этот особенный момент.

Лидер алефцев — слово подразумевает, будто их здесь не меньше дюжины, что было не так, — выразил еще одну мысль:

— Я знаю, чей это запах. Это запах трусливых федератов — так называемых послов, воняющих где-то впотьмах, так как боятся высунуть на свет свой нос. Они вероятно навалили в штаны, когда услышали голоса настоящих мужчин.

Было очевидно, что так будет продолжаться, пока они что-нибудь не предпримут. Саймон расстегнул кобуру своего кольта и положил на револьвер руку. Затем в сопровождении Богарта и Ангиса шагнул вперед.

— Так, значит, воспитанного гражданина Алефа отличает то, что он может драть глотку в таком священном месте?

Напуганные появление людей, над которыми они надсмехались, поскольку думали что Саймон и его друзья где-то в галерее, вся группа алефских дворян собралась вместе, чтобы встретить их. Их лидер, Крисс, был невысокого роста, крепкий мужчина, носивший очень длинные волосы, чтобы компенсировать свой недостаток в росте. Его плечи поигрывали мускулами — что очень необычно в Капуе. Его губы были толстые и глаза почти скрывались из-за избытка век. На его лице были нанесены ослепляющие светлые краски, которые менялись от угла падающего света.

При словах Саймона он шагнул вперед, и на его лице мускулы заработали.

— Вы преднамеренно оскорбили меня, посол. Устыдили меня перед лицом моих друзей. Мне это не нравится.

Будто нырнув в холодную воду в солнечный день, Саймон и Богги поняли его намерения. Их можно было понять как «спровоцировать посла на дуэль и это даст вам прощение в случае, если вы убьете его». Плохая игра.

Саймон шагнул вперед, чтобы встретить вызов, и споткнулся обо что-то. Богарт прошел мимо него, встав вплотную к алефцу. Несмотря на свой собственный недостаток роста, Богги все же превышал его.

— Послушай ты, бочка жира, убери отсюда свое грязное лицо, засунь его себе в зад. И если тебе...

Стоило только сожалеть, что Богги так рано вмешался в ход событий, но его слова было приятно слышать. Однако оскорбленный коротышка, подпрыгнул вверх и ударил его в лицо со всего размаха, обитой гвоздями перчаткой, оставив их следы на щеке Богги. Тотчас же он отскочил назад, быстро, как обожженная лягушка с широко раскрытым ртом.

Наступил момент, когда все заговорили одновременно, но Саймон ясно расслышал слова, адресованные Криссу.

— Дурак! Не этого! Он требует смерти совсем другого!

Саймон слегка пожал плечами. События еще развивались, и он мог только пытаться уследить за ними. Богги, возможно, спас ему жизнь, оттолкнув его в сторону и сбив с толку, хотя вызов предназначался ему. И может быть, одновременно принес в жертву свою собственную жизнь.

— Каков должен быть исход борьбы, господа? — спросил Богарт остывшим голосом.

Крисс улыбнулся, неуверенный, потерпели ли неудачу его планы или нет.

— Посол, эта борьба может закончиться только смертью. Именно так заканчиваются все дела чести. Иначе быть не может.

— А что если мой коллега извинится за свою случайную грубость? Обязательно ли единоборство? — спросил Саймон.

Он чувствовал на себе взгляд Богарта, ожидая, в какую сторону брызнет сок. Дворянин улыбнулся, продемонстрировав замечательный ряд зубов. Таких замечательных, что они не походили на его собственные.

— Боюсь, что обратного пути у нас нет. Ваш коллега может считать себя аннигилированным. Но, — у него мелькнула мысль, — у вас есть возможность занять место своего друга. Я не стал бы возражать.

— Мне понятно, мой господин, поскольку такова ваша задача. А задача эта решается плохо. Не так ли?

Крисс ничего не ответил.

Видя, что делать нечего, и надо пройти через все это, Саймон осведомился о правилах дуэли.

— Каждый вооружен топором-косой, посол может позаимствовать одну у моих коллег и может драться ей со мной, пока я его не убью.

Последовала запланированная пауза.

— Или, может быть, он убьет меня.

Все дворяне рассмеялись этой шутке.

Установив, что правила на этом ограничиваются, Богарт посмотрел на поднос с топориками и взял себе один более подходящий.

Один стройный дворянин прошептал Саймону:

— Почему бы тебе не посоветовать своему коллеге упасть на колени и позволить Криссу просто разрубить его? Он нисколько не будет страдать. Крисс уже убил около сорока человек своим топором. Нет человека искуснее его во всей Капуе!

Саймон отошел вместе с Богги и Ангисом в угол галереи к группе звуковых скульптур, которые страшно застонали при их приближении. Богарт протянул руку и открыл, топорик тяжело лежал в центре ладони.

— Выглядит вполне невинно, — произнес он, — но я предполагаю, что это не так.

— Да, это не так, Богги. — Ангис так разнервничался, что не мог уже спокойно стоять, он прыгал и переминался с ноги на ногу. — Такой опытный человек, как Крисс, может срезать все мясо с ваших костей в несколько секунд. Вы держите эту рукоятку в руке и нажимаете на эту маленькую кнопку. Эта сфера — не касайтесь ее — имеет лезвия — множество маленьких бритв, они очень быстро вращаются на конце этой серебряной цепочки. Вы управляете движением запястья. Позвольте мне показать вам, хотя сознаюсь, что не опытен во владении им. Вот вам начальные знания, как она действует.

Он отвел руку от тела, поставив ее под угол, и наставник привел топорик в действие. Слабый звук доносился от вращающейся с большой скоростью сферы, ее лезвия разрезали на части молекулы воздуха. Цепочка была около двух футов длиной. Двигая запястьем, можно было заставить топорик вращаться и наносить удары во все стороны, и он мерцал как язык отвратительной техногенной ящерицы.

Богги внимательно наблюдал за демонстрацией оружия, затем попытался сам. К его удивлению, им было совсем не трудно поль-

зоваться, чем это выглядело со стороны, и он обрезал полоску с курточки, надетой на нем.

Наблюдавшие за ним дворяне весело рассмеялись.

Саймон оглядел кругом угрюмый зал. Оставив Ангиса в стороне, он взял Богги за руку и пошел вместе с ним за ряд шкафов, наполненных разодетыми манекенами. Они поговорили несколько минут, а Богги размахивал своим смертельным оружием. Наконец они вернулись и подошли к группе алефских дворян и Ангису.

— Сколько друзей потребуется моему коллеге?

— Точное слово здесь будет «секундантов», посол. Один. Чтобы утащить тело в аннигиляционную камеру. Почему бы вам не остаться и не посмотреть на убийство? Это развлечет вас.

— Господин Крисс, мне хорошо понятны ваши намерения относительно меня. Я не останусь здесь сторонней пешкой. Посол Богарт должен все сделать в наилучшем виде. Я ухожу в свои апартаменты. А вдруг еще и меня вам захочется прикончить?

Последовала неудобная пауза. Ангис открыл рот в знак протеста, но затем переменил свое решение.

— Нет? Великолепно. Вейл, вы будете секундантом посла Богарта. Посол, я верю, что вы будете вести себя как следует послу Федерации и офицеру. Мои самые добрые пожелания.

Поклонившись формально алефскому дворянину, он пожал Ангису руку и порывисто обнял Богги. Затем, круто повернувшись, он шумно двинулся прочь из галереи; хлопнули непридержанные им двери.

В тот момент, когда он ушел, Богги начал сдирать с себя пиджак, давая тем самым себе большую свободу движений. Крисс тоже бросил свой плащ на пыльный пол, демонстрируя облегающий костюм черного и малинового цвета.

Алефец внимательно следил за ним, Богги проделал несколько взрывчатых движений, прыгая и рыча, вызывая у скульптур экстазы агонии.

Устав наконец, Богги подскочил к Криссу и встал, глядя на него. Совершив формальные приветствия, они оба приготовились к дуэли чести. Они встали на расстоянии двадцати ярдов друг от друга, затем судья — один из дворян — подал им сигнал к сражению.

Вой вращающихся лезвий заполнил воздух, когда Крисс медленно двинулся на Богарта, его лицо исказила уверенность, что он победит неуклюжего новичка.

Богги ждал, пока дворянин окажется поблизости от него, затем повернулся и побежал как олень в обратную сторону. Алефцы насмешливо завыли и называли его трусом. Невредимый, стоя в конце галереи, Богги повернулся к ним с удивлением на лице.

— В чем дело? Ведь в ваших правилах чести нет статьи, гласящей, что я должен стоять и быть убитым на месте, не так ли? Если хочешь меня достать, господин Крисс, напряги свои толстые маленькие ножки и беги сюда.

С этими словами он исчез в одном из боковых коридоров между высокими экспозиционными шкафами. Выкрикивая проклятия, Крисс бросился за ним вдогонку, показывая удивительную скорость для такого полного мужчины.

Примерно две или три минуты зрителям представлялась интересная картина. Не будь воя опасных топориков и случайного визга звуковой скульптуры, на них было бы презабавно смотреть. Богги бегал вдоль и поперек рядов как жук в лабиринте, Крисс терпеливо крался за ним, зная, что время на его стороне. Раньше или позже, но Богги устанет.

Дворяне стояли, охраняя все двери, поставленные здесь по замыслу Крисса, но стало очевидным, что Богги не имел намерения ни с кем встречаться.

Он замедлил движение, пока Крисс не оказался в нескольких шагах за его спиной. Наконец вместе с поющим топориком у его плеч, Богги помчался в самую темную часть зала, где костюмированные манекены словно бы тонули во тьме.

Наконец настал момент правды. Богарт оказался зажатым спиной в угол у огромного шкафа с древними алефскими костюмами. Фигуры в шкафах смотрели безучастно на приближающийся акт смерти. Крисс вплотную приблизился к Богги, кружащаяся сфера в его руках сделала выпад, чтобы вкусить крови. Будто парализованный, он наблюдал, как его собственная судьба надвигалась на него, Богги опустил свое оружие вниз и смотрел с опустившейся челюстью на усмехающегося убийцу.

— Я рад, что вы научились покорности, мой дорогой посол. Нет друга, который каким-то чудом явился сюда и спас бы тебя. Я прав?

И он затанцевал, в то время как топорик звенел на дьявольской ноте.

— Нет, ты не прав, — сказал Саймон Рэк, выныривая из демонстрационного зала и ударяя его кулаком в лицо. Глаза Крисса

закатились, и он рухнул без сознания на пол с онемевшим внезапно топориком.

Быстрым движением Саймон сдернул с себя прогнившее, вонючее одеяние, которое напялил ранее, и снова повесил на манекен, стоявший у задней стенки шкафа.

— Скорее в наши апартаменты. Ангис подстрахует тебя.

Богги улыбнулся, пот прочертил линии на его пыльных щеках. Он казал на фигуру Крисса.

— А с этим как же?

Свистящим шепотом Саймон ответил ему:

— Дуэль чести, Богги. Такие дела всегда заканчиваются одинаково. То же было бы, если бы победил он. Справедливо?

— Справедливо.

Нажав на позолоченную кнопку, Богги заставил вращаться свой топорик, мириады мелких лезвий отбрасывали отсветы на стены слабо проникающего в галерею света.

Открыв рот в беззвучном свистке, Богги склонился над поверженной фигурой.

Остаток вечера и часть ночи были так заняты встречами и переговорами и планами, что Саймон и Богги только поздно ночью нашли время поговорить о странном происшествии в галере искусств.

Богги был торопливо эскортирован в апартаменты Ангисом, но затем ему почти немедленно пришлось предстать перед специально созванным судом, чтобы отвечать на вопросы, касающиеся грустной смерти господина Крисса. Оказалось, что такая смерть обычна на дуэлях чести среди пресыщенных дворян Капуи, и процесс велся поверхностно, сведя все к незначительности.

Главный интерес дворян, казалось, заключался в том, чтобы узнать, как послу удалось уничтожит самого непобедимого бойца с топориками во всей Капуе. Но Богарт не обращал на это много внимания, скромно заявляя, что оказался более удачливым.

После того как они вернулись в свои апартаменты, сопровождаемые Ангисом, чье свидетельство оказалось весьма ценным, так что все дело решили не предавать огласке, Богарт принял ванну и выпил стаканчик напитка. Затем прибыл их первый гость и оставался около часу. После того как он ушел, их второй важный посетитель тайно проник к ним и оставался довольно долгое время.

Потому что их планы находились на лезвии бритвы, у них не оставалось место для ошибок. Или они победят или завтра взорвется галактика.

Наконец, когда уже подвыпивший Ангис наконец-то удалился, они смогли расслабиться.

— Не думаешь ли ты, что они могут что-то снова предпринять?

— Нет. Это была их самая главная пьеса, в галерее. Теперь, когда она провалилась, у них не остается времени. Мы будем спать спокойно сегодня ночью, но думаю, что все будет тихо и замечательно. Все время я хотел спросить тебя, когда ты свалил Крисса, он попытался что-то сделать?

— Какое там! Думаю, он был слишком ошеломлен.

Глава 8. Мы должны уйти и жить или остаться и умереть

И Саймон и Богарт в это день приоделись с особой тщательностью, они оглядели друг друга и стряхнули все крупицы пыли со своей военной формы.

Ничего не предвещало, что это будет необычный день в Капуе. Ни знака, ни предзнаменования, что это день решит судьбу десятков миллионов мужчин, женщин, детей.

Нет, зеленое солнце поднялось на своем обычном месте, и рождаемость в северном секторе Капуи превышала смерть на одиннадцать тысяч, четыреста пятьдесят семь человек.

Самый обычный день. День мира. Или войны.

Но существовала одна информационная звездочка, которая могла быть хорошей новостью или принести разоблачение. Произошло улучшение космической связи. Еще не достаточно хорошая, чтобы принять связное сообщение, но связь все-таки стала лучше.

— Святой крест! Это было все, что нам требовалось. А вдруг настоящий посол явится сюда.

— Не переживай, Богги. Если он появится, он со всем этим справится. Если он появится, наше дело закончится. Если не появится и наша последняя надежда не сбудется, тогда с нами кончено.

— То, что мне нравится работать с тобой, Саймон, так это постоянная веселая нотка неуспокоенного оптимизма, которую невозможно сломить. Поедем. Встречаемся на Голоте Четыре, если не прорвемся.

Они сделали одну остановку по дороге в конференц-зал, но у них было время в запасе, создаваемое ударами гонгов. Не дожидаясь, когда начнутся толкания делегаций у входных дверей, Саймон сразу прошел к своему месту.

Гейн вошел, позади него его делегация пропихивалась следом, в плаще золотисто-желтого цвета, с белым макияжем на лице. Госпожа Тин Боа прошла к своему месту, поклонившись одновременно и императору и Саймону — ее единственная уступка формальности случая. На лице залегли грустные складки, ее глаза оживились, когда после всех вошла ее дочь Тсадия. Девушка даже не взглянула на принца Алифа, она села напротив своей матери, наклонив голову.

Как только все сели, Саймон поднялся и призвал всех к порядку ударом хрустального жезла. Болтовня прекратилась, и все глаза обратились на него.

— Дорогой император, госпожа Тин Боа и все члены двух делегаций; это финальное заседание Федерации по решению спора между планетой Алефом и Гимелем о суверенитете планеты Вирона считается открытой. Прежде чем перейти к докладу и нашим рекомендациям я должен сказать нечто, что должно быть зарегистрировано собранием и принято во внимание соответствующими властями.

Во время короткой паузы, собираясь с мыслями, Саймон заметил, что принц Алиф потирает свой нос, размазывая макияж. Да, будь он на месте принца, волновался бы не меньше.

Саймон продолжал:

— Мой коллега посол Богарт и я, мы подверглись гонениям — постыдным попыткам повлиять на наше решение. Взятки, угрозы и прямое нападение на наши личности. Ни один из этих факторов не вызывает доверия ни к сообществу Гимеля, ни к сообществу Алефа. Я просто заявляю, что все эти акции не повлияли на окончательное решение вопроса, а только удивили, что такие развитые цивилизации могут прибегнуть к таким постыдным действиям. Нет, я не желаю слушать протесты ни одной из сторон. Самое лег-

кое — заявлять о своей невиновности, сказав, что все это сделано людьми без вашего ведома. Я прошу вас даже не заикаться.

Император рассерженно сел, в то время как госпожа Тин Боа продолжала покусывать кожицу у ногтя на указательном пальце.

Саймон нагнулся и вынул две папки из кейса, стоявшего у его ног.

— Вот это, — сказал он, размахивая папками в воздухе, — доклады, которые я просил вас написать. — И он с такой силой бросил их на стол, что одна из них упала на пол. — Пустые словоизвержения! Напрасная трата времени! Мне не доводилось читать других настолько же высокомерных докладов, в которых отразилось ваше заскорузлое отношение к новой планете. Новый мир, который мог бы решить проблемы ваших планет. Ни один из вас не допустил и мысли о компромиссе! Но каком! Вы как две голодные сумасшедшие собаки, нашли валявшийся на дороге большой кусок мяса. Вы могли бы выжить, воспользовавшись им, но скорее умрете, чем позволите другому заполучить хоть маленький кусочек. Вот под каким углом зрения я вижу вас обоих!

Госпожа Тин Боа вскочила на ноги.

— Посол! Я протестую самым категорическим образом! Виррона должна принадлежать нам! Она ближе...

— Госпожа! Госпожа! Умерьте гнев! Ваши слова будто угодили в искривление времени. Снова и снова одно и то же! Таково мое мнение. Никто из вас не может найти ничего нового в решении. Никакого нового мышления. Никто из вас не согласен на идею о компромиссе.

На этот раз Гейн поднялся во весь свой башенный рост.

— Посол, боюсь, что вам известно о глубине вражды между нашими народами.

— Нет, ошибка. Враждебность проистекает от лидеров. Какая причина, по вашему мнению, что ваши народы не могут быть связаны, если между вами появится какой-то знак или какой-то жест дружбы?

Колебание в рядах противников. Сомнение. Затем император рассмеялся.

— Вы говорите бессмыслицу! Этого никогда не будет. Если вы можете нам предложить только это, нам следует покончить с этими пустыми переговорами, и мы будем искать другие пути решения проблемы. Я даже думаю, что госпожа Боа может сама найти со мной согласие.

Она кивнула.

— Хорошо. Вы не оставляете мне альтернативы. В последнее время кто-либо из вас искал какого-нибудь компромисса? Нет? И вы оба отрицаете возможность дружеского решения вопроса? Хорошо. Я бы попросил, чтобы делегации очистили зал.

Обе делегации мгновенно вскочили в знак протеста.

— Спокойствие! У меня есть причина для такой просьбы. Я хочу только присутствия императора и госпожи Тин Боа, чтобы выслушать мои слова. — Последовала долгая пауза. — И их детей. Останутся только четверо. Пожалуйста. Один маленький вопрос.

Госпожа Тин Боа смотрела на него озадачено, пытаясь понять, что кроется за этим.

— Это не затянется надолго, посол? Мне надо вернуться к моим людям. У нас еще много дел.

— Это займет несколько минут. Поверьте мне, это дело первостепенной важности.

Под столом Саймон и Богги сжимали кольты. Между ними было условлено, что если лидеры откажутся остаться в зале, они найдут средство заставить их повиноваться.

К счастью, эта угроза не потребовалась.

Бормоча и собирая бумаги, делегации покинули зал.

Справа сел император Гейн IV с сыном. Хотя император наклонился и что-то сказал сыну, Алиф не ответил ему, просто сидел в сиреневом блеске.

Со спиной, будто отлитой из тугоплавкой стали, госпожа Тин Боа не смотрела направо, где был Саймон, ни налево — на свою дочь.

Наконец двери закрылись, и они остались одни. Последние актеры остались доигрывать пьесу.

— Я не буду тратить время на длинные разговоры. Я хотел бы вам, сидящим здесь, сказать, что компромисс не только возможен, но и необходим. Жест дружбы не только возможен, а даже неизбежен.

— Я считала, что вы достаточно взрослый, чтобы покончить с ребяческими шутками, посол. Я вижу, что была не права.

— Госпожа Боа, я хочу сказать вам, что ваша единственная дочь Тсадия выходит замуж за сына императора Гейна, принца Алифа.

Когда кто-то преднамеренно производит взрыв бомбы, то это всегда разочаровывает, когда он не производит желаемого эффекта. Но Саймон Рэк не разочаровался.

Гейн вскочил, и его рука взметнулась к горлу, будто чья-то невидимая рука хотела задушить его. Когда он пришел в себя, его голос прозвучал на такой визгливой ноте, что показалось, будто на него и в самом деле кто-то напал.

— Ложь! — единственное слово удалось ему выкрикнуть.

Послышался грохот, когда госпожа Боа отбросила кресло с такой силой, что оно опрокинулось на пол. Она повернулась к Саймону, и ее шипящий голос оставался контролируемым.

— Я не понимаю вашего юмора. Я могла бы сказать и еще что-то, но этого достаточно.

Взяв за руку Тсадию, она решила уйти. Но дочь остановила ее и твердо заявила:

— Нет, мама. Посол сказал правду.

Лицо госпожи Боа побледнело, и она рухнула в ближайшее кресло.

— Тсадия! Тсадия! Тсадия! Ты не понимаешь, что говоришь. Это сумасбродство. Ты позволила себя...

— Нет, госпожа. Это не моих рук дело. Это заговор между вашим проклятым отродьем и этими паршивыми собаками из Федерации. Мой сын тут ни при чем.

Алиф не упустил своего момента. Хотя его голос изменился от сильного волнения, он стоял рядом с отцом и сказал:

— Прошу извинения, отец. Но вы не правы. Тсадия и я, мы любим друг друга и хотим пожениться.

Единственный звук, который нарушил установившееся молчание, был Ангис Вейл, произведший шум, под действием такого важного момента. Как только он почувствовал на себе взгляды присутствующих, руки его замерли, и он уронил их на колени.

— Приношу извинения, но я... — и он стих.

Как животное, пойманное в ловушку, Гейн свирепо оглядывался по сторонам, ища один голос в свою защиту в этом перевернувшемся мире.

Алиф вышел из-за стола и направился к Тсадии, протягивая ей руку. Она мягко высвободила свою руку, которую сжимала ее мать, и пошла принцу навстречу. Они стояли вместе, принц обнял за плечи Тсадию одной рукой, и смотрели на своих родителей.

Император наконец нашел какое-то решение:

— Я запрещаю вам! Я имею на это абсолютное право. Увезите свою дочь, госпожа, на свою планету, и больше ни словом не обмолвимся об этом.

— А как вы заткнете нам рот, ваше высочество?

Блестящая маска горечи обернулась к Саймону.

— Никто из вас не покинет этот дворец. И этот бормочущий дурак останется вместе с вами.

Саймон тронул Ангиса слегка за рукав.

— Прочтите, пожалуйста, сообщение.

— Какое сообщение?

Его борода и усы пришли в движение в этот важный момент; Ангис Вейл положил перед собой тонкий пластмассовый лист и начал читать.

— Всем межзвездным кораблям: обращение офицеров Федерации Рэка и Богарта. Капуя. Текс: конфронтация между Алефом и Гимелем решилась мирным путем. Планета Виррона будет заселена обеими этими планетами, повторяю: обеими планетами, людьми, их населяющими в равной мере. Решение...

— Нет! Это чудовищно! Рэк, я убью вас за это!

— Император, он не мог это послать. Коммуникации улучшились, но они еще не позволяют адекватно принимать и посылать сообщения.

Саймон мягко улыбнулся.

— Прошу извинения, вы дуете на холодное. С сегодняшнего утра ситуация радикально изменилась. Мы были в главном коммуникационном центре этого великолепно оборудованного дворца и договорились с одним оператором, работающим там, послать это сообщение, записав его на кольцевой бесконечной ленте. Насколько я могу знать, передача до сих пор посылается в эфир. Нет никакого сомнения, что сообщение уже известно во многих местах. Но, Ангис, вы не закончили чтение. Начните со слов «решение», пожалуйста.

— Решение скреплено замужеством Тсадии, дочери главы госправительства Гимель, и принцем Алифом — сыном императора Алефа, Гейна IV.

Снова установилась напряженная пауза. Наконец Богарт прервал ее.

— Так что же вы на это скажете?

— А что если мы оба отправим опровержение? Что все это ложь, инспирированная вами?

Тсадия сделала шаг к своей матери.

— Тогда твой внук станет незаконнорожденным.

— Ты не могла! Ты не могла! У вас для этого совсем не было времени.

— Все началось гораздо раньше, мама. Мы встречались раньше. Это правда. У меня будет ребенок Алифа.

— Ребенок, госпожа Боа, Гейн, скрепляет союз между планетами. Ребенок принесет мир туда, где были лишь угрозы и ужасная перенаселенность, черные облака смерти и войны.

Он с трудом удержался от того, чтобы выказывать шок от новости о беременности Тсадии. Это было нечто, о чем не упоминалось во время их встречи в предыдущий вечер.

Теперь, когда кости были брошены, все, что они могли поделать — это ждать, победят ли в этой азартной игре. Госпожа Боа сидела разбитая за столом, обхватив голову руками. Гейн ходил взад и вперед по залу, стукая по полу каблуками. Наконец он сел за стол.

Тсадия и Алиф по-прежнему стояли, тревожно глядя на родителей. За поперечным столом сидели Саймон, Богарт и Ангис и тоже ждали. Им больше ничего не оставалось делать.

Госпожа Боа наконец нашла выход. Устало встав на ноги, она медленно двинулась туда, где стояли молодые люди. Она оглянулась на Гейна и поманила его пальцем. С непроницаемым лицом под белым макияжем император поднялся на ноги и, подойдя к молодым людям, встал сбоку от них с другой стороны.

Гимельский лидер посмотрел на Саймона.

— Очень многое мне хотелось бы тебе сказать, Саймон Рэк. Впервые встретив тебя, я подумала, что ты очень поверхностный и слишком молод для такой ответственной задачи. Теперь мне больше не хочется обо всем этом думать. Если бы я узнала, что тебе удалось манипулировать этими детьми, чтобы решить свои задачи, я убила бы тебя собственноручно. Но я по крайней мере хорошо знаю свою дочь, она не позволит манипулировать собою. Возможно, вы и выиграли. Мы посмотрим. Что касается меня, я гарантирую свое принципиальное согласие. Мы поделим Виррону с алефцами. Так, император?

Возвышаясь, как огромное животное, Гейн кивнул.

Последнее ее замечание предназначалось Гейну.

— Должна предупредить вас, император, что придется много времени подождать, прежде чем мой язык приучится называть вас своим братом.

Карминовые губы раздвинулись, что должно было походить на улыбку.

— И я тоже, госпожа. Возможно, этот молодой человек прав. Может, это все и к лучшему.

К удивлению Саймона, император протянул руку и сжал маленькую ладошку госпожи Тин Боа в своей. И они оба улыбнулись Саймону.

С большим трудом Саймону удалось удержать свою руку от пожатия. Старая колющая боль возникла в плече и охватила всю руку. Только тогда он понял, что сжимает рукоять кольта с такой силой, что побелела кожа на пальцах.

Но это уже слишком!

— Завтра улетаем, Богги!

Вечер прошел в стиле Гаргантюа. Еда — хоть и регенерированная — подавалась в огромном количестве, со всевозможными напитками. Это было примирение. Самый большой зал дворца увидел его начало, и оно длилось долгие часы, произносились речи со стороны Алефа и со стороны Гимеля с тостами за молодых людей и за послов Федерации.

И Саймон и Богги были слегка пьяны, хотя где-то в голове сидела мысль, что им надо улетать утром. Эфир наладился, и поступили приказы от Стейси вернуться обратно на базу Федерации. И что к ним летит звездолет.

Это был довольно напряженный момент, когда пришла новость о том, что к ним прибывает посол. Но Саймон быстро объяснил, что это официальный второй состав.

Саймон уже думал лететь ночью, но его решение ускорило появление принцессы Сильвы, и ее пальцы уцепились за самый личный его предмет экипировки.

Торопливо попрощавшись, он потащил Богги прочь от группы обслуживающих их девушек, таща распростертого Ангиса за воротник его запачканного плаща.

Вернувшись в свои апартаменты, они уложили Вейла на кушетку, позволив ему счастливо бормотать какую красивую невесту его молодой ученик раздобыл себе.

Саймон и Богги выпили последний стакан напитка.

— А что завтра? Заявится настоящий посол?

— Спокойно, Богги. Это будет дипломированный специалист. Он не будет вмешиваться ни во что. Я и собираюсь старого Ангиса сделать его личным референтом. Он сообщит ему исчерпывающе все и предупредит о возможных ошибках. Затем мы возвращаемся домой.

— Да, это внесло хоть какое-то разнообразие.

— Да, Богги, да. Не такое разнообразие, какое мне нравится.

— Приятно видеть, как все обернулось для Алифа и девчонки. Красивая, хотя и немного легкомысленная, если тебе понятно это.

— Понятно, Богги. Она красива не только для них, но и для двух планет сразу. Так?

— Подумай о власти, которая будет у них, у этих двух, после свадьбы. Вся галактика Омикрон у их ног. Великолепная принцесса и ее великолепный принц. И не надо быть совсем влюбленным.

Саймон пьяно смотрел на своего друга, удивившись такому загадочному комментарию.

— Что означает «не надо быть влюбленным»?

— Можно также сказать, что быть очень сильным — позволяет никому никогда не говорить «извините».

Какое-то хрюканье донеслось с кушетки. Там лежал Ангис.

— Замечательные слова, Богги. Повторите-ка их еще раз, да уж, повторите.

Глава 9. Бесконечные прощания

Прощание было таким коротким, каким только могло быть. Тсадия всплакнула немного, а макияж Алифа был размазан более обычного. Оба, Гейн и госпожа Тин Боа, тянули их в одну сторону и предлагали им посты в своих правительствах. От которых они отказались.

Оба, Гейн и госпожа Тин Боа, также предлагали им подарки. Которые были против всяких правил Федерации. Разумеется они... приняли это на особый счет. Значит, у них какие-то тайны!

Ангис очень плохо чувствовал себя после сильного перепития в предыдущий вечер, но Саймон кратко проинструктировал его и удостоверился, что настоящий посол будет полностью информирован. Наставник также пролил несколько слез, от чего его специальный черный макияж размазался по всему лицу. Его усы похо-

дили на поношенный масляный фильтр. И были спутанными. Наконец все осталось позади и Саймон и Богги свободно шли по прохладному утреннему воздуху через космопорт к своему избитому маленькому кораблю.

Они надеялись избежать встречи с представителем Федерации, но его корабль уже производил посадку. Трап пошел вниз, когда они торопливо прошли мимо него, но их окликнули с самого верха трапа.

Они сделали вид, что не заметили его, но крик повторился властным и повелительным тоном.

Они молодцевато остановились и ждали, когда к ним подойдет посол.

Это был пожилой крепкий мужчина с густыми бакенбардами.

— А вы, должно быть, Рэк и Хогарт?

— Богарт, сэр. Рэк и Богарт.

— Хорошо. Так что же здесь произошло? В эфире шли дьявольские помехи. Ужасно. Не могли ни послать, ни принять сообщение. Наконец я услышал, что вы двое находитесь здесь и распутали клубок. Проклятая бессмыслица. Могли бы использовать силовую установку корабля и перейти на микропередатчик. Не так ли?

— Абсолютно верно.

— Предположим, что вы двое убегаете теперь, когда я прибыл, оставив мне только собирать обломки. Да?

— Что-то вроде этого. Я могу порекомендовать вам вначале поговорить с местным жителем по имени Вейл. Очень надежный человек. Его проинструктировали, что надо сказать. Пожалуйста внимательно к нему прислушайтесь, сэр. Положение пока что довольно деликатное.

— Хорошо, коммандер. Так и поступлю. Что вы подразумеваете под словами «пока что довольно деликатное»? Только не говорите мне, что добились какого-то успеха. — Он сердечно рассмеялся.

Саймон стоял по стойке «смирно».

— Зависит от того, что вы называете успехом, сэр.

— Почему?

— Некто сказал однажды, что не бывает успеха, похожего на провал. А провал — совсем не успех. А теперь, сэр, извините нас.

Одновременно они отдали честь и направились к своему кораблю, оставив смущенного посла глядеть им вслед и почесывать подбородок.

* * *

Через несколько минут после взлета Саймон неожиданно сказал нечто более про себя, чем кому-либо другому.

Но Богги почти не расслышал его.

— Что ты сказал, Саймон?

— Ничего значительного. Я только сказал... о, это не важно.

— Да ну, же, скажи, Саймон. Нам еще долго лететь, а прошло еще только полминуты.

— Ладно. Я просто задумался об Алифе и Тсадии.

— Что?

— Просто подумал: «Пара влюбленных с породненных звезд». Вот и все.

РЕТРОСПЕКЦИЯ

Хорошему писателю, хорошему издателю и доброму другу. Кому же, как не Кену Балмеру? С благодарностью.

Глава 1. Возвращение

Зашипела высвобожденная энергия, и полированная стена у него за локтем взорвалась сверкающим волдырем расплавленного металла.

— Осторожнее, Саймон! Этот тип настроен решительно.

Особой необходимости в предупреждении не было. Тем более когда лабораторный техник в таком передовом заведении по производству оружия сходит с ума. Настолько, что убивает трех стражников и пробирается в сверхсекретный арсенал. Настолько, что зубами разгрызает горло руководителю работ. И крадет новейшее ручное оружие под солнцем — под любым солнцем. Да, такой человек настроен очень решительно.

Помимо того, что необходимо подобраться к этому человеку достаточно близко, чтобы ликвидировать его с помощью кольта, у Саймона есть дополнительная проблема: он не знает, как выглядит украденное оружие и как оно действует.

Решив рискнуть, он высунул голову за угол и крикнул:

— Ахмед! Положи оружие. Выходи, прежде чем кто-нибудь пострадает.

Он, конечно, имел в виду, пока не пострадает он сам. В лаборатории лежит достаточно тел, не нужно добавлять еще одно.

Никакого ответа на его крик не было. Еще один залп энергии из оружия и крик, перешедший в непроизвольное хихиканье. Влажное и непристойное.

Где, к дьяволу, Богарт? В такой операции Саймон не хотел бы остаться в одиночестве. Ему нужна поддержка, кто-то должен сзади подобраться к этому безумцу.

Он снова выглянул за обитый угол стены и успел заметить приземистую фигуру, промелькнувшую между двумя столбами. В Галактической службе безопасности — Галэсбэ — немного лю-

дей с таким телосложением. Лейтенант Богарт выполняет свою работу.

— Эй ты! Выходи и возьми меня!

Ахмед! Богарта он еще не заметил. Надо, что он продолжал говорить. Он в углу здания, уйти оттуда невозможно. Но нужно считаться с возможностью, что он вырвется наружу и затеряется в диких ущельях и склонах, окружающих лабораторию. Об этом Саймон даже думать не хотел. Они загнали Ахмеда в угол, и здесь он и должен оставаться.

— Эй! Ты потерял уши или я выжег тебе мозг этой малышкой?

Может быть, это ключ? Выжег мозг? Эта мысль Саймону не понравилась. Отступив назад за угол, он нажал на кнопку своего кодера. Послышался обычный треск атмосферного вмешательства, затем он поймал волну местного командования.

— Саймон Рэк, коммандер. Неприятности в лаборатории. Оружие. Тут сумасшедший в оружием в руках. Мне нужно знать, что это за оружие и как оно действует. Допуск «двойное А». Конец связи.

Он слушал обрывки разговоров. Время от времени доносились слово или фраза.

— Выжигает мозг... проучить... не смейся... она не станет... запутывает мысли и блокирует... прочь.

С последним словом послышался звук действия оружия, потом дребезжание расколотого пластостекла. Саймону не требовался топот ног и крик, сообщающий, что случилось.

— Саймон! Он вышел!

За спиной Саймона дверь, и он бросился к ней, плечом выбив блок безопасности. Небо затянуто облаками, слева низко над холмами нависли тяжелые тучи. Нос уловил острый запах аммиака от озера, лежащего в мили впереди.

В низком кустарнике что-то затрещало, и он выстрелил из парализующего пистолета. Оружие настроено на три четверти мощности, на расстоянии парализует, вблизи убивает. Кусты вспыхнули, от выстрела загорелись сухие листья. Но никаких криков, никаких признаков, что он ранил убегающего человека.

За ним послышался глухой удар о землю: это Богарт выпрыгнул в разбитое окно. Не говоря ни слова — они слишком долго работали вместе, чтобы это было необходимо, — Саймон показал ему налево, потом быстро побежал, держа кольт наготове, к высоким утесам, окружающим озеро.

Было жарко. Температура поднялась выше девяноста градусов* и все поднимается. Вокруг необычные кусты местами до двадцати футов высотой.

Пот струйками течет по телу под мундиром, одежда на спине промокла. Саймон выбранился; надо же, как не повезло: он оказался на базе как раз когда объявили тревогу. Они с Богартом были бы далеко отсюда, если бы не небольшое недоразумения со старшим офицером по поводу этики приветствия старших по званию.

Загудел кодер, и он включил его. Все это время его карие глаза рассматривали окружающие кусты в поисках следов движения. Но ничего не было.

— Да. Рэк слушает. Говорите.

Голос женский, холодный, эффективный и абсолютно равнодушный:

— Информация в двадцать девять четырнадцать. Напавшего зовут Ахмед Симс. Возраст...

— Оставь это дерьмо, милая. Я его знаю. Мне нужно знать, что он унес с собой.

Голос стал чуть менее спокойным и контролируемым.

— Я перехожу к этому, коммандер. Оружие секретное.

Наступила тишина. Саймон ждал продолжения. Но больше ничего не услышал.

— Какого дьявола? — закричал он. — Мне нас... на то, что оно секретное. Оно у него, и он стреляет в меня из него.

— Мне жаль, коммандер. — Судя по нотке самодовольства в голосе, ей нисколько не жаль. — Это все, что я могу сообщить.

Он с усилием справился с гневом.

— Хорошо, свяжите меня с директором по исследованиям в этом месте. И побыстрее!

Небольшое ожидание, пока щелкают переключатели. Саймону Кеннеди Рэку начало казаться, что он один в этом потном вонючем аду. Двигаясь как можно тише, но пробирался между трещащими кустами. Наконец впереди он увидел свет. Конец кустов.

— Говорит Уайт, коммандер. Вы хотите знать об оружии, которое захватил Ахмед?

— Точно. И не говорите мне, что оно секретное. Я это уже знаю. Просто расскажите, что оно может делать. А также какова его дальность и нуждается ли оно в подзарядке.

---

* По Фаренгейту; по Цельсию 32 градуса. — *Прим. пер.*

Шепча в микрофон, Саймон продолжал незаметно ползти вперед. Последние ветви кустов раздвинулись от прикосновения ствола кольта, и он увидел, что перед крутым падением с утеса есть небольшое открытое пространство. Держа пистолет в руке, он осторожно вышел на траву, ожидая малейших признаков движения.

Голос директора у него в ухе давал нужные сведения.

— Вы должны понять, что я не могу сообщить вам все. Но он стреляет энергией. Заряжается сам. При работе на максимуме может действовать долгие часы.

— Спасибо, — невесело сказал Саймон.

— Эффективная дальность действия не больше пятидесяти футов, и это может вам помочь.

Это уже что-то. Слушая, Саймон подошел к краю и заглянул, двигаясь немного боком, чтобы увидеть Ахмеда, если он неожиданно появится из кустов. Примерно в пятидесяти метрах, рассчитал он.

Голос в ухе продолжал шептать:

— Дело в том, что мы точно не знаем, что он делает. Единственный человек, который это знал... был Леви, и он погиб. Ахмед убил его в лаборатории. У нас есть только намеки на то, что он делал. Мы считаем, что Леви создал исказитель мыслей.

— Что?

— Исказитель мыслей. Смешивает память, так что ты не понимаешь, что делаешь. Или почему. Но в нем и много побочных действий, которые могут уничтожить все. Леви пытался отладить его, сделать так, чтобы луч действовал только на память и больше ни на что.

Новость была настолько поразительной и необычной, что Саймон на мгновение потерял сосредоточенность. Офицер Галэсбэ с одиннадцатью годами стажа не может позволить себе подобное. Но ведь он всего лишь человек.

Неожиданно за ним послышался смешок, и он начал поворачиваться, поворачивая кольт по дуге мгновенной смерти. Но его глаза были быстрее, и они рассказали ему историю тщетности.

Человек стоял на самом краю растительности, он улыбался. Глаза его были огромными. Рубашка, свисавшая с костлявых плеч, порвана в нескольких местах. Прыжок через окно стоил ему не только материала рубашки, локоть его был в крови, кровь покрывала обнаженный живот.

Блестящее оружие в его правой руке совершенно неподвижно, смертоносное жерло нацелено на Саймона. Прямо ему в лицо.

Единственное обстоятельство, которое еще зарегистрировало зрение Саймона, — невысокий человек, появившийся справа от него. С кольтом в руке. С раскрытым в предупреждении ртом. С глазами, раскрытыми в ужасе.

Саймон продолжал поворачиваться. Понимая, что в этой гонке он проиграл.

Когда-то это должно было случиться.

К своему удивлению, он действительно увидел стремящийся из ствола поток энергии. С бесконечной медлительностью, как в замедленной съемке, поток по дуге устремился к нему. Ошеломляющий момент, когда он ударил в лоб, между глазами, потом боль, словно кто-то разрезал ему голову и выбрасывает наружу мозг. Мозг казался таким перегруженным, что вот-вот лопнет.

В голове взорвался яркий желтый свет с золотым оттенком. Саймон видел, как рука подняла его оружие, бесполезный выстрел ушел в теплый воздух. Он видел, как изогнулись его пальцы, словно царапая пространство. Было ощущение отступления.

И падения. Медленного падения.

Падения вниз. Через золотой свет.

На краю сознания он услышал крик, его звали по имени. Он падает. Золотой свет. Сознание его перестало воспринимать происходящее. Назад. В золотой свет. Назад. Падение.

Золото. Золото. Золото.

Глава 2. Одна машущая рука

Золотой огненный свет через открытое окно падает на стол полоской чистого цвета. Он добирается до груды бумаг и отбрасывает тень, тонкую, как лезвие клинка. Над головой небо цвета охры висит над бесплодной местностью планеты Зайин. Ни малейшего ветерка. Он приходит по ночам. С таким холодом, который раскаливает скалы и замораживает глаза в глазницах.

Пьянящий аромат кустов зилакса снаружи заполняет комнату, делая мысль о написании отчета еще более ненавистной. Курсант с корабля «Искатель приключений» жалобно кашлянул и почесал укус насекомого на запястье. Всего четыре дня на Зайине, и уже нужно писать отчет начальству. Он в отчаянии просмотрел записи,

надеясь, что они каким-то образом сами организуются в подобие порядка.

Его преследовали разрозненные фразы — смесь из видеобиблиотеки «Искателя приключений» и собственных ограниченных исследований. Каким-то образом их нужно свести вместе, чтобы они обрели смысл и связали прошлое и настоящее этой необычной планеты.

«Обычная атмосфера, пригодная для дыхания, и приемлемое тяготение». Это само собой разумеется. Не будь оба эти обстоятельства в нужных параметрах, на планете вообще не оказалось бы земной колонии. «Язык — основной фед-англ». Конечно. Обязательное требования для участия в Федерации.

Но что здесь необычно? Социальная структура. Необычное разделение на две крайности. Ни одна из них не обладает полнотой власти, однако...

— Пссст!

Он оглянулся. Никого нет. Снова снаружи этот звук.

— Пссст! Саймон.

Лилаен! На лице его появилась улыбка. Отчет может еще немного подождать. А вот Лилаен ждать не будет. Он с решительным щелчком захлопнул блокнот и встал. Вышел и закрыл за собой дверь. Солнце по-прежнему светило на бумаги и книги на столе. На книге было написано «Курсант Саймон Кеннеди Рэк, 2987555, Галактическая служба безопасности».

Полтора дня назад «Искатель приключений» тяжело взлетел с площадки космопорта главного города Зайина Форт-Пейна. Штат офицеров службы безопасности и экипажа был почти полон.

— Скажите еще раз, коммандер. Этот курсант Рэк, давно ли вы его знаете?

Проведя пальцами по несуществующей складке форменных брюк, коммандер службы безопасности заговорил сквозь сжатые зубы. Этот странный обычай он использовал, только когда говорил со старшими офицерами. Самым старшим из них был полковник, командир «Искателя приключений».

— Два года, сэр. Ему почти восемнадцать. Зачислен в состав с Сол Три в минимальном возрасте в четырнадцать лет.

Офицеры устало смотрели на папку. Эти молодые офицеры-курсанты все одинаковы. Дайте им недельный отпуск на планете

фронтире, таком, как Зайин, и половина из них сойдет с рельсов. Очень вероятно, что курсант Рэк сейчас лежит мертвым в канаве с перерезанным горлом. Со снимка 3D из папки на них смотрело улыбающееся лицо. Красивый парень. Хорошие данные об учебе. Он с Сол Три. В наши дни это необычно.

— Хорошо. Запишите его отсутствующим и сообщите ближайшим родственникам. Вы знаете порядок, коммандер.

— Сэр! — рявкнул офицер, делая быструю запись в большом черном блокноте.

Полковник поднял голову, ожидая, что он выйдет.

— Да? Дело только в молодом Рэке или есть еще дурные новости?

— Как посмотреть, сэр. — Коммандер позволил себе редкую роскошь — он слегка улыбнулся. — Есть еще один отсутствующий, сэр. Лейтенант Юджин Богарт, два-восемь-девять-пять...

— Семь-семь-пять, — закончил за него командир. — Его номер я знаю лучше своего собственного. Значит, он опять в бегах?

— Сэр. Не явился после короткого отпуска, сэр. Открыть его файл, сэр?

— Да. Нет смысла проходить через все это снова. Не удивлюсь, если он снова появится, как личинка. На самом деле... — Он помолчал, потому что ему пришла в голову новая мысль. — На самом деле, коммандер, держите оба файла открытыми. Если Рэк встретился с Богартом, чертовская удача этого парня может вытянуть их обоих. Я помню, как он вернулся с историей о дочери этого священника... где же это было? Утверждал, что у него были спазмы мышц, которые длились восемь дней, и им обоим сделали нейтронические уколы, чтобы их разлучить.

Оба офицера улыбнулись при этом воспоминании.

— Да, держите оба фала открытыми. Мы вернемся через тридцать дней. Тогда и закроем их, если они не вернутся.

Коммандер щелкнул каблуками и пошел к выходу из каюты полковника, добавив на ходу:

— Или, конечно, сэр, если узнаем, что они мертвы.

Лилаен искушала его с того момента, как он снял комнату в этом доме. Примерно на год моложе его, с роскошным теплым телом, которое обещало больше, чем, казалось, способно дать. У не-

го был опыт поцелуев с несколькими девушками из обслуги замка Фалькон, и дважды он бывал на расстоянии прикосновения к цели. Но каждый раз происходило что-то такое, что мешало завершить дело, и он сохранил вечную девственность.

После четырех лет службы в ГСБ, при строжайшей из существующих в галактике дисциплине, Саймон начал думать, что таким и останется. Были обычные внешние сигналы и незаметные предложения со стороны гомосексуалистов, потому что он красивый парень. Но он и не дурак.

И теперь, на Зайине, у него появился хороший шанс.

Каждый раз как он видел Лилаен, она щеголяла свом телом, позволяла ему коснуться свой груди, которая выпирала из низкого корсета. Или «случайно» проводила пальцами по передней части его брюк и хихикала.

Он пытался застать ее одну, но она всегда заявляла, что слишком занята. В Форт-Пейне есть район красных фонарей, который запретен для персонала ГСБ, и она, в свою очередь, пыталась заманить его туда выпить в одно место, по существу бордель, которое называлось «Красная дыра».

— Пойдем со мной туда, — говорила она, — и сможешь получить что-то получше, чем трогать мои груди. Гораздо лучше. Там есть комнаты для мужчин и женщин, которые хотят остаться наедине.

Последние слова она умудрилась пропитать почти видимым ореолом чувственности. Саймон чувствовал, как возбуждены его чресла, и ему хотелось уйти подальше от этого проклятого отчета и лечь с ней в постель. Ходили пугающие рассказы о том, что бывает с молодыми курсантами, когда они уходит в запретные районы на планетах фронтира. Их находят плавающими лицом вниз в вонючих реках, раздетыми и безоружными.

Саймон видел учебные фильмы, и его тошнило от странных уродств, которые в них показывали. Одно это заставляло его не поддаваться приглашениям девушки.

Зайин на самом деле не вполне планета фронтира. Во всяком случае в соответствии с тем, что он прочел в библиотеке. Здесь цивилизация, ориентированная на Землю, существует уже много лет. Даже столетий. Но потом тут были неприятности, и Федерации пришлось вмешаться, чтобы остановить клику... как же они себя называли? — тинкеры, «мыслители», ученые, попытавшиеся захватить власть.

Они все еще существуют, эти тинкеры, но власть их ограничена. За все время, что он здесь, Саймон ни разу не видел эти легендарные создания. Судя по тому, что он читал и слышал, они ходят по всей планете в огромных механических костюмах, которые называются экзоскелетами.

Но их мало, и их власть — только тень прежней. Теперь планетой благожелательно управляет Федерация, и служба безопасности наносит в Форт-Пейн визиты вежливости. Просто показать всем, что мир держится на силе.

Саймон улыбнулся про себя. Когда в порту корабль со всем экипажем, глупо думать, что офицеру — ну, пусть курсанту — может грозить опасность от какого-нибудь загулявшего пьяницы.

Поэтому когда сегодня днем Лилаен пришла к нему, он пошел с ней. Сейчас ведь на Зайине не зима, когда оказаться снаружи после того, как золотой огненный шар опустится за горизонт, значит умереть. Но ночь все же прохладная, и он набросил на плечи плащ. Он чувствовал успокаивающую тяжесть кольта на правом бедре и прохладу складного метательного ножа в ножнах на шее. Нож — это против правил, но в нескольких трудных случаях он уже выручал.

Девушка взяла его под руку, прижалась к нему телом и продолжала непрерывно болтать о наслаждениях, которые ждут их в «Красной дыре».

Они оставили позади деловой квартал, и дома с обеих сторон приблизились, улицы стали у́же. Глубокая желтизна неба сменялась сумерками, когда они добрались до так называемого Алого квартала. Здесь в первые дни колонии дома строили тесно рядом друг с другом, так что они почти встречались над головой, как пара воров, делящихся непристойными историями.

В пути они почти не встречали мужчин и женщин. Большинство честных жителей Форт-Пейна и не подумают в такое время дня показаться в Алом квартале.

Да и в любое другое время тоже.

Лилаен неожиданно втащила его в переулок, и он инстинктивно схватился за рукоять кольта. Он слышал, как кто-то идет к ним навстречу по той улице, по которой они шли. Кто-то очень высокий, и идет очень медленно.

Саймон выглянул за угол, почувствовав, как девушка сзади тянет его за плащ. В темноте он смог разглядеть только массивную фигуру много выше двух метров, идущую странной плавучей походкой.

— Это один из?..

— Тинкеров? Да. Поэтому я тебя и втащила, мой сладкий маленький мужчина. Мы не хотим общаться с этим старыми пугалами, верно?

Они продолжали углубляться в лабиринт старого города. Курсанта Рэка не переставало удивлять, что на этой планете старое и новое существуют рядом. Зайин был колонизирован много сот лет назад. Но лабиринт старых зданий все еще стоит — в полумиле от новейшего космопорта.

И по-прежнему тинкеры люто ненавидят арти, «артистов», «художников», которые представляют творческую сторону характера человека. В своем тщательно охраняемом центре Ксоактл арти проводят время, создавая прекрасные произведения искусства и разрабатывая законы морали для всей планеты.

Они редко заходят в города, довольные своим существованием на окраинах и созданием красоты. Но Саймон с интересом отметил в исследовательских материалах намеки на то, что возникновение их творчества связано с каким-то внешним агентом. Что это за агент, оставалось неизвестным, но предполагалось, что ответ может находиться в их крепости, где они хранят самые ценные сокровища столетий.

Саймон был любопытен и собирался, если позволят время и возможности, подобраться поближе к Ксоактлу и посмотреть своими глазами. Хотя и утверждалось, что ни один чужак никогда не проходил в его ворота.

По крайней мере никто не дожил до того, чтобы похвастать этим.

Сквозь тьму Саймон разглядел красный свет лампы.

— Это оно? — спросил он. Холодные пальцы сомнения уже крались по его спине.

Лилаен старалась согреть их, прижимаясь к нему и приближая губы к его лицу.

— Да. Это «Красная дыра». Идем. Нам нужно зайти с другой стороны.

Она потянула его за руку, лишив равновесия, и он столкнулся к каким-то другим человеком, идущим в ночи и закутанным в длинный плащ. Саймон не легкий, но этот человек был так обширен, что курсант отскочил от него, как шаттл в гравитационной буре. Вместе с девушкой он отлетел к стене дома.

— Простите, — сумел он сказать.

Человек повернулся к нему лицом. Саймон не видел, но, судя по тону голоса, этот человек улыбался.

— Не волнуйся, мой дорогой юный сэр. Я гораздо лучше тебя обит, чтобы встречать такие толчки. Надеюсь, ни ты, ни твоя прекрасная дама не пострадали?

Он поклонился в целом в сторону Лилаен.

— Нет. Спасибо.

Толстяк наклонил голову и величественно направился к питейному заведению.

— Ух ты! Сначала гигант тинкер, поэтому гигант толстяк — вот это настоящее обучение, Лилаен.

Обхватив его рукой за шею, девушка утащила в еще более глубокую тень.

— Идем. Тебе еще многое предстоит сегодня увидеть, любимый. Правда?

Она сумела так обвиться вокруг него, что плащ соскользнул с его плеч и запутал руки; Саймон едва мог шевелиться. Но это было приятное заключение, и он позволил ей прижаться еще плотнее.

Саймон не знал, что произошло дальше. Последовал шорох движений и глухой удар. Кто-то тяжело упал и застонал.

А потом голос прямо у его уха. Ему показалось, что этот голос он узнает.

— Глупый мальчишка. Отпусти шлюху, и давай убираться отсюда.

Лилаен ахнула и вцепилась еще сильнее.

— Кто здесь? Уходи, незнакомец, или ты узнаешь, что для тебя хорошо!

Человек усмехнулся.

— Нехорошая Лилаен! Ты никогда не научишься, верно? Я тебя предупреждал.

— Неееет!

Крик девушки неожиданно оборвался. Руки ее, сжимавшие Саймона, расслабились, и он почувствовал, как она скользит на землю.

Высвободившись от плаща, он вытащил свой кольт и махнул им в сторону тени рядом с собой.

— Не знаю, кто вы такой, но вам следует знать, что я вооружен.

Он был доволен тем, что его голос как будто не дрожит.

— Отлично, курсант! Держи его наготове. Боюсь, он нам скоро понадобится.

В руках незнакомца вспыхнул фонарик и осветил переулок. Саймон ахнул от того, что увидел. Тело мужчины, из раны на голове течет кровь, а рука его все еще сжимает нож. И фигура Лилаен; девушка тоже без сознания, в ее пальцах тонкое лезвие. У нее на лбу темная шишка размером с яйцо.

— О, — сказал Саймон. Больше ему сказать было нечего.

Свет упал ему на лицо и остановился. Саймон мигал, делая жест рукой.

— Ты Рэк, курсант с «Четырех палуб», кадет с Сол Три. Я запомнил тебя по твоему росту. Здесь ты похож на кирпич в соевом супе.

Саймон тоже начал узнавать.

— И я тебя знаю. Ты Богарт. Лейтенант Богарт. Тот, у кого всегда неприятности с Безопасностью.

В темноте блеснули белые зубы.

— Верно. А теперь, парень, надо поскорее убираться, пока местные грабители не сняли с нас кожу на кошельки. Пошли.

Если повезет, они вскоре уйдут из этого опасного квартала и будут в своем расположении.

Им не повезло.

Лежавший на земле человек неожиданно сел и направил на них бластер. Так быстро, что Саймон даже не увидел этого, Богарт протянул руку. Свого рода раздраженный жест, которым человек отгоняет жалящее насекомое.

Но когда на него упал свет, человек лежал навзничь, и из его горла торчала рукоять ножа. Кровь, как летний дождь, мягко лилась на землю, заливая камни.

— Боже! Ты только что убил местного! Знаешь, что это значит, лейтенант?

Богарт наклонился, вытащил нож и вытер его об одежду мертвеца.

— Да, это значит, что сейчас он не может нас убить.

— Но... но... что сейчас будет?

Богарт по-прежнему говорил совершенно спокойно.

— Ты должен спросить, какие шаги мы предпримем дальше.

— Хорошо. Какие шаги мы предпримем дальше?

— Очень длинные. Пошли!

Последовало движение, и прапорщик пошел по переулку. В этот момент в задней части «Красной дыры» открылась окно, осветив двор.

— Лилаен! — Голос звучал зловещим шипением. — Лилаен! Ты закончила? Сюда идет патруль.

Девушка покачала головой и застонала. Богарт остановился за пределами освещенного места.

Саймон прижался спиной к стене, чувствуя сквозь мундир холодную влажность. К своему ужасу, он увидел, что Лилаен незаметно для его коллеги сумела вытащить маленький ручной пистолет и целится в Богарта.

Впоследствии Саймона Рэка часто спрашивали о первом мужчине, которого он убил. Помнит ли он, кто это был? Да, помнит, но это был не мужчина.

Но сейчас ему некогда было об этом думать. Прапорщик спас ему жизнь, а сейчас...

Курок парализующего пистолета казался огромным под указательным пальцем. Было легко. Легче, чем он думал. Кольт выпустил поток смертоносной энергии, отбросив Лилаен к стене. Она схватилась за грудь, когда энергия парализовала мышцы ее сердца, остановила поток крови.

Рот ее открылся, но она не произнесла ни слова. Глаза ее тоже широко раскрылись, но увидели только тьму, в которую она погружалась.

— Спасибо.

Богарт, повернувшись и глядя на эту сцену, произнес только одно слово. Из окна «Красной дыры» послышался крик.

Богарт быстро осмотрелся в поисках выхода. В лабиринте дворов и переулков заблудится любой, кто здесь не вырос. Откуда-то сзади раздался ответный крик.

— На нас началась охота, парень. Сюда!

Он показал на наклонную затененную крышу, опускающуюся почти до земли, с большим металлическим контейнером под ней. Саймон подумал, что стоит остаться на месте и объяснить, что произошло. Но в стену рядом с ним ударил залп из бластера и изменил его намерения.

Он быстро пробежал по камням двора, вскочил на ящик, а оттуда на крышу. Тупой удар — это за ним последовал более тяжелый Богарт. На мгновение они оказались в безопасности. Никто из преследователей еще не вышел из заведения, а человек, который стрелял в них из окна, стрелять из-за угла крыши не мог.

Богарт потянул Саймона за рукав и молча показал вверх, на открытое окно. Он прижал рот к уху Саймона и прошептал:

— Туда. Они решат, что мы убежали, и пойдут нас искать. Сбежавшего заключенного в тюрьме не ищут. Пошли.

Прежде чем они поднялись выше, из «Красной дыры» во двор выбежала толпа вооруженных людей, они кричали и бранились. Крики гнева сменились ненавистью, когда они обнаружили два тела.

— Убить их! Отыскать этих подонков и зарезать их!

— Но где стражники? — шепотом спросил Саймон. — Когда они придут, нам лучше им сдаться.

Богарту даже не понадобилось отвечать. Потому что в этот момент на сцене появились четверо тяжело вооруженных местных полицейских. Цепляясь за крышу, Саймон и Богарт слышали, как громилы рассказывали полицейским, что случилось. Они утверждали, что два человека из Галэсбэ пытались изнасиловать Лилаен и убили ее друга, который пытался им помешать. Чтобы скрыть следы, они убили и девушку и убежали. Было слышно, как деньги переходили из рук в руки, потом толпа, вопя от жажды крови, рассыпалась по улицам. После того как все ушли, во дворе стало тихо. Два тела остались лежать там, где упали.

Богарт облегченно вздохнул.

— Могло плохо кончиться, молодой Рэк. Это должно научить тебя не связываться с проститутками, которые хотят прежде всего положить руки на твой кольт, даже если у тебя больше ничего нет.

Саймон почувствовал, что его тошнит, и обрадовался, что сейчас слишком темно, чтобы коллега заметил его дрожащие руки. Ему даже показалось, что его вот-вот вырвет, но это прошло. Чтобы скрыть свое волнение, он молча начал подниматься к открытому окну. Богарт шел за ним.

Окно привело на лестничную площадку в заднем конце питейного заведения. Слева узкая лестница уходила вниз на шумный первый этаж. Направо уходит широкий коридор с выходящими в него дверьми. Хотя снизу доносился шум, громкие разговоры, на верху дома тихо, как в склепе ночью.

Полоска света падала в коридор, угасая в пыли на полу. Богарт прижался к потрескавшейся стене.

— Ладно, парень, подведем итоги. Двое мертвых. Я поблагодарил тебя за то, что убрал девушку? Стражники решили, что это убийство. Думаю, немного золота смазало им память. Они знают, что мы из Галэсбэ, поэтому все дороги к порту под присмотром. Федерация здесь не пользуется популярностью, так что ее могут

даже не известить. Просто подождут, пока корабль уйдет, а потом схватят нас. Итак, мы либо пытаемся добраться до корабля, либо остаемся здесь.

— Клянусь огнями ада, лейтенант! Нам нужно вернуться. Нас запишут отсутствующими.

— Послушай. Во-первых, меня зовут Юджин Богарт. Не лейтенант. Друзья зовут меня Богги. Всякий, кто спасает мне жизнь, автоматически становится моим другом, так что зови меня Богги. Ладно? Во-вторых, не надо беспокоиться о том, что опоздаешь на борт. Со мной это случалось чаще, чем я ел свежие яйца, и тревожиться тут совершенно не о чем. Несколько дней дополнительных обязанностей и, может, какой-то штраф. Не о чем думать, парень.

— Если ты хочешь, чтобы я звал тебя Богги, Богги, тогда называй меня Саймон. Не парень. Ладно?

— Ладно.

Снизу лестницы донесся звук. Он приближался, Становился громче.

Несмотря на свой небольшой рост и большой вес, Богарт, когда хотел, мог двигаться совершенно бесшумно. Прежде чем Саймон пошевельнулся, его старший товарищ успел испробовать три двери. Все оказались заперты.

Саймон достал парализующий пистолет и настроил его на узкий смертельный луч. За ними уже два трупа, и назад пути нет. Богарт с тем же результатом проверил еще две двери. Но когда уже казалось, что человек снизу увидит их, шестая дверь открылась.

Богарт поманил Саймона, прикрывая его отступление своим кольтом. Саймон прошел через дверь в темноту в тот момент, когда показался первый местный. Богги закрыл зверь, нащупал запор и неслышно задвинул его.

Шаги прошли мимо, ушли за угол в другой коридор и стихли. Хотя в комнате огней не было, слабый желтый свет пробивался из-под другой двери, и они могли видеть друг друга. Они поняли, что находятся в прихожей. Из-за двери доносились звуки тихих голосов.

— Очень скоро эти головорезы внизу начнут думать, не остались ли мы здесь. Тогда один из них увидит открытое окно и эту низкую крышу. Они поднимутся сюда и начнут искать во всех комнатах.

Саймон в темноте посмотрел на своего нового друга.

— И что?

— У нас только один путь, Саймон. Туда.

Он показал на закрытую дверь.

— Там кто-то есть.

— Точно. И если они договорились встретиться в таком месте, как «Красная дыра», ничего хорошего в этом нет. Но для нас это может оказаться выходом. Пошли.

Держа кольт в руке, Богги повернул ручку и вошел в комнату. В ней был низкий потолок и забранные ставнями окна. В очаге горел огонь, посылая в комнату облака коричневого дыма. В центре стол и два стула. Единственная лампа золотым сиянием освещала комнату. Света было достаточно, чтобы увидеть, что в комнате три человека.

— Пожалуйста, оставайтесь на местах и положите руки на голову, — приказал Богги.

Саймон шел сразу за ним, осматривая маленькую комнату. За столом два человека, один из них гораздо больше другого. Третий стоял рядом с ним сбоку, возвышаясь, почти до потолка. Чтобы заставить его подвинуться, Саймон ударил рукоятью кольта его по ребрам.

К его ужасу, человек медленно повалился направо, с глухим ударом ударился о пол и развалился на три части: две длинные ноги отделились от туловища и рук. На какое-то кошмарное мгновение Саймону показалось, что он теряет сознание.

— Дурак! — запищал один из сидящих за столом, сердито маша руками. — Ты повредил его, и теперь я разорву тебя на куски!

— Ну, ну, мой дорогой Фара, я уверен, что наш молодой полный энтузиазма друг не хотел причинить вред твоему драгоценному экзо. Не правда ли?

Это был толстяк из переулка; он стоял, опираясь руками о стол, и плоть словно стекала с его рук и расплывалась по столу под его пухлыми пальцами.

— Да. Это случайность. Я...

Богги резко прервал его.

— Случайность или нет, мой толстый друг, ты хорошо поступишь, если сядешь и положишь руки туда, куда сказано. В таком случае мой палец случайно не надавит на курок.

Толстый человек начал медленно двигаться; он кряхтел от усилий, поднимая свои подобные окорокам руки к голове.

— Мой дорогой сэр, — сказал он, — я восхищаюсь человеком, который понимает, что к чему. Человек действий всегда мне по сердцу. Но я буду очень признателен, если мне объяснят, в чем дело.

Рядом с ним человек с Зайина сидел неподвижно и злобно смотрел на двоих вошедших. Саймон встал рядом с Богартом и шепотом спросил:

— Что это?

— Это, — нормальным разговорным тоном ответил Богги, — то, что здесь называют тинкером. Один из представителей старого класса ученых. Они не очень любят Федерацию, как ты знаешь, если хорошо сделал уроки, Саймон. На полу его экзоскелет. Без него он как расплавленное желе в нагревателе.

— Что?

Не отрывая взгляда от двух человек за столом, Богарт объяснил:

— Без этой груды протезов он похож на одного негодяя, которого я знавал когда-то... где же это было? Не могу даже вспомнить, как его звали. Несколько лет назад. Он пошел на операцию из-за инфекции в колене. Колено ему прострелили, и ногу пришлось ампутировать. К несчастью, врач был не в норме и отрезал не ту ногу.

— Боже? Разве тот парень не мог засудить врача?

Богарт по-волчьи улыбнулся.

— Как у нашего друга-тинкера, у него не было ноги, чтобы стоять на ней.

Глава 3. Что-то происходит, но...

Сознание двадцатипятилетнего коммандера Саймона Кеннеди Рэка на мгновение очистилось от золотого сияния. Рэк открыл глаза и увидел необыкновенно прекрасное зрелище.

Вокруг него медленно поворачивалась странная изогнутая панорама скал, и озера, и тусклого неба. Он смотрел, как наклоняется небо над головой. Потом навстречу двинулась земля и парящее химическое озеро.

Краем глаза он как будто увидел человека. Или двух человек? Трудно рассмотреть. Были и слова, но они звучали неразборчивым басом, как с испорченного звукозаписывающего аппарата.

На мгновение перед глазами появилось что-то блестящее, потом так же быстро исчезло. Возможно, это носок одного из его сапог.

На самом деле его охватило необыкновенно приятное чувство. Помимо странного ощущения, что мозг высвободился внутри черепа и находится в свободном полете со скоростью примерно в одну десятую нормальной. За глазами ощущение жжения, как будто его что-то ударило.

Что-то на самой грани боли. Как начало головной боли. Он снова ненадолго закрыл глаза, смутно гордясь тем, с какой легкостью это проделал.

И настоящее мгновенно улетело, и он снова окунулся в прошлое. Когда он был восемнадцатилетним курсантом. В питейном заведении на Зайине. В Форт-Пейне.

С крепким молодым лейтенантом по имени Богарт.

— Я буду очень признателен, если мне сообщат, с кем имею огромное удовольствие разговаривать.

Голос мягкий и спокойный. Голос человека, полностью себя контролирующего.

— Меня зовут Богарт, а это Рэк.

Несмотря на нацеленный пистолет, толстяк собрался встать, чтобы пожать руки, но кольт заставил его изменить намерение.

— Лейтенант и отличный молодой курсант. Какая необычная пара здесь, в дальнем конце Форт-Пейна. Я гадаю, что, во имя Голота, они здесь делают. Не думаю, чтобы это имело какое-нибудь отношение к нам, мой дорогой Фара, поэтому советую вам расслабиться и делать, что они говорят.

В неожиданной вспышке вдохновения Саймон понял, что все далеко не в порядке. Как ни собран толстяк, как тщательно он себя ни контролирует, ясно, что он очень взволнован. Резкие нотки за его словами почти незаметны. Но Саймон Рэк всегда был хорош в восприятии и осознании происходящего. За последние годы его психологический рейтинг был самым высоким среди новичков Галэсбэ.

Толстяк лжет. Старается уговорить своего партнера с Зайина не впадать в панику. Почему? Потому что боится, как бы тинкер чего-то не выболтал. Значит? Есть что-то такое, что стоит защищать.

Что?

Богарт не ответил на вопрос толстяка. Он стоял, продолжая наблюдать.

Саймон прошел вперед, тщательно обходя обломки упавшего экзоскелета. Стоя на месте, никогда ничего не добьешься.

— Что такой богатый, по видимости, человек делает здесь, в заднем заведении пивной вместе с тинкером? Это тоже интересный вопрос.

— Позвольте представиться. Как видите, я обладаю немалым весом. Меня зовут Харли Корман. Я агент. Это просто означает, мой молодой сэр, что я продам свой совет всякому, кто согласен заплатить мне. Этого уважаемого гражданина Зайина зовут Фара. Он просил моего совета по личному деликатному делу. Чтобы нас не могли подслушать, мы договорились встретиться здесь. Надеюсь, мы не совершили ничего такого, что обрушило бы на нас гнев могущественной Федерации?

Это не было вопросом. Корман что-то скрывает и понимает это. Первые сомнения рассеялись. В сознании Саймона что-то щелкнуло, повернулось, и он получил ответ: как офицер, он имеет не меньше права находиться здесь. И может позволить себе сарказм.

— Может, парни, у вас неприятности? Мы слышали несколько минут назад крики. — Почти утонившие в горах жира, зеленые глаза блеснули неожиданным знанием. — Были крики об убийстве.

Саймон был еще недостаточно опытен, чтобы скрывать свои чувства. Толстяк рассмеялся и опустил руки.

— Если не хотите добавлять убийства к своей грязной ночи, советую вам просто уйти. Не волнуйтесь, мы вас не выдадим. Правда, Фара?

Человек у стола тоже опустил тонкие руки. Но ничего не ответил. Богарт и Саймон переглянулись. Первый этаж — вероятно, все помещения под ними — полон убийц, которые ждут только одного крика.

Мозг Богарта работал чуть медленнее, и его гнев и раздражение были меньше скрыты. Но он всегда был реалистом. Со вздохом он убрал кольт в кобуру. Саймон медленно проделал то же самое. Несколько мгновений четверо смотрели друг на друга.

Первым нарушил молчание Саймон.

— Мастер Корман и мастер Фара, лейтенант и я просим просить наше незваное вторжение. Внизу произошел несчастный слу-

чай, в котором мы были абсолютно невиновны, но обстоятельства искажены и могут свидетельствовать не в нашу пользу. Если вы пообещаете молчать, мы немедленно уйдем.

Он встал рядом с Богги и почувствовал, как напряжены мышцы крепкого тела его спутника. Он небрежно положил руку на плечо Богарта, но пальцы его сжались изо всех сил, пытаясь помешать любому действию. К своему облегчению, он почувствовал, как офицер слегка расслабился.

Корман смотрел на него, его маленькие глазки словно буравили череп, пытаясь добраться до правды. Наконец он улыбнулся.

— Хорошо. Даем слово. Мастер Рэк, твоя дорога сегодня дважды скрестилась с моей. Думаю, нам нет надобности встречаться еще. Такая встреча может окончиться неприятно для вас. Предлагаю вам выйти через окно. Там снаружи карниз, он поведет вас направо к внешней стороне «Красной дыры» и к наклонной крыше, по которой вы сможете спуститься и оказаться в безопасности. Прощайте. Мы желаем вам благополучного пути.

Почти таща Богарта за собой, Саймон раскрыл окно, вдохнув морозный воздух, от которого перехватило дыхание. Ноги его на какое-то ужасное мгновение свесились над темной пропастью, потом нащупали узкий карниз. Богарт выбрался за ним.

Из окна высунулось широченное лицо Харли Кормана, как светлая потная луна, и посмотрело на них. Саймон небрежно показал блеск своего парализующего пистолета.

Улыбка полумесяцем расколола круглое лицо.

— Говорят, такие умные молодые люди долго не живут, — прошептал Корман. И закрыл окно.

Как только толстяк исчез, Богарт начал сердито спорить:

— Ты молодой придурок! Ты позволил этой каплющей жиром груде дерьма выпроводить нас из комнаты. Теперь он, наверно, зовет своих сообщников, чтобы они схватили нас.

Рэк протянул руку и коснулся его груди.

— Совершенно верно. Но не заводись. Мы не пойдем туда, куда он сказал. Этот карниз должен куда-нибудь привести, поэтому мы пойдем налево. И пока идем, подумай, что еще мы могли сделать. Они не нарушили никаких законов. Мы нарушили. Что касается закона, мы убийцы. Он выложил все карты.

Богги двинулся по карнизу, каждый раз передвигая ноги на несколько дюймов. Ветер усилился, и слова, которые он бросал через плечо, почти уносило в темноту. Но не вполне.

— Моя чертова удача! Чертова гравитация в одно яйцо! Приходится тащить этого молокососа и пытаться вернуться.

Саймон понял, что он должен был услышать эти слова о себе, и почувствовал себя обиженным. Может, он молод и неопытен. Но...

— А что еще мы могли сделать?

Он уловил блеск зубов Богги: тот улыбнулся ему.

— Убить их обоих.

Саймон не был уверен, шутит ли Богги.

Между прочим, он не шутил.

Карниз огибал дом, проходя, казалось, на огромной высоте. Наконец Богги с проклятием остановился.

— Что случилось?

Никакого ответа.

— В чем дело? Почему мы остановились?

— Потому что карниз кончился. Заткнись на минуту. Тут окно. Думаю, я смогу его открыть. Да!

Внутри они оказались в еще одном извилистом коридоре. По другую его сторону проходил ряд маленьких квадратных окон. Высунувшись из такого окна, Богарт увидел сточную трубу, идущую вниз, к бетонному полу. Неожиданно он втянул голову.

— Вооруженные люди. С фонарями. Обходят этот дом с другой стороны. В том направлении, где оказались бы мы, если бы послушались толстяка.

После того как эти люди исчезли за углом, Богги и Саймон выбрались из окна и спустились по трубе. Саймон так торопился, что случайно приземлился Богги на голову.

— Проклятие! Неуклюжий болтун! Не знаю, зачем мне в этой жизни попался такой неловкий парень! Нам пора убираться отсюда.

Он собирался раствориться в тени, когда заметил, что Саймон за ним не идет.

— Пошли! Будешь ждать — станешь кормом для собак.

— Порт в другую сторону, Богги. В противоположном направлении.

Говоря короткими словами и медленно, словно пытаясь успокоить тупого сумасшедшего, Богги объяснил:

— Они считают нас убийцами. Как оно и есть. Поэтому хотят поймать, чтобы поставить Федерацию в неловкое положение. Значит, если мы пойдем в порт, нас поймают. Они этого ждут. Поэтому мы пойдем в другую сторону. Верно?

— Неверно. Если мы не попытаемся вернуться, нас объявят отсутствующими. А корабль вернется сюда только через несколько недель. Как мы будем жить до этого времени?

Они слышали, как где-то в темноте люди выкрикивают приказы и возражают им. Голоса как будто приближались.

— Тебя тревожит жизнь в течение нескольких дней, а меня — нескольких следующих секунд. Пошли!

Богарт углубился в ночь, поводя перед собой кольтом, как каким-то чувствительным органом. Качая головой при мысли о том, что произошло с ним за один вечер, Саймон последовал за ним.

За собой они услышали шипение, свист выстрела и крики раненого. Крики неожиданно стихли.

— Одного из нас они взяли, — сказал Богарт, сворачивая в узкий переулок; бетонные стены были так близко друг к другу, что они задевали друг друга плечами.

Впереди загорелся огонь, они подходили к перекрестку. Быстрее, чем Саймон мог бы поверить у такого коренастого человека, Богарт втащил его в боковой двор и за груду мусора. Прижимаясь лицом к зловонным отходам, Саймон смотрел на скользкий камень. Свет приблизился и остановился всего в трех метрах от них.

Голоса звучали смутно, но вполне различимо.

— Они убили Клауса и Терри. Сожгли их, когда те вышли за ними в окно. Грязные ублюдки. К черту это «оставим их стражникам»! Я говорю: убьем их обоих! Эй, а это что? Вон там? Пошли туда!

Послышался стук подкованной обуви, и свет исчез в темноте.

Саймон раздраженно отбросил руку Богарта, которой тот прижимал его к мусору. И когда говорил, в его голосе слышался едва сдерживаемый гнев.

— Смотри на меня! Лучший кадет на моем курсе. Самый многообещающий курсант. Передо мной блестящая карьера. Через год буду коммандером. И только посмотри на меня! Все за один час. Теперь я преследуемый убийца с шансами опоздать на корабль. И лицо мое в нескольких дюймах от дерьма!

Богарт усмехнулся.

— Что-то в этом роде, мой мальчик. Но кое о чем я мог был тебя спросить. Например, почему в твоем досье есть много мелких дисциплинарных наказаний и примечание «Не всегда подчиняется приказам»? И что вообще ты делал с этой проституткой в районе красных фонарей? Но я не стану спрашивать.

В темноте Саймон обнаружил, что покраснел. Правда, что он ненавидит мелочную упорядоченность дисциплины на корабле. И ему не следовало идти с Лилаен, но ведь она казалась... Хотя шансы на повышение в такой работе невелики, он уже почти решил просить использовать его в одиноких полетах на двухместных кораблях-разведчиках. Для тайных почти незаконных миссий, в которых бесполезны большие корабли с тысячами человек экипажа. Услышав о том, что в его личном деле так много замечаний, он решил, что стоит попытаться перевестись. Вот только бы вернуться...

— Ты грязный...

— Тише! — оборвал его Богарт. — В чем дело?

— Как такой негодяй, как ты, смог заглянуть в мое личное дело? Я считал, что...

— Что это позволено только командирам подсекторов и выше. Да. В определенном смысле это правда. Таковы правила. Но я понял, что в этой чертовой Галэсбэ большинство дерьмовых правил созданы только для того, чтобы их нарушать.

Та часть Форт-Пейна, в которой они сейчас находились, жила обычной жизнью. Тишина, нарушаемая редкими далекими криками. Оба осторожно встали и отряхнули большую часть отходов.

— Что теперь?

Богарт осмотрелся. Перед ними массивный лабиринт Форт-Пейна, его самые высокие здания в несколько этажей. За ними бесплодная пустыня.

— В этой стороне, — сказал он, показывая вперед, — город и космопорт. Возможность безопасности и вероятность смерти. В то время как в эту сторону, — он показал назад, за ними, — прокаленная пустыня, с несколькими колониями арти и с целым адом пустоты. Почти несомненная смерть.

Обучение в ГСБ вбило послушание в самую сердцевину души Саймона Рэка. Ну, почти в сердцевину. В сердцевине находилось небольшое пространство, куда попасть невозможно. И обучение до этого места не дотянулось. Там сам человек — и всегда там будет.

— Пошли, — торопил Богги. — Что бы там ни было.

— Дьявольщина! Да мне корабль не так уж и нравится. Пошли посмотрим, что там.

— Не волнуйся. Эти земли отнесены к пустыням, но вода там есть.

Саймон рассмеялся.

— Да знаю я, что о них говорят. По-моему, просто пустыни.

* * *

Рассвет застал их в нескольких милях от Форт-Пейна, на самом краю пустыни. Убежищем им послужила пещера, столетия назад выкопанная кем-то из первых поселенцев.

— Не понимаю, почему это место умерло, а, Саймон?

Ну, это легкий вопрос. Пока Лилаен не помешала ему, Саймон очень старательно изучал историю планеты.

— Вначале Зайин считался одной из потенциально важных планет на краю ранней Федерации. Были надежды, что он станет одним из крупнейших центров отдыха и развлечения. К несчастью, возникли внутренние политические проблемы. Ты сам можешь видеть, что стало результатом постоянной вражды между тинкерами и арти. В критической стадии развития планеты Шаксбургский Запрет покончил с расширением. И сюда никто не прилетал. С тех пор численность населения продолжает сокращаться.

— Сдерживали расширение населения, и поэтому сюда никто не мог прилететь?

— Ну, можно сформулировать и так. Но сейчас есть арти, у них в пустыне несколько крепостей, и тинкеры, которые все еще пытаются вернуть себе власть. Все это на умирающей планете и все впустую. Какая жалость!

Пока они разговаривали, золотой рассвет окрасил грубо вырубленные стены пещеры желтой пылью. Далеко вверху затененное кольцо космического мусора, известное как Ореол Зайина, повисло в небе, как широкая готическая арка, освещая ослепительную охру неба ослепительным пламенем.

Саймон подполз к выходу из пещеры и выглянул, заслоняя глаза от неожиданной яркости утра. Вокруг расстилались известняковые вершины, утесы, столовые горы, их гигантские размеры затрудняли определение расстояния.

— Напоминает мне кадры из старых видеофильмов. Из дней — поселенцы против краснокожих. Один из таких. Фургон, полный народу и движущийся по пустыне, все такое. Долина, полная чудовищных каменных вершин. И человек... не помню, как его звали. Но в его честь еще назвали автомобиль.

Богарт подполз к нему и тоже потер глаза от утренней яркости.

— Кровь Иуды! Ты только посмотри на небо! Такое не часто увидишь. Какое огромное красное солнце! Но воздух еще холодный!

Он вздрогнул.

Саймон давно ничего не ел и не пил, но Богги прихватил с собой аварийный запас еды.

— Всегда так делай, мой мальчик. Никогда заранее не знаешь, когда это тебе понадобится. Помни это. Вот возьми таблетки. Очень вкусно. Прибавит тебе несколько дюймов роста. Хотя тебе они не нужны. Ты выглядишь как сжатый пистон.

Саймон улыбнулся. Действительно, он на несколько дюймов выше старшего свого спутника. Но он вырос при нормальном тяготении на Сол Три, а Богарт родился в колонии на Марсе. Тяготение здесь, несмотря на все старания ученых сократить его, все же выше, чем на большинстве планет Федерации. Поэтому Богарт низкорослый и приземистый. И с мощными мышцами.

— Лучше чем выглядеть, как выброшенный контейнер для горючего.

Оба задумчиво жевали таблетки концентрата. Считается, что одна такая таблетка эквивалентна двумстам пятидесяти калориям.

Так и есть.

И вкус у нее как у переработанной грязи.

После банкета оба по отдельности сходили в дальний угол пещеры, чтобы завершить процесс пищеварения. Сопровождая это привычными грубыми шутками. Богарт пошел вторым, и, только успел закончить, застегивая мундир, как они услышали протяжный высокий звук.

— Что за...

Саймон направился к выходу из пещеры, собираясь выглянуть.

— Тащи свою задницу назад!

— Почему?

Но вернулся назад в тень.

Богарт подошел к нему, стараясь не выходить из тени на золотой свет у входа в пещеру.

— Это какой-то вертолет. Может быть, «Кита-Пять». Здесь есть еще их несколько. Я видел один в порту, когда мы садились.

— Думаешь, это нас ищут? — недоверчиво спросил Саймон. — Они не могут считать нас настолько важными. Может, это группа с корабля нас ищет?

Звук становился громче, но его источник, чем бы он ни был, оставался невидимым, он где-то выше и за ними.

— Слушай, Саймон. Курсант Рэк. Никакой группы с корабля не будет. Не явившихся на борт никогда не ищут. Это не нужно:

все обеспечивает большая награда за возвращение. Нет. Должно быть, все дело в проклятых убийствах вчера ночью. Но... — голос его стал удивленным, — я слышал, что здесь, на Зайине, закон не слишком занимается поиском преступников. Почему же такой шум из-за маленькой шлюхи?

Колесики, вращавшиеся в сознании Саймона, щелкнули и соединились.

— Минутку. Этот толстяк. Мне его имя показалось знакомым. Харли Корман. Помнишь убийство принца на... где же это было? Да, на Реймаке. Игрушка взорвалась прямо ему в лицо. Я видел видеоснимки, и там был очень толстый человек. Я обратил на него внимание, потому что он огромен.

Богарт посмотрел на него, и на его угловатом лице появилось понимание.

— Минутку, сынок. Очень толстый человек. Помню... это еще до тебя... Святая Ханна! Ты идешь точно по курсу, парень. Харли Корман. Похищение царских драгоценностей на Метеа Два. Или Три. Неважно. Их похитил толстяк, утверждавший, что он агент Федерации. Ну, ну.

Неожиданно вой перешел в рев, и тонкая пыль поднялась перед входом в пещеру. Над головой пролетел вертолет. Полированный и узкий, как летающий шприц для инъекций, и на носу следящее устройство. Хотя они понимали, что в тени их не заметят, оба торопливо попятились в глубину пещеры.

К их удивлению, за первым вертолетом последовал второй. Потом третий. Все медленно кружили над красной пустыней, направляясь на восток.

В ущелье примерно в миле от них небольшое сумчатое животное побежало в убежище, испуганное шумом машин. Ближайший вертолет наклонился и с треском и шипением выпустил энергетический луч. Удар пришелся животному в грудь и сжег его, пятна внутренностей разбрызгались по камням.

Оба офицера молчали, глядя на удаляющиеся вертолеты, которые продолжали тщательно обыскивать местность.

Наконец Богарт громко фыркнул.

— Вот так! Команда специально для нас. Кто-то очень хочет нас найти. Кто, как по-твоему, Саймон?

Рэк сел, облокотившись спиной о каменную стену. Чтобы занять руки, пока говорит, он стал разбирать и чистить свой парализующий полевой пистолет.

— Посмотри на факты, Богги. Первое, мы виноваты по меньшей мере в одной смерти. Да, я знаю, они хотели нас убить, но смотрю на дело объективно. Второе, мы столкнулись с одним из их тинкеров. Закрывшимся в темной комнате с человеком, которого мы считаем одним из величайших преступников в галактике.

— В любой чертовой галактике, судя по тому, что я помню. Прости, Саймон. Продолжай.

— Хорошо. Третье, нас преследуют все корабли, которые есть в распоряжении полиции Форт-Пейна. И преследуют здесь, в пустыне. Все сходится.

Лицо Богарта сморщилось от усилий следовать за такой длинной цепочкой мыслей.

— Все это должно быть связано друг с другом.

— Да. Конечно, все связано. Корман потянул за какие-то ниточки, вероятно, дал большие взятки, чтобы нас искали. — Неожиданно ему пришла в голову другая мысль, и он перестал полировать ствол. — Клянусь Иудой! Они не пытаются нас искать, Богги! Они сожгут нас на месте. Поэтому приходим к четвертому пункту: мы помешали чему-то очень важному.

— Между Корманом и тинкером?

В первый, но далеко не последний раз Саймон поразился тому, как человек, умеющий так стремительно реагировать на опасность, столь болезненно медлителен, когда дело доходит до мыслительных процессов.

— Да. Что общего может быть у Кормана и тинкеров? Может, они пытаются отобрать свою власть у арти и использовать Кормана как убийцу? Возможно. Дьявольщина. Надо связаться «Искателем приключений». Я вызову корабль по своему кодеру.

Он положил кольт обратно в кобуру и поискал за собой аккуратный продолговатый ящичек передатчика. Делая это, он продолжал слышать в теплом воздухе высокое гудение вертолетов.

Знакомые кнопки и маленькие шкалы загорелись в золотом свете. Он настроил аппарат на волну корабля, готовый нажать кнопку вызова. Большая мускулистая рука легла на его руку и остановила ее.

— Подумай, парень. Прежде чем сделаешь глупость и вызовешь «Искателя приключений». Подумай.

Вой вертолетов превратился в рев. В безопасности в своей пещере они осторожно выглянули и увидели, что стройные маши-

ны осматривают местность вокруг них. Время от времени, когда что-то в пустыне двигалось, слышался треск выстрелов. Или казалось, что движется. Очевидно, стреляли по всему, независимо от того, что это такое. Без всякого предупреждения один из вертолетов выстрелил по входу в их пещеру.

Послышалось шипение энергии, и разлетелись почерневшие осколки камня. Дым, окрашенный сильной ионизацией в розовый цвет, заполнил воздух, заставив обоих закашляться. Сверху падали камни, наполовину завалив выход из пещеры. Но оставалось достаточно места, чтобы они могли выбраться. Оба не шевелились, пока гул не стал еле слышен.

— Они в игрушки не играют.

— Что бы произошло, если бы ты нажал кнопку вызова, как ты думаешь?

Саймон не мог остановить краску, ползущую на лицо над воротником. Он ответил тихо.

— Они бы его поймали. И выстрелили бы в нас. Прости, Богги.

Лицо сморщилось, но на этот раз в широкой улыбке.

— Слушай, Саймон. Я не возражаю против работы с тем, кто иногда допускает ошибки. Все их допускают. Но терпеть не могу работать с бесполезным дерьмом, которое совершает одну и ту же ошибку дважды. Такого себе позволять нельзя.

Саймон продвинулся вперед, оцарапав колено об острый камень. Добрался до груды, завалившей вход, и выглянул поверх нее.

— Мы легко выберемся, — сказал он. — Может, используем кодер, когда они улетят.

Богарт шумно втянул воздух сквозь зубы.

— Я думал, что вы, курсанты, должны изучать планеты, на которые высаживаетесь.

— О, нет. А что я такого сказал? — Саймон повернулся к Богарту. — Почему этого нельзя делать?

Тяжело отдуваясь от деланной усталости, Богарт вскарабкался к нему. Заслонив глаза, он всматривался в неровную местность, золотое солнце отражалось от красных камней.

— Бывал когда-нибудь на Сол Шесть?

— На Сатурне? Нет. Только пролетал мимо.

— Чем он знаменит?

— Своими кольцами.

— Верно. А какое действие они производят на связь?

Саймон увидел свет.

— О. Конечно. Они искажают все передачи. Поэтому там нет постоянных поселений.

Богарт показал на чистое небо.

— А что там?

Можно было не отвечать. Помимо богатого цвета охры, небо Зайина имеет еще одну отличительную особенность. Высоко над планетой, немного выше слоя атмосферы, проходит дугой тень. Состоящее частично из обломков старинных спутников, кольцо — Ореол Зайина — вобрало в себя огромное количество космических частиц. В нем астероиды, обломки кораблей, накапливавшиеся столетиями.

Помимо того, что оно образует мост затемнения над планетой, это кольцо, как и кольца Сатурна, на долгие периоды прерывает связь.

— В любом случае, Саймон, «Искатель приключений» улетит очень скоро. Мы, вероятно, даже увидим его старт. Но ничего не можем сделать. Боюсь, мы предоставлены себе.

Наконец звук вертолетов совсем стих, и два человека смогли выбраться из пещеры. Температура повысилась, стало неприятно жарко. Богарт расстегнул мундир, Саймон последовал его примеру. После ущерба прошлой ночи еще один разрыв не имеет особого значения.

Откуда-то сзади, с направления на Форт-Пейн, послышалось могучее гудение двигателя на перониуме; двигатель разогревается и готовится поднять космический корабль.

— «Искатель приключений»?

Богарт кивнул.

— Должен быть, он. Других космических кораблей в порту не было. Да. Вот поднимается наша старая корова.

Это описание несправедливо. «Искатель приключений», подобно всем большим кораблям Федерации, прекрасен. Огромный — глаз не может охватить его размеры, способный нести сотни членов экипажа и несколько тысяч солдат.

Такие корабли — основное оружие ГСБ Федерации. Один корабль способен подчинить город, пять кораблей — сокрушить планету. Это не самое современное и сложное оружие, но они представляют собой почти непреодолимую силу. Однако их сила одновременно и их слабость. Они могут подавить массовый мятеж, но бесполезны для небольших операций.

Сложное и тонкое равновесие сил на большинстве планет Федерации иногда требует более деликатного оружия. Здесь вступают в действие двухместные корабли-разведчики. И именно с ними Саймон Рэк хотел связать свою карьеру. Заняться подпольными операциями. В которых два человека могут достичь успеха там, где потерпят поражение тысячи.

Но сейчас Саймону кажется, что его карьера завершилась, еще не начавшись.

Он ждал у основания столовой горы, пока Богарт поднимался на вершину и разглядывал окрестности города. Пока он был наверху, отдаленный гром усилился и воздух задрожал от ударных волн. Золотой свет все быстрее поднимался в небо. Потом шум стих, и снова их окружила тишина.

«Искатель приключений» улетел.

Сколько себя помнил Саймон, никогда он не чувствовал себя таким изолированным. Мальчиком он всегда был в обществе других парней, а когда поступил в ГСБ, рядом всегда бывали другие кадеты и курсанты. Звездный корабль окружил его, как гигантская бронированная матка. Но теперь все ощущение безопасности исчезло, и ему стало холодно.

Он вздрогнул, несмотря на крайнюю жару и влажность. Катящиеся камни напомнили, что ему еще повезло: у него есть товарищ. И не просто товарищ, а человек, который за короткую службу в Галэсбэ стал легендой — за смелые действия и серьезные нарушения дисциплины, когда он не действует.

Голос Богарта долетел до ожидающего Саймона.

— Дурные новости, парень.

— В чем дело?

Саймон начал подниматься на году, чтобы посмотреть самому, но крик Богарта остановил его.

— Жди там! Я спускаюсь! Что-то движется из Форт-Пейна и приближается к нам. Такого огромного облака пыли ты никогда не видел. Думаю, это за нами.

Снова по изъеденному склону столовой горы покатились камни. Только на этот раз за ними последовал сам Богги. Он спустился так быстро, что пролетел мимо Саймона и столкнулся с грудой обломков у основания горы.

Саймон спустился вслед за ним и помог встать.

— Ты в порядке, Богги?

Ему ответил приступ кашля и плевков.

— Ух! Будь это все проклято! Этот проклятый Корман! У нас с тобой много дел, молодой Саймон. В эту сторону, — он показал на прокаленную солнцем пустыню, — верная смерть от жары и отсутствия воды. — Но в эту сторону, — он показал на город, — много людей, которые не отнесутся к нам дружелюбно.

— И что?

Отдышавшись, Богарт отряхнул мундир.

— У меня был инструктор по боевой подготовке, так вот он говорил: если перед тобой пятьдесят людей с бластерами, а за тобой — сорок девять человек с бластерами, поворачивай к сорока девяти. Иными словами, используй малейшие возможности. Поэтому мы пойдем вперед. Пошли.

— Но, Богги, куда? Куда мы пойдем?

Единственным ответом был палец, указывающий на сияющие пространства.

— Иуда! Терпеть не могу, когда песок забивается в ботинки!

Богги рассмеялся.

— Неважно, Саймон. Уничтожим этот чертов заговор, и нам все простят.

— Все равно не терплю песок в обуви.

— Помню, как старый коммандер Уэйн говаривал нам: «Покажите свою истинную твердость». Пошли.

Пустынные районы Зайина, известные, как бэкленд, дикий регион, сильно подверженный эрозии, с очень незначительной дикой жизнью и с отсутствием воды. За исключением нескольких поселений на границе, из которых самое крупное — Форт-Вейн, бэкленд почти не населены. Считается, что так называемые арти живут в каком-то виде поселков в глубине пустыни, но они кочевники. Примечание. Утверждают также, что у арти есть крепость вблизи Ксоактла. Ни один оперативник Федерации и ни один обычный житель планеты там не бывал. Но в этом районе происходит слишком много загадочных исчезновений, чтобы считать это случайностью. Согласно легенде, в крепости сосредоточены огромные сокровища, скрытые и охраняемые. К тому же, хотя это всего лишь предположение, загадочный источник талантов арти также глубоко погребен в этой крепости. Персоналу Федерации предлагается любой ценой избегать этой мест-

ности. Нарушение этого распоряжение будет особо строго наказываться.

Галактическая служба безопасности, инфолист № ZG 870164 (Зайин)

День был тяжелый. Хотя они не видели преследователей, за ними постоянно стоял столб оранжевой пыли, словно кусая их за ноги. Камни резали обувь, и у обоих были порезы и ушибы от падений. Золотое солнце прожарило землю, и камни были такие горячие, что больно трогать их голой рукой.

Только к вечеру они увидели за собой преследователей. Четыре раза им приходилось прятаться от вертолетов, пролетавших низко над головой и стрелявших в любое углубление или пещеру.

Саймон был в худшей форме, чем Богарт. Лицо его побагровело, кожа с носа и лба начала слезать. Хотя они попытались соорудить импровизированное укрытие от солнца, мундиры давали для этого мало материала, а форменные фуражки остались во многих милях позади, в районе красных фонарей города.

Пот тек из всех пор их тела, одежда почернела от влажных пятен, но влага сразу бесполезно высыхала в горячем воздухе. Язык казался Саймону вдвое большим по размерам, а губы превратились в раздутые куски сырой кожи.

Говорил он хрипло. Кашлял и глотал, пытаясь принести хоть немного влаги в рот.

— Богги. Нельзя взять еще пару таблеток?

— Слушай, Саймон. Этих водяных таблеток нам должно хватить на несколько дней. Может, недель. Одна вечером после захода солнца и одна утром, прежде чем пойдем дальше.

Саймон упал на землю, пытаясь спрятаться в тени за скалой. Тень дала ему иллюзию прохлады. Он снял ботинки и вытряхнул песок и обломки камня. Тонкие носки на обеих ногах порваны и потемнели от крови.

— Богги, мы шли целый день. Мы на какое-то время избавились от охотников. И уже несколько часов не видели эти чертовы вертолеты.

Лейтенант сидел перед ним, невесело улыбаясь обожженным лицом.

— Верно, Саймон. Верно во всех отношениях. Какой следующий вопрос?

Саймон закрыл глаза и потер их обратной стороной ладони. Хотя тереть глаза больно, но это как будто облегчает раздражение от засевших в них песчинок. Наконец он перестал тереть глаза и через пятно радужных красок посмотрел на Богарта.

— Где?

Юджин Богарт встал, от усилий он даже застонал.

— Слушай меня, курсант Рэк. У нас есть основания подозревать, что этот Корман вместе с тинкерами задумал что-то нехорошее. Верно? И те, кто от этого пострадает, скорее всего арти. Верно? Мы не можем вернуться в Форт-Пейн. Мы не можем идти на юг к Форт-Дуру. Теперь везде известна наша внешность. Единственный путь — в пустыню. Но думаю, на сегодня мы прошли достаточно. Переночуем там, в какой-нибудь расселине.

Обычно люди в активной операции обязательно берут с собой запас для выживания. Но Богги уходил на ночь, и Саймон хотел сделать то же самое. Они не были готовы к долгому маршу по одной из самых трудных известных в галактике местностей.

У каждого был с собой кодер и кольт. Вдобавок у Богги был нож с тонким лезвием на поясе, а у Саймона кинжал, хотя такое оружие не позволено правилами ГСБ. У обоих в карманах на поясе пищевые и водные таблетки, но совсем немного, в крайнем случае они предотвратят обезвоживание в течение нескольких дней. И так как они не знали, сколько дней проведут в пустыне, припасы приходилось строго экономить.

Саймон лежал в темноте, пытаясь приспособить контуры к тела к жестким камням под собой, когда уловил движение. Тело приближалось к нему, прижимаясь все теснее. Едва сдерживая крик, он пнул это тело. Сапог с удовлетворительным звуком соприкоснулся с телом, и Саймон услышал, как кто-то застонал.

— Богги! Здесь кто-то есть. Я его достал.

Эти слова не вызвали никакой реакции. Только более громкий стон.

Потом:

— Ты, тупой ублюдок! Что ты делаешь? А? — Последовал долгий стон и звук, словно что-то растирает себя. — Это был я!

Саймон не знал, что сказать.

— Боже, Богги, мне так жаль. Я только подумал...

— Что я злобный убийца тинкер?

— Это или...

— Или что?

— Ну. Знаешь, на кораблях бывает немного...ну, ты понимаешь... он-она.

Смех был таким громким, что Саймон подумал, а вдруг кто-то из преследователей поблизости.

— Он-она! — Смех сменился новым стоном. — Боже, у тебя крепкие ноги, молодой Саймон. Я не он-она. Ни малейшего шанса. Это единственное, что меня никогда не беспокоило.

Саймон обнаружил, что дрожит от холода. Потом понял.

— Дьявольщина! Чтобы... мы сохранили тепло. Прости, Богги. Давай.

Ночь проходила медленно, два человека прижимались друг к другу; каждый просыпался, когда другой шевелился; они ждали первых признаков рассвета.

Когда начало светать, Богарт с трудом потянулся, застонал и встал.

— Поднимусь на этот холм, чтобы осмотреться. Если увидишь или услышишь что-нибудь, свистни. Знаешь, как это делать? Верно. Ну, пока.

Скользя по песку, он начал подниматься. Саймон сжевал пищевую таблетку и осмотрелся. Карты Зайина, хотя планета колонизована давно, по-прежнему показывают большие пустые места. Главным образом потому, что никто не хотел картографировать поверхность пустынь. Там нет ценных минералов, и ничего не растет.

Насколько помнил Саймон, здесь ничего нет, кроме загадочной крепости арти Ксоактл. Только избранные арти знают, где она. Если она вообще существует.

Рассказывали о людях, добравшихся до Форт-Пейна с безумием в глазах и пеной на запекшихся губах. Люди, умиравшие с бредом о сокровищах Ксоактла. Утверждавшие, что они нашли эти сокровища, но что-то лишило их разума. Неспособные рассказать, где это. Но где-то они есть, это сокровища. Должны быть.

Неожиданно Саймон понял, что за ним наблюдают. Медленно, позволяя вначале перемещаться только глазам, он повернулся. Волосы у него на шее встали дыбом, и он с трудом глотнул. Несмотря на обезвоженность, он почувствовал, что его ладони стали влажными от пота. Язык стал слишком велик для пересохшего языка.

Примерно в двадцати ярдах на него смотрело рыжевато-коричневое животное. Примерно размером с полосатую кошку,

снимки которой он видел. Трех метров в длину, с четырьмя лапами, вооруженными смертельными когтями. Голова с густой гривой и пасть с тремя рядами желтых зубов.

Саймон вспомнил фразу из путеводителя ГСБ по Зайину: «Кетам был самым яростным и самым прожорливым хищником бэклендз. Считается, что до сих пор сохранилось несколько этих животных, хотя они, несомненно, в плохой форме и почти не представляют опасности для осторожного путешественника».

— Можешь сказать это еще раз, — произнес про себя Саймон.

Кетам оскалил зубы и зарычал. Его короткий хвост метался по сторонам, поднимая легкую пыль. Медленно, передвигая одну лапу за другой, зверь начал приближаться. Стараясь двигаться как можно незаметнее, чтобы не спровоцировать нападение, Саймон извлек кольт из кобуры, нажал кнопку, переводя его на полную мощность, прицелился и выстрелил.

Ничего.

Залп энергии, которого он ожидал, не появился. Не было даже звука высвобождения заряда. Кетам гневно зашипел и прыгнул.

Не было времени вытаскивать сзади метательный нож. Да он и бесполезен против твари такого размера и ярости. Саймон мог только увернуться и крикнуть.

Кетам перескочил через него и когтем разорвал мундир на плече. Саймон покатился по земле и вскочил. Кетам остановился и снова смотрел на него. Глаза у него с красным ободком, с золотым зрачком в центре. Саймон заметил, что солнце блестит на песчинках, застрявших в шкуре.

Он снова позвал Богарта, но того не было видно. Зверь кашлянул, выбросив комки зеленой пены, которая повисла на усах вокруг прямоугольной пасти. Глаза сузились, кетам присел на задних лапах, напрягая тело, как плотно сжатую пружину. Саймон достал нож из ножен и зажал его в руке.

Снова зашипев, кетам напал на него. Но в последнее мгновение изменил курс и прыгнул в сторону. Саймон повернулся лицом к нему, готовый к следующему трюку.

— Правду говорят: никогда не верь кетаму, — негромко произнес он.

На этот раз прыжок был настоящим. Если бы кто-нибудь в этой безлюдной пустыне наблюдал за ними, он увидел бы необыкновенное зрелище. Когда большая кошка прыгнула, Саймон Рэк нырнул ей навстречу. К зверю.

Он пролетел под зверем, покатился и вскочил на ноги, прежде чем рассвирепевший зверь был готов к новому нападению. Нож вылетел из руки и устремился к цели. Кетам увидел его и попытался большой лапой отмахнуться. Слишком медленно и поздно.

Маленькое лезвие попало точно в центр левого глаза зверя, прилепившись, как необычное украшение. Из глаза ударил фонтан чистой, чуть окрашенной желтым жидкости. Жидкость падала на сухие камня, оставляя темный след.

Кетам закричал от боли и неожиданности. Он яростно тряс головой, стараясь освободиться от ножа. Но нож держался прочно. Рев заполнил ущелье, оглушив Саймона. Он сделал свой ход и теперь мог только стоять и смотреть.

Кровь полилась по морде зверя, и он закашлялся и рявкнул. Неожиданно остановился и стоял совершенно неподвижно, глядя на Саймона. Потом медленно присел на задние лапы и упал набок. Лапами забил воздух, и из его пасти вырвалось низкое рычание. Огромная голова дернулась раз, словно в недоумении. И зверь умер.

С безупречным расчетом времени Богги именно этот момент выбрал, чтобы появиться на склоне, держа кольт наготове. Он окинул взглядом сцену и убрал пистолет в кобуру.

— Ух ты! Прости, что немного опоздал, но спуск был трудный. Пришел, как смог быстро.

Он подошел к зверю, посмотрел на нож, вытащил его из глаза зверя и вытер о его шерсть. Маленькие крылатые стервятники уже гудели над тушей, лизали кровь.

— Прямо в глаз и через него в мозг. — Он вытер пот с лица. — Исусе! Неплохо, молодой Саймон. Совсем неплохо. Ты, должно быть, много тренировался.

Саймон улыбнулся. К своему удивлению, он обнаружил, что пальцы, которыми он брал оружие у Богги, слегка дрожат. Он спрятал нож в ножны.

— Немного, — сухо сказал он.

Богарт с вершины видел что-то вроде столба дыма далеко на севере. Глубже в пустыне. Они пошли в том направлении, внимательно выбирая дорогу среди расколотых скал. Саймон проверил свой бесполезный кольт, но не нашел в нем ничего неисправного. С сожалением он вернул его в кобуру.

На верху каньона они остановились и посмотрели назад, на сцену встречи. Туча мух почти закрыла тело, она повисла, как дымный колеблющийся полог.

— Знаешь, мне кто-то говорил, что раньше экспортировали лапы кетамов.

Саймон удивленно посмотрел на Богарта.

— Лапы? Для какого дьявола?

— На еду.

— Ты смеешься надо мной, Богги.

— Нет. Правда. Они считались деликатесом в заведениях высшего класса, где подают это дерьмо — пасту. Такое блюдо — паста и лапы кетама.

Высоко над ними солнце проходило за аркой из мусора над пропеченной поверхностью Зайина.

Саймон хлопнул Богарта по плечу.

— Пошли. Пойдем поищем этот дым. — Он помолчал, в последний раз оглянувшись на каньон. — Но скажу тебе одно об этом кетаме — у него могла быть паста, но точно не было будущего.

Со смехом они пошли на север.

Глава 4. Понравилось путешествие?

С ясностью холодной свежей воды после дней, когда приходилось пить очищенную телесную жидкость, Саймон Рэк неожиданно понял, что он скорее всего умрет. Несмотря на воздействие бластера, с его своеобразным эффектом замедления времени, часть его мозга продолжала функционировать нормально.

Он сделал медленный, глубокий вдох, ощущая горечь аммиака. Невозможно правильно сфокусировать взгляд, но он предположил, что падает с обычной скоростью, хотя мозг, пораженный новым оружием, утверждал, что скорость только одна десятая нормальной.

Когда он катился по камням, его сильно ударило по голове. И потом удар по правому колену, вызвавший у Саймона глухой стон боли.

Боль была такая сильная, что ему хотелось закричать, но что-то сдерживало звуки.

Наконец он смог прохрипеть:

— Клянусь могилой Голота! Богги, этого не может быть. Я умираю от жажды. Проклятый золотой свет жжет глаза, и я не вижу, куда мы идем. По камням идти труднее, чем по расплавлен-

ному левиуму. Еще одно такое падение, и можешь сварить мои колени в соусе. Обувь рассыпается. Иными словами...

— Иными словами, ты недоволен своей работой. А чего ты ожидал? Поверил дешевой пропаганде о том, как живут на службе в Галэсбэ? Патрулируют звездные пути. Защищают свободу звезд. Послушай. Тебе может быть всего восемнадцать лет, но ты не должен так легко сдаваться. Еще всего несколько миль, и мы на месте.

Наклоняясь и растирая ноги, стирая с лица кровь от последнего падения, Саймон улыбнулся ему. С его потрескавшимися разбитыми губами даже это было трудно, но он смог.

— Хорошо, сукин сын, можешь не продолжать. Я в любой день загоню тебя насмерть. Я еще смогу стоять, а твои ноги превратятся в окровавленные обрубки.

День почти кончился. Солнце проделало путь по небу цвета охры и теперь опускается за горы на севере. За те горы, где Богги видел дым.

Оба чувствовали напряжение. Даже стальное тело Богги начало поддаваться. Их мундиры превратились в клочья, а ботинки распадались. Рот Саймона превратился в сплошную рану, язык заполнял его, как кусок соленого мяса.

— Вон там!

— Где!

— Там. Треугольная вершина, двадцать... двадцать пять градусов прямо и примерно на сорок ниже. Видишь?

— Да. Похоже на сторожевой костер. Должно быть, это и есть дым, который я видел раньше. Смотри! — Богарт заслонил глаза от заходящего солнца. — Выше, на фоне холма. Эти круглые формы. Что это может быть?

Саймон всмотрелся вдаль. К стене одного из утесов как будто цепляются какие-то круглые предметы, над тем местом, откуда поднимается дым. Зрение Саймона, по данным проверки медиков ГСБ, девяносто восемь — девяносто девять процентов. Не абсолютное. Но лучшее, что показали кандидаты за последние шестнадцать лет.

— Они разного цвета. Больше ничего не вижу. Далековато для любого человека. Может, какой-то тип жилища. Я помню, что...

Саймон неожиданно замолчал.

— В чем дело, Саймон?

— Готов поклясться, что один из них только что сдвинулся на склоне. Этого не может быть. Или может?

Осторожно, не забывая, что там, где огонь, могут быть люди, Богарт и Рэк двинулись по пустыне. И остановились на краю большого кратера, по меньшей мере в три мили в ширину. Только он отделял их от цели. Они легли и осмотрелись. Иголка оранжевого цвета стала видна яснее, но дома — если это дома — слились с чернотой ночи.

Богги с отвращением плюнул в кратер.

— О Иуда! Ты только посмотри на это! Да это хуже всего, что мы прошли. Проклятое место. Как дыра в заду дьявола. Но сейчас мы близко. Что бы это могло быть?

— Эй! — К замешательству Саймона, голос его пошел вверх. Он уже два года не пускал петуха, но иногда неожиданный фальцет все же выдавал его молодость. — Может, это Ксоактл. Может, это он там. Может, он все-таки существует. Может, мы найдем там арти, и они нам помогут. Может...

Богги рассмеялся.

— Может, может, может. Ты говоришь, как один из тех певцов старого времени. Его звали Холли.

Но Саймон не хотел уходить в сторону.

— Никогда о нем не слышал. Но это должен быть Ксоактл. Правда?

Богги улыбнулся.

— Ничего себе! Слушай меня, Саймон. Можешь бредить сколько хочешь, но сначала подумай. Легко прийти к поспешному заключению. Но Ксоактл! Со всем его золотом! Вот это был бы день.

И он снова рассмеялся, словно только что удачно пошутил.

Саймон удивленно посмотрел на него.

— Над чем ты смеешься?

— О, это больше не имеет значения.

Несмотря на темноту и острые камни под ногами, они решили идти и попытаться ночью приблизиться к лагерю арти. Или к тому, что там есть. Там может быть еда... и драгоценная вода.

Единственным освещением служил слабый свет Кольца Зайина. Постепенно, с трудом, в относительной тишине приближались они к цели.

Огни становились заметнее, и можно было разглядеть фигуры мужчин и женщин вокруг них. Богги хотел привлечь их внимание, когда они еще далеко, но Саймон посоветовал быть осторожнее.

Наконец с окровавленными руками они добрались до дна кратера и начали пересекать его. Они прошли примерно половину, когда Богги начал напевать про себя. Это была старая баллада ГСБ о невероятном спаривании колониста и самки ящерицы, и изложенное в этой балладе было не только непристойным, но и совершенно невозможным.

В другое время Саймон, вероятно, присоединился бы к нему, но сейчас его привело в ужас, что партнер шумит в такое неподходящее время.

— Заткнись! — прошептал он.

Гудение стало только громче.

— Богги! Какого дьявола ты делаешь? Они нас услышат.

На самом деле они еще далеко, и шум вряд ли услышат. Но было неизвестно, выставили ли те люди часовых.

— Но когда она взялась за его старый верный кольт...

Теперь не только гудение, но и слова.

Без всякого предупреждения Саймона начало тошнить, хотя он почти ничего не ел. В то же время с тревожной быстротой начало усиливаться раздражение Богартом.

— Если не заткнешься, я выбью твои вонючие зубы через шею. И всю жизнь будешь выскребывать дерьмо личинок Голота!

Он почти не сознавал, что повысил голос. Но, заверял он себя, это необходимо, чтобы проникнуть в тупой и упрямый мозг спутника.

Услышав его голос, Богги повернулся и с улыбкой святого поднес пальцы к губам.

— Совершенно верно, мо дорогой мальчик. Совершенно верно.

Костры погасили, и было невозможно понять, в какую сторону они движутся. Темнота была такая, что Саймон потерял Богарта. Мысль о том, что Богарт где-то заблудился, показалась ему очень смешной, и Саймон начал смеяться. Он смеялся так сильно, что заболела шея, и пришлось остановиться. Он вытер глаза и осмотрелся.

Над головой по-прежнему горели звезды, но их свет стал слабее. Тошнота вернулась, и он начал понимать, что произойдет, если его вырвет. Шум разбудит врагов. Но было еще что-то похуже.

Саймон сел и задумался о механизме, который вызывает и контролирует тошноту. Это автоматическая реакция, мешающая вдыхать собственные выделения и отравиться ими. Но, вспомнил

Саймон, если мозг не управляет этим процессом, механизм может начать действовать неправильно.

— Но я контролирую. Да. Контролирую.

На мгновение он подумал, как это будет звучать, если пропеть эти слова.

— Плохая идея. Плохая. Я все контролирую.

Но семена сомнения были уже посеяны. Может, на самом деле он не контролирует. Ему показалось, что где-то в темноте слышится женский голос, произносящий мантру.

— Мантра. Нужно спеть мантру, чтоб услышать кантора.

Он захихикал.

Его мозг не контролирует!

Значит, кто-то каким-то образом их отравляет. Может, у кетама ядовитые когти. Все знают, что кетам — отвратительное животное, и о контакте с ним приходится сожалеть.

Или их травят? Как? Почему?

Он умрет. По щеке стекла слеза жалости к самому себе, проделав бороздку в высохшей грязи. Он удивился, что у него еще хватает жидкости на слезы.

Но он умирает. Его начнет рвать, а потом автоматическая работа мышц прекратится. Рвота поднимется в горле, и он будет вдыхать ее в легкие. Так будет. Он умрет.

— Я слишком молод, чтобы умереть! — закричал он.

— Только хорошие умирают молодыми, — ответил сам себе.

— Верно. Совершенно верно.

Он обнаружил, что эта мысль почему-то утешает его, и был благодарен себе за то, что подумал об этом.

Началось утро. Он какое-то время купался в его золотом свете, но потом понял, что свет исходит от факела. А факел держит в руке прекрасная женщина. Она каждое утро приходит к нему в легких одеяниях... Это всегда девственница, она приходит с холмов и помогает ему.

— И это все?

Голос его прозвучал громко, отдался звоном в его ушах.

Она исчезла. Нет, вот она снова. Прямо перед ним.

— Приветствую от имени Федерации.

Так велели ему говорить при первой встрече с необычными существами. Но она вовсе не необычна.

Колеблющийся плащ полуночи... волосы черные, как обратная сторона... мягкая плоть... и упругая в одно и то же время... груди

нацелены на него под вечерним одеянием... конусы с вершинами в огне...

— Я сказал... кто ты?

Девушка серьезно посмотрела на него. Помимо плаща, на ней как будто нет никакой одежды. Нет. Только маленькая сумка на талии и обувь из темной кожи, с высокими голенищами.

Лицо скрыто капюшоном плаща. Глаза блестят светлым пламенем.

Эти глаза словно говорят с ним. Говорят с ним с непостижимым наслаждением. Предлагают ему влажные, теплые углубления ее тела. Действуют на его мозг еле слышными намеками на чувственность и развращенность.

Он мог только идти к ней. В руке он держал кольт. И сам не понимал почему.

Она показала на оружие, кивок головы выдал неожиданное сомнение. Саймон успокаивающе улыбнулся ей. И почувствовал, что улыбка готова соскользнуть с его лица и лечь на красный песок пустыни.

— Не волнуйся. Он сломан.

И, чтобы доказать это, бросил оружие на скалы, услышал глухой звук его падения. Намек на тревогу исчез, и он увидел блеск белых зубов на лице под капюшоном.

Руки мягко притронулись к тому месту, где его мужская плоть устремилась к ней. Ласкали и возбуждали так, как ему казалось невозможным. Она держала его и медленно поворачивала навстречу себе. Ее груди касались его тела.

Темнота ее капюшона окутала его лицо, затмила глаза черным бархатом. Губы слегка прикоснулись, и он поднял руки к ее лицу.

И нащупали грубую морщинистую кожу. Кожу старой женщины. Он схватил ее лицо, и в его руках остались его полоски. Слои желтой и пятнистой кожи отслаивались и падали на землю. Он закричал, потом снова. Мертвенно бледные глаза смотрели на него с черепа, покрытого зеленью разложения.

Ее руки продолжали удерживать его с такой силой, что он застонал. Потом она ударила его по лицу, и еще дважды, и он упал на теплый песок. Она ударила его хромовой статуэткой необыкновенной красоты.

И он потерял сознание.

* * *

— Думаю, скоро он снова будет с нами. А вот его спутник еще спит.

Голос словно прошел через неисправный скрэмблер или доносится сквозь бесконечное искаженное пространство. Слова повисли за пределами сознания, не в силах проникнуть в него, не имеющие никакого смысла. Неплохо бы попытаться открыть глаза, но на них словно вся тяжесть космоса, она не дает поднять веки.

— Разбудить его?

Голос женский. Молодой женщины. Мягкий и нежный.

Лежа с закрытыми глазами, Саймон оставался жертвой последних вспышек ужаса. На мгновение он увидел, как бежит по коридору в старом-старом здании, с пустыми рамами на стенах. Дверей нет, и тьма такая густая, что конца коридора он не видит.

Но за собой он слышит легкие быстрые шаги. Они приближаются. Как бы быстро он ни бежал, эти шаги быстрее. Наконец он больше не мог выдержать и повернулся.

Фигура женщины в плаще приближалась, лицо ее скрыто под черным капюшоном. Руки ее сложены впереди, а ногами она как будто едва касается земли.

Он стоял, оцепенев, и смотрел, как она приближается к нему. Она остановилась, едва не коснувшись его, и он ощутил слабый запах ее платья. Тяжелый аромат, напомнивший ему о высоких арках, о пении и горящих свечах.

Она наклонилась, чтобы поцеловать ее, и капюшон спал с ее головы.

Саймон закричал.

Кто-то ударил его по щеке — и еще дважды.

Он открыл глаза и увидел лицо молодой женщины. Она в плаще, и сквозь плащ видно ее обнаженное тело. Он лежит на спине.

Она улыбнулась ему.

— Ты и твой друг очень сильны. Вы ведь не с Зайина?

Способность контролировать себя вернулась к Саймону. Их с Богги одурманили. Вероятно, газом. Поэтому они так себя вели. И вот почему он видел то, что, как ему казалось, он видел. Но эта девушка не галлюцинация. И она та женщина, которую он видел в

кратере. Боль в виске и в одной стороне лица говорила, что его ударили.

— Ты меня ударила?

Это был скорее не вопрос, а утверждение.

Женщина улыбнулась.

— Да. Я увидела, что ты сохраняешь какой-то контроль над собой. Это была единственная возможность узнать, кто ты и чего хочешь.

Голова почти прояснилась, и Саймон сел. Кольт у него отобрали, и у него было впечатление, что, пока он был без сознания, с него сняли одежду и заменили другой.

— Где мой товарищ?

— Я здесь, Саймон.

В комнату вошел Богги в сопровождении — или под охраной? — двух человек. На его поясе не было парализующего пистолета.

— Привет, Богги. Как ты себя чувствуешь?

— На меня словно упала хвостовая часть корабля. Если не считать этого, я готов ко всему.

Пока он говорил, Богги как будто бессмысленно вертел пальцами у своих рваных брюк. Саймон всегда был хорош в расшифровке кодов и сигналов. Пальцы сообщили ему, что он должен сохранять спокойствие и ничего не выдавать.

Саймон удивился. Несмотря на полученные удары, эти люди показались ему достаточно дружелюбными. Но за то короткое время, как он знал лейтенанта Юджина Богарта, он видел достаточно, чтобы понять, что Богги зря слов не тратит. Если он сказал, что нужно сохранять спокойствие, Саймон так и будет делать.

Девушка распрямилась, и Саймон увидел, что она очень высокая. Даже без обуви на толстой подошве, которую надевала для защиты от острых, как иглы, камней, она на несколько сантиметров выше него. Как и мужчины, она обнажена, если не считать пояс с сумкой на нем. И обувь. По ночам — он как-то чувствовал, что еще ночь, — здесь надевают плащи.

Саймон неуверенно встал и пожал руку Богги. Он сухо улыбнулся собственной слабости и осмотрел комнату. Высокая, с арочным потолком, вырублена в скале, все стены раскрашены и разрисованы сложными и очень красивыми рисунками.

Он посмотрел на женщину.

— Это Ксоактл, а вы те, кого называют арти?

— А у вас номера хваленой и мощной ГСБ Федерации. Мы хотим знать, зачем вы здесь. Что вам от нас нужно?

Чувствуя, как глаза Богги впиваются ему в спину, Саймон подумал, что он может ответить. Рассказать правду? Сочинить какую-нибудь правдоподобную историю, которая объяснила бы их появление здесь, в середине пустыни?

— Подожди, Дайен. Нет вреда в том, чтобы немного подождать. Гости у нас реже, чем озера, заполняющиеся со звезд. Им досталось, когда они приходили нашу... сторожевую систему. Отведи их в пустое помещение, и мы поговорим с ними потом. Дай им еду и питье.

Саймон благодарно улыбнулся говорившему. Пожилой мужчина в толстом плаще, с золотой вышивкой. На фоне бронзовой кожи поседевшие волосы. Улыбаясь, Саймон вдруг понял, что ему не больно. Рот больше не распух и не пересох, он стал почти нормальным.

Женщина — Дайен — видела, как он коснулся лица, и, должно быть, поняла, о чем он думает.

— Пока вы были не с нами, мы давали вам воду через кожу и позаботились о ваших повреждениях.

Он благодарно поклонился.

Старший мужчина заговорил:

— Сейчас вы будете отдыхать. Потом расскажете, почему здесь, так далеко от того, что люди называют благами цивилизации. И почему у вас не было воды.

Саймон решил ничего не отвечать. А Богарт сказал:

— Спасибо вам всем за помощь. — Легкий оттенок в голосе давал понять, что, если бы не нападение с помощью галлюциногенов, помощь и не понадобилась. — Большое спасибо за воду.

— Все, кто проходит через наши ворота, находятся под нашей защитой и получают воду.

Прежде чем они ушли, Дайен пояснила:

— Главный вход в Ксоактл по этой причине называется Вратами Воды. Вам требовалась помощь, и мы помогли вам.

Когда их вывели, Богарт прошептал:

— Я рад слышать об этих Вратах Воды.

Саймон шепотом ответил:

— Да. Они все равно нас засекли.

* * *

Как только они остались одни, ожили все подозрения Саймона. Он упал на кровать, чувствуя последствия наркотика сильнее, чем более старший и крепкий Богги.

И вскочил в тревоге, когда Богги сел на кровать рядом с ним и обхватил руками его плечи. Их лица были так близки друг к другу, что Саймон видел щетину на подбородке Богги.

— Что?..

Жесткая рука закрыла ему рот и заставила помолчать. Богги как можно ближе приблизил губы к его ушам и произнес только одно слово:

— Гудú.

— Мммерргмм, — попытался заговорить Саймон, но рука на лице продолжала мешать ему.

— Просто гуди!

Решив, что Богарт все еще под влиянием галлюциногена, Саймон решил послушаться и загудел.

Гудение раздавалось в голове, но он смог расслышать слова Богги:

— Нас могут прослушивать. Это помешает им слушать. Неужели тебя ничему не научили? Когда хочешь говорить, говори так. Понял?

Саймон кивнул.

— Я собираюсь внимательно осмотреть это место. Не думаю, чтобы тут за нами следили. Но на всякий случай.

Лежа на нарядном покрывале, Саймон в молчаливом восхищении следил за тем, как его партнер обыскивает их жилище. *Партнер*. Саймон решил, что ему нравится это слово.

Арти привели их в очень необычное место. Стены казались органическими, шероховатыми на ощупь. Окон не было, и только одна дверь. Стены загибаются под странными углами, и во всем ощущается какое-то странное непостоянство. Хотя когда их вели, было уже очень темно, Саймон смог разглядеть, что дом каким-то загадочным способом прикреплен к стене высокого холма. В этих холмах пришлось строить Ксоактл.

Наконец Богги вернулся и сел на другой стороне кровати.

— Чисто. Насколько я могу судить, чисто. Никаких жучков или других устройств. Что ж, мы здесь. Что будем делать дальше?

Саймон не мог скрыть изумления.

— Ты спрашиваешь меня, что делать дальше?

— Да. Конечно. Я не тактик, Саймон, мой мальчик. Я своего рода нерассуждающий инструмент. Направь меня в том направлении, куда нужно пройти, и я пробью путь через целую армию. Но спроси меня о планировании или логистике, и мой мозг превращается в банку витаминного супа. Нет, теперь все за тобой, Саймон. Послушай, если тебе это поможет, думай вслух.

Глубоко вдохнув, Саймон начал.

— Хорошо. Мы знаем, что привело нас сюда. Это Ксоактл. Он существует. И похоже, здесь штаб-квартира арти. Можно считать, что Корман участвует в каком-то заговоре, чтобы попасть сюда и помочь тинкерам против арти.

Он помолчал.

Богги посмотрел на него.

— Чего ты ждешь? Медали? Так я это вижу. Я хочу, чтобы ты сказал, что мы должны делать по этому поводу.

Их прервала дрожь комнаты, похожая на спазму мышцы. Так сказал Богги. При этом он нервно смеялся нелепости своих слов. Но забавно не стало, когда дрожь повторилась несколько секунд спустя и стала сильнее.

Они услышали крики и топот бегущих ног. Один из арти, закутанный в плащ, вбежал к ним и крикнул:

— Быстрее. Сирк сбирается передвинуться на новое место. Я отведу вас в другой.

Снаружи их ослепил яркий огонь многих факелов на холодном ветру, предвещавшем рассвет. Подгоняемые толпой, они спустились по тонкой лестнице, пока не почувствовали под ногами камень.

Девушка, Дайен, была здесь. Она взяла Саймона за руку и показала наверх.

— Смотри. Мы сожалеем, что вас так побеспокоили, но движения наших сирков очень трудно предугадать. Наблюдай.

Круглый дом над ними дрожал, как живое существо в смертельной агонии. Но это была не смерть, просто перемена места жительства. Как объяснила Дайен, сирк — это действительно живое существо. У него идеальные симбиотические отношения с людьми. Но недостаток в том, что сирк передвигается. Когда захочет, он просто перекатывается с одной части стены утеса на другую. Дрожь, которую они почувствовали, это единственное преду-

преждение. Когда сирк перемещается, его стены сжимаются и пульсируют, и тем, кто остается внутри, грозят тяжелые и, возможно, смертельные раны.

Найдя понравившееся место, сирк прикрепляется к нему и снова становится надежным и безопасным жилищем.

— И часто ли он это делает?

— Не часто. Иногда проходит много месяцев.

Над ними послышался треск, и на них посыпались обломки камня, заставляя уворачиваться. Шар, ярко раскрашенный снаружи, медленно катился со своего места, громоздко покачиваясь по сторонам.

— Идемте. Он остановится, когда захочет. Вас отведут в другой сирк. Завтра мы поговорим.

И она ушла. Оставшись наедине, они продолжили прерванный разговор.

— Давай, Саймон. Расскажи, что нам делать дальше.

Саймон задумался, и у него даже лоб наморщился от усилий. Хотя он принимал участие во многих учебных упражнениях, он прекрасно понимал, что все это имеет мало значения, когда он сталкивается с реальной обстановкой. Если их подозрения справедливы, Корман будет здесь, чтобы вмешаться в хрупкую политическую ситуацию, превратив ее в хаос.

Саймон кашлянул, чтобы прочистить горло, которое неожиданно снова пересохло.

— Ну... Предположим, мы скажем им... арти... что мы считаем, будто Корман заключил союз с тинкерами, чтобы напасть на это место и покончить с их влиянием. Может, даже уничтожить их.

— Да, думаю, надо им сказать. Но завтра. А сейчас пора спать.

— Пока эта проклятая штука не двинулась вместе с нами.

— Ну, иногда мне приятно покататься.

— Спокойно ночи, Богги.

— Спокойной ночи, Саймон.

На несколько минут наступила тишина. Потом Богги зашептал в пространство между ними:

— Эй, Саймон.

— Что?

— Ты в порядке.

И Саймон Рэк уснул, улыбаясь от удовольствия.

* * *

Спали хорошо, и их разбудили лучи солнца, ползущие по их телу. Как и все другие дни на Зайине, этот будет солнечным и жарким.

За ними, чтобы отвести к месту встречи, пришел старший мужчина Хуальпа с несколькими другими арти. На всех были только пояса с сумками и обувь. После холодной ночи от плащей отказались.

Их приняли вежливо, но отстраненно и предложили поесть. Им больше всего хотелось пить, и они попросили и напитков, и еду.

— Когда позавтракаете, я вернусь, и мы поговорим. Мы хотим знать, почему вы здесь. Почему ваша Федерация решила послать вас в такое время? Но ешьте и пейте. Поговорим потом.

— Если вообще поговорим, — пробормотал Богги, когда арти ушли.

Им принесли подносы с едой. Полоски какого-то сушеного мяса в соусе с овощами. Необыкновенно сладкие пудинги, тяжелые и замороженные где-то в глубине Ксоактла. Лучше всего были напитки. Светло-зеленые, с серебряными кусочками льда, в замечательных кубках из хрома и хрусталя.

За едой и питьем они окончательно договорились о том, что расскажут.

— Убийство обойдем. Расскажем о Кормане и тинкере, а остальное предоставил им. Хорошо?

Богарт кивнул.

— Хорошо. Слава богу, я чувствую себя гораздо лучше, чем вчера вечером. Этот наркотик, которым они нас угостили, ублюдок. Настоящий ублюдок.

Они допили и вышли наружу, мигая от желтого блеска. Их сирк спокойно сидел на горячей красной скале, его ярко раскрашенные стороны резко контрастировали с жесткостью гор.

По раскачивающейся лестнице они спустились к основанию утеса на природную арену. Когда-то, должно быть, сверху лилась вода, вырезав чашу — шириной в несколько сотен метров. Но это было столетия назад. Уже много лет вода не касалась здесь камней. Жара расширяла выемку, а ночной холод раскалывал ее края.

Цвета переходили от бледно-желтого до темно-оранжевого и коричневого. Выше по склонам блестели рудные выходы. Саймон

и Богги остановились и посмотрели на пустыню, на слабый дым на далеком горизонте. Это Форт-Пейн. Хотя было еще рано, жара не давала ничего рассмотреть на удалении.

— Поторопитесь. Совет ждет вас.

Саймона толкнули в спину, чтобы напомнить ему, что они скорее пленники, чем гости. Арти, которые вели их по коридорам в глубь Ксоактла, были вооружены бластерами, которые они держали за своими нарядными поясами. Хотя явной угрозы не было, Саймону и Богги не оставляли никаких сомнений в их истинном статусе.

Влажные пещеры освещались трубками, которые горели необычным красным огнем. Стены повсюду покрыты яркими картинами, сложными многоцветными орнаментами, терявшимися в темноте между огнями. Звуки их шагов опережали их, и вскоре их передали новым стражникам.

— Эти картины стоят дорого, — сказал Саймон, глядя наверх на самые верхние полотна, которые поднимались до самой сводчатой крыши коридора.

— Самые дорогие они держат где-то внутри этого чертового лабиринта.

Толчок кулаком в спину заставил их замолчать. Им преградила дорогу массивная дверь из тусклого метала, украшенная гравировкой. Из скрытого источника послышался голос, и глава группы стражников шепотом произнес пароль. С негромким шипением правая створка двери раскрылась, и они прошли внутрь.

И оказались на полукруглой арене, окруженной сиденьями, уходящими до потолка. Помещение было такое огромное, что скудное освещение не доходило до потолка. Здесь были места по меньшей мере на десять тысяч человек.

Но занимало их не больше пятисот.

Передний ряд кресел был заполнен, очевидно, старейшинами общины. Тот, кто говорил от их имени — Хуальпа, — сидел в центре. В конце ряда сидела Дайен, пожалуй, самая молодая из всех. Она с откровенным любопытством смотрела на них.

Самое большое сиденье — почти трон — в середине, его спинка и ручки украшены дорогими камнями. В нем сидит хрупкий мужчина с седыми волосами, падающими на плечи. С явными усилиями он встал и улыбнулся.

— Добро пожаловать в Ксоактл, последний и единственно истинный дом колонии артистов на Зайине. Города на юге умирают,

и в них осталось мало красоты. Меня зовут Энгс, и я последний отец Ксоактла.

Саймон поклонился старику.

— Думаю, вы знаете, кто мы такие. Я курсант Галактической службы безопасности. Меня зовут Саймон Кеннеди Рэк. А это мой друг и... партнер. Его зовут лейтенант Юджин Богарт. Мы рады быть здесь и благодарим вас за теплый прием. Хотя, — он потер ушибы на лице, — некоторые элементы приема можно было и опустить.

Собравшиеся засмеялись. Лицо Дайен оставалось неподвижным, но Энгс улыбнулся.

— Да. Наши женщины всегда готовы к действиям. Думаю, более готовы, чем большинство мужчин. Но мы бы хотели знать, зачем вы здесь. Вы знаете, что мало кто из инопланетян посещал это место.

— И остался жить.

Голос был полон горечи. Он хриплый от эмоций. Принадлежит он молодому человеку, сидящему в первом ряду в трех местах от Дайен. Он привстал, словно собирался говорить еще, но передумал и снова сел.

— Как видите, Саймон и Юджин, среди нашей молодежи есть такие, кто хотел бы возвращения к старым путям. — Он повернулся к молодому человеку и обратился к нему непосредственно: — Вспомни, Ниокл, что мы обсуждали это во многих дебатах, и такова воля большинства. Разве это не так?

Опустив глаза, Ниокл кивнул.

— Ниоклу не нравится, что прежние обычаи изменились. Было время — и совсем недавно, — когда любой человек, натолкнувшийся на Ксоактл, никогда не мог об этом рассказать. Газ, который усыпил вас, слабей того, что мы использовали раньше. Если бы он применялся в полную силу, вы бы навсегда сошли с ума или умерли.

— Могу ли я спросить, Энгс, почему вы изменили обычаи?

И опять крикнул молодой человек, Ниокл:

— Нет! Сначала услышим их историю. Они просто пытаются выиграть время.

Голос старика хлестнул, как невральный хлыст:

— Молчи. Я прикажу принять меры, если ты снова нарушишь работу совета. Если я решу ответить на вопрос, то это сделаю. Потом мы услышим их историю. Ясно?

С побледневшим от гнева лицом Ниокл снова сел.

Энгс повернулся к Саймону и Богарту.

— Вы должны знать нашу историю. О нашем конфликте с учеными. Теми, кого вы называете тинкерами. Наша планета достигла почти критического уровня, и некоторые говорят, что она не сможет выжить. Мы, артисты, всегда определяли правила морали. Но мы держались отчужденно. Выживали только за счет продажи своих работ. Теперь наше положение стало отчаянным. На Зайине больше нет спроса на то, что мы производим. Поэтому мы решили открыть свои внутренние помещения и продать на другие планеты небольшое количество наших лучших статуй и картин.

В пещере поднялся гул, но Энгс не обратил на это внимания и продолжил:

— Только очень немного. В Ксоактле не только лучшая в галактике коллекция произведений искусства. Здесь также хранится тайна того, как мы смогли...

В возбуждении своей речи старик зашел дальше, чем рассчитывал.

Его прервала Дайен:

— Отец! Остановись! Ты не должен осквернять нашу величайшую тайну!

Энгс замолчал и смущенно потер голову.

— Я... я... сожалею о своем энтузиазме... ты поступила правильно, укорив меня. — Он с усилием взял себя в руки и продолжил: — Поэтому вы сейчас здесь и живы. Если тинкеры получат доступ сюда, мы будем побеждены.

Стараясь сосредоточиться на том, что он услышал, Саймон обнаружил, что мысли его разбегаются. Он видел, как живут артисты. Жизнь немногим лучше, чем у тех, кто на планетах фронтира занимается физическим трудом. Но они считают себя лидерами планеты. Умирающего, истощенного, пустынного, бесполезного, обожженного куска углерода, который называется Зайин.

Он хорошо понимал, насколько беспочвенны и бесполезны их мечты о возрождении. Зайин получает гранты Федерации. Но они все более и более сокращаются и удерживаются. И очень скоро Зайин не будет получать ничего.

И это будет означать конец.

Но Энгс продолжал говорить. Что-то о помощи.

— Итак. Мы поняли, что не можем никому доверять на этой планете и никто нам здесь не поможет, мы договорились о помощи

с жителем другой планеты. Я жду его вскоре. Он даст нам совет, как с наибольшей прибылью продать наши сокровища. И тогда мы снова покажем ученым, кто правит Зайином.

Послышались разрозненные аплодисменты, хотя Саймон заметил, что исходили они в основном от пожилых мужчин и женщин. После паузы к ним присоединились и другие, в том числе Дайен. Ниокл сидел неподвижно, не сводя взгляда с двух офицеров ГСБ.

С лицом, преобразившимся от полученного одобрения, Энгс повернулся к двум чужакам.

— Теперь вы знаете наши планы. Думаю, пора нам послушать, каковы планы у вас. Зачем вы здесь?

Саймон посмотрел на Богги, которой ободряюще улыбнулся и сделал жест, чтобы он начинал рассказ, о котором они договорились.

— Дамы и господа, я... — Он остановился и закашлялся: ему показалось, что он вот-вот заговорит фальцетом. — Мы с моим товарищем оказались здесь в результате многих необычных обстоятельств. Все началось с того, что мы...

Он замолчал, увидев, что потерял часть аудитории. Головы поворачивались, слушатели переговаривались. Появился молодой арти, он поспешно направился прямо к Энгсу, наклонился и что-то зашептал. Старик поднял голову и посмотрел в тень за Саймоном и Богартом.

Поняв, что Саймон замолчал, Энгс помахал ему рукой.

— Тише, тише. Возникли новые обстоятельства. К нам пришел на помощь друг. Возможно, ему тоже будет интересно услышать ваш рассказ. — Он возвысил голос и сказал стоявшим у входа стражникам: — Приведите его сюда.

Послышались шаги по каменному полу, и Саймон и Богарт повернулись, чтобы увидеть, кто пришел. Это был высокий стройный молодой человек со светлыми волосами, аккуратно подстриженными и падающими на плечи. На нем была нарядная рубашка с рисунками и сандалии на золотой подошве. Даже в тусклом свете было заметно, что на лице у него косметика.

Богги принюхался.

— Я даже отсюда чую. Это настоящий он-она. Напомни мне, чтобы я прижался к стене, когда он будет проходить мимо.

— Тише! Он тебя услышит.

Но молодой человек остановился в нескольких шагах от них, глядя на членов совета. Сделав рукой изящный жест, он низко полонился, так что его волосы едва не коснулись пола.

— Я принес приветствие от моего господина. Я пришел сюда, чтобы помочь мужчинам и женщинам Ксоактла в их борьбе против сил угнетения. Мой господин пока без, но скоро будет с.

— Без кого? — шепотом спросил Богги.

Энгс улыбнулся.

— Мы рады тебе и твоему господину. Попроси его прийти и присоединиться к нам. Мы собираемся слушать рассказ, который может его заинтересовать. Потому что он не единственный чужак в этих холмах.

Молодой человек посмотрел на Саймона и Богги, как будто только сейчас их увидел. Он принюхался. Очень шумно.

— Моему господину это не понравится.

Саймон решил, что достаточно молчал.

— Почему бы тебе не пойти к твоему господину и привести его сюда. Пусть сам расскажет, почему наше присутствие ему неприятно.

Из озера тьмы в конце помещения послышалось фырканье, затем смех. Тяжелые шаги, медленные и громоздкие, приближались.

Глубокий низкий голос:

— Ну, ну. Мои молодые друзья. Мудрый человек как-то сказал, что один раз — это случайность, два раза — совпадение. А в третий раз это действия врага.

Энгс с улыбкой встал.

— Ты, должно быть...

— Харли Корман, сэр. К вашим услугам.

Глава 5. Колокола короны

Имя кружилось в сознании Саймона, понималось и опускалось, как в мультипликационном видео. Буквы двигались на темном экране у него в мозгу, соединяясь и образуя слова.

Харли Корман. Толстый елейный человек. Улыбающийся ртом и не улыбающийся глазами.

Это имя сменилось другим. *Каспер Гатман.*

Почему?

Он сосредоточился, стараясь понять. Неожиданно мимо пролетела птица. Она так медленно хлопала крыльями, будто вот-вот упадет в горькое озеро, в котором Саймон скоро умрет.

Сокол.

Он доволен тем, что узнал птицу.

Солнце слепило глаза, и он полузакрыл их, глядя на возвышающийся над ним крутой утес. На мгновение подумал, сумел ли Богги взять Ахмеда.

Довольный тем, что может думать об этом в такое время.

«Отлично сделано, Рэк». Собственный голос звучит тяжело и смутно. Низко и медленно. Он засмеялся.

В виде эксперимента попытался снова открыть глаза, понимая, что это движение вызовет тошноту.

Темно.

Темно.

Темно.

С появлением Харли Кормана пещера стала казаться меньше и темнее.

Богарт, как всегда, невозмутимый, даже ахнул, увидев Кормана. Этот тот самый человек, которого они перед советом пытались разоблачить как злодея. Как человека, замыслившего падение колонии в Ксоактле.

Мысли в голове Саймона метались. Корман прошел в нескольких шагах от него, его маленькие глазки среди складок жира острые, как хрустальные лазеры.

— Что ж, мой молодой сэр. Правильно ли я понял, что ты собираешься рассказать этим добрым людям, почему ты и твой веселый друг оказались так далеко от дома? Прошу, не останавливайся из-за меня. Понимаете, — обратился он к заинтересовавшемуся Энгсу, — я знаком с этими молодыми людьми. Мы познакомились в Форт-Пейне день назад. В одном заведении для еды. Думаю, они это помнят. Мы обсуждали два куска очень дохлого мяса, которое подавали в этом заведении.

На мгновение Саймону показалось, что его ударили по голове. И теперь его голова изнутри покрыта толстой обивкой. Как он ни пытался, наружу не проходила ни одна мысль.

Корман продолжал, понизив голос, так что угроза в нем слышалась только двум офицерам.

— Мертвое мясо. Отвратительное зрелище, молодые сэры, если вы понимаете, о чем я говорю. Меня очень опечалит, если я увижу еще два таких же куска.

Если бы он брызнул на них невральным спреем, угроза была бы менее очевидна.

Энгс и другие арти напрягали слух, пытаясь услышать, что происходит между двумя людьми.

Корман еще плотнее приклеил улыбку к лицу и повернулся к совету.

— Несколько мыслей для моих молодых храбрых друзей. Прошу меня простить.

Высокий молодой человек многозначительно кашлянул.

Корман пожал широкими плечами и помахал молодому человеку.

— Конечно. Мой дорогой Энгс, члены совета колонии арти Ксоактл. Позвольте представить моего помощника. Его зовут Джоэл Уилберсон. Он всюду сопровождает меня.

Глава арти произнес короткую приветственную речь, пригласив гостей сесть рядом с ним на возвышении. Саймон заметил, как тяжело пыхтит Корман, поднимаясь по нескольким ступеням. Он поистине огромен.

Однако сев, он сразу посмотрел на Саймона и Богарта.

— Простите, что вас прервали, курсант Рэк. Можете продолжать свой рассказ.

Все, включая Кормана, наклонились вперед, чтобы не упустить ни слова. Все, за исключением красивого молодого Джоэла, который ковырялся в носу, внимательно рассматривал то, что нашел в нем, и затем оправлял в свой рот купидона.

Саймон почти чувствовал, как поверхность его мозга гудит от электрической энергии, когда он лихорадочно пытался придумать, что рассказать. Появление Кормана, которому здесь уже верят, отправило все, что он приготовил, в ад и еще дальше.

— Мы пришли сюда, потому что нас ложно обвинили в двух убийствах на окраинных улицах Форт-Пейна. Нас преследовали, и мы решили, что на этой планете только в одном месте найдем безопасность и правосудие — здесь, в Ксоактле.

Наступила короткая тишина. Он услышал за собой резкий выдох Богги. Потом со всех сторон послышались голоса. Энгс потрясенно встал и помахал рукой, беспомощно пытаясь успокоить своих людей.

Саймон сумел обменяться с Богги несколькими словами.

— Если можешь придумать историю получше — сейчас уже поздно.

— Да, — мрачно согласился Богарт. И добавил: — Но я все равно не могу.

— Тише! Тише! Спасибо. Тише.

Наконец наступило что-то вроде тишины. Саймон видел, что Корман наблюдает за происходящим, как довольный кетам, с улыбкой на гигантских губах. Джоэл сидел рядом с ним, и Корман наклонился и что-то прошептал ему. Губами он легко задел щеку юноши.

— Итак, — сказал Энгс, — мы думали, что вы пришли либо как послы, либо как шпионы. На самом деле вы просто беглецы от правосудия.

Ниокл вскочил и застучал по столу.

— Нет! Я уверен, что они шпионы. Почему бы не убить их? Или вернуть их чертовой Федерации?

Девушка, Дайен, тоже встала.

— Мы решили никого не убивать. Это наш закон. А их корабль улетел. Мы не можем их вернуть.

— Дайен, ты обладаешь ви́дением. Они шпионы?

Она повернулась лицом к старику, свет блеснул на ее намасленном теле, гордо выставились груди.

— Я не всегда могу видеть, Энгс. Может, если я проведу с ними какое-то время, то узнаю правду.

Саймон импульсивно сказал:

— Мы согласны пройти любое испытание на честность. Мы не убийцы. И не шпионы. Мы не желаем вреда Ксоактлу или арти... художникам.

Корман наклонился и потянул старика за руку. Тот сел и стал слушать. Энергично покачал головой. Потом снова встал.

— Мы выслушали вас. Я за то, чтобы вернуть вас в пустыню, чтобы она вас проверила. Но я поставлю это на голосование. Кто хочет, чтобы эти люди были задержаны и подвернуты испытанию на правдивость?

Они быстро переглянулись, видя, что поднялась примерно половина рук.

— Кто хочет, чтобы их выпроводили?

Может, на несколько рук меньше.

— Очень хорошо. Чтобы отправить людей в пустыню, нужно определенное большинство. Не думаю, чтобы оно было. Уведите их.

Когда их выводили, Саймон посмотрел на толстяка и увидел, что тот благожелательно им улыбается. При этом правая рука его чем-то занималась на коленях у молодого человека.

Богарт тоже увидел это и презрительно плюнул на песчаный пол.

— Этот педик так влюблен в толстяка, что готов встать к нему раком.

Их смех, казалось, на мгновение отогнал нависшую над ними тень.

Сирк, в который их отвели, крепился к нижней части скалы, в стороне от остального поселка. Украшения были менее яркими — в основном черные и серебряные круги, бессмысленно сплетающиеся и расплетающиеся.

С двумя стражниками у дверей сирк стал эффективной тюрьмой. После того как их посетил Энгс, стражников убрали, но Саймон и Богарт дали слово, что не будут выходить. Старик был явно расстроен таким поворотом событий, но не готов по своему капризу рисковать безопасностью Ксоактла.

— Хотя я хотел, чтобы вас удалили, мой народ не захотел этого. Мы не любим насилия, но безжалостны к тем, кто лжет и угрожает нашему существованию. Если бы было по-моему, вам дали бы оружие, еду и достаточно воды и позволили добраться до одного из городов. Если теперь будет установлено, что вы лжете, ваша судьба будет труднее. Вас изгонят в пустыню без еды, воды и оружия.

Они хорошо запомнили его слова и спорили о том, что делать дальше. Богги был за то, чтобы попытаться украсть достаточно припасов и уходить.

— Нет. Слушай меня, Богги. У них есть этот газ и бог знает что еще. К тому же мы дали слово. И мы знаем, что говорим правду. Если сумеем убедить девушку, у нас будет шанс одолеть Кормана. Мы должны оставаться.

Богарт раздражительно пнул стул в угол, где тот ударился о стену сирка. К их ужасу, вся стена выпятилась к ним, и дом словно застонал. После этого они были осторожнее.

Время шло. Очень медленно.

Наконец — судя по жаре внутри сирка, была середина дня, — они услышали каблуки на каменном полу. Тень упала на дверь, и вошла Дайен. Как и раньше, она была обнажена выше талии. Ее кожаная сумка была украшена золотой вышивкой, а обувь разрисована и украшенная камнями. И она очень высокая, на несколько дюймов выше Богги.

Саймон почувствовал, как ускорился его пульс при виде ее обнаженной груди. Но кинжал в ножнах у нее на талии немного охладил его пыл.

Слегка наклонившись, она мрачно улыбнулась им.

— Я могу выслушать только одного из вас. Кто это будет?

Богарт криво улыбнулся.

— Думаю, ты слишком высокая, чтобы услышать, что я скажу. Лучше выслушай молодого Саймона.

Она ничего не ответила, просто повернулась и вышла, поманив за собой Саймона. Было время только на краткий обмен рукопожатиями, и Саймон пошел за ней.

Богги вслед послал предупреждение:

— Убедись, что твои ноги привязаны к кроватным столбикам. Иначе она проглотит тебя целиком.

И он остался один.

Дайен провела Саймона к небольшому сирку высоко на утесе, на некотором расстоянии от ближайшего дома. Сирк был украшен таким же рисунком, что и ее пояс.

— Ты сама это сделала? — спросил Саймон, показывая на переплетающийся серебристо-золотой рисунок.

— Да.

Она наклонилась и вошла, Саймон за ней. Внутри темно, свет только от отражения солнца, которое лежит на полу, как пятнистый ковер. В комнате кровать, стол и небольшой стул.

Дайен показала на стул, а сама легла на кровать. Подъем был трудный, но ровный подъем и падение ее грудей говорили о том, что она в хорошей форме.

— Хорошо, Саймон Рэк. Смотри на меня, держи мои руки в своих и рассказывай мне свою историю.

Он пододвинул стул и взял ее руки, удивляясь тому, какие они прохладные. Глаза у нее карие, с золотыми искорками, и он смотрел прямо в них.

Он уже собрался заговорить, когда кое-что заметил.

— Твои глаза.

— А что с ними?

— У тебя расширились зрачки. Ты приняла какой-то наркотик.

Части головоломки соединились, и он лучше понял общую картину.

— Наркотик. Он помогает тебе понять, правду ли я говорю. Рассказы правдивы. У вас, арти, есть какой-то тайный наркотик,

который дает вам власть над мозгом. — Неожиданно он удивился. — Но почему вы не используете его, чтобы получить власть? Если хотите этого.

Девушка села и высвободила руки. В глазах ее вспыхнул гнев, и одна ее рука почти незаметно потянулась к ножу.

— Вот как! Правда то, что сказал нам Корман. Ты действительно шпион и пришел, чтобы найти наши слабые места. Ограбить наше самое дорогое...

Она резко остановилась, поняв, что оказалась на пороге предательства.

Между ними повисло напряжение, как занавес из стеклянных бус. Саймон напряженно думал, как найти выход из опасной ситуации. Он видел, что она готова уйти. Рассказать, что она заподозрила. Приговорить его и Богги к смерти.

Он видел, как напряглись ее мышцы.

— Подожди! Выслушай меня, Дайен. Ради твоего народа. Прежде чем выслушаешь мой рассказ, позволь мне сказать тебе одно. Ты можешь определить, говорю ли я правду?

Она осторожно кивнула.

— Да. Я могу определить, когда мне говорят правду, а когда лгут. Что одно хочешь ты мне сказать?

Саймон едва мог сдержать удары в сердце. Он снова схватил ее за руку. Глаза его невольно оторвались от ее груди и погрузились в глубину ее глаз. Она слегка наклонилась вперед, лицо ее стало сосредоточенным.

— Ты готова, Дайен?

— Да. Но предупреждаю тебя: я не потерплю никаких хитростей. Я увижу. Если солжешь, тогда ты и твой друг все равно что мертвы.

— Хорошо. Я скажу тебе только одно. Вот что. И мой друг, и я хотим только добра Ксоактлу и людям в нем. Мы пришли, чтобы помочь.

На какое-то жуткое мгновение он почувствовал, как призрачные пальцы касаются его мозга, гладят его. Потом Дайен улыбнулась ему.

— Я рада этому. Ты говоришь правду. Но почему Корман так сказал?

— Ты его проверяла?

Она отрицательно покачала головой.

— Нет. Никому из нас не приходило в голову, что он может быть нечестным. Наверно, должно было прийти. Но твоя история перед советом — была ли она правдива?

Быстро, по-прежнему держа ее за руки, Саймон рассказал Дайен всю историю. Он опустил только причину, по которой оказался в Алом квартале.

Она слушала его молча, не отводя глаз. Когда он закончил, она выпустила его руки и легла. Лицо ее было обеспокоено.

— Ты правда веришь, что ученые могут это сделать? Нанять человека, чтобы украсть наши лучшие работы? Это кажется невозможным.

Саймону пришла в голову другая возможность, и он гадал, сказать ли об этом девушке.

Дилемма разрешилась, когда Дайен вдруг снова села и пристально посмотрела на него.

— Тебе пришла новая мысль. Расскажи мне ее.

— Хорошо. Я не слишком умен, но и не дурак. Ты делаешь это... читаешь мысли, используя какой-то наркотик. Верно?

Наступила долгая пауза. Дайен нервно облизнула губы, пальцы ее играли рукоятью ножа.

— Можешь не отвечать, Дайен. Молчание говорит мне все, что нужно. Я слышал, что ваши лучшие произведения искусства тоже созданы под действием наркотика. Предположим, кто-то наложит на него руки. Подумай, что может он дать бессовестному человеку.

— Такому, как Корман?

— Такому, как Корман.

К его удивлению, Дайен упала на кровать и заплакала. Плечи ее дрожали. Плачущая женщина — такого Саймон никогда не испытывал. С тех пор как покинул замок. Он сидел, покраснев, как идиот, и не знал, что ему делать. Осторожно протянул руку и потрепал ее по плечу. Как испуганную лошадь.

Она схватила его руку и сжала, заставив поморщиться от боли. Дайен сама не понимает своей силы. Между всхлипываниями она выложила то, о чем он уже догадался. Существует средство, которое называется атика. Это сорт грибов, и средство невозможно выработать искусственно, хотя это много поколений пытались делать лучшие умы. Своеобразный побочный продукт химической реакции и биологической мутации, и единственное место, где растет этот гриб, в подземельях по Ксоактлом.

— Дело вот в чем, Саймон: осталось очень мало атики. Гриб растет ужасно медленно. Поэтому только мне одной во всем Ксоактле разрешается использовать средство. Много лет назад все

могли его получить, сколько хотели, чтобы объяснить свой замысел и создать свои лучшие работы. Но беда в том, что им пользовались все, и его почти не осталось.

— Я могу его увидеть? И ваши сокровища?

— Нет. Нет, прости, Саймон. Для тебя это невозможно. Думаешь, Корман пришел за этим? И за нашими картинами и скульптурами? За атикой. И чтобы помочь тинкерам уничтожить Ксоактл?

Саймон кивнул.

— Боюсь что так, Дайен. Судя по тому, что я знаю о Харли Кормане, его желания так же велики, как его тело.

К его облегчению, часть напряжения с ее лица исчезла, и она рассмеялась.

— Да, он толстый. Почему-то считают, что толстяк обязательно бездельник, или весельчак, или добрый человек. Никто не думает о злых толстяках.

Продолжая смеяться, она усадила его рядом с собой.

— Ты очень молод, Саймон Рэк. Сколько тебе лет?

— Двадцать, — торопливо сказал он, забыв о ее способности.

Дайен хлопнула его по запястью.

— Нет. Мне неважно, что ты еще мальчик. Я почти на восемь лет старше тебя, но мне это неважно. А тебе?

Прежде чем он смог ответить, она потянула его голову вниз и подняла лицо навстречу ему. Ее губы, теплые и мягкие, прижались к его губам, а пальцы вцепились в его волосы. Он ответил на ее поцелуй, чувствуя себя неловким; опытный язык Дайен раздвигал его губы, требовал впустить, пока он не позволил это. Тогда она втянула его язык в свой сладкий рот, лизала его и тянула. А свой язык вытянула, глубоко вдохнув.

Она легко положила руки ему на плечи.

— Я хочу, чтобы ты взял меня, Саймон. Проник в меня. Прямо сейчас.

Вход в сирк закрывал легкий занавес. Саймон встал и опустил его. В круглой комнате стало темно, темнота была богатая, золотая, светящаяся, и он посмотрел на Дайен, которая снимала свой пояс.

— Сними с меня обувь, Саймон.

Почему-то она, совершенно нагая, заставила его покраснеть, хотя он почти привык видеть ее полунагой. Он потянул за гладкую кожу, снял с нее сапоги и отбросил их в угол; они упали с глухим звуком.

Мгновение он просто стоял и смотрел на нее. Она лежала на спине, слегка раздвинув ноги, на лице ее была улыбка, и она походила на прекрасную рыбу, освещенную желтым светом на дне какого-то необычного аквариума.

— Иди ко мне, Саймон. Или ты и дальше собираешься стоять и смотреть?

Он сделал движение к ней, собираясь лечь, но она остановила его движением руки.

— Ты не собираешься снимать свой мундир? Или у вас в Федерации правило, что офицер всегда должен оставаться в штанах?

В ее смехе была чувственность, какой он раньше не слышал. Но он представлял себе этот звук, лежа на своей одинокой койке в глубине «Искателя приключений». Этот звук затруднил ему задачу, потому что брюки наткнулись на выступающее препятствие.

Наконец он тоже разделся и прыгнул к ней, как лягушка, лишенная кожи, смущенный собственной эрекцией.

Дайен протянула руку и погладила своими прохладными сильными пальцами.

— Твой сенсор, похоже, знает, куда хочет, Саймон.

Он лежал рядом с ней, трогая ее груди, сжимая их, улыбаясь, видя, как ее соски отвечают на его прикосновение. Она поцеловала его, пальцами поддерживая его напряжение.

— Коснись меня здесь. Нет, здесь.

Он почувствовал, что его пальцы входят в ее влажную мягкость, заставляя ее застонать и извиваться под ним. Наконец она откинулась и провела его в себя.

Следующие несколько минут прошли в густой дымке. Все, о чем читал и слышал Саймон, все, о чем он мечтал, осуществилось на этой умирающей планете.

Когда все кончилось, он лежал неподвижно, сердце колотилось так, словно он пробежал гонку по горной местности. Дайен улыбнулась ему. Подняла руку и коснулась красного следа на плече, куда укусила его в момент оргазма.

— Было очень хорошо, Саймон Рэк. А тебе было хорошо?

Быстрый ответ просился на уста, но он подавил его. Ему хотелось повести себя так, словно такое с ним происходит постоянно.

Но он не смог.

Он сполз с нее, лег рядом и посмотрел на куполообразный потолок. Мягко коснулся щеки Дайен.

— Это мой первый раз.

Она приподнялась на локте и серьезно посмотрела ему в глаза.

— Я рада, что это было со мной.

Снаружи послышался легкий шум, как будто кто-то поднимается по лестнице. Печально улыбнувшись Саймону, Дайен встала и подошла к двери.

— Долг зовет, любимый. Мы должны идти к Энгсу и совету и рассказать то, что ты сказал мне. Потом... может быть, мы вернемся сюда.

Занавес зашумел, и она вышла на узкую площадку перед дверью. Саймон встал и начал натягивать брюки, когда услышал звук за занавеской. Этот звук встревожил его, но он расслабился, когда Дайен вернулась.

— Саймон...

Она произнесла это так тихо, что он едва услышал. Упрямые брюки не поддавались, и он не поднимал голову.

— Саймон...

На этот раз громче и напряженнее. Саймон Рэк поднял голову.

Великолепное тело Дайен качнулось к нему. Кровь текла из страшной раны в горле, спускаясь по грудям и животу. Забивалась в лобковые волосы, текла по бедрам и капала на пол.

Дайен шагнула, оставляя на полу кровавые следы.

В горле его поднялась желчь, когда он увидел, что с ней сделали. На его глаза неожиданно навернулись слезы. Он молод и неопытен, но достаточно времени провел в медицинском отсеке, занимаясь почти исключительно ранениями, чтобы узнать смертельную рану.

Она качнулась вперед, и он успел подхватить ее; теплая кровь ударила ему в лицо. Глаза ее были открыты и смотрели на него с удивленным выражением. Он осторожно положил ее на кровать и беспомощно смотрел, как кровь жизни вытекает через жестокий разрез горла.

Ее пальцы сжались на его руке, губы шевельнулись. Он наклонился, пытаясь услышать слова.

— Парень... Кормана... снаружи... нож в...

Слышалось только ее неровное дыхание, которое становилось все слабей. Саймон понимал, что убийца может еще быть здесь, и ему ужасно хотелось выйти и убить его. Разорвать его на куски голыми руками.

Но девушка умирала. Он не оставит ее умирать одну.

Рука, сжимавшая его руку, разжалась, дыхание стихло. Саймон посмотрел вниз и увидел, что поток яркой крови сменился маленьким нерегулярным ручейком. Даже в свете охры через занавес лицо и тело Дайен побледнели. Глаза закрылись, спокойное лицо застыло.

Осторожно положив девушку на кровать, Саймон поискал ее пояс. Она беззаботно отбросила его, когда они занимались любовью. Из пояса торчала рукоять ее кинжала. Обоюдоострое лезвие, украшенное, с прекрасной гравировкой. Рукоять обмотана полосками кожи, и равновесие в руке превосходное.

Вытерев пот с пальцев, Саймон подготовился к выходу. Порыв ветра откинул тяжелый занавес, пятна света плясали и смешивались на полу. Пол покрыт пятнами темной крови.

Он услышал скрип лестницы, но это может двигаться кто-то другой. Саймон шагнул к двери.

Сорвав занавес с опор, в сирк ввалились два человека, схватившись в отчаянной схватке. Оба держали ножи, один в крови.

Один темнокожий, на нем только пояс арти. Второй стройный, с копной всклокоченных светлых волос. Свет, проходящий в дверь, отразился на золоте его сандалий. Это был Джоэл Уилберсон, и на его ноже была кровь Дайен.

Два человека покатились, и Саймону пришлось отступить, чтобы не столкнуться с ними. Схватка была такой тесной и напряженной, что он не мог разглядеть, кто этот арти.

На мгновение они разъединились, и Саймон узнал мрачное лицо Ниокла, молодого человека, который выступал против них на совете. В свою очередь и он узнал Саймона и сказал:

— Вот оно что! Вы двое союзники. Ну, вам это с рук не сойдет.

Стройный молодой человек увидел возможность и сделал отчаянный рывок к двери. Но Саймон был быстрее. Он выбросил ногу, ударив убийцу по голени.

Джоэл, защищаясь, вытянул руки, но падение было слишком стремительным. Он ударился животом с такой силой, что весь воздух вырвался из легких. Кинжал покатился по полу и остановился у ног Ниокла.

Джоэл встал на колени, он оскалил зубы, пытаясь вдохнуть воздух. На глазах у изумленного арти Саймон быстро шагнул вперед и ударил голой ногой. Удар пришелся Уилберсону в горло, и тот упал, дергаясь от боли. Он прикусил язык, и изо рта у него потекла кровь.

Не обращая внимания на стонущего противника, Ниокл протиснулся мимо Саймона и посмотрел на Дайен, лежащую на окровавленной постели. Когда он повернулся, лицо его было бесстрастным.

— Рэк. Я пришел узнать, закончила ли Дайен тебя расспрашивать. Я видел, как этот... — он ножом показал на Джоэля Уилберсона, — поднимается по лестнице. Я пошел за ним. Вышла Дайена. Он ударил ее этим ножом. Это все.

Саймон и Ниокл быстро связали раненого Джоэля полосками, отрезанными от постельного белья. Потом подняли и поставили на ноги, ослабив путы лишь настолько, чтобы он мог спускаться по лестнице. Все это время Джоэл что-то бормотал и кашлял кровью.

Когда это было сделано, Саймон посмотрел на Ниокла.

— Я рассказал Дайен всю правду. Корман преступник, он хочет уничтожить всю вашу общину и забрать ваши сокровища.

Темные глаза смотрели на него.

— То, что произошло, показывает, что твои слова могут быть правдой. Но как я могу быть уверен?

Саймон ответил ему одним словом:

— Атика.

Ниокл свистнул и опустил голову.

— Вот как. Она сказала тебе это. Значит, она тебе верила. Идем. Мы должны пойти к совету и рассказать ему об этом. Энгс сейчас совещается с другими старейшими. Мы можем пойти к нему.

Золотой свет тускнел, и Ореол Зайина повис над головой, когда они проделали опасный путь вниз. Джоэл, не способный держаться за лестницу связанными руками, стонал и кричал при спуске от страха. На полпути стало ясно, что он действительно может упасть, и Саймон неохотно перерезал его путы, оставив их только на ногах.

Наконец он почувствовал под ногами твердый камень. Через несколько мгновений они были в прохладных коридорах.

Джоэл продолжал плакать, когда они вели его в полутьме. Ниокл шел по извилистым лабиринтам, привлекая любопытные взгляды проходящих мимо арти.

— Не могу дождаться, когда увижу жирную морду этой свиньи, — сказал Ниокл, поворачивая за угол.

— Ты желаешь встретиться с какой-то конкретной свиньей?

Голос низкий и звучный, он слышен, но непонятно, откуда исходит.

— Корман! — выдохнул Ниокл.

Рука его опустилась к поясу, и он извлек нож, попятившись к Саймону и пленнику.

— К твоим услугам! Мне жаль видеть, что вы так плохо обращаетесь с моим спутником. Боюсь, совет будет этим недоволен.

— Этот твой спутник убил Дайен! И мы все знаем о твоих планах.

Из темноты послышался негромкий смех.

— Поистине. Курсант Рэк, ты очень надоедливый молодой человек. Я больше не могу терпеть твое постоянное вмешательство в мои планы. Думаю, дорогого Джоэла надо отшлепать, и поскорее. Какое же старинное выражение мне нужно? Да, он все вам выложил. Нехорошо, Джоэл. Меня печалит такое отсутствие благодарности.

Арти и Саймон держали Джоэла между собой, подальше от этого культурного насмешливого голоса. Джоэл упал на колени и громко плакал.

— Харли, дорогой, я тебя не предал. Они сами узнали. Рэк узнал. Я слышал, как он говорил об этом девушке, поэтому заставил ее замолчать. Как ты хотел.

Вздох, легкий, как капля яда в бокале с добрым вином.

— Прощай, Джоэл.

Треск, словно хлопок хлыста, и залп энергии пролетел между Саймоном и Ниоклом и отбросил Джоэла к стене. Нарядная одежда вспыхнула. В свете этого пламени Саймон увидел, что залп попал Джоэлу прямо в грудь, образовав дыру, в которую можно просунуть кулак. Джоэл умер мгновенно.

Кровь зашипела, попадая в огонь, постепенно погасив его. Саймон инстинктивно опустился на колено, готовый броситься в укрытие. Часть коридора, в которой они оказались, очень плохо освещена. Но та, в которой ждал Корман, совершенно темная.

После первых мгновений шока Ниокл начал действовать. Ноги его заскрипели на песке, он бросился туда, откуда донесся выстрел. Но арти опоздал, и Саймон это знал.

Оружие хлестнуло снова. Даже в тусклом свете Саймон видел, как поднялись руки Ниокла, услышал его приглушенный крик и звон ножа, ударившегося о стену. Воспользовавшись этим моментом, Саймон нырнул за большой камень и укрылся здесь, положив руку на рукоять кинжала Дайен.

Он слышал, как бьется Ниокл в болезненной, черной, одинокой смерти. Дважды он крикнул, просил Саймона помочь. Но мо-

лодой офицер остался на месте. Его единственный шанс — переждать Кормана и ударить ножом, когда тот двинется. Если он пойдет к умирающему арти, то станет просто легкой целью для Кормана.

Он был неподвижен, наклонившись, готовый к мгновенным действиям.

— Послушай, дорогой Саймон. Будь разумен. Я не желаю тебе зла. У меня нет желания конфликтовать с Галэсбэ. Пойдем со мной к этому маразматику Энгсу и вдвоем сочиним для него правдоподобную историю. Что? — Саймон ждал, чувствуя, как сердце бьется о ребра. — Что скажешь? Ты мне не вполне доверяешь? Так? — снова смех. — Думаешь, я не знаю, где ты? Вот, прими это как небольшое доказательство моей честности.

Что-то скользнуло по неровному каменному полу и остановилось у его ног. Осторожно, подозревая какую-то западню, Саймон протянул руку и коснулся этого.

Инстинктивно он отдернул руку. Горячий ствол пистолета. По-прежнему чувствуя предательство, Саймон подтянул оружие к себе, взялся за рукоять, пальцем нащупал спуск.

Он улыбнулся. Теперь только вопрос времени, когда кто-нибудь придет ему на помощь. Он уже слышал шаги людей, бегущих на шум.

— Ты действительно думаешь, что я помогу тебе, Корман? После трех убийств. Должно быть, ты сошел с ума. Как только арти будут здесь, я расскажу им, что случилось. Ты все равно что мертв.

Голос, который он услышал поверху звуков бегущих людей, звучал спокойно и уверенно. Корман улыбался.

— Мой дорогой молодой человек. Поистине, ты очень жизнерадостен.

Из-за угла, со стороны внутренней пещеры Ксоактла, показался свет.

— Сюда! На помощь! Сюда! — закричал Саймон.

Тьма отступила в тени, и все пространство заполнилось вооруженными людьми. Они возбужденно заговорили, увидев тела. Саймон осторожно встал, все еще держа пистолет, и осмотрелся в поисках Кормана.

Предводитель стражников первым увидел Саймона и направил на него оружие. Саймон улыбнулся и опустил пистолет, так что ствол был направлен в пол.

— Не волнуйся. Я не тот, кто вам нужен.

— О, но это он. Очень боюсь, что это он и есть.

В мятом костюме, с лицом, искаженным тревогой, толстяк шел по песку к предводителю.

Прежде чем тот смог заговорить, Корман показал на Саймона.

— Вот ваш злодей, капитан. Я шел сюда, когда увидел, что он грозит моему спутнику бластером. Этот смелый парень, — он показал на тело Никола, — попытался спасти его, но он его убил. Джоэл попытался убежать, но Рэк убил и его. Если бы вы не пришли вовремя, он убил бы и меня, как единственного свидетеля своих преступлений. Я в долгу перед вами.

У Саймона отвисла челюсть. Быстрота мышления Кормана и поразительное владение нервами оказались для него полной неожиданностью. Все посмотрели на него. Не понимая, что делает, он поднял бластер.

— Видите, вот оружие, которым он пользовался.

Огонь от факелов арти блеснул в маленьких глазах Кормана, утонувших в подушках жира.

— Нет, нет...

Саймон замолчал, поняв, что слова бесполезны. Толстяк полностью переиграл его. Он держит оружие, из которого убиты Джоэл и Ниокл. И на нем только одни отпечатки. Саймона.

Он мгновенно принял решение. Бластер прикрыл полукольцо стражников.

— Нет. Простите. Он лжет, но я не могу это доказать.

Медленно, щупая землю за собой, Саймон попятился. Глава стражников сделал к нему шаг, потом остановился.

— У тебя нет ни одного шанса. Мы схватим тебя в любое время.

— Отступите. Я никому не хочу причинять вред, но...

Корман двинулся вперед.

— Кроме этих невооруженных юношей! Послушайте, если вы его не остановите, это сделаю я.

И он начал приближаться к Саймону. Прикусив губу, Саймон прицелился в ноги толстяка, готовый нажать на спуск.

— Подойдешь ближе, и я...

И тут он увидел, что толстяк подмигнул. Понимание пришло слишком поздно.

— Ты все время лгал, толстый ублюдок! — крикнул он.

Хорошо понимая, что последует, он нажал на спуск. Легкий щелчок. И больше ничего.

Корман все продумал, убрав из бластера заряд, после того как убил Джоэла и Ниокла.

Саймона схватили и повели на совет. Встреча будет совсем не такой, как он ожидал. Корман шел рядом с ним, тяжело дыша и вытирая пот большим белым носовым платком.

— Клянусь своей душой, Рэк. Я не думал, что дорогой Джоэл предаст меня.

Не глядя на него, Саймон ответил:

— Он не предал. Я сам догадался. Дайен поверила мне, и твой маленький педераст зарезал ее.

— Догадался! Потому что видел меня с нашим маленьким другом в «Красной дыре»?

— Перестань, Корман. Чтобы ты ни говорил своему приятелю тинкеру, тебе нужны сокровища.

Плечи толстяка затряслись.

— Возможно, ты прав. Впрочем, это тебе не поможет. Но есть сокровища и сокровища.

Не способный остановиться, Саймон сказал:

— Ты имеешь в виду атику? Ты ее никогда не получишь.

Впервые за все время Саймон почувствовал, что Харли Корман встревожился. Было очевидно: он не подозревал, что Саймон знает о драгоценном веществе.

— Что ты знаешь об атике?

Саймон молчал.

— Ну, не вижу, каким образом это знание тебе поможет. Тебя осудят как убийцу, и это конец. Бедный, бедный маленький Джоэл. Он был такой хороший...

Он замолчал.

Разъяренный жестокостью этого человека, Саймон повернул голову и посмотрел на него.

— Мой бог, Корман! Что бы они ни подумали, мы оба знаем, как он умер. Как ты мог это сделать?

Впереди показался свет. Они у самого помещения совета, где Саймона будут судить.

Корман быстро прошептал:

— Как? Мой дорогой друг, в галактике масса таких Джоэлей. А источник атики лишь один.

Глава 6. Золотой ковер

Ошеломляющие сжатие стальной руки, державшей его мозг, казалось, на мгновение расслабилось. Он чувствовал, как боль рябью плывет по поверхности его мозга.

Порвалась ткань на плече, на мгновение замедлив его смертельное падение.

Его зовут, голос кажется высоким и нормальным. Он узнает свое имя. Но остальные слова сливаются и совершенно непонятны.

Острый запах аммиака становится сильнее. На краю зрения промелькнуло что-то желтое. Одежды кого-то другого падают далеко и высоко над ним. Поворачиваются в лихорадочном движении.

Он выигрывает время.

Выигрывает. Но слишком поздно. Слишком поздно. Поздно.

— Теперь слишком поздно беспокоиться об это, Богги. Сейчас неважно, кто прав, а кто неправ. Только кто живет, а кто умер.

Была еще ночь. Стоя у входа в маленький тесный сирк, Саймон мог изогнуть голову и посмотреть на окрашенное золотом небо и на Ореол Зайина, словно какой-то неземной мост, висящий над ними.

— Когда нас выгонят? Разве Энгс не сказал, что при первом свете?

Саймон повернулся и сел, прижимаясь спиной к круглой стене. Сильно нажимая, можно было почувствовать ответное нажатие живого существа. Он зевнул, стараясь выглядеть беззаботным перед человеком, который старше и опытнее его.

— Да. Когда луч охры упадет на Глаз Ксоактла. Так он сказал. Это значит, когда солнце коснется полированного камня на верху утеса. Должно быть, уже скоро.

Почему-то ожидание давалось Саймону труднее всего. Суд был милосердно коротким, хотя Энгс не удержался от искушения и произнес проповедь, посвященную тройному убийству. Саймон понял, что отделался действительно легко.

Богарт словно бы читал его мысли.

— Говорю тебе, Саймон, могло быть гораздо хуже. Я был на одной далекой планете, где убийц бросают в расплавленное стек-

ло. А на другой планете хирургически удаляют руки и ноги и сажают на столб посреди бассейна с хищными рептилиями.

Как ни трудно, Саймон смог слегка улыбнуться.

— Да. Ты меня очень подбодрил, Богги. Но, как ты сам говоришь, пока бежишь, ты жив.

Снаружи они слышали шум: собирались арти, чтобы стать свидетелями их изгнания из Ксоактла. Таков был приговор. И не только Саймону, но и Богги, как его сообщнику. Быть изгнанными в пустыню без еды, без воды и без оружия.

Хотя Саймон сумел сохранить в тайне свой драгоценный метательный нож.

— Я думал, женщины разорвут нас на куски. Как ты думаешь, не стоило ли попросить о свидании со стариком и заставить его выслушать, что произошло на самом деле? Я хочу сказать, что они должны быть нам благодарны. Вместо того чтобы выкидывать на смерть в пустыню.

Они слышали скрип лестницы, по которой поднимались к их сирку. Казалось, в воздухе появился намек на свет.

Саймон посмотрел на смутные очертания Богги.

— Дьявольщина. Все равно что спорить с Т. Пиксидисом в одном из его новых произведений. Нет, я жалею только том, что попал в этот переплет.

Богарт легко потрепал его по руке.

— Послушай меня. Если придется идти туда — а должен сказать, что наши перспективы меня не слишком радуют, — я встретил немного людей, с которыми хотел бы пойти.

К своему удивлению, Саймон почувствовал, что у него слезы на глазах, и закашлялся, чтобы скрыть смущение. Занавес отдернули, показались вооруженные стражники, смотревшие на них с неприкрытой ненавистью.

— Идемте, ублюдки! Надеюсь, один из вас дернется. Ничего не хотел бы больше, как размазать вас по скалам.

Они не ответили. Что можно ответить на такую оправданную горечь? Осторожно спустились по раскачивающейся лестнице на сотни метров вниз.

Саймон использовал небольшую паузу, чтобы осмотреться. Далеко, на самом краю зрения над горизонтом показался еле заметный серебряный блеск. Желтые лучи протянулись над неровной местностью, освещая вершины и погружая углубления в еще большую тень.

На мгновение его глаз уловил серебряную вспышку далеко на юге, словно первые лучи солнца блеснули на полированном металле. Похоже на летящую иглу.

— Я только что видел корабль тинкеров, — сказал он Богги. — На юге. Похоже на то, что он садился.

Богарт не ответил.

Когда они спустились на дно, их окружила почти вся колония. Слышались гневные крики, и одна из молодых женщин бросила камень, попав Богги в плечо. Стражники окружили их, и Энгс возвал к миру. Он повторил приговор, и их отвели на край поселения, за пределы чашеобразного кратера. Один из стражников толкнул их, Саймон при этом едва не упал на острые камни.

Затем их оставили одних.

За ними восходящее солнце отражалось от Глаза Ксоактла на самом краю утеса.

Хотя солнце поднялось едва на половину и выглядело ярким полумесяцев, стало уже жарко. Оба бросили последний взгляд на Ксоактл, с его многоцветными шарами, цепляющимися за утесы и связанными только веревками и лестницами.

И повернулись лицом к негостеприимной пустыне — худшей во всей галактике.

— Куда пойдем, Богги?

— Недалеко. Только чтобы уйти от этой толпы. Потом найдем убежище на самую жаркую часть дня. Идти будем по ночам. Пойдем туда, где ты видел корабль тинкеров. Может, у них там лагерь.

Они двинулись по расколотым камням на юг. Пытались не падать. Пытались экономить силы. Искали убежище, прежде чем солнце выпарит воду из их тел.

В голове у Саймона была одна мысль: было ли то, что он видел, кораблем и есть ли там лагерь? Если так, то их смертный приговор может еще быть не исполнен. Как говорил его старый сержант: небольшая надежда намного лучше отсутствия надежды.

Спустя час они, казалось, едва продвинулись. Солнце поднялось, приблизившись к самому низкому участку Ореола Зайина. Мундиры у них потемнели от пота, на груди и животе, под мышками и на спине появились темные пятна. Дыхание с хрипом вырывалось из горла Саймона, и он уже хотел пить больше всего на свете.

Больше всего, кроме мести. Мести Корману. Убийце с ножом под плащом. Улыбающемуся убийце.

Соль жгла глаза, колола кожу, оживляла прежние раны, словно они не зажили. Они с Богги вышли на полоску ровного песка вдоль того, что когда-то могло быть руслом реки. Саймон шел механически, закрыв глаза, измучив себя мыслями о ледяной воде. Ледяной воде, текущей у них под ногами. Холодной жидкости, плещущейся меж камнями.

Не думая о том, куда ступает, он споткнулся и упал, больной ударившись ребрами.

Удар причинил сильную боль. Он почувствовал, что задел за что-то плечом, и это замедлило падение. Дышать стало трудно. Острый запах аммиака стал еще сильнее.

Пещера была маленькая и тесная, но она спасала от жары и помешала испарению жидкости из тела. Они провели здесь большую часть дня, и сейчас пора идти дальше.

Они почти не разговаривали — говорить было не о чем. Если там впереди лагерь, они смогут обсудить позже. Если нет, вероятно, через два-три дня они будут мертвы. Если бы они сразу направились в Форт-Пейн или в Форт-Дан, возможно, у них еще оставался бы незначительный шанс.

Но если они доберутся до города, их арестуют, а может, и убьют. В любом случае оттуда они не смогут вернуться к Харли Корману. И при этом помочь арти. Но этот второй мотив находился в конце списка их целей.

Часть дня Богарт говорил о выживании. Саймон проходил необходимые курсы, но очень скоро понял, что между теорией и практикой огромное расстояние.

Слушать хороших лекторов и делать записи в обогреваемой комнате или в помещении с кондиционированием.

Умирать с почерневшим языком в изъеденном язвами рте.

Как можно меньше потейте и сосите что-нибудь. Одно из лучших средств для этого — сырой лук. Для удовлетворения потребностей в прохладном климате нужно полгаллона воды. В жарком это количество удваивается.

Так написано в учебнике. Ничего сырого поблизости нет. Нет гладких камней. Только острые осколки и песок. И очень трудно не потеть, когда пот каплет с кончика носа, когда ты просто сидишь в тени и стараешься не шевелить ни одной мышцей.

— Мне нужно помочиться. Эй, Богги!

— Что?

— А почему бы нам не пить мочу? Лучше, чем ничего. Как-то профильтровать ее.

Голос Богарта звучал устало.

— Слушай, молодой Саймон. Моча соленая. От нее еще больше захочется пить. Мне это не кажется хорошей идеей. А? — Саймон выглядел таким разочарованным, что Богарт с трудом улыбнулся. — Но если вымочишь в ней рубашку и протрешь тело, это поможет сохранить в нем жидкость.

Хотя он был готов пить мочу, мысль о том, чтобы натереться ею, показалась Саймону отвратительной. И только когда Богарт это проделал, он последовал его примеру. И обнаружил, что охлаждение, хотя и короткое, было приятно.

Саймона весь день изумляло, как хорошо Богги разбирается в технике выживания. Когда солнце обожгло лицо и Саймон начал снимать верхнюю часть мундира, Богарт остановил его, сказав, что нужно сократить испарение пота.

— Богги, без тебя я бы ни за что не справился. Спасибо.

Товарищ потратил драгоценную жидкость, попытавшись плюнуть.

— Послушай, Саймон, быть половиной команды значит никогда не благодарить. Эй, мне это понравится. Будет частью истории.

Как только солнце ушло за неровный горизонт, они снова пошли. Отдых помог, но они по-прежнему выглядели, как пара давно похороненных скелетов. С осунувшимися лицами, покрытыми песком и пылью.

Саймон постарался запомнить, в каком направлении видел корабль тинкеров, и они пошли туда.

Камни были все еще слишком горячими, чтобы к ним прикасаться, но постепенно, по мере наступления темноты, охлаждались. К счастью, света космического мусора, как радиоактивной радуги, было достаточно, чтобы идти. Луны у Зайина нет.

В такой местности трудно определить, сколько прошел, но Богги считал, что они прошли примерно треть до своей цели.

Приближался рассвет, когда Богарт упал в расселину. Только что он шел впереди, его тяжелое дыхание служило для Саймона, идущего в нескольких метрах сзади, путеводителем. В следующее

мгновение послышался грохот камней, скользящих в гулкую пустоту.

— Богги! Боже, Богги!

Гул катящихся камней длился словно столетия. Наконец стало тихо. Не обращая внимания на острые камни, резавшие руки и грудь, Саймон вытянулся на краю расщелины, пытаясь заглянуть вниз. Свет был такой слабый, что он едва видел конец своей руки.

Дважды он позвал Богарта, напрягая слух, чтобы услышать ответ снизу, из глубины этого вертикального спуска. И когда услышал ответный голос, был изумлен тем, что он так близко. Может, в трех-четырех метрах внизу. Слабый и дрожащий.

— Я здесь. Тут карниз. Полметра шириной и два в длину. Кажется непрочным, как ад. Я пытаюсь стоять на нем.

Послушался шум падения и перемещения камней и земли. Саймон пытался считать, чтобы определить глубину отверстия.

Остановился на счете сорок.

Все равно слишком глубоко.

Наконец он смог разглядеть белый круг лица Богги, плывущий в глубине, как затонувшая луна.

Протянув вниз руку как можно дальше, он понял, что этого недостаточно. Быстро снял свой стандартный пояс для инструментов и попробовал опустить его.

— Не получается, — сказал Богги. — Не могу дотянуться на ширину нескольких ладоней. Подожди. Я сниму свой пояс и брошу тебе. Свяжешь два пояса и вытащишь меня. — Пауза. — Но поторопись, молодой Саймон. Этот карниз всю ночь не будет меня держать.

Новый шум, потом выдох с усилием — Богги бросил пояс. Но скала неровная и немного нависает. Пояс задел за верх и упал назад. Саймон закрыл глаза, думая, что все потеряно.

— Саймон, я его поймал. Но в следующий раз могу и не поймать. Твоя очередь предложить блестящую идею. Эй! Какого... Нет!

Саймон, покачиваясь, остановился на карнизе рядом с ним. Оба почувствовали, как карниз осел на несколько сантиметров. Потом все стихло.

Очень тихо Богарт сказал:

— За годы службы я видел немало глупостей. Видел колоссальные глупые фонтаны зеленого дерьма. Но ты, Саймон Кеннеди Рэк, несомненно, самый тупой и...

Саймон прервал его.

— Нет времени на комплименты, старина. Этот карниз недостаточно велик для нас обоих. Вот мой пояс. Возьми оба пояса в зубы и забирайся мне на плечи. Выберешься наверх и спустишь оба пояса. Если мы потеряем один из них, мы мертвое мясо в недрах этого недоброго мира.

В наступившей тяжелой тишине они услышали далекий гул корабля-иглы, идущего на посадку недалеко от них.

Стараясь говорить разумно, Богарт готов был возражать. Саймон остановил его.

— Слушай, бочонок жира, поднимайся, пока я не выпнул твой зад через лицо! Понял?

— Да, сэр, — ответил Богги, не в силах сдержать улыбку в голосе.

Еще один сдвиг карниза заставил его поторопиться. Он осторожно забрался на плечи Саймона, сжимая оба пояса в зубах. Камни под ногами Саймона скрипели и дрожали. Толчок — и тяжесть с его плеч исчезла.

Через несколько мгновений Богарт спустил ему пояс, Саймон вскарабкался по нему и, тяжело дыша, лег рядом с Богартом.

Именно в этот момент карниз не выдержал и рухнул в глубину расселины. Жизнь не всегда бывает такой!

Они встали, увидев первые лучи солнца в небе.

Богарт просто пожал Саймону руку.

— Рэк, если мы выберемся из этой заварухи целыми и Галэсбэ снова прижмет нас к груди, буду рад, если ты станешь моим партнером.

— В корабле-разведчике?

Богги широко улыбнулся.

— Я всегда хотел этого. Я здесь потому, что в корабле мне душно. Мне подходит только открытый космос.

Они обменялись рукопожатием.

Солнце начало печь, и они сразу занялись поисками убежища. Нашли впадину. Не такую хорошую, как накануне, но дающую небольшую тень.

Они жались в тени, пытаясь уснуть.

Днем спать было трудно из-за жары, но время от времени им удавалось задремать, всегда просыпаясь рывком.

Весь день в пустыне ничего не двигалось, слышался только грохот камней недалеко. Так как больше такого не случалось, они решили, что это рухнувший карниз.

Как и оказалось.

Желтый ослепительный свет словно прорывался под закрытые веки, прямо в мозг.

Над собой Саймон увидел другое тело, летящее к нему, раскинув руки и ноги, как у куклы с оторванными конечностями. Вокруг головы и груди этого тела клубился розовый туман. Вначале это его удивило. Но потом он понял, что это кровь.

Значит, Богги до него добрался.

— Старая команда. Никогда не подведет, — сказал он, продолжая скользить к озеру.

Когда пришло время выступать, Саймон обнаружил, что он бесконечно устал. Кожа на лице потрескалась и сходила, в углах рта незаживающие раны. Глаза страшно жгло, а колени и плечевые суставы болели. Зубы высвобождались в деснах, а язык по-прежнему разбух. Оба попытались помочиться, чтобы получить прохладу для тела, но смогли выпустить только несколько ярко окрашенных капель.

Но они должны были идти.

Корабль тинкеров приземлился, но они не слышали, чтобы он снова поднялся. Значит, он где-то поблизости.

Должно быть, в ущелье где-то вблизи. Вопрос только, где именно.

Они брели, скользя и падая. Они настолько устали, что даже не бранились, когда снова падали, споткнувшись. Их мундиры превратились в рваные грязные тряпки, и кровь окрасила их тела. Ноги были покрыты массой кровавых волдырей, руки изрезаны.

В эту ночь они прошли едва половину расстояния, которое преодолели за первую ночь. Когда солнце начало свое новое дневное путешествие, они упали в небольшое углубление, дававшее минимальную тень. Хотя никто об этом не говорил, оба знали, что, если завтра не доберутся до лагеря, они достигнут пределов своей выносливости.

Но по крайней мере в истощенном состоянии оказалось легче уснуть. Вначале дрожь земли разбудила Саймона, мгновение спустя проснулся Богги. Они услышали низкий гул и вой двигателя корабля, начинающего подъем.

Разрезая заостренным носом, как скальпелем, небо, корабль тинкеров поднялся, и ветер, поднятый им, заставил их укрыться и закрыть глаза от потоков песка и мелких камней.

После того как удары стихи, Богги коснулся плеча Саймона.

— Здорово! Тут должно быть не дальше мили. Мы задолго до утра будем у их лагеря.

На Саймон не разделял его энтузиазм.

— Очень много «если», Богги.

— Что ты хочешь сказать?

— Допустим, корабль унес их всех. Придя в лагерь, мы найдем кольцо обожженной земли и ничего больше.

Остальную часть дня они провели почти в полной тишине.

Когда раскаленный диск ушел за далекий горизонт, они пошли. Несмотря на усталость и очень трудную местность, шли быстро, не обращая внимания на новые порезы и ушибы в своем стремлении быстрее добраться до места старта корабля.

И когда нашли это место, поняли, почему не могли увидеть его издалека. Лагерь располагался в кратере. Меньшем, чем кратер Ксоактла, но все же достаточно глубоком, чтобы спрятать целую флотилию кораблей-игл. Внизу они видели пузыри временных жилищ, каждое с собственной установкой по обогреву и подаче воды.

— Там никого нет. Ни в одном жилище не видно света. Место брошено!

Саймон едва не заплакал от разочарования. Они опоздали. Корабль забрал всех тинкеров, чтобы перенести их на короткое расстояние в Ксоактл, где, наверно, выпустит их на флоатерах.

— Подожди. Смотри! — Богарт торопливо считал. — Шестой справа. Там слабый огонь. Пошли.

Из освещенного жилища доносился негромкий гул электрического мотора, приглушенный изоляцией на крыше и стенах. Ставя ноги осторожно одну за другой, Богги и Саймон продвигались вперед.

Вооружившись несколькими камнями, Богарт шел впереди, Саймон шел за ним. Единственным освещением служила призрачная фосфоресценция небесной дуги.

Чувствуя, как острые края камней впиваются в раны на руках, Богги шел, пригнувшись. На мгновение он остановился, когда высота гудения слегка изменилась, потом загудела по-прежнему.

Он был в двадцати шагах.

— Брось камни и встань прямо.

Голос громкий и металлический, в нем что-то нечеловеческое. Богги повернулся, готовый бросить камень; ударил луч и бросил его на землю. Плечо обожгло, и рука онемела.

— Дурак! Я хочу знать, кто ты такой и что здесь делаешь. Если не ответишь, я выжгу тебе мозг, как что ты больше никогда не сможешь производить эти ваши предметы арти.

Голос звучал спокойно и безлично.

В темноте Богги едва мог разглядеть, откуда он исходит. На метр в воздухе на серебристой платформе сидел тинкер, гротескный в своем экзоскелете. Какое-то оружие было нацелено на Богги.

Саймон был за жилищем. Он застыл и только осторожно выглядывал из-за угла. Ему было хорошо видно, что тинкер один. И он на флоатере. С антигравитационным двигателем — именно то, что им нужно, чтобы вернуться в Ксоактл и уничтожить Кормана. Платформа способна выдержать двоих и пронесет их над любой защитой арти.

Но Богги во власти тинкера. Тот вооружен и защищен броней. Саймон быстро извлек нож и начал разрезать верх мундира на полосы.

Время. Богги знал, что Саймон попытается его спасти. Если у него будет время.

— Почему ты думаешь, что я арти?

— Здесь я задаю вопросы. Мне очевидно, что ты грязный арти. Кем еще ты можешь быть?

Притворяясь, будто он в худшей форме, чем в реальности, Богарт тянул время, стеная и держась за голову.

— Наверно, ты прав.

— Конечно. Мы годами изучали вашу жалкую колонию. Я знаю об арти все факты, что нужно знать.

— Все артефакты чего?

— О чем ты?

— Какие артефакты?

— Все факты об арти.

— Откуда?

Богги почти наслаждался этой абсурдной игрой. И это дает ему время.

— Как ты можешь спрашивать «откуда» о фактах об арти?

— А. Не артефакты. Факты об арти.

Голова, маленький шар в защитной оболочке мощной брони, повернулась к нему.

— Своей болтовней ты тратишь мое время. Завтра к заходу солнца твоя прогнившая колония превратится только в воспоминание.

Флоатер мягко опустился и с еле слышным шумом сел на песок. Потянувшись, как отвратительное гигантское насекомое, тинкер вытянул длинные ноги и встал; теперь он на метр возвышался на Богартом.

— Я считаю, что ты всего лишь жалкий шпион. Не могу понять, чем ты можешь нам повредить. Поэтому логика говорит, что я должен просто убить тебя.

Последовал очень легкий свист летящего предмета и звон, когда этот предмет попал в цель. Медленно, как здание в лесах, которое начинают сносить, тинкер сложился и упал на камни. При это он пальцем нажал на спуск своего оружия, и луч света превратил большой камень в осколки. Бластер выскользнул из потерявших чувствительность пальцев.

— Боже, Богги, слушая эту болтовню об артефактах, я едва не лопнул, сдерживая смех. Но это дало нам необходимое время.

Богарт подошел к тому месту, где лежал тинкер, и посмотрел на него. Света из ближайшего дома было достаточно, чтобы увидеть струйку крови на лице маленького человека.

— Как ты это сделал? Бросил камень?

— Нет, слишком рискованно. Будучи детьми в замке, мы ходили за дичью с пращами и камнями. Я сделал пращу из полосок мундира и из нее бросил камень. Проклятый маленький ублюдок. Он получил по заслугам.

Они не стали тратить времени на то, чтобы связать тинкера, только взяли небольшой запас еды и воды и побежали к флоатеру. Он был не поврежден, а они достаточно знали о принципах его работы, чтобы управлять им.

Пока Богги проверял двигатель, Саймон забрался на платформу.

— На этом мы к рассвету легко доберемся до Ксоактла. И сможем заняться Корманом.

— А как же он? Может, у него есть передатчик. — Богги помолчал. — Саймон, думаю, благоразумнее убрать его. Как ты считаешь?

Саймон медлил в нерешительности. Если бы неделю назад ему сказали, что он будет стоять здесь, изрезанный и окровавленный, в рваном мундире, и хладнокровно решать, убить ли человека, он бы рассмеялся. Но сейчас это не смешно.

В некотором смысле ему повезло. Тинкер помог ему принять решение, вернувшись в сознание. С шипением воздуха в суставах он встал во весь рост и направился к ним.

— Убийцы! Вы хотели оставить меня умирать в этой отвратительной дикости. За это вы должны...

Богарт заставил его замолчать, ударив большим камнем по паучьим ногам и снова бросив его на землю. Саймон прыгнул на платформу, чтобы помочь товарищу, но тинкер уже снова встал, его правая нога была согнута. Он переводил взгляд с одного человека на другого.

Неожиданно, как сверхталантливый балетный танцовщик, тинкер повернулся на неповрежденной ноге и вытянул длинную руку. На руке вырос длинный шип и устремился к Саймону. Изумленный этой скоростью, Саймон спасся только потому, что вовремя заметил блеск металла. Он инстинктивно упал на спину, и острие миновало его. Но оно прошло так близко, что от поднятого им ветром у него мурашки побежали по коже.

Богарт увернулся от удара, сжимая в кулаке другой камень. Коротким мощным ударом он послал камень в коленный сустав экзо. Ослышался резкий скрежет, тинкер пошатнулся и едва не сел. Вытянутая нога не сгибалась, и все тело наклонилось под невообразимым углом.

— Погибель! Отродье шлюхи!

Было ошибкой считать, что экзо совершенно выведен из строя, как Богги понял очень скоро. Прежде чем он пошевельнулся, удар мощной правой руки едва не отправил его в землю обетованную. В глазах у него потемнело, он смутно почувствовал, что его лицо в липкой крови.

Тинкер неловко повернулся, его правая рука двигалась вперед и назад, готовая скосить беспомощного офицера. Саймон прыгнул вперед, внимательно следя за возможным контрударом. И когда этот удар со свистом обрушился на него, Саймон поступил неожиданно. Вместо того чтобы уворачиваться, он перепрыгнул через

него и вцепился, как сирк, в экзоскелет. Ногами он пытался найти опору, а руки его устремились к уязвимой голове тинкера.

К этому времени Богги тоже встал. Как два матадора, играющих с раненым быком, он и Саймон кружили вокруг шатающегося тинкера. Несмотря на силу своего экзоскелета, он потерпел поражение. Саймон карабкался выше, уворачиваясь от ударов рук, а Богги прыгал внизу, бросая камни в ослабевшие ноги.

Саймон получил болезненный удар локтем по ребрам, но удержался и продолжал тянуться к голове, которая была внутри шлема как желток в яйце. Он взмахнул кулаком и испытал невыразимое наслаждение, когда удар пришелся в мягкий центр лица, и под его костяшками хрустнули кости.

Тинкер тонко закричал, и его руки взвились вверх, на мгновение став бесконтрольными. Богарт не упустил этого мгновения и ударил по ногам. Мгновение казалось, что тинкер выдержит, но ноги его подогнулись и хрустнули. Саймон в последнюю секунду отскочил, и экзо упал на камни. Крик оборвался. Когда верхняя часть экзоскелета ударилась о камни, послышался металлический звон. И мягкий влажный звук, словно о камень бросили перезревшее яблоко. Нижняя часть экзоскелета полностью развалилась и отлетела в сторону, а труп тинкера застрял в бесполезной верхней части.

Растирая ушибленную грудь, Саймон медленно встал и подошел туда, где Богги задумчиво смотрел на останки их миниатюрного противника.

— Боже, Богги, без своего костюма он совсем маленький.

Богарт улыбнулся, стирая кровь с избитого лица.

— Можно сказать, что он только половина того, кем был.

Глава 7. Плавильная печь города

Наконец движение как будто остановилось. Пальцы его левой руки были влажными, и их жгло. Потребовалось огромное усилие воли, но коммандер Саймон Рэк смог оттащит руку от ядовитой жидкости.

Запах аммиака стал настолько силен, что Саймон едва не задохнулся. Он знал, что ему нужно уходить, но это требовало еще больших усилий, и он не был уверен, что способен на это.

Он открыл глаза.

Прямо над ним висело, словно подвешенное в пространстве, темное лицо и изорванное белое тело безумного убийцы Ахмеда. Один уцелевший глаз был открыт и смотрел. На месте второго глаза бассейн темной крови.

Странный застывший момент кристаллизованного времени. Красная кровь бесконечно медленно падала на низкорослую желтую траву, медленно плескалась на красно-коричневой почве.

Пытаясь унять кровь, текущую из разреза на голове, Богарт негромко, красноречиво и бесконечно бранился. Кровь капала на обожженную красно-коричневую землю прямо под флоатером.

Бормотание продолжалось непрерывно с того момента, когда они оставили лагерь тинкеров, и похоже, будет продолжаться до самого Ксоактла. Курсант Рэк привык к нему и сосредоточил всю энергию на пилотировании капризной машины. Она сконструирована в расчете на одного тинкера и его экзоскелет. Два плотного телосложения офицера ГСБ весят больше, и дно платформы едва не задевает за камни.

Наконец брань прекратилась.

— Я остановил кровь. Думаю, этот ублюдок мог выпустить из своего экзо что-то, мешающее крови сворачиваться. Далеко ли еще? Скоро рассвет. Посмотри туда.

Золотой свет начинал заполнять небо, освещая местность. Но центр арти уже близко. Кратер, в котором их остановили наркотиками, прямо перед ними, примерно в полумиле от них.

— Мы успеем предупредить арти! — возбужденно сказал Саймон.

Именно в этот момент, продемонстрировав высочайшее понимание иронии, флоатер резко уткнулся в землю. Офицеров бросило вперед, и они грудой приземлились в небольшом углублении.

— Погнуло мой чертов лук!

Саймон не ответил. Он головой ударился о костлявое колено Богги, и этот удар ошеломил его; он ждал, пока ум, ковыляя, вернется к нему. И лук Богги не то, о чем он хотел сейчас беспокоиться. Хотя оружие, которое соорудил Богги из остатков экзоскелета, могло спасти им жизнь.

Главные поддерживающие опоры — те, что не были сломаны, — стали основой лука, а стрелы изготовили из более легких

частей, выправили и заострили. Тетивой стали искусственные сухожилия, которые сгибали мощные конечности.

Пока Богги сражался со своим луком, Саймон поднял с песка свое оружие. Выход из строя флоатера — тяжелый удар. Они знали, что нападение тинкеров на Ксоактл, которому помогает предательство Харли Кормана внутри крепости, должно начаться вскоре. Теперь Саймону и Богги предстоит тяжелейший переход по пустыне под палящим солнце с вероятностью, что их заметят либо арти, либо тинкеры. Или и те и другие. И эта вероятность подкрепляется галлюциногенной обороной арти.

— Мы не можем рисковать, идя прямо, Саймон. Я не хочу прийти с мозгом, вытекающим из ушей.

— Верно. Значит, надо обойти... — Он помолчал, взвешивая имеющиеся у них возможности. — Сюда. Налево. И надо попытаться подойти под прикрытием утеса. Вот под той колонией сирков.

В тот момент, когда солнце отразилось от полированной поверхности Глаза Ксоактла, у основания столовой горы произошел взрыв. В бледном свете утра столбом заклубился дым. Они услышали крики и увидели фигуры у главного входа в крепость.

— Началось, Богги. Пошли.

Они шли быстро, используя имеющиеся укрытия, и им потребовался почти час, чтобы добраться до цели. В возбуждении предстоящих неизбежных действий они забыли о порезах, ушибах и усталости.

Наконец они добрались до тени утеса, к голой поверхности которого крепились разноцветные сирки. Прямо перед собой они видели гигантские фигуры тинкеров, которые под прикрытием груды камней стреляли в немногих арти. Тинкеры находились в гораздо лучшей позиции и спокойно расстреливали своих противников.

— У них нет ни шанса. Должно быть, Корман вывел из строя их оборону. Смотри, сколько тел арти у Водных Врат. Надо пройти мимо этих.

Богарт неожиданно показал на место над ними и снял с плеча свой самодельный лук. Саймон посмотрел, куда он показывает. Прямо над тинкерами висело несколько сирков, их цвета ярко горели в свете утра. Вокруг них клубился дым, и Саймон видел, что некоторые сирки начали передвигаться.

— Смотри, им не нравится весь этот шум, и убийства, и дым. Нетрудно заставить их двинуться быстрее.

Стиснув зубы, Богги натянул лук, Саймон последовал его примеру. Стойки невероятно прочные и теоретически должны посылать стрелу с большой скоростью. Богги прицелился в одно из шарообразных жилищ, примерно в ста футах выше по утесу, которое уже начало немного двигаться.

— То, на котором нарисовано красное облако. Натянуть, Прицелиться. Выпустить.

В замке Фалькон учили стрелять из лука, и Саймон обнаружил, что не утратил умение. Его стрела полетела поразительно точно и погрузилась в мягкую кожу серка. Богги недооценил силу своего лука, но ему повезло: его стрела пролетела над целью и попала в сирк на сорок футов выше.

Впоследствии они не могли бы в этом поклясться, но оба скорее почувствовали, чем услышали низкую звучную ноту, когда стрелы попадали в цель. Один из тинкеров тоже посмотрел вверх, как будто что-то привлекло его внимание. Посыпался песок, покатились мелкие камни, и все больше тинкеров смотрели вверх в тревоге, решив, что арти сумели подобраться к ним сверху.

— Еще, — сказал Саймон, и еще две стрелы попали в цель, погрузившись в мясистую плоть сирков.

Один из тинкеров встал и закричал, показывая на утес, а потом на то место, где прятались Саймон и Богги. В своем экзо он четко вырисовывался на фоне восходящего солнца и стал легкой добычей для выживших арти. В него попали три луча бластеров, разбросав его по окружающим камням.

Между тем три из четырех сирков двигались быстрее, чем можно было поверить, учитывая их объем. Две новые стрелы заставили двигаться еще одного.

Тинкеры закричали. Теперь с оранжевого утеса потоком прямо на них сыпались камни. Богарт готовился выпустить еще одну стрелу, когда Саймон коснулся его руки.

— Не нужно. Посмотри!

Один из сирков падал. Из тех мест, куда попали стрелы, текла прозрачная жидкость, заливая красивые рисунки. С тяжелым ударом, от которого задрожала земля, он ударился, совсем немного не долетев до группы тинкеров. Падало все больше камней, некоторые уже вблизи от того места, где прятались Саймон и Богарт.

Потом это произошло — то, ради чего они стреляли. Первый сирк тоже упал, сразу за ним последовал другой. Падая, они превратились в чудовищные шары, и цвета на них вращающихся боках сливались, как в страшном калейдоскопе.

Они упали на тинкеров и вдавили их в камень. Поднялся фонтан пыли, слышались отдельные крики боли, которые стихли, эхом отдаваясь в холмах. После этого наступила тишина.

Арти, которых тинкеры прижали к земле, бросили один взгляд на то, что произошло, и побежали к главным воротам, даже не побеспокоившись взглянуть, что же вызвало чудо, спасшее им жизнь. Стряхивая пыль с одежды, Саймон и Богги не так поспешно последовали за ними.

Когда они дошли до главного входа в крепость Ксоактл — Водных Врат, то увидели сцену бойни, повсюду лежали тела. Было очевидно, что сюда пришелся главный удар, и десятки арти своей жизнью заплатили за попытку не пропустить внутрь тинкеров.

— Почему главные ворота были вообще открыты? — спросил Богги, ни к кому не обращаясь.

Саймон осмотрелся. Казалось, здесь они единственные живые существа. Дальше в крепости слышались приглушенные звуки боя, и в коридорах пахло ядовитыми газами. Он заметил, что мертвых ученых гораздо меньше художников, а это свидетельствует о предательстве.

Их внимание привлек стон из тени у стены. Один из арти, лежащий в луже своей крови, был еще жив, его левая нога заканчивалась разорванным сухожилием и белой костью. Саймон приподнял его и стер грязь с лица. Глаза открылись, но в них не был узнавания. Только мрачное знание близкой смерти.

Голос был слабый и хрупкий. Казалось, легкий ветер навсегда унесет его.

— Предательство... Мы были на страже на рассвете... Толстяк... Двое наших подошли сзади и убили нас... Трусы!

Он закашлялся, и капли крови повисли у него на подбородке. Саймон посмотрел на Богги, который покачал головой.

Ненадолго придя в себя, стражник продолжил:

— Меня зовут Элсбарг. Стражник Водных Ворот... Эти бешеные псы... Эрлик и Хальда предали нас... Тинкеры по всей крепости... Ксоактл пал... — Слезы текли по пыли и крови на его лице и капали на обнаженное тело. Он застонал и сжал руку Саймона. — Ужасно болит нога...

Голова его упала на плечи, и пальцы расслабились. Саймон опустил тело и встал, вытирая окровавленные пальцы об изорванный мундир.

— Так. — Односложное слово прозвучало глухо. Это был почти вопрос.

Богарт посмотрел на него и пожал широкими плечами.

Саймон снял с плеча лук и наложил стрелу, готовый выстрелить.

— Идем внутрь. Да?

Богарт улыбнулся и тут же поморщился: от улыбки открылись язвы вокруг рта.

— Да. Почему бы и нет?

Саймон пошел первым, перешагивая через тела, нагроможденные у Водных Врат, ставших местом тишины и смерти.

На всех углах коридора лежали тела. Вначале это были почти исключительно арти, но постепенно соотношение менялось: после первого потрясения от предательства защитники сумели организоваться.

— Саймон, — прошептал Богги, когда они приблизились к шуму боя. — Не понимаю. Если Корман хотел, чтобы его друзья попали сюда — и он при этом так опасен, как мы считаем, — почему он просто не впустил их? Мне кажется, он мог позволить им взять крепость почти без сопротивления.

Саймон остановился. Световые трубки мигали, и в коридоре было почти темно. Главный источник энергии Ксоактла в опасности из-за нападения.

— Богги, разве ты еще не понял? Кормана интересует только он сам и больше никто. Тинкеры для него — только орудие, чтобы создать отвлечение. Он рискует двумя группами населения этой умирающей планеты, чтобы добраться до сокровищ — и до атики. Ему все равно, что будет с тинкерами.

За углом раздался сильный взрыв, и ударная волна отбросила их к стене. Саймон обнаружил, что у него кружится голова, и постарался дышать неглубоко.

— Галлюциногенный газ, Богги. Осторожнее. Поэтому тинкеры, которых раздавили сирки, были в дыхательных аппаратах. Корман их предупредил.

К счастью, это было только проходящее мимо облако, и воздействие газа вскоре исчезло. Мимо прошел арти с безумным взглядом, он что-то бормотал про себя и приветствовал их приятной улыбкой. Он был под действием наркотика и блаженно не видел, что из раны у него на голом животе выползают желтые внутренности.

За следующем поворотом они увидели страшную сцену бойни. Центром боя был зал совета, с его превосходно спланированной куполообразной крышей и рядами резных сидений. Саймон сразу понял, что произошло.

Арти решили здесь защищаться, и у каждого ряда были свои защитники, готовые умереть ради своих домов. Тинкеры, хотя и защищенные своими экзоскелетами, дорого платили за каждый выигранный метр. По грубой оценке в зале было не менее ста мертвых и умирающих.

Богги поднес губы к уху Саймона, чтобы ничто не привлекло к ним внимание.

— Здесь мы не пройдем. К тому же я думаю, что Корман сейчас в другом месте. Надо найти помещение с атикой.

Саймон кивнул.

— Хорошо. Смотри! Туда. У столба. Разве это не Хуальпа?

Это был тот арти, который отнесся к ним по-дружески во время их краткого пребывания в Ксоактле. С несколькими молодыми людьми он пытался удержать позицию и отвлечь на себя главные силы тинкеров. Саймон встал, открывая себя для выстрелов с обеих сторон, и помахал арти. Тот увидел его и тоже помахал, явно удивленный.

Саймон лихорадочно махал, призывая его, и арти наконец послушался, увернувшись от нескольких выстрелов. Лицо у него было мрачное и напряженное, он тяжело дышал и дрожал. Отчасти от гнева, но отчасти от страха.

К их удивлению, он как будто не удивился, увидев их вернувшимися из пустыни, но просто принял их присутствие как еще одно необычное происшествие этого сумасшедшего дня. Саймон кратко расспросил его, и Хуальпа рассказал о том, что было.

Корман уговорил двух арти предать товарищей и убить стражников Водных Врат. Тинкеры напали и легко прошли врата. Но сопротивление усилилось, и арти вскоре остановили врага. Тинкеры не могли идти дальше, а арти не отступали. Они были готовы умереть на месте.

— Сколько ваших людей осталось?

Хуальпа быстро посчитал по пальцам.

— Думаю, меньше половины.

Саймон присвистнул. Если бой будет продолжаться, обе общины будут обескровлены. Его обязанности как оперативника ГСБ входит как можно более быстрое прекращение этого взаимного убийства. Он на несколько секунд задумался, потом затолкал эту идею в маленькую заднюю комнату своего сознания и прочно запер за ней дверь.

— Где Корман?

Хуальпа осмотрелся сквозь дым и покачал головой.

— Я его какое-то время не видел. На самом деле я его вообще не видел. Видел, как Эрлик и Хальда шли к...

Он остановился, и на его лице появилось выражение тревоги.

— К атике и помещениям с сокровищами? — подтолкнул его Саймон. — Давай, Хуальпа. Если мы хотим вам помочь, то должны оказаться там. Отведи нас.

Последовало мгновение болезненного напряжения. Выдать величайшую тайну своего народа незнакомцам — людям, которые были изгнаны в пустыню и вернулись живыми, это задевало самую суть природы Хуальпы.

Богарт схватил арти за загривок и потряс его, как едва не утонувшего щенка.

— Давай. Властью, данной мне как офицеру Галактической службы безопасности, я приказываю тебе говорить. — Он перешел на доверительный шепот. — Если не скажешь, я сломаю тебе колени и локти, и ты больше никогда не сможешь ходить или рисовать.

Бросив последний взгляд на товарищей, отчаянно сопротивляющихся врагам, Хуальпа повел Саймона и Богги по узкому боковому коридору.

Они погрузились в лабиринт темных переходов, иногда ведущих вверх, иногда вниз. Рисунки на стенах становились примитивнее, ощущалось присутствие древности.

Они остановились перед огромной металлической дверью, и Хуальпа повернулся к ним, лицо у него было удивленное.

— Что не так?

— Врата Знаний. За все столетия, когда Ксоактл был нашим домом, они никогда не оставались без охраны. За дверью то, что нужно злому человеку. И смотрите: дверь открыта!

И правда. Дверь полуоткрыта, и на змеях и драконах, украшающих ее, играет свет. А за дверью абсолютная темнота. Саймон слегка нажал на дверь и обнаружил, что она прекрасно уравновешена, несмотря на огромный вес. И в этот момент из стигийской тьмы донесся слабый стон.

Хуальпа в ужасе стиснул руку Саймона.

— Слушай. Что там потревожено?

Снова они услышали стон, более тихий на этот раз. И в третий раз. Саймон раскрыл дверь и вошел.

— Это не чудовище. Это человек. Раненый. Огни ада! Я ничего не вижу. Думаю... Сюда!

Он споткнулся обо что-то лежащее на плитах пола. Что-то шевельнулось и застонало у него под ногами. Богги нашел висящую на стене древнюю лампу и направил бледный желтый свет на пол.

Предыдущие дни закалили Саймона Рэка. Он уже не был тем мальчиком, что в Форт-Пейне. Этот мальчик видел и испытывал такие аспекты жизни, которые заставили бы многих сильных взрослых мужчин с плачем спрятаться в тихой комнате свого сознания и задернуть за собой занавес. Но это было раньше.

Сейчас его мозг и тело еще больше закалились, достигли новых невероятных пределов. То, что он увидел, потрясло его, вывело за пределы нормальной терпимости, но он мог смотреть на это. И действовать.

Стонущее существо, которое он увидел, когда-то было лидером общины художников Зайина, старейшиной Энгсом. У него были выколоты оба глаза. Лицо превратилось в такую кровавую массу, что его трудно было узнать. Губы как будто срезали с зубов, а щеки изрезали и изорвали.

Хуальпа упал на колени и заплакал, плечи его дрожали. Богарт философски плюнул в пыль. Руки, ноги и гениталии были зверски изуродованы, основные суставы разъединены. Чудо, что он еще дышал. Почувствовав, что Саймон прикоснулся к нему, он застонал и попытался отползти.

— Это я, Энгс. Саймон Рэк. Я пришел, чтобы отомстить людям, которые сделали это с тобой. Ты должен сказать мне, где они.

Хуальпа закричал, и его голос отразился эхом в темноте и наконец заглох в густой бархатной пыли.

— Это был Корман! Я вырву у него живьем сердце за это. Это говорит Хуальпа!

— Нет! — Голос прозвучал удивительно сильно. — Это сделал со мной не Корман. Не Корман. Он пришел позже, после того как все было сделано. И выругал того, кто это сделал, за жестокость со мной. Это был тинкер. Его зовут Фара. И, — голос его впервые дрогнул за это время, — двое наших. Эрлик и Хальда.

Услышав имя тинкера, Саймон взглянул на Богги. Фара. Тинкер из «Красной Дыры». Он холодным отчужденным взглядом посмотрел на старика.

— Им нужны были атика и сокровища?

Изуродованная голова кивнула один раз.

— Я им сказал. Не мог не сказать. Боль отняла у меня разум. Но я сказал им не все. Я сказал, как пройти. — Голос его прозвучал странно, словно он говорил наизусть, как ребенок, повторяющий заученный урок. — Дважды направо, потом налево. Трижды от того места и налево. Потом правая развилка. Вот что я им сказал.

Саймон впился пальцами в ладони. С Корманом только трое. Тинкер и два арти. Сейчас можно его взять. Прежде чем он сможет улизнуть. Он повторил про себя указания. «Дважды направо, потом налево. Трижды от того места и налево».

— Думаю, это место, где встречается много туннелей. После этого правая развилка. Понятно. Но, Энгс. Ты меня слышишь?

Лицо начало расслабляться. Саймон уже видел признаки того, что скоро душа расстанется с телом. Он повторил вопрос.

Свежая кровь появилась на щеке старика, и он улыбнулся изуродованным ртом.

— Я слышу плеск воды в спокойном пруду. Слышу, как движутся булыжники там, где встречаются солнце и небо. Слышу шаги девушки на прохладном лугу. Я слышу тебя, Саймон Рэк.

— Что ты не сказал им?

— О, совсем немногое. Какой теплый прием они там встретят.

Он тихо рассмеялся. Смех становился громче. Он смеялся, пока все его тело не задрожало. Наслаждаясь шуткой, которую он уносит с собой. Потому что измученное тело больше не могло выдержать напряжение. Без всякого предупреждения он напрягся и затрясся, как в лихорадке. Руки и ноги непроизвольно забились. И столь же неожиданно он застыл.

Хуальпа вздохнул, взяв себя в руки.

— Прощай, Энгс. Думаю, что Ксоактл обречен, и твоя смерть лишь одна из многих. А многие составляют целое.

Богарт хмыкнул.

— Саймон. Сейчас не время для этого мистического вздора. Идем за ними. Мы получили указания. Если поторопимся, захватим их. Корман слишком толст, чтобы быстро передвигаться.

— Ладно. Хотя меня беспокоит ловушка. Очевидно, что-то должно защищать эти вещи внизу. Вероятно, тайну передавали от вождя к вождю. Но генерал никогда не выиграет битву, если будет ждать, чтобы подтереть задницу. Мы должны быть осторожны. Я пойду первым с лампой. Потом Хуальпа, потом ты. Согласен?

На секунду Саймону показалось, что Богарт собирается с ним спорить, но, очевидно, лейтенант передумал. Они начали опускаться в самую глубокую часть лабиринта под Ксоактлом.

На первом повороте Саймон повел направо. И снова направо на втором повороте. Левый поворот оказался узкой щелью, которую они легко могли пропустить. Потом показалось широкое пространство, к которому сходились по меньшей мере двенадцать коридоров. Саймон старательно посчитал третий налево, и они продолжили путь.

Они были глубоко под массивными утесами и остро ощущали глубину и тяжесть камня, который словно давил на них. Хуальпа на плечах нес суеверный страх. Но для двух офицеров, привыкших к бескрайним просторам космоса, испытание оказалось еще труднее. Несмотря на холод и влажность, Саймон обнаружил, что сильно вспотел.

Они остановились, услышав звук эха под собой. Почти час они ничего не слышали, кроме негромких звуков собственных шагов по камням. Саймон приказал сохранять полную тишину, чтобы враг не услышал их приближение и не устроил засаду в одном из многочисленных боковых проходов. Так что этот звук должен исходить от группы Кормана.

— Что во имя?..

— Похоже, кто-то нашел то, над чем смеялся старый Энгс.

Саймон снова двинулся вперед.

— Да. Он научил нас осторожности.

Воздух, казалось, еще дрожал от криков. Наконец они дошли до развилки, о которой говорил Энгс. Держа перед собой лампу, Саймон повернул направо.

Еще пара сотен метров, и Богарт остановился и принюхался.

— Саймон. Я снова страдаю от галлюциногена. Чую запах жареного мяса.

Саймон остановился и глубоко вдохнул.

— Ты прав, Богги. Как?.. Идем. Осторожнее.

Еще один поворот, и воздух заполнился острым запахом дыма и горелого мяса. Саймон пытался отогнать дым, но он висел в коридоре, охватывая их ноги и раздражая глаза.

Остановил их Хуальпа, он схватил Саймона за руку и оттащил назад.

— Там. На тропе впереди. На мгновение дым рассеялся, и я что-то увидел. Вот оно!

Кашляя и мигая, Саймон и Богарт тоже что-то увидели. Похоже на два длинных древесных ствола с почерневшими и обожженными ветками. Дым исходил от дерева, он клубился, двигаясь к ним.

Богарт шагнул вперед.

— Бревна. Ловушка, на вас падают горящие бревна. Идемте. Ловушка уже сработала.

Они пошли к обожженным кускам дерева, но Саймон остановился.

— Если это дерево, почему пахнет... Назад!

Он крикнул слишком поздно.

Полоса яркого золотого пламени прошла поперек прохода, прямо перед ним, распространяя невероятную жару.

Саймон почувствовал, как кожа на лице вздымается волдырями, и услышал запах своих горелых волос. Только в это мгновение вспомнил он последние слова Энгса: «Какой теплый прием они там встретят».

Боль схватила его за горло, и он услышал собственный крик.

Глаза болели от яркой охры.

Огонь жег мозг.

Золотой свет смягчился и стал темнее.

Наконец стало совсем темно.

Так же неожиданно, как вспыхнуло, пламя исчезло, и в коридоре снова стало тихо.

Глава 8. Легкое воспоминание

Солнце огненной вспышкой прорвалось сквозь сгущающиеся тучи, заставив Саймона поморщиться. Умирающий Ахмед почти лежал на нем, и он чувствовал, как теплая кровь капает ему на лицо. Высоко вверху, на краю утеса, он видел Богарта, который начал спускаться к нему, с края смотрели другие лица, как нить виноградин на верху стены.

Ахмед скользнул вниз, совсем немного миновав его. Через мгновение он упадет в ядовитую воду озера, и Саймон слегка повернул голову, чтобы увидеть это.

Боль в голове исчезла так же быстро, как возникла, и он понял, что будет жить. Не впервые наслаждался он ощущением, что смерть только коснулась его своими крыльями — и пролетела мимо.

— На этот раз я почувствовал крылья ангела смерти, — сказал Саймон, с трудом вставая. По обе стороны от него вставали Хуальпа и Богги.

Когда полоса пламени вырвалась из расселины в скале, вызванная тем, что они наступили на определенный камень, части головоломки сошлись в голове Саймона, и он понял природу ловушки.

Слова Энгса о теплом приеме. Запах горящей плоти, который они заметили. Короткие крики. Странная жара в воздухе. Пятна на полу и на стенах. И горящие бревна.

Но они не бревна.

Хуальпа сквозь дымку всматривался в тела, которые снова загорелись после новой вспышки. С новыми знаниями можно было разобрать, где сгоревшие руки и ноги. Где на полу черный шар, который когда-то был головой. Очертания груди и корпуса. Даже белизна кости, торчащей из сгоревшей плоти.

— Дорогую цену заплатили они за свои грехи, — тихо сказал он.

— Это Эрлик и Хальда? — спросил Богарт, хотя вопрос был излишним. Так как нет остатков экзоскелета, это не может быть тинкер. И оба тела нормального размера. Значит, Корман и Фара уцелели.

— Да. Никого из моих людей здесь не может быть. Это запрещено. Энгс мстителен.

— Нет. Он слишком долго страдал. А такая короткая смерть не для таких негодяев.

Богги удивился, услышав холодную ненависть в голосе Саймона; совсем не похоже на нормальный дружеский тон парня. Он решил, что мучения старика вызвали эту перемену, но был прав лишь отчасти.

Они пошли дальше, осторожно проверяя каждый шаг, и прошли мимо остывающих останков предателей. Богарт небрежно плюнул на то, что осталось от Эрлика и Хальды.

— Это урок. Верно?

— Какой урок? — спросил Хуальпа.

— Играя с огнем, можешь обжечь пальцы, — лаконично ответил Богарт.

Они молча продолжали углубляться в недра горы. Саймон до минимума пригасил лампу на случай неожиданного нападения. Но их враги слишком заняты, чтобы думать о возможном преследовании.

— Будьте внизу осторожны, — прошептал Хуальпа. — Говорят, скалы здесь в неустойчивом равновесии и в любую минуту могут рухнуть. Наша община поколениями опасалась, что пещера обвалится и погребет все наши сокровища и атику.

Богарт остановился и в полутьме посмотрел на арти. В его словах слышалось удивление:

— Почему вы не переместили их в безопасное место?

Хуальпа, очевидно, был удивлен глупостью вопроса.

— Так было всегда.

Ответ Богарта дрожал у него на губах, но он смолчал, когда Саймон предупреждающе поднял палец. Впереди появился свет, и они услышали голоса. Один тонкий и высокий. Другой низкий и гулкий.

— Они в пещере! Они действительно в пещере, где все наши сокровища и атика.

В голосе арти была боль и горечь.

Он пошел вперед, словно отвечал на неумолимый зов. Саймон положил руку ему на плечо, пытаясь остановить, но Хуальпа повернулся к нему, оскалив зубы, и свирепо зарычал. Он ударил

Саймона кулаком, и этот удар отбросил его на Богарта, который тоже упал. К тому времени как они встали, Хуальпа изо всех сил бежал по коридору и кричал:

— Святотатство! Богохульство! Предательство!

Лук Саймона сломался в огненной ловушке, но Богарт поднял свой лук и прицелился в бегущего.

— Нет, Богги. Пойдем за ним. Он мог нам помочь. Нам нужно отвлечение.

И вот тихо и быстро, как только возможно, они пошли за Хуальпой и остановились в тени у входа в пещеру. Глядя на удивительную открывшуюся картину.

Вначале главные герои. Угрожающе размахивая бластером, стоял Хуальпа, его тело покрывал пот.

Перед ним, гигант почти во всех отношениях, возвышается фигура Фары, главы тинкеров. Его экзоскелет отличается от экзо других ученых, которых они убили в пустыне. Он гораздо тяжелей, и броня вокруг маленького тела толще и мощнее, с более сильными опорами рук и ног. Видно только его лица, в шлеме с очками. Глаза, равнодушные и нелюбопытные за толстыми линзами, внимательно смотрят на арти. У стены, огромный и чудовищный, как большой паук в человеческом облике, стоит Корман и смотрит с легкой улыбкой на толстых губах.

Это действующие лица люди.

Но внимание Саймона и Богарта захватило содержимое этого просторного помещения, приблизительно круглого и пятидесяти метров в диаметре. Грубо вырубленные стены терялись наверху в темноте, и можно было только гадать, что там на них.

А на полках! Саймон, разинув рот, смотрел на это чудо и богатство. Краем глаза он видел, что у Богги отвисла челюсть. Здесь были картины и скульптуры. Сверкающие драгоценности и роскошные ткани. Гобелены и статуэтки. Абстрактные фигуры, сверкающие хромом и золотом, гладкие и полированные. Статуи, накрытые шкурами, в каждой по́ре которых бесценные камни.

Саймон буквально ничего не знал о стоимости произведений искусства, но даже он мог оценить богатство этого собрания. Оно поистине достойно выкупа всей галактики. Если бы его небольшими порциями продавали в населенных мирах, это было ценнее всего Зайина. И вот оно открыто перед величайшим из воров — Харли Корманом.

Если они его не остановят.

* * *

Тело Ахмеда погрузилось в воду, плеснув на Саймона горькой жидкостью. И не вынырнуло. Только несколько мрачных пузырей потревожили пенистую поверхность.

— Ах, какой приятный и неожиданный сюрприз. Кажется, тебя зовут Хуальпа, не так ли?

Арти повернулся и посмотрел на Кормана, встревоженный его невероятным самообладанием.

— Ты меня знаешь! — крикнул он. — И я тебя знаю! Твое предательство уничтожило Ксоактл и погубило мой народ.

Мягко, словно отмахиваясь от надоедливого насекомого, Корман обратился к взволнованному арти:

— Пожалуйста. Чуть потише. Мне уже сообщили, что эта пещера не самая безопасная. Будет позором потерять такую красоту. Не говоря уже о единственном запасе атики во вселенной.

Впервые Саймон заметил бесценное средство, мягко светящееся в углу пещеры. За камнем необычной формы лежала горка зеленого порошка. Примерно сорок или пятьдесят фунтов. Или меньше.

Арти заговорил тише, видя, что со сводчатого потолка пещеры падает мелкий песок. Упавшие камни, разбросанные по полу возле стен, были немым доказательством опасности, которая грозит всем.

— Уничтожен не только мой народ. Ты, тинкер! Ты будешь десятками и сотнями считать своих погибших. Если ты захватишь Ксоактл, твоя победа обернется гибелью для всех вас.

Фара медленно повернул голову и посмотрел на Кормана.

— Что он хочет этим сказать? Ты сказал мне, а я сказал своим людям, что твое предательство облегчит нам доступ сюда. Что мы захватим крепости с минимальными потерями. Разве не так?

Корман сделал несколько шагов вперед, держа руки в карманах мятых брюк.

— Ну, ну, Фара, мой старый товарищ. Если ты будешь настаивать, я только скажу, что мои ожидания оправдались не полностью. Арти проявили большую смелость и упорство, чем я предполагал. Я могу только...

Не в силах сдерживаться, Хуальпа нажал на спуск бластера. Поток энергии едва не задел Кормана и отбил кусок камня от

стены. Послышался треск, и на них упало несколько небольших камней.

— Ты ублюдок, убийца и палач! Ты ни перед кем не держишь слово!

Мягко, словно укоряя капризного внука, Корман ответил ему:

— Аxx! Вот здесь ты ошибаешься. И пожалуйста, будь внимательнее, когда берешь в руки эту игрушку. Я бы не хотел, чтобы мои дни закончились, как обгоревший уголь. Или под грудой упавших камней. О чем это я? Да... Ты говоришь, что я ни с кем не честен. Это неправда. Мой дорогой учитель, покойный и всеми оплакиваемый Каспер Гатман, однажды сказал мне, что я должен быть верен себе. Больше никому. Я всю жизнь следую этому совету.

Тинкер не был удовлетворен. Он приблизился, поворачивая голову и наблюдая одновременно за Хуальпой и Корманом. Скрываясь в темноте, Саймон и Богарт следили молча и беспомощно. Богги подготовил свои последние стрелы, но расстояние велико, а освещение слабое. Они могли только наблюдать и ждать.

— Корман, правду ли говорит этот человек?

Толстяк раздражительно ответил:

— Не знаю. Если он говорит, что его и твои люди уничтожены, то, вероятно, он знает, о чем говорит.

Арти сделал еще один шаг к ним, целясь из бластера в Кормана.

— Слушай, тинкер. Этот человек обманул нас всех. Ему безразличны и мы, и ты. Спроси его, чего он нас самом деле хочет. Спроси о сокровищах, которые он хочет забрать себе. И спроси его об атике. Почему бы тебе...

Голос его оборвался, резко, как удар молнии. У толстяка в рукаве было оружие, и он решил, что пора его использовать. Прицелился он точно.

Арти вскинул руки над головой, и бластер отлетел к стене, разбив старую фарфоровую статую, которая упала на песок. В голове у Хуальпы было маленькое отверстие, прямо под правым глазом и возле носа. Другое отверстие, почти такого же размера, появилось за левым ухом почти на уровне его верхнего края. Если бы не кровь и мозг, теоретически можно было бы посмотреть сквозь это отверстие в голове. Хуальпа умер мгновенно.

Все это произошло между двумя ударами сердца, и ни Саймон, ни Богарт не успели пошевелиться.

Неожиданно с поразительной скоростью двинулась одна из рук экзо, и игольный лазер был направлен на толстяка. Тинкер сказал:

— Не пытайся одурачить меня, Корман. Я убью тебя быстрее, чем посмотрю. Прежде чем ты умрешь, мне любопытно знать, сказал ли этот реликт прошлого правду.

Пожав массивными плечами, Корман с раскаянием склонил голову.

— Mea culpa, Фара, mea maxima culpa. Могу лишь признать, что в его последних постыдных словах есть и немного правды. Да, я хочу сокровища. И да, я хочу себе всю атику. Но больше всего я недооценил сопротивление арти. Я надеялся, что они на какое-то время займут тебя и твоих людей, пока я забираю свой маленький бонус. Однако...

Его слова повисли в задумчивой тишине.

— Очень хорошо.

Фара прижимал к груди контрольную панель своего экзо. Его короткие руки, заканчивающиеся слабыми пальцами, скрывались под мощной броней. Он стоял спиной к входу в пещеру. Вокруг него неимигающие свидетели этой необычной сцены — работы величайших художников и скульпторов, каких только знала вселенная. И на все это сверху падала тонкая пыль, сжатая невероятным давлением до состояния воды.

— Фара, бесполезно обращаться к твоему крошечному и ограниченному мозгу, предлагая половину этих сокровищ? — Толстяк выразительно показал на окружающие стены. — Подумай об этом. С этими сокровищами мы стали бы богатейшими людьми галактики. С последними остатками атики ни человек, ни организация не смогут устоять перед нами.

— Кровавое предложение!

Голос был усилен экзо и прозвучал резко и громко. С треском и грохотом с места соскользнул большой камень. Разговаривавшие не обратили на это внимания.

— Саймон, я читал в старой книге о безумце, который думал, что похоронил сестру живьем. Они жили в старинном доме, который обвалился. В конце дом упал в реку, и все погибли. Давай убираться отсюда, пока эти два безумца не обрушат все на себя и на нас. Пошли.

Но Саймон не мог пошевелиться. Он знал, что слова Богги полны смысла, но не мог оторваться от драмы, которая разворачивалась прямо перед ними.

— Кровавое предложение! — повторил тинкер, в гневе размахивая мощными руками. — Корман! Как... ты убивал и пытал здесь мужчин и женщин.

— Нет, нет, Фара, я не могу позволить тебе говорить так, не защищаясь. Сам я ничего такого не сделал. Самые плохие поступки совершали мои глупые и слишком увлекающиеся подчиненные.

— Ты увиливаешь! Ты не только разрушил наши планы завоевания Зайина, ты уничтожил моих людей.

— Еще чего! Неужели в этой отсталой галактике не осталось благодарности? Ты забыл, что твои враги арти тоже погибли.

Как он ни ненавидел Кормана, Саймон почувствовал какое-то уважение к классу, который демонстрировал этот человек перед лицом неминуемой смерти.

Тинкер за своей маской как будто испытал приступ. Прошло несколько секунд, прежде чем его вопли приобрели смысл.

— Это все, что мне следовало услышать. После твоей смерти я заберу атику себе. Твоя злоба принесет мне пользу. Но не тебе. Умри!

Когда он выкрикнул последние слова, Саймон молча протянул руку и взял у Богги лук и стрелы. Тинкер поднял мощную руку-протез и показал на толстяка, который не пытался уклониться от судьбы. В этот момент Саймон натянул тетиву, прицелился и выстрелил.

Тетива распрямилась с легким щелчком выпущенной энергии. Саймон набрал в грудь воздух: тетива болезненно задела его за левую руку. Он прицелился в единственное уязвимое и видимое место тинкера — в его лицо. Все остальное было надежно закрыто броней.

И с того момента, как он увидел в тусклом свете летящую стрелу, он понял, что произошло.

Он промахнулся.

Коммандер Рэк сел, вытирая зловонную жидкость с мундира, понимая, что кислота за час проест в нем дыры. Он осмотрелся в поисках кольта и не нашел его. Улыбнулся, услышав проклятия коллеги, который скользил по склону утеса ему на помощь.

Голова его казалась спокойным бассейном, в самую середину которого бросили камень. И рябь только начинала стихать.

* * *

Саймона обманули размер пещеры и слабое освещение, и стрела полетела слишком низко. Она ударилась на полметра ниже головы Фары, пробив контрольную пластину и расколовшись.

Мгновение тинкер не понимал, что произошло. Он продолжал пытаться убить Кормана. Послышалось слабое шипение, приборы вспыхнули пурпурным светом, и левая рука конвульсивно дернулась.

— Что случилось? Что ты сделал? В меня стреляли!

Последние слова сменились пронзительным криком, когда экзоскелет начал двигаться, очевидно, без управления со стороны Фары. Корман не проявил никакого удивления своим мгновенным спасением, только всмотрелся в тень, где стояли Саймон и Богарт. Стрела отскочила от экзо и упала у его ног. Человеку такой толщины, как Корман, было бы трудно ее поднять, и он удовлетворился тем, что посмотрел на нее и снова осмотрелся.

— Корман! — закричал Фара. — Быстрее. Помоги мне. Он вышел из... Аааааа!

Раздался скрежет, и из передней части экзо полетели искры. Как гигант, несущий ребенка, экзоскелет делал огромные шаги. Сначала направо, потом налево. Страшный танец кончился тем, что экзо начал вращаться, и руки его завертелись, как у спятившей мельницы.

Из конца одной руки вылетел огненный поток и ударил в крышу. Расплавленный камень капал на ярусы сокровищ, уничтожив несколько древних скульптур. Гобелены вспыхивали, от них загорались картины и пластиковые фигуры.

Двигаясь с неожиданным для такого полного человека проворством, Корман увернулся от обезумевшего гиганта, бросился к груде аттики, наклонился и стал набивать порошком карманы своего просторного костюма.

Саймон впервые крикнул ему:

— Харли Корман! Выходи сюда!

Не оглядываясь, одним глазом следя за спятившим экзоскелетом, Корман продолжал заполнять руки бесценным веществом.

— Я знал, что ты где-то здесь, мой рыцарь в сияющих доспехах, наносишь поражение этому маленькому дракону. Хотя я и не девственница, приготовленная тебе в качестве приза.

— Убирайся отсюда! Крыша обваливается.

Экзо продолжал вращаться, поворачивая голову. Тинкер молчал: очевидно, ему приходилось использовать все свои малые силы, чтобы держаться. Не будь он прочно привязан, давно бы полетел на камни.

Кряхтя от усилий, Корман снял пиджак и связал рукава, превратив его в подобие мешка. Саймон и Богги, уклоняясь от падающих камней, осторожно подошли. Схватив Саймона за руку, Богги крикнул:

— Бесполезно. Пусть этот тупой ублюдок убьет себя. Все получается, как я сказал. Как в той книге. Идем.

Экзо продолжал вращаться, с пугающей скоростью удлиняя и укорачивая руки и ноги, размахивая ими в воздухе. Он использовал беспорядочно все свои инструменты и оружие. В пыльном воздухе шипело пламя, и потоки ядовитых жидкостей лились на сокровища.

Корман наконец набил пиджак достаточным количеством порошка, чтобы в качестве выкупа потребовать всю галактику, когда увидел подходящего к нему Саймона. Скривив рот, он попятился.

— Нет. Мой дорогой мальчик, я отдам тебе и твоему приятелю равные доли. Мы ведь можем договориться. Забыть прошлые расхождения. Забыть вражду. Не презирайте старого...

Его речь была резко оборвана. Экзо, с красной раскаленной грудью, двинулся к нему и одной рукой задел Кормана. Удар страшной силы пришелся ему в спину. Толстяка подняло в воздух, мешок с драгоценной атикой полетел в угол и взорвался, превратившись в флюоресцирующее облако.

Кормана отбросило к противоположной стене помещения, самой далекой от входа, где он лежал, как чудовищная кукла, выброшенная капризным ребенком. Падало все больше камней, и стало трудно видеть, что происходит на другом конце пещеры.

Саймон застыл, с опаской глядя на экзо. Богарт был рядом, глаза его горели от безумной радости действий; он уклонялся от металлической руки. Трудно было понять, жив ли еще тинкер, но тело его по-прежнему оставалось закреплено внутри робота.

— Смотри! — крикнул Богарт, когда экзо начал двигаться еще яростнее. Как боевой таран, он опустил голову и устремился к стене. С грохотом останки ученого размазались по скале. На стене осталось только темное пятно с серыми и белыми промежутками. Снова и снова экзо ударялся о стену, бил руками по потолку, ногами пинал груды сокровищ.

Изумительные хрустальные цветы превращались в обломки стекла. Картины, с красками такими же яркими, как и столетия назад, когда их писали, исчезали, превратившись в обрывки холста. Золото и серебро искривленными кусками падали в пыль. На некоторых полках вспыхнуло пламя, и расплавленный металл потек на пол, остывая среди скал тусклыми бассейнами.

Внутри экзо что-то затрещало, и он мгновенно застыл. Одна рука медленно, как падающий маятник, опустилась. Верхняя часть была изуродована до неузнаваемости, и не видно никаких следов трупа Фары, лидера тинкеров.

С грохотом, как космический корабль, опускающийся в стальное ущелье, на потолке высвободился огромный камень и с громоздкой медлительностью стал падать. За ним последовали другие, и все огромное помещение задрожало.

Мысли Саймона метались при виде разлетающихся стен, он едва не оглох от страшного шума, с которым камни ударялись друг о друга. Он побежал из пещеры, Богарт за ним, а в пещере сверху продолжали падать огромные камни, погребая самые большие сокровища галактики. И самый мощный из всех известных наркотиков.

Они бежали по дрожащим коридорам назад, по тому же пути, по которому пришли. Мимо обгоревших тел предателей. Наружу и вверх, к чистому воздуху и свету. И чувствовали, как сзади дует ветер. Затем большой взрыв позади. Песок обжигал им спины. Потом все успокоилось.

Еще несколько далеких звуков оседания, и наступила полная тишина.

Саймон и Богги остановились, опустив головы, тяжело дыша, чувствуя, что легкие готовы взорваться. Саймон присел, прислонившись к холодной скале.

— Вот и все.

— Да, все. Никто туда больше не пойдет. Никогда.

Саймон закашлялся, выплевывая песок.

— Теперь нужно только постараться, чтобы нас не убили уцелевшие арти или тинкеры, и вернуться в Форт-Пейн. Постараться, чтобы нас не обвинили в этих убийствах. Дождаться возвращения «Искателя приключений» и объяснить, что произошло на самом деле.

Богги рассмеялся.

— Все в порядке. Никаких проблем для двух парней, таких, как мы. Но серьезно, думаю, Галэсбэ должна нас принять, мы все делали верно.

— Что? Обе общины уничтожены! Сокровища погибли. Это означает, что вся эта планета, вероятно, обречена на гибель. Это мы сделали верно?

Они медленно пошли назад, оба чувствовали отупение от спада напряжения. Снова почувствовали боль от порезов и ушибов, которой не было, когда адреналин заполнял организм.

— Саймон. Нет смысла думать об этом. Если ты увидишь двух безумцев, нападающих друг на друга, ты попытаешься прекратить это. И ничего не поделаешь, если у тебя не получится и они убьют друг друга. Ты спасаешь их, причиняя вред кому-то другому, но это уже что-то. Разве не так? — Ответа не было. — Разве не так?

— Пожалуй, ты прав, Богги.

— Конечно. И мы больше никогда не увидим этого жирного ублюдка Кормана.

— Я в этом не так уж уверен, Богги.

Богарт так резко остановился, что Саймон наткнулся на него.

— Что это значит? Как это не уверен? Послушай, Саймон. Оттуда никому не уйти. К тому же экзо размазал его по скалам.

— Нет.

— Нет?

— Нет. Думаю, будь он нормального размера, у него сломались бы все кости. Но он такой толстый, что жир мог смягчить удар.

Они приближались к поверхности, и воздух становился чище.

Богарт остановился и потер ушибленное колено.

— Я хочу сказать... если он жив, то должен бы двигаться. Верно?

— В том-то и дело. Когда этот экзо спятил, разбивая все вокруг... перед тем как упал этот большой камень, песок и дым на секунду разошлись. И я совершенно отчетливо увидел Кормана. У него была поднята голова, и сам он привстал. Стоял на четвереньках. Очень странно. Он был очень странный человек. Или есть. Невозможно невольно не восхищаться им.

— Почему? Что он сделал?

Саймон ностальгически улыбнулся.

— Ну, не забудь, что все его планы провалились. Когда я посмотрел на него, он в ту же секунду увидел, что я на него смотрю. Наши взгляды встретились. Поэтому я знаю, что он жив.

— А что он сделал?

— Подмигнул.

Верхние уровни Ксоактла были опустошены. Повсюду лежали тела, и утренний воздух был пропитан сладким липким запахом смерти. Над Водными Вратами по-прежнему клубился дым.

Бой в зале советов продолжался с яростным ожесточением с обеих сторон. Главный вход был завален телами, и Саймону и Богги пришлось выходить боковыми коридорами. Мало кто из выживших был не ранен. Стоны умирающих заполняли крепость, и проходы стали липкими от крови.

Трудно было подсчитать потери. Оставшиеся тинкеры ушли, зная, что бой они не выиграли. Хотя и не проиграли. Уцелевшие арти в шоке бродили по помещениям.

Один или двое окликнули Саймона, и он рассказал им, что случилось. Но о полной потере сокровищ и атики не говорил.

— Для одного дня с них достаточно, Богги. Если узнают и об этом, просто лягут и умрут.

Саймон предположил, что тинкеры потеряли от ста пятидесяти до двухсот человек — мертвыми и тяжело раненными. Арти как будто потеряли вдвое больше. Но у них ведь не было прочных экзоскелетов ученых. И их вообще было больше.

Этим все кончилось.

У развалин Ксоактла тинкеры оставили несколько флоатеров, и Саймон и Богарт взяли один из них, чтобы добраться до Форт-Пейна. Использовав коммуникационный центр крепости, они сумели связаться с «Искателем приключений» и кратко рассказали о случившемся. Оператор спокойно сообщил им, что корабль вернется через сорок восемь часов и что гражданские власти предупреждены о лейтенанте Богарте и курсанте Рэке; их встретят, поместят в безопасное место и проведут расследование по их сообщению.

Они взяли защитную одежду от солнца, воду и еду и успокаивающие мази для своих ушибов и порезов. Оставалось еще два часа дневного света.

В пустыне Саймон включил двигатель флоатера и оглянулся на гору. Несколько ярких шаров сирков все еще цеплялись за склоны утесов, но большинство было разрушено при падении или отступающими тинкерами.

Из отверстий в крепости поднимался дым, прекратив крепость в погребальный костер всех погибших. Высоко над Ксоактлом, блестя так ярко, что на него невозможно было смотреть, все еще горел Глаз Ксоактла. Открытый. Невидящий. Пустой и слепой. Бессмысленный символ.

Богарт остановился в нескольких метрах и посмотрел на развалины.

— Что ж, молодой Саймон Рэк, думаю, это конец.

Повернув голову к Ксоактлу, Саймон покачал ею.

— Нет, Богги. Что касается нас с тобой, это только начало.

С этим эпическим пророчеством они продолжили путь по пустыне под садящимся солнцем.

Глава 9. Тем временем

Богарт скользил ему навстречу, и мелкие камни поднимали рябь на поверхности зловонного озера. Саймон встал, чувствуя, как дрожат колени, и смотрел на него.

Наконец лейтенант оказался рядом, едва не опрокинув его в озеро.

— Ты в порядке, Саймон?

— Да. Больше, чем могу сказать об Ахмеде. Он где-то там внизу. Медленно погружается в эту массу.

Богарт улыбнулся.

— Не могу сказать, что пролью о нем много слез. Он едва не добрался до тебя. Но я успел первым. Срезал его кольтом. Он не слышал, как я подобрался к нему сзади. Просто стоял и смотрел вниз на тебя. Ублюдок ничего не сказал. Только фыркнул, Тут я и выстрелил.

Вместе она начали трудный и долгий подъем к людям, ожидающим их на верху холма. Только на мгновение Саймон остановился и покачал головой, пытаясь избавиться от последних следов воздействия скрэмблера мозга.

— А что сделал с тобой этот его необычный пистолет?

— Ну... — Саймон задумался: действительно ли все так, как он помнит. — Расскажу тебе об этом как-нибудь в другой раз, Богги. Конечно, не вся моя жизнь промелькнула передо мной, когда я падал. Только несколько дорогих воспоминаний. Не волнуйся. Расскажу позже. Это очень интересно.

Когда они приближались к вершине, Саймон посмотрел вверх и увидел, что все руководство секретной лаборатории по производству оружия ждет его с нетерпением, чтобы услышать, что произошло.

Богарт одобрительно потрепал его по спине. Запах аммиака постепенно рассеялся, и они его почти не ощущали.

— Значит, все. Еще один счастливый конец.

Саймон остановился, держась за жесткую траву, чтобы сохранить равновесие. Далеко внизу тело Ахмеда только что достигло илистого дна густой, похожей на суп жидкости. Тайное оружие уже начало ржаветь.

— Прости, Богги. Что ты сказал?

— Я только сказал, что это еще один наш знаменитый счастливый конец.

— Знаешь что? Чем старше я становлюсь, тем лучше понимаю, что никаких счастливых концов нет. Не в нашей работе. Только много начал.

— Но где-то должен быть конец, Саймон. Разве нет?

— Да. Смерть.

На мгновение солнце прорвалось сквозь густые облака и окатило склон бледно-золотым светом.

ПЛАНЕТА СЛЕПЫХ

Глава 1. Малая смерть

Глаза у Линды закрыты, рот открыт, и белые зубы сверкают в полутьме спальни. Она негромко застонала, потревожив ароматный воздух в своей квартире. Ее любовник проник глубже, и она изогнула навстречу ему спину, ее ногти провели кровавые борозды по гладкой плоти его широких плеч. На стене очень дорогая панель мерцала непрерывно меняющимися рисунками разноцветных огней. На заднем фоне звучала электронная музыка, вибрируя в хрустальном канделябре.

Надувной матрац раскачивался и подпрыгивал с каждым движением пары любовников. Линда подняла ноги, сильными бедрами сжала талию мужчины, прижимая его к себе, впиваясь ему в спину пятками.

— Быстрее, Брин! Быстрее! Да, давай! Быстрее! О! Оооо! Да.

Хотя парень старался идти с ней наравне, она кончила раньше него, рот ее раскрылся, как у кормящейся акулы, светло-голубые глаза ушли в глазницы, так что видны были только белки. Брин старался догнать ее, получить свой оргазм, но она оттолкнула его, перекатилась на бок и потянулось за гроздью винограда в чаше из пластостали, украшенной золотой гравировкой.

— Послушай, Линда, — жалобно сказал парень, прижимаясь к ней. — Дай мне тоже кончить.

Фыркнув, девушка встала с противоположной стороны матраца, подошла к окну и открыла ставни. Луч белого света ворвался в спальню, как новая звезда, отбросив ее тень черным силуэтом на стену. Парень закрыл рукой глаза, защищая их. Линда рассмеялась.

— Думаю, ты больше ни на что не способен, Брин Марн. Ты мне подходишь время от времени, когда мне хочется, но это все. Одевайся и уходи к себе, пока я снова не позову тебя.

Он сердито встал и пошел туда, где на спинке стула висела его одежда.

— А мои кредиты? Цена жизни в этом месте с каждым днем все выше.

Обнаженная девушка легла, раздвинула ноги и очень естественно почесала левое бедро. Она рослая, пять футов девять дюймов, черные волосы падают на плечи, как ночной прибой. Груди у нее маленькие, они еще меньше оттого, что она лежит, у нее стройная талия и узкие бедра. У Линды Сандалл капризное лицо человека, который всегда привык получать все, что хочет. Ее отец Герд Сандалл один из пяти богатейших людей Дайрона, а значит, принадлежит к богатейшим людям всей галактики.

— Брин!

Ее голос прозвучал резко, и он оглянулся.

— Да?

— Давно ли я держу тебя в твоей крысиной норе, одевают тебя и даю кредиты, когда они тебе нужны?

— Почти год. Но это...

Она прервала его, словно он и не начинал говорить.

— Да. Почти год. Если хочешь оставаться моим мальчиком, то должен быть более благодарным и меньше говорить о себе. Я плачу тебе не для того, чтобы ты удовлетворял себя. Для этого можешь найти какого-нибудь мальчишку из трущоб. С большим членом. Это будет твой уровень, Брин.

Парень ей не ответил. Он начал натягивать свой ярко-оранжевый комбинезон с красно-зеленым рисунком, переплетавшимся и словно исчезающим на ткани. Проведя год на службе у Линды, Брин знал, что не стоит спорить с этой властной девушкой. Он слышал разговоры о судьбе своих предшественников — у Линды есть бассейн с прожорливыми рыбами, которых она вывезла с Сол Три, и он хотел уйти с небольшой суммой кредитов, которая позволила бы ему завести собственный бизнес в трущобах. Еще пару месяцев, подумал он.

— Сними снова одежду! Быстрее, мальчик!! Или я достану из ящика вибратор.

Брин вскочил, торопливо расстегивая крепления одежды. Вибратор — злая маленькая игрушка, которую Линда и ее богатые подруги любили использовать на своих парнях. Это своего рода миниатюрный лазер, который может послужить напоминанием для ленивого слуги или добавить извращенное наслаждение к сексуальному акту. Настроенный на низкую энергии, он причиняет только ушибы и синяки. Но если увеличить подачу энергии, он разрежет плоть легко, как пластосталь. Хотя Брин обращался к лучшему косметическому хирургу, какого мог себе позволить, его

спина, грудь и живот были покрыты сетью тонких шрамов, как дорогие ручные кружева.

— Так-то лучше. Когда кончим, можешь пойти со мной к коптеру. Мы полетим в северный офис. Мне нужно встретиться с отцом, а мои тяжеловесы остались дома.

У каждого богатого человека своя команда «тяжеловесов» — телохранителей, сопровождающих хозяина всюду, защищая их от столкновений с уличными бандами и толпами безработных, которые заполняют улицы и каменные каньоны городов. Линда не из тех, кто надеется на других для защиты, и она часто раздражала отца, передвигаясь по городу без защиты.

Сейчас, больше чем когда-либо, богатые люди тревожились о своей безопасности. Точнее о безопасности своих дочерей. В обществе, в котором доминируют женщины, именно они правят бизнесом и коммерцией. Герд Сандалл — исключение. Мать Линды умерла молодой, ее выбросила из высокого окна маленькая сестра одного из ее любовников. Герд решил не жениться повторно, посвятив жизнь приобретению все большего количества кредитов и балуя единственную дочь.

Брин стоял перед Линдой, повесив руки по бокам. Он не пошевелился, когда она протянула ногу и ее пальцами коснулась его поднимающегося мужского органа.

— Неплохо, малыш. Но сейчас я хочу не этого. Ты, похоже, любишь поговорить, так что используй свой язык с лучшей целью. Иди, просунь его в мое отверстие.

По-прежнему молча, он склонился к ней, чувствуя, как ее бедра охватывают его щеки, и ощущая гладкую поверхность ее полового органа. Он продвигался в нее, а она перебирала пальцами его длинные волосы, путая их.

— Я не уверена, что ты будешь полезен, когда эта банда, о которой все говорят, придет за мной. Знаешь, за последние десять дней они забрали пять девушек. Мой отец так встревожен, что хочет даже вызвать Галэсбэ. Похоже, они охотятся за дочерьми богатых людей, так что я должна быть в их списке. Как возбуждающе! Давай! Немного выше и правее... ах, вот так... здесь... так гораздо лучше.

Чувствуя, как волны похоти растут глубоко внутри нее, Линда думала о последних десяти днях, о новости, которые были на всех видеоканалах на Дайроне. Вначале это была Сильвия Уэллдон. Дочь Элгуса Уэллдона, который заработал состояние, продавая

оборудование для соблюдения закона и сохранения порядка среднему классу. Бластеры, станнеры и горящие хлысты. Вибратор был одним из побочных продуктов его производства.

Сильвия плавала под парусами в дюнах за курортом на горе Вермилион. Линда могла бы быть с нею, если бы приняла приглашение. С девушкой, стóящей миллионы кредитов, были трое телохранителей. Всех их нашли мертвыми, песок от их крови потемнел. Никто из них не обнажил оружие, и каждый умер с выражением шока и ужаса на лице.

После Сильвии была Росаба. Ее отец руководит всем бизнесом проституции, он также член недавно созданного регионального совета. Во время приема ее дочь похитили с крыши особняка. Ее телохранителя так и не нашли, но его кровь залила каменную крышу.

Брин трудился между ее бедрами, поглаживая чувствительный бугорок, тонкие чувствительный пальцы касались ее эрогенных зон. Линда легла, удобнее устраиваясь на подушках. Может, его стоит подержать еще неделю-другую. Но художник, которого она недавно встретила, так красив...

После Росабы настала очередь девушки, с которой Линда не была знакома, хотя слышала о ней. Ее отец владеет большинством видеоканалов на Дайроне, поэтому трудно было не слышать о Полинье Стент. Линда не помнила, где она была, когда ее похитили.

Последние две — двоюродные сестры Линды — были захвачены в один день. Джин Харкен и Пила Ахрун. Обеим примерно по семнадцать лет. Обе рослые блондинки. У обеих невероятно богатые — даже по стандартам этой планеты — отцы.

«Может, я буду следующей», — прошептала про себя Линда, чувствуя, как дрожат мышцы животы — признак того, что оргазм близок. Она приподняла бедра, чтобы язык мужчины мог проникать глубже.

— Да. Да. О, да. Давай! Да!!! Да!!!

Голос ее перешел в крик, заглушая звуки музыки. Она сильно сжала бедрами голову и шею Брина, едва не задушив его.

— Да!!!

— Нет.

Слово было произнесено негромко. Холодным равнодушным голосом, как тающий лед. Оно прозвучало в комнате и проникло в уши Линды, лишив ее высшего момента оргазма.

Она повернула голову, пытаясь разглядеть, какой ублюдок испортил ей удовольствие. Кто бы он ни был, ему повезет, если он сохранит свою голову целиком. Она напрягала зрение, осматривая комнату, но никого не увидела.

Брин ничего не слышал, его уши были закрыты ее ногами, он продолжал доблестно работать. Линда раздраженно оттолкнула его, пнув в грудь, так что он, обнаженный, растянулся на толстом ковре. Глаза его раскрылись, рот тоже.

— За что ты это сделала? Разве не...

Она махнула рукой.

— Заткнись, будь ты проклят! Ты слышал?

— Что?

— Голос.

— Нет. — Голос Брина стал ворчливым. — Я вообще ничего не мог слышать. Ты меня едва не задушила. Должно быть, тебе показалось. Тут никого нет. А дверь заперта специальными двойными болтами.

Она ненадолго задумалась. Это правда. Квартира охраняется, и есть еще дополнительные устройства, которые она придумала в последнее время. Но этот голос она не вообразила. Линда сильная девушка, но ей стало холодно, и она содрогнулась при мысли об этом голосе.

— Наверно, ты прав. Никто не может пройти через эту дверь так, чтобы мы не услышали.

Послышался смех. Тот же самый мертвенный тон, что раньше.

— Леди. Некоторые голоса приходят через дверь, а некоторые — через окно.

Брин встал на четвереньки, а Линда прижала колени к груди. Оба молчали.

В дверях комнаты для умывания стояло одно из самых страшных созданий, каких им приходилось видеть. Худое, одетое в сплошной черный шелк, опирающееся на тяжелую трость. Когда этот человек шагнул в комнату, Линда и Брин увидели, что он хромает, подволакивает за собой одну ногу.

Но дело не в его одежде. И не в трости. И не в хромоте. Не это делает его фигуру порождением детского кошмара.

Его лицо. Обрамленное волосами, тонкими и белыми, как снег в бурю, с бледной кожей, почти цвета слоновой кости; это лицо вполне подходило бы для трупа. Щеки впалые, человеку, похоже, за пятьдесят, хотя плоть его мягка и нежна, как у юной девушки.

Глаза красные — глубокого красного цвета, цвета крови. Они, как огненные ямы, светятся в углублениях обветренной кости. Зрачки темные, почти черные. Взгляд этих глаз перешел от склонившегося юноши к девушке, и губы оттянулись от желтых зубов в хищной усмешке.

— Так. — В этом единственном слоге слышалось глубокое понимание. Это слово вылетело изо рта и повисло в воздухе. — Ты Линда Сандалл. А это, должно быть, один из твоих домашних любимцев.

— Я ее любовник, если это что-нибудь для тебя значит.

— Есть еще четверо таких в разных кварталах этого города. Молодая леди необычайно активна.

Брин встал, машинально прикрывая руками промежность. Щеки его вспыхнули, и он посмотрел сначала на Линду, потом на альбиноса.

— Ты лживый ублюдок. И кто ты такой? Какого дьявола ты тут делаешь? Что здесь нужно такому калеке?

Бледный мужчина невольно шевельнул рукой, как человек, увидевший, что на его кожу села оса. Он крепче сжал рукоять трости и приподнял ее. И продолжал внимательно смотреть на Брина.

— Будь это необходимо, я бы обязательно запомнил твое лицо и твое имя. Однако в этом нет необходимости, и я не запомню. Но я представлюсь тебе. Вам обоим. — Он поклонился, и его белые волосы покачнулись на плечах. — Меня зовут Магус Ричард де Геклин Лоренс, и я двадцать пятый барон Мескарл. Хотя сейчас этот титул ничего не значит.

Сейчас, когда шок от появления незнакомца слегка прошел, к Линде вернулось самообладание. Она перекатилась по матрацу и протянула руку к маленькому ящику в полированном шкафчике. Она пыталась нащупать вибратор, который держала здесь наготове для игр, если ей захочется поиграть. Но пальцы ее ничего не нашли.

— Он не здесь.

В мягком голосе звучала торжествующая нота. Голос человека, который предусмотрел все возможности и знает это. Магус согнул палец и поманил кого-то из умывальной комнаты.

— Входите, друзья мои. Время проходит, и нам пора уходить.

Если Магус был отвратителен и страшен, те, кто вошел в комнату, почти гротескны. Один ростом в шесть с половиной футов,

худой, как луч лазера. Второй вполовину первого ростом и вчетверо тяжелее. Оба они улыбнулись паре в спальне.

— Вот так. Теперь, думаю, нам всем лучше уходить.

Брин посмотрел на трех человек, взвешивая свои шансы. Альбинос не угроза, худой тоже. А толстый карлик выглядит слишком медлительным. Брин размял мышцы и шагнул вперед.

— Забудьте про «нас» и побыстрее уходите. Эта леди — дочь одного из богатейших...

— Они это знают, Брин. Поэтому они здесь.

Магус мягко улыбнулся.

— Отлично. Мне говорили, что ты умна и быстро соображаешь. Это верно.

— А как насчет меня? — спросил парень.

— Да, как насчет этого мальчика, мисс Сандалл? Возможно, вы скажете ему, что с ним случится.

Она посмотрела на кровать, стараясь не встретиться взглядом с Брином. Он повернулся к ней, умоляюще протянул руки.

— Позволь мне пойти с тобой, Линда. Пожалуйста.

Магус наморщил длинный нос, повернулся к низкорослому и просто сказал:

— Ударь его, Чинк.

Правая рука карлика мгновенно вылетела из-за спины, шорох движения и блеск металла. Линде показалось, что за долю секунды в центре горла ее любовника появилась яркая драгоценная полоска. Эта драгоценность расцвела ярко-красным цветом, выбросив густой фонтан. Брин поднял руки, словно хотел ощупать рану, но мозг его отказал до того, как руки дошли до цели, пальцы разогнулись и согнулись, хватая воздух, и он упал на ковер. Ноги его двинулись, как у человека, устраивающегося удобно поспать, и он умер.

Линда без интереса посмотрела на то, что недавно было ее любовником, и повернулась к альбиносу. Магус смотрел ей в глаза, словно искал следы хоть каких-то эмоций.

— Идем, леди. Снаружи у меня транспорт. Одевайся, и мы пойдем. Чинк, спрячь свое лезвие. Патрейк, помоги леди. Время и Таркон Шесть никого не ждут.

Кровь больше не стекала с ковра на пол.

Через пять минут в комнате никого живого не было.

Глава 2. Он был здесь и исчез!

— Пожалуйста, господа. Я буду благодарен, если вы выслушаете все, что я говорю. Особенно вы, лейтенант Кегни или как вас?

— Богарт, сэр. Лейтенант Юджин Богарт.

Худое лицо ученого сморщилось от такого громкого ответа. В его доме, в хрустальном и стальном мире тихой лаборатории, шум и физическое присутствие трех офицеров ГСБ вызывало у ученого беспокойство. Особенно тот низкорослый, с коротко подстриженными волосами, которого содержимое его левой ноздри интересует больше, чем лекция старшего хронолога Дриана Левина.

— Пожалуйста, продолжайте, господин Левинт. Я уверен, отныне лейтенант будет вас внимательно слушать.

Этот голос, спокойный и елейный, ученому понравился, и он улыбнулся офицеру.

— Вы коммандер Шмидт, думаю?

Язык его запнулся на согласных этого имени.

Шмидт молод, он едва расстался со званием курсанта. Новизну его повышения выдают новенькие полоски на рукавах и груди. Волосы у него подстрижены почти так же коротко, как у Богарта, завитки светлых волос намного выше воротника. Лицо пухлое, с толстыми губами и полным ртом, который слишком легко улыбается. А вот голубые глаза улыбаются редко. Считалось, что он далеко пойдет в службе безопасности. И многие считали, что чем дальше, тем лучше.

— Дерьмовый сопляк! — прошептал Богарт так тихо, что его услышал только стоящий рядом офицер.

— Что? — рявкнул Шмидт. — Что вы сказали, лейтенант?

— Жарко.

— Что?

— Нет, сэр.

— Нет что?

— Нет что, сэр.

— Нет что?

На верхней губе Шмидта выступил пот, разговор уходил от него, скользя в болото тщательно рассчитанного неподчинения.

Богарт вытянулся по стойке смирно.

— Совершенно верно, сэр! Не что. Сэр.

Левин стоял у компьютероскопа, ожидая, когда закончится этот нелепый обмен репликами.

— Лейтенант. — Шмидт едва сдерживал ярость в голосе. — О чем вы говорите?

— Вы спросили, что я сказал, сэр. И я вам ответил. Я не сказал «что». Я сказал «жарко», сэр. Теперь это понятно, сэр?

Короткий палец указал на Богарта.

— Я добьюсь, чтобы вас наказали вас за это. Не думайте, что вам сойдет с рук эта грубость мне.

— Не думаю, Шмидт. — Впервые заговорил коммандер Саймон Рэк. Его интересовал рассказ хронолога, но он не удивился, когда Богарт начал отвлекаться. Действия — вот что любит Богарт, и вот в чем он хорош. С Саймоном его объединяет нелюбовь к подробной регламентированности Галактической службы безопасности, и именно это мешает им получить более высокие звания. Им обоим не нравится молодой коммандер Шмидт, которого им навязали как к наиболее опытным работникам разведочного отдела службы.

— Он был груб со мной, Рэк.

— Я коммандер, Шмидт, и не привык слышать оскорбления со стороны более молодых офицеров. Тем более от офицера, который только что расстался с гравитацией в два яйца. Я слышал, что лейтенант постарался ответить на ваш вопрос, а вы обращается ко мне, чтобы продлить это глупое дело. Предлагаю вам оставить эту тему и продолжать слушать интересные объяснения хронолога.

Он отвернулся от светловолосого офицера, подмигнув при этом Богги. К его удивлению, Шмидт не пожелал отказываться от темы.

— Вы всего на два года старше меня, коммандер Рэк. И я был в активных действиях.

Левин нетерпеливо переступил с ноги на ногу, а Саймон медленно повернулся к рассерженному офицеру.

— Что вы сказали? Клянусь Господом! Мне двадцать шесть лет, и я с четырнадцати лет в Галэсбэ. Я убил больше людей, чем случаев, когда вы побывали в невесомости. Мой процент успешных миссий свыше восьмидесяти. И этим я обязан лейтенанту Богарту, который гораздо лучший офицер, чем вы, и думаю, лучше, чем вы когда-нибудь станете.

Шмидт вскочил, сжимая кулаки. Саймон тоже медленно встал, он выше на несколько дюймов. Его карие глаза были устремлены на более молодого человека; он проверял, насколько далеко тот способен зайти.

— Да, Шмидт. Хотите выйти, чтобы мы продолжили этот разговор наедине?

Репутация Рэка как бойца общеизвестна. С самой первой его миссии на Зайин смерть всегда была рядом с ним. Несмотря на его сравнительно невысокое звание, мало кто из старших офицеров решился бы противостоять ему.

Шмидт сел.

Саймон сделал жест ученому.

— Простите за помеху. Пожалуйста, продолжайте.

Левин чопорно поджал губы.

— Что ж. На чем я остановился?

Это был риторический вопрос, и он не ожидал ответа. И удивился. Богарт наклонился вперед в позе внимательного ученика и поднял руку.

— Сэр. Вы рассказывали нам об аномалиях путешествий во времени. Что невозможно вернуться в прошлое и встретиться с самим собой, потому что это взорвет всю ткань пространства и времени. И что если человек когда-нибудь сможет путешествовать во времени, он не сможет воздействовать на уже случившиеся события... или которые должны случиться. Должен признать, что не совсем представляю себе, что происходит, когда вы движетесь во времени.

Левин улыбнулся ему.

— Прошу прощения, лейтенант... Богарт. Вижу, вы меня слушали. Да, мы считаем, что у времени есть способ каким-то образом компенсировать потенциальные временные иррациональные нарушения. Но каков этот способ, мы не знаем. Главным образом потому, что никто еще не путешествовал достаточно далеко назад или вперед во времени, чтобы проверить.

Саймон прервал его.

— Вы сказали «достаточно далеко». Означает ли это, что кто-то совершил путешествие во времени и вернулся?

Хронолог посмотрел на двери маленького лекционного зала. Там, за дверьми, стояли караульные, вооруженные караульные, и внутрь разрешили войти только им четверым. Операция сверхсекретная, и трем офицерам ГСБ дали только самые минимальные сведения. Убедившись, что их не подслушивают, Левин наклонился вперед над прозрачным столом.

— Хороший вопрос, коммандер. Поистине хороший вопрос. — Он колебался так долго, что Саймон решил, что ученый не отве-

тит. Но вот он продолжил: — Действительно, было проведено много экспериментов по темпоральным перемещениям. Примитивные исследования на Сол Три проводились даже до Нейтронных войн. Все были неудачными. Однако недавно мы достигли некоторого успеха.

Это было настолько поразительно, что Богарт даже перестал ковырять в носу. Офицеры сидели молча, изумленные словами Левина и тем, что они означают. Если человек покорит время, он станет господином всего и повсюду. Но, очевидно, возникли и аномалии.

— Прежде чем вы придете в возбуждение, должен сказать вам, что наш успех очень ограничен и никаких практических применений не имеет. Идемте со мной в лабораторию. Надеюсь, там для нас все готово.

Вооруженные люди снаружи вытянулись, когда они вышли из маленькой комнаты и пошли по коридору. Хронолог шел первым, Шмидт рядом с ним что-то ему негромко говорил. Саймон и Богги в нескольких шагах за ними, улыбаясь нелепому желанию коллеги оказаться поближе к тем, кто вверху, и подальше от тех, кто ниже.

— Он из того типа дерьма, что может, вернувшись домой, застать свою жену в постели с полковником. И постарается выйти незаметно, чтобы старший офицер на него не рассердился.

— Послушай, Богги. Ты знаешь, что у него большие связи на базе Федерации. Молодой Мартин будет быстро подниматься по службе. Быстрее, чем змея в клюве орла, как говаривал мой старый сержант на Сол Три.

На каждом повороте коридора у них проверяли пропуска и внешность. Наконец, оказавшись, по-видимому, глубоко под землей, они остановились у массивной двери из тусклого металла. Солдаты с тяжелыми лазерами обыскали их, прежде чем пропустить внутрь. Левин достал маленький компьютерный ключ и приложил его к главной панели.

— Пять остальных владельцев ключей уже приложили свои. Обычно на то, чтобы открыть эту дверь, уходит около часа. Но мы не можем терять столько времени.

— Я думал, если они изобрели машины времени, как раз времени у них должно быть достаточно, — прошептал Богги.

Дверь закрылась за ними, оставив их в большом подземном комплексе. Всюду слышалось гудение компьютеров, на которых мигали огоньки. Компьютеры стояли рядами, и с них петлями свешивались ленты. Свежий воздух говорил о кондиционировании

высокого качества. Вдоль стен вверху и внизу тянулись стеклянные панели.

Левин, оказавшись в своем царстве, уверенно шел впереди, три офицера — за ним. Он привел их в круглое помещение, в центре которого находилось другое помещение, маленькое. Стены этого внутреннего помещения прозрачные, и можно было увидеть полки с запоминающими устройствами и маленький стул, блестевший в тусклом свете. Повсюду провода и различные усилители. В одной стене бронированное окно с узкими щелями. С потолка свешивается множество разных протезов, как в гигантском банке запасных частей.

Остановившись в центре комнаты, у входа в меньшее помещение, хронолог костлявым пальцем поманил трех офицеров ГСБ.

— Сюда. Спасибо. Здесь мы раздвигаем барьеры времени.

— Похоже на новый фронтир. Путешествовать там, где никто еще не был.

Шмидт сердито посмотрел на него.

— Я считаю, коммандер Рэк, что вам следует сдержать свое естественное возбуждение и отнестись к делу серьезно.

Саймон кивнул и подошел ближе к молодому офицеру, чтобы прошептать ему на ухо:

— Я сломаю тебе колени, Шмидт, если ты не заткнешь свой чертов болтливый рот.

Он произнес это с приятной улыбкой, как будто наслаждался лучшим временем дня. Шмидт побледнел, услышав этот голос, отошел от Рэка и посмотрел в центральное помещение.

Богарт небрежно прошелся по комнате, поглядывая по сторонам и ничего не упуская. Убедившись, что все в порядке, Левин открыл дверь в маленькую комнату и снова перешел на свою лекционную манеру.

— Это эпицентр темпорального возмущения. Здесь нам удалось преодолеть риски и проблемы путешествия во времени. Мы открыли двери к величайшей мечте человечества. Увидеть будущее.

— И прошлое, — добавил Богги.

Это замечание смутило хронолога.

— Ну, нет. Не совсем.

Саймон посмотрел на него.

— Что это значит? Я всегда считал, что хронологи чрезвычайно аккуратны во всем. «Не совсем» кажется мне не слишком точным. Правда?

Левин сделал несколько шагов по маленькому помещению и провел пальцем по одной безупречно чистой полке.

— Думаю, будет лучше, коммандер Рэк, если мы начнем экспери... Я хотел сказать, демонстрацию.

Двигаясь с поразительной быстротой, Саймон протянул руку и схватил его за аккуратный белый халат, смяв тонкий материал.

— Левин. У меня хороший слух, и я прекрасно понимаю разницу между словами «эксперимент» и «демонстрация». Одно означает, что все проверено. Другое — что ученые только еще ищут.

— Нет. На самом деле это не совсем так. Коммандер. Пожалуйста, выпустите мой... Спасибо. Я с трудом мог дышать. Нет, просто дело в том, что мы никогда не проводили опыты с живыми людьми. Проверяли на трупах и на разных животных. Операция абсолютно безопасная.

— Тогда почему бы вам не попробовать на себе? — сказал Богарт, притрагиваясь к одному из голубых переключателей у двери.

— Ничего не трогайте! — крикнул хронолог. — Я нужен, чтобы управлять аппаратом, поэтому нам необходим доброволец. И друзья в Галактической безопасности подсказали мне, что одному из их лучших оперативников захочется стать первым человеком, официально путешествовавшим во времени.

В этом-то и было препятствие. Полковник Стейси пригласил Рэка и Богарта в свой кабинет, и по первой же его улыбке они поняли, что у них большие неприятности. Несколько месяцев назад они провели очень трудную операцию на Алефе. К сожалению, это не облегчило их жизнь, и наркоман пожаловался на то, как они с ним обращались. И то, что он оказался сыном одного из ведущих дипломатов Галактики, им не помогало, так что Стейси готов был обвинить их во всех смертных грехах и услать куда-нибудь подальше.

Но тут для них нашлось необычное дело. Лаборатория продвинутого оружия и что-то такое секретное, что даже Стейси не знал, что это такое. Теперь они здесь, и они знают. Один из них будет привязан к этому стулу и отправится в лабиринты времени.

Естественно, поскольку Саймон здесь старший, ему и предстояло рискнуть. Богги и Шмидт скрылись за бронированными щитами, а Левин усадил Саймона на стул, застегнул ремни и прикрепил множество датчиков и разных приборов и приспособлений. Кольт Саймона он достал из кобуры.

— Подождите. Если я попаду в будущее, мне может понадобиться оружие.

Хронолог отрицательно покачал головой.

— Думаю, нет, коммандер. Хотя у нас самые первые стадии, мы точно знаем, куда и когда вы попадете. И когда вернетесь. Никакая опасность вам не грозит, и это точно вам не понадобится.

Послышался далекий гул нарастающей энергии, треск высокого напряжения. Саймон посмотрел на лицо ученого.

— А о чем вы мне не сказали? Почему я не должен знать, далеко ли уйду в будущее?

— Ну, я просто не могу вам сказать этого. Все станет совершенно ясно, когда вы вернетесь, коммандер. Прошу вас поверить, что я не послал бы вас, если бы имел хоть какую-то возможность проделать это сам.

Их взгляды на мгновение встретились, затем ученый повернулся и вышел. Инструкции, которые он дал, были до нелепости просты:

— Сидите неподвижно. Дышите нормально. Закройте глаза. Это все.

И вот он сидел неподвижно, закрыв глаза, и нормально дышал. Хотя выглядел он расслабленно, нервы его были напряжены и готовы к мгновенным действиям, когда это понадобится. Мозг напряженно работал, пытаясь понять, почему Левин был так неразговорчив относительно процедуры. Левин не хотел, чтобы Саймон предвосхищал то, что произойдет. Это единственное объяснение, которое он сумел найти.

Наконец он в наушнике в своем шлеме услышал голос хронолога:

— Две минуты до начала, коммандер.

Богарт и Шмидт стояли у окон, глядя через невероятно толстое стекло. Они могли видеть только смутную фигуру Саймона Рэка, увешанную бóльшим количеством аппаратов, чем новогодняя елка в сиротском доме. Через усилители доносился шум его дыхания.

— Сэр?

— Не мешайте хронологу, лейтенант.

— Все в порядке. С этого момента операция чисто механическая. Встроено множество разных предохранителей, и они сработают автоматически, если что-то пойдет не так.

— Я только хотел сказать...

Шмидт на мгновение отвернулся от окна и сердито посмотрел на Богарта.

— Вы можете помолчать?

— Одна минута, начинаю отсчет.

Не обращая внимания на старшего офицера, Богарт настойчиво продолжал:

— Я хочу только знать, сами-то вы знаете, что произойдет.

— Отлично, лейтенант. Погорим позже. Надеюсь, хоть на сорок секунд вы окажетесь без защиты вашего драгоценного Рэка.

— Если с ним что-нибудь случится, коммандер, я не стал бы думать, о таком сопляке, как вы.

— Что?

Левин безуспешно пытался сохранить мир.

— Пожалуйста! Мне нужно немного тишины. Да, — раздраженно добавил он, — я знаю, куда и в какое время отправляется коммандер. Он в полной безопасности. Восемнадцать секунд. Двенадцать. Десять, девять, восемь, семь, шесть, пять, четыре, три, две, одна, контакт.

Богарт и Шмидт прижались к стеклам, глядя в потемневшую маленькую комнату, где в одиночестве сидел Рэк. Наверху комнаты появилось слабое зеленое сияние, и вспышки света отразились от вращающихся компьютерных лентах.

Богарту показалось, что фигура старшего офицера и его друга на мгновение мигнула. Мигнула и сразу вернулась. Все произошло так быстро, что он подумал, будто это ему показалось. И только когда Левин начал щелкать переключателями и приводить стрелки на шкалах к нулю, он понял, что все кончилось.

— И это все? — недоверчиво спросил Шмидт.

— Все?

Этот голос, донесшийся из усилителя, принадлежал Саймону.

— Я вас выпущу, а потом объясню, что произошло.

Богарт умел внимательно слушать и хорошо разбирался в голосах, и в голосе хронолога что-то заставило его встревожиться и вызвало подозрения. Похоже на голос волшебника, каким он говорил, когда работал на карнавале на Кельде. Его трюки были ослепительны, но, если посмотреть их повторно, мишурный смысл становится очевиден. Левин говорил примерно таким голосом.

Когда Саймон вышел в наружное помещение и оказался с ними, его окружили и предложили немного выпить. Ученый исчез — пошел провести несколько проверок, как он объяснил. Шмидт задавал массу вопросов: что видел Саймон, где он был и почему, во имя Галэсбэ, вернулся так быстро.

— Я хочу сказать, коммандер, вы только посмотрите на часы на стене. Показывающие время, которое вы отсутствовали. — Он рассмеялся. Высокий, неблагозвучный, лающий смех, от которого кажется, что мозг тебе натирают размельченным стеклом. — Часы показывают, что вы отсутствовали точка ноль ноль два четыре семь доли секунды.

Снова этот хриплый смех.

Богги посмотрел на Рэка.

— Как это было, Саймон?

— Всего мгновение. Будто кто-то проник ко мне в голову и все оттуда извлек. Но только на мгновение. Своего рода затемнение сознания.

В этот момент появился улыбающийся хронолог.

— Ну, вот. Было ведь не очень трудно? Все прошло хорошо. Позже я получу распечатку, но пока кажется, что все прошло прекрасно.

Шмидт поставил свой стакан и придвинулся к ученому.

— Теперь вы должны сказать нам, сэр. Конечно, если это не секретная информация, — торопливо добавил он. — Нам показалось... мне показалось, что коммандер отсутствовал только мгновение. В реальном времени. Сейчас. Понимаете. Он должен был долго находиться в будущем. Это и есть поразительная аномалия. Не правда ли?

— Нет.

— Вот я и... Нет? Вы сказали «нет»?

— Да.

Голос Левина звучал спокойно, и ученый не отрывал взгляда от стакана с выпивкой, который держал рукой в перчатке.

— Конечно, это аномалия. Вы только посмотрите на часы! Не стройте из себя идиота. Мы, в Галэсбэ, не дураки, хронолог. Если будете с нами спорить, мы очень затрудним вам жизнь.

— Заткнитесь, Шмидт! — Саймон посмотрел на Левина. — Но в чем-то он прав. Здесь какой-то парадокс времени.

— Нет.

— Посмотрите на часы. Они показывают, что он был в будущем всего двести сорок семь десятитысячных секунды. Сколько он на самом деле пробыл в будущем?

Левин отошел от них, взял маленький хрустальный шар и с отсутствующим видом гладил его пальцами. Свет отразился от полированной поверхности и пробежал по стенам и потолку лабо-

ратории. Медленно прошло несколько секунд, прежде чем он ответил.

— Коммандер Рэк. Господа. Вы знаете, что то, что вы здесь видели сегодня, совершенно закрытая информация. Это большой прорыв через темный барьер человеческого незнания. Возможно, самый значительный после появления двигателя, который принес нас к звездам.

— Но?

— Но, лейтенант, есть и недостаток. Несмотря на все наши усилия, нам не удается продлить время пребывания в будущем. И нет никакой возможности послать объект или живое существо назад в прошлое.

Саймон поставил стакан и неожиданно улыбнулся ученому.

— Вы хотите сказать, что часы, показывающие двести сорок семь десятитысячных секунды...

— Да, именно таково время, на которое нам удается послать в будущее. На двести сорок семь десятитысячных секунды. — Он вздохнул. — Как вы понимает, практических приложений тут не может быть.

Богарт неожиданно рассмеялся, хронолог и Шмидт вздрогнули от его громкого смеха.

— В таком случае я считаю, что большого будущего здесь нет.

Глава 3. Шесть к пяти специальный

— Если точно сформулировать, в этом проекте нет будущего.

Полковник Стейси скривил губы в выражении, которое могло сойти за улыбку, и ждал реакции офицеров. Только Шмидт оскалили зубы в льстивой улыбке. Рэк и Богарт слышали эту шутку раньше и не потрудились ответить.

— Хм, ну, ладно, вот и все. Вся эта ерунда со временем. Но кое-что с этим связано. Перестаньте ковырять свой проклятый нос, Богарт!

— Простите, сэр!

Богарт вытянулся, что очень нелегко в неудобном кресле перед пластистеклянным столом.

Стейси коснулся маленькой кнопки в углу своего стола, и загорелся слабый желтый свет.

— Хорошо. Теперь нас не подслушают. То, что я вам скажу, слишком важно, чтобы это могли услышать. Иными словами, та же закрытость, что в лабораторию хронологии. Ясно?

— Да, полковник Стейси.

Коммандер Шмидт не мог дождаться возможности сказать это. Богги поймал взгляд Саймона и пальцами изобразил сигнал «дерьмо». Посмотрев на полковника, он с ужасом понял, что тот тоже видел этот знак. Но, к его изумлению, седовласый офицер сделал вид, что ничего не видел, и ничего не сказал. Только... только на мгновение в углу его рта появилась та же улыбка.

— Хорошо. Теперь вы знаете, что путешествие во времени невозможно, если не будет какого-то внешнего воздействия. Но, похоже, такое внешнее воздействие найдено. По причинам, которых никто не может понять, возникли темпоральные нарушения вблизи Таркона Шесть.

— Райол? — спросил Рэк.

— Да. Райол. Незначительная планета вдали от всего. Едва колонизированная. Развитие земного типа. Небольшое население. В основном ученые. Они обнаружили какие-то бассейны времени поблизости. Как я сказал, никто не знает, почему и как. Но кое-кто из ведущих хронологов считает, что есть возможность установить там передатчики материи.

— И вы хотите, чтобы мы отправились туда и приняли участие в этих экспериментах? Так, сэр?

Стейси покачал головой.

— Нет. И в то же время да.

Для полковника Стейси такое противоречие самому себе необычно. И если и был признак, что что-то происходит, так это его явная тревога. Саймон и Богарт почувствовали слабость в районе живота. Если Стейси это не нравится, очень мала вероятность, что понравится им.

Стейси посмотрел на Саймона.

— Как вы узнали о Райоле, Рэк?

— Я был там однажды с небольшой миссией. Там есть население, и, несомненно, есть бассейны времени. Помню наблюдателей.

Шмидт выглядел удивленным, но Богги кивнул. Он уже слышал эту историю. Полковник Стейси увидел выражение лица младшего офицера и постучал по столу.

— Сейчас не самое подходящее время, но, пожалуй, расскажите Шмидту о наблюдателях. Для него это может оказаться полезным.

— Хорошо, сэр. На Тарконе Шесть знают об этих искажениях времени уже пятьдесят лет. И смогли несколько лет назад получить видео.

— Что? Они видели прошлое! — В голосе Шмидта звучало явное недоверие. — Почему я до сих пор об этом не слышал?

Саймон улыбнулся, создавая впечатление, что скрывает свое отношение к Шмидту, но на самом деле подчеркивая его.

— Возможно, вы вообще ни о чем не слышали, Шмидт. Пока не слышали. — Он с радостью увидел два багровых пятна на бледном лице. — Как и путешествие во времени, которое мы увидели сегодня, это не имеет практического значения. Но все равно интересно. Я узнал об этом от ученой по имени Лиз Баррель.

— Если не возражаете, личные подробности оставьте при себе, Рэк. У нас нет на это времени.

— Простите, сэр. Коротко говоря, это явление действует без всякой закономерности. Невозможно понять было ли это тысячу лет назад. Или вчера. И никто не знает, где это было. Может в течение трех часов показывать пустую стену или что-то интересное и важное на три секунды.

— А наблюдатели?

— Это люди, которые ничего не делают, только весь день сидят и смотрят свои видео, настроившись на эти каналы прошлого. Сидят весь день и часто почти всю ночь, не отрываясь от своих приемников. Некоторые делают это, потому что надеются увидеть своих старых друзей или возлюбленных. Говорю вам, самая глупая вещь из всего, что может быть. Как привидения, надеющиеся, что труп оживет.

Когда он закончил, наступило короткое молчание, которое нарушил Стейси.

— Понятно. И мы вас отправляем на работу на этот самый Райол.

Он нажал другую кнопку, и на стене появился белый видеоэкран. Огни в комнате потускнели, и из проектора на дальней стене ударил луч света.

— Вы слышали о похищении девушек на Дайроне. Их шесть. Последняя — пару дней назад их квартиры, где она была со своим наемным любовником.

— Девушка Сандалл?

— Верно. Значит, всего их шесть. Никто не знает, кто их похитил, и никто не знает, где они сейчас. Вернее, никто не знал. Мы получили фильм в запечатанном контейнере. Точнее два фильма. Второй запечатан так, что он самоуничтожится, если мы откроем его раньше определенного времени. Через два дня от сегодня. Первый фильм здесь, готов к демонстрации. Чтобы избавить вас от вопросов, все заинтересованные группы его уже видели.

Свет совсем погас, и засветился многоцветный экран. Вначале на нем ничего не было. Просто красный квадрат. Потом они увидели лицо девушки. Привлекательной девушки, которая смотрела прямо на них.

— Скоп, — сказал Богги. Все это тоже поняли. Девушка накачана наркотиком до предела. Наркотик называется скоп; он дает возможность предварительной подготовки человека и контроля за его поведением. На всех планетах под юрисдикцией Федерации скоп вне закона.

Показалась рука и схватила девушку за плечо. В этот момент изображение застыло, в темноте послышался голос Стейси:

— Это Пила Ахрун. Ее отец в больнице. Он считается одним из шести богатейших людей планеты. Ее похитили предпоследней. Слушайте.

Фильм пошел дальше, и девушка открыла рот. Говорила она бесстрастно и невыразительно, как ребенок, который произносит слова, которых не понимает. В одном случае голос ее стал почти неслышным, и тут слева от нее появилась трость и тронула ее за шею.

— Меня зовут Пила. Пока мне не причинили ничего плохого. Я не знаю, где я. Не знаю, кто они такие. Я знаю, что им нужно. Они хотят десять миллионов кредитов в подержанных банкнотах. Если ты согласен, отец, вот что ты должен сделать. Доставь десять миллионов кредитов в шаттле через агента. Банкеты использованные и непомеченные. Он поймет, если вы попытаетесь его обмануть. Вы не должны сообщать людям из Галэсбэ. Иначе я убью себя.

Снова изображение застыло, рот девушки был открыт на полуслове.

— Обратите внимание: она сказала, что сама убьет себя. Никто не знал, что скоп способен дать контроль такой степени. Сейчас вы увидите, насколько он глубок.

Заговорил Шмидт.

— Сэр? Мы уверены, что это действительно девушка? В преступлениях такого типа часто, чтобы обмануть родителей, используют андроиды или гуманоидов. Кто-нибудь подумал об этом?

Богги громко фыркнул, чтобы показать наивность этого вопроса. Стейси не ответил. Он только снова включил фильм.

— Он говорит, что я должна как-то доказать вам, кто я такая. Разве вы не видите, что я... — Голос смолк, и на лице Пилы появилось выражение боли. Очевидно, запись остановили и снова возобновили спустя какое-то время; очевидно, ей дали новую порцию скопа.

Блеснуло серебро, и трость снова появилась и толкнула девушку. И толкнула так сильно, что на левой щеке девушки появилось красное пятно.

— Помнишь собаку, которую ты мне подарил? Я назвала ее Чокс. Она умерла, потому что ее по ошибке закрыли в холодильнике.

Камера приблизилась, и офицеры увидели слезу в углу глаза девушки; слеза потекла по щеке, оставляя влажный след.

— Шаттл должен находиться на орбите вокруг планеты на тридцать восьмом градусе. Он должен с интервалом в двенадцать секунд передавать одну ноту. Не говорите Галэсбэ. Если вы это сделаете, вот лишь немногое из того, что случится со мной.

Шмидт ахнул и отвернулся, его лицо в свете видеопроектора побледнело и стало похоже на череп. Девушка подняла руку к лицу и коснулась носа. В пальцах она держала то, что похоже на нож с тонким лезвием или хирургический скальпель. Абсолютно без эмоций на лице она вставила лезвие в свою левую ноздрю, так что оно углубилось примерно на дюйм. Она посмотрела в сторону, как будто ждала знака. И когда увидела его, действовала без малейших колебаний. Решительным жестом она провела лезвие через плоть своего носа. Кровь хлынула ей на рот и потекла по белой блузке. Рука стала красной, и с нее капала кровь.

Экран потемнел, все замигали и зашевелились в креслах, когда загорелся огонь. Стейси повернулся к своим людям, на его лице не было никаких эмоций. Богги и Саймон молчали. Каким бы шокирующим ни был фильм, подобное они видели уже не раз. На самом деле они много раз видели картины хуже, много хуже. У девушки будет небольшой шрам, но хороший косметический хирург исправит и это. Внутренний шрам убрать будет труднее.

Только Шмидт проявлял эмоции. Когда он заговорил, голос его был полон гнева.

— Клянусь Иудой! Какой ублюдок это сделал? Почему бы не послать достаточно людей, чтобы окружить планету и ударить по ним всем, что у нас есть? Схватить этих грязных ублюдков и разорвать на куски!

Саймон негромко иронически зааплодировал.

— Хорошо. Даже отлично. Что в наши дни помещают в голову курсантов вместо мозгов? Броситься вперед, как... какое ты обычно выражение используешь, Богги?

— Как седьмой кавалерийский полк на холмах.

— Точно. Ружья стреляют. Сирены и трубы ревут. Любое дерьмо с одним глазом и совсем без ушей услышит за миллион миль. Вы видели, что она сделала, когда ей приказали? Она умрет. Вероятно, и остальные девушки тоже. А этот человек будет далеко, прежде чем вы явитесь. Тупой ублюдок!

Шмидт вскочил.

— Сэр, должен ли я...

Полковник устало попросил его сесть.

— Садитесь, коммандер. А вы, Рэк, держите язык за зубами. Однако то, что вы сказали, правда. Мы не можем использовать корабль, чтобы схватить его. Есть идеи?

Расправив плечи, так что материал мундира вот-вот лопнет, Богги сказал:

— Есть кое-что. Где и кто?

Прежде чем он продолжил, Саймон прервал его.

— Прошу прощения, сэр. Думаю, у меня есть идея. Она кажется маловероятной, но я попрошу вас снова прокрутить фильм.

Наморщив нос, Стейси посмотрел на него. Ничего не сказав, он приглушил огни и снова пустил запись. Саймон внимательно смотрел, попросив остановить изображение при первом появлении трости. Но даже при увеличении картинка была расплывчатой. Трудный просмотр продолжился.

В том месте, где Пила замолчала и был склеен фильм, он снова попросил полковника остановить запись.

— Теперь. Медленно... вот так. Остановите. Немного назад... вот так. Вот это. Богги, видел это раньше?

— Это всего лишь трость с камнем на рукояти. Камень фальшивый. Я такое видел...

— Замолчите, Шмидт!

Голос Стейси хлестнул, как бич, и молодой человек замолчал.

Богарт наклонился вперед, сосредоточенно наморщив лоб. Саймон тоже наклонился вперед, глядя на часть рукояти на краю экрана, готовую ударить девушку. Темная древесина, редкая сама по себе, и сама рукоять цвета серебра — возможно, настоящее серебро, с искрами драгоценных камней. Один из камней — красный рубин — горел огнем, в котором не было тепла.

— Ну?

— Да.

— Ты уверен?

— Конечно. Он ударил меня этой штукой. Да, это точно его.

Во время этого загадочного обмена репликами Саймона и Богги полковник Стейси молчал.

— Господа, когда закончите свои воспоминания, может, посвятите меня в ваши мысли?

Саймон был мрачен.

— Помните дело на Сол Три? Барон Мескарл и его хромой сын?

— Альбинос?

— Верно. Это его трость. Сомнений нет. И план совпадает. Гениальный план, связанный с безжалостными убийствами и холодно осуществляемый. Уверен, это Магус.

В кабинете наступила долгая тишина. Богги и Саймон вспоминали безумного злого гения, который исчез из запертой и охраняемой камеры замка — стражники рассказали, что слышали далекий бой барабана, какое-то пение и высокий тонкий голос Магуса. Сын лорда был в камере один, однако стражники клялись, что слышали и второй голос. Низкий голос, говорящий на незнакомом языке, с таким звуком, словно он приходит издалека, пробиваясь сквозь жидкость. Но когда открыли дверь, камера была пуста.

Голос Богги нарушил тишину.

— Сэр? Она говорит о планете для передачи. Теперь мы знаем, кто стоит за этим. Этот мяукающий ублюдок с лицом, как у черепа. Вы сказали, что знаете, где это.

Шмидт внимательно наклонился вперед. Стейси нажал еще одну кнопку, и снова появилась запись. Картинка была неподвижная. Это было мгновение, когда девушка разрезала себе нос, и теперь можно было рассмотреть подробности. И голос донесся для их ушей. Знакомый холодный голос. Бесстрастный и лишенный эмоций, как ветер меж звездами.

— Посмотрите на нее. Вот что я могу заставить ее сделать. В любое время. Даже посленаркотическим воздействием. Место для встречи будет на орбите вокруг планеты Райол. Таркон Шесть. Передавайте распознавательный сигнал Галэсбэ с интервалом в двенадцать секунд. Орбита под углом в тридцать восемь градусов. Десять миллионов в непомеченных кредитах. Один человек в шаттле. Любое отклонение, и Пила умрет. Вместе с этой передается еще одна запись, запечатанная. Открыть ее можно будет только после обмена. Хорошо ли, плохо ли пройдет обмен, запись откроется ровно через четыре дня. Если не будет никаких звуков, девушка умрет.

Саймон посмотрел на Стейси, который кивнул. Магус говорит правду. На экране появилось пять лиц. Все молодые девушки. Все с пустыми лицами, совершенно неподвижные. Голос продолжал:

— Это остальные, хотя я сомневаюсь, что вы усомнитесь в этом. Если вы не выполните мои приказания, они все умрут, одна за другой. Не должно быть ни малейшего отклонения. Никаких кораблей поблизости, никаких попыток преследовать мой корабль. Это все.

Щелчок, и экран опустел. Полковник включил освещение в комнате.

— Итак. Все, что он говорит, правда. Есть другие похищенные девушки. Отцы готовы платить. Наша задача — быть только посыльными. Это понятно? Никакого героизма, никаких одиночных попыток нарушить то, что приказал этот Магус. Дело того не стоит. Мы попытаемся применить следящие устройства, но он, очевидно, знает о темпоральных возмущениях вокруг Таркона Шесть. То, о чем мы говорили раньше. Нам придется ждать и надеяться, что он допустит ошибку.

— Будет ли меня прикрывать Богги?

Впервые за все годы, что они служат под командой полковника, вопрос Саймона как будто смутил его. Стейси поиграл с пуговицами своего мундира, которые неожиданно стали тугими.

— Не совсем. Шмидт!

Коммандер вытянулся.

— Сэр?

— Выйдите и подождите снаружи. Я приглашу вас и отдам приказ.

Четкое приветствие, и молодой офицер вышел, дверь за ним неслышно закрылась. Богги и Рэк переглянулись, удивленные

происходящим. Шмидта им навязали, и им пришлось терпеть его, с его наивным энтузиазмом и постоянными разговорами о своих влиятельных знакомых. Они ожидали, что от предстоящего дела его отстранят. У Саймона похолодела спина: он начал догадываться, о чем скажет Стейси.

Он оказался прав.

— Скажу коротко и просто и хочу, чтобы вы знали — но это исключительно конфиденциально, — что не я принял такое решение. И мне оно не нравится. Отправится Шмидт. Один. Вы двое будете настолько близко к нему, насколько мы посмеем. — Богарт открыл рот, но Стейси жестом велел ему молчать. — Молчите, лейтенант! Причина проста. У Шмидта есть очень влиятельные и обладающие большой властью друзья, и они настояли на том, чтобы ему дали этот шанс. Я не хуже вас понимаю, какому риску он подвергает дело, и постараюсь как можно точнее его проинструктировать. Никакой возможности изменить это решение нет.

Он встал, показывая, что разговор окончен.

— Завтра утром жду вас для получения инструкций. Всего хорошего.

— Один вопрос, сэр?

— Да, Богарт.

— Эти влиятельные друзья Шмидта, сэр. Не думаю, что у них есть возможности, которые ему понадобятся.

— Что за возможности?

— Вернуть его из мертвых. Сэр.

Глава 4. Петли, провода и... другие вещи

В течение всего дня двухместный разведчик Галактической службы безопасности непрерывно подавал опознавательный сигнал службы. Саймон и Богарт, патрулировавшие на безопасном расстоянии, слышали повторяющиеся просьбы коммандера Шмидта позволить ему предпринять какие-нибудь действия и жалобы на слишком долгое ожидание Магуса.

— Терпение — большое достоинство офицера, — отправил ему сообщение Саймон, улыбаясь Богги. Но Шмидт даже не подтвердил получение сообщения.

Наконец что-то начало происходить. По причинам, которых никто не знал, корабль, прятавшийся у поверхности Таркона

Шесть, не смогло обнаружить самое совершенное оборудование службы.

— Может, это и есть одно из искажений времени, — шутливо предположил Богги.

Но было совсем не забавно. Если корабль может появиться ниоткуда, он столь же легко может и исчезнуть.

Это был двухместный корабль для удовольствий, похожий по конструкции на разведочные корабли.

— Управляется роботами или компьютером, — заметил Саймон, глядя в сканерах на маневры этого корабля. — Будет рядом со Шмидтом через полчаса.

Предупреждать его не было необходимости. Шмидт был подключен к компьютерной системе, которая позволяла следить за всем, что он говорит или делает. Камеры внутри маленького корабля показывали все, что движется, и могли контролироваться наблюдателями — офицерами службы безопасности на Тарконе Шесть. Молодой человек получил строжайший приказ сообщать обо всем, что он делает, и не предпринимать никаких действий, не получив на них разрешение. И как только появился незнакомый корабль, Шмидт начал говорить со своими слушателями и наблюдателями. В корабле Саймона и Богги тоже были установлены мониторы, отчего в их корабле стало еще теснее.

Два пятнышка на экране сближались, пока не слились.

— Шлюзы соединены, давление уравнено, — доложил Шмидт.

— Десять к одному он все сорвет.

Это сказал Богарт.

— Желающих заключить пари нет, — ответил Саймон.

У них было одинаковое мнение о Шмидте, и оба были готовы к немедленным действиям, если что-нибудь пойдет не так.

— Порт открыт. Никого нет. Думаю, корабль контролируется роботом. Подготовил кредиты. По-прежнему ничего. Может, мне лучше...

Словно треск переборки, голос Стейси, слегка искаженный расстоянием:

— Сделаете что-нибудь, и вы больше не служите в Безопасности, Шмидт! Сидите спокойно и ждите. Таков приказ Магуса, и вы будете его исполнять.

Нервно и более высоким голосом, чем обычно, снова заговорил Шмидт. На своем экране Саймон и Богги увидели девушку почти в то же мгновение, что Шмидт.

— Вот она! Похоже на Пилу Ахрун. Позже проверю, не андроид ли она. Больше никого нет. Закрываю шлюз. — Он перестал говорить с невидимой аудиторией и обратился непосредственно к девушке: — Подойди сюда и сядь. Держи руки так, чтобы я мог их видеть. Кто ты?

— Я Пила Ахрун. Если ты положил десять миллионов кредитов в мой корабль, они отправятся к моему господину, и все будет хорошо. Если в чем-нибудь отклонишься от указаний, пос... последствия будут смертельными. Ты не должен идти за тем кораблем.

— Понятно. А кто твой господин, Пила?

— Проклятие! Этот тупой ублюдок решил поиграть в детектива! Почему он просто не передаст деньги и не уберется?

Камера показала лицо Пилы, и они увидели, как дрожат ее веки, словно она под сильным напряжением. Открылся ее рот, и слова звучали так, словно проходили через зазубренный металл.

— Я... не могу тебе сказать. Ты должен делать то... что он хочет. Пожалуйста.

В последнем слове была такая глубина мольбы, что сердца слушателей вздрогнули. Магус запугал ее почти до состояния кататонического паралича.

— Я передам кредиты, но сначала проверка на андроида. Пожалуйста, разденься, Пила. Улыбнись мне и расскажи о своей семье.

Раздеваясь, девушка говорила тусклым голосом, обнажая прекрасное тело, без малейших признаков насилия. Но этого следовало ожидать. Магус не хотел повредить своему бесценному товару. Груди у нее маловаты, а бедра немного широки для совершенства. Это мнение Богги, а он в этом отношении перфекционист. Хотя не скажешь, судя по тому, с кем он встречается.

По приказу Шмидта девушка прошла по маленькому кораблю, поднимая и опуская руки. Потом он приказал ей сесть и продолжать рассказ. Саймон кулаком ударил по видеоэкрану.

— Почему... почему он не проводит внутренний осмотр? Во внешности нет ничего, что бы не мог подделать хороший косметолог-ученый. Он должен просветить ее... Ты только послушай! Все это дерьмо, сколько лет ее отцу. Он должен спросить ее о длине члена ее любовника. Что-то такое, что не мог вытащить из нее Магус. Мне это не нравится, Богги.

По приказу Шмидта Пила перестала рассказывать историю своей семьи и сидела молча. Молодой коммандер посмотрел в камеру и нервно улыбнулся.

— Думаю, она чиста. Передаю кредиты.

Полковник Стейси ничего не ответил, и Шмидт исчез из виду, прошел в корабль-робот, прихватив с собой сумку с кредитами. Невозможно было пометить банкноты так, чтобы умный человек это не обнаружил, поэтому они были непомеченные. Без знаков. Проследить их невозможно.

Шмидт снова появился, и они услышали свист разъединения шлюзов. На экранах сканеров два пятна разъединились и двинулись в разных направлениях.

В корабле-разведчике Богги облегченно вздохнул.

— Что ж, он справился, не завалив дело. Теперь мы пойдем по следу, а он отвезет девушку в руки ее любящего отца. Кончается еще один обычный день на службе в Галэсбэ.

Саймон откинулся в кресле и начал прокладывать курс незаметного слежения за улетающим кораблем. Когда...

— Нет!

— Что?

— Шмидт!

Их голоса заглушил громкий крик с базы. Стейси увидел, что происходит, одновременно с Саймоном и попытался предупредить Шмидта. Но корабль того продолжал сходить с предписанного курса.

Он шел за кораблем Магуса!

Саймон включил полную скорость, но они слишком далеко, чтобы что-то сделать. Они слышали, как Стейси кричал о трибунале, грозил немедленно лишить Шмидта всех званий, но тот, очевидно, выключил передатчик. Они могли только смотреть видео и слушать комментарии молодого офицера к его действиям.

— Я не дам им уйти с этим. Девушка в безопасности, и я легко догоню их корабль. Простите, полковник, но вы увидите, что я прав. Саймон и этот его тупой стрелок считают, что я ни на что не годен. Как они будут улыбаться, когда я вернусь с девушкой и кредитами.

Их корабль дрожал от работы включенного Саймоном двигателя, оба пристегнулись и внимательно смотрели на пятнышко на экране.

— Он догоняет, — сказал Богги. — Может, у него получится, Саймон. Тогда мы можем получить указание на то, где закопался этот Магус. Думаю, большой астероид где-нибудь на обратной стороне Таркона Шесть.

Саймон не ответил. Он сосредоточился на том, чтобы выжать из маленького разведчика несколько дополнительных унций энергии в попытке догнать Шмидта и корабль-робот. Не отрывая взгляда от панели, он сказал сквозь стиснутые зубы:

— Понимаешь. Слишком легко. Если так будет продолжаться, он догонит его через пятнадцать минут. Белолицый слишком умен для этого. У него должен быть какой-то план.

— Смотри! На видео!

Маленький экран светился, показывая, что происходит на корабле. Девушка, по-прежнему обнаженная, встала и, придерживаясь за спинку кресла, неуверенно двинулась туда, где над приборами управления склонился Шмидт.

— Ты преследуешь?

Голос звучал глухо, слова как будто неохотно прерывали преграду ее губ.

— Чертовски верно, преследую! Скоро вернем твоему отцу его драгоценные кредиты.

С тяжелым неподвижным лицом, не проявляющим никакой реакции, девушка подошла и села рядом с пилотом, опустив голову, положив руки на колени, накрыв темный клубок лобковых волос. Камера автоматически следила за каждым ее движением. Стейси на базе прекратил тираду и, как Саймон и Богги, только смотрел и ждал. Шмидт выбрал игру, в которую захотел играть, и остановить его было невозможно.

— Эй, ты только посмотри, Саймон! Она начинает играть с собой. Почему она?..

Рэк поднял голову. Экран словно заполнили руки девушки, трогающие тело и проникающие в него. Пальцы ее словно вели какую-то схватку, они терлись друг о друга и о промежность.

Богги выглядел так, словно потерял рассудок.

— Он вложил туда?

— Смотри!

Шмидт продолжал говорить своей аудитории о том, как он всем покажет. Два пятнышка быстро сближались. Тело девушки напряглось, и она вставила пальцы внутрь себя.

Экран и звуки — все мгновенно стихло. Саймон и Богги могли видеть только вспышку, загоревшуюся прямо вперед и почти сразу погасшую.

Шум и ярость взрыва приглушил молчаливый космический вакуум между кораблями. Саймон протянул руку и отключил двигатель. Теперь не было смысла гнаться. Они могут только столкнуться с разлетающимися обломками. Корабль-робот слишком далеко, чтобы они могли его перехватить. Они теперь могут только двигаться к Таркону Шесть. На сканере они видели, что корабль-робот уже почти там. А обломки корабля Шмидта слишком малы, чтобы их можно было увидеть на экране сканера.

Оба молчали. Неожиданно ожил громкоговоритель.

— Шмидт, Шмидт! Отзовитесь, коммандер! Какого дьявола там происходит? Рэк, вы меня слышите?

Щелкнув маленьким черным переключателем, Саймон подключился к контакту с полковником Стейси.

— Сэр?

— Что случилось? Мы потеряли контакт с кораблем разведчиком. Магус что-то сделал?

— Типа того.

— Операция сработала?

— Благодаря Шмидту, можно сказать, что она сработала, как бомба.

На Базе в кабинете Стейси была атмосфера конторы гробовщика. У полковника было осунувшееся усталое лицо. На его столе лежала вторая капсула с видеозаписью, полученная от Магуса. Несколько минут назад она автоматически открылась. И полковник еще не делал попыток просмотреть ее.

— Всего два часа назад все шло гладко. Девушка была у него. Да, Магус получил кредиты, но отец считает, что обмен справедливый. А теперь у нас ничего нет. Мне придется сообщать отцу Пилы, что пошло не так. Объяснить семье Шмидта и его влиятельным друзьям, что пошло не так. Теперь с обеих сторон на меня польется дерьмо.

— Сэр, вы ничего не могли сделать. Совсем ничего. Он не подчинился приказам. Мы тоже не могли его спасти.

— Знаю, Рэк. Я знаю, и вы знаете. Но будет задано очень много трудных вопросов, а отвечать придется мне. И главное, корабль-

робот исчез так же аккуратно, как появился. Наверху считают, что там какое-то искажение времени, и корабль прошел в него.

— Я говорил, — прошептал Богги. Он был меньше всего потрясен трагедией. По его мнению, Пила была избалованной капризной девчонкой, а Шмидт дурак, и хорошо, что он больше не будет путаться в ногах. И Богги раздражало лишь то, что Магус ушел от них.

— Мы просмотрим видеозапись, сэр?

— Да, наверно.

Снова щелчок, и свет в маленьком кабине погас. Вначале экран был темным, потом они увидели лицо Пилы Ахрун, слегка искаженное из-за остановки записи. Красивая девушка с совершенно пустыми глазами. И за этой картиной из прошлого они услышали безошибочный голос Магуса Ричарда де Геклин Лоренса.

— Сейчас эта красивое глупое создание в безопасности у вас, а я получил десять миллионов кредитов. Вскоре вы получите от меня новое сообщение об остальных пяти детях, которых я держу у себя в руке.

На несколько мгновений наступила тишина, и они гадали, закончил ли он. Потом голос послышался снова, как мед, растворенный в кислоте.

— Но я понимаю, что есть другая возможность. Возможно, меня слышат люди из Галактической службы безопасности. Возможно, среди них даже есть человек, который ранее встречался со мной. Если это так, должен предположить, что мои указания не были исполнены точно. В таком случае девушка уже мертва. Надеюсь, это не так. Я ненавижу насилие. Если она среди вас, должен предупредить, что, пока она была под действием наркотика, я осторожно вложил ей в матку маленькую, но мощную бомбу. Ее очень легко разрядить. Но столь же легко и взорвать. — В голосе послышалось насмешливое злорадство. — Это был интересный и полезный эксперимент — возможность еще одного использования отверстия в теле девушки. Надеюсь, она не взорвалась у вас на руках.

— Он знает. Этот подлый ублюдок знает, что она мертва. Каким-то образом он догадался, что дела будут разворачиваться именно так. Он надеялся, что мы что-нибудь сделаем, чтобы он мог убить девушку. И думает, что мы не станем рисковать жизнью остальных.

Услышав эти слова Саймона, Стейси остановил запись и согласно кивнул.

— Верно, Рэк. А вы как считаете? Вы бы стали рисковать их жизнью, чтобы взять Магуса?

Откинувшись в кресле, Саймон хлопнул ладонью по столу полковника.

— Если бы я смог достать этого убийцу с лицом из сыворотки, то пожертвовал бы жизнью всех этих избалованных девчонок. И дюжиной офицеров впридачу!

— Точно, — согласился Богги.

Стейси сел. Отражение экрана освещало комнату, и они отчетливо видели его лицо. Когда он заговорил, стало ясно, что он старательно подбирает слова.

— Что бы я сам лично ни думал, я не могу позволить подобные чувства. После провала молодого Шмидта, очевидно, мне придется поручить это дело вам. Но ваша главная задача — обеспечить безопасность молодых леди. Если Магус сбежит, пусть так и будет. Прежде всего девушки. Это ясно?

Саймон и Богарт неохотно кивнули. То, на что они дают согласие в кабинете Стейси, и то, что произойдет на самом деле, может очень сильно различаться.

Остальная часть записи представляла мало интереса. Снова на нейтральном фоне Магус представил остальных пять девушек, просто чтобы доказать, что они живы. На всех никаких знаков насилия, за исключением Линды Сандалл, у которой в углу рта большой кровоподтек. У всех одурманенный вид после большой дозы скопа.

— Вы видите, что я очень забочусь о состоянии товара. Их отцы могут быть спокойны. Пока это все. Вскоре я снова свяжусь с вами — с сообщением о втором платеже. Все в свое время, господа. Все в свое время.

Экран побелел, и Стейси включил свет.

— Будем ждать. Отныне вы на базе в постоянной готовности. Когда что-нибудь произойдет, мне нужны действия. Немедленно. Вы свободны.

В коридоре, когда дверь в кабинет Стейси закрылась, Саймон и Богарт мрачно переглянулись.

— Надо было сразу посылать нас. А не этого идиота Шмидта.

Саймон улыбнулся.

— Я слышал, его влиятельных друзей было очень трудно убедить в том, что нельзя собрать все его кусочки.

Богги рассмеялся.
— Эй. Но в одном он был прав, Саймон.
— В чем именно?
— Он однажды сказал, что его ждет большой путь!

Глава 5. Это в глазах

Райол — Таркон Шесть — обычная планета в обычной галактике на самом краю Федерации. Колонизированная и снабженная атмосферой для хомо сапиенс примерно сто лет назад, она никогда не привлекала внимание больших компаний, занимающихся переселением. Ценных материалов очень мало, и вода — редкость. Есть несколько разбросанных поселений и пара городов — оба в северном полушарии. Самый большой город Грайин, примерно сорок тысяч жителей.

Если бы не одна особенность, Грайин в течение столетий продолжал такое жалкое существование, его население никогда даже не оценивалось по шкале Чакберга, пока наконец совсем не исчезло бы, как роса на солнце исчезает со скал.

Этой особенностью было время. Ни один ученый еще не сумел объяснить колебания и эксцентричность времени на Райоле. Здесь были места и пояса, где темпоральные нарушения встречались чуть ли не ежедневно. И именно где-то в местных пустынях Магус держал похищенных девушек.

Они надеялись. Потому что сосредоточили на этом все свои усилия. Несмотря на бойкие рассказы фантастов на протяжении столетий, не было возможности отыскать маленькую группу людей на большой планете. И оперативники ГСБ могли только сидеть, ждать следующего послания и надеяться на случай.

Чтобы заполнить время ожидания контакта с Магусом, Стейси организовал для Саймона и Богги посещение одного из самых секретных заведений во всей Федерации. Исследовательская лаборатория с ее хронологами и попытками отправить людей в будущее по сравнению с этим заведением на Райоле была открытым домом.

Только обеспечив массу допусков и получив множество документов, Стейси смог дать им возможность пройти. Им ничего не показывали и ничего не объясняли, пока они не добрались до самого центра здания. На каждом уровне вооруженные бластерами

скучающие стражники обыскивали их, проверяли и дважды проверяли их документы и допуски.

Когда они ждали в прихожей, пока их впустят во внутреннее святилище, где с ними встретится главный хронолог всей Федерации, Богги прошептал Саймону:

— Что ты думаешь об этом дерьме безопасности?

Рэк посмотрела на сканеры и искатели, которые под всеми углами смотрели на них со стен.

— Думаю, трое, может, двое решительных и изобретательных человека могут сюда пройти. В таком безопасном месте все похоже на детский игрушечный банк. Широко открыто для человека с правильной ментальностью. Они считают себя в безопасности, поэтому никто из них по-настоящему не старается. Они похожи на тех, кто лопатами разгребает дерьмо. Повторяют одни и те же движения.

— Пойдемте, господа. Меня зовут Дэв Томас.

Хронолог почти не уступает Саймону в росте, у него аккуратно подстриженная борода. Волосы, длинные по стандартам Райола, вьются у высокого воротника его коричневого мундира. Блестя с энтузиазмом глазами, он провел их в секретную лабораторию.

— Как приятно видеть вас здесь. Как приятно. Приятно видеть кого-нибудь нового и разговаривать с ним. Знаете, я здесь внизу вижу так мало людей. Позвольте сказать, вы коммандер Рэк, а вы лейтенант Богарт.

Ошибка, которую делали многие, так как Саймон моложе на несколько лет.

— Нет. Саймон Рэк — это я, а это лейтенант Богарт.

— О! Как странно, что... но пропустим это... вы знаете, почему вы здесь?

— Чтобы узнать о ваших исследованиях путешествий во времени. Как это действует и почему.

В тихой комнате послышался звук, словно приоткрылась ржавая дверь на прогнивших петлях. Богги даже подпрыгнул, протянув руку к тому месту, где должен быть кольт, который ему пришлось оставить у главного входа. Все в порядке это был просто звук смеха ученого, хронолог откинул голову, и борода его энергично качалась, демонстрируя, как ему забавно.

— Простите меня, господа. Простите. Здесь внизу я вижу так мало людей и так занят своей работой. Факт исключительно про-

стой. Вокруг этой планеты существует множество темпоральных аномалий, и я сумел найти возможность использовать их. Это относительно как. Но почему? Боже! Хотел бы я это знать!

Еще один скрипучий приступ смеха сотряс его тело, и ему пришлось опереться рукой о длинную белую скамью, чтобы сохранить равновесие. Богги и Саймон переглянулись, удивленные таким странным поведением.

— Ага! — Костлявый палец, дрожащий от сдерживаемого смеха, указал на них. — Вы переглядываетесь и думаете, что старший хронолог потерял свои миллисекунды. Я и раньше видел такое поведение. — Неожиданно все веселье исчезло с костлявого лица Томаса, как будто он вспомнил о какой-то старой трагедии. — Возможно, вы правы. Знаете ли вы, кто самый тщательно охраняемый человек во всей галактике? Вы, наверно, думаете, что это президент Федерации. Или какой-нибудь полководец на планете-фронтире. Нет. Это я. Или должен быть я? Да, это я. Я не могу покинуть это здание, потому что члены нашего милосердного галактического правительства опасаются, что я знаю слишком много.

Пока он говорил, Саймон осматривал помещение, пытаясь определить функции некоторых аппаратов. В прозрачных пластостальных шкафах висело несколько поясов, с контрольными панелями в пряжке. У одной стены большой комплекс кнопок и шкал, с мигающими огоньками и мечущимися на шкалах иглами. Хаотично переговаривались друг с другом магнитофонные ленты, как спятившие девочки, постоянно кружащиеся на месте.

Томас между тем продолжал:

— На самом деле я знаю очень мало. И все, что знаю, у меня в голове. Ничего не передано на ленты или на видео. Если я умру, со мной умрет моя память и придет конец путешествиям во времени, пока кто-нибудь другой, да помогут ему боги, не откроет это снова.

На мгновение Саймону показалось, что слова хронолога начали искажаться, словно ленту задержали пальцем, а потом отпустили. Всегда внимательный к реакциям друга, он понял, что Богги это тоже заметил. Но потом это прошло, и ему показалось, что он все это вообразил себе.

— Вы это не выдумали, коммандер. Вы и ваш друг необычно чувствительны. Возможно, вы сможете помочь мне в некоторых экспериментах. Должно быть, это потому, что вы постоянно готовы к действиям.

— Значит, нам это не показалось. А что произошло на самом деле?

Томас улыбнулся.

— А что вы почувствовали?

— Замедление. Всего на секунду.

— Верно. Если мы пройдем к машинам, они скажут нам, что произошло... как же мне это описать? Сдерживание потока времени. Как будто ребенок сунул пальцы в течение и позволил воде накопиться за его рукой, а потом ему это наскучило, и он выпустил воду. Я вижу у вас на устах следующий вопрос, коммандер. Позвольте сразу на него ответить. Не знаю. И никто не знает. Это существует, и это все, что нам известно.

В нескольких тысячах миль оттуда — совсем рядом в космических масштабах — худой человек с чисто-белыми волосами, красными глазами и умом чернее отчаяния разговаривал с молодой девушкой. Ей всего девятнадцать лет. Зовут ее Джен Харкен, она одна из двоюродных сестер Линды Сандалл. Отец ее контролирует всю внутреннюю связь на своей планете и необыкновенно богат.

Девушка сидит в наклонном кресле в темной комнате, и только один конус света падает на ее голову и верхнюю часть тела. Глаза у Джен пустые, они смотрят в пустоту, ничего не видя, и она слышит только голос Магуса, шепчущий ей указания.

Через промежутки наступает пауза, и девушка должна повторить все, что он ей сказал. Ее голос, тихий и невыразительный, едва доносится до слушателей. Всякий раз как она ошибается или задерживается, Магус негромко щелкает языком и нажимает маленькую зеленую кнопку, которую держит в бледной руке. Кнопка такая маленькая, движение руки такое легкое, что вызываемая им реакция кажется совершенно непропорциональной.

Джен кричит голосом, полным боли, и голова ее дергается и падает на плечи. Она закрывает глаза и открывает рот, как яму, полную тени. Крик ее продолжается и продолжается, он режет нервы, пока не стихает, сменившись мучительным стоном. Только тогда Магус снимает палец с кнопки и терпеливо повторяет сказанное, потом снова просит ее все повторить.

Из-за конуса света до Магуса доносится смех, и он улыбается, зная, что два его ассистента довольны. Время от времени он по-

зволяет одному из них: высокому худому или карлику — нажать на кнопку. Они этим наслаждаются.

Особенно потому, что Джен Харкен совершенно нагая и очень красивая.

Они улыбались, когда он рассказывал им, что делают эти кнопки. У одного улыбка жирная, слюнявая, у другого тощая и голодная.

— Когда я нажимаю на кнопку, импульс приводит в движение крошечное сверло. Оно прикреплено к ее локтю и нацелено на нерв сустава. Сверло лишь задевает кость и проходит глубже, пока не погружается в костный мозг. Я точно знаю, что это самая страшная боль, какую может выдержать человек, не укрываясь в теплом убежище безумия.

Как три персонажа кошмара, они все вместе смеются при мысли о такой сильной боли, которую еще можно выдержать. И тому, что выдерживает ее красивая девушка. Так гораздо забавнее.

— Теперь, Джен. Давай пройдем снова через все, что ты должна сказать, когда увидишь их в Пещерах.

Снова звучит голос девушки, заполняя тихую комнату тупым ужасом. Единственный другой звук — легкий шум, когда от боли она не может контролировать свой мочевой пузырь. Она даже не сознает, что произошло.

Тем временем в лаборатории...

— Я путешествовал вперед и назад во времени и сохранил здравый рассудок. К сожалению, моим двум ассистентам, которые попытались проделать то же самое, повезло меньше. Один из них не вернулся, второй после возвращения не произнес ни слова. Его разум словно перестал существовать. А вот операция — сама простота. Надеваете один из этих поясов и связываете свои координаты с этой главной приборной панелью. Если этого не будет сделано, вы не сможете вернуться. И вам следует носить пояс всегда. Всегда.

— На что это похоже? Путешествие во времени?

— Боюсь, я не очень много помню. Все кажется каким-то стертым. Вы знаете о наблюдателях на этой планете? Случайные элементы, присутствующие здесь, есть и в изобретенном мной устройстве.

Начиная с этого предложения, его речь стала путаницей слов.

— Простите. Опять искажение. Именно поэтому, конечно, лаборатория построена здесь. Здесь самая сильная зона искажений на всем Райоле. Вероятно, и во всей известной нам галактике.

Саймон бедром прислонился к краю одного из безупречных столов. Ему хотелось задать Томасу сотни вопросов, но было очевидно, что на большинство из них еще нет ответов.

— Что вы знаете о классических нарушениях пространства-времени, о которых мы все читали?

Лицо хронолога осветилось.

— Аааа, да. Что произойдет, когда потянешь себя за петли на заднике обуви, встретишься с собственным отцом и убьешь его до своего рождения; а если отправишься на Сол Три и сделаешь что-нибудь такое, что отразится на Нейтронных войнах? Весь этот вздор. Вы об этом спрашиваете?

— Точно. Вы были в прошлом, но мир не изменился. Так что?..

Саймон не закончил предложение. Даже в тишине он чувствовал, как время давит на его сознание.

Томас улыбнулся ему.

— Ничего не произошло. Однако я считаю, что был в очень отдаленном прошлом — беда в том, что мне трудно установить, в каком именно, — и убил несколько летающих существ. С большими крыльями. Ярких расцветок. Освещение тогда было слабее, чем сейчас, какое-то люминесцентное, и цвета казались ярче. Но они меня кусали, вцеплялись крошечными когтями, сосали кровь. Мне пришлось их убить. Даже такое малое нарушение во времени должно было сказаться. Но не сказалось. И были другие подобные. И всегда ничего не изменялось в настоящем. Если, конечно, это единственная реальность и других нет.

— Альтернативные вселенные и параллельные миры. Идеи такого типа?

Богарт выглядел так, словно вот-вот умрет на ходу. Сложные теории никогда не были его сильным местом.

Хронолог не обращал на него внимания и разговаривал только с Рэком.

— Да, коммандер. Вы правы. Точно не знаю. Но думаю, что нет. Моя собственная теория, чего бы она ни стоила, такова: у времени есть какой-то способ компенсировать аномалии и темпоральные нарушения. Я понимаю, что мои слова — слова старшего хронолога — звучат нелепо, но я не знаю. Возможно, это какой-то эффект петли времени. Если существуют потенциальные анома-

лии — в прошлом или в будущем, — время сворачивается петлей и устраняет их. Убирает аномалии так, словно они никогда не существовали.

Богарт рассмеялся, и его смех перешел в кашель.

— Простите. Но похоже, вы знаете о путешествиях во времени не больше меня. А я о них ничего не знаю. Все эти «может быть» и «возможно». А есть ли что-нибудь такое, что вы знаете точно?

Саймон посмотрел на ученого, думая, как он отнесется к такому откровенному замечанию Богги. Но Томас улыбался.

— Мне приятно слышать ваши слова, лейтенант. Тут говорили много вздора. Я постараюсь говорить точно. Я отправлю вас в прошлое или будущее, если вы наденете один из этих поясов. Но я не могу сказать, как далеко в прошлое или будущее вы отправитесь. Я могу гарантировать, что вы оба отправитесь в одно и то же время и место, даже если начнете в разное время. Все это исходит из той большой контрольной панели. И я обещаю вернуть вас назад. Но как и почему — не знаю.

Взяв со стола один из поясов, Богги снова рассмеялся.

— Обычно я не люблю ученых, но вы, мастер Томас, обладаете честностью, которая мне по душе. Мысль об отправлении мне не нравится, зато нравится мысль о возвращении. Готов попробовать, когда хотите. Как, Саймон?

— Да. После того как возьмем Магуса и покончим с его играми. Но меня беспокоит одно. Предположим, я отправлюсь в прошлое, потом вернусь сюда и снова отправлюсь в тот же период, в котором был. Если понимаете, о чем я говорю. Что тогда?

Во время этой краткой речи Саймона слова снова вначале ускорились, потом замедлились, так что он говорил, как испорченный видеопроигрыватель. Томас выслушал его, потом медленно прошел к главной панели.

— Есть только одно, в истинности чего я уверен. Никто и ничто не может существовать одновременно само с собой в одном и том же пространственно-временном континууме. Вы об этом спрашиваете?

— Да, но что произойдет, если я попытаюсь?

— Вы один или вы оба перестанете существовать. В любом случае это конец вашего бытия.

— Я о чем-то таком говорил Стейси, когда те дилеры умерли прямо перед нами. Так он во всяком случае утверждал. Мы дока-

зали, что играли с двумя приятными леди в кости — женами районных советников, если я верно помню, — точно в то время, когда умерли те торговцы. Мы не могли одновременно быть в двух местах.

— Богги, хронолог не совсем это имеет в виду. Он говорит, что вы оба не можете быть одновременно в одном и том же месте и в одном и том же времени.

Богги недоуменно посмотрел на него.

— Как это оба?

— Вы и ваш двойник, лейтенант. В одно и то же время и в одном и том же месте вы можете быть только один.

— Наш полковник говорит, что и одного слишком много.

Все одновременно поняли, насколько нелеп этот разговор, и рассмеялись. Хронолог быстро подошел к шкафу с надписью «Запрещенные припасы и искаженные материалы» и достал из него три зеленых стакана и фляжку из прозрачного стекла.

— Что за искаженные материалы?

— Немного стерильного воздуха в этом зловонном месте. Присоединитесь ко мне?

Вопрос из числа тех, которые никогда не нужно повторять.

— Ты могла заметить, что я не люблю повторять вопросы. Пройдем еще раз, и надеюсь, ты меня не подведешь. Хорошо?

Последнее слово прозвучало, как удар позитронного хлыста, и девушка рывком выпрямилась в кресле. Лоб ее в поту, волосы вяло свисают на голые плечи.

Ассистенты Магуса оставили их одних, предпочитая посмотреть старое порно, которое привезли с собой. Остальные девушки закрыты в своих помещениях, они в наркотическом сне.

— Ну, дитя мое. Боль кончилась. Скоро я включу записывающее устройство, и мы сможем послать сообщение твоим опечаленным родителям. Я хочу, чтобы все было сделано хорошо и за один раз, так что постарайся.

Он мягко положил руку ей на плечо и коснулся губами мокрой щеки. Ему было приятно, что она содрогнулась и попыталась отстраниться, задыхаясь от этой близости. Даже наркотик, отравивший ее мозг, не смог подавить страх и отвращение к Магусу и к тому, что он с ней делал.

Красные глаза словно впивались в одурманенный мозг, лишая девушку малейших самостоятельных мыслей. Белые волосы касались ее, как принесенный ветром зимний снег, потом альбинос встал перед ней, снова положив палец на кнопку боли.

Джен Харкен облизала губы, пытаясь прочесть текст, который Магус закрепил в ее сознании. Память спотыкалась и скользила, как фургон на обледеневшем склоне, и она пыталась овладеть собой. Кнопка была чуть-чуть нажата, и боль расцвела в ее теле, как красная роза мучений.

— Северный край Пещер Ночи. С кредитами, как в прошлый раз. Точно через день от сегодня. Думаю, вы испытываете искушение связаться с людьми Галэсбэ, как в прошлый раз. Если вы это сделаете, для меня это означает смерть. Поэтому, пожалуйста, не делайте. Научитесь по прошлому разу. Пожалуйста. — Она замолчала, потому что ее сознание вступило в серую зону, где нет памяти. Укол мучительной боли заставил ее вернуться на дорогу. — Никаких хитростей, иначе я умру.

Рот ее скривился, и слезы неконтролируемым потоком полились по гладким щекам.

Магус тяжело вздохнул и встал, чтобы отстегнуть ее. Джен продолжала говорить, умоляя отца помочь ей. Белое лицо альбиноса загорелось, и он остановился и слушал. Если тщательно отредактировать этот текст, он может оказаться тем последним толчком, который нужен ее отцу, чтобы отдать кредиты. Или он с криком побежит к властям Федерации, и они пошлют других офицеров? Не таких, как тот тупой кретин, которого посылали в прошлый раз.

В его глазах вспыхнул огонь, и пальцы конвульсивно сжали рукоять трости, так что костяшки готовы были порвать кожу цвета слоновой кости. Если пошлют, это будет превосходно. Эта мысль понравилась Магусу, и он снова сел, не обращая внимания на плачущую девушку. Потребуется несколько более сложный подход, но это можно сделать. Чем больше он об этом думал, тем сильнее ему нравилось. Да, если они пошлют кого-нибудь, это вполне может быть он. И это будет великолепным завершением. Отличный десерт после главного блюда.

Он рассмеялся про себя — звук злой и мягкий, как когти, рвущие бархат. Даже из глубины своего одурманивания скопом и отчаяния Джен Харкен услышала этот звук, перестала говорить и прислушалась, в ужасе закрыв глаза.

— Да, это будет справедливо и правильно. Что за... должно быть правильно. Ничего, кроме самого лучшего, для Саймона Рэка.

И он рассеялся снова.

И снова.

Маленький красный видеофон на дальней стене лаборатории хронолога засветился и загудел; звук постепенно становился все громче. Томас прервал свои объяснения работы пояса и пошел отвечать на вызов. Он приложил приемник к уху — экран оставался темным, — произнес в него несколько слов и повесил.

— Коммандер Рэк, сообщение для вас. Когда я услышал это гудение, то подумал, что на нас напали, потому что сюда послать сообщение невозможно.

Саймон и Богги переглянулись. Предосторожности не произвели на них впечатление. Оба знали, что человек, который уверен в своей безопасности, наиболее уязвим для неожиданного нападения.

— Нам придется возобновить эту интересную беседу позже. Я обратился за помощью в Галэсбэ и попробую снова с особой просьбой, чтобы вы двое помогали мне. Если вы не возражаете.

Он был так встревожен возможным отказом, что Саймон сразу попытался его заверить:

— Нет, конечно, не возражаем. Мы оба с радостью вернемся сюда. Я всегда мечтал совершить настоящее путешествие во времени. Но сообщение. О чем оно?

Томас почесал голову.

— Да, действительно. Что это... что в нем было? Вспомнил! Вы оба должны вернуться на базу. Там получено новое послание от старого друга. Это все, что было в сообщении.

— Магус, — одними губами сказал Саймон Богги, и тот кивнул. Они торопливо попрощались и пошли к главному выходу из лаборатории. — Большое спасибо за все. Мы вернемся, как только разберемся с одним делом.

Быстрое рукопожатие, и тяжелая дверь закрылась за ними. Хронолог медленно прошел к столу и налил себе еще порцию выпивки. Про себя он сказал:

— Возвращайтесь, когда сможете. Я буду здесь. Я всегда здесь. Всегда.

И он налил еще.

Глава 6. Готовность при красном, действия при зеленом

Лейтенант Богарт неловко пошевелился, проклиная про себя острые камни под коленями. Саймон поднял руку, останавливая его, и прижал губы к его уху.

— Спокойнее. Магус мог поставить здесь жучки еще несколько дней назад. У него наготове достаточно трюков.

В свою очередь Богги прошептал на ухо Саймону, от его дыхания шевельнулись тонкие волоски:

— Надеюсь, он, как в прошлый раз, придет вовремя. Здесь полковник Галэсбэ отморозил бы яйца.

На самом деле температура чуть выше замерзания, но сильная влажность, и поэтому холод прибивается сквозь теплые мундиры офицеров. В темноте каждый шорох казался усиленным. Капанье воды казалось шагами Магуса в темноте. Треск скал глубоко под поверхностью планеты — человек, ползущий к ним с ножом, готовым впиться в их плоть.

Они разместили жучки, но такой коварный злодей, как Магус, вероятно, ожидал этого и найдет способ нейтрализовать их. За известными выходами наблюдают, и через маленькие передатчики они получают постоянные сообщения. Никого не видели. Нигде никого нет.

Но Пещеры Ночи занимают такой громадное пространство и так плохо изучены, что в них легко может спрятаться целый батальон космических крейсеров. Существующие контурные карты показывают, что подземные пещеры занимают сотни квадратных миль, со множеством рек и ручьев, шелестящих и ревущих в глубоких каньонах. Там есть пещеры с высокими сводчатыми потолками. И проходы такие узкие, что человек вряд ли проберется через них.

Во многих пещерах на других планетах есть свои виды жизни. Слепые черви и кожистые летучие мыши. Змеи, белые, как соляные равнины, и безымянные существа, живущие в бесплодном мире тусклых кристаллов. Но в Пещерах Ночи никакой жизни нет. Ничего не бежит, не ползет, не продвигается по этим бесконечным переходам и пустым пещерам.

Саймон и Богарт отправились, как только Стейси закончил их инструктировать. С собой они несли чемодан с десятью миллионами кредитов. Как и раньше, неотмеченных. Оба зачернили руки и лица в качестве примитивной формы маскировки, у обоих бластеры настроены на максимальную мощность.

Им оставалось ждать несколько минут до назначенного Магусом в видеозаписи, которую получил отец девушки, времени. Они сжевали пищевые концентраты и настроили очки ночного видения на максимум. С их помощью полная темнота превратилась в неясную серость. Они видели пещеру, которая тянулась в обе стороны от них на сто ярдов, усеянная сказами и упавшими камнями. Высоко над головой, не неопределенной высоте, виднелась неровная крыша с иглообразными сталактитами, с которых вечно капает вода.

В крайнем северном конце пещеры, примерно на высоте в пятьсот футов, находился карниз, за которым начинался лабиринт переходов, никогда никем не исследованных. Насколько известно, ни один из них не ведет на открытый воздух Райола, но точно это не было установлено. С края карниза крутой спуск вел на дно пещеры, где ждали два офицера.

Невозможно было угадать, сколько времени стоит здесь девушка. Никто из них не заметил, как она появилась, и она стояла совершенно неподвижно, когда Саймон ее увидел. Он подтолкнул Богги, и они молча смотрели наверх. Насколько они могли судить, это Джен Харкен. Высокая светловолосая девушка в очень короткой зеленой юбке и в красной блузке. Из-за угла наблюдения они не могли видеть ее ноги.

С карниза, как будто из маленькой коробочки, прикрепленной к груди Джен, послышался голос.

— Вижу, вас двое. Так мы не договаривались. Если вы офицеры Федерации, встаньте, чтобы я мог вас видеть.

— Лежи спокойно. На самом деле он нас не видит, но мог установить датчики тепла. Ты ответишь ему и скажешь, что мы телохранители его отца. Скажи, что мы принесли кредиты и хотим договориться с ним. Давай.

Не вставая, Богарт закричал девушке, хотя его слова предназначались Магусу. Голос его разносился по пещере, отражаясь от стен и превратившись в неузнаваемый.

— Кто бы ты ни был! У нас с собой кредиты. Хозяин потребовал, чтобы мы шли вдвоем, на случай если один поддастся искушению десятью миллионами. Пошли мисс Харкен вниз, и мы отдадим деньги. Никаких хитростей.

В пятистах футах над ними ничего не происходило. Голос ничего не ответил, и девушка не шевелилась; она с пустым лицом стояла на самом краю пропасти.

Но вот прозвучал голос. На этот раз голос девушки, напряженный и неестественный. Голос человека на самом краю выживания, человека, который смотрит в темную яму и не видит выхода.

— Я хочу спуститься. Но сначала вы должны встать, чтобы я могла вас увидеть.

— Спроси ее, одна ли она, — прошептал Саймон.

— Да, — ответила она. — Я совсем одна. Микрофон и видео — единственная связь с...

— С Магусом?

— Дааааа!!!

Вопль, который вырвал из ее горла страх.

Поверх этого голоса послышались шелковые тона речи двадцать пятого барона Мескарла, наследника никчемного титула.

— Вот как. Я так и думал, что ты один из тех, кого я жду.

Откуда-то слева от них ударил луч ослепительного света; он, как ножом, разрезал тьму пещеры, превратил столбы и углубления в четкий барельеф. Ночные очки офицеров оказались бесполезными. Больше того, они стали вредными. Функция усиления любого источника освещения превратила их в ослепительно яркие маяки, обжигающие глаза. Саймон и Богги закричали от боли, сорвали очки и принялись растирать обожженные глаза. Слезы текли у них по щекам; оба всматривались в туман, пытаясь понять, что происходит.

Сквозь этот туман они видели только стройную бледную фигуру Джен Харкен, стоящую прямо на краю пропасти, опустив руки по бокам. Саймон в отчаянии покачал головой, пытаясь прояснить поврежденное зрение. Медленно, слишком медленно его глаза возвращались к норме.

Свет продолжал гореть холодным бледным пламенем, освещая все в пещере, в том числе место, где они лежат. Держа кольт в руке, Рэк повернулся, готовый к неожиданному нападению или к выстрелу из укрытия. Свет открыл их потенциальному убийце, но он же должен показать им любую угрозу. Богги тоже вскочил, с его уст срывался поток проклятий, слезы текли по его щекам.

— Где этот бледнолицый ублюдок? Я прибью его руки к стене и...

— Эй, вы! — Они услышали сверху крик Джен Харкен. Оба подняли головы и посмотрели на девушку. — Как вас зовут? Я должна вас спросить.

Они быстро переглянулись.

— Он хочет знать, мы ли это. Должно быть, догадался, что мы из Галэсбэ.

— В таком случае, Богги, можем сказать. Он нас не убил, и девушка никак не может нам повредить. Даже если в ней бомба.

— Скажите, как вас зовут! — В голосе Джен звучало отчаяние. — Для меня это означает жизнь или смерть! Пожалуйста, скажите мне!

— Она, вероятно, говорит правду, Саймон. Если не скажем, она получила установку покончить с собой.

— Хорошо, Джен. Меня зовут Рэк.

Теперь оба могли видеть почти нормально, боль от ожога глаз прошла. Высоко над их головами стройная фигура покачивалась на краю пропасти, наклонившись вперед и глядя на них.

— Осторожнее, Саймон. Если она прыгнет и у нее бомба, она может прихватить нас с собой.

— Рэк?

В голосе звучало недоверие.

— Да.

Богарт внимательно смотрел вверх, его кольт поворачивался в тени, как ищущее продолжение тела.

— Она не прыгнет. Это бессмысленно.

Он ошибался.

Со стоном девушка развела руки перед собой и совершила прекрасный прыжок с края плато, откинувшись и прижав руки к бокам. Светлые волосы летели за ней, как золотая свадебная вуаль.

— Боже! Ночной полет, — произнес Богги, которого потрясение довело до непочтительного выражения.

Оба отскочили назад, хотя траектория ее падения закончится далеко от них. Слишком хорошо они помнили о смерти Шмидта, чтобы рисковать.

Тело словно повисло в неподвижном воздухе, как будто именно сейчас возник временной бассейн. Потом они услышали треск черепа, расколовшегося при ударе о камень. И влажный хлопок, когда остальное тело за миллисекунды сбросило скорость до нуля. К тому времени как ее ноги достигли земли, голова уже была лужей желтого и красного, с осколками костей, разбросанных по камням.

Звуки ее смерти еще какое-то время слышались в пещере, пока не стихли на удалении. Богги и Саймон сжались за большим кам-

нем, ожидая, когда подействует западня: на них нападут вооруженные люди или их обстреляют со стороны. Ничего не было.

Ничего, пока они не услышали треск передатчика. Очевидно, исходящий от трупа. Плохо слышный голос. Богги отскочил, но Саймон медленно подошел к останкам того, что только что было красивой и богатой девушкой, Осторожно наклонившись, чтобы избежать брызг крови и мозга, он стволом кольта осторожно прощупал труп.

— Что там, Саймон? Какой-то передатчик? Должен быть очень хорошо сделан, чтобы выдержать такое.

— Так и есть, друг Богарт. Так и есть.

Богарт подпрыгнул, словно его ударили.

— Он двусторонний? Этот тот, с белым лицом!

Саймон смог осторожно извлечь маленький передатчик из останков девичьего тела, вытер экран от крови и снял кусок внутренностей.

— Мне следовало преподать вам урок, маленький толстяк, когда я встретил вас в замке. Это касается и вас, Рэк. Терпеть не могу ошибки в себе даже больше, чем в моих работах. В следующий раз этого не случится.

— Вы знали, что мы будем здесь.

Это был не вопрос, а утверждение. Поскольку на этот раз Магус даже не попытался забрать кредиты, очевидно, ловушка была приготовлена для них.

— Конечно. Коммандер Саймон Кеннеди Рэк, 2987555, и лейтенант Юджин Богарт, 2895775. Кого еще могли послать. Только лучших.

И он рассмеялся, и смех был громким и долгим.

Саймон с отвращением отвернулся.

— Вы больной ублюдок. Бедный больной ублюдок. Вы настроили ее на прыжок, когда она услышит мое имя. Вам безразличные кредиты. Вы уже получили десять миллионов, и у вас в руках еще четыре девушки.

Магус засмеялся.

— Правильно — во всех подробностях. Я мог бы прихватить вас обоих. Но я предпочитаю другое. Вы потерпели поражение и должны испытывать отвращение к себе. Если бы не вы, это прекрасное создание было бы еще живо. Теперь вам придется жить с этим. И вы никогда не поймете, где будет мой следующий шаг. Или когда.

Эта мысль вызвала у него новый взрыв смеха.

— Это вам придется с этим жить. Ее смерть меня нисколько не затронула. Так бывает. Но это еще одно очко против вас. В следующий раз я буду вас ждать, белолицый. Хромайте подальше, жалкий калека!

Смех прервался, словно отрезанный бластером.

— Хватит, мой гордый мальчик! Хватит! Мы еще в сами увидимся. А сейчас я отправляюсь туда, где вам меня никогда не найти. Пока я не буду готов. И вы сможете...

Пещера заполнилась грохотом от выстрела кольта на полной мощности и на близком расстоянии, и передатчик превратился в дождь капель расплавленного металла.

— Будь он проклят! Он все равно закончил, Богги. Будь я проклят, если оставлю за ним последнее слово.

Саймон плюнул на холодный песок, дрожа от пробирающей насквозь влаги. Богги бросил последний взгляд на изуродованный труп и присоединился с Саймону в долгом пути на поверхность Райола.

— Саймон? Как бы думаешь, что он имел в виду, когда сказал, что уйдет в такое место, где мы его никогда не найдем?

— Таковы обстоятельства, господа. Сообщение пришло, когда вы выходили из пещеры. Семь украденных поясов, и повреждена главная контрольная панель. Хронологу повезло. Он был в туалете, и его не нашли.

Саймон ударил кулаком по столу.

— Вот о чем он говорил, Богги. Вот почему он считает, что мы не сможем его найти. Это оно и есть.

— Где? В лаборатории?

— Нет. Магус скрылся где-то во времени.

Полковник Стейси был очень серьезен.

— И вам придется идти за ним. Осталось достаточное оборудование, и мне сообщили, что контрольная панель подскажет вам, куда, вернее, в какое время он отправился. Транспорт вас ждет.

Богарт задержался в двери.

— Сэр?

— В чем дело?

— Мне казалось, что это самое охраняемое в галактике место. Как он в него попал?

— Внешнюю охрану миновал хитростью, несколько человек внутри коварно убил.

Когда они шли по длинному коридору к выходу, Богги пришла в голову мысль, и он остановился.

— Знаешь что, Саймон?

— Что?

— Магус. Он одурачил всех в лаборатории, и теперь в его распоряжении все время.

Глава 7. Назад, да. Вперед, может быть!

Саймон почувствовал, как его охватывает раздражение.

— Хронолог! Я понимаю, что вам пришлось нелегко, что вы испытали шок, когда так обошлись с вашими тонкими приборами, но время идет. Мы должны идти за Магусом.

Томас неожиданно по-мальчишески улыбнулся.

— Простите, коммандер. Дело не в том, что я расстроен. Совсем напротив. На самом деле я наслаждаюсь происходящим здесь. — Видя, что Богарт собирается заговорить, он поднял руку. — Не поймите меня неправильно, лейтенант. Я прекрасно понимаю, в какой опасности находился. И тут умерли люди — не забудьте, я видел тела. И жизнь девушек в опасности. Но я этим наслаждался. Моя жизнь — это последовательность скучных экспериментов, и я рад всему, что нарушает эту монотонность. Тем не менее я понимаю, что вам нужно торопиться. Они ушли в прошлое чуть больше часа назад. Вам надо их догнать. Я хотел бы пойти с вами. Но...

— Хорошо. Мы знаем, что их было семеро, и вы из-за двери видели, как они уходят. Альбинос...

Томас прервал его:

— Калека.

— Верно. Еще высокий худой мужчина и низкий толстый.

— Оба очень крайний тип роста. Почти уроды.

— И четыре девушки. Вы уверены, что их было четыре?

— Конечно. Все хорошенькие. Мне позволяют четыре раза в неделю принимать шлюх, но этого недостаточно, понимаете? И я подумал... Похоже, они чем-то опьянены или одурманены. Исполняли приказы белолицего, как во сне.

Богарт и Саймон уже закрепили пояса на талии. В центре пояса небольшой управляющий аппарат, и Томас быстро и кратко

объяснил, как он действует. Главная панель показала, что Магус и его группа ушли в прошлое. Но невозможно узнать, куда именно. Точнее, когда.

— Я могу отправить вас туда, где они находились час назад. Это большее, что я могу пообещать. Постарайтесь не повредить свои пояса. Если это произойдет, вы никогда не вернетесь. Возможно, они ушли во вчерашний день. Или в невообразимое прошлое. Задолго до появления примитивных форм жизни.

— Хорошо. Уходим. Есть ли еще что-нибудь, что мы должны знать?

— Думаю, нет. Убедитесь, что вы не изменили установку и не вернетесь на день раньше. Помните, что вы не можете занимать то же самое пространство, что вы занимаете в прошлом.

При этих его словах в лаборатории возникло темпоральное нарушение, более сильное, чем все предыдущие, и слова Томаса закончились нечленораздельным бормотанием.

— Опять. Все потерялось в искажениях времени.

— Я говорил, что вы не должны рисковать встречей с самим собой. Вы не выживете в одном и том же пространственно-временном континууме как двойники. Берегитесь этого.

Кивнув, Саймон и Богарт переглянулись, положив пальцы на кнопки управления поясов.

— Готов, Богги? Хорошо. Пять, четыре, три, два, один, нажали.

Саймон ожидал, что будет как в прошлом коротком путешествии, но было не так. На этот раз ему показалось, что гигантская рука ухватила его мозг и вращает его. Все потемнело, перед глазами замелькали искры. Он услышал водоворот звуков и почувствовал, что его тошнит.

Потом, так же неожиданно, как начались, неприятные ощущения прекратились. Только что Саймон стоял в безупречно чистой, с кондиционированным воздухом, лаборатории. А теперь лежит на спине в густой влажной траве, и брюки пропитались водой.

Было жарко. Почти невыносимо жарко, с очень высокой влажностью. На лбу проступил пот, и Саймон машинально расстегнул воротничок мундира. Осторожно, держа кольт наготове, он встал и осмотрелся. Трава выше шести футов, ее острые концы слегка качаются на ветру, делая невозможном увидеть что-то да-

лекое во всех направлениях. Справа видна группа деревьев выше травы.

Сразу возникли два важнейших вопроса. Первый — где Богарт? Он должен быть рядом. Второй — в каком он времени? Очевидно, в далеком прошлом. Климат другой, и небо другого цвета. Более темный и глубокий синий цвет.

— Богги!

Он не решался кричать громко, на случай если Магус поблизости. Или если он вспугнет бог знает кого. Его старый армейский инструктор всегда говорил: умный человек на чужой планете способен жить вечно — если ему повезет. Дурак умудрится убить себя за пять минут. Если ему повезет.

— Богги! Ты здесь?

Он подпрыгнул и повернулся кругом. Услышал хруст травы, как будто к нему, тяжело дыша, приближается что-то большое и тяжелое. На мгновение Саймон забыл о Богги и поискал укрытие. Помимо деревьев примерно в пятистах футах от него, никакого укрытия не было. А хруст приближался. Если не можешь бежать, остаешься на месте и сражаешься; об этом ему не требовалось напоминать себе. Он опустился на колени и направил парализующий пистолет в сторону шума. Палец лег на спуск.

Теперь он смутно что-то увидел. Почти прямо над собой. Из травы высунулась голова. Нажать...

— Привет, Саймон. Здесь ужасно жарко.

— Где ты был? Почему не здесь?

Тяжело дыша и обливаясь потом, Богарт сел рядом с Саймоном, выругался и встал, обнаружив, что сразу промокли брюки.

— Не знаю. Когда мы нажали на кнопки, мне показалось, что старина Томас хочет сказать еще что-то, поэтому я начал двигаться к нему. Тут на меня обрушилось, и думаю, я немного переместился. И обнаружил, что лежу головой вниз на колючей траве. Мне не сразу удалось освободиться от этой травы. Я слышал, как ты меня зовешь, но решил, что лучше не шуметь. Просто на случай, если кто-то — или что-то — тут поблизости.

Саймон улыбнулся.

— Ну, тогда пошли. Похоже, вон те деревья растут на возвышенном месте. Пойдем туда и осмотримся.

Они осторожно двинулись по мокрой траве, на каждом шагу погружаясь по щиколотку. Хотя небо было таким же синим, а день казался ярким и безоблачным, солнца не было видно. Рассеянный

свет словно проходил через дымку и не отбрасывал тени. Вокруг множество насекомых, они вылетали из потревоженной травы и раздраженно гудели.

— Как ты думаешь, Саймон, когда это? — тяжело дыша, спросил Богги, останавливаясь, чтобы вытереть жгущий глаза пот.

— Наверно, очень далеко в прошлом. До любых записей о Райоле. До того, как планета была колонизирована. Это одно из немногих мест в галактике, где не требовалось менять атмосферу или приноравливаться к тяготению. В этом смысле нам повезло. Иначе мы бы уже погибли. Воздух хороший, и тяготение всего на три процента выше, чем на Сол Три.

— Но как это давно? Пятьсот лет? Пять тысяч? Пять миллионов? Если планета сопоставима с Сол Три, разве здесь не должно быть какой-нибудь высокоразвитой жизни? Не одни насекомые?

— Может быть. Посмотрим. Пошли к тем деревьям. Держи глаза открытыми, не увидишь ли Магуса и его спутников? У них, вероятно, те же мысли, что у нас, и они не могут намного опередить нас. Со всеми этими девушками на буксире.

Высота деревьев создавала обманчивое впечатление, будто они близко, и потребовался почти час, чтобы добраться до них. Когда приближались, Богарт прошел вперед, перепрыгивая с кочки на кочку, опасно балансируя в густой траве, погруженной в воду.

Саймон снова остановился, чтобы вытереть лицо, понимая, что это тщетная попытка, зная, что через несколько секунд оно снова покроется ядовитой жидкостью. Богги шел в двадцати шагах впереди, прыгая, как пухлая лягушка. И вдруг исчез.

Послышался приглушенный крик и... ничего. Саймон побежал вперед и увидел, что его товарищ висит на ветках какого-то растения, погрузившись по пояс в жидкую грязь.

— Зыбучие пески! Подо мной разверзлась грязь!

Хотя в Богги, покрытом черной грязью, был некий мрачный юмор, Саймон сразу понял, что его друг в опасности. Консистенция грязи делала почти невозможным плавание в ней, его вес и движения неумолимо тянули его вниз. Земля, на которой стоял Саймон, тряслась и была неустойчивой, и еще один шаг отправил бы его к Богги, а веревки у них нет. Пояс недостаточно длинный, чтобы достать до него.

— Саймон, я тебя не тороплю, но эта штука долго не выдержит, а дно я еще не нащупал.

Будь у него время, Рэк смог бы что-нибудь сделать с длинными тростниками, но времени как раз не было. Грязь поднялись до середины груди Богги, и ее уровень продолжал повышаться.

Что-то шевельнулось в сознании Саймона. Совет, когда-то данный ему. Из того типа советов, которые надеешься никогда не использовать.

Да.

— Богги. Я кое-что вспомнил. Как вести себя в зыбучих песках.

Грязь добралась Богги до подбородка, и он отчаянно бил руками, пытаясь остаться на плаву.

— Излагай теорию покороче и переходи к практике.

— Не бейся. Старайся продвигаться вперед, чтобы твое лицо было над самой поверхностью. Медленно плыви, отталкиваясь ногами, а руками зачерпывая это дерьмо.

Когда ты близок к тому, чтобы утонуть в влажной, вонючей слизи, нужно много доверия, чтобы отказаться от единственной опоры, за которую держишься, и погрузиться лицом, так что холодная грязь касается подбородка и щек.

Богарт доверял Саймону.

Потребовалось почти четверть часа, чтобы он добрался так близко, чтобы ухватиться за руку Саймона и выбраться на безопасное место. Оба молчали.

После нескольких минут отдыха Саймон встал.

— Идем, маленький серый брат. И старайся, чтобы ветер дул от меня к тебе. Эта грязь воняет сильнее, чем твои носки после десятинедельной миссии. Мы пойдем налево и постараемся обогнуть это болото. Понятно?

— Понятно.

К тому времени как они добрались до деревьев и более надежной поверхности, стало темнеть. Болото тянулось за ними, насколько они могли видеть. Забравшись на ветви большого дерева, они увидели впереди темное пятно, похожее на лес, мрачно возвышающийся в убывающем свете дня.

— Туда? Не вижу никакого другого места, куда мог бы отправиться белолицый со своей командой. Глубже в болото они не могли уйти, а здесь их нет. Не думаю, чтобы Магус мог двигаться по такой местности без отдыха. Он понимает, что мы можем идти за ним, поэтому нужно быть осторожными. Не знаю, что ему известно о путешествиях во времени.

— Столько же, сколько нам. Будь оно все проклято! — сухо сказал Богги.

Ночь наступила неожиданно, словно над зеленой местностью повесили пурпурно-черный занавес. Невозможно было двигаться в темноте, поэтому они развернулись спальные мешки. Оба спали некрепко, но Саймон еще развернул простую ограду, которая предупредит их, если приблизится кто-нибудь — или что-нибудь.

Их первый день в прошлом начался рано. Свет появился с такой же внезапностью и скоростью, с какой исчез, и они проснулись, мигая в чистом ясном утре. Насекомых среди деревьев не было, и жара здесь меньше. В целом утро было почти прекрасное.

— Неплохо, Богги. Совсем неплохо. Доставай еду, а я осмотрюсь.

Богги выбрался из спального мешка и сложил его, чтобы упаковать. Он отряхнул грязь с мундира и подтянул петли на обуви. А Саймон начал подниматься на нижние ветви ближайшего дерева. Богги поискал пищевые концентраты.

— Где она?

— Что?

— Еда. Мне казалось, ты положил ее между нами.

Саймон посмотрел вниз, его лицо казалось белым пятном среди зелени.

— Ты что, ослеп, лейтенант Богарт? Или играешь в... — Он замолчал, увидев, что место, где он оставил еду, пусто. — Я положил сюда, Богги. Ты сам это видел. И сигнала тревоги не было.

Богарт ничего не ответил, только извлек свой кольт и медленно попятился к деревьям. Заговорив, он не отрывал взгляда от небольшой поляны.

— Саймон. Это должен быть Магус. Но в таком случае почему он нас не убил?

Вначале ответа не было, только тяжелое дыхание сверху, с ветвей.

— Это сделал он. Отсюда я вижу на мили. С грязи идет легкий туман, но... может, он хочет поиграть с нами. Знаешь его тип развлечений. Сделать жизнь трудной, чтобы мы вернулись. Но я согласен. В такой ситуации я бы ждал скорее, что он перережет нам горло, пока мы спим. Не понимаю, почему сигнал тревоги не... Эй! Дым! Я... это не туман. Это настоящий дым. Примерно в четырех-

пяти милях в лесу. Сбережем таблетки и пойдем. Возьми с собой немного воды. Потом найдем ее больше.

Они пошли в сторону дыма.

И только в середине дня нашли тело девушки.

То, что от него осталось.

Саймон определил направление на дым, и они старались идти через роскошный лес быстро. Но деревья росли тесно, а промежутки между ними переплетены лианами и ползучими растениями, так что в час удавалось пройти не больше четверти мили. Оба держали небольшие мачете и по очереди прорубали тропу.

— Подожди. — Богги остановился, повернув голову в сторону. — Кажется, я что-то услышал. Впереди. Вон там.

Ошибиться было невозможно. Что-то очень большое громоздко двигалось перед ними по лесу. Они слышали, как трещат ветки, а земля буквально дрожала от тяжести.

Они осторожно двинулись в сторону шума. Неожиданно густые джунгли сменились более открытой, болотистой местностью, усаженной группами деревьев. Прямо посредине этой местности пролегала широкая борозда, как будто протащили гигантское тело. Вода все еще стекала в борозду, показывая, что она проложена недавно.

— Динозавр? — недоверчиво воскликнул Богарт. — Я знаю, мы в далеком прошлом, но ведь не настолько далеком.

— Возможно. Климат соответствует, и общий тип местности тоже. Идем. Оно движется в том же направлении, так что все в порядке. Настрой кольт на максимум.

— Он на максимуме с того момента, как мы здесь, Саймон. Я в таких случаях не допускаю риск.

Труп, как выброшенная игрушка, лежал у следующей группы деревьев. Саймон увидел его первым и остановил Богги.

— Одна из девушек? Глупый вопрос. Должно быть. Современная одежда. Магус не мог этого сделать. Боже, да она разорвана пополам.

Богги был прав. Такие раны не может нанести человек. Они подошли поближе и молча остановились, глядя на окровавленные обрывки. Обе ноги были оторваны, одна в колене, вторая в бедре. Оторваны, не отрезаны и не откушены. Оборванные сухожилия и расколотые кости говорили о страшной силе, с которой это было проделано.

Она была выпотрошена, желтые и розовые внутренности лежали в грязи, видны были белые кости таза. Земля на ярды вокруг покрыта кровью, а одежда превратилась в несколько обрывков ткани. Странно и почти непристойно то, что лицо почти не тронуто. Один глаз вырван из глазницы и висит на правой щеке, как раскрашенный шарик. Волосы распущены, забиты грязью и кровью. Из угла рта еще течет струйка крови, смешиваясь с разорванными грудью и животом.

— Бедняга. Посмотри на ее лицо. Ни шока, ни боли. Она не знала, что ее ждет.

Саймон наклонился и внимательнее посмотрел на изуродованное тело.

— Пояса нет. Либо забрала эта тварь, либо вернулся Магус и взял его.

— Кто... кто она была?

— Росаба Китам. Отец — главный в проституции и наркотиках. Король-разбойник Дайрона. Она должна была в будущем году начать помогать ему.

— Если она умерла здесь, означает ли это, что она умерла и в будущем? В настоящем, я имею в виду.

— Ты мертв в любом времени, Богги. — Саймон еще больше наклонился и коснулся концами пальцев щеки. Голова повернулась, рот раскрылся, и лицо стало казаться очень старым. — Ее убили всего несколько минут назад. Но где тот, кто ее убил? Он должен быть очень большой, а тут, за этой полоской болота, никаких следов нет.

Вода неподвижна, ее поверхность покрывает зеленая ряска. Все тихо под ярко-синим небом. У них на глазах поверхность подернулась рябью, и из глубины поднялась цепочка пузырей. Грязь на поверхности такая густая, что некоторые пузыри не смогли прорваться и повисли под поверхностью.

Увидев это, оба приготовились бежать, ожидая увидеть поднявшееся из глубины чудовище. Но после ряби ничего не появилось. Все стихло. Оба отвернулись от болота и посмотрели на труп.

И увидели ствол парализующего пистолета.

Пистолет держал в похожей на когтистую лапу руке высокий и болезненно худой человек. В испачканной грязью одежде цвета светлого янтаря, он на несколько дюймов выше Саймона. Голова почти вдвое длиннее, чем у нормального человека, и глаза глубоко посажены в ямах из кости.

— Рэк и Богарт? — Голос низкий и приятный. Хорошо модулированный. — Хозяин ждет вас; он приказал мне подождать вас и приветствовать. Он попросил передать вам, что сожалеет о своей ошибке — о том, что оставил вас живыми в Пещерах Ночи. Он напрасно показал себя. И он хочет, чтобы я исправил его ошибку.

Когда в воде перестали показываться пузыри, оба упрятали кольты в кобуру. Пистолет противника настроен на полную мощность, и он легко может убить их, не дав им даже дотронуться до оружия.

— Тебя зовут?..

— Патрайк. — Он насмешливо поклонился. — Патрайк Дженсин, господа. Я когда-то подавал заявление в Галэсбэ, но меня не приняли из-за слишком большого роста. Так как дорога света оказалась для меня закрыта, мне показалось логичным вступить на дорогу тьмы.

— И белолицый научил тебя убивать молодых девушек?

Богарт сделал шаг вперед, стараясь заслонить Саймона и дать ему шанс.

— Еще шаг, лейтенант, и больше вы не зададите ни одного вопроса. Так-то лучше. Да, Магус многому меня научил. Научил тому, что нет никаких причин, по которым богатые ублюдки со своими порочными дочерьми не могли бы поделиться с нами кредитами. И показал нам, что все богатства и вся власть галактики не имеют никакого значения, когда ты обнажен и голоден и тебе грозит невральный хлыст.

Патрайк рассмеялся, и голос его перестал звучать приятно. Глаза его закатились, и он весело закачал головой.

— И еще, помимо всех прочих своих талантов, Магус показал нам, как путешествовать во времени. Даже вы, ублюдки из Галэсбэ, здесь до нас не дотянетесь.

— А что вы собираетесь делать здесь, Патрайк? Как потратите свои кредиты? Как вернетесь в реальное время?

Вопросы Саймона заставили худого человека перестать смеяться.

— Легко. — Но в его голосе послышалось сомнение. — Магус сказал, что может вернуть нас в любое время.

— Он лжет. Эти пояса могут вернуть вас только в настоящее время на Райол. А там вас ждут. У тебя не будет ни одного шанса, братец. Ни одного. — Настала очередь Богарта рассмеяться. — Ты в этом мире смерти с безумцем и четырьмя — нет, тремя — за-

ложницами и десятью миллионами кредитов. И тебе остается только ждать той же смерти, что у Росабы Китам.

Рука, державшая пистолет, не дрогнула.

— Ты меня не испугаешь. Я верю Магусу, а тебе не верю. Все очень просто. А что касается девушки, ну, мы не знаем. Ее схватило что-то очень большое. Мы его даже не видели.

— Слишком торопились убежать, трусливое дерьмо!

— Если бы ты слышал, как оно шумит, то тоже убежал бы, коммандер. А когда мы вернулись, это все, что от нее осталось, а тварь исчезла где-то в вонючем болоте.

За спиной Богги, видимый только ему, Саймон лихорадочно делал пальцами сигналы, пытаясь перехватить у Патрайка контроль над ситуацией. По определенному слову он закричит и бросится в сторону. Если у худого нет фантастического самоконтроля, он обязательно посмотрит в его сторону. В этот момент Богги должен двинуться в другую сторону, достать кольт и выстрелить.

Такова была идея.

Ключевое слово «шанс».

— Ну, ладно. Магус приказал мне вернуться, подождать вас и прикончить, как только вы появитесь. Я потратил слишком много времени. Надо была захватить с собой Чинка. Чинк любит убивать тех, кто выше него. А это означает большинство людей. Итак, надеюсь, вам понравилась прогулка в прошлое...

Он, улыбаясь, поднял пистолет.

— Пожалуйста. — Саймон поднял руки, словно пытался защититься от смертельного залпа. — По крайней мере дай нам честный шанс...

Без малейших колебаний он прыгнул влево, доставая кольт, когда еще находился в воздухе. За ним Богги опустился на одно колено, извлек свой пистолет и прицелился в худого человека. Патрайк в мгновения колебаний переводил оружие в одного на другого.

Богги выстрелил на долю секунды раньше и ожидал, что его выстрел собьет врага с ног и отбросит в грязь и слизь.

Ничего не произошло. Не было даже щелчка истраченного заряда. Ничего.

Патрайк считал главной угрозой Богарта и прицелился в него, но увидел, что у того отказал кольт, и повернулся к Саймону. Это изменение стало для него роковым. У Рэка появилось необходимое время. Возможность прицелиться и выстрелить.

И снова ничего не произошло. Саймон не стал бессмысленно тратить время, пытаясь снова нажать на спуск. Он двинулся к улыбающемуся Патрайку.

Рэк был слишком медлителен, он опоздал. Костяшки побелели, глаз за прицелом счастливо прищурился.

Как в сцене, остановленной сканнером, все трое неподвижно застыли, вода затопила их обувь. Первым, переводя взгляд с одного на другого, заговорил Саймон.

— Вот как. Оружие не действует. Должно быть, что-то в воздухе. Это заинтересует хронолога Томаса. Давай, Богги. Патрайку есть что рассказать нам о своих друзьях.

Небо очень чистое и синее. Деревья чуть шевелят листвой на легком ветре, который дует с болота. Худой человек отступил на три шага от приближающихся офицеров. Он оказался на самом краю слизи. Бросил бесполезный пистолет в грязь и стал рыться на поясе, доставая нож.

— Давай. Джокер хочет поиграть.

У Саймона и Богарта ножи с собой, в ножнах на поясе, под приборами контроля.

Саймон держал нож в правой руке низко перед собой, сверкающее лезвие мелькало в воздухе, готовое к удару вверх; этот удар почти невозможно парировать, он пробьет любую защиту и разрежет живот или промежность. Богарт двигался сбоку в нескольких шагах, угрожая Патрайку сверху, заставляя его отступать, и грязь и слизь густо покрывала его сапоги.

— Давай, худой человек. Расскажи нам о своем белолицем хозяине. Скажи, где он и девушки. Может, мы оставим тебя в живых. Здесь или в настоящем... Может быть.

На самом деле Саймону было все равно, что будет делать Патрайк. Если он его убьет, галактика станет немного чище, а выследить Магуса и его группу будет нетрудно. Саймон даже надеялся, что худой человек захочет драться. Когда он почувствует, как его нож режет тело Патрайка, часть ненависти и раздражения, вызванных Магусом, рассеется.

Шаг за шагом заставляли они высокого худого человека отступать в болото. Вода поднялась ему по щиколотки. По колени. Почти до пояса. Тут он остановился, понимая, что, если потеряет опору, у него не будет ни одного шанса. Ждал, когда они подойдут к нему, зная, что по крайней мере спина его в безопасности. Она защищена болотом.

Так он считал, и это его предположение казалось вполне разумным. Пока не вспомнишь о глубоком следе, проложенном через местность тем, кто разорвал Росабу Китам. Этот след вел к воде.

В популярных современных видео часто изображается прекрасная женщина, груди которой выступают из прозрачной одежды; женщину преследует чудовищный динозавр, и она в страхе жмется перед ним.

Все произошло так быстро, что ни у Саймона, ни у Богги не осталось отчетливых воспоминаний. Их обоих удивила полная тишина. Ни рева. Ни громогласного рычания, от которого дрожат деревья.

Болотная вода неожиданно поднялась в фонтане грязи и слизи. Волна сбила Патрайка с ног, и он на мгновение ушел под поверхность. А когда появился, попытался встать, по-прежнему держа нож в руке и оглядываясь на то, что ему угрожает. Грязь ослепила его, и он потратил единственный шанс на выживание, недоверчиво стирая ее.

Тварь была огромна. Больше, чем имеет право быть любое живое существо. Насколько они могли видеть, туловище скрывалось в воде под поверхностью. Только угловатая голова с разинутой пастью такого размера, что легко проглотила бы разведочный корабль, часть груди и две нелепо маленьких передних лапы.

Патрайк крикнул — один раз. Потом, быстрее, чем жалит скорпион, огромная пасть схватила его поперек талии, как ребенок хватает котенка. Саймон и Богги подавились гнилым зловонным запахом, исходящим из пасти твари; пахло разлагающимся мясом и заплесневевшей рыбой. Они услышали хруст, словно кто-то наступил на спелое яблоко, и крик Патрайка оборвался. Его руки и ноги вяло свисали из пасти чудовища, а оно качало головой, чтобы поудобнее схватить добычу.

Саймон даже сделал полшага вперед, но тут же понял нелепость этого поступка. Попытаться сразиться с чудовищем из-за закрытой двери расовой памяти с помощью ножа с тонким лезвием! Они с Богартом могли только стоять и смотреть, готовые бежать, если гигантский ящер двинется к ним. Но добыча как будто удовлетворила чудовище. Крошечные серые глаза, скрытые среди зеленых чешуек, без всякого любопытства смотрели на них. Смотрели долго, но без малейшего интереса.

Так же быстро, как появилось, оно исчезло в болоте, окатив грязью траву у их ног. Поверхность грязи покрылась пузырями, она раскачивалась, но все меньше и меньше. И наконец застыла.

Саймон выдохнул.

— Клянусь Господом! Вот что я никогда не надеялся увидеть за пределами музеев! Настоящий живой убивающий пожирающий динозавр.

— Если простишь мне мое выражение, я бы назвал это проклятым залпом из прошлого.

— Злоба из гроба, — рассмеялся Саймон; он улыбался, почти не контролируя себя в облечении от напряжения.

— Я предпочел бы выражение «древняя плесень», если простите мое вмешательство.

Саймон и Богги одновременно повернувшись, защищаясь ножами от новой угрозы.

— Привет, Магус, — сказал Саймон.

В исследовательской лаборатории на той же планете, но бесчисленные тысячелетия спустя Дэв Томас прошел к контейнеру «искаженные материалы», налил себе большую порцию и вернулся на свое место перед массивной контрольной панелью, усаженной индикаторами и шкалами. Посмотрел на табло времени, показывающее, сколько времени прошло с того времени, как Рэк и Богарт отправились в прошлое преследовать Магуса и заложниц.

— Прошло восемнадцать часов, — произнес он, ни к кому в частности не обращаясь. Стражники с равнодушными лицами не обращали на него внимания, как делали с самого своего появления, заняв с тяжелыми бластерами позиции у дверей.

Тонкая, как иголка, стрелка на одном из самых больших циферблатов бешено закачалась из стороны в сторону, указывая на сильное темпоральное возмущение.

— Однако сильное, — с интересом заметил хронолог.

Никто из солдат ГСБ не среагировал.

— Они, вероятно, даже не чувствуют этого, — снова раздраженно пробормотал хронолог. — Вся эта суета. Если они вернутся, остается только сидеть и ждать. Вернутся тем же путем, что ушли. Конечно, если вообще вернутся.

Мысль эта угнетала его, и он осушил стакан и потянулся за новой порцией. Послышался еле слышный щелчок: длинная стрелка показала, что прошла еще одна минута. Восемнадцать часов и семь минут.

Альбинос стоял на небольшом возвышении, за искалеченным трупом, перед группой деревьев. Концы его серебряных туфель касались еще одного бездонного бассейна жидкой грязи. Волосы, спутанные, похожие на вязаный снег, падали ему на плечи. Черный бархатный костюм грязный, в пятнах. Болотная грязь на щеке показывает, что путешествие в прошлое для сына маркиза было не таким уж легким. Только глаза горели прежним злым огнем, который словно подпитывался сумеречным светом с неба.

— Рэк. И зловонный Богарт. Клянусь всеми богами, мне следовало уничтожить вас, когда была такая возможность.

В голосе Магуса звучала ледяная ненависть.

— Но ты нас не уничтожил. И вот мы здесь. Прекрасное общество друг для друга. Жаль, но мы только что видели, как один из твоих помощников превратился в завтрак динозавра. Слишком счастливый конец.

Богарт улыбнулся шутке Саймона, следя за его руками в ожидании плана. Но его не было. В такой ситуации они могли только ждать и надеяться на то, что что-нибудь произойдет. Было бы сравнительно легко броситься на альбиноса и убить его, хотя в его белой руке трость-шпага.

Останавливало их то, что он держал в другой руке.

Несколько поясов времени. Точнее три пояса, принадлежащие трем оставшимися девушкам-заложницам, свисали над отвратительными и бездонными глубинами болота.

— Что ж, Магус. Думаешь, ты нас остановишь? Если ты выронишь пояса, мы тебя убьем и с помощью твоего пояса перенесем девушек отсюда. Из прошлого в настоящее. Или как-то еще. Не думай, что можешь остановить нас.

Магус рассмеялся — этот звук был страшнее его гнева.

— Я знаю тебя лучше, Рэк, чем ты думаешь. Подумай: у тебя нет возможности сделать это. Я тоже кое-что знаю о природе времени. Ты не сможешь вернуться в это время и в это место. Слишком большой элемент случайности. Но я верю, что ты скорее убьешь меня, чем спасешь девушек. Тебе не хватает галантности.

Два вопроса занимали Саймона, когда он слегка отвернулся от трясины. Где девушки? И где гном, который, по словам Томаса, был с альбиносом? Может, бластеры не действуют в прошлом, но ведь есть другие виды оружия.

— Положи пояса на сухую землю за тобой, Магус, и отойди от них. Потом вызови своего друга-карлика оттуда, где он прячется, и прикажи ему привести девушек. Мы возьмем тебя с собой или заберем твои пояса и оставим тебя здесь. Даю тебе возможность выбора.

— Это все, чем ограничен мой выбор? — усмехнулся Магус, насмешливо перевешивая пояса с пальца на палец.

— Нет, — резко ответил Саймон. — Есть еще один. Мы убьем тебя очень медленно и болезненно. Других выходов у тебя нет.

Магус удивился, и это было видно по его глазам, которые на мгновение сузились, потом открылись, как врата ада.

— Ты говоришь серьезно, Рэк. Ты бы все отдал, лишь бы убить меня. Я не думал, что тебя пошлют против меня. Мечтал об этом, но не надеялся, что это произойдет. Что ты ненавидишь меня так же, как я тебя... — Ему словно не хватило слов, и он ненадолго замолчал. — Итак. Теперь я это знаю. Чинк! Покажись!

Услышав этот возглас, Саймон остался стоять лицом к Магусу, а Богарт повернулся к новой угрозе. На первый взгляд, Чинк ни для кого не может представлять угрозы. Меньше четырех футов ростом, с головой, приклеенной к плечам, как пушечное ядро на боку быка. Ноги, как молодые деревья, прочно стоят на земле. Карлик — конечно, мускулистый, но не представляющий угрозы.

Богарт и Саймон сражались с достаточным количеством мужчин — и женщин, — чтобы не судить о противнике поспешно. В одном случае, когда они оказались на пороге смерти, это была девушка, почти подросток. Если бы Саймон не распознал вовремя симптомы яда, этот ребенок с обликом святого танцевал бы на их могилах.

Они смотрели на Чинка и видели не его малый рост, а невероятно широкие плечи и мощные мышцы. Видели, как легко он движется и какие быстрые у него рефлексы.

В руках он держал прямую ветку, к концу которой был привязан нож с широким лезвием; получилось вполне приличное копье. На его лице была готовность пустить копье в ход.

— Это Чинк. Мое оружие и защита в этом ужасном месте.

— Как щель* в броне, — прошептал Богарт настолько громко, чтобы все услышали. Он надеялся, что маленький человек рассердится и бросит копье с того места, где стоит, в тридцати шагах от них, и у них будет возможность увернуться. Но глаза Чинка не мигнули, а руки не шевельнулись.

— Ну, коммандер?

Это был тупик. В этом окружении копье — смертельное оружие. Если гном умеет с ним обращаться — а ни Саймон, ни Богарт не могли упустить такую возможность, — у него прекрасный шанс вывести одно из них из строя. У Магуса трость-шпага, которая тоже дает ему преимущество над двумя людьми из ГСБ.

На их стороне огромный опыт и способность использовать все формы борьбы. Магус знает, насколько они хороши. Они один раз побили его, и как бы велика ни была его уверенность в себе, поражение никуда не делось. Червь грызет его голову, заставляя сомневаться в своей позиции.

— Это тупик, Магус. Ты можешь убить одного из нас, но второй точно убьет вас обоих. В какую сторону повернешь?

— Я могу за секунды убить вас обоих, а ты говорить о тупике. Не будь ты так жалок, Рэк, я бы посмеялся над тобой. Я выиграю, а ты и твой отвратительный спутник проиграете. Девушки у меня. У меня их пояса. Чинк — лучший мастер по единоборствам в галактике. С того места, где он стоит, он может копьем пробить тебе горло. Что думаешь об этом?

— Думаю, это делает его настоящей занозой в заднице, белолицый. А теперь примирись с положением или заткнись. Если не выдерживаешь жару, не приближайся к двигателю, где идет реакция. Давай. Мы устали ждать. Считаю до трех, и мы начнем, и ты умрешь. Сейчас или в другом времени. Раз... два...

Пока Саймон считал, Богарт наблюдал за маленькой фигурой Чинка, ожидая любого движения. Но гном продолжал ждать сигнала хозяина. Сигнала, который так и не пришел.

— Ну, хорошо. Не будь это вы, я мог бы продлить это. Но время на моей стороне. Пока у меня эти пояса, я считаю, что время у меня в руках.

Какое-то мгновение Богарт считал, что Магус бросит пояса в трясину, а сам наброситься на них, и подготовился. Но Магус с видимым усилием сдержался и даже улыбнулся.

---

* Англ. chink — щель, скважина.

— Саймон... ты умеешь раздражать меня больше, чем кто-либо. Я ухожу с Чинком и возвращаюсь в настоящее вместе с девушками. Вы с Богартом остаетесь здесь, пока я не уйду. Договорились?

Компьютерный мозг Саймона быстро взвесил возможности. Стейси прикрыл Хронологическую лабораторию своими людьми. На каждом выходе вооруженные люди. За всеми приборами наблюдают. Вернувшись в настоящее, Магус не сможет уйти. Логика говорила Саймону, что игра стоит свеч. Ему была безразлична судьба девушек, но существует реальный риск, что он или Богарт будут убиты или тяжело ранены копьем или шпагой.

Дело того не стоит. Ведь Магуса легко взять, причем почти без риска, что кто-то будет ранен.

Но...

— Хорошо. Мы ждем час. Потом возвращаемся в настоящее. Ты, эта тварь и твои девушки можете использовать любой план.

Лицо альбиноса ничуть не изменилось. Он коротко кивнул карлику.

— Ты и твой товарищ немедленно уходите. Через болото вон к той группе деревьев. — Шпага-трость блеснула голубым цветом, когда он указал ею. — Когда вы доберетесь туда, мы двинемся. Час начинается с этого момента. Договорились?

Саймон осмотрелся. Дорога ведет через слизь, в которой живет ящер.

— Потребуется время, чтобы добраться туда. Будь я проклят, если из-за тебя стану десертом для ящера. Что касается остального, я согласен.

— Жаль, что ящер не может получить свой десерт по справедливости, — пробурчал за его плечом Богарт.

Им потребовалось почти три часа, чтобы добраться до деревьев, и к тому времени как они достигли места сомнительной безопасности, свет быстро тускнел. Роща, где у искалеченного трупа девушки ждали Магус и Чинк, почти исчезла в дымке.

— Если я знаю этого ублюдка, он вернется до нас и постарается захватить там людей врасплох, — тяжело дыша, говорил Саймон, когда они пробирались через зловонное болото. — Когда мы туда доберемся, будет уже темно. Мы двинемся назад... вперед...

ну, в наше время. Будь я проклят, если сдержу слово и буду ждать час ради этого хромого ублюдка.

Чем больше они приближались к твердой почве, чем больше темнело, тем все более угрожающе и живой становилась трясина. Они слышали вдалеке всплески, как будто на поверхность поднялось что-то гигантское и снова ушло в глубину. Слышалось необычное бульканье, и какой-то гул над головами.

— Я буду ужасно рад, когда это настоящее станет прошлым, Саймон. Осторожнее!

Предупреждение чуть запоздало. Богарт уловил блеск воды в том месте, где должна была быть суша, а Саймон упал лицом вниз, ударившись лбом о гнилое бревно, наполовину погруженное в зеленую слизь. Несмотря на свой вес, Богарт был силен и проворен, он сумел перескочить через погружающегося в воду друга на более устойчивое место и вытащил Саймона за плечи. Быстро стер грязь с его лица, всматриваясь в темноте в растущий кровоподтек под правым глазом. Синяк приобретал зловещий пурпурный цвет, и из него слегка текла кровь.

— Давай, Саймон. Вставай. Некогда разлеживаться.

Оглядываясь в полумгле, Богарт тряс Саймона, хлопал по лицу и тер запястья. Но кроме стона, никаких признаков возвращения сознания не было. В отчаянии Богарт ущипнул мочку уха Саймона, надеясь, что боль приведет его в себя.

В трехстах футах за ними из грязи показалась длинная змеиная голова и высоко поднялась в воздухе, она поворачивалась в поисках добычи. Добычи, которую она каким-то образом чувствовала. Богарт в ужасе смотрел на нее, а тварь гибко и извилисто двинулась в их направлении.

— Тогда все. Держись крепче, Саймон. Нам придется делать ход.

Отчаянно стараясь припомнить, что Дэв Томсон говорил им о безопасном возвращении, Богги схватил Саймона и принялся поворачивать шкалу и нажимать в правильном порядке кнопки управления. Хронолог сказал, что во избежание случайных ошибок будет пятисекундная задержка, прежде чем прибор начнет работать. Несмотря на опасность, Богги улыбался про себя нелепости своих действий, но извлек нож и держал его перед собой.

— Все равно что плевком из трубки пытаться остановить звездный корабль, — пробормотал он.

Неожиданно Саймона в его руках не стало. Мгновенное ощущения распада, и он исчез.

— Немного дольше пяти секунд, — сказал себе Богги, глядя на приближающуюся к нему смерть, поднимающую перед собой белую фосфоресцирующую волну.

Длинная голова рептилии была высоко над ним, с тусклой кожи капала зловонная слизь. Шумный выдох, пасть слегка приоткрылась, показались острые, как иголки, желтые зубы. Богги вскочил, сжимая нож...

В этот момент сработал его темпоральный прибор, унеся Богарта в настоящее.

К несчастью, его прыжок, сделанный в далеком прошлом, завершился в настоящем, и Богарт головой ударился о край передаточного устройства. С долгим стоном он без сознания упал на группу охранников из ГСБ, которые поднимали с пола бесчувственное тело Саймона.

Неловко прислонившись к стене лаборатории, Дэв Томас смотрел на эту сцену. Ему пришла в голову забавная мысль, и он повернулся к стоявшему рядом полковнику Стейси, готовый поделиться с ним шуткой. Но увидел лицо полковника и передумал.

И налил себе еще одну порцию искаженного материала!

Глава 8. И снова возвращаемся

Обоих немедленно отправили в госпиталь на базе ГСБ, где они находились под непрерывным наблюдением. Первым, несмотря на шишку на голове размером с большой бриллиант, пришел в себя Богарт. Саймон еще несколько часов оставался без сознания и под действием лекарств. Дважды он приходил в себя и снова терял сознание.

Когда он окончательно пришел в себя, Богги с перевязанной головой сидел в ногах его кровати.

— Клянусь пламенем ада! Где я?

Богги улыбнулся.

— Я разочарован, Саймон. Я думал, ты спросишь: «Когда я?» Ты меня подвел.

Саймон начал качать головой, но тут же передумал.

— Клянусь... кто меня ударил? И, поскольку ты об этом упомянул, мы вернулись в реальное время? Не отвечай. Я в госпитале,

значит, мы вернулись. Если только... если мы не оказались в другом времени.

— Это уж слишком. Нет, мы вернулись. Немного позже увидим улыбающееся лицо доброго полковника, и он нам объяснит положение. И вот тогда ты поймешь, вернулись мы или нет.

Саймон потер глаза, наблюдая, как вспыхивают многоцветные огни.

— Минутку. Стейси знает о девушке?

— О Росабе Китам?

— Да, о ней. Что она умерла и что мы убрали этого тощего Патрайка?

Богги кивнул, лицо его было мрачно.

— Да. И была величайшая вонь в истории галактики. Нам приказано ничего не делать, пока не погиб еще кто-нибудь из девушек. Три уже мертвы, и ни следа Магуса. Только один из его прислужников.

— Ничего не делать? — Саймон поморщился от боли в голове и снова лег на подушку. — О чем Стейси думает?

— Ну...

Не обращая внимания на боль, Саймон снова сел и взял руку Богги.

— Минутку! О чем мы говорим? Его должны были взять. Магуса. Когда он вернулся. Не взяли?

— Нет. Он не вернулся, и ни одна из девушек тоже.

На лице Саймона отразились шок и разочарование.

— Сколько времени мы были без сознания?

— Три четверти суток, плюс минус один час. Мы услышали бы, если бы он появился. Что-то вышло из строя в механизмах. Конечно, отцам остальных девушек еще ничего не сказали. Совершенно секретно, и все такое дерьмо. Но рано или поздно будет протечка.

Саймон вздохнул и снова расслабился.

— Так. Он, должно быть, мертв, и все эти несчастные создания тоже. Какой стыд! Я хотел бы... Эй! А ты уверен, что белолицый не обманул нас и не вернулся раньше, чем мы?

— Нет. — Богги покачал головой. — Он не мог это сделать. Я переправился сюда сразу после тебя. Тоже ударился головой. Он не мог появиться раньше нас. Тут все время охрана.

— А вчера? Вернулся до того, как ушел? Это могло... Конечно. Это невозможно, правда? Помнишь, что сказал хронолог о

пребывании тебя в одном и том же месте в одно и то же время? Нет. Это невозможно.

На мгновение в палате, в которой лежал Саймон, воцарилась тишина. Они слышали, как снаружи прокатили тележку. Саймон закрыл глаза, пытаясь поставить себя на место Магуса. Стараясь догадаться, что сделает альбинос, чтобы вернуться в реальное время. Он не может вечно оставаться в прошлом. Нет, может, но это не в его стиле. И девушки станут бесполезными фигурами в его игре против Саймона.

Итак?

— Итак?

— Что, Саймон?

Богги даже подпрыгнул, услышав его голос.

Саймон рассмеялся и сел, спустив ноги с кровати.

— Просто думал вслух. Послушай, Магус еще не вернулся. Он не мог вернуться, если хронологи не ошибаются относительно темпоральных аномалий. Значит, он еще там. И он должен вернуться.

— Думаю, охрана перестала его ждать.

— В том-то и дело! Хитрый ублюдок! Он ждет, когда они расслабятся и станут невнимательны. Теперь он может вернуться в любое время.

Богги рассмеялся.

— Да никогда. Одна из этих гигантский ящериц сейчас ковыряет в зубах его тростью. Мы его больше никогда не увидим.

Саймон встал и осмотрелся в поисках мундира. Идя по комнате, он покачнулся и поднес руку к перевязанной голове. Богги бросился к нему и помог сесть на стул.

— Полегче, Саймон. Не беги, прежде чем сможешь стоять. Врачи говорят, что тебе предстоит пробыть здесь еще дня три. Расслабься. Магус мертв.

— Ты не понимаешь, Богги. Это его манера. Он догадался, что мы вернемся раньше. И стал ждать. Дал нам время решить, что он мертв. Немедленно свяжись с лабораторией. Давай, доставай быстрее свой кодер.

— Ставлю недельную зарплату на то, что ты ошибаешься.

— Договорились. А теперь быстрее кодер. Предупреди Стейси, расскажи, что я думаю.

Саймон сел на кровать, держась за голову, а Богги связался с базой и поговорил с офицером, командующим охраной лаборатории. Разговор был кратким.

Богги опустился на стул, лицо у него было мрачное.

— Я проиграл. Магус вместе со своим карликом и тремя девушками появился пятнадцать минут назад, убил шестерых охранников, прежде чем они поняли, что их ждет, а потом исчез. Ни следа. Стейси в ярости.

Открыв шкаф, Саймон начал надевать чистый мундир.

— Одно замечание. Я рад, что он вернулся в наше время. Мне не хватало возможности размазать его мозги по всему вонючему телу.

Богги улыбнулся.

— Что ж... лучше поздно, чем никогда, Саймон.

Когда они пришли, хронолог только что закончил тяжелый разговор со Стейси.

— Рад видеть вас обоих здоровыми. Я хотел бы подробнее расспросить вас о том, что вы видели и вообще, но ваш полковник... — Он поморщился при мысли о Стейси. — Он говорит, что вы в состоянии тревоги все двадцать четыре часа в сутки, пока этот человек не будет схвачен или убит. Так что придется подождать этого времени. Конечно, если вы вообще его возьмете.

Саймон устало сел на надувное кресло у низкой стены лаборатории.

— Мы его возьмем. Мы просто обязаны это сделать. Тогда сможем говорить с вами так долго, сколько захотите.

— Да. Я очень многое не понимаю.

— Что, например, лейтенант?

Богги наморщил щеки.

— Лучше Богги, чем лейтенант, если не возражаете. Ну, например, какие изменения произвело наше появление? Должны быть какие-то изменения, если рассказы хоть немного правдивы.

— Не верьте тому дерьму, что читаете, Богги. Но да, я понимаю, о чем вы говорите, и не уверен, что смогу объяснить. Если, конечно, как некоторые из нас думают, время способно само восстанавливаться. Как живое существо, которое избавляется от посторонних частиц, выделяя их. Мы думаем, что тут что-то подобное. Когда в темпоральный бассейн брошен камень, круги начинают расходиться. Мы полагаем, что время сворачивается петлей и возвращается в момент до того, как камень был брошен.

— Так что он оказывается не брошенным.

— Верно, Саймон. Петля уничтожает более позднее прошлое и заменяет его тем, что должно было бы случиться. Звучит невероятно, я понимаю.

— Как ящик с дерьмом с Альфа Центавра, — прервал его Богги.

— Да. Но это наша лучшая теория.

— Лучшая? — с улыбкой спросил Саймон.

Хронолог улыбнулся в ответ.

— Хорошо, коммандер. Единственная наша теория.

Богги удивленно наморщил лицо. Оно стало похоже на помятый во время марша мундир.

— Но в таком случае я не вижу, почему...

Саймон прервал его.

— Потом, Богги. Если у нас будет время. Теперь мы должны думать о белолицем и о том, что он сделает дальше. До сих пор он все время опережает нас.

Небрежно, словно по собственной воле, рука Дэва Томаса скользнула по скамье, пока не добралась до фляжки с искаженными материалом и разлила по трем стаканам. Только выпив, они принялись обсуждать план действий.

Говорили они около часа, рассматривая проблему со всех углов, пытаясь проникнуть в сознание альбиноса. Богги считал, что Магус затаится где-нибудь на Райоле, а потом попытается перебраться в какую-нибудь другую вселенную, где не так жарко. Томас и Саймон с ним не согласились. Наконец предоставили подытожить обсуждение Саймону.

— Магус легко не сдастся. Он постарается сделать то, чего мы меньше всего ожидаем. Зная его, я считаю, что его интригует сама идея путешествий во времени, и он захочет снова его проделать. Мы подошли к нему так быстро в прошлой раз из-за главной панели с ее следящими механизмами. Если он сможет вернуться и повредить панель, то сможет уйти в любой момент прошлого или будущего, и мы не сможем до него добраться. Я прав, Дэв?

Хронолог кивнул.

— Я согласен, Саймон. Вы уверены, что я не соблазню вас еще порцией?.. Нет? Ну, хорошо. Да, если будет повреждена панель, он сможет отправиться куда угодно. Но сейчас тут охрана все время настороже, и я не понимаю, как он сможет это сделать.

Рэк покачал головой.

— Вы не знаете Магуса, как его знаем мы. Мы видели, как он исчез из запертой и охраняемой комнаты, в которой не было другого выхода. Если есть способ, можно быть уверенными, что Магус его найдет. Нам остается только сидеть и ждать. А, зная Магуса, я сомневаюсь, чтобы нам придется ждать долго.

— Ублюдок! И эти ублюдки!

Магус не заставил их долго ждать. У гнева полковника Стейси были две цели. Первая — один-единственный ублюдок, Магус. Он посмел пригрозить Федерации и шантажировать ее руководство. А вот это руководство, которые поддалось на его угрозы, и было ублюдками во множественном числе.

— Почему, во имя погибели, они не велели ему убираться и прихватить с собой весь этот дерьмовый?.. — С огромным усилием полковник взял себя в руки. — Чтобы спасти шеи нескольких безмозглых красавиц, они позволяют ему войти в лабораторию и взять все, что захочет.

Несмотря на его гнев, Саймон и Богги постепенно смогли понять, каков был последний ход Магуса. Он обещал оставить Полинью Стент, чей отец владел основными коммуникационными сетями на Дайроне, когда совершит прыжок во времени. Оставшихся двух девушек он заберет с собой. Конечно, если будет выплачен обычный выкуп. И генеральный совет Федерации согласился на эти требования.

— Когда крайний срок?

— Договорились, что все будет готово завтра к полудню. — Он посмотрел на часы на столе. — Это дает нам сутки без четырех и трех четвертей часа, для того чтобы найти способ остановить его в лаборатории или последовать за ним. И я знаю, что он постарается повредить устройство, которое показывает, куда — черт возьми, когда — он ушел, чтобы мы не могли пойти за ним.

— Нет возможности уговорить совет устроить в лаборатории ловушку?

— Никаких. Отец девчонки потянул за очень важные нити на Дайроне. Малейший риск его дочери, и нам в лицо полетит дерьмо, как в испорченном гравитуалете.

Саймон напряженно думал, пытаясь предусмотреть все возможности устроить ловушку для Магуса. Какой-то способ разрушить его планы. Если он уйдет и окажется в безопасности, они

могут никогда не найти его. Он убьет оставшихся девушек и исчезнет.

Неожиданно Саймон понял, что Стейси смотрит на него в ожидании ответа на вопрос, который он не услышал.

— Простите, сэр?

— Я сказал, что мне нужны ваши идеи, потому что от этого бесполезного хлама ничего не получишь. Здесь наилучшая идея — идти к Магусу и избить его до смерти пластистальной балкой.

Это не совсем правда.

— Мне нужно поговорить с хронологом. Должен существовать способ, но потребуются все его знания. Если получится, мы сможем поймать его в ловушку.

— А если нет?

Голос полковника звучал холодно, как пространство между звездами.

— Тогда... мы закончим тем же, чем кончают те, кто не стал победителем. Будем проигравшими.

В шкафу было тесно. Саймон и Богги провели в нем почти два часа. Прошла середина дня, но не было ни следа ни Магуса с его помощником, ни девушек.

Саймон почувствовал, как губы касаются его уха.

— Ты уверен, что сработает?

— Конечно, нет. Ничего определенного. Если Дэв Томас выполнит свою часть плана, может сработать. Если нет, мы их снова потеряем.

Единственным, кроме них, человеком, оставшимся в лаборатории, был Дэв Томас. Всю охрану удалили из здания. Все дороги расчищены, чтобы Магус со своей группой мог продвигаться без помех. Он предупредил, что поставит множество взрывных устройств, чтобы предотвратить всякие попытки вмешательства со стороны ГСБ. Стейси ясно дал понять, что Саймон и Богги должны рассчитывать только на себя, и, если их обнаружат, он заявит, что ничего об этом не знал.

Они слышали, как хронолог расхаживает по комнате, разговаривая с собой; часто звенел стакан, с помощью которого он подкреплял свое мужество. Иногда начинал работать микрофон в ухе Саймона, сообщая, что ни альбинос, ни его сопровождающие не замечены.

До двух часов. Богги в десятый раз пожаловался, что ему нужно в туалет и что, если белолицый не поторопится, он за последствия не ручается.

И тут снова заработал передатчик.

— Машина с пятью людьми. Идет с севера. Из пустыни. Все в плащах с капюшонами. Да, это он. Мы видели белые волосы. Проходят в главные ворота. Удачи.

Рэк достал кольт из смазанной кобуры. С автоматической привычкой долгого пользования он проверил установку на максимальное поражение. Даже если бы он не чувствовал шороха за собой, он знал, что Богги делает то же самое.

— Богги, готовься.

Они слышали стук в дверь и звуки шагов Томаса, который пошел отворять. Негромкие голоса, звуки чего-то упавшего на пол. Саймон почувствовал, как напрягся Богги, готовый к взрывным действиям. Еще рано. Помимо всего прочего, Томас установил устройство, которое даст сигнал, когда притронутся к главной панели и поясам времени. Пока не будет этого сигнала, они ничего не могут сделать. Затем появится возможность захватить Магуса врасплох.

Послышался сигнал.

С кольтами в руках офицеры выбрались из тесного шкафа в изолированной части комплекса, где их от главного помещения лаборатории отделяла одна дверь. К их удивлению, из полной темноты своего укрытия они вышли в полутьму.

— Он отключил большинство ламп на случай ловушки. Так у него больше возможностей.

Из оперативной части лаборатории они услышали негромкий взрыв и почувствовали волну, от которой зашевелились волосы на голове.

— Следящее устройство?

— Должно быть. Пошли.

И опять Магус быстротой и решительностью своих действий едва не застиг их врасплох. Они ожидали, что он попытается повредить главную панель, но не так быстро, как он это сделал. Заряды, похоже, были установлены заранее. Но не это самое плохое. Саймон предполагал, что альбинос сделает то, что он сделал, но активирует пояса времени только после того, как разрушит следящее устройство.

Его предположение оказалось неправильным. Они вышли из-за угла гудящего компьютера в почти пустое помещение. Томас их

тоже подвел. Саймон просил хронолога как можно дольше задерживать Магуса, при этом не подвергая себя опасности.

Но хотя помещение было почти пустым, в нем находился по меньшей мере один живой человек. Или даже два. Да, подходя, они увидели Томаса, лежащего на полу в луже крови. А у главного экрана, положив руки на приборы на поясе, стоял Магус. Он сбросил плащ и капюшон, и его белые волосы блестели в комнате, как ледяные серебряные нити. Черный костюм был увешан драгоценностями, и альбинос слегка наклонял одно плечо.

— Стой, или я буду стрелять!

Пальцы Саймона уже лежали на спуске. Очевидно, Магус отослал девушек со своим помощником гномом, а сам решил остаться в арьергарде.

Стройная фигура замерла в нерешительности. Ее пальцы застыли из-за шока, вызванного появлением Саймона и Богги.

Томас застонал, и оба офицера посмотрели на него. В эту долю секунды Магус двинулся, метнулся, как угорь в течении, и скрылся за каким-то запоминающим устройством. Саймон выстрелил, отрезав угол от вращающейся системы файлов, и заряд отразился от дальней стены взрывом шума и цвета.

— Дерьмо! — Он сделал несколько шагов вслед за Магусом, потом повернулся к Богарту. — Помоги Дэву. Я разберусь с белолицым. Размажу его от сегодня до завтра.

Богги кивнул и склонился к хронологу. Кровь текла из глубокой раны на шее, сделанной либо стандартным ножом, либо вибратором. Чем бы это ни было, Богги ясно видел, что ни он, никто другой ничего не сможет сделать. Хронолог потерял очень много крови и умрет через несколько минут. Справа от него Саймон неслышно прошел по лаборатории, оскалив зубы в гримасе горечи и ненависти.

Не слышно было ни звука, кроме неровного дыхания умирающего. Глаза Томаса были открыты, и он, очевидно, находился в сознании. Губы его шевельнулись, и Богги наклонился ниже, чтобы расслышать слова.

— Ни одного... шанса... гном... перерезал мне... — Приступ кашля, вызвавший струйки крови изо рта и носа. — Скажи Саймону, они ушли... вперед... Вторичная система... действует... Идите за ними...

Богги осторожно вытер кровь с лица хронолога.

— Не волнуйтесь. Когда он убьет Магуса, мы все наладим. Без него с остальными будет легко.

В глазах Томаса появилось выражение удивления.

— Магус? Он ушел. Это не он... Скажи Саймону не...

Послышался треск выстрела из бластера и звук тела, упавшего на пол.

С легкостью и изяществом, противоречившим его мрачному выражению, Богги встал и побежал в угол комплекса, едва не упав на Саймона, который только вставал на ноги. У дальней стены, как выброшенная игрушка, лежал легко узнаваемый Магус. Из раны у него в груди на плитки пола уже лилась кровь. Тело было неподвижно. Спутанные белые волосы покраснели.

— Все, Богги. Белолицему конец.

Вместе они подошли к телу.

— Странно, но бедного Дэва что-то смущало. Я уверен, он просил меня остановить тебя, не дать стрелять. Сказал, что Магус ушел.

— Действительно странно, — сказал Саймон. — Он ведь получил свое? — Богги кивнул. — Должно быть, бредил перед смертью. Если это не Магус...

Стройное и маленькое, словно девичье, тело лежало в черном бархате костюма. Лицо было повернуто к стене, руки все еще на приборах пояса.

За ними в темноте главного помещения Дэв Томас положил голову на холодный пол и сосредоточился на своем последнем путешествии во времени. Он умирал и знал, что умирает. Эта мысль была ему приятна, и он понял, что совсем не боится. Он знал, что рано или поздно придет конец, и вот он пришел.

После того, как двенадцать лет назад умерла его жена, у него почти ничего не осталось. Только работа. Исследование темпоральных аномалий. Ему показалось, что в лаборатории холодней, чем обычно. Беда в том, что он единственный точно знает, что произошло.

Большая неудача для того, кто его заменит. Не осталось никаких записок. Слишком много было требований безопасности. Теперь эта смерть. Ему совсем не было больно. Томас еще несколько секунд думал об аномалиях, пока его мысли не прервала смерть.

Саймон отыскал маленький фонарик и стоял над телом Магуса, думая, что могло заботить умирающего Томаса. Совершенно

очевидно, что это труп альбиноса, и никакие разъяснения не требуются.

Он отвернулся, выключив свет и оставив тело и комнату в уважительной темноте. Рядом с ним Богги кашлянул и убрал кольт в кобуру.

— Пойдем за его прислужником и за девушками?

— Или подождем, пока они вернутся к нам. Нет, наверно, лучше идти. Вторичная следящая система, которую я просил установить Томаса, покажет нам, куда они ушли. Магус не догадывался, что уничтожение главной панели будет напрасным. Приятно думать, что он умер все-таки побежденным.

И именно в эту секунду от трупа альбиноса донеслось шипение и треск. И они услышали слабый, но безошибочно ясный голос Магуса.

— Это запись.

— Мы это знаем, — сказал Богги. — Мертвецы не разговаривают.

Саймон сделал ему знак, чтобы он замолчал. К телу был прикреплен какой-то передатчик или источник записи.

— Так как жизненные функции тела приостановились на две минуты и тридцать секунд, я полагаю, что наступила смерть. Как тебе не повезло, Саймон Рэк. Да, я уверен, что ты здесь и смотришь на дело рук своих.

Ледяные пальцы стиснули его промежность. В сознании появилось страшное предвидение.

— Я снова сдержал свое слово. Я ушел и забрал выкуп. И, как обещал, оставил тебе Полинью Стент. Меня не касается, что ты с ней сделаешь. Это все. Я ушел в такое время, где ты, думаю, не сможешь меня найти. У меня еще две девушки. Может, когда-нибудь я их верну. А до этого дня... Прощайте все.

Еще один щелчок, и тишина. Богги молча включил фонарь, а Саймон повернул тело на спину. Теперь в свете фонаря они увидели простой, но эффективный кляп. Связанные руки прижаты к телу. Косметика, и что-то подложено под черной одеждой. Парик из белых волос, который спал во время предсмертной агонии, показав красивое лицо, глаза, смотрящие в смерть. И огромная рана в груди.

— Выключи, Богги. — Саймон говорил тихим тяжелым голосом. Магус по-прежнему выигрывает все партии. Четыре девушки уже мертвы, и две из них умерли в присутствии Саймона.

— Идем. Пошли за ним. Слишком велик счет в его пользу.

— Да. Но не волнуйся, Саймон. Прошлое — это прошлое. А мы пойдем за ним в будущее.

Глава 9. Будущее несовершенное

Снова то же самое ощущение. Огромный коготь ковыряется в мозге, разбрасывая серое вещество по всей галактике. Неловкая рука снова собирает обрывки, пытаясь сложить их в правильном порядке, связывая их друг с другом, пока результат не покажется подходящим.

Оба медленно приходили в себя от путешествия во времени. Используя торопливо собранное следящее устройство, они сумели нацелить его — по крайней мере они на это надеялись — в пределах нескольких ярдов и нескольких секунд от Магуса и его уменьшающейся группы.

Они в будущем. Это все, что они знали. Где и когда, понятия не имели. Может, завтра, а может, через миллиард лет. Самая страшная опасность для путешественника в будущее — либо Таркон стал новой звездой, распространяя вокруг абсолютное уничтожение, либо произошли какие-то катастрофические изменения в движении Райола. Они погибнут либо в невообразимо яркой вспышке, либо окажутся в космическом вакууме.

Саймон пришел в себя первым. Он сидел, прислоняясь спиной к огромному каменному монолиту. Богги лежал на спине в нескольких ярдах от него, мигая и растирая грудь.

— Клянусь пламенем ада! Я чувствую себя так, словно кто-то вырвал мои кишки и развесил по стенам. Эй, а это яркое место. Когда оно?

Саймон осмотрелся, чувствуя, что ноги еще недостаточно сильны, чтобы нести его. Если не считать огромный безглазый блок, поднимающийся над ним то ли на пятьсот ярдов, то ли на пять тысяч, ничего знакомого он не видел. Он видел еще несколько таких блоков, собранных вместе, как каменная роща. Но расстояние слишком велико, чтобы он мог судить.

Самой большой проблемой был цвет. Здания, если это здания, были серые. Тусклые и однообразные. Небо, которое мрачно нависало над головой, как одеяло из разлагающейся плоти, тоже серое. Земля, на которой они сидят, серая с коричневым оттенком, и ни

следа растительности, которая могла бы нарушить это монотонное единообразие.

— Не знаю, Богги. Что бы это ни было, это самое проклятое скучное место из всех, что я когда-либо видел. Думаю, это намного после нас. Скорее тысячи, чем сотни лет.

Богги со стоном встал и топнул, чтобы восстановить кровообращение. Он достал кольт, настроил на низкую мощность и выстрелил в землю у ног. Послышался знакомый треск разряда, и на мгновение земля расцвела.

— Ну, хоть бластер работает. Интересно, почему.

Саймон осмотрелся. Абсолютная серость вокруг вызывала галлюцинации. Не имея ориентиров, зрение утрачивало перспективу. Он мог видеть только группу зданий справа от них и как будто еще одну группу в нескольких милях слева.

— Если бы можно было войти в эту штуку, могли бы что-нибудь увидеть. Понять, что это такое.

Они внимательней осмотрели основание здания, надеясь найти вход. Наконец Саймон заметил небольшое отверстие примерно в шести футах от земли, достаточное, чтобы всунуть руку. В отверстии ничего не было, поэтому он решился всунуть в него пальцы. Отверстие внутри гладкое и холодное, и его пальцы нащупали и нажали на одной стороне небольшую кнопку. Без малейшего звука перед ними раскрылась дверь, которая раньше было совершенно не видна.

— Внутрь?

Саймон медлил всего секунду.

— Почему бы и нет?

Как только они вошли, над ними вспыхнул свет и дверь закрылась. Богарт в тревоге повернулся, но успокоился, заметив в центре двери кнопку. Чтобы удостовериться, он нажал ее, и дверь снова открылась, показав серый мир снаружи. Одновременно погас свет.

Чтобы он снова зажегся, Богги пришлось выйти и повторить всю процедуру, потому что не было способа зажечь свет внутри каменной плиты.

Помещение, в котором они оказались, было примерно тридцати футов в длину и пяти в ширину. Принимая во внимание огромные размеры здания, эта его часть казалась просто микроскопической. В одной стене ряды кнопок, на каждой какая-то надпись или номер на языке, который им неизвестен.

Саймон смотрел на кнопки, пытаясь использовать свои знания логики, чтобы определить их смысл. Он повернулся к Богги.

— Знаю, это звучит нелепо, но думаю, я понял, что это за комната. Это лифт.

— Тогда поднимемся в пентхаус. Мне хочется увидеть этот дивный новый мир сверху.

В этот момент осветилась одна из кнопок, и помещение начало подниматься с головокружительной скоростью. По очереди загорались другие кнопки ослепительным разнообразием цветов. Постепенно внутренности начали их догонять, потому что скорость лифта замедлилась.

— Восемьдесят четвертый этаж. Оставить здесь перчатки, обувь, видео и меланхолию, — произнес Богги елейным голосом, характерным для лучших лифтеров. В дальней стене открылась дверь, и они осторожно вышли. Когда она закрывалась, открылась дверь в другой стене, но Саймон и Богги этого не заметили.

Они оказались в длинном-длинном коридоре, таком узком, что через него с трудом пройдет широкоплечий человек. По обе стороны бесконечные небольшие двери, которые не поддавались попыткам их открыть. Богарт достал бластер, но Саймон покачал головой.

Они вместе пошли по коридору, в конце повернули и увидели еще один коридор, идущий под прямым углом к первому. Пол покрыт толстым слоем пыли, которую поднимают их шаги. Никаких звуков. Нет окон, чтобы можно было выглянуть. При их проходе зажигались и гасли огни.

И только когда они прошли по третьему коридору и повернули, готовые вернуться к началу, то увидели следы.

— Если бы мы знали, какой у них день, могли бы сказать, что это наш человек Четверг, или Пятница, или еще как-нибудь.

Услышав эти слова Саймона, Богги повернулся и посмотрел на него так, словно тот спятил.

— Что... О чем ты говоришь, Саймон? Что за человек Пятница?

— Всего лишь человек по имени Пятница. Я видел как-то книгу в собрании одного богача. Старика, которому я понравился, и он часто приглашал меня по самым невероятным делам. Я был тогда курсантом, но читал его книги. В одной из них рассказывалось о человеке, который попал на остров. Он считал, что на острове он

один. Однажды он нашел следы на песке и назвал парня, который их оставил, Пятницей. — Он увидел, что глаза Богги остекленели от скуки, и рассмеялся. — Неважно. Забудь. Пошли дальше. Ты следопыт. Сколько и когда?

— Это легко. Гном. Две одурманенные девушки. И хромой альбинос. Могло бы быть сто лет назад, но думаю, не больше часа назад.

Он подскочил, когда Саймон ударил кулаком по ладони.

— Конечно. Этот свет, который зажегся в лифте! Он был совсем не для нас. Магус вызвал лифт, чтобы спуститься. И когда мы вышли из одной двери, он зашел во вторую. Пошли. Они не могли уйти далеко.

Ступая по толстому слою пыли, они побежали к ближайшему лифту. Саймон заметил кнопку в стене и нажал ее. Над головой у них сразу загорелся свет, слегка меняя цвет. Пока они ждали, Богарт подошел к дальней стене и попытался открыть одну из бесконечного ряда дверей. У каждой двери только небольшое отверстие, которое не реагировало ни на какие манипуляции. Он сунул в отверстие ствол кольта.

Как при обратном движении гильотины, дверь поднялась вверх, за ней была комната.

— Саймон!

В этот момент лифт дошел до верха, и его дверь открылась. Саймон заглянул в нее, принюхался и отступил.

— Иди сюда, Саймон. Посмотри на это.

— Подожди минутку. В лифте пахнет потом. Свежим потом, если ты понимаешь, о чем я говорю. Кто-то в нем поднимался.

Богги посмотрел в обе стороны.

— Ну, ему понадобится время, чтобы добраться сюда. А мы будем его ждать. Посмотри на это место.

Комната представляла собой серый куб со стороной примерно в шесть футов. В центре хромированная лежанка с наручниками по углам, чтобы держать руки и ноги неподвижными. Еще одна такая петля должны удерживать голову. С одной стороны какой-то аппарат со множеством трубок и сосудов, трубки спускаются к тому месту, где должна находиться голова. А в том месте, где должны находиться ноги, желоб, заканчивающийся черным сливом.

Они в ужасе осмотрели эту комнату. Богарт прошептал то, что чувствовали оба.

— Тюрьма. Такая огромная? Этого не может быть. Но это для того, чтобы надежно удерживать человека. Трубки, должно быть, для кормления или подачи доз. А желоб...

Он слегка коснулся ее пальцами. И сразу по нему потекла бесцветная жидкость, с легким шипением уходя в слив.

— Смывать экскременты, Богги. Тюрьма. Или больница для душевнобольных? Что это?

— Это место такое большое, что в нем могут содержаться тысячи. Может, даже миллионы. А что если остальные башни такие же? Что тогда? Боже мой, Саймон. Давай убираться отсюда, оставим это место воспоминаниям и Магусу.

До этого упоминания альбиноса оба почти забыли о нем. Забыли о своих подозрениях, что кто-то этом этаже их ищет.

Сразу за этой комнатой угол. Саймон осторожно прошел вперед, лег на живот и выглянул. Насколько он мог видеть, серая поверхность была ничем не нарушена.

— Это означает, что он пошел другим путем. Давай просто посидим здесь в удобстве и подождем его.

Они так и поступили — хладнокровно, как будто стоят в очереди в столовой космического корабля. Оба держали кольты наготове и просто сидели и ждали. Богги пальцами сделал знак, спрашивая, как враг мог узнать, что они здесь наверху.

— Так же, как узнали мы. Следы на пыли, — тоже пальцами ответил Саймон. — Может, это не Магус и не карлик. Кто-нибудь из местных.

— Если они есть, — неслышно ответил Богги.

У обоих отличный слух, но противник был почти над ними, когда они услышали легкий шум движения. Легчайшее прикосновение ноги к пыли. Потом тишина. Богги изобразил человека, ложащегося, чтобы заглянуть за угол, как это делал Саймон. Рэк кивнул. Они легко встали.

Саймон вытянул руку влево, как сигнал к нападению. В совершенной координации они одновременно выпрыгнули за угол, держа кольты наготове. Но они не понадобились. Богарт буквально споткнулся о маленькую фигуру карлика Чинка, который притаился за углом, держа в руках смертоносный нож-вибратор.

Нападение было таким яростным и неожиданным, что карлик упал на спину, вибратор вылетел у него из рук и ударился о серую стену. Он крикнул от неожиданности и отчаяния, и этот крик

мгновенно оборвался после удара бластера Саймона по челюсти. Вылетели выбитые зубы, и глаза гнома закатились.

Слегка отдуваясь, Богарт встал.

— Ты только посмотри на размер этого ублюдка! Напоминает мне о случае, когда я пытался затащить в постель великаншу... где же это было? Мохаб Один. Она была почти на десять дюймов выше меня. Сложена, как шаттл с вмятинами. Я ей сказал: «Как насчет чего-то маленького?» Она быстро, как вспышка, ответила: «Привет, что-то маленькое» и ударила меня правым джабом в промежность. Потребовалось несколько дней, чтобы избавиться от боли, и несколько месяцев, чтобы забыть о позоре.

Пока он говорил, Саймон раздевал карлика, обнаружив целый арсенал. В повязках на главных суставах ножи, иглы и маленькие смертоносные вибраторы. Когда гном был обнажен, Саймон прощупал его волосы, а потом связал. Чинк по-прежнему не приходил в себя.

— Крепкий маленький ублюдок, верно? Только посмотри на эти мышцы. Но ты считаешь, что нам нужно его связывать? Бежать здесь некуда, и нас двое.

Саймон встал, закончив разбирать одежду карлика.

— Ничего. Никаких указаний на то, кто он и откуда явился. Ты слишком самоуверен, считая, что можно рискнуть, потому что он мал, обнажен, а у нас кольты. Помнишь коммандера Симмса и ребенка на Ферехе?

Богарт пнул не приходящего в себя карлика, пытаясь привести его в чувства. Если не считать дыхания из окровавленного рта, никаких признаков жизни не было.

— Симмс? Да, я почти год прослужил с ним. Отличный парень. Ферех? Не помню. Я не видел его с тех пор... ну, возникли вопросы в связи с несколькими вещами, которые пропали из его каюты, и он почему-то решил... ну, понимаешь?

Саймон улыбнулся. Он знал. Во всей Галактической службе безопасности был только один офицер с худшими, чем у Богарта, результатами подчинения и соблюдения правил. Он сам.

— Симмс был приятный человек. Отец четверых детей. Мы расчищали гнездо мятежников на Ферехе. Разновидность религиозных фанатиков. Большинство из них убили. Большая была операция. Мы с Симмсом нашли девочку. Не старше девяти лет. Станнеры разбили ей обе ноги, и в левой руке торчала игла замораживания. Левое плечо было выбито. Она не издавала ни

звука. Лежала, как мертвая, и только в глазах жизнь и ненависть.

Гном застонал, открыл глаза и посмотрел на стоявших над ним офицеров. Они не обратили на него внимания.

— Симмс ее пожалел. Вероятно, она напомнила ему его детей. Он осторожно ее поднял — у нее было легкое и хрупкое тело, как горстка костей, — и понес к врачам. Она положила голову ему на плечо, и я подумал, что ошибался.

Думая, что на него не смотрят, карлик начал проверять прочность своих уз, тянул так, что его мышцы вздымались буграми. Но перестал, когда Богги снова пнул его, на этот раз в ребра.

— Прости за помеху, Саймон. Продолжай.

— Да. И вот ее голова у него на плече, поврежденные ноги и рука бессильно свисают, и она прокусила Симмсу сонную артерию. У них там с самого раннего возраста заостряют зубы. Он умер, конечно.

— А девочка?

— Я сломал ей шею.

Богарт осторожно отошел от связанной фигуры, дергающейся в пыли.

— А что сделаем с этим? Убьем его, как он убил бедного старину Томаса?

— Может, если он скажет нам, где Магус, мы убьем его быстро и легко.

— Трахай себя в... ааааргх!

Проклятие прервал третий пинок, на этот раз в живот, и пинок сильный.

Богарт покачал головой.

— Какой дурной характер! И никакой культуры. Но он мог получить легко, а мог и трудно. Он выбрал трудное.

Гном хватал воздух, пытаясь вдохнуть. Из его побелевших губ лилась тонкая струйка рвоты. Бормоча что-то про себя, Богарт схватил его за связанные голени и, не обращая внимания на то, что голова Чинка билась о пол, потащил за угол в комнату, которую они осматривали. Быстро и точно, как опытный палач, он ударил рукоятью кольта по голове гнома, снова лишив его сознания.

— Проверь, готов ли лифт, Саймон. Я позабочусь об этом. Он у меня в долгу. Мне нравился Томас.

Саймон повернулся и через века пыли направился к лифту. Его дверь по-прежнему открыта. Он слышал за собой в коридоре

звуки защелкивающихся наручников, Богарт что-то довольно напевал. Потом несколько шлепков по обнаженному телу. Негромкое бормотание. Начало крика; крик прервала дверь, которую Богарт закрыл за собой, выйдя из комнаты. Звукоизоляция здесь совершенная.

Прежде чем подойти к Саймону, Богарт приставил ствол кольта к замку и выстрелил. Появилось облачко белого дыма.

— Вот так. На всякий случай.

Лифт начал спускаться, а Богарт довольно говорил:

— Отвратительный человек, этот Чинк. Думаю, теперь у него есть время подумать о своих грехах. Трубки похожи на устройство для кормления, так что я вставил их в вены у него на руках. Работает, как во сне! Говорю тебе, он совсем не был счастлив. Знал, что произойдет. У этой промывки первые несколько часов будет много работы. А вот наркотик я не стал давать. Пусть сознает, через что проходит.

Они спустились и вышли, держа бластеры наготове. Внизу никого не было. Снаружи освещение не изменилось. Хотя земля мягкая, они едва рассмотрели следы, ведущие к группе башен справа.

Они молча пошли по следам. Один раз Саймон остановился и посмотрел на молчаливую гробницу.

— Могут пройти годы и годы, прежде чем механизмы откажут.

— Точно. Мне следовало оставить ему бочонок амонтильядо.

Настала очередь Саймона удивиться.

— Что?

Богарт улыбнулся.

— Я тоже кое-что читал, Саймон. Отличная чистая больница, или тюрьма, или еще что-нибудь. О нем будут хорошо заботиться. Все лучшее для гнома. Он должен быть доволен тем, что я сделал. У него впереди долгая счастливая жизнь.

Глава 10. Ищем и прячемся

Поверхность становилась тверже и следы на ней исчезли, однако было очевидно, что Магус и две выжившие девушки направились к группе башен. Саймон и Богги подходили осторожно и были в нескольких сотнях шагов, когда свет исчез. Это было не

наступление ночи; скорее выключили гигантский рубильник, и вся поверхность планеты погрузилась в полную темноту.

Впрочем, не совсем полную. Когда зрение немного адаптировалось к перемене освещения, стало видно, что все здания окутаны слабым свечением.

— Радиация? Что-то с очень долгим периодом полураспада, уничтожившее здесь всю жизнь?

Саймон достал счетчик, стандартный в комплектации мундира ГСБ, и прочел показания. Игла слегка сдвинулась.

— Да. Сейчас ничего нет, но когда-то была очень сильная. Пошли. Нам достаточно освещения, чтобы видеть, и я сомневаюсь, чтобы белолицый видел, как мы идем. Он надеется на своего любимого убийцу.

Эти здания немного отличались от того, в котором они побывали. Хотя и в них не было окон, серую поверхность оживляли какие-то украшения. Двое неслышно шли к гигантским блокам, каждый во много тысяч футов высотой, искали хоть какие-нибудь признаки того, что их поиск близок к концу.

— Саймон!

Тихий голос из темноты, куда только что ушел Богарт.

Когда Саймон подошел к нему, Богги разглядывал переднюю, а может, заднюю часть одного из монолитных сооружений, осветив лучом фонарика резьбу.

— Посмотри. Как насчет этого? Думаю, Магус спрятался в нем. Если он видел эту резьбу, она должна была привлечь его, как планета притягивает космический мусор.

Ряды за рядами глубоко врезанных символов, края такие четкие и определенные, словно вырезаны несколько часов назад. Судя по тому, что они видели до сих пор, Райол в этом немыслимом будущем был планетой без вариантов в климате, с равно распределенными светом и темнотой. Планетой, господствующим цветом которой был серый. Мрачное будущее для человека.

Некоторые знаки на том же письме, что и в первой башне. Под первой надписью, очевидно, надписи на других алфавитах, и все алфавиты незнакомы. Во всей Федерации признанным общим языком был базовый английский, хотя на некоторых планетах фронтира бывали варианты.

Но внимание Богарта привлекла самая нижняя надпись. Аккуратная и четкая, похожая на компьютерную распечатку, она была на правильном английском языке. Луч фонарика превра-

тил слова в четкий барельеф. Богги, следуя по надписи лучом, негромко читал.

«Институт Записей. Информационный центр. Любые виды помощи — здесь».

Саймон покачал головой. В этом мире будущего много такого, что он не способен понять. Может, все ответы находятся внутри.

Может быть.

Дверь открылась так же, как в первом здании. Но в отличие от того места, здесь на полу не было пыли. Никаких признаков того, что Магус прячется за следующим углом, дожидаясь возможности размазать их мозги по стенам. Оба принесли в Институт записей песок на обуви, но он тут же исчез с блестящего пола, какой-то механизм его всосал. Играла негромкая музыка, и внутреннее помещение было ярко освещено.

— Получился бы прекрасный причальный отсек для звездного корабля, — заметил Богги. — Эй, помнишь коммандера Реддинга? Тот написал большую песню о причальных отсеках. Ему бы тут понравилось. Только посмотри на размер.

В голосе Богарта звучало удивление. Они много повидали на своем веку в галактике, но такого здания никогда не видели.

По примерной прикидке, его основание занимало с половину квадратной мили, и центральный зал находился на дне такого глубокого колодца, что взгляд на верхние этажи вызывал космическую болезнь. Паутиной из спутанных кристаллических линий свисали галереи. С пола можно было увидеть несколько помещений на самых нижних этажах. Саймон легко производил в уме вычисления — расчетно-космическая тригонометрия не под силу тугодумам, — но даже его поразило невероятное количество помещений. Может, сто тысяч. А может, даже миллион.

Богарт стоял перед массивным экраном, на котором были те же самые надписи, что вырезаны снаружи. Среди них строка на английском. В ней говорилось: «Задавая вопрос на этом языке, пожалуйста, нажмите кнопку с английском словом “ON” и говорите отчетливо. Здесь находится вся сумма знаний».

— Что? Что ты хочешь узнать?

Голос Саймона звучал тихо, он терялся, едва достигнув уха Богарта.

Вопрос удивил его спутника.

— Боже мой, Саймон! Что за вопрос. Посмотри, эта штука утверждает, что в ней сосредоточены все знания. Все, что произошло с нашего времен. Мы все можем узнать. Абсолютно все.

— Даже время и место собственной смерти, — негромко сказал Саймон. — Подумай об этом, прежде чем задавать такой вопрос. Помни, что сказал Томас об аномалиях. Узнаешь что-нибудь о своем непосредственном будущем и можешь узнать, что будущего вообще не станет.

Они стояли молча, ощущая на себе тяжесть тысячелетий. Наконец Богарт вздохнул.

— Пожалуй, ты прав, но мы можем кое-что узнать об этом месте. В каком мы времени и что случилось с людьми.

Саймон нажал кнопку с надписью "ON". Послышался ровный голос:

— Да? Каков ваш вопрос?

— Какой сейчас год?

Задержка была почти незаметна.

— Для ответа на этот вопрос недостаточно данных.

Богги рассмеялся.

— Что за бесполезная машина! Не знает даже, какой сегодня день. Эй, машина, а где все люди, которые жили на Райоле?

— Что означает слово «все»?

— Если я что ненавижу, так это умный компьютер. А может, просто глупый. Слушай, машина, есть ли кто-нибудь живой на этой вонючей планете?

— Здесь нет необычного запаха. Да, на планете есть живые люди.

— Сколько?

На этот раз задержка была заметней.

— Предполагаю, что вы имеете в виду живые гуманоидные существа и отвечаю соответственно. Их шесть.

— На всей планете?

Этот вопрос задал Богарт.

— Таков мой ответ.

— А когда умер последний человек?

— Для ответа на этот вопрос недостаточно данных.

Два человека переглянулись. Значит, Райол — мертвая планета. В их настоящем нет никаких признаков взрывного роста населения, однако эти больницы, или тюрьмы, или чем бы это ни было указывают на огромное население и на какую-то катастрофу, которая всех погубила.

Саймон попробовал снова.

— Каково было население в момент максимума?

— Для ответа на этот вопрос недостаточно данных.

— Почему умерли люди?

— Потому что перестали жить.

— О, какой он шут. Минутку. Может, мы сможем узнать, для чего предназначалось это здание? Тюрьма это или больница?

Самая длительная задержка: проверялись все базы данных. Затем:

— Ни одно из этих слов не находит достаточно материала для ответа. Ближайшее сочетание, которое я могу подобрать, «жизненный блок».

— То есть в этих клетках жили люди? В этих жизненных блоках? Все время?

Голос оставался неизменным.

— Да. За исключением контролеров, которым приходилось жить отдельно. Люди рождались, жили, умирали и подвергались рециклированию в жизненных блоках.

До Саймона и Богги постепенно доходил весь ужас слов машины.

— Они никогда не покидали свои комнаты? Свои жизненные блоки?

— Никогда. Только когда умирали.

Молчание.

Саймон протянул руку и нажал кнопку, обозначенную словом “OFF”, и экран погас. Саймон посмотрел на Богги и поморщился.

— Я рад, что родился тогда, а не сейчас. Должно быть, адское место было для жизни. Алеф со всем его перенаселением и в подметки не годится. Миллионы людей всю жизнь проводили в этих камерах, привязанные и одурманенные, они никогда не выходили. Боже Всемогущий! Богги, именно это христиане называли адом. Большой, большой ад. Неудивительно, что они все вымерли. За несколько поколений показатели по шкале Чакберга должны были упасть от девяноста до десяти. Они... Давай уйдем отсюда.

Богги с сожалением посмотрел на машину истории.

— Мы могли бы получить ответы на столько вопросов, Саймон. Почему они мирились с этим? Почему не прекратили? Когда это все кончилось, и куда мы пойдем сейчас?

— Есть только один способ ответить на эти вопросы. Когда будем возвращаться, вернись на несколько тысяч лет, и все узнаешь. Другого способа нет.

— Это будущее несовершенное, которое я как можно быстрее должен сделать будущим прошедшим. Давай оставим здесь белолицего с двумя шлюхами и вернемся. Он должен будет как-нибудь вернуться.

Саймон покачал головой.

— Слишком много крови, Богги. Мы должны как-то с этим покончить. Но сначала нужно его найти.

Богги щелкнул пальцами, вернулся к машине и включил ее.

— Слушай, ты, груда бесполезного мусора. Если ты так умна, где остальные живые люди на этой планете?

— Другие, кроме кого?

— Пламя... Определи для меня местопребывание всех людей.

— Это уже сделано.

Богги ждал продолжения, но машина молчала. Саймон рассмеялся, несмотря на всю нелепость и опасность их положения.

— Ты никогда не был хорош с компьютерами, правда, Богги? Давай я попробую.

— С удовольствием, и если она и тебе ответит так же, я прострелю ей брюхо.

— Хорошо. В этом здании два живых человека. Правильно?

— Нет.

— Сколько живых людей, включая меня, в этом здании?

— Пятеро.

Он ожидал такой ответ. Логично, что Магус привел с собой двух пленниц, как пришли сюда они. Он ждет где-то, ждет их. Ждет, чтобы узнать, выполнил ли Чинк свою работу.

— Где остальные три человека в этом здании, не считая тех двух, что сейчас перед тобой?

— Остальные трое в...

Взрыв прервал эти слова и сделал ответ ненужным. Жидкое пламя, охватившее всю поверхность машины, могло исходить только от одного человека. Луч был нацелен сверху вниз.

— Добро пожаловать в мир будущих мечтаний. Вы его никогда не покинете.

Еще один луч остановился в нескольких шагах от того места, где они прятались. Шепот, и затем Саймон и Богги разбежались в

противоположных направлениях, укрывшись под балконом первого этажа.

— Магус! Ты меня слышишь?

Откуда-то сверху они услышали знакомый ненавистный насмешливый голос.

— Я слышу тебя, коммандер. Значит, этот глупый Чинк с вами не справился?

— Нет, как ты заметил. Он сейчас занят созерцанием своего пупка. И будет это делать примерно следующие сорок лет.

Насмешка Богарта пробила завесу сдержанности альбиноса.

— Жирный Богарт, ты ублюдок!

— В моем случае это случайность рождения. Но ты, Магус, сделал себя сам.

Улыбаясь, Саймон молча аплодировал. Богги улыбнулся в ответ и поклонился. Они знали, что игра почти закончена, и большинство карт у них на руках.

— Рэк! Что ты можешь мне предложить?

— Ничего. Я намерен убить тебя, а как это произойдет, выбирать тебе. Мне наплевать на двух красоток, которые с тобой — если они еще живы. Мне нужен только ты. Либо я убью тебя здесь и сейчас, либо подожду, пока ты вернешься в настоящее, и убью тебя там.

— У меня есть и другие возможности, мой дорогой Саймон. Несколько возможностей.

— Слушаю.

За ним удивительная машина с невероятным запасом знаний и информации догорала, и несколько ее устройства продолжали бормотать. Слышались слова на сотнях языков, базы памяти постепенно гибли, оставляя только самые простые элементы. Огонь. Последнее, что сказала машина, вернее, то, что сумел расслышать Саймон, было произнесено по-английски. Что-то вроде имени «Дейзи».

— Я все еще могу выиграть. Ты забываешь, что, когда уйдешь отсюда, обратно вернуться не сможешь. Темпоральные устройства на Райоле для этого слишком ненадежны. Но все это место набито знаниями, которые когда-либо смогут мне понадобиться. Я могу подождать здесь, узнавая все тайны, а когда буду готов, вернусь на Райол, когда захочу, и победить меня будет невозможно.

Саймон видел одну возможность, но надеялся, что Магус о ней не подумает. В такой продвинутой цивилизации, как эта,

должно существовать оружие, которое они себе и представить не могут.

— А девушки?

— Мне они больше не нужны. И все равно не вижу возможности получить новый выкуп. Могу поделиться с тобой шуткой, Саймон. Эти фигуры никогда не были важны. Интерес в самой игре. И в неописуемом наслаждении от победы над тобой и превращения тебя в неудачника.

Через весь огромный зал Саймон видел, что Богги смотрит на него, ожидает какого-то указания, как выйти из тупика. Саймон посмотрел в сторону, не желая даже самому себе признаваться в невозможности найти выход.

— Саймон! Ты не можешь там красться целый день. Я согласен ждать. Но сделаю это легче для тебя. Если не можешь принять решение, вот то, что тебе поможет.

Оба увидели, что что-то падает с верхних этажей. Саймон на мгновение увидел девушку, умирающую в Пещерах Ночи, но этот предмет меньше. Тонкий и извивающийся, он падает, как змея, в неподвижном воздухе.

Предмет сбросили с такой высоты, что он достиг максимальной скорости, когда упал на пол почти точно на середине между ними. Сила удара разбила его на куски, но узнать можно было.

Это был пояс времени, такой же, как те, что у Саймона и Богарта.

Высоко сверху, с невидимых верхних этажей здания, они услышали смех. Начинался он тихо, каким-то бульканьем, но становился громче и громче. Все выше и тоньше. Отдаваясь эхом из коридора в коридор, словно кричал сам воздух.

— Это означает, что кто-то не вернется, — прошептал Богги через зал.

Верно. Невозможно представить себе, чтобы кто-нибудь вернулся с запасным поясом.

— А пояс Чинка?

— Прости, Саймон. Надо было прихватить его с собой. Я выстрелил в него из кольта.

Это значит, что кто-то не вернется. Либо по выбору, либо погибнув, кто-то из пяти проведет остаток его — или ее — жизни в этом стерильном будущем.

Как круглый жук, Богги перекатился к Саймону. Выстрелов не было. Посредине зала обломки пояса уже поглощались и исчезали.

Прежде чем Богги смог заговорил, послышался новый треск, и часть стены слева от них исчезла во взрыве.

— Саймон. Мы как-то должны до него добраться. Если он бросит еще один пояс, одна из девушек не вернется. Или один из нас.

Рэк осмотрелся в поисках выхода. Никаких лестниц, нет практичного способа, чтобы подняться к альбиносу. Пожалуй, потребуется большая часть дня, чтобы добраться до него.

— Здесь должны быть лифты, — сказал Саймон. — Он туда поднялся, значит, и мы сможем. Слушай, опасность в том, что он может проскользнуть мимо нас. Оставайся здесь, а я поднимусь наверх и постараюсь гнать его вниз, к тебе.

Богги открыл рот, собираясь спорить.

— Если у тебя есть план получше, говори сейчас. Нет? Тогда договорились. Убей его, если сможешь. Я иду наверх.

— Я должен оставаться здесь?

— Да. Немного подумав, ты поймешь, что так ты далеко внизу, что все равно что наверху. Пока.

Похлопав Богги по плечу, Саймон оставил его и, прячась в тени, пошел к лифту. На это не ушло много времени. Вдоль стены стояли примерно сорок лифтов, у каждого собственная небольшая контрольная панель. Под взглядом Богги Саймон прошел вдоль ряда, быстро стреляя в каждую панель, пока все они, кроме одной, стали бесполезными. Это даст Богги лучший шанс, если Магус попытается убежать.

Всегда существует возможность другого выхода. Или даже нескольких выходов. Но все эти здания как будто сооружены по принципу: одни вход — один выход. Если же нет... что ж, с этой трудностью придется справляться, когда она возникнет.

Лифт большой, с зеркальной стеной. Саймон бросил взгляд на свое отражение, что он делает очень редко. И собственная внешность его поразила. Грязь смешалась с потом на лице, и мундир на плече порван. Но глаза, которые смотрят с усталого напряженного лица, по-прежнему его собственные.

Он подмигнул, радуясь тому, что отражение ответило ему тем же.

Панель с кнопками простая. Просто цепочка чужих чисел, с маленькой надписью рядом с каждой. Он догадался, что когда-то здание одновременно использовалось как музей или художественная галерея, и здесь хранятся лучшие произведения искусства Райола.

Магус должен быть где-то на самом верху. Саймон был уверен в этом. Чтобы не рисковать, он нажал на кнопку самого верхнего этажа и ухватился за поручень, когда лифт неслышно устремился вверх. Привыкший к высоким *g*, он удивился давлению и скорости лифта.

Когда лифт наконец остановился, Саймон опустился на колени, чтобы прийти в себя и восстановить кровообращение. Дверь открылась, и он вдохнул сухой разреженный воздух. Едва он вышел и прошел к невысокой балюстраде, загорелись огни. Он посмотрел вниз.

Все равно что смотришь в невероятно длинный туннель, с полосами света, которые все слабеют и наконец совсем исчезают. Саймон знал, что где-то далеко внизу с кольтом в руке прячется Богги, наблюдая за выходом из лифта и ожидая сигнала, что Саймон идет за добычей.

Когда послышался голос Магуса, он звучал гораздо громче. Саймон рискнул бросить еще один взгляд в неизмеримую глубину, надеясь на возможность выстрелить сверху в голову альбиноса. Несколько этажей под ним были темные, но на одном, в семи, нет, в восьми этажах ниже есть свет. Они должны быть там.

— Саймон! Саймон Рэк! Если ты вскоре мне не ответишь, я попрошу одну из этих красавиц посмотреть, где ты там прячешься. Если, конечно, ты там внизу. Если же нет, с нетерпением жду встречи. Считаю до десяти. Ты меня слышишь?

В романе у Саймона была бы длинная веревка вокруг пояса, тонкая, но исключительно прочная, он зацепил бы ее за перила, спустился бы вниз и освободил девушек после возбуждающего полета.

— Четыре... пять... шесть... семь... восемь... девять... десять... Хорошо, Саймон. Кто это будет? Думаю, прекрасная Сильвия Уэллдон. Бедный папа Элгус. Как он будет плакать. Но закон и порядок сохранятся.

Крик прекратился, и Саймон слышал только негромкий голос. Вероятно, приказ вставать на балюстраду и лететь вниз, как Джен Харкен.

Саймон находился всего в двух этажах. Веревка не длинная и не прочная, ее хватает только на то, чтобы за один раз спуститься на один этаж, и он был благодарен за то, что нужно спускаться, а не подниматься. Очевидно, ступая на пол очередного этажа, он замыкал какой-то контакт. Он гадал, сколько лет прошло с тех пор,

как нога какого-нибудь гуманоида касалась пола этого безлюдного места. Однако техника все еще функционировала.

Саймон беззвучно приземлился на балюстраде всего в одном этаже над тем, где находились Магус и две его пленницы. Он в темноте, но этаж под ним ярко освещен. Видна тень фигуры. Или это две фигуры, стоящие рядом? Рука с длинными ногтями с оборванными краями легла на нарядные перила. Длинная нога в пыльной обуви перегнулась через перила.

Опуская канат в темноту, Саймон подумал, что было бы неплохо, если бы Богарт как-то отвлек Магуса. Именно это делает их такой отличной командой, думал он, и тут же выстрел снизу проник даже в одурманенное сознание Сильвии Уэллдон и заставил ее колебаться.

Саймон ударил ее в спину, отбросив на пол. Потом покатился, присел, направив кольт в сторону огней, и поискал Магуса. Альбинос, должно быть, увидел веревку или заподозрил ловушку и отступил в тень одной из бесчисленных комнат, выходящих на площадку.

Сильвия лежала там, куда упала, полузакрыв глаза, раскрыв рот; на ее пустом лице чувственная улыбка. Ее полные губы шевельнулись, она протянула руку и погладила Саймона по руке.

— Давно ли ты не был на горе Вермилион? — прошептала она, перенеся руку ему на бедро.

Несмотря на нелепость ситуации, Саймон понял, что возбуждается, и оттолкнул ее руку.

Он освещен и стоит спиной к пропасти, это опасно. А Магуса по-прежнему не видно. Где он?

Осторожно, словно идя по льду, он заглянул в одну комнату и посмотрел в коридор, в сторону лифтов. А вот и Магус! Раздраженно, как торопящаяся домой с грудой покупок домохозяйка, он хромает от двери к двери, нажимая на кнопки, пытаясь уйти с этажа.

— Они не работают, Магус, — крикнул Саймон. — Должно быть, профсоюз забастовал.

Альбинос повернулся; груда белых волос на его плечах взметнулась, как морская пена у гранитной скалы. Его красные глаза сверкнули, когда он увидел Саймона всего в трехстах футах от себя. Он по-прежнему держал в руке серебряную трость; он указал ею на преследователя, и драгоценные камни рукояти блеснули, словно в яростном водовороте.

— Подойди поближе, Саймон Рэк, и испытай силу моего гнева. Или оставайся на месте и умри. Сначала я отправлю на смерть последнюю девчонку, чтобы ты услышал ее крик.

— Нет, белолицый. Одна девушка со мной. Я помешал дочери Уэллдона покончить с собой. А где последняя?

Укрываясь за углом, Магус рассмеялся тонким дрожащим смехом.

— За тобой. Я рад, что ты избавил ее от последнего прыжка. Это облегчает задачу.

На мгновение Саймон подумал, какой новый дьявольский трюк придумал Магус, но это длилось всего мгновение.

— Сильвия и Линда. Мои дорогие. Прежде чем дать вам последнюю дозу, я даю вам возможность спастись. Убейте этого человека, и вы обе свободны!

Крик разнесся по всей площадке, отражаясь от стен.

Саймон оглянулся. Кроме этой открытой площадки, бежать некуда — только к Магусу и его пистолету. Девушка Уэллдон встала и медленно шла к Саймону, вытянув руки в бойцовской позе. А из темной двери одной из комнат, обнаженная по пояс, выходила последняя девушка. Злая и порочная Линда Сандалл. Ее черные волосы спутаны, они опускаются на стройную талию, слегка прикрывая груди. Светло-голубые глаза широко раскрыты от шока и больших доз скопа, которым последние дни кормил ее Магус. В ее правой руке маленький вибратор, его острое дрожащее лезвие направлено к нему.

Неспособный сдержать свое веселье, Магус дико расхохотался.

— Последняя игра часто бывает лучшей, не правда ли? Какая замечательная ирония. Они убьют тебя или заставят убить их. Тогда я убью того, кто останется, и покончу с твоей гориллой в подвале.

Снова смех заглушил его слова.

Саймон своим кольтом мог легко убить обеих девушек, но это принесет Магусу слишком большое удовлетворение. Если другого пути нет...

— Богги! Поднимись в лифте и присоединись к нам.

Откуда-то из глубины здания послышался ответный крик, внушивший уверенность Саймону. Если Богги сумеет быстро подняться, у Магуса неприятности. Он окажется между Саймоном и появившимся Богартом.

— Быстрее, вы обе! Быстро убейте его, и я вам дам дозу.

Двигаясь быстрее и, по-видимому, не замечая друг друга, последние две заложницы приближались к Саймону. Безоружная Сильвия не особенно опасна, и она доберется до него первой.

Он подождал, пока она была в нескольких футах от него, и жестко и быстро схватился с ней. Сильвия Уэллдон занималась со специалистами по самозащите и иногда забавляла своих пресыщенных друзей, избивая очередного любовника.

Она попыталась схватить его снизу, поворачиваясь на пятках, но скоп замедлил ее реакцию. Впрочем, это не имело значения. Саймон ударил ее плечом, правой рукой отразив ее правую руку. Его удар пришелся в слабую мышцу, и девушка закричала от неожиданной боли. Сила его удара сбила ее с ног, и она упала, размахивая руками, на подступающую Линду Сандалл. Более рослая девушка попыталась избежать столкновения, обеими руками оттолкнув ее.

В одной ее руке был вибратор.

Его прикосновение пришлось на дюйм ниже лопатки Сильвии. Вибратор разрезал одежду, кожу, мышцы и разрубил кость. В приступе боли Сильвия подскочила, как выброшенная на землю рыба, столкнула Линду и упала на нее.

Вибратор продолжал резать ее грудь, отбирая жизнь. Падение изменило угол касания, толкнув оружие ниже и глубже, так что оно разрезало верхнюю часть легких, превратив их в кровавые лохмотья, и наконец перерезало верхнюю часть сердца; фонтаном вырвалась артериальная кровь, разбрызгавшись по сверкающему полу.

Линда, которую неожиданный шок вырвал из-под власти Магуса, закричала. Но Саймон этого не знал. У него было слишком мало времени. Он увидел на погибшей девушке пояс времени и понял, что Магус хотел разбить его, когда тело упадет вниз.

Несколько быстрых шагов, и он рядом с кровавой картиной: темноволосая девушка пытается выбраться из-под дергающегося тела подруги. Даже в этот ужасный момент Саймон заметил, что соски Линды возбужденно торчат прямо из крови, покрывающей ее грудь.

Не прерывая движения, он пнул ее в подбородок, не думая о том, убил ее этим ударом или нет; он просто убрал неприятное препятствие на пути к Магусу. Голова ее откинулась, ударилась о пол, и девушка застыла.

Действуя быстро, он снял пояс с мертвой девушки и одел его на Линду, старательно избегая вибратора, который продол-

жал резать тело Сильвии Уэллдон. Очевидно, неисправная модель, мельком подумал он. Когда снимаешь палец с кнопки контроля, оружие должно остановиться. Его следует вернуть изготовителю. Кстати, отцу девушки. Вид этого тела по крайней мере не будет его расстраивать. Если прав Томас, тело будет лежать в этом пустом мире, пока время не найдет способ устранить ненужную аномалию, тогда оно просто перестанет существовать.

Работая, он через плечо наблюдал за Магусом, который перебрался в какое-то укрытие. Видимо, когда увидел, что произошло с его двумя последними маленькими трофеями.

На самом деле он услышал, как лифт пошел вниз за Богги. Время неожиданно больше не было на его стороне.

Богги печально посмотрел на сцену смерти и кровопролития.

— Вот как. Осталась одна из шести. Это не наша обычная норма. Все же одна шлюха лучше, чем ни одной.

— Скажешь это Стейси, ладно? Ты его увидишь раньше меня.

— Почему? Ты ведь не останешься здесь?

Саймон вздохнул. Он почувствовал сильную усталость. Но конец близок.

— Слушай. Я посылаю ее назад, и ты пойдешь с нею. Слишком долго все объяснять, и мне жаль, Богги, но все дерьмо обрушится на тебя.

Богги улыбнулся.

— Не в первый раз, партнер. Далеко не в первый раз. Ладно, я расскажу о том, что случилось, и позабочусь, чтобы лабораторию охраняли днем и ночью до твоего возвращения.

В его словах не было даже намека на «если», хотя оба понимали, какому риску подвергается Саймон, пытаясь покончить с альбиносом.

— Ты уверен, что мне не нужно сразу вернуться сюда?

Саймон покачал головой.

— Ладно, — согласился Богги. — Вот мой кольт, на случай если тебе понадобится запасной. Что-нибудь еще?

Свет на площадке как будто потускнел. Может, неожиданный взрыв энергии, которая очень давно не употреблялась в этом здании, отразился даже на самых совершенных механизмах, подумал Саймон и снова покачал головой.

— Ни о чем не могу думать. Будь осторожен. Я вернусь, как только смогу. Присмотри за этой мисс Одинокое Сердце. Бедная богатая девушка.

При этих словах Линда Сандалл открыла глаза и непонимающе посмотрела на два лица, склонившихся к ней. Она была в комнате с... с Брином Марном. Издевалась над ним. Потом пришли. Белолицый злой человек. Худой гигант и карлик, которые касались ее тела. Оба смеялись, проникая в ее тайные углубления. Был долгий путь. Тепло и сырость. Голубое небо. Серость. Чернота и ужас.

Она открыла рот, чтобы закричать, облегчить невыносимое напряжение, охватившее тело. Слезы потекли по ее лицу, соль резала раненый рот, смешиваясь с кровью из прикушенного языка. Ей хотелось только кричать и кричать, пока она не сможет больше, и тогда все это кончится.

Саймон ударил ее по лицу, снова лишив сознания. Осторожно протянул руку к ее поясу.

— Еще одну кричащую женщину я не выдержу. Для меня это слишком. Когда вернетесь, скажи, что я извиняюсь. Тебе пора отправляться.

Приборы на поясе девушки были настроены на возвращение, и после секундного колебания Богарт то же самое проделал со своим поясом. Он открыл рот, словно собирался заговорить, но передумал и только сжал руку Саймона. Девушка неожиданно исчезла. Рукопожатие длилось еще мгновение, и Богги тоже не стало.

Саймон остался один на площадке. Один во всем этом мертвом мире. Не считая карлика, который все равно что мертв.

И Магуса Ричарда де Геклина Лоренса, который по-прежнему может считать себя двадцать пятым бароном Мескарлом.

Саймон вздрогнул в тускнеющем свете, как будто кто-то прошел по его могиле.

Глава 11. Нет поражения, кроме поражения

Как он ни старался, Магус не мог справиться со своей хромой ногой, и, хотя свет тускнел, Саймону становилось легче следовать за негромкими неуверенными шагами в этом гигантском здании. И Магус не мог совсем погасить освещение. Куда бы он ни пошел, тут же вспыхивали огни, которые гасли, когда он уходил.

То же самое происходило с Саймоном, но для него это было по-другому. Он преследователь, а не преследуемый. Он удовлетворялся тем, что шел за альбиносом, утомляя его. Со своей превосходящей физической подготовкой он постепенно догонял Магуса. Этаж, на котором они находились, больше четырех городских кварталов, здесь множество поворотов, и комнаты полны углублениями и нишами. Но всегда вспыхивает свет и слышится прихрамывающий шаг.

Однажды Магус побежал к единственному работающему лифту, но остановился, увидев, что на перекрестке его терпеливо ждет Саймон.

— Послушай, Магус, ты не можешь убегать вечно. Света скоро не будет, и тебе придется остановиться и попытаться спрятаться. Но я хорошо вижу в темноте, а ты меня совсем не видишь. С твоими маленькими розовыми слабыми глазами. Я сожму тебе голову так, что глаза выпятятся из нее. И тогда мы на какое-то время прекратим. Ты кое-что выиграл, и я тоже. Ты меня слышишь, Магус? Я могу почувствовать крысу в этом склепе. Я иду к тебе, Магус.

Подсознательно Саймон понизил голос в зловещей пародии на охотника в детской игре: чем ближе к добыче, чем тише тот говорит. Теперь он так близко, что слышит рваное дыхание противника.

— Я слышу тебя. Проигравший платит за все, Магус. Почему бы тебе не покончить с собой, как сделал твой отец? Бог свидетель, он был злодей, Магус, но по крайней мере его можно было уважать. Он не трусливый калека, который прячется в тени и пытает беззащитных девушек. Он прыгнул, когда бежать было некуда. Почему бы тебе не последовать его примеру?

В глубине души он молился всем богам, чтобы Магус не лишил его мести. Он хотел почувствовать эту тощую шею под пальцами. Лишить дыхания этот живой труп и тем заплатить многолетний долг. Он испытывал отвратительное наслаждение при мысли, что сможет отобрать жизнь Магуса, глядя при этом в его глаза и видя в них страх.

— Рэк! Мне надоело бежать. Сумерки мне нравятся, но я не выношу мысли о полной темноте. Ты должен прийти и попытаться взять меня. Это будет нелегко.

— Ты можешь всегда вернуться в настоящее и принять свое наказание.

Ответ он использовал для того, чтобы подобраться поближе к тому месту, откуда слышался голос, вблизи центра куполообразной комнаты. В каждой такой комнате стояло много предметов в витринах, но у него не было времени смотреть и дивиться. А все, что он видел, превосходило любое воображение.

— Наказание? Нет, Саймон, я не желаю становиться обвиняемым на суде Федерации. Нет, мой отец в этом отношении был прав, да гниет его душа в том аду, где он сейчас. Чтобы мое сознание «лечили»? Это нужное слово? Нет. Это должны быть ты и я, Саймон.

У Магуса есть пистолет. Хотя он хотел испытать удовольствие и лично убить Магуса, Саймон профессионал и не позволит желанию крови подавить заботу о безопасности. Если нужно идти за Магусом до самой смерти, он это сделает.

— Ты всегда можешь рискнуть путешествием в прошлое. Уйти еще дальше.

Смех искренний, без следа безумия, звучавшего в этом здании раньше. Казалось, за прошедшие долгие часы Магус изменился.

— Саймон, неужели ты никогда не становишься? Я не хуже тебя понимаю риск встречи со своим двойником. У меня нет желания провести остаток вечности в каком-нибудь безымянном аду. Нет! Тебе следует больше стараться и добиваться лучшего. Прошлое и настоящее — вот два набора на панели, которые я не хочу трогать.

Смутно, как сквозь густой туман, Саймон теперь видел альбиноса, видел копну поразительных серебряных волос, ярких на сумеречном фоне, на верхнем конце тела в черном бархате.

Он напрягал зрение, пытаясь понять, что делает Магус. Тот как будто смотрит на контрольную панель своего пояса. Саймон подумал о выстреле с такого расстояния. Но загадку решил сам Магус.

— Я слышу тебя, Рэк.

Он сдвинулся с центра, совершенно исчезнув из вида.

— Ты говорил с хронологом?

— Прежде чем ты его убил — да.

— Нет. Его убил Чинк. Он был слишком горяч.

— Сейчас у него есть время, чтобы охладиться. Долгое, долгое время.

— Это хорошо. Там, под трубками, достаточно места. Не будем говорить о нем. А хронолог говорил тебя, зачем этот четвертый набор?

Саймон откинулся на четвереньках, размял плечи. Четвертый набор! Если посмотреть на панель как на обычный компас, с четырех сторон расположены наборы кнопок. На севере те, которые нужно нажать, чтобы вернуться в настоящее время на Райоле, где его ждет Богарт. И другие.

Восток — это будущее, и именно туда указывает серебряная стрелка. Аналогично запад — это прошлое.

А юг?

— Не трогай его, если остается хоть одна открытая дверь. Я знаю, что он должен что-то сделать, но никто не вернулся, чтобы рассказать об этом.

Это были одни из последних слов, которые сказал им Дэв Томас, прежде чем они устремились в жаркое прошлое. Теперь для Магуса все двери закрыты, но знает ли он, что за этим набором, и рискнет ли попробовать?

— Я всегда выживаю, Саймон. Разве ты еще не заметил этого? Ты мне не ответил, значит, какой-то смысл в этом наборе есть. Он не для того, чтобы соблюдать симметрию. Верно?

— Нажми и увидишь.

— Блеф, Саймон. Либо ты не знаешь, либо это выход. Я предпочитаю оба эти выбора сидению здесь и ожиданию, пока ты уничтожить мой превосходящий ум своим угнетающе превосходящим телом. Я ухожу, Саймон, на случай, если ты решишь следовать за мной со своим большим кольтом. Надеюсь, это прощание, но, возможно, только до свидания.

Рэк достаточно хорошо знал коварного альбиноса, чтобы не броситься к нему и нарваться на западню. Он спокойно сидел, ждал и слушал. Звуки дыхания прекратились, хотя он мог заглушить их одеждой. Нет звуков подтягивания хромой ноги. Ни вспышки серебра в полутьме. Есть только один способ проверить, не западня ли это, и он его использовал.

Магус исчез.

Саймон чувствовал себя отчаянно одиноким и едва не нажал кнопку, чтобы вернуться в знакомую лабораторию. Стейси спросит, умер ли Магус, и ему придется сказать правду. Он не знает.

Но есть способ узнать это. Пальцы медленно легли на набор на юге и нажали кнопку. Шесть секунд спустя умирающее здание до конца вечности осталось пустым.

* * *

Боль была почти невыносимой. Грудь готова разорваться, а глаза словно дрожат в глазницах. Ужасное мгновение, лежа на земле, он думал, что сошел с ума. Он не помнит, кто он, где находится и что должен сделать.

Потом, ахнув от боли, Саймон открыл глаза.

Белый мир. Земля, на которой он сидит, словно состоит их мелких кусочков минерала, которого он никогда не встречал; минерал холодный и чуть скользкий на ощупь. Небо белое, с отраженным от земли освещением, заставившим его мигать. Постепенно он привык к сиянию и смог осмотреться. И первым, что он увидел, был Магус, неподвижно лежащий в нескольких ярдах от него. Белые волосы смешались с землей, черный бархатный костюм кажется непристойным пятном в этой всеобщей чистоте.

Единственный мазок другого цвета — тонкий ручеек крови из его рта, бегущий по щеке цвета слоновой кости и исчезающий в пыли.

Саймон посмотрел на свои часы, но они остановились. Он покачал головой, пытаясь избавиться от шелковой паутины, окутывавшей сознание, и вернуться к нормальному функционированию. Долго ли он здесь находится? Где он? Все еще на Райоле? Если да, то прошлое это или будущее? Или какое-то ужасное альтернативное настоящее?

Он с трудом встал. Насколько можно видеть во всех направлениях, ничего нет. Только абсолютно плоская бесконечная белизна. Ни дерева, ни хоть маленького холма, чтобы нарушить эту монотонную картину. Только бесконечная равнина.

Идти оказалось трудно. Саймон подошел к альбиносу и прежде всего снял с пояса его пистолет. Немного подумав, снял и пояс времени, а трость с украшениями отбросил на несколько футов. Только теперь он проявил некоторый интерес к состоянию врага. Дыхание неглубокое и неровное, пульс частый и неровный, как у испуганной птицы. Магус как будто в состоянии глубокого шока.

Рэк глубоко вдохнул, пытаясь привести сознание, расплескавшееся по всему времени и пространству, в норму. Воздух чуть кисловатый, он такого никогда не знал. Он плюнул на белую пыль, чувствуя, как мокрота подступает к горлу. Начался припадок кашля, и Саймон согнулся от новой сильной боли.

Этот шум заставил Магуса шевельнуться и лечь на бок. Глаза его были по-прежнему закрыты, его вырвало, и желтая желчь повисла на подбородке. Он закашлялся, и его снова вырвало. С огромными усилиями он сел и опустил голову на руки. Осмотрелся и увидел Саймона. Тот стоял в нескольких шагах и смотрел на него с легкой улыбкой.

— Итак, Саймон. Ты так меня ненавидишь, что последовал за мной сюда. — Потирая глаза, он посмотрел на пустынную местность. — Чем бы это ни было. Боюсь, это темпоральный ад, из которого нет выхода.

Он неожиданно понял, что на нем нет пояса, и снова беспомощно закашлялся.

— Саймон, это нелепая трата времени. Мы должны объединить свои усилия, чтобы вернуться в нормальное время. Борьба окончена.

Напрасный жест, и оба это знали. Наконец на руках у Саймона все карты. У Магуса их нет ни одной. Единственный недостаток игры в том, что победы может оказаться недостаточно. Помня слова Томаса, Саймон очень сомневался, что он вообще сможет вернуться. Возможно, они навсегда останутся здесь. У Саймона возникло чувство, которое он не мог определить. Если бы ему сказали, что это ад за пределами природных законов, где человек не старится и не умирает, он бы легко поверил.

Магус попытался встать, но не смог.

— Моя трость.

Саймон не обратил на это внимания, равнодушно гладя на его попытки.

— Моя трость, Саймон.

— Она у меня.

— Дай ее мне. Дай мне, черт тебя побери!

Оттенок прежней ярости.

— Магус. Я попробую вернуться в настоящее. Не знаю, получится ли у меня, но попробую.

Магус сел, отказавшись от попыток. Кровь на его белом лице уже высыхала. Когда он заговорил, голос его звучал спокойно и холодно.

— Ты собираешься оставить меня здесь?

Саймон кивнул.

— Либо это, либо убить тебя. Почему-то мне кажется, что убить тебя я не смогу. Я сам удивлен, но не смогу.

— Ты заберешь пояс. — Это был не вопрос, а утверждение. — И оставишь меня здесь вечно гнить.

— Кажется, это лучшая идея, которая приходит мне в голову. Если я возьму тебя с собой, ты сможешь сбежать и снова начать свое проклятое зло. Нет, похоже, это лучший выход. Не думаю, чтобы даже ты смог выбраться отсюда.

Альбинос снова попытался встать и закончил тем, что стоял, согнувшись.

— Есть ли что-нибудь, что бы я...

— Ничего. Абсолютно ничего, Магус. Не вижу смысла ждать дольше. Это не такое место, которое я выбрал бы для отпуска. Хотя, если ты любишь тишину, возможно, это как раз такое место.

Магус попытался плюнуть в него, но его рот пересох, и этот жест оказался пустым и жалким.

— Никаких нравоучительных бесед на тему о том, что ты должен провести свои последние дни достойно, Магус. Ты знаешь, что натворил, и, наверно, догадывался, что настанет время, когда за все придется заплатить. Надеюсь, ты упокоишься с миром после моего ухода.

— Мне следовало уговорить отца убить тебя, Саймон Рэк, когда мы впервые встретились. Ты стал моим роком.

— Ну, в рассказе ты бы изобрел машину времени, вернулся в замок Фалькон, где мы встретились впервые, и убил бы меня тогда. Избавил бы себя от многих хлопот.

— Путешествия во времени! Когда я впервые услышал об исследованиях на Райоле, то подумал, что, возможно, именно это нужно мне, чтобы создать для себя новое яркое будущее.

В последующие мгновения молчания Саймон заметил, что во всем этом месте нет ни следа движения. Только беззвучная белая пустота. Сказанное слово исчезало, не оставляя даже легкого эха.

— Все твое будущее за тобой, Магус. А я ухожу. Прощай.

К своему легкому раздражению, Саймон обнаружил, что пальцы его дрожат, когда он поворачивал шкалу к настоящему. Мимо них медленно проходили секунды.

Альбинос в последний раз попытался встать; выглядел он как жалкий искалеченный черный паук. Подчиняясь порыву, Саймон бросил ему трость и увидел, как камни рассыпались по белой поверхности. Магус схватил трость и встал, его красные глаза не отрывались от Саймона.

Он открыл рот, как будто хотел что-то сказать, потом передумал и только поклонился.

Последнее, что увидел Саймон, прежде чем его подхватило время, была улыбка Магуса.

Потом все исчезло.

Глава 12. Беспокойное прощание

Саймон вернулся в Райол в настоящее время.

Его страдания были не такими сильными, как по время преследования Магуса в белый мир пустоты, но все же достаточно серьезными, чтобы на пять дней уложить его в госпиталь главной базы ГСБ. Первые три дня посетителей у него не было. Весь первый день он пролежал без сознания. На второй день ему стало лучше, но он напоминал трехмесячного ребенка. Он не мог контролировать функции организма, и его мыли и кормили санитары. Мужчины.

Он не знал, где находится. На третий день сознание в основном вернулось, но он не понимал, почему оказался в постели, не помнил, где был и что с ним происходило. Когда вечером на третий день к нему пришел полковник Стейси, Саймон его не узнал и не понял, о чем его спрашивают.

На следующий день утром к нему пришел Богги, и Саймон его узнал и смог кратко рассказать, что случилось, когда Богги исчез. В маленькой палате, полной хрупкими инструментами, Богарт выглядел неуклюжим и чувствовал себя неловко. Им обоим говорить было трудно, и оба обрадовались, когда пришел врач и сказал, что Богги пора уходить.

Первый отчет Саймон делал на следующий день, за ним последовало еще несколько встреч со Стейси и другими офицерами ГСБ, когда Саймон постепенно приходил в норму.

Разговоры были нелегкими. Мрачное предупреждение Стейси, что они не смогут его защитить, если дела пойдут плохо, было не совсем верным. Оба получат публичное порицание, чтобы смягчить рассерженных отцов погибших девушек. В их досье будет сделана соответствующая запись. И их предупредили, что в связи с тем, что они не могли спасти молодых женщин, у них нет надежды на повышение.

Помимо публичного осуждения, их ждали разговоры с начальством. Стейси обрадовался сообщению, что Магус больше никогда не появится; он был рад также тому, что удалось спасти хотя бы одну из красоток, которая сможет продолжать свою полезную деятельность на Дайроне.

Но полковник «посоветовал» им не принимать вознаграждение, предложенное Гердом Сандаллом за возвращение его дочери. Эти деньги пойдут в фонд вдов и сирот ГСБ.

Саймон спросил о перспективе путешествий во времени.

— С ними покончено. По крайней мере на следующие несколько лет. Томас не делал записи, и результаты его исследований погибли вместе с ним. Магус повредил важнейшие аппараты так, что их нельзя восстановить, и лаборатория вернулась к самому началу. Не могу сказать, что мне жаль.

Саймон обнаружил, что ему легко согласиться с такой оценкой.

Значит, все кончено. Один из величайших злодеев в известных галактиках навсегда исчез. Пять испорченных избалованных девушек не унаследуют богатство и власть отцов.

А как же те, что остались в живых? Например, Чинк, закрытый в сером кубе в далеком будущем.

Он умер. Наконец. Система жизнеобеспечения, к которой его подключил Богги, оказалась очень эффективной и держала его в живых почти два года. Оказавшись в полной тишине, гном через неделю сошел с ума, и можно сказать, что смерть стала для него избавлением. Но когда она к нему пришла, он ее даже не заметил.

А Линда Сандалл?

Последняя из девушек, которых похитил Магус, и единственная выжившая, провела месяц в частной дорогой клинике на Дайроне и вернулась к прежней жизни. Потребовалась также вакуумная операция, чтобы удались свидетельства обращения с ней Патрайка.

Модное общество Дайрона встретило ее как объект временного удивления и восхищения, но вскоре она поняла, что смерть остальных девушек запятнала ее. Она выжила там, где все умерли, и это сделало ее своего рода парией. Круг ее друзей и любовников начал сужаться. Скоп, которым потчевал ее Магус, тоже сказывался, и она начала все больше времени проводить со своими необычными домашними животными и все меньше с людьми. Ее лучшим

обществом стали свирепые хищники с других планет и кровожадные плотоядные рыбы с Сол Три.

Через шесть месяцев после похищения Линду Сандалл нашли мертвой в ее плавательном бассейне, в который она напустила рыб. Точнее, нашли то, что осталось от Линды Сандалл.

Потребовалось несколько дней, чтобы убрать пятна со стен бассейна. Как сказал один из ее остроумных друзей о ее одинокой смерти: «Похоже, Линда не согласилась с теми, кто ее съел».

Может, неоригинально, но вполне уместно.

Саймон и Богарт? Они заслужили долгий отпуск, и Стейси считал, что им стоит убраться с Дайрона и вообще из этой части галактики. Они получили четыре недели отпуска, которые провели каждый по-своему, истратив все отпускные.

Как часто бывало и раньше с их отпусками из ГСБ, пришлось прервать отдых, потому что стало известно о неприятностях в отдаленном углу в малоизвестной системе.

Но это, как говорится, другая история.

Остается Магус Ричард де Геклин Лоренс. Он остается навсегда в дальнем безнадежном углу вневременного ада, в котором нет ни вчера, ни завтра. Только постоянное и бесконечное сегодня.

Во время отпуска Саймон часто думал о Магусе. О том, как он ушел из запертой комнаты в замке Фалькон. И о том, как он улыбался, когда Саймон исчез.

Может быть, Рэк думал бы о нем еще больше, если бы ознакомился с документами, сохранившимися в архиве ГСБ после дела в замке несколько лет назад. Это были записки, дневники и журналы наблюдений, заполненные в основном непонятными шифрами.

Но на последней странице последнего журнала Магуса была запись, сделанная от руки по-английски чернилами своеобразного цвета — смесь меди с коричневым.

Надпись гласила: «Тем, кто верует, объяснения не нужны. А тем, кто не верует, объяснить невозможно».

Никакой подписи не было.

НОВЫЙ РАЙ

Глава 1. Не дай себя убить

Дежурство подходило к концу. Оно было до одури однообразным и от этого казалось длящимся целую вечность.

Он посмотрел на себя в зеркало, стоявшее на пульте управления. Так и есть, опять глаза стали красными. Лейтенант Богарт, представитель Галактической службы безопасности, заканчивал свое очередное дежурство и как всегда, от чрезмерного усердия, его глаза налились кровью, восприняв, очевидно, господствующий на этой планете цвет. Хотя климат на Крокусе был вполне сносным, ландшафты планеты вряд ли можно назвать привлекательными. Офис ГСБ находился на окраине поселка, а вернее на окраине городка ученых, за которым сразу же простиралась красно-оранжевая пустыня. Богарт прекрасно помнил, как начинал строиться этот поселок. Он тогда был направлен сюда для выбора места постройки этого офиса. Кто-то вверху решил заставить расположить их офис в этом болоте, которое изредка колыхали волны ученых споров и драк.

— Как дела, Саймон? Что новенького случилось за последние полчаса?

Его напарником, собеседником и командиром был коммандер Саймон Кеннеди Рэк.

Саймон внимательно посмотрел на показания приборов информационного пульта. Все было в норме. Он покачал головой, улыбнулся и только после этого ответил Богарту.

— Все в порядке...

И снова уставился на экран, просматривая последнюю информсводку на экране дисплея, сверяясь со своими записями в записной книжке.

Эта книжица, в тесненном сером переплете была хорошо известна в отделении и служила поводом постоянных анекдотов и издевок. Правда, никто лично Саймону об этом не говорил, а старался все выложить Богарту, отчего тому становилось не по себе. Хотя он и соглашался с тем, что записная книжка — анахронизм, но даже намеков не мог терпеть, что то же относится и к Саймону.

— Боджи ушел. Ну вот и отлично. Включи-ка запись беседы между ними и теми двумя агентами, которые были у него два часа назад.

Богарт сделал некоторые переключения на пульте.

— Только не спутай даты. Мне нужен сегодняшний разговор, — угрюмо напомнил Саймон. — Побыстрее!

Богарт удивленно вскинул брови. Такого тумана он давненько не слышал в речах своего шефа. Интересно, что его заинтересовало в том разговоре.

Наконец нужный код был набран, и Богарт включил динамик.

— Новый рай. Странный кодовый пароль, что вы хотите этим сказать, Саймон?

Но ответа не последовало. В динамике раздался голос информа, который давал сообщение о Крокусе, этом удивительном мирке, затерявшемся среда звездного мира Галактики. В этом сообщении приводились интересные данные об освоении этой планеты. Затем на несколько секунд воцарилась тишина, и компьютер начал транслировать основное сообщение.

Послышался шорох открывавшейся двери, и голос агента Боджи пригласил посетителя пройти в кабинет. Далее последовал малоинтересный разговор о взаимоотношениях в Институте. Это понял по скучающей физиономии шефа. Но вот Саймон напрягся и Богарт прислушался.

Начался разговор, который и его заинтересовал.

— Итак, как я понял, вы приступили к заключительной серии опытов. Похоже, что вы уверены в успехе?

— Да. Могу даже сказать, что кое-что у нас уж есть. Вы сможете убедиться в этом, если пойдете с нами. Наша фирма «Криогеникс» довольно удачлива. Все подробности вы смогли бы уточнить, находясь в нашем офисе.

Боджи задумался.

— Интересно, то же я там могу такого увидеть и услышать. Вряд ли у вас есть что-то такое, что могло бы заставить меня тащится к вам. И вообще, как вы могли такое скрыть от ГСБ... Неужели вам-таки удалось... О, этого не может быть!.. Это интересно!.. Если так, то, конечно, стоит обсудить кое-что там, где вы настаиваете... А может, все же мы сможем договориться здесь?

— Нет, это полностью исключено.

— Вы понимаете, в какое положение вы меня ставите? Если об этом пронюхают здесь, я буду иметь кучу неприятностей...

— Вам решать!

— Ну, хорошо...

— Мы не желаем вам неприятностей. Наоборот, вы увеличите свой капитал. *Ваш* капитал. Мы предлагаем вам *все*.

Наступила пауза.

Очевидно, Боджи никак не мог осмыслить всего того, что открывалось перед ним в случае согласия. А может, просто медлил в нерешительности. И такое могло быть. Во всяком случае он нервничал, и это его состояние выдавал нервный стук костяшек пальцев по панели управления.

Но вот снова раздался его голос:

— Хорошо... решим так. Я сейчас дам вам предварительное заключение по той информации, которую вы мне предоставили... А полностью и подробно я вам отвечу, когда ознакомлюсь со всем материалом... в вашей конторе.

Саймон раздраженно обернулся к Богарту и попросил быстрее дать изображение записи на экран монитора. Богарт пожал плечами и начал быстро манипулировать кнопками пульта управления компьютером. Наконец на экране возникло устойчивое изображение.

На экране возникла комната. К ним лицом стоял Боджи, разговаривая с двумя неизвестными, стоявшими спиной к зрителям.

— Ооо... одно могу сказать, — говорил в это время Боджи, внимательно рассматривая листы бумаги в своих руках, — вы имеете возможность совершить революцию в технологии, в корне изменив существование всего человечества в целом...

Гости кабинета Боджи переглянулись и сдержанно кивнули. Затем один из них произнес глухим голосом:

— Вы получите обещанную награду, но для этого вам придется посетить наш центральный офис. Да, мы настаиваем на этом!

— За миллион кредитов я готов поехать хоть к черту на кулички, не только на Юлию.

— Вот и отлично. Мы будем ждать вас у себя через неделю!

— Чем это у вас занимается Боджи? — внезапно раздался за спиной чей-то голос.

Богарт резко обернулся и увидел невысокого плотного человека, лицо которого было на удивление знакомо. Он тут же вспомнил, кто это такой. И в этом ему помог Саймон.

— Ты никак не можешь изменить себе, Франклин, ходишь неслышно, как привидение.

«Ба, да это точно Франклин Листон, сотрудник оперативного отдела», — подумал Богарт.

— У Боджи некоторое время назад была встреча с представителями «Криогеникс», — пояснил Саймон. — Мы записали эту встречу, и сейчас я хочу внимательно ее проанализировать...

Листон кивнул.

— Интересно, как они на него вышли? Похоже, они уже неоднократно встречались, если решились на непосредственную встречу в здании ГСБ! — Франклин при этом многозначительно хмыкнул.

— У вас что-то есть на Боджи? — Саймон внимательно уставился на оперативника.

— Кое-что, — кивнул Листон. — Видишь ли, мы уже около четырех лет наблюдаем за этой фирмой. Некоторое время назад она начала свою бурную деятельность и здесь на Крокусе. Думаю, «Новый рай» непосредственно связан с этой планетой. Ты понимаешь, что разработка супернейтронной теории интересует не только нас, но и такие суперфирмы, как эта «Криогеникс».

— Так ваш отдел занимается этой теорией? — изумленно воскликнул Саймон.

— Прошу тебя и вас, Богарт, оставить пока эту новость в тайне, — улыбнулся Листон. — Вас, наверное, удивляет, почему вы оказались в числе тех, кто знает этот секрет?.. Не торопитесь. Всему есть объяснение... Саймон, я попросил бы тебя после дежурства зайти ко мне и высказать свои соображения об этой встрече.

— Хорошо, — кивнул Рэк.

Богарт не успел заметить, как Листон исчез из кабинета. Он был одним из немногих, которым Саймон позволял свободно входить в свой рабочий кабинет, где сейчас находился Богарт.

Космос был одним из увлечений Боджи. Богарт прекрасно знал его по работе инструктором по мини перемещению в пространстве, так называемый специалист по прыжкам «кенгуру». Похоже было, что он на этой работе уже что-то около тринадцати лет.

— Шеф, — обратился к Саймону Богарт, — что происходит вокруг? Может быть, пару слов для пояснений?

— Понимаешь... — задумчиво произнес Саймон, — не думаю, что Боджи двойной агент, одновременно работающий на нас и на эту суперфирму. Но... что-то она стала в последнее время очень

активной. Судя по поступающим данным, они активно работают над проблемой переброски материальных тел в пространстве — времени, интенсивно разрабатывая супернейтронную теорию. В своем научном центре они собрали цвет научной мысли нашей цивилизации. Они широко вставят проблему, обещая переброску материальных тел в диапазоне миллиона парсек. А это практически вся Галактика в промежутке от начала образования до пятидесяти тысяч лет вперед. Причем они обещают такую возможность каждому желающему. Понимаешь, каждому желающему!!! Но при этом они не сворачивают другие свои работы. Делая особенный упор на исследования в области биологии. Мы многое знаем, разве только одно пока не открыто — это что такое комплексное исследование «РАЙ»... Целый отдел у них занимается этой проблемой. Недавно меня поставили в известность, что фирма получила в свое распоряжение синтезированные таблетки, продлевающие жизнь... не знаю, верить ли этому... Ученый, предложивший это вещество... забыл его имя...

Саймон уткнулся в свою записную книжку, листая страницы:

— Сейчас... Богарт...

— Так кто же, шеф?

— Так кто же, шеф?

— ...его зовут Абрахам Резен. А ну, постой. Выведи-ка еще раз встречу Боджи на экран. Да, да! Быстро!

Богарт сделал соответствующие переключения.

— Это же Резен! Точно он! Посмотри! — Палец Саймона указывал на одного человека, стоявшего спиной к наблюдателям.

Богарт с интересом стал рассматривать указанного человека.

Саймон уже отвернулся и начал что-то делать с клавиатурой пульта, очевидно, делая какие-то вычисления, не переставая в то же время говорить с Богартом:

— Ты все рассмотрел, Бог? Что-то нащупали, это точно! Но что надо этому Резену от Боджи? Этим стоит заняться! Интересно...

Богарт отметил про себя, что если шеф так взволновался этой встречей, значит, что-то связывает его с этим страшным Боджи. Ведь все, что сейчас говорит Саймон, это вне сомнения только часть правды. Кое-что он утаивает ото всех и от него, Богарта тоже, от него, своего помощника! Это больно ударяло по самолюбию, тем более он считал себя другом Саймона.

Саймон продолжал считать что-то на компьютере, время от времени отрываясь от экрана и заглядывая в свою записную книж-

ку. Богарту вспомнилась некая молодая девушка, которую он видел как-то вместе с Саймоном, одетую в недлинную зеленую тунику. Почему он думал о ней, Богарт не знал. Но что больше всего удивило его, так это открывшаяся дверь и возникновение на пороге этой самой девушки. Богарт стушевался. Но девушка, казалось, не заметила его. Прямо с порога она обратилась к Рэку.

— Коммандер, вам ничего не говорит имя сотрудника службы безопасности доктора Булмана?

Саймон отвернулся от экрана, улыбнулся и поздоровался:

— Привет, Спек, зачем тебе Булман? Кое-что я знаю про этого человека. Некоторое время он работал у нас техническим консультантом. Но это было... в общем, давно, мы как раз занимались ражей пылью с Тристана...

Богарт с интересом вслушивался в разговор. Определенно сегодня ему не везет на тайны. Похоже, начинается новый цикл их с Саймоном приключений. У него на это есть нюх! Эта девочка, Спек, что-то имеет на этого доктора, Булмана! Он внимательно посмотрел на девушку.

Но та даже вида не подала, что видит молодого человека. А Богарт должен был признать, что она действительно хороша! Среднего роста, отлично сложена, красива...

Его мысли прервал голос шефа.

— Богарт! А ну посмотрим, что у нее есть на Булмана в картотеке... в секторе номер четыре. Скорее всего, именно здесь мы можем найти кое-что найти из него. А зачем вам этот доктор, Спек?

— У нас всплыло его имя по делу об одном убийстве. Это очень запутанная история. Недавно мы обнаружили труп одного мужчины. Опознание показало, что это профессор Карпер. Последнее время он жил отшельником и поговаривали, что он сошел с ума. Ходили слухи, что он нашел какой-то способ сделать человечество счастливым. Так вот, мы обнаружили его труп далеко от его дома. Это первая странность в этом деле, хотя при вскрытии обнаружено, что умер он от обычного инсульта. Никаких признаков насильственной смерти! При тщательном обыске на его вилле было обнаружено, что кто-то опередил нас. Это дало косвенный повод, что все же произошло убийство. Что именно искали и что похитили, мы так и не смогли определить. Компьютера-привратника у профессора не было, внешне все на месте. К тому же, неизвестные провели обыск только в кабинете профессора. Все осталь-

ные помещения были не тронуты. Мы собрали все бумаги и отдали их на экспертизу. И получили очень лестные отзывы.

Он входил в ассоциацию изобретателей. Его последние работы говорят о нем как о человеке незаурядного ума, а один из экспертов отозвался о нем как о гениальном изобретателе микробытовой техники. В Ассоциации он был когда-то величиной, но потом отошел от дел после того, как умерла его жена и погиб сын. Понимаете, коммандер, в тайнике на вилле профессора мы обнаружили наброски какой-то формулы и кое-какие высказывания об использовании этого вещества. Если то правда, что он там писал, перед нами самый выдающийся человек в истории человечества!

— Сколько ему было лет?

— Он был глубоким стариком. Ему было девяносто три года. Но не думайте, что это был маразматик. Свое последнее изобретение он запатентовал всего пять месяцев назад...

— В его возрасте такого времени достаточно для того, чтобы превратиться в шизофреника!

— Но шизофреников не убивают! — упрямо повторила девушка.

— У нас нет гарантий, что это убийство... — пожал плечами Саймон.

— Да, это так. Но не будет же к сумасшедшему обращаться асс промышленного шпионажа Абрахам Резен!

Наступило гнетущее молчание. У Богарта от удивления отвисла челюсть, а Саймон сразу посерьезнел. На лбу его появились складки, а на виске запульсировала жилка. Он внимательно посмотрел на Богарта, а затем снова повернулся к девушке.

— Это оч-чень интересно!!! — и вполоборота повернул лицо к Богарту и резко произнес:

— Всю информацию об этом деле на мой монитор! Кто же в конце концов этот Резен?

Саймон только сейчас смог понять это чувство, которое охватило его при упоминании девушкой имени Булмана. Тут только он понял, что мостиком в завершающей логической цепочке послужило воспоминание о последнем скандале в Ассоциации, в связи с которым очень часто упоминалось имя Абрахама Резена.

Сейчас он вспомнил, что слышал об этом человеке. До сих пор до него как-то не доходили руки, но сейчас... да! Сейчас настало время вплотную заняться этим Резеном!

На экране монитора появилась информация семидневной давности.

Сначала промелькнуло сообщение о регистрации обнаружения трупа в парке у Малого Озера — уютного местечка отдыха ученых из местного федерального научного центра. Там любили проводить свое время отдыха многие из работников этого центра. Вместе с тем профессор жил на совершенно противоположном конце городка, в десятом квартале северной загородной зоны.

Затем на экране возникли скупые строчки доклада осмотра места происшествия.

Потом заключение медицинской экспертизы. Вслед этому — данные о научной деятельности профессора, включая перечисление всех его изобретений.

Здесь Саймон уменьшил скорость проецирования и стал внимательно изучать возникающую на экране информацию. Внезапно промелькнуло сообщение, которое насторожило его. В этом сообщении говорилось о том, что он работал над микростимулятором биоритмов человеческого организма. При использовании этого прибора свойства человеческого организма качественно должны были измениться. Какие — на этот счет существовали самые фантастические предположения.

Саймон набрал код спецпрограммы и ввел данные для синтез-программы. Компьютер заработал в максимальном режиме обработки данных. И наконец на экране возник результат, который ошеломил, поверг в смятение Рэка. На экране осветилась короткая строчка:

НОВЫЙ РАЙ

Некоторое время он молча уставился на экран дисплея, глядя в какую-то точку, никак не понимая, что выдал ему компьютер.

Только через минуту до него дошел смысл того, что светилось на экране. Лихорадочно заблестели глаза, на лбу выступили капли пота. Требовалось срочно что-то предпринять!

— Всю информацию по этому делу передать мне в отдел под личный шифр.

Богарт не преминул вставить вопрос:

— Что такое «новый рай»? Шеф?

— Я сам ничего не знаю в точности... Но по поступающим ко мне сведениям от некоторых наших агентов, фирмы «Криогеникс»

работает над проблемой, которая сделает ее самой могущественной среди фирм Федерации, а те, кто будет пользоваться ее услугами, станут «богами» — так расширятся возможности человеческого организма. И все эти работы в этом направлении зашифрованы аббревиатурой «Новый рай»!

— Шеф, а что вы думаете по поводу смерти этого профессора? Как она вписывается в это дело?

— Думаю, что его работа, последняя работа, чем-то очень заинтересовала контору Абрахама Резена. А он, как известно, имеет очень тесные контакты с «Криогеникс». Мы не будем мешать Боджи заработать свой миллион. Но нам потребуется внимательно проследить за всеми его контактами с этими людьми...

— Это будет весьма трудно выполнить, шеф. Он ведь наш сотрудник, хотя и не оперативник! Потребуется получить разрешение...

— Я даю тебе карт-бланш, парень! Думаю, это развяжет себе руки!

Богарт лишился дара речи, такого еще не бывало, чтобы шеф отдал свой карт-бланш. Он берег его как собственную жизнь, и Богарт еще ни разу не видел, чтобы он его использовал.

— Тебе известно имя Рафаила Стэффорда? Это тоже ученый, который работает в области, очень близкой с погибшим. Тебе придется встретиться с ним и поговорить. Возьми для разговора с ним копию записной книжки профессора и копию описания его смерти. Это должно будет помочь тебе в разговоре...

— Хорошо. Я узнаю адрес в информационном отделе.

— Значит, так, парень, ты должен иметь в виду, что этот Стэффорд пока единственный человек, который может помочь нам. Есть еще Абрахам Резен, но думаю, что он-то нам ничего не скажет. — Рэк улыбнулся.

Богарт вышел, направляясь в информцентр, а Саймон снова стал изучать материалы по убийству профессора. Теперь он не сомневался, что его убили. Чутье, а оно у него было развито в высшей степени и не раз подсказывало правильный выход из трудных обстоятельств, говорило за то, что профессор пал жертвой рук наемных убийц. Но следовало подождать, что принесет Богарт.

Зазвонил видеотелефон. Он нажал кнопку вызова, и на экране возникло лицо секретаря.

— К вам две женщины, коммандер. Артистка мисс Ангелина и ваша названная дочь... Вики Лауэр... Они настаивают на личной встрече с вами, сэр.

Перед мысленным взором Саймона медленно всплывало прошлое. Его неразделенная любовь к Сильвии... До сих пор при этой мысли у него болит сердце. О Боже! Вики могла стать его дочерью... Но провидению было угодно сделать по-другому. Красавец Лауэр стал на его пути к сердцу Сильвии. Он был энергичным молодым человеком и к тому же командиром космокрейсера. Вот это и решило его дело в пользу Лауэра. Но Саймон сохранил дружеские отношения с четой Лауэров, благо Джон стал в конце концов его другом. Саймон был искренне привязан к нему, но все же, где-то в глубине души он чувствовал... нет, не неприязнь, просто какое-то горькое чувство к Джону. Оно особенно усилилось, когда родилась Вики, и Рэк увидел, как Джон любит свою дочь. Но это и заставило Саймона еще глубже упрятать свое чувство. Порой казалось, что все в порядке, ничего нет, но иногда накатывало, и Саймон не желал видеть чету друзей. Но тут случилось несчастье. Трагедия гибели Сильвии и Джона заслонила все на свете. И он даже подумывал, а не уйти ли ему в отставку и удалиться на покой на какой-нибудь отдаленной планетке... И если бы не Богарт, он бы это сделал... определенно...

— Пусть войдут, — бросил он в трубку микрофона.

Сейчас Вики Лауэр была звезда экрана. Ей даже дали прозвище Звездная леди, поскольку она была хозяйкой приличного состояния в несколько миллионов кредитов и отлично водила собственную звездную яхту класса «Звездный клипер». Но это было только ее увлечением, а работала она телекомментатором, и Саймон почти ежедневно видел ее в видеотрансляциях.

Интересно, какое отношение они могут иметь к «Новому раю»? — подумал он и тут же вздрогнул от ощущения стыда. Стыда от того, что теперь готов каждого подозревать в причастности к этому делу.

— Привет, Саймон! — поздоровалась Вики, возникая на пороге кабинета.

— Привет, детка. Что это привело вас ко мне?

— Понимаешь, Саймон, с нами происходит что-то странное, — произнесла Ангелина после того, как Рэк предложил женщинам удобнее устраиваться в креслах для гостей. — Вот, посмотри. — И она протянула Саймону брелок с изображением двойной бесконечной спирали.

Саймон внимательно рассмотрел вещичку и пришел к выводу, что вполне возможно, это был не просто брелок, а какая-то хитрая штучка, напичканная микроэлектроникой.

— Кто вам ее дал? — спросил он у Вики.

— Вот об этом я и хочу рассказать тебе, Саймон. Полгода назад я участвовала в гонках на крейсерских яхтах и в последний момент вырвала победу у Карла ван Нумана. После этого было прекрасное сафари на одной из планет того сектора космоса. Вот на этом-то пикнике Карл и подарил мне этот брелок, предварительно объяснившись мне в любви. Сказав при этом, что талисман подарил ему его дед, великий кудесник и чародей техники Артур Карпер.

При этих словах у Саймона от волнения расширились зрачки, но больше он ничем не выдал своего волнения, а только медленно кивнул, сам в это время лихорадочно работая клавиатурой принтера, вводя в компьютер только что узнанное сообщение.

— Он надрался до чертиков и начал приставать ко мне. Я его отшила, и тогда он снял с себя этот брелок и подарил его мне. Он сказал мне буквально следующее: «Этот брелок — источник волшебной силы. Он мне помогал во многих гонках. Но сейчас ты обставила меня и поэтому он твой. Это самая большая ценность, что есть у меня. Поэтому она твоя, как и мое сердце».

Больше он ничего не сказал, так как заснул. Я взяла подарок. Он показался мне занятным. На следующее утро он был найден мертвым в своей постели. Говорят, его укусила панцирная крыса Рудольфа. Но я считаю, что его просто убили. Эти крысы водятся в глубине карстовых пещер этой планеты и никогда не выходят на поверхность. Очень страшная смерть...

С этого момента и начались мои приключения, от которых я настолько устала и так стала бояться этой штуковины, что, наверное, сойду с ума, если не избавлюсь от нее.

— Что тебя беспокоит, Вики?

— Начну с того, что меня уже дважды пытались изнасиловать и один раз убить за какие-то полгода. Стоит мне надеть этот брелок, как все мужчины начинают приставать ко мне. Они готовы разорвать меня на части.

— Но ведь это естественно, ты ведь звездная леди, дорогая. Ты сама знаешь, что такие эпитеты зря не даются. Ты до одури прекрасна и поэтому, мне кажется, что этот брелок здесь не при чем!

От смущения Вики покраснела, а Ангелина хмыкнула себе под нос что-то непонятное.

— Но это не все. Стоит мне разозлиться на кого-нибудь, как он тотчас же начинает испытывать какое-то тревожное чувство,

заставляющее его избегать моего общества. И вообще, всякие досадные мелочи. Например, я уже неоднократно меняла сенсорный замок в своей яхте. По какой-то причине он стал выходить из строя каждую неделю. Но самое удивительное то, что когда я сажусь за штурвал яхты, то как бы сливаюсь с ней, настолько у меня обостряется реакция и интуиция.

— Да, это действительно интересно. А кто же пытался тебя убить?

— Здесь вообще много непонятного. Я только вышла из яхты, как на меня напали двое, пытаясь сорвать с пояса брелок. Я уложила одного и схватилась со вторым, как раздался выстрел и этот второй свалился убитым наповал. Пуля попала ему прямо в лоб, пройдя рядом с моим ухом. Тут поднялась тревога. Больше выстрелов не было. Но стреляющих так и не нашли. К сожалению, первый бандит при падении свернул себе шею. Я раньше и представить себе не могла, что могу справиться с таким верзилой. В последнее время мне стала сниться странные сны-видения. Я стала слышать чьи-то голоса, звуки, которые не слышат другие люди. Я очень, очень устала, Саймон. Прошу тебя, забери брелок. Думаю, что его место как раз в твоей службе.

— Спасибо, Вики. Ты верно поступила, что пришла ко мне. Не бойся, мы не дадим тебя в обиду. Знаешь что, а не поехать ли тебе на Альцин? Там прекрасные курорты, и ты хорошо отдохнешь.

— Спасибо, Саймон. Ты просто наш ангел-хранитель.

— Ну что ж, до свиданья, дорогая.

Когда они вышли, он уселся за компьютер и включил синтез-программу. Компьютер дал стопроцентный прогноз причастности этого случая к проблеме «Новый рай». Это была уже закономерная удача. Тут он вспомнил, что так и не спросил у Спека о докторе Булмане. Но ничего. Богарт должен все выяснить. Он набрал код запроса и узнал, что Боджи взял билет до Юлии. Ну что ж, счастливой дороги в «Криогеникс».

Прошло два часа упорной работы и напряженного ожидания. Наконец пришел Богарт. Измученный и усталый. Он плюхнулся в кресло напротив Саймона и, тяжело переведя дух, достал пачку сигарет. Затянувшись, он улыбнулся и... продолжал молчать.

— Ну что узнал? — не выдержал Саймон. — Ты догадался связаться со Спекой и узнать что-нибудь об этом Булмане?

— Этот доктор исчез!

— Что?! А ну давай по порядку!

— Сразу же я отправился в информцентр, чтобы узнать, где живет Рафаил Стэффорд. Оказалось, что совсем близко от нашего центра. Позвонил. Но робот привратник ответил, что хозяина нет дома. Тогда я решил все же съездить туда и присмотреться к дому.

Вилла Стэффорда стояла в небольшой котловине. Наверное, это и повлияло на то, что она полностью утопала в зелени.

Уже на подъезде, прежде чем спуститься вниз, к дому, я внезапно заметил стоявший в укрытии под деревьями автомобиль. Так и есть! За домом следили! У вас отличное чутье, шеф! Заметив меня, они поспешили ретироваться. Я не успел заметить номер, а гнаться за ними просто не мог. Вы знаете, какие моторы стоят на автомобилях марки «Стар».

Пока я разглядывал дом, подъехал Стэффорд. Он вылез из машины с трудом, кряхтя и чертыхаясь, и я решил, что он много времени повел за рулем. Я вышел из кустов и предъявил хозяину удостоверение, поздоровался. Он очень удивился моему появлению. Я предложил пройти в его кабинет и там обо всем переговорить. Он принял мое предложение, и мы прошли на второй этаж его виллы. Стэффорд оказался словоохотливым стариком. Оказалось, что сейчас он живет один. Жена уехала к дочери на Землю, которая родила сразу трех внуков. А он немного задержался, так как заканчивает работу над биостимулятором подкорковой мозговой деятельности.

— И что же вас интересует, — наконец спросил он меня, когда мы обменялись представлением друг другу.

— Я к вам пришел по поводу убийства вашего друга, профессора Карпера.

— Что?! Его убили???

— К сожалению. Кроме того, оказалось, что за вашим домом установлено наблюдение!

— Кем?

— Пока не знаем...

— Кому мы могли помешать?

— Думаю, что не помешали, а наоборот, заинтересовали одну из мощных финансовых группировок.

— Но мы ни над чем таким не работаем, что могло бы их заинтересовать!

— Кстати, а над чем работал ваш друг в последнее время?

— Над чем... Постойте... Ах, да. Над микротранслятором энергии человеческого организма. Это должно было бы поддерживать организм в состоянии летаргического сна бесконечно долгое время.

— Вы хотите сказать, что тогда не нужен будет анабиоз?

— О Боже! Я и не подумал. Да это так! И не нужен будет анабиоз с его огромной аппаратурой.

— Тогда вы самим можете догадаться, кто заинтересован в смерти Карпера.

— «Криогеникс»?

— Вам виднее... А над чем вы работаете, проф? Ведь не даром же за вами установлено наблюдение!

— Вряд ли это им понадобится. Мой прибор настолько громоздкий, что его нельзя применять индивидуально. Это стационарная установка для лечения некоторых видов амнезии памяти.

— Так оно так, но вы были другом убитого и многое могли знать из его планов.

— Не так уж много, как это может казаться. Он держал самое важное в голове, до тех пор, пока не создал экспериментальную установку.

— Хорошо, но прошу вас, будьте осторожны.

— Спасибо за предупреждение. Я все пошлю к черту и завтра же уеду к своей старухе помогать ей смотреть внуков.

— Думаю, это будет отличным выходом из положения!

Я вышел из виллы и отправился в информцентр. Требовалось узнать адрес доктора Булмана. Затем я отправился повидаться с ним. Профессор жил в центре города, в одном из жилых кварталов, расположенных вблизи научного центра. Дома его не оказалось. Дверь была распахнута. В комнатах беспорядок. Я вызвал наряд полиции и сообщил в нашу службу.

— Ну что ж, спасибо. А теперь настало время и мне кое-что рассказать и показать тебе.

Саймон вытащил брелок и протянул его Богарту.

— Брелок как брелок, — пожал плечами тот. — Ничего особенного.

— Ты ошибаешься. Это один из важных приборов, который когда-либо разрабатывало человечество!

И Саймон рассказал все, что ему стала известно об этом брелке.

— Если это так, то за такой прибор «Криогеникс» отдаст любую сумму денег, — покачал головой Богарт.

— Не только за прибор. Сам по себе прибор ничего не стоит. Необходимо определить, как он включается в жизнедеятельность человеческого организма и что они может.

— Но ведь профессор погиб!

— Да. Но ведь «Криогеникс» по-прежнему орудует!

— Что? Шеф, неужели вы хотите сказать, что нужно проникнуть в это осиновое гнездо?

— Другого выхода просто нет.

— Но вас же отлично знают в их спецотделе! Они вас просто прихлопнут!

— Парень, от волнения ты обо всем забыл. Неделька у наших врачей, и никто на свете меня не узнает. Сейчас как раз они набирают группу экспериментального поиска. Вот я и буду одним из этих добровольцев.

Лицо Богарта стало серьезным.

— Будьте осторожны, шеф. Не дайте убить себя.

Глава 2. Миссия заканчивается — миссия начинается

Утро. Зета Грейс пришла на работу как обычно раньше всех. Она работала репортером уголовной хроники и одновременно уборщицей помещений. Закончив уборку холла и коридора, она прошла к себе на рабочее место и принялась внимательно изучать утренний номер газеты. На второй полосе ей бросилась в глаза заметка о происшествии, случившемся с Колонел Спеки. Эта женщина попала под колеса машины, которой управляла Рут Гиранд.

Рут пыталась было убежать с места происшествия, но ее остановил дорожный патруль. Когда ее спросили, почему она пытается убежать, она ответила, что пребывает в шоке и просто не отвечает свои поступки.

— Следовало бы с ней переговорить, — пробормотала Зета и покачала головой. Не часто женщина наезжает на женщину, даже если она в шоке...

Собраться было минутным делом и еще несколько минут на дорогу к полицейскому участку.

Здесь она увидела офицера ГСБ, замначальника спецотдела Богарта, который разговаривал с дежурным офицером участка. Дождавшись, когда Богарт уйдет, Зета попросила дежурного разрешить ей встречу с Рут Гиранд. Офицер долго отнекивался, но под напором Зеты ему пришлось все же сдаться, давая согласия только на десять минут.

Рут находилась в следственном изоляторе, дожидаясь перевода в тюрьму на Эвересте, спутнике Крокуса. Здесь находилась тюрьма, в которой содержались преступники всего этого сектора Галактики.

Пройдя в сопровождении сержанта извилистыми коридорами, она через несколько минут оказалась перед стеклянной дверью изолятора. Сержант вставил в компьютерный замок свою личную карточку сотрудника полиции, и тут же двери разошлись, открывая взору Зеты небольшую камеру с женщиной, сидящей на кровати и повернувшей лицо в сторону гостей.

Это была щуплая невзрачная женщина, напоминающая собой невзрачную девушку-подростка. Ее затравленный взгляд бегал по камере, не в силах остановиться на прибывших. Забившись в самый угол камеры, она отвернулась и почему-то начала всхлипывать.

— Кто вас так запугал? — поинтересовалась Зета, усевшись на стол, находящийся здесь же в камере.

Рут вздрогнула, но не повернулась к ней и ничего не ответила.

— Меня зовут Зета Грейс. Я репортер уголовной хроники городской газеты. Прошу вас, дорогая, не надо меня бояться!

— Что вам от меня надо? — не поворачивая головы спросила Рут.

— Мне просто по профессии хотелось бы узнать мотивы такого странного поступка... — очень осторожно произнесла Зета.

— Это произошло случайно, я не имела никакого желания убивать эту женщину... Хотя эта женщина и говорила о совершенно случайном стечении обстоятельств, ее поведение настораживало. Нервный голос (правда, это вполне объяснимо), затравленный взгляд и этот странный страх говорили совершенно о другом. За долгие года своей работы в качестве уголовного репортера Зета научилась кое в чем разбираться. Она задала еще несколько вопросов, но Рут не ответила на них, продолжая всхлипывать в углу ка-

меры. Поняв, что так ничего и не добьется, Зета вышла из камеры. И направилась опять к дежурному. Там она узнала адрес, где раньше проживала Рут. Записав его в блокнот памяти ее наручных часов, Зета решила навестить пострадавшую. Удивившись, когда узнала, что Спеки в здании ГСБ, она тем не менее решила все же попытать счастья.

Но, как она и надеялась, даже репортерское удостоверение не помогло. Но Зета не привыкла отчаиваться и даже в самых безвыходных ситуациях она продолжала исполнять обязанности хорошего репортера. Прислонившись к стволу развесистой буки — древовидного папоротника — она начала обдумывать сложившуюся ситуацию. Тут она вспомнила, что у нее нет адреса потерпевшей — Колонел Спеки.

Надо было идти в информаторий — вот и первый шаг в этом деле!

После короткого ожидания компьютер выдал ей местожительство Стеки.

— Коммандер, куда это вы спешите? — окликнул Саймона знакомый голос Анжелики. — Вы не знаете, где я могу видеть господина Стэффорда?

— Час назад он был у себя дома. По крайней мере так мне сказал Богарт.

— А зачем он вам нужен? — поинтересовался он, подходя к автомобилю, в котором сидели женщины.

— Мне посоветовали обратиться к нему, как к специалисту по биоэлектронике. Один ваш коллега... как там его... а! Его зовут Боджи, знаете такого?

— Как вы сказали? — у Саймона перехватило дыхание от волнения.

— Его зовут Боджи!

Саймон лихорадочно обдумывал полученную информацию. Похоже, дело тут гораздо сложнее, чем можно было подумать с первого ознакомления с ним. А чем черт не шутит, если этот Стэффорд работал в паре с Карпером?

Уже сидя в машине, он твердо уверился, что эти двое работали вместе. Ну что ж, придется заняться ими! Он пропускал мимо ушей болтовню двух женщин, думая о том, что все же связывало столь непохожих людей, как Стэффорд и Карпер...

Внезапно с ним что-то произошло. Действительно, он внезапно почувствовал в себе перемену, которую никак не мог качественно изменить. Но вместе тем, он стал яснее мыслить и четче соображать. Одного случайного взгляда в зеркало заднего обзора было ему достаточно, чтобы выделить из многочисленного потока машин ту, которая вела за ними слежку.

— Серый «Конти» на второй полосе, — сказал он Вики.

Та поняла его с полуслова, кивнула и нажала на педаль газа. Потребовалось полчаса бешенной гонки, чтобы избавиться от «хвоста».

Когда это произошло, все облегченно вздохнули и Анжелика рассмеялась:

— Нашей Вики кто-то профессионально интересуется. Уж очень умело нас опекали! Интересно, кто у них сидел за рулем, ха-ха-ха...

Вики свернула в тихий переулок и остановилась возле дверей двухэтажного коттеджа.

— Прошу меня простить, но мне надо выходить, — обернулась к Саймону Анжелика. — Прошу вас, дорогой, когда у вас будет время, загляните ко мне на огонек, я буду очень рада вашему приходу.

— Хорошо, Анжелика, — кивнул Саймон. — Как-нибудь зайду.

Он пересел на переднее сиденье и внимательно посмотрел на Вики. Та недоуменно пожала плечами в ответ на такое поведение Саймона, но ничего не сказала.

— Если ты не против, то я предложил бы немного покататься по кольцевой, — кивнул, глядя ей в глаза, Саймон. — Там и поговорим.

Вики плавно тронула машину и свернула на ближайшую радиальную трассу, выходящую на кольцевую дорогу. Когда они оказались на этой магистрали, Вики включила автопилот и откинулась на спинку сиденья.

— Я слушаю тебя, Саймон. Что ты хотел у меня выяснить?

— Меня в первую очередь интересуют подробности в изменениях ощущений, которые ты испытывала, когда у тебя был этот брелок. Понимаешь, мне кажется, что у меня начинается... Это, конечно, возможно, чепуха, но... начинается странная... В общем, перестройка организма... но что именно, я пока что не знаю... Скажи, у тебя были подобные ощущения?

Я тебе уже говорила, что у меня постоянно были какие-то видения и ощущения довольно неприятные. Потом начались стран-

ные галлюцинации. Изредка возникал беспричинный страх. Но особенно меня мучили приступы тоски. Особенно сильными они были, когда я вспомнила своих родителей...

— А как сейчас ты себя чувствуешь?

— Отлично. Все прошло. Ни страха, ни ностальгии. Я вполне нормально реагирую на все, даже если вспоминаю о смерти папы и мамы... ну, ты понимаешь, что я имею в виду, когда говорю о смерти.

— Странно, — задумчиво произнес Саймон. — Ничего подобного со мной не происходит. Пока... — он засмеялся. — Но в тоже время я чувствую какие-то странные превращения. Я это чувствую, но сознательно уловить не могу. Впрочем, оставим это. Лучше расскажи мне, когда ты впервые почувствовала за собой слежку.

— С того самого момента, когда увидела, что Карл убит, а это я сразу же как-то поняла. С того самого момента я начала постоянно чувствовать на своей спине чей-то пристальный злобный взгляд.

— А что ты чувствуешь сейчас? — с усмешкой спросил Саймон.

— Твою любовь, дорогой, — рассеялась Вики. — Я чувствую, что ты любишь меня как свою родную дочь. Я знала это давно, но сейчас... да, именно сейчас чувствую это.

Саймон удивленно бросил взгляд на девушку. Выходит, что брелок действительно способен совершать удивительные действия. Значит, из всего сказанного Вики можно сделать вывод, что это прибор, который усиливает эмоциональные ощущения человека, который усиливает его реакции.

— Как ты считаешь, почему эта женщина решила убить Спеки? По-моему, ее зовут, да... Рут Гиранд...

— Откуда ты знаешь, что на Спеки совершено нападение? — резко повернулся Саймон.

— Из передачи по радио. В последних новостях все подробно передавали.

— Понимаешь, здесь много странного, но мне кажется, что все дело в том, что она начала заниматься делами, связанными с «Криогеникс», — произнес Саймон, доставая из кармана брелок.

— Думаю, нам надо сейчас заехать к Анжелике, — внезапно произнес Саймон.

— Что это ты? — удивилась Вики, но Саймон как бы отключился, вперив пристальный взгляд на дорогу. Через мгновение он пришел в себя.

— Просто, — произнес он, — но мне кажется, что нам надо бы срочно заехать к Анжелике.

Через несколько минут они были возле ее дома, где жила Вики. Оставив машину возле дома, они вышли на улицу. Саймон профессионально огляделся по сторонам, ничего подозрительного не было. Пройдя пару шагов ко входной двери, он внезапно почувствовал странный запах. Потом резким движением отбросил Вики себе за спину, выхватил пистолет и направил в сторону темных окон виллы. Все было тихо. Он начал медленно идти вперед. Калитка была открыта. Он толкнул ее ногой, и она полностью распахнулась. Махнув рукой, приглашая следом за собой Вики, он осторожно начал красться по дороге в дом. На пороге остановился и прислушался. Затем одним рывком открыл дверь. В доме на втором этаже скулила собака. Сейчас уже Вики почувствовала странный горьковатый запах.

— Тирунал, будь осторожна, — прошептал он, не оборачиваясь. — Уходи!

Достав таблетку универсального противоядия, он проглотил ее, не переступая порог дома. Затем наступила очередь специальных очков и фильтров в нос. И только после этого он вступил в дом. На втором этаже, он знал это, была спальня женщин, и кроме того, там скулила собака. Путь его лежал туда. Вбежав в спальню, он увидел лежащую на кровати Анжелику. Лицо ее уже покрылось кровяными пятнами, характерными при отравлении этим газом. Да, все было кончено. Поздно. Он распахнул окна спальни и, опустившись на первый этаж, сделал то же самое и здесь. В столовой на полу он обнаружил остатки двух ампул. Через пять минут он вышел на улицу и позвонил Вики. По его лицу она поняла сразу, что произошло что-то страшное.

— Что???

— Анжелика. Ее уже больше нет...

— Что произошло?

— Тирунал! Я вызвал наряд ГСБ. Сейчас они приедут...

И действительно, через пару минут они были на месте происшествия. Выслушав объяснения Саймона, они вошли в дом, выне-

сли труп Анжелики, уложили в машину и уехали, оставив следователя с помощником заниматься следственной работой.

Вики держалась молодцом. Однако ту бурю чувств, которая бушевала в ней, выдавали сильно сжатые скулы и два ручейка слез, беспрерывно катившихся по щекам. Видя такое, Саймон прижал ее к себе, поцеловал в лоб и сказал:

— Крепись, девочка, теперь нас осталось только двое. Клянусь тебе памятью твоей матери, что я найду этих подонков, и правосудие свершится!

Вики перестала плакать, но шмыгать носом еще продолжала.

— Пойдем наверх, — сказала она через минуту. — У меня чертовски раскалывается голова. Надо выпить таблетку...

Они вошли в дом. Было слышно, как на втором этаже инспектор расхаживает по спальне Анжелики. Оставив Вики сидящей на кухне, Саймон поднялся наверх. Следователь был знаком ему еще по курсантской школе — Джозеф Крон, трудяга и тугодум.

И первый вопрос, который он задал Саймону, был о том, что он делает в этом доме.

— Здесь живет моя приемная дочь... у своей подружки.

— Ага.

— Что-нибудь выяснил? Она ведь всего только час как приехала сюда. Видишь ли, мы виделись с ней час назад...

— Это очень важно, что ты сказал, — перебил Саймона инспектор. — Убийца или убийцы ничего не тронули в доме. Однако труп несколько раз переворачивали, словно для тщательного обыска, что они искали?..

— Вот это. — Саймон протянул полицейскому брелок. — Но об этом ты должен молчать, ибо я веду по этому поводу следствие.

— Тогда тебе и это дело надо передать, — быстро среагировал Джозеф Крон.

— Нет уж! Ты должен будешь сделать вид, что ведешь следствие, и чем дольше его затянешь, тем лучше. Так будет лучше для дела. А с твоим начальством мы все уладим.

— Будет выполнено, коммандер! — шутливо пробурчал Крон. И повернувшись, вышел из комнаты. Саймон внимательно осмотрел спальню Анжелики, а затем тоже спустился на кухню. Вики уже немного пришла в себя. Саймон налил в бокалы две порции виски и, подвигая одну девушке, предложил:

— Пусть она попадет в рай, бедная девочка.

— Почему они убили ее? Не понимаю, — прошептала Вики, не обращая внимания на выпивку. — И кто это мог сделать в нашем заплесневевшем от тоски мирке???

— Да, странно. Вот уже года три здесь ничего подобного не было. Странно... А ведь это идея, крошка! Богарта на связь! — бросил он в микрофон, вмонтированный в наручные часы.

— Богарт на связи, — послышался тихий голос. Проверь всех прибывших на планету в течение месяца, немедленно!

— Слушаюсь, шеф.

— Саймон, ты так и не ответил на мой вопрос, — посмотрела на него Вики. — Ты наверняка догадываешься! скажи!

— Понимаешь, дорогая, можно сколько угодно догадываться, но не иметь веских доказательств. Но скорее всего, виной всему этот брелок. Кто-то желает завладеть им. Вот только кто? Скорее всего, «Криогеникс». Но уверенным быть нельзя, так как мы очень мало знаем об этом деле. Послушай, я сейчас уйду в управление, а ты оставайся дома. Вот тебе пистолет, но учти, его использование только в крайнем случае. Поменяй шифр замка... и держись!

— Можешь воспользоваться моей машиной.

— Спасибо.

Саймон открыл дверку, сел за панель управления и включил двигатель.

Внезапно за спиной раздался голос:

— Не торопитесь, коммандер, иначе я пристрелю вас.

Зета Грейс смотрела на витрину магазина готового платья. Там демонстрировались малейшие модели этого сезона. Но пока она могла только любоваться ими. Настолько недоступны были ей их цены. Зета остановила такси и назвала адрес, полученный в информцентре. Такси ехало недолго и вскоре остановилось в центральном жилом районе. Действительно, за последнее время научный центр настолько оброс вспомогательными зданиями, что превратился в современный индустриальный центр средних размеров. Теперь население городка перевалило за 250 тысяч человек.

Поднимаясь в лифте на седьмой этаж, Зета с интересом думала, как ее встретит Колонел Спеки. Вполне возможно, что ее здесь ждет такая же неудача, как и с Рут Гиранд, и тогда ей вообще нечего будет написать. Но почему-то Зета думала, что именно сейчас ей должно повезти.

Эти был старый дом, не имевший наружного компьютера. Только двери каждой квартиры имели переговорные устройства. Это были самые дешевые квартиры в городе. Лифт остановился, и Зет вышла из него, сразу же оказавшись перед квартирой номер 114. Это было то, что нужно! Нажав кнопку звонка, она постаралась унять волнение.

— Кто там? — послышалось из динамика.

— Это Зета Грейс из «Утренних новостей». Могу ли я поговорить с вами?

— Хорошо, входите.

Щелкнул замок, и дверь распахнулась. На пороге стояла девушка в бледно-розовой тунике с роботом-телохранителем сбоку. «Надо же, — отметила про себя Зета, — робот же по последней модели!». По приглашению хозяйки она прошла в комнату и присела на одно из коконных кресел, составляющих обстановку квартиры.

— Так что же вас заинтересовало во мне? — поинтересовалась Колонел Спеки, усаживаясь напротив девушки и с интересом посматривая на нее.

Я хотела бы узнать, почему они решили убить вас! — сразу же решила приступить к делу Зета.

— Вы занимаетесь криминалистикой?

— Я репортер уголовной хроники. — Зета показала удостоверение.

Спеки внимательно осмотрела его и вернула обратно.

— Это долгая история. Поэтому-то давайте-ка я приготовлю чай и бисквиты, согласны? — усмехнулась Спеки.

Она вышла на кухню, а Зета начала внимательно изучать комнату, в которой находилась. Это было просторное помещение, разделенное функциональной мебелью на несколько участков. Здесь был и мягкий уголок с низеньким столиком и свисающей с потолка ночной лампой. Был книжный шкаф на всю стену. Возле него стоял стол, заваленный газетами и книгами.

Открылась дверь, вошла Спеки с подносом, на котором стоял чайник и вазочки с вареньем и бисквитами.

— Прошу вас, Зета, садитесь сюда, — предложила Спеки, усаживаясь возле низенького столика.

Первый же глоток чая, и у Зеты закружилась голова от удовольствия. Такого прекрасного напитка ей еще не доводилось пить. Оставив чашечку на столе, она обратилась к Спеки:

— Откуда это у вас такой прекрасный чай? Вы уж извините меня, но я никак не могу справиться с собой!

— Немного этого чая дал мне мой дядя. Он выращивает его у себя на ферме, расположенной в южном полушарии. Это гибридный сорт, который он сам вывел. Я очень люблю этот напиток, хотя если честно, то не прочь иногда выпить шампанское или легкий джин. Кстати, не хотите? У меня неплохой выбор шампанского.

— Не надо, Спеки. Я ведь пришла совсем за другим, и шампанское нам только помешает.

— Так что же вы хотите услышать?

— Мне почему-то кажется, что нападение на вас отнюдь не случайно. Я уже видела Рут Гиранд, и по ее поведению могу сказать, что она очень сильно чем-то напугана.

Наступила тишина. Спеки откинулась на спинку кресла и задумалась. Через некоторое время она сказала:

— Похоже, что вы правы, Зета. А я ведь даже не подумала об этой стороне дела. Понимаете, перед этим происшествием у меня была довольно странная встреча с одним типом. Вот о ней я, пожалуй, и расскажу вам.

Я только вернулась с ночного дежурства. Я работаю во вспомогательном корпусе ГСБ, обслуживая сразу несколько отделов. Так вот, позвонил по видеотелефону какой-то мужчина и представился агентом одной из страховых компаний. Он сказал, что хотел бы встретиться со мной по вопросу заключения страхования моей будущей машины. Я очень удивилась тому, что ему стало известно о том, что я собираюсь покупать себе новую машину.

Я даже напрямую спросила его об этом. Он улыбнулся и ответил, что это его небольшая профессиональная тайна. Мы говорили о том о сем, и постепенно разговор наш и перешел на тему моей работы, и я с удивлением, опять-таки про себя, отметила, что он знает о моей работе намного больше, чем следовало бы простому агенту по страхованию. Заметив мое удивление, он сказал, что ему порекомендовал обратиться к ней их общий знакомый Боджи. Я невольно вздрогнула при этом имени, так как этого сластолюбца просто не перевариваю.

После некоторого раздумья он прямо предложил мне сотрудничество с фирмой, которую он представляет. На мой во-

прос как это все будет выглядеть, он ответил, что их будет интересовать определенного рода информация, которая может попасть в поле зрения по роду моей деятельности. Я засмеялась и спросила его:

— Разве вам не известно, что мы даем подписку о неразглашении служебной тайны?

— Но гонорар, который мы вам можем предложить, будет стоить этого!

— Мне кажется, Боджи ошибся, когда рекомендовал вам меня!

— Я это тоже понял из нашего разговора.

— Вот и отлично. А теперь я прошу вас оставить меня. Я после ночного дежурства и хотела бы отдохнуть.

— Не смею больше вас задерживать. Однако еще раз прошу вас подумать над моим предложением.

Он ушел, а я, приняв душ, легла спать. Проснулась поздно. Выпив кофе, я отправилась немного поработать в информаторий. В ГСБ как раз проходила операция «Сигма» и все компьютеры были задействованы. Не было ни единого свободного выхода на информаторий. При переходе через улицу Звездопроходчиков я чуть было не попала под машину, которой управляла женщина. Только благодаря своей реакции я уцелела. Вот и все...

— А вы не боитесь, что это не первое покушение? Что они все же доберутся до вас.

— На такой случай у меня есть вот это, — и Спеки достала из кармана небольшой пистолет.

— Но это может не помочь. От всего не убережешься!

— Я не одна. Меня прикрывают друзья!

— Это очень хорошо, когда есть друзья. А этот посетитель не говорил, какую фирму он представляет?

— К сожалению нет. Очевидно, только после получения моего согласия, я узнала бы, с кем имела дело.

Допив последний глоток из чашки, Зета поставила ее на столик и сказала:

— Благодарю вас, Спеки. Вы позволите мне воспользоваться тем, что рассказали, для газеты?

— Конечно, позволяю.

— Тогда я, пожалуй, пойду. Большое спасибо за чай. Он у вас превосходный.

— Постойте, я сейчас, — усмехнулась Спеки, бросившись на кухню.

Через несколько мгновений она вышла оттуда, держа в руке небольшую пластмассовую коробочку. Протянув ее Зете, Спеки быстро вытолкала репортершу за двери. Недоуменно, Зета раскрыла подарок и увидела так понравившийся ей чай. Она повернулась и хотела было что-то сказать, поблагодарить хозяйку, но дверь уже оказалась закрыта. Зета стояла на лифтовой площадке с коробочкой в руках. Положив ее в сумочку, она вызвала лифт и спустилась на первый этаж. Информация, которую она получила в этом доме, стоили того, чтобы и дальше заниматься этим делом. Такого еще на Крокусе не было — чтобы убийцы могли безнаказанно совершать свое грязное дело.

Она заторопилась к себе домой. Проходя мимо остановки такси, она увидела пустую машину и скучающего таксиста. Встретившись глазами с Зетой, он ловко распахнул перед ней дверцу машины. Она села на переднее сиденье и закрыла дверцу. Машина медленно тронулась с места.

— Вам куда, мэм?

— Пожалуйста, в Центральный парк.

— Домчим с ветерком!

Зета никак не могла избавиться от чувства тревоги, которое охватило ее, как только она вышла из подъезда дома Спеки. Какой-то подсознательный страх закрался к ней в душу.

Даже веселый таксист с физиономией плута не мог успокоить ее страхи. Она подозрительно на него посмотрела. Но он продолжал без умолку болтать и вести машину. Улыбнувшись ей в ответ, когда она посмотрела на него, парень протянул руку и попытался погладить ее по колену. Но она тут же отбросила ее. Таксист рассмеялся, свои попытки прекратил, но продолжал болтать и насвистывать. Вдруг из-за поворота выскочила машина и рванулась навстречу им. При подъезде к ним она круто развернулась и только отличная реакция таксиста, нажавшего на тормоза, спасла их от столкновения. Зета по инерции уткнулась носом в переднюю панель, отчего из носа у нее тот час закапала кровь. И в этот момент раздались выстрелы — один, второй, еще один. Первая пуля прошла мимо, зацепив только волосы на макушке, а вторая попала водителю в висок, отчего его череп разнесло на куски.

Труп начал валиться на нее. Из раны на голове фонтаном лилась кровь, заливая кабину и Зету. Она начала с ужасом кричать, совершенно не в силах остановиться. Вместе своим подсознанием,

каким-то его краем, той частью, которая не поддалась панике, она контролировала обстановку. Нападавшая машина стояла перед такси и сидевшие в ней двое мужчин, очевидно, были ошеломлены тем, что покушение не удалось. Зета превозмогла тошноту, рывком открыла дверцу и вытолкала труп шофера наружу. Затем снова перебралась на его место.

Машина рванулась вперед, на крутом вираже обогнула преследователей и понеслась дальше. Это длилось мгновение, и нападавшие не успели прийти еще в себя.

Зета понимала, что она влипла в какую-то скверную историю и что ее живой не должны выпустить. Но если ей суждено сейчас умереть, то она просто обязана утянуть на тот свет как можно больше подонков. Ей даже начала нравиться создавшаяся ситуация. Ну что ж, за все надо платить! Она резко повернула руль, разворачивая машину. И на большой скорости начала приближаться к нападавшим. Те наконец пришли в себя и бросились наутек. Погоня! Она отлично понимала, что если незнакомцам удастся вырваться на круговую трассу, она их не достанет. Пришлось включить сирену, и теперь окрестные кварталы огласились бешеным ревом несущихся автомобилей. Зета лихорадочно начала искать на панели управления кнопку включения форсажа. Ей об этом похвалялся водитель такси, предлагая прокатиться с «ветерком». Наконец она отыскала ее, и двигатель взревел как бешеный зверь, заглушая своим ревом вой сирены. Расстояние начало быстро сокращаться. Это отлично поняли сидевшие в первой машине. Раздались выстрелы и пули начали высвечивать узоры на лобовом стекле машины Зеты. Только чудом ни одна из них не задела девушку.

Но уже через мгновение она начала обходить убийц. Мелькнул бок их машины, и она резко повернула руль вправо. Раздался резкий удар, в глазах что-то ярко вспыхнуло, и тьма накрыла ее сознание.

Она очнулась от того, что что-то щекотало ей в носу. С опозданием она поняла, что это ее собственные волосы, раздуваемые ветром, который проникал в кабину через разбитое переднее стекло машины. Послышался вой полицейской сирены. Зета попыталась приподняться. И увидела приближающуюся машину полиции. Но закружилась голова, и она откинулась опять на спинку сиденья. Но через мгновение она все же нашла у себя силы, чтобы вылезти из машины и... она опять потеряла сознание.

Пришла в себя Зета от того, что кто-то осторожно касался ее щеки. Она открыла глаза. Над ней склонился человек в полицейской форме.

— Мэм, вы можете говорить?

— Да, — прошептала она.

— Вы помните, что здесь произошло?

Перед Зетой в сознании промелькнули события, предшествующие столкновению. Она закрыла глаза и прошептала:

— Да...

В это время она услышала гул двигателя снижающегося санитарного вертолета, который был наверняка вызван полицейским нарядом. Она видела, как из него выскочили два санитара и врач.

Врач наклонился над ней и глаза его округлились от увиденной картины.

— О Боже! Сколько крови! — прошептал он.

Услышав это, Зета криво усмехнулась, но сохранить самообладание не удалось — резкая боль в груди заставила ее громко застонать.

Но она все же заставила себя произнести:

— Вы ошибаетесь, док. В основном это не моя кровь, а бедняги таксиста, которого эти подонки убили.

Все это она сказала не открывая глаз. Услышав, что она что-то шепчет, полицейский наклонился к ее рту ухом.

Услышав, что она сказала, он так и не выпрямляясь, представился:

— Лейтенант Фрэнк Лукс, патрульная служба, мэм. Вы можете мне рассказать, что здесь произошло?

— Что с моей машиной, лейтенант?

— Которая ваша?

— Такси...

— Она взорвалась и сгорела, мэм, как, впрочем, и та, что внизу, на обочине.

— А что с теми, кто был в ней?

— Два изуродованных трупа.

Зета открыла глаза. В это мгновение санитары начали осторожно снимать с нее одежду, пропитанную кровью. А врач принялся осматривать голову и грудь. Лейтенант отвернулся, чтобы не смущать ее своим присутствием. Через четверть часа врач закончил оказывать первую помощь.

— Вы удачно отделались, мэм, — произнес он. — У вас вывих ключицы и перелом основания носа. Кроме того небольшое сотрясение мозга и перелом двух ребер. Вот и все. Считайте, что вам повезло. Месяц в госпитале — и вы будете как и прежде совершать акробатические трюки.

— Как вас зовут, мэм, — начал опрос лейтенант.

— Я Зета Грейс, репортер уголовной хроники в газете.

— То-то мне сразу показалось, что ваше лицо мне знакомо.

— Лейтенант, мне необходимо в ГСБ. Я должна видеть командера Саймона Рэка.

— Начальника спецотдела?

— Да.

Лейтенант стоял, явно не зная, как поступить ему в этой ситуации.

— Мэм, как я буду все это оформлять?

— Офицер, составьте протокол происшествия, док его подпишет, а меня отправьте в ГСБ вместе с этим делом. Поймите, это не ваш уровень, этим делом должна заняться ГСБ.

Лейтенант даже закашлялся от удивления. Затем он связался по радио с кем-то из своего начальства и доложил ситуацию. Ему приказали подождать полчаса. Полицейский пока что позволил положить Зету на носилки и отнести в вертолет.

Девушка попыталась приподняться на носилках, но головокружение и подступающая к горлу тошнота заставила ее снова откинуться назад. Она поняла, что врач не ошибся, когда констатировал сотрясение мозга. Она попыталась поудобнее расположиться на носилках и расслабиться. Это не получилось, и тогда она попросила, чтобы ей сделали укол снотворного. Последнее, что она слышала, была команда, отданная летчику офицером полиции.

— Можете лететь, сэр. Будьте только аккуратны, она в тяжелом состоянии.

— Не делайте глупостей, Саймон! Иначе я просто застрелю вас!

Саймон почувствовал прикосновение холодного металла к затылку.

— Что вы хотите? — спросил он, лихорадочно соображая как поступить далее. Где вероятность того, что они не убьют его, когда он отдаст им то, за чем они охотятся. Ведь не оставляет сомнений, что их цель — брелок. При воспоминании об этой вещи, с

ним что-то произошло. На глаза надвинулась какая-то серая пелена. Сознание раздвоилось. Он одновременно чувствовал себя сидящим за рулем машины, и в то же время как бы видел себя со стороны. Он увидел себя сидящим за рулем, а сзади человека, который приставил к его затылку пистолет. Слепая ярость охватила Саймона... Он страстно захотел вышвырнуть этого негодяя из машины...

И тут произошло странное.

— Где эта штука? Ну! — были последними словами незнакомца.

Яркая вспышка холодного пламени охватила машину. Когда пламя исчезло, наступила тишина, и Саймон почувствовал страшную усталость. Он оглянулся по сторонам и увидел, что в машине один. Не дожидаясь новых сюрпризов, Саймон рванул автомобиль с места, сразу набирая максимальную скорость. Только когда он оказался на кольцевой трассе и местность хорошо просматривалась во все стороны, он остановил машину и позволил себе немного расслабиться.

Через некоторое время он вылез из машины и обошел ее кругом, рассматривая. Заглянул под днище, открыл капот и багажное отделение. Никаких сюрпризов не было. Значит, пока что мин можно было не бояться. Можно было ехать дальше, не боясь взлететь на воздух. Он снова залез в машину и стал размышлять над тем, что же с ним произошло и куда исчез его противник? И что это за странное исчезновение и свечение, которое при этом охватило всю машину? Вопросы... вопросы... вопросы... И ни одного вразумительного ответа на них.

— Коммандер Рэк, в районе кольцевой магистрали произошло столкновение двух автомобилей. Машины сгорели, два трупа, еще один человек, женщина, доставлена в госпиталь номер два. Она просит, чтобы вы встретились с ней.

— Имя?

— Зета Грейс.

— Буду через пятнадцать минут!

Странно. Почти одновременно две попытки убийства и еще одна удачная... Немного ли для одного дня? И вообще, для Крокуса это просто чрезвычайная ситуация. Ведя машину к госпиталю на предельной скорости, Саймон пытался систематизировать все, что произошло с того момента, когда он покинул свой рабочий кабинет. Не произвольно он дотронулся до брелка двумя пальцами

и внезапно понял, что тот пульсирует в ритме с его сердцем. Теперь уж, пожалуй, не приходится сомневаться, что это не что иное, как какой-то прибор, создающий неизвестное излучение, воздействующее на организм человека.

«Откуда меня знает эта женщина? — пожал плечами Саймон. — Похоже, мы ни разу не виделись. Постой... по-моему, это имя я пару раз встречал в отделе уголовной хроники... Она репортер, точно. Но что же надо?»

Он посмотрел на дисплее полную информацию об этом инциденте и от удивления несколько мгновений был в ошеломлении. Эта женщина пустилась в погоню за нападавшими! Вот это да! И в результате — два трупа!

— Ну и женщина! Но как она решилась на такое? Да еще отказаться отвечать полиции и заявить, что это дело компетенции ГСБ. Неужели опять «Новый рай»? Да, ни одно дело не тянуло за собой столько мертвецов, как это. Еще неизвестно, что такое «Новый рай», а уже есть шесть убитых. Придется объявить «Красную тревогу» и докладывать шефу. Просить придется подкреплений, сами они не справятся с рутинной работой.

Так он думал, тщательно обдумывая первые шаги, которые следовало предпринять в первую очередь.

Дежурный в госпитале попросил его подождать немного в холле, сказав, что ему придется вызвать дежурного врача. Тот проверил служебное удостоверение Саймона и позволил посетить больную. По дороге к палате Зеты Грейс у него еще два раза проверили удостоверение личности, а в самой палате он в третий раз предъявил его дежурному полицейскому.

— Какого черта вас здесь столько понатыкано? — поинтересовался он у охранника.

— Сам не знаю, сэр. Но ходят слухи, что кто-то собирается напасть на госпиталь. Вот доктор Беджимен и вызвал нас.

— Это распоряжение самого профессора Рокула?

— Да. Его личная просьба.

Саймон подошел к саркофагу, где под стеклом лежала Зета Грейс. Она лежала в спецпостели, окруженная приборами, в атмосфере газа особого состава, способствующего регенерации тканей.

Саймон внимательно всматривался в лицо этой женщины. Нет, определенно, он не знает ее.

Вошел человек в белом халате. Саймон поздоровался с ним, так как хорошо знал Бенджамина Рокула. Профессор подошел к саркофагу и набрал на пульте комбинацию кнопок. Крышка колпака откинулась. Рокул осторожно прикоснулся к руке женщины. Через секунду она открыла глаза.

— О, доктор, спасибо! Я уже отлично себя чувствую. Думаю, что вполне могу отправиться домой...

— Нет, и еще раз нет, дорогая. Ваше лечение только началось, и вам придется пробыть у нас по меньшей мере недели три, если не больше, пока у вас полностью заживет лицо после операции. Вот тот человек, о котором вы просили нас — это коммандер Рэк из ГСБ.

Зета приподнялась на своем ложе, но доктор тут же снова властно уложил ее, строго сказав, что он прекратит визит, если она попытается встать и будет излишне волноваться. После чего он отошел в дальний угол комнаты и сел на стул, который перед этим занимал охранник, находящийся сейчас снаружи.

Зета повернулась набок и внимательно посмотрела на Саймона. Затем потребовала у него удостоверение личности. Саймон протянул ей его и сказал:

— Что вы хотели сказать мне, мисс?

— Пусть нас оставят наедине, сэр, — сказала она, отдавая ему пластиковую пластину.

Саймон удивленно поднял брови и, посмотрев на профессора, произнес:

— Док, придется нас оставить одних, уважьте даму.

Рокул явно неохотно поднялся со стула и направился к двери. Здесь он обернулся и сказал:

— Учтите, что ей ни в коем случае нельзя волноваться. Понимаете, *нельзя!*

Когда за ним закрылась дверь, Зета улыбнулась Саймону и попросила, чтобы он подошел к ней поближе. Саймон взял стул, оставленный доктором и уселся рядом с саркофагом.

— Я, Зета Грейс, репортер уголовной хроники...

— Не надо, мисс, я обо всем уже проинформирован. Вы лучше поподробнее расскажите мне, почему вам взбрело в голову отправлять на тот свет этих молодцов, да и самой чуть было туда не отправиться.

— Потому что у меня не было другого выхода. Эти подонки чуть было не пристрелили меня. Чуть-чуть ошиблись, убив

водителя такси. Но это точно была охота за мной. Поэтому у меня было только одно — погибнуть вместе с ними, иначе они все равно когда-нибудь покончили бы со мной. Вот я и решила, что пришел мой черед встречаться с богом, но и их я решила отправить в ад.

— А почему вы решили, что они хотели убить именно вас, мисс?

— Потому что Колонел Спеки тоже чуть было не погибла по вине Рут Гиранд. А я только недавно разговаривала и с той и с другой.

— Откуда вы знаете Спеки? — лицо Саймона стало внимательно-напряженным.

— Дело в том, что я нанесла визит в полицию, где содержится Рут и, не добившись от нее ничего, отправилась домой к Спеки. Вот так я и познакомилась с ней. Ведь ее не случайно хотели убить.

— Откуда вы взяли, что ее именно Рут хотела убить?

— Я не первый раз занимаюсь подобными делами и у меня на это нюх, коммандер. Все, что говорила Рут — ложь. В ее глазах я прочла звериный ужас. Но это был не страх перед наказанием, а что-то другое, вы понимаете меня, что-то другое. Ее определенно запугали, и она кого-то боится больше, чем расплаты за содеянное.

Саймон внимательно слушал Зету, и с каждым ее словом ему становилось все более не по себе. Эта девушка делает поразительные выводы, имея в наличии мизерные факты, и он должен признать, что эти выводы полностью совпадают с его собственными, но ведь у него было гораздо больше информации. Определенно, ей место в его отделе, а не в этой газетенке. Вполне подошло бы ей место аналитика... придется предложить ей поменять место работы, но это потом...

— Сэр, а теперь о самом главном. Я просила вас о встрече еще и потому, что хотела предупредить вас. Видите ли... вас хотят убить. За вами начата охота, сэр. Спеки хотели убить только за то, что она отказалась следить за вами. Меня постарались убрать только потому, что я узнала об этом от Спеки. Судя по всему, они представляют какую-то очень солидную фирму... Мне пока что не совсем ясны мотивы... И еще одно... — она начала немного задыхаться. — Среди ваших коллег есть один человек, который работает на них. Его имя Боджи...

Саймон вздрогнул. Опять Боджи, и опять «Криогеникс». Хотя он и предполагал такой поворот дел, но тем не менее когда такое сказано вслух... Что ж, пока что можно только бессильно сжимать кулаки. Да, эта фирма обнаглела сверх всякой меры. Но черт возьми, они чисто работают. Пока нет ни одной зацепки, чтобы прижать их. То, что ему рассказала эта девушка, еще раз подтверждает тот факт, что они ни перед чем не остановятся, чтобы заполучить брелок. Они не отстанут, пока не убьют его или не выкрадут эту вещичку. Одно было пока утешением — он нашел эту девушку. Зету! Она обязательно должна работать в их коллективе. Таких людей он просто не имеет права не привлекать к работе в спецотделе ГСБ.

— Поправляйтесь, мисс, и спасибо за все. Думаю, мы скоро встретимся.

— Как это понимать? — тут же насторожилась она.

— После вашего выздоровления мы обязательно увидимся с вами. Надеюсь, перемена места работы не вызовет у вас сожаления.

— Что вы этим хотите сказать, коммандер? — В голосе девушки послышались истерические нотки.

— Нет, нет, дорогая. Просто я предлагаю вам перейти ко мне в отдел. Мне очень нужны такие люди, как вы.

— О!..

Внезапно над дверью замигала красная лампочка. Вбежал доктор и с ним санитар с инъектором в руке. Рокул, подбежав к саркофагу и обнаружив, что пациентка плачет, повернулся к Саймону и гневно произнес:

— Я же предупреждал вас, что ей нельзя волноваться!

— Доктор, от радости еще никто не умирал.

— Вы так думаете?

— Пойдемте к вам, док. У меня к вам есть кое-какие вопросы.

— Ну что ж, пойдемте, — буркнул профессор, предлагая Саймону последовать за ним.

Вновь появившийся охранник занял отведенное для него место.

Саймон быстро шел за доктором, за ними семенил коротышка санитар, по-прежнему держа в руке инъектор. Когда они вошли в кабинет, профессор жестом отослал санитара, а сам, усевшись за большой письменный стол, обратился к Саймону.

— Я слушаю вас, коммандер. Что вы хотели у меня спросить?

Саймон улыбнулся.

— Может быть, предложите мне присесть?

Бенджамин Рокул досадливо поморщился.

— Ради бога извините, коммандер. Садитесь. И какой же ваш первый вопрос?

— Кто отдал приказ об усилении охраны госпиталя и кто дал команду на присутствие в палате пострадавшей охранника?

— Я.

— Я это уже слышал. Но скажите, на каком основании вы пошли на такой шаг?

— Понимаете... я был поставлен в известность о случившемся врачом скорой помощи. А у меня есть печальный опыт в этой области... Видите ли, я был на Аргусе главным врачом больницы, которая послужила территорией для сведения счетов двух гангстерских кланов.

— Можете не продолжать, док. Я слышал об этой трагедии.

— Вот поэтому-то я сразу и принял кое-какие меры.

— Спасибо, сэр, но теперь они не нужны. Те, кто охотился за девушкой, опоздали. Они хотели помешать нашей встрече, но не смогли. Теперь они оставят ее в покое. А я сумею за себя постоять...

У профессора от удивления округлились глаза.

— Как и на вас тоже?

— Не «и», а только на меня! Она пострадала только из-за того, что хотела предупредить меня. Но я для них пока что не по зубам. Прощайте, доктор. Охрану можете снять. Они сюда больше не сунутся, ибо не смогли помешать узнать то, что мне и так уже известно.

Он попрощался и вышел в холл. Дежурившие охранники, узнав его, отдали честь. «Теперь и себе, — решил он. — Надо будет встретиться с Богартом и все обсудить».

Вики не спала. Она не смогла заставить себя уснуть после того, что случилось с Анжеликой. Эта смерть потрясла ее. Она представила себя на месте этой несчастной, и ее бросило в дрожь. Никак не могла она взять в толк, из-за чего все это случилось. Неужели все это ради того паршивого брелка, который она отдала Саймону??? Но это ведь абсурд! Нет! Этого не может быть! Она встала и подошла к окну. Боже, какая нелепость! Но тогда в чем же дело? Если же на минуту представить себе, что все дело в этой

чертовой безделушке, значит, можно предположить, что она представляет для кого-то огромный интерес, если ради нее идут на убийства! И правильно она сделала, что отдала ее Саймону. Уж он то сумеет сберечь ее.

Странное оцепенение охватило ее тело. Будто смертельный холод сковал все мышцы. На мгновение она даже потеряла ориентацию и начала осознавать свое «я», уже сидя в кресле. Хотя и сейчас она не могла не пошевелить ни рукой ни ногой. Даже голову не могла повернуть из стороны в сторону.

Внезапно она увидела, что напротив нее, как раз возле стола растет огненная точка. Вот она выросла настолько, что превратилась в голову человека. От страха она чуть было не закричала, но тут же удивилась тому, что может одновременно пугаться и логически мыслить. Осознав это, она поняла, что это не галлюцинация.

— Ты не очень испугалась меня, Вики? — раздалось в ее мозгу.

— Нет. Кто вы и почему я не могу пошевелиться?

— Твое оцепенение пройдет, как только я прекращу с тобой связь.

— Значит, у вас что-то вроде объемной телесвязи?

— Да. Это сверхдальняя ментосвязь, разработанная мною.

— Кто вы?

— Мое имя Булман, доктор Булман. С вами я могу общаться на таком большом расстоянии благодаря тому, что вы находитесь под воздействием брелока, подаренного вам одним человеком. Хотя он, это брелок, сейчас у Саймона Рэка, я не могу связаться с ним и поэтому очень прошу вас, дорогая, передайте ему, что я жив. Он интересовался мной и думает, что я стал жертвой «Криогеникс». Но на самом деле я в безопасности...

— А эта связь не опасна для здоровья? — перебила Булмана Вики.

— Практически нет. Судя по тому, как я себя чувствую, нет. Но должен заметить, что брелок немного по-другому действует на Саймона Рэка. Похоже, он будет первым «сверхчеловеком». Запиши мои координаты, девочка. Саймон должен знать, где я нахожусь.

Вики почувствовала, как оцепенение покидает ее мышцы. Она приподнялась и достала со стола блокнот.

Ручкой на чистом листке бумаги она вывела координаты неизвестной ей планеты.

Резко зазвенел видеофон. Она, вздрогнула, отложила ручку и медленно подошла к аппарату. Нажала кнопку приема изображения.

На экране возникла улыбающаяся физиономия Богарта.

— Что случилось, детка? У тебя не работает фон? Я вот уже битых полчаса не могу дозвониться до тебя! Хотел уже поднимать тревогу!

— Нет. Он работает нормально. Просто взять в толк из-за чего все это случилось. Неужели все это ради того паршивого брелока. Я задремала... Она сонно зевнула.

Шеф интересовался, как у тебя дела?

— У меня все нормально. Я пойду спать, ладно, а то падаю на ходу.

Она нажала кнопку выключения видеофона и пошла в спальню, где, не раздеваясь, упала в постель и мгновенно заснула.

Проснулась она поздно. Голова была тяжелой, но не болела. Чувствовала она себя разбитой, уставшей, как после хорошенькой попойки, но во рту не было сухости, и в комнате был идеальный порядок, не считая того, что лежит в постели одетая. Вики встала, подошла к зеркалу и отшатнулась. Из зеркала на нее смотрела уродина. Да, надо срочно под душ!!! Холодная вода и вибромассаж быстро привели ее в нормальное состояние.

Затем пришел черед чашечки кофе. И вот наконец она позволила себе сесть в кресло и поразмышлять о событиях прошедшей ночи. Странно, уже столько времени, а она еще не хочет кушать! Итак, что же было ночью? В конечном итоге ей начала нравиться мысль о том, что это все ей приснилось. Это надо же придумать — говорящая голова! И как это я вчера не свихнулась от страха во сне?

Она занялась психотерапией и скоро пришла в отличное состояние души. Затем привстала, как будто что-то вспомнив и не решаясь сделать шаг вперед. На столе лежал блокнот, на чистой странице которого виднелся ряд цифр. Когда она прочла их, на голове у нее от страха зашевелились волосы...

«КООРДИНАТЫ ДОКТОРА БУЛМАНА:
23 — ГС — 41 — 15
СООБЩИТЬ КОММАНДЕРУ РЭКУ»

* * *

Боджи был в отличном настроении. Сегодня у него был особый день. Он впервые попадет в офис «Криогеникс». В самое святое фирмы, входящей в пятерку ведущих компаний человечества. И не просто попадет в офис, а в научный отдел, где собраны лучшие умы, работающие в области анабиоза. Низкие температуры были проблемой номер один для успешного решения вопроса транспортировки людей на дальние расстояния. Даже сейчас, когда научились прокалывать пространство, даже сейчас, когда разработана теория подпространственного прыжка, которая успешно применяется на практике, все равно нельзя обойтись для переброски людей на другие планеты без анабиоза, который монопольно разрабатывает фирма «Криогеникс».

Можно, конечно, применять и «туннельный» эффект прокалывания пространства, но при этом столько расходуется энергии и так сложно управлять процессом перехода, что используется он только в практике разведслужбы Галактической службы безопасности. На всех остальных кораблях человечества применялись энергоустановки, которые сжимали пространство, а не прокалывали его. Такие корабли, подобно кузнечикам, прыгали из одной точки пространства в другую. При этом люди должны были находиться в анабиозном состоянии, иначе они погибали от чрезмерных перегрузок.

После встречи с агентом «Криогеникс», когда он был ознакомлен с некоторыми материалами, Боджи понял, что в руки этой компании попали уникальные разработки, даже если судить по тем обрывкам, что побывали у него в руках. Он очень был недоволен собой за то, что дал им понять, какая ценность у них в руках. Теперь этого уже не исправить. С другой стороны, Абрахам Резен сам был вполне компетентен, чтобы разобраться в том, что приобрела компания.

Направившись в космопорт, Боджи устроился в удобном кресле экспресса и стал смотреть на унылую равнину, раскинувшуюся по ту сторону окна быстро несущегося экспресса. Да, пейзаж никак не мог радовать глаза. Полустепь-полупустыня, преобладание желтого, ярко-оранжевого, светлокоричневого цветов, но зато появилось время для обдумывания встречи с руководством «Криоге-

никса». Сорок пять минут вполне приличный срок, чтобы обдумать многие вопросы, связанные с предстоящей миссией в офис этой могущественной компании, расположенной в двух парсеках от Крокуса.

Он не заметил, как быстро пролетело время, и вот уже экспресс возле главного входа в космопорт. Это было стандартное здание со строго функциональными функциями. Боджи прошел в зал ожидания и огляделся. Никого из знакомых в полупустом огромном зале. Он молча подошел к киоску-автомату и купил вечерний выпуск городской газеты. На обгоревших остовах двух машин. В правом верхнем углу фотографии были две небольшие фото — девушки, на одном она улыбалась, а на другом лежала в постели с перебинтованным лицом.

Работая экспертом в ГСБ, он более, чем простой человек, интересовался всеми странными случаями. Сейчас он с удовольствием окунулся в чтение статьи. Девушка вместо того, чтобы убегать от наемных убийц, бросается за ними в погоню, догоняет и сбрасывает их на вираже с трассы. Убийцы погибают. Ей же предстоит провести неделю-другую в госпитале. Неслыханно! Здесь, на Крокусе, в этом царстве уныния, появились гангстеры!!!

— Интересная статья? — послышался за его спиной мягкий вкрадчивый голос.

Боджи рывком оглянулся и увидел, что за его спиной стоит невзрачный субъект в сером плаще и внимательно рассматривает фотографии в газете, через плечо Боджи, благо, что рост того вполне позволял это делать.

— Удивительно! У нас появились шайки бандитов!

— Удивительно другое! Как только этой девушке хватило смелости и находчивости! Она действительно поступила вполне героически!

— Не знаю, как бы я поступил на ее месте, — вздохнул Боджи.

— Скоро узнаете. Советую вам принять предложение, которое вам выскажут там, куда вы стремитесь. А иначе... да, можно сказать, что вы имеете шанс не вернуться на эту планету.

— Что? — удивленно выпучив глаза произнес как-то сдавленно Боджи.

— Я имею в виду вашу поездку на Юлию...

Еще что-то спросить у странного незнакомца Боджи не успел, так как тот быстро повернулся и почти бегом отправился к выходу. Бежать за ним у Боджи не было никакой охоты. Итак: что это та-

кое? Агент «Криогеникс»?.. Но почему такая грубая работа?.. Если же нет, тогда вообще всем непонятно! Кто тогда??? Идя на встречу с «Криогениксом» Боджи знал методы работы этой фирмы, но чтобы так прямолинейно запугивать, это уже слишком. Подавив в себе вспыхнувшую злость, он быстро пошел на посадку, благо что ее только что объявили.

Его рейс был непродолжителен. И ему показалось, что прошло одно мгновение, хотя за это время на Крокусе прошла целая неделя. Система звезды С 01А4, куда он прибыл, состояла из семи планет, на четвертой из которых находилась земная колония. Но офис «Криогеникс» находился не на планете, а висел в воздухе над планетой на высоте одного километра. К тому же, руководство фирмой находилось в другом месте. Где — в данный момент никто не знал, ибо генеральный директор Совета директоров (он же хозяин «Криогеникс») имел собственный космокрейсер.

Даже внешне фирма «Криогеникс» отличалась от многих других ей подобных. Это чувствовалось даже по центральному ее офису. Огромное, приплюснутое яйцо, висящее на гравитационной подушке. Хотя это и требовало огромных энергетических затрат, но фирма шла на них ради своего престижа.

На космодроме его поджидал флайер и два сопровождающих. Один из них спросил Боджи:

— Вы господин Боджи?

— Да.

— Нас послали за вами, чтобы препроводить к господину Эдварду Берклюзу. Он ждет вас, сэр.

— Кто это такой?

— Он директор фирмы и глава исследовательского отдела.

Они провели его к флайеру, один уселся за пульт управления, предложив Боджи место рядом с собой. Второй сопровождающий пристроился на полу, так как флайер явно был рассчитан на двоих. Это сразу насторожило Боджи. Он не подал виду, что заподозрил что-то неладное. Скорее всего, это какие-то самозванцы. Как только флайер взмыл в воздух, он сказал:

— Кто я такой вам известно, но вот кто вы *такие?* То, что вы не посланцы фирмы, куда я, наверное, сейчас доберусь только в гробу, это понятно. Это сразу стало ясно, как только я увидел эту вашу развалину.

— Наша «старушка» не развалина. Она еще вполне в хорошем состоянии. В свое время это была самая быстрая на планете машина. Но сейчас — увы. Время идет, времена меняются.

— Так кто же вы и зачем вам понадобилось меня похищать?

— Кто мы, скажет вам наш Учитель, а зачем похищать? Так ведь до вас нельзя было иначе добраться. Ха-ха! Ведь в «капле» мы вас наверняка не достанем.

— Где? — переспросил Боджи.

— В офисе фирмы, — коротко бросил пилот флайера.

— И как долго мы будем добираться до вашего логова? — поинтересовался Боджи.

— Зачем вы обижаете нас, инспектор? У нас не пиратский притон. Наше убежище в Пасти Дьявола. Это единственное место, куда еще не добрались мерзавцы из «Криогеникса».

— Я не инспектор. Вы меня с кем-то спутали.

— Как? Разве вы не сотрудник ГСБ? — удивленно спросил пилот, оборачиваясь к Боджи.

— Нет, почему же. Я действительно работаю в ГСБ, но во вспомогательном отделе. Видите ли, господа, я всего-навсего инспектор по минипрыжкам.

— Фу ты, черт! — покачал головой пилот. — А я думал, что мы и впрямь ошиблись. Эти мерзавцы очень хитры и умеют прекрасно менять и маскировать свою деятельность.

— Я совсем не знаю вашей планеты. Что такое Пасть Дьявола?

— Это природный каньон, где множество вулканов — единственный сейсмически неспокойный район на планете.

— Ваша планета — рай для переселенцев, — ответил на вопрос до сих пор молчавший напарник пилота. — Но, к сожалению, она почти целиком принадлежит «Криогениксу». Здесь экспериментальная база и основной научный центр этой фирмы. Кроме того, как вы уже знаете, здесь офис, вернее Центральное представительство, где изредка, в основном для журналистов, собирается Совет Директоров-учредителей.

— Скоро ли мы прибудем? — снова поинтересовался Боджи.

— Через час мы будем на месте, — ответил пилот.

— Тогда я немного вздремну, — сказал Боджи и откинулся в кресле, достав и проглотив таблетку снотворного.

* * *

Проснулся он от того, что кто-то тряс его за плечо. Он открыл глаза и увидел, что его трясет за плечо напарник пилота, который сидит за его спиной, уцепившись свободной рукой за спинку кресла пилота. В это время пилот закладывал вираж за виражем. Флайер выписывал в воздухе замысловатые пируэты. Сквозь наружный колпак слышался гул и раскаты грома. Изредка, то с одной стороны, то с другой сумрак взрывался снопами искр. Это били в небо вулканы. Боджи огляделся. Они летели почти по дну гигантской трещины в коре планеты. Дна, по правде, почти не было видно из-за испарений, которые стелились по дну ущелья и изредка поднимались к верху столбами огромной высоты. На этой планете вулканы были не горами, а трещинами, глубокими трещинами в теле планеты, из которых периодически выбрасывались огненные фонтаны раскаленного газа. Боджи с удивлением отметил, что лавы почти не видно.

Еще раз осмотревшись по сторонам, Боджи пришлось признать, что каньон действительно напоминал пасть огнедышащего дракона. Это действительно было величественное место. Сейчас флайер летел, прижимаясь к одному его краю. Противоположная стена каньона только угадывалась, скрытая дымом и испарениями. Показался выступ стены каньона, а в средней его части — огромный зев пещеры.

Туда пилот и направил флайер. Смолкли двигатели — машина стояла на каменном полу перед пещерой. Пилот откинул люк. И сразу стало трудно дышать — настолько здешний воздух был насыщен парами аммиака и серы. От этого запаха запершило в носу и из глаз начали выступать слезы. Пилот похлопал Боджи по плечу:

— Это пройдет, док, как только мы попадем в купол. Там воздух чистый, здесь же хоть дышать можно. В самом каньоне же можно находиться только в кислородной маске.

Напарник пилота дотронулся до рукава Боджи и кивнул. Жест был понятен, и Боджи пошел за ним следом. Пилот замыкал шествие. Пещера скоро сузилась. Боджи обратил внимание, что ее перегораживает какая-то сетка. Дальше пришлось идти по извилистому проходу, вырубленному в скальном массиве. Но вот вдалеке появился свет. Когда они подошли ближе, Боджи увидел, что это был оборудованный пост наблюдения, на котором сейчас дежури-

ли двое молодых парней. Услышав приближающиеся шаги, один из них привстал и нажал кнопку. Тут же коридор на сотни ярдов озарился светом по обе стороны от поста наблюдения. Оба его сопровождающих поздоровались с парнями и повели Боджи дальше. Только после того, как они вышли из зоны света, кто-то из дежуривших ребят выключил освещение. Снова они шагали во мраке, освещая себе путь только фонарями. Кстати, Боджи при входе в пещеру тоже получил фонарь от пилота.

Так они двигались по извилистому коридору около часа, когда впереди показался светлый прямоугольник. Подойдя ближе, Боджи увидел, что этот свет идет из раскрытого люка. Пройдя в отверстие, Боджи понял, что оказался в тамбуре шлюза. Пилот закрыл за ним дверь. Заработали насосы, отсасывая ядовитый воздух наружу и наполняя тамбур чистым воздухом, в котором явно чувствовался аромат лесных цветов. От резкой смены ощущений у Боджи даже закружилась голова. После того, как воздух полностью заменился, открылась внутренняя дверь шлюза, и за ней Боджи увидел двух молодых людей, одетых в защитные комбинезоны. Один из них, обращаясь к Боджи, произнес:

— Господин инспектор, учитель ждет вас.

Прежние сопровождающие оставили его, а эти двое повели его по коридору в глубь снова распахнувшегося перед ним огромного зала. Помещение, где они находились, вполне могло сойти за исследовательскую базу на новооткрытой планете. Оборудование, оборудование и еще раз оборудование. Они прошли большую часть пути к противоположной стене, когда Боджи обнаружил, что пространство начало перекрываться унифицированными секциями. Остановившись возле одной двери, первый сопровождающий произнес в микрофон, чья решетка находилась как раз напротив его рта.

— Учитель, инспектор к вам доставлен.

— Пусть войдет.

Дверь раскрылась, и Боджи шагнул через порог.

Глава 3. Прибытие, убытие, прибытие и убытие

Саймон сидел за компьютером и просматривал поступающую информацию. Рабочий день заканчивался и если ничего его не задержит, он сможет отправиться к себе домой. Правда, идти-то не

хотелось. Вот уже третий день он практически не спит. Вернее спит, но при этом видит настолько реалистические сны, что не испытывает ото сна облегчение отдыхом. Пока что его спасает только психотренинг. По утрам он занимается самовнушением, что позволяет снимать нервное напряжение накопившееся за ночь. Физическую же усталость эти сны, как ни странно, полностью снимали. То, что во всем виноват брелок — Саймон не сомневался. Чем дольше он у него находился, тем большие изменения происходят в его организме. Он это чувствовал. Пока что эти изменения не выходили за рамки известного и его не пугали... правда, за исключением того самого случая, когда исчез невидимый ему противник. Хуже всего было то, что он ни с кем не мог поделиться тем, что произошло с ним. Его просто не поймут, а может быть, и отстранят от службы под предлогом, что надо провести медицинское наблюдение.

— Шеф, разрешите вас оторвать от дела? — послышался голос Богарта по селектору внутренней связи.

— Да. Я вас слушаю.

— Шеф. По четвертому каналу сейчас поступила интересная информация. Думаю, мы должны воспользоваться случаем.

Саймон переключился на четвертый канал. На экране показывали одну из лабораторий фирмы «Кратер и К». Проводился эксперимент по восстановлению памяти у человека, пострадавшего в результате травмы головного мозга и страдавшего амнезией. Смысл лечения, как явствовало из дикторского объяснения, заключался в том, что мозг облучался переменным электромагнитным полем, близким по частоте с биополем человека, но усиленного в пять раз.

— Что это нам может дать, Богарт?

— Я сейчас буду у вас, шеф. Запомните параметры поля.

Саймон пожал плечами и снова переключился на информационный канал, продолжая изучать поступающие данные об ограблении суперлайнера «Полярная Звезда». Пострадавших не было, но похищено огромное количество драгоценностей. Интересное дело, но... он никак не мог себя заставить не думать о «Криогеникс» и аналитики ничего не могут сказать!..

— Кстати, как там моя крестница? — снова набрав Богарта, спросил Саймон. Он имел в виду Зету Грейс, которая на днях выписалась из госпиталя и начала работать в аналитическом отделе их сектора. Перед ней сразу было поставлено очень сложное зада-

ние — заняться неофициальными контактами «Криогеникс». Зета не удивилась такому поручению и с головой ушла в работу.

— Работает круглосуточно, но пока что ничего нет. По крайней мере она ничего не сообщает.

— Ты обещал зайти ко мне, — пояснил Саймон.

— Иду, шеф.

Когда был включен противопрослушивающий экран, Саймон, не дав говорить Богарту, кратко обрисовал ему ситуацию, в которую он попал с этим брелком.

— Неужели так плохо, сэр? Может быть, выбросить его к дьяволу, а?

— Нет, Лео, стократ нет! Понимаешь, я чувствую, что превращаюсь в нечто более совершенное, чем обычный человек. И к тому же, мои новые способности меня не пугают, а удивляют. Но это на данном этапе. Но что будет потом? Ты знаешь, что я не ученый-биолог, а простой оперативник. Поэтому меня тревожит то, смогу ли я совладать этими новыми способностями, управлять ими. Понимаешь, здесь очень помог бы специалист биохимик-врач, но я не хочу пока обращаться к нашим сотрудникам.

— У меня на примете нет надежного человека, но можно поискать. Но вы бы рассказали, шеф, в чем все-таки дело.

Саймон усмехнулся.

— Ну, вот например, смотри, — он поднял руку, и Богарт увидел, что кончики пальцев шефа засветились холодным пламенем. Богарт от неожиданности даже ойкнул. Еще ни разу ему не доводилось видеть человека, обладающего параспособностями, хотя он много читал о таких людях. Но чтобы его шеф! С которым он работал столько лет бок о бок! Невероятно!!!

— Это еще не все, парень. По ночам я стал видеть сны, иначе и не назовешь то, что мне сниться, понимаешь, вещие сны. *Вещие!* К тому же, иногда мне удается угадывать мысли собеседника.

При этих словах Саймона у Богарта по спине пробежал холодок.

— И что же я сейчас думаю? — еле выдавил он из себя.

— С тобой у меня легче всего. Ты сейчас от страха чуть не наложил в штаны. А так, в общем, держишься молодцом. Я бы на твоем месте уже умер со страху.

Богарт побледнел, затем покраснел, смутившись.

— Не надо передо мной краснеть, парень. Ведь мы знаем друг друга уже много лет и понимаем, кто на что способен.

— И это не все? — пробурчал Богарт.

— Нет. К сожалению, нет. Что-то происходит в перестройке моего организма. Я не могу это ясно выразить, но иногда по ночам просыпаюсь, как будто внутри у меня включилась в работу ранее не работающая секция. Понимаешь, я могу запустить ее, функционирование этой секции может быть обнаружено визуально. Но я не решаюсь. До тех пор, пока не научусь управлять этими процессами! Для этого-то мне и нужен врач...

— Сегодня вы видели очень интересный эксперимент, шеф. Надеюсь, вы его успели записать. Может быть, они помогут тебе, Саймон?

— Ты имеешь в виду «Кратер и К»?

— Да. Дело в том, что методика, по которой они работают, позволяет проникать в мозг другого человека. Вот я и подумал, а что если соединить ваши способности и их методы для того, чтобы кое-что идентифицировать.

Саймон кивнул.

— Мне кажется, Лео, что этот брелок начинает действовать и на тебя.

— Нет, шеф, просто я беседовал с Вики, и она рассказала мне о своих видениях. Кстати, что вам вещает ваш внутренний «голос»?

— Мой голос подсказывает мне, что сегодня должно произойти событие, которое станет эпохой в моей жизни.

— Будем надеяться, что так оно и будет.

— Хорошо, но теперь к делу. У тебя есть что-нибудь по делу доктора Бенджамина Рокула? Если нет, подбери мне о нем все, что у нас есть. Мне кажется, что этот человек, который нужен нам.

— Будет сделано, шеф! — шутливо произнес Богарт, поднялся и вышел из кабинета.

Перед Боджи сидел совершенно седой человек с закрытыми глазами. Казалось, он очень устал и сейчас отдыхает.

Не открывая глаз, тот, кого называли Учитель, произнес:

— Прошу садиться, инструктор. Здесь вам нечего опасаться. Мы вас перехватили для вашей же пользы. Видите ли. Здесь, на Юлии, вы подверглись бы большей опасности... не переговорив предварительно с нами.

— Кто вы?

— Я бывший сотрудник отдела перспективных разработок фирмы «Криогеникс», а в последствие — их подопытный кролик.

— Как? Они проводили эксперименты на людях против их воли? Но ведь это не может быть!

— О, вы о многом не знаете, инструктор, хотя и работаете в ГСБ... Даже ваш глава спецотдела, Саймон Рэк, не знает и сотой доли того, что творится за стенами лабораторных корпусов «Криогеникс».

Все это говорил седой незнакомец, не раскрывая глаз. Страх, вернее, даже не он, а какое-то щемящее чувство дискомфорта, охватило Боджи. Но ведь это... это... он ведь тоже втягивается в этот геноцид...

— Вы по-прежнему боитесь меня, Боджи. Если для того, чтобы рассеять ваш страх, мне надо раскрыть глаза, то я их открою, — произнес старик и открыл глаза. На Боджи смотрели два голубых зрачка, в которых светились доброта и ум.

Сидя в кресле напротив старика, Боджи внимательно изучал собеседника. Ничего особенного в этом человеке нет, за исключением, разве что, особой силы взгляда. Гипнотизирующая сила этих глаз прямо таки ошеломила Боджи. Он был знаком с азами психозащиты, но сейчас оказался бессилен. Сила биополя этого человека была беспредельной!

— Прошу извинить меня, инструктор, что сразу не представился, — произнес он. — Я доктор Фрэнк Ричардсон.

— Рад познакомиться.

Наступила пауза. Боджи никак не мог взять в толк, зачем все же этим людям понадобилось перехватывать его. Доктор продолжал сидеть, закрыв глаза и откинувшись на спинку кресла. Боджи внимательно осмотрелся вокруг. Комната была похожа на рабочий кабинет ученого. Доктор Фрэнк Ричардсон сидел за большим письменным столом, заваленным бумагами. По бокам тянулись книжные шкафы, набитые от пола до потолка книгами и микрофильмами. Его очень удивило большое наличие цветов, которые были по всей комнате. Здесь явно чувствовалась женская рука. Тихо шумел кондиционер. Казалось, ничто не может нарушить царившего здесь покоя. Но это чувство сразу же прошло, как только доктор раскрыл глаза и уставился своими проницательными глазами на Боджи. Реально чувствующая тяжесть его взгляда вдавливала Боджи в кресло.

Гостя охватил панический ужас. Он боялся пошевелиться. Но тут что-то произошло во взоре старика. Боджи стало легче дышать, и он с облегчением перевел дух, даже не стараясь скрыть этого.

— Вы настойчиво хотите спросить у меня, ради чего вы похищены нами, не так ли господин? Ну что ж, я отвечу вам на этот вопрос. Но сначала вам следует выслушать историю одного ученого, который был настолько честолюбив, что захотел стать богом. Он и стал почти им, но при этом потерял все, что связывало его с этим миром. Так послушайте печальную историю Фрэнка Ричардсона, и пусть она наставит вас в ваших дальнейших сражениях с «Криогеникс».

Боджи невольно передернулся. Все эти слова были произнесены непосредственно ему в мозг, моментально, без использования речи. Рот доктора был плотно сжат, и только глаза яростно горели невозможным серо-зеленым пламенем. Боджи показалось, что на него смотрят глаза безумного фанатика. Но через некоторое время он понял, что первое впечатление обманчиво. Понял, когда по всему телу прокатилась теплая волна, заставляющая расслабиться каждый мускул тела, снимающая нервное напряжение с мозга и позволяющая внимательно, с интересом выслушать историю этого ученого.

— Я родился не на Юлии, а на унылой планете без официального названия, известной в каталоге под номером КВ-4836. Эта планета была пятой в системе голубого солнца. Я вырос в патриархальной системе фермерского захолустья, которое снабжало продуктами ближайшие планетарные поселения людей. С детства у меня были завидные успехи по математике и биологии. И вот я добился того, чтобы меня отправили за государственный счет на Юлию, в колледж для особо одаренных детей. Я даже тогда и представить себе не мог, что этот колледж с опытными преподавателями и богатейшей экспериментальной базой находится на содержании «Криогеникса». Я успешно закончил этот колледж в числе первых выпускников, умело подогреваемое самолюбие сыграло со мной злую шутку. Я возобновил себя гением. И моментально тут как тут оказались представители «Криогеникс», которые предложили, как тогда казалось, сказочный контракт. Они предложили мне отправиться за их счет в Калифорнийский Университет, на Землю, где под руководством профессора Вольфа я должен был пройти курс обучения по биопротезированию. Я с

удовольствием согласился, так как биология все больше и больше привлекала меня. Не прошло и года, как я стал лучшим учеником профессора. А еще через год, я покинул университет и перебрался на Юлию, в Центральное управление «Криогеникса». Тогда он находился глубоко под поверхностью, а не висел в воздухе как сейчас.

Жизнь казалась прекрасной и безоблачной. Я женился на прекрасной девушке по имени Юдит. Она была не только прекрасна телом, но и прекрасна душой. Я все больше уверовал в свою гениальность и избранность. В моей лаборатории проводились исследования, которые по общечеловеческим меркам не соответствовали понятию «милосердие». Сначала мы работали над животными. Первой ступенькой нашей удачи была разработка успешной системы контроля и дрессировки животных. Это послужило скачком в развитии системы производства продуктов на некоторых планетах-океанах, где водились животные похожие на земных дельфинов. Кроме того, эта система, с некоторыми доработками, начала вскоре успешно применяться и для высокоразвитых приматов, проблемы паравозможностей человеческого организма. Я начал бояться за жизнь своей жены и двух своих детей. О, боже какие это были прекрасные дети. Боб и Джейн. Моя работа успешно продвигалась, и вскоре я нащупал пути к созданию условий, при которых оказались возможны проявления этих способностей. И что более важно — управление сознательной волей человека. Помня, что произошло с моими товарищами, я решил не прибегать к посторонней помощи, а экспериментировал сам, ставя эксперименты над собой. Была и другая причина так поступить. Я чувствовал, что стою на верном пути, и хотел достичь самосовершенства. Но уже не для того, чтобы стать богом, а для того, чтобы иметь возможность противостоять «Криогениксу». И в этом я добился определенных успехов. Мной даже заинтересовался сам глава фирмы. Ему самому захотелось стать богом человечества. Я это сразу понял — к тому времени я уже мог читать мысли человека на расстоянии.

Поняв, что моей особой вплотную заинтересовалось руководство «Криогеникс», я стал готовить побег с планеты. Но как я ни старался, мне не удалось скрыть своих намерений от ищеек фирмы, даже принимая во внимание мои сверхспособности. Яхта, на которой жена и дети покинули Юлию, не вышла из пульсации и затерялась среди моря звезд.

Я тогда находился в страшном состоянии. Не подавая виду, что знаю истинную причину гибели своей семьи, я продолжал совершенствоваться в своих способностях.

Состояние нервного шока, в котором я находился, ускорило мою трансформацию. И в конце концов я превратился в того, в кого хотел, но теперь я был уже не бог, а ангел мести. В одно прекрасное время я почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд. В тот момент я находился у себя в лаборатории, и никто подсматривать за мной не мог. Но тем не менее, взгляд я чувствовал!

Тогда я в свою очередь начал искать своего партнера по контакту. Вскоре этот человек был найден. Тот понял, что раскрыт, и поэтому выдал то, о чем я и догадывался. От ужаса того, что он обнаружен, незнакомец решил отдать приказ о моем уничтожении. И вот, разозлившись на этого негодяя, я впервые позволил себе вторгнуться в мозг человека. Да, я впервые решился на зондаж человеческого мозга! Высосав из него всю информацию, я превратил его в шизоида. Но я узнал, кроме всего, о чем только догадывался, и еще кое-что. Оказывается, фирма дублировала мои работы. Но кто-то пошел немного не по тому пути. Изменения в организме достигались не за счет внутренней энергии усилий самого организма, а за счет массированного облучения организма электрогравитационным излучением, очень сходным по своим параметрам с биологическим. Этим же ученым были разработаны усилители гипноконтакта, применение которых давало возможность управлять человеческим мозгом на огромном расстоянии. Вот под действием такого усилителя я и оказался.

Я понял, что больше тянуть нельзя и начал атаку на «Криогеникс». Весь директорский совет я превратил в идиотов, к сожалению, пришлось уничтожить и всех ученых, которые работали над аналогичным проектом. Под словом уничтожить я понимаю сейчас немного другой смысл, чем это общепринято. Нет, я не убил их, просто убрал из памяти все, что было связано с этой работой. А после этого заставлял уничтожить все следы их деятельности в этой области.

В «Криогениксе» начался переполох. Поползли всякие слухи и сплетни. Многие ученые стали уходить из фирмы. Думал, что для нее это был шаг назад. Однако я ошибался. «Криогеникс» верно оценил ситуацию и принялся за меня, подключив для этого всю федерацию. Бороться со всем человечеством у меня не было сил, да и сам я этого не хотел.

Я нашел себе убежище здесь, в этом месте. Это единственное место на Юлии, где постоянная сейсмическая активность затрудняет проведение систематических исследований. Даже наличие спутников не позволяет вести наблюдение за этим участником местности из-за аномального гравитационного и электромагнитного фона. Сначала я укрылся здесь сам. Когда оборудование убежища было закончено, я почувствовал себя в полной безопасности и начал следить за деятельностью «Криогеникс». Но что я мог сделать один? Мог ли я чем-нибудь помешать этой фирме? Мне требовались помощники. Кроме того, я был уверен, что меня не оставили в покое. Председатель совета директоров фирмы был очень хитрым, и я знал, что он будет охотиться за мной до конца своей жизни.

Прошло несколько лет. У меня появились помощники. Я продолжал себя усовершенствовать и в конце концов достиг предела биологических возможностей человека. Должен отметить, что все эти годы я неотступно следил за этим негодяем! И делал все, чтобы избавить людей от его преступной деятельности.

Боджи уже полностью пришел в себя. Он приподнялся с кресла и заходил по комнате.

— Вы хорошо знаете коммандера Рэка? — спросил доктор. — Видите ли, меня очень интересует тот прибор, который он приобрел в последнее время.

— Что вы имеете в виду?

— Вы прибыли сюда для одной консультации. Вам будет показана схема прибора, и вы должны будете сказать, функциональна ли она или нет...

— Что за схема?

— Схема прибора, позволяющего растормаживать определенные центры головного мозга. Я прошу вас как можно дольше оттяните свой ответ, но действуйте умело, не вызовите у них подозрений.

— Что это вам даст?

— Я смогу блокировать их деятельность только через пять дней, когда ко мне прибудут два моих лучших ученика.

— Для этого меня не требовалось похищать! У вас что-то есть на уме?

— Мы вам заблокируем память и усилим волевой центр. Вы сможете противостоять любому ментодавлению.

— Вы считаете, что это необходимо?

— Да. Даже если бы вы и не побывали у меня, вас все равно подвергли бы ментосканированию. И выкачали бы все сведения, независимо от того, желаете ли вы говорить об этом или нет.

— Что мне говорить насчет того, где я был?

— Говорите правду. Они сюда не сунуться, я в этом уверен. У них уже был печальный опыт в том, что меня здесь нельзя уничтожить.

— Ну что ж... я согласен...

— Сидите спокойно и нечему не удивляйтесь. И самое главное, не бойтесь. Я начинаю... — пронеслось у него в мозгу.

Боджи показалось, что доктор, сидящий перед ним, начал размываться, таять в воздухе, а вместо него начал проступать образ отвратительного чудовища.

Вот оно подняло свои руки-щупальцы, и те потянулись к голове Боджи. Из глаз чудовища вырвался луч света и ударил прямо в глаза Боджи. Он вздрогнул и потерял сознание.

— Доктор помогите ему, я прошу вас! Это мой брат. Он ни в чем не виноват! — умоляла девушка, стоя перед ним на коленях.

Мужчина лежал на спине. В груди виднелось пулевое отверстие, на губах пузырилась кровавая пена. Медлить было нельзя! Человек умирал. И если она ему не поможет, проклятие падет на его душу. Он ведь врач! Врач!!!

— Вносите! Сначала в предоперационную! Надо готовиться к операции! — крикнул он подоспевшим санитарам. Те подхватили раненого под руки и поволокли тело на второй этаж, готовить к операции.

— Доктор, я для вас готова на все! Только спасите моего брата! Я для вас ничего...

— Если вы предлагаете себя в качестве вознаграждения, то это слишком дорого, я не согласен принимать такие жертвы!

Девушка заплакала.

— Мне ничего не надо. Оставьте свой адрес, куда бы я мог послать счет за лечение. А теперь оставьте меня одного. Уходите! Мне надо готовиться к операции.

Девушка вышла в вестибюль.

— Сестра Кари, прошу вас в операционную, — бросил доктор в приоткрытую дверь дежурной комнаты.

Госпиталь, которым руководил доктор Рокул, был невелик, как и сам городишко, где он располагался. Всего восемнадцать тысяч переселенцев жило в этом городке, да, впрочем, и на самой планете, не более полумиллиона. В основном, все население располагалась на восточном материке, климат которого был очень похож на влажные саванны Земли. Здесь был разнообразен животный мир. Экваториальный материк, который был во много раз больше восточного, представлял собой сплошное болото и джунгли экваториальной зоны. Там находилось всего около десятка наблюдательных станций, в которых ученые изучали животный мир этого материка. Только северный материк был заселен землянами. Это был скалистый массив огромных размеров, недра которого неописуемо богаты полезными ископаемыми, и особенно редким минералом — сильвитом. Этот минерал был основным элементом, входящим во всевозможные менто- и гравиусилители. Здесь было самое богатое месторождение, известное человечеству. Но даже не будь сильвита, все равно планета — целый склад полезных ископаемых.

В госпитале сейчас находилось всего три человека. У одного шахтера случай был аппендицит, у второго пациента удален глаз, который ему пришлось потерять из-за удара копытом горной лани, а третьей была роженица, которая уже родила своего первого ребенка. Роды были длительные и тяжелые. И уже никто не надеялся, что мать выживет, но пока что она держалась. И вот сейчас в больнице появился четвертый пациент — мужчина с пулевым ранением в груди.

— Доктор, раненый уже готов к операции, — обратилась к Рокулу сестра Кари.

— Иду!

Он прошел в предоперационный бокс, где прошел дезинфекцию. На это ушло не более двух минут. И вот уже врач склонился над телом раненого. Операция длилась больше, чем он предполагал. Кроме ранения, у пациента оказалась сломана ключица и два ребра. Когда операция закончилась и он наложил последние швы и похлопал раненого по плечу, внезапно взгляд врача упал на руку пациента. На тыльной стороне левой ладони был вытатуирован треугольник. Треугольник смерти! Бенджамин вздрогнул и невольно отшатнулся. «Стервятник! О, боже, что теперь с ним будет? Кажется, сейчас между кланами идет война — вот причина ранения!»

Он молча показал сестре ладонь раненого. У Кари от ужаса расширились зрачки.

— Боже! Что с нами будет! Мы ведь можем не дожить до утра... Эти ублюдки убьют нас... Убьют этого и заодно нас... — прошептала медсестра.

— Вы правы, «коршуны» самый мерзкий и отвратительный из кланов убийц. Сейчас у них война со «стервятниками». — Бенджамин протянул ей небольшой пистолет. — Эта штука заряжена сотней отравленных игл. Попадание такой иглы в кожу человека вызовет паралич и мгновенную смерть.

— А как же вы, доктор?

— У меня тоже кое-что есть. Думаю, что до утра мы продержимся, а потом нас сменят. Сейчас я вызову полицию.

— Думаю, это вам не удастся, доктор. Если они решат напасть на нас, то блокировка должна быть полной...

— И тем не менее, полицию надо вызвать!

— Что мне сейчас делать?

— Где Рони и Биджи?

— Скорее всего, в дежурке режутся в карты.

— Попроси Рони эвакуировать всех пациентов в подвал. Сама тоже должна будешь туда отправиться. Открывать будешь только на мой голос. Больше никому, понятно?! Ну, чуть не забыл. Нас должна менять бригада Боба, ему тоже можешь открыть.

— Шеф...

— Не спорь. Значит, договорились. Я буду пока что в своем кабинете.

Он повернулся и вышел. У себя в кабинете он первым делом открыл сейф. Холодная сталь приятно холодила кожу ладони. Рассовав обоймы по карманам, он подошел к окну и выглянул. Свет в комнате он выключать не стал, и поэтому прекрасно видел двор. Внезапно какое-то движение в кустах напротив привлекло его внимание.

— Ну вот вы и пожаловали, — прошептал он. — Ну что ж, вас уже давно ждут. Милости просим, господа. — Он задернул шторы на окне и подошел к письменному столу. Внезапно с первого этажа раздался чей-то крик, который, правда, тут же смолк. Послышался топот по лестнице и в комнату ворвался Биджи.

— Кари мне ничего не объяснила. Она приказала всех больных перенести в подвал. Что происходит?

— Бери мое охотничье ружье и дуй на крышу. Стреляй в каждого, кого увидишь на дворе, это приказ!

Биджи недоуменно смотрел на доктора.

Тот с сожалением кивнул и произнес:

— На нас напали «коршуны».

Биджи без лишних слов подбежал к стене, снял винтовку и патронташ с патронами. Зарядил полный магазин. Бросив доктору «держись, сэр», он выскочил в коридор. Бенджамин выскочил следом. На первом этаже слышались возня и чьи-то крики. Было темно, но я разглядел чью-то массивную спину. И не целясь выстрелил. Раздался вопль, и чье-то тело забилось в предсмертных судорогах. Сорок второй калибр — смертельное оружие.

Рокул спустился к умирающему. К своему ужасу, рядом с бандитом он увидел лежащую без сознания Кари. Взвалив тело девушки на плечо, он бегом бросился в подвал. Дверь оказалась открытой, воле нее валялись два трупа. В самом деле в подвале слышались истерические крики. Бросив Кари, доктор начал спускаться в подвал, ориентируясь на доносившиеся снизу крики.

Внезапно все стихло. Бенджамин спустился с лестницы и зажег зажигалки. В углу подвала на него смотрела обезумевшими глазами девушка, держа в руках плачущего спеленатого ребенка, а рядом валялся труп мужчины с размозженной головой. В просвете лестницы мелькнула чья-то тень. Доктор не успел выстрелить — его кто-то опередил. По звуку выстрела можно было определить, что стреляли из «ассахи», пистолета, чьи пули обладали почти сто процентным, поражающим эффектом, независимо от того, в какую часть тела они попадали. Раздался вскрик, и чье-то тело упало на пол. Рокул высунулся из-за двери. Возле трупа стоял Рони, держа пистолет в руках. В это время послышались выстрелы с крыши. В ответ раздались автоматные очереди.

— Рони, бери Кари и в подвал! Я прикрою вас.

— Хорошо, шеф.

Он подхватил бесчувственное тело под руки и начал спускаться в подвал. По дому продолжали стрелять со всех сторон. Но пока что Биджи держался там на крыше, и никто из нападающих не рисковал подобраться ближе. Я уже несколько раз слышал вскрики и проклятия. Никогда бы не подумал, что этот увалень может так обращаться с оружием.

— Все в порядке, шеф.

— Кто в подвале?

— Одноглазый, Кари, мамаша и красавчик в макинтоше и гипсе.

— А где этот лысый кретин?

— Не знаю.

— Что у тебя есть?

— Пистолет. «Ассахи», который я отобрал у парня там внизу, и двенадцать полных обойм.

— Отлично. Отправляйся наверх к Биджи и помоги ему. Я же буду встречать их здесь.

Рони кивнул и бросился наверх. С его приходом стрельба усилилась. Теперь уже никто не рисковал подбираться к госпиталю ближе, чем метров на сто. Правда, Рони, был не таким хорошим стрелком, как Биджи, и бандиты вскоре это поняли. И стали группироваться со стороны его сектора обстрела.

Бенджамин Рокул заметил это. Как только они бросились на штурм, у него прибавилось работенки. Но силы были слишком неравны. И троим все же удалось прорваться на первый этаж. Бенджамин начал медленно подкрадываться к ним. Пробираясь возле открытой двери лаборатории, он увидел, как кто-то пытается проникнуть туда через окно. Пришлось выстрелить. Но этим он раскрыл себя. Две пули настигли его. Одна порвала ему правое ухо, вторая — засела в мышце правой руки. Он ответил двумя выстрелами, уложив одного из нападавших. Второй, правда, успел спрятаться за колонку.

Началась игра. Рокул охотился за бандитом, а тот охотился за ним. Ухо доктора сильно кровоточило, но перевязывать его просто не было возможности. Противник попался опытный. Он постоянно перемещался, и только на четвертом выстреле доктор определил, где он находится.

Для кольта такого калибра двойные деревянные перегородки не проблема. С третьего выстрела с ним было покончено.

Спустился на первый этаж Рони. Он был ранен в правую руку. Ему было очень больно, похоже, что задета кость. Я перебинтовал раненое место и наложил жгут. Потом сделал обезболивающий укол. Потом немного занялся собой. Оставив его внизу, Рокул отправился на крышу, захватив предварительно троих его «крестников». По-братски поделившись с Биджи, они приготовились к отражению новой атаки. Похоже было, что до рассвета они продержатся.

Но, как видно, им не суждено было увидеть прибытие подмоги. Вдалеке послышался гул вертолета. Бандиты! Через минуту гул был уже над их головой. Бенджамин выругался и разрядил все

обоймы своего кольта вверх. Похоже, он попал в двигатель, так как мотор начал чихать, и вертолету пришлось сесть на площадку перед госпиталем. И тут Бенджамин совершил ошибку. Следующим выстрелом он поразил бензобак машины, а еще одним — вызвал к жизни огромный факел начавшего гореть топлива. Раздался страшный взрыв.

Бедняге Биджи не повезло. Он находился слишком близко от карниза, и ударная волна сбросила его вниз. При падении он попал на ограду и погиб. Начала гореть крыша госпиталя, и теперь единственной заботой Рокула было спрятаться в подвале.

Из подвала можно попасть в подземный гараж, но ключи от двери в этот гараж были только у меня.

Я оглянулся по сторонам в поисках Рони, но его нигде не было. Тогда я прыгнул на террасу второго этажа, а оттуда на козырек входной двери. Послышался треск рухнувшей крыши. Сейчас должно было рухнуть и этажное перекрытие. Я бросился вперед. Огонь уже достиг первого этажа. На окнах горели занавески, лопались стекла, по лестнице текла река горящего бензина. На втором этаже что-то трещало и рушилось. Надо было спешить.

Вот и дверь подвала. Возле нее кто-то склонялся. Бенджамин выхватил пистолет, но тут же опустил, узнав Рони.

— Как ты здесь оказался?

Он обернулся и улыбнулся.

— Шеф, а я уже было похоронил вас. Просто я хотел попасть в подвал раньше, чем рухнет перекрытие.

— А с чего ты взял, что я погиб?

— Я видел, как падал Биджи, и подумал, что с вами случилось то же самое. Ведь вы находились вместе с ним...

— Но почему ты так копаешься?

— Кари не хочет открывать мне!

— Кари, детка, ты меня слышишь? — произнес Бенджамин в вентиляционное отверстие.

— Да, шеф. Сейчас открою.

Открылась дверь, и на пороге появилась Кари с пистолетом в руке. Они прошли во внутрь и сразу же закрыли дверь. Через мгновение земля вздрогнула — это рухнули стены и крыша дома.

Пришла пора приняться за раны. После того, как Бенджамин перевязал себе руку, наступила очередь Рони, руку он уже не чувствовал. Повязка набухла от крови, но кровотечения уже не было.

Бенджамин сделал обезболивающий укол и, облегченно переведя дух, произнес:

— Ну вот, пожалуй, и все. Сейчас здесь будет полиция и пожарные. Они помогут нам.

— Вы вызвали полицию, шеф? — удивилась Кари.

— За нас это сделали бандиты, — усмехнулся Рокул.

— Как это понять?

— Зарево горящего госпиталя видно на весь город...

— Но пока сюда прибудет полиция, мы задохнемся, — произнес одноглазый пациент.

Бенджамин принюхался и почувствовал запах гари.

— Да, пожалуй, надо уходить. Я сейчас открою двери, и мы переберемся в гараж. Там сядем в автобус и покинем территорию госпиталя, если сумеем прорваться сквозь засаду.

— Вы думаете, что они все еще ждут нас?

— Все возможно, детка, — сказал Рони, глядя на Кари.

Бенджамин открыл двери и первым вошел в гараж. Здесь находился микроавтобус госпиталя и его автомобиль.

— Рони, тебе придется вести автобус. Одноглазый поедет с тобой, а мы с Кари поедем на моей машине, заодно прихватим и мать с ребенком.

— Я справлюсь и с одной рукой, шеф, только бы нам выбраться.

Конечно, шансов уехать у них почти не было. Бандиты не упускали своих жертв. Это понимали все. Но оставаться здесь дольше не было смысла. В любой момент могла взлететь на воздух кислородная станция и тогда от госпиталя осталась бы только внушительных размеров воронка. Так что выбора не было.

Мы отправляемся первыми. Вы за нами на расстоянии в пятьдесят метров. Если мы попадем в засаду, вы успеете уйти, а если они нас пропустят и примутся за вас, мы успеем прийти на помощь.

— Не надо, шеф. От судьбы не уйдешь. Нет смысла всем погибать. Если суждено нам умереть, то пусть уж так и будет.

— Нет, Рони, ты не прав, мы пока что целы, только потому что все вместе и поэтому должны быть вместе до конца, каким бы этот конец ни оказался! Да еще по бокам автобуса положите ящики с лекарствами, все же какая ни на есть защита.

— Уже сделано, шеф.

— Вот и отлично! Мы трогаем.

Бенджамин подошел к двери и включил механизм. Дверь начала медленно подниматься. Он осторожно нагнулся и выглянул на улицу. Никого поблизости он не заметил. Светало.

— Кари, ты готова?

— Да.

— Тогда вперед!

Машина вылетела из гаража. Кари высунула голову и посмотрела назад. Над госпиталем вздымался столб дыма и пламени.

— Не высовывайся! Подстрелят!

Кари ничего не ответила. В боковом стекле Бенджамин заметил, как из гаража вынырнула санитарная машина. Пока все проходило нормально.

Но вот впереди дорогу блокировала какая-то машина.

— А вот и гости. Приготовься стрелять, когда я буду разворачиваться! — приказал Бенджамин. Кари кивнула и поставила на обоих пистолетах переключатели в положение «автоматическая стрельба».

Как только до автомашин осталось каких-то полсотни метров, Рокул резко нажал на тормоза, и его машина стала поперек дороги. Кари моментально открыла огонь. Бандиты явно не ожидали такой наглости. Через мгновение все, кто был в машине, оказались мертвы. Один, правда, пытался бежать, но был убит выстрелом из-за деревьев.

— Под машину! — приказал Бенджамин и бросился на землю.

Кари выпрыгнула и тут же забралась под автомобиль, где уже лежал Рокул. Они с напряженным вниманием вглядывались в окружающий сумрак. Зашуршали шины, взвизгнули тормоза. Рядом остановился микроавтобус. Из него выскочил Рони и бросился к машине.

— Назад! На землю! — крикнул Бенджамин.

Но было поздно. Раздались выстрелы, и Рони, схватившись за живот, рухнул на землю. Но теперь Бенджамин засек выстрелы. Он почти не целясь выпустил в точку, откуда стреляли целую обойму. И похоже, удачно, так как громко завопил раненный.

— Прикрой меня, я должен добить его, иначе он нас всех прикончит, — прорычал Бенджамин и выполз из-под машины.

Кари приготовилась стрелять, но пока что враг молчит. Бенджамин, перебегая от дерева к дереву, приближался к нему. Вне-

запно он остановился. В высокой траве, под прикрытием ствола дерева на спине лежала молодая девушка, разметав в стороны руки. Ее золотистые волосы сплетались со стеблями травы, а рот и глаза были широко раскрыты. Во взгляде ничего не отражалось. Казалось, что это лежит не человек, а манекен. Но алое пятно под левой грудью и валявшаяся рядом многозарядная винтовка с оптическим прицелом говорили о том, что он убил как раз того, кто убил Рони.

Бенджамин вернулся к машине. Кари уложила на обочину дороги тело Рони. Послышался стрекот вертолета. Он поднял голову и увидел, что это полицейская машина. Вертолет, правда, садиться не стал, а сделав несколько кругов, пошел в направлении госпиталя.

— Он что, нас не заметил? — удивилась Кари.

— Нет, просто сейчас здесь будет полицейский наряд.

— А вот и они, — заметил одноглазый, указывая на подъезжающие полицейские машины. Их было три штуки. Как только передняя поравнялась с ними, из нее выскочил толстяк в форме полковника.

— Полковник Сэм Ричардсон, — представился он.

— Начальник уничтоженного госпиталя — доктор Бенджамин Рокул, — в свою очередь постарался проявить учтивость Бенджамин. — А вот остатки моего персонала и пациентов, которые находились в госпитале на момент открытия боевых действий.

— Что случилось? Когда один из фермеров увидел зарево пожара над госпиталем, он поспешил туда, но был обстрелян. Ему чудом удалось добраться до поселка и связаться с нами. И вот мы здесь!

— Если у вас есть связь с вертолетом, то предупредите экипаж, чтобы он держался подальше от госпиталя. В любой момент там может взлететь на воздух кислородная станция.

— Быстро сообщите Дику, чтобы он не приближался к госпиталю ближе чем на километр, — приказал полковник подошедшему сержанту.

Когда тот бросился выполнять приказ, полковник снова повторил, что случилось с госпиталем?

— Мы подверглись нападению «коршунов».

— Да!? Что же их заставило пойти на это?

— У нас был прооперирован один из «ястребов».

— Почему вы не сообщили об этом в полицию, сэр?

— Не успел.

— Да... это похоже на них... Они в таких случаях действуют весьма оперативно. Но как вам удалось спастись?

— Мы приняли бой...

— Сэр, мне доложили, что в районе госпиталя обнаружено сорок три трупа!

— Что?! — полковник ошеломленно уставился на сержанта, который только что передал ему это сообщение. — Вы что, док, хотите сказать, что вы вдвоем, — он ткнул в сторону Кари, — прикончили столько бандитов?

— Нет, сэр. Не вдвоем, а вчетвером. И не сорок три, а гораздо больше. Последнего пришлось пристрелить за пять минут до вашего появления. — Бенджамин показал рукой в сторону застреленной им девушки.

— Сэр, я не верю в чудеса. Даже взвод полицейских не смог бы сделать подобного!

— Сэр, перед вами бывший рейнджер Федеральных сил, а один из погибших моих санитаров — лучший стрелок этого сектора Галактики. В моем госпитале он проходил практику как студент-медик.

— Но даже при таких обстоятельствах вы явно работали не по призванию, не по способностям!

— Тут вы угадали, сэр. Медицина — мое призвание, а в отношении всего этого — именно способности!

— Сэр, нам придется задержать вас до выяснения всех обстоятельств. Поймите, это в ваших же интересах, сэр.

— Хорошо, полковник, я понимаю. Разрешите только мне разместить раненых, и я прибуду в полицейское управление...

— Как тебе все это удалось раздобыть, Лео? Ведь для этого потребовалось переворошить целый ворох лент!

— Ничего подобного, шеф. Моя информация была заложена в компьютер, и надо было только воспользоваться карт-бланшем...

— Кстати, ты напомнил мне о нем! Верни его назад! Он понадобится в ближайшее время. — Саймон протянул руку.

Богарт отдал жетон и в свою очередь поинтересовался:

— А что нового у вас, шеф?

— Боджи похищен!

— Вас поставила в известность «Криогеникс», — усмехнулся Богарт.

Саймон сделал вид, что не понял шутки.

— Нет. Известие получено по обычным оперативным каналам. Официального запроса, как ты понимаешь, они нам никогда не пришлют. Кроме того, это подтверждается и моими ощущениями.

— Чем? — не понял Богарт.

— Я установил над ним ментоконтроль, вернее старался разлучить его эмоции, даже на таком большом расстоянии, на каком находится Юлия. И вот, вдруг, я перестал их чувствовать. А вчера пришло сообщение по оперативному каналу, что он похищен.

— Мне с вами иногда становится страшно, шеф. Иногда мне кажется, что вы постепенно превращаетесь в монстра, которого надо опасаться.

— В какой-то мере ты прав. Я действительно превращаюсь в монстра. Но опасаться меня не надо. Я полностью владею собой.

— Но кому понадобилось похищать Боджи на Юлии? Что за третья сила появляется на нашем горизонте?

— Пока неизвестно. Будем выяснять.

— Доктор Рокул ожидает в приемной, — доложила в ожившем экране видеофоносекретарь.

— Пусть войдет.

Открылась дверь, и в кабинет вошел мужчина среднего роста, на вид лет сорока, крепкого телосложения. Движения его были быстрыми, но в то же время точными и выверенными.

— Я доктор Рокул. Меня вызвал Саймон Кеннеди Рэк.

— Да, да. Это я, — кивнул Саймон. — Прошу садитесь.

— Как поживает Кари, сэр? — поинтересовался Богарт у Рокула.

От неожиданного вопроса тот вздрогнул. Гримаса удивления на лице сменилась тут же улыбкой.

— Простите, я забыл, что нахожусь в ГСБ. Хорошо, воспитывает дочку...

— Бенджамин, у меня к вам деловое предложение. Не хотите ли перейти на работу к нам в экспертный отдел? Будете работать непосредственно со мной и моим помощником Богартом.

— Но...

— Видите ли, нам как раз нужен многопрофильный специалист.

— Работать у вас очень престижно, сэр. Но чем я буду у вас заниматься?

— Во-первых, давайте с вами сразу условимся о том, что если вы сейчас скажете «да», то все, что вы увидите здесь, умрет между нами или вместе с нами.

Рокул побледнел. Пот выступил у него на лбу.

— Надеюсь, что ничем противозаконным вы меня заниматься не заставите...

— Боже упаси, доктор! — вскочил Богарт.

— Тогда я говорю «да».

— Дело в том, — садясь в кресло, начал говорить Саймон, что мы столкнулись с весьма необычным явлением, распутывая одну хитроумную комбинацию.

Он достал брелок и положил его на стол.

— Вот прибор, который помогает оценить сущность человеческого организма. Одна из могущественных фирм очень хочет, чтобы он оказался в их руках. Четыре убийства и еще чуть ли не дюжина попыток. Но пока что этот прибор у нас, и я думаю, что он к ним так и не подойдет.

Рокул слушал внимательно, стараясь понять, что же он должен будет делать. Но так пока ничего и не понял.

— То, что вы сейчас увидите, Бенджамин, знают только я и мой помощник, Богарт. Теперь узнаете и вы. Сейчас я включу систему защиты коммуникацией, что разрешается делать только в особых случаях. Теперь нас никто не сможет подслушать. Значит, так... — внезапно Саймон улыбнулся, заметив на лице профессора гримасу замешательства. — О, вы так до сих пор и не поняли, что будете делать, здесь у нас?

Рокул растерянно кивнул в ответ.

— Так вот, Бенджамин, я уже сейчас обладаю некоторыми уникальными особенностями. Я их вам продемонстрирую. Но должен заметить, что мне почему-то кажется, что на этой особенности моего организма не остановятся в развитии. Я почему-то уверен, что в скором времени у меня проснутся еще кое-какие качества. И вы должны будете помочь мне раскрыть их и научиться управлять ими.

Богарт отметил про себя, что в конце этого монолога, глаза профессора зажглись интересом, и весь он как-то подобрался.

Саймон встал и отошел на середину комнаты. Поднял руки. Между пальцами проскочили искорки разрядов. Затем довольно

большая молния проскочила между руками и тут же начало в комнате медленно гаснуть освещение. Когда в помещении наступила почти темнота, в воздухе над головой Саймона вспыхнула надпись огненными буквами —

БОГАРТ

У самого Богарта перехватило дыхание.

— Но это не все, — произнес в полутьме Саймон. Судя по некоторым косвенным данным, мне удается перемещать людей в пространстве.

— Что?! — поперхнулся Рокул.

— Сейчас я вам продемонстрирую это, проф, ты Лео, сейчас очутишься в дежурной комнате и постараешься связаться с нами. Мы должны увидеть тебя на экране интеркома. Приготовься!

У Богарта вытянулось лицо, он что-то собрался сказать, но не успел. Раздался щелкающий звук, и человек исчез из комнаты.

Бенджамин обалдело вертел головой, затем ущипнул себя за нос, потом потрогал за ухо.

— Нет, нет, профессор, вы не спите! — рассмеялся Саймон. — Учтите, что я еще кое-что могу. Например, покопаться у вас в мозгах, и заставить сделать то, что вы бы сами не смогли и еще многое другое...

— Вот я и боюсь, что вы заставите меня сделать кое-что нежелательное... — пробурчал Рокул. Затем он улыбнулся и добавил:

— Хотя это все еще не доказывает, вы просто могли мне все это внушить. Убедить меня в том, что я действительно *увидел!!!*

— К сожалению, профессор, это все правда, и ваши чувства вас не обманывают.

— Тогда, я не знаю, что и думать... Разве что, я сейчас присутствую при рождении нового Бога!

— Увы, мой друг, вы не первый, кто наблюдает за рождением бога, а я не первый, увы, кто им пытается стать...

— А кто же первый?!

— Думаю, что Харли Корман, больше некому.

— «Победитель смерти» решил перебраться к небожителям?

— Странное прозвище. Когда вы успели дать его?

— Когда впервые было сообщено, что анабиоз способствует омолаживанию организма...

— И способствует развитию кретинизма, — добавил Саймон.

— Вы не вполне правы, коммандер. У людей просто немного тормозится реакция и чуть замедляется мыслительный процесс в коре головного мозга. Я бы сказал, что они немного «тупеют» после анабиоза. Но мыслительная деятельность быстро восстанавливается через несколько дней. Поэтому-то анабиоз разрешен для использования экипажами дальних космических разведок.

— Ну, здесь у вас проф, не совсем свежие данные, — покачал головой Саймон. — Видите ли, в последнее время нами получены данные о некоторых исследованиях по глубокому анабиозу... Они секретны, пока что не подтверждены другими исследованиями и поэтому не оглашены. Но я могу сказать, в чем их суть. Видите ли, глубокий анабиоз необратимо действует на организм человека, превращая его в мутагенное состояние.

— Но это же черт знает что?!!! Даже если эти исследования ничем пока не подтверждаются, вам следовало сделать все, чтобы человечество знало об этом! Почему вы скрываете такое?!

— Видите ли, профессор, компании занимающиеся анабиозом в курсе того, что мы получили эти данные. И они предупредили нас, что развернут обширную компанию против нас, если только мы посмеем обнародовать эти наши непроверенные данные. И так, к нам отношение не очень, а что будет, если Галактика будет поставлена перед фактом, что какая-то ГСБ старается прервать все сообщения между звездами в угоду своих каких-то корыстных целей... Но должен сказать вам еще кое-что. Видите ли, сейчас ведутся работы по мгновенному перемещению людей в пространстве. Вы уже видели, что произошло с Богартом. Так вот, поверьте мне, что уже существует математическая теория о перемещении в пространстве без всякой помощи технических средств.

— Ради такого я готов пожертвовать всем!

— Не надо жертв, да, и почему нет известий от Лео? Он уже давно должен был связаться с нами. Неужели я отправил его в преисподню?

Саймон быстро соединился с дежурным.

— Богарт у вас не появлялся?

— Нет, сэр.

— О, боже! Куда же он попал?..

Вики чувствовала себя паршиво. Каждый раз после разговора с приведением, так она называла сверхдальнюю связь с доктором Булманом, у нее разламывалась голова от боли. Но на этот раз у

нее все же голова болела меньше. И прошла головная боль гораздо быстрее, чем обычно в таких случаях. Видимо, Булман все же сдержал слово, говоря, что он постарается более точно настраиваться на биоритм ее мозга. Но хотя боль и стала намного меньше, но тем не менее это была боль, и этим все было сказано. Полежав в постели еще полчаса, Вики отправилась в ванную и стала принимать душ. Упругие струи воды быстро привели ее в хорошее настроение. Растеревшись махровым полотенцем и накинув на плечи халат, она отправилась на крышу дома, где был солнечный солярий. Скинув халат, она улеглась на кушетку и стала принимать солнечные ванны.

Лежа с закрытыми глазами, она внезапно пришла к мысли, что всегда после этих общений с Булманом ощущает необычную ясность в голове и какое-то возбужденное состояние. Ей хотелось начать бегать, смеяться. После каждого такого сеанса. После того, как проходит головная боль, она может с точностью до мельчайших подробностей вспомнить события прошедшие с ней за несколько дней.

Предпочитая загорать рано утром, Вики не менее охотно купалась и загорала в любое время дня и ночи, когда можно было только купаться, конечно. Изредка она позволяла себе эту роскошь — поездку на ночной пляж и одиночное плавание среди ленивых теплых волн. Но в последнее время она уже не помнила, когда позволяла себе сделать это. Сладко потянувшись, она вскочила на ноги, накинула на себя халат и поспешила на кухню.

Закончив завтракать, Вики поспешила на космодром, где должна была опробовать новое форсажное устройство двигателя, разработанное какой-то неизвестной ей фирмой, но которую ей рекомендовал ее механик.

Вот уже пять лет старый Дим Рафаэло Санчес был ее техником, наставником и заботливой нянькой, свято верившим в ее путеводную звезду.

Ангар своей яхты она увидела еще издалека. Он находился в котловине, на берегу полувысохшего озера, выглядевшего теперь лужицей грязи, в котором полно было местных рептилий, отдаленно напоминавших земных ящериц. Вики остановила машину на гребне холма. Отсюда был прекрасный вид. Она вздохнула. «Как хорошо...» Поблизости никого не было видно. Она с сожалением вздохнула и начала спускаться с холма.

Дим встретил ее у ангара, как всегда. Правда, она сразу же отметила какую-то напряженность в его поведении, ранее ни разу ею не замечаемое.

— Старик, что с тобой, у тебя неприятности?

— Нет. Дочка. Неприятности у нас с тобой. Двое неизвестных связались сегодня утром со мной по моему личному коду и предложили кругленькую сумму в десять миллионов кредитов, если я буду поставлять им информацию о тебе.

— И ты конечно, отказал?

— Да, я послал их куда надо и отключился.

— Зря... Следовало согласиться.

Дим даже отшатнулся от удивления. Он растерянно посмотрел на нее. Вики отметила, что его руки от волнения начали дрожать.

— Так было бы лучше, поверь. Можно было бы знать, что они замышляют против меня, и тогда действовать. А теперь надо быть всегда на чеку. А это так тяжело, особенно, когда готовишься к гонкам.

— Что-нибудь серьезное?

— Но, может, это те же, кто гостил у Анжелики?

— Что?! Не может быть! Они не посмеют!

— Я тоже в это хочу верить, — произнесла Вики, но в ее голове не было слышно уверенности.

— Ты проверил новый форсажер, Дим?

— Да, дочка. — Дим оживился, и его настроение улучшилось. — Там все в порядке. Правда, в управлении я обнаружил кое-что, что меня изрядно удивило. Понимаешь, девочка, там есть одна деталька, о назначении которой я никак не могу догадаться...

— Хорошо. Покажешь мне. Я в электронике разбираюсь немного получше, чем ты.

В свое время Вики увлекалась радиокристаллами и микромодулями. Но сначала она внимательно ознакомилась с инструкцией фирмы. Затем принялась изучать схему. Это была новая модель, с которой полностью предусмотрена система запуска и заменена индикационная панель на систему скользящих параметров. Это позволило подключать форсажное устройство к бортовому компьютеру. Что было неоспоримым преимуществом по сравнению с предыдущими моделями гоночных яхт. До сих пор всеми работами, кроме двигателя, управлял компьютер. И вот на этой модели все работы были уже автоматизированы. Она углубилась в изучение системы форсажного устройства. Схема построения механиз-

ма была ей совершенно неизвестна. Она провозилась с ней до самого обеда, но так и не смогла отыскать что-то нефункциональное. У нее было правило во всем разбираться самой. Но на этот раз пришлось просить помощи у Дима.

— Ну, что, дочка? Так и не смогла отыскать сюрприз? Я так и знал, — усмехнулся, подходя, старик, когда она подозвала его.

— Ты, конечно, проверяла схему в прямом режиме. А теперь прогони ее в обратном режиме и просмотри функциональные изменения характеристик.

— Сейчас!

Прошел еще час, прежде чем Вики вышла из корабля. Она устало вытерла лоб, по которому катился пот.

— Ты оказался прав, Дим. Но зачем это им понадобилось?

— Ты это о чем, Вики?

— Ты и вправду не догадываешься, зачем это они установили там еще одну цепь?

— Нет, а что, ты знаешь?

— Думаю, что да. Вот смотри! — Она расстелила на верстаке схему управления. — Смотри. Это контур управления, который и отдает приказы от бортового компьютера на блок управления самого форсажа. Теперь, вот, смотри. Если мы задействуем вот этот канал, перемычку и вот эту цепь, то получится отличная цепочка для блокирования приказов бортового компьютера. Ведь устройство совмещения каналов универсально и попускает сигнал в обоих направлениях. Достаточно вот здесь, — она указала пальцем в узел на схеме, — пристроить микроприемник, как эта цепочка разомкнется и превратит мою яхту в простую баржу. — Она засмеялась.

— Так... ага... значит, сигнал пойдет вот по этому контуру, затем срабатывает реле... — Дим внимательно, миллиметр за миллиметром, повторил движение пальца Вики. Ему с трудом удалось распутывание этой загадки. Лоб покрылся капельками пота, но он продолжал разбирать схему загадочной цепи.

— Ну вот, — облегченно наконец вздохнул он. — Все ясно. Но для блокировки компьютера «им» необходимо установить микропередатчик вот здесь или вот здесь. — Он ткнул пальцем на схеме, где должен был быть, по его мнению, установлен микропередатчик.

— Я тебе об этом и говорила, — усмехнулась Вики. — А теперь мы должны проверить с тобой, а действительно ли они там не установлены... эти «жучки», — задумчиво произнесла она.

— Я это сделаю сам и сейчас же!

— Хорошо, — устало кивнула Вики, — а я пока что немного отдохну.

Она прекрасно знала, что это поручение может выполнить только Дим. Только у него хватит терпения дюйм за дюймом обследовать весь двигательный отсек яхты. Сейчас яхта носила название «Летящая среди звезд». Это поэтическое название придумал Дим. Она долго не хотела переименовывать свою любимицу, но в конце концов согласилась. Тем более подоспел удивительно подходящий для этой ситуации случай — капитальный ремонт. На последних гонках она попала в плотный рой метеоритов, и корпус яхты оказался местами поврежденным.

— Там ничего нет, — сказал измученный Дим, через час возникший возле нее. Он был усталым и немного не в себе от того, что ничего не нашел.

Вики пожала плечами:

— Они там обязательно должны быть. Иначе эта схема бессмысленна...

— Они там будут. Их, очевидно, еще не успели поставить, — пробурчат Дим.

— Пожалуй, ты прав, — согласилась Вики. — Точно! Ну что ж, надо будет ожидать к нам гостей. Послушай, Дим, не забудь активировать следящую систему. Будет лучше, если ты поставишь еще один контур, так, на всякий случай, если они отключат официальный.

— Хорошо. Я настрою его на двигательный отсек и входной люк.

— Теперь еще. Обычный охранный контур настрой на ментоэлектронную систему. Пусть они засекут его и отключат. Тогда они будут чувствовать себя в безопасности.

— Для всей этой работы мне не хватит всей этой ночи, — пробурчал опять старик.

— Постарайся. Я тебя не подгоняю, но не приступай к настройке форсажа до тех пор, пока не выяснишь, где установлены микропередатчики. Это очень, очень важно, учти.

— Будет сделано! — рассмеялся Дим. — Точно и в срок! Я уложусь в график. Никаких задержек не будет. Ты во время приступишь к тренировкам.

— Спасибо, старина. Но может так случиться, что соревнования придется отложить.

— Как?! — у Дима от удивления тестер выпал из рук.

— Пока ничего определенного я сказать не могу, надо кое с кем посоветоваться, надо кое с кем посоветоваться...

— Ты это брось, девочка! Все будет хорошо! Я приглашу пару знакомых парней, и уж тогда точно даже комар не попадет на наш корабль! Тебе обязательно нужно принять участие в соревнованиях! Обязательно!!!

— Забудь думать о каких-то приглашенных парнях! Все, что здесь произошло, должно остаться между нами.

— Но ты должна обещать мне, что примешь участие в гонках!

— Хорошо...

— Вот так бы и раньше! А то не приму... тоже нашла чем порадовать... — буркнул себе под нос Дим и добавил еще что-то, но этого уже Вики не расслышала.

Вики вела машину очень медленно, сбавив скорость, чтобы хорошенько поразмыслить над тем, что удалось узнать. Значит, эти пиявки от нее не отстали... Придется опять потревожить Саймона. Но, как не хочется этого делать! У него ведь и так полно забот. Еще взваливать и ее заботы на его плечи будет не вполне честно, даже несмотря на его отеческую о ней заботу...

Машина медленно начала подниматься в гору. На вершине холма Вики остановилась, вышла из машины и подошла к краю обрыва с правой стороны дороги. Перед ней открывался прекрасный вид на залитую солнцем степь. Трава бурого цвета, под лучами заходящего солнца начала отливать прекрасным багрянцем. Оранжевое солнце (а при заходе оно приобретало именно оранжевый оттенок) почти не слепило глаза и можно было смотреть далеко-далеко вдаль, стараясь угадать, что там за горизонтом...

Внезапно за спиной она услышала резкий звук, отдаленно напоминающий звук лопнувшей струны, и вскрик человека. Она резко обернулась и от удивления даже потеряла дар речи. Перед ней, на земле сидел Богарт — помощник Саймона — и чертыхался, массируя ушибленное колено.

— Вам не нужна помощь, сэр? — прошептала наконец Викки сдавленным голосом.

Богарт поднял голову, увидел Вики и через некоторое время сказал:

— Я хотел бы знать, мисс, где я нахожусь?

— Только после того, как вы объясните мне, каким образом сюда попали? Не с неба же вы свалились?

— Вот именно, с неба. Вернее, из подпространства.

— ... ?! ...

Вики оторопело уставилась на Богарта не в силах произнести ни слова.

Она смотрела на него, словно была загипнотизирована его внезапным появлением в этом месте. Богарт встал и, прихрамывая, подошел к ней.

— Вот так как! Мисс Вики Лауэр! Рад видеть вас. Вы не подбросите меня в нашу контору?

— Конечно же. О чем может быть речь. Но это ведь займет столько времени — до города миль сто. Может быть, вы опять сделаете это... — Она кивнула в ту сторону, где только что сидел Богарт.

— Ничего, ничего, я потерплю. А пока что я должен связаться с Саймоном и доложить ему о случившемся. Думаю, он очень ждет моего сигнала.

Богарт нажал кнопку вызова на своем личном браслете. И тут же в воздухе зазвучал тихий голос коммандера Рэка:

— Саймон Рэк на связи.

Глава 4. Когда одна дверь открывается, другая — закрывается

Боджи пришел в себя сидя на мягком диване. Вокруг суетились какие-то люди. Все они были облачены в бледно-голубые халаты, на нагрудном кармане которых выделялась эмблема «Криогеникса», белоснежная масса айсберга на фоне ярко полярного сияния. Над ним склонился бородатый пожилой человек и спросил:

— Как вы себя чувствуете? Вы говорить можете?

— Да, — ответил Боджи, — м-могу... Но у меня болит голова и хочется спать... Словно я выпил несколько таблеток снотворного...

— Хорошо, хорошо. Расслабьтесь и попытайтесь уснуть. Постарайтесь...

Человек в голубом отошел в дальний конец комнаты и начал о чем-то совещаться с присутствующими в комнате людьми. Затем они тихо вышли, прикрыв за собой дверь.

Боджи долго лежал с закрытыми глазами. Спать ему расхотелось, головная боль прошла. Через некоторое время он открыл глаза и прислушался. Кругом было тихо. Из-за двери не доносилось ни звука, свет в комнате был убран до минимума, отчего в помещении царил полумрак. Он осмотрелся. Это был большой овальный зал. В центре его стоял небольшой круглый столик и три кресла. По стенам были развешаны старинные картины в дорогих золоченых рамах. Что на них было нарисовано, Боджи не понял, так как все тонуло в полумраке. Было непонятно, для чего эта комната предназначалась. Он встал с дивана и подошел к столу. При движении он почувствовал странную усталость и какую-то заторможенность в мышлении. Попытался на чем-то сосредоточиться. Подошел к одной из картин. Это был прекрасный пейзаж Цереры, планеты из созвездия Лиры. Он знал эту планету и поэтому поразился тому, с каким мастерством художник передал картины той жизни. Да, действительно это был шедевр.

Открылась дверь и в комнату вошли два врача.

— Сэр, вам ничего не нужно?

— Не могли бы вы дать мне что-нибудь возбуждающее, чтобы прогнать сонливость?

— Тогда закатайте рукав, и я сделаю вам укол, после чего вы будете свежи, как огурчик, — рассмеялся один из врачей.

Только теперь Боджи обратил внимание, что он раздет. С него снят плащ и пиджак. Он в одной рубашке и брюках, а на ногах вместо туфель — очень мягкие комнатные тапочки.

Боджи закатал рукав рубашки и подставил руку под пневмошприц. Укола он не почувствовал. Врачи ушли, а он уселся в одно из кресел и постарался собраться с мыслями. Постепенно он обрел ясность мышления. И он мог начать осознавать то, что произошло с ним. Он вспомнил, что был похищен и находился у доктора Ричардсона... Потом он вспомнил о том, что говорил ему этот доктор... потом он потерял сознание... и все! Как очутился он в этом зале, Боджи не имел никакого понятия. Он встал и начал прохаживаться по комнате. Чувствовал он себя вполне сносно. Усталости и сонливости не было. Внезапно, на своей спине он почувствовал чей-то цепкий взгляд. Он быстро обернулся. Никого! Но чувство, что его рассматривает кто-то, не уходило. Он поежился и тут вспомнил слова Ричардсона о том, что тот обещал помочь ему выстоять против любых ментоатак. Значит, его уже зондируют! Он не знал, как этому можно противостоять, но сам факт того, что это

делается без его ведома, разозлило Боджи. Он мысленно представил себе человека, который занимается этим грязным делом и то, как он наносит ему в челюсть сильнейший удар кулаком.

Комната задрожала, а свет ярко вспыхнул и осветил все помещение. От неожиданности Боджи вздрогнул и испугался. Ему не был понятен смысл происходящего. Постепенно дрожание пола утихло, а свет снова стал мягким. За дверью послышались шаги, она распахнулась, и на пороге появились три человека в сером.

— Собирайтесь! Вас ждет начальник исследовательского отдела.

— Я готов, — пожал плечами Боджи.

Двое незнакомцев оказались сзади, а третий пошел впереди, указывая дорогу. Они очень долго спускались и поднимались в лифтах, долго шли по петляющим коридорам, пока наконец не пришли в небольшую комнату, в которой стояло оборудование непонятного назначения. В этой комнатке за большим столом сидело три человека, которых Боджи хорошо знал. Он сразу подошел к Вилли Кливингу и крепко пожал ему руку.

— Спасибо, что привели в чувство и не дали погибнуть. Где вы меня подобрали?

— Тебя обнаружила полиция на главном эскалаторе космодрома. Ты был без сознания и только поэтому они обратили на тебя внимание.

— Когда я смогу приступить к экспертизе?

— А вы готовы к ней, господин Боджи? — вскинул брови Вилли.

— А разве в этом есть сомнения? — в свою очередь удивился Боджи.

— Да. Ты уже не тот Боджи, которого я знал столько лет.

— В чем дело, Вилли? Или, став начальником отдела, ты тронулся умом?

— Бросьте паясничать, сэр! Я совершенно серьезно говорю, что ты стал теперь... Ну, в общем, «не человеком»!

Тут уж Боджи ничего не понял.

— Как это «не человеком»??? Что ты имеешь в виду? Неужели перед тобой стоит обезьяна?

Говоря это, Боджи все время усиленно размышлял о том, что же с ним могло произойти и как на него повлиял доктор Фрэнк Ричардсон, когда закончилась их беседа...

— Дело в том, дружище, что вся эта комната набита приборами, которые анализируют психическое, физиологическое и энергетическое состояние человека...

— Так что же тебе показывают эти чертовы приборы? — перебил Вилли Боджи.

— Понимаешь, дружище, насколько я могу судить, твои способности переходят грань даже экстрасенса.

Боджи удивленно огляделся, потом снова уставился на Вилли.

— Хорошо, я не такой, как все остальные, но это не мешает мне провести экспертизу того документа, что находится у вас!

— Ну, если ты настаиваешь, то пожалуйста.

Вилли вытащил из папки, которая находилась перед ним, несколько листков бумаги и протянул их Боджи. Тот внимательно стал просматривать их. Это были копии листков записной книжки, правда, только некоторых листов, но пока не в этом суть. Он внимательно вчитывался в написанное. Чисто автоматически он отметил, что ему легко удается понять, что было написано на недостающих страницах. Труднее было с обрывками формул. Но и с этим он успешно справлялся, достраивая логические цепочки по смыслу. И вот наконец на последней страничке он полностью представил себе всю цепочку формул. Его поразило то, что было заключено в этой формуле. Это было описание пространства — формула Единого Поля, та формула, которую так безуспешно старался вывести еще старик Эйнштейн...

— Что с вами происходит, Боджи? — вывел его из оцепенения голос Вилли. — Вам плохо?

Он посмотрел на собравшихся в комнате людей. Они выжидающе смотрели на него. Он быстро справился с волнением. Но то, что произошло, нельзя уже было скрыть. Так что следовало тянуть время.

— Что случилось, джентльмены?

— Приборы показывают, что через несколько секунд здесь должен был произойти гравитационный взрыв!

— Как видите, мы еще не обратились в прах. Но оставим наши разговоры. Похоже, я напал на след той идеи, что заложена в этих обрывках. Мне потребуется сутки-другие поработать с ними... Думаю, что вы получите то, что хотите...

У Вилли заблестели глаза, и он подался вперед, весь дрожа от нетерпения и возбуждения.

— Ты хочешь сказать, что это не бред, что этот старикан действительно что-то нашел???

— Да, Вилли, вы, похоже, действительно ухлопали гения.

Наступила неловкая пауза. Вилли как-то странно смотрел на Боджи.

— Что ты хочешь этим сказать? — наконец выдавил он из себя.

— Только зря вы прихлопнули профессора Корнера. Он живой в сотни раз сделал бы вам больше, чем все эти обрывки формул.

— Откуда ты знаешь это, Боджи? — внезапно подал голос мужчина, сидевший справа от Вилли.

Боджи недоуменно посмотрел на Вилли. Тот улыбнулся и сказал:

— Позволь представить тебе нашего сотрудника Абрахама Резена, Боджи. И очень прошу тебя, постарайся ответить на этот очень хороший вопрос...

Боджи пожал плечами:

— Просто услышал, что ты подумал, — как можно спокойнее постарался ответить он.

Все трое отпрянули от него, будто он был поражен космической лихорадкой. Они его боялись, особенно Вилли, который, похоже, лучше всех начал понимать его могущество.

— Зачем ты пришел сюда, Боджи? — снова спросил Абрахам.

— Чтобы заработать обещанный миллион кредитов, как было договорено!

— Разве вам нужны еще деньги?

— А кому они не нужны?

— При ваших способностях, мне кажется, вы вполне можете обходиться без денег, — усмехнулся Абрахам.

— Вы, похоже, ошибаетесь, наделяя меня божественными способностями. Поверьте, я далеко не бог, и даже теми свойствами, которыми обладаю, не знаю, как воспользоваться...

— Что!? — воскликнули все трое.

— Дело в том, что они пришли ко мне случайно, и даже не знаю как... Видите ли, я в это время был без сознания.

— Тогда тебя сам бог послал к нам, — обрадовался Вилли.

— Полагаю, ты не будешь возражать, если мы подвергнем тебя медосмотру?

«Ты этого только и хочешь, старая лиса. Сам, небось, метишь в небожители, а?» — промелькнуло у него в голове. А вслух он сказал:

— А зачем это тебе, Вилли? Все, что надо, ты вскоре получишь из этой формулы. — На чистой стороне одной копии листа он быстро набросал только что родившуюся формулу. Она позволяла разработать методику мутагенных изменений в организме человека, которые в конечном итоге выводили его на новый энергетический уровень. Но процесс был очень длительным и многоэтапным, и поэтому Боджи никоим образом не рисковал.

Вилли схватил листок с формулой и начал чуть ли не пожирать его глазами. Два его товарища начали заглядывать ему через плечи, стараясь тоже принять участие в таком событии.

— Это невероятно! Ты просто гений, Боджи! Ты получишь обещанную награду! — захлебываясь от радости произнес Вилли.

— Спасибо, дружище. Когда я получу все?

— Она будет перечислена на твой счет в федеральный банк на Весте.

— Хорошо... и спасибо. Думаю, в столь отдаленном филиале никто не заинтересуется появлением нового счета с такой суммой.

— Может быть, ты все же останешься, Боджи?

— Нет, я хотел бы улететь отсюда ближайшим рейсом.

— Тогда, прощай, — и Вилли протянул ему руку.

«И все-таки вы останетесь у меня, господин Боджи!» — прозвучало у него в мозгу, и тут же тысячу иголок словно вонзились ему в голову.

Превозмогая адскую боль, Боджи постарался сосредоточиться. Он увидел глаза Вилли, в которых стоял неподдельный ужас. Он постарался проследить взгляд этого человека и заметил, как он следит за приборами. Неведомый пресс сковал тело Боджи, волю и мысли. Но только сковал! Они по-прежнему принадлежали ему. И он решил воспользоваться ими. Он заставил работать свой мозг в режиме суперкомпьютера (хоть как это сделать он не представлял — просто такая у него возникла мысль), ища выхода из создавшегося положения. Одновременно стараясь нейтрализовать влияние чужой воли на свое тело. И... внезапно, это начало ему удаваться. Правда, чужое влияние усилилось. «Ты зря стараешься. Ты не в силах противостоять моему могуществу, червяк!» — пронеслось в его голове.

«Думаю, что не зря... — внезапно у него в мозгу выплыло имя, — господин Корман...»

Подсознательно он начал противиться этим ужасным словам. Начал как бы раздвигать оболочку, сковывающую его. И в этот

момент он опять почувствовал некоторое облегчение. Правда, он по-прежнему оставался неподвижным, но боль в голове уменьшилась, и он понял, что на правильном пути. Он представил себе, что окружен оболочкой из тонкой пластической пленки и попытался руками порвать ее, напрягая все силы. Сейчас он уже был на пределе своих сил. И пленка поддалась. И тут же возникла способность немного пошевелить телом.

Хохот Кормана тут же прекратился. Но все равно присутствие этого человека в мозгу Боджи было нестерпимым. Внезапно у Боджи возникла великолепная мысль. Он вспомнил выведенную им только что формулу. Да, это поможет высвободить его из цепких объятий Кормана. Надо было только возбудить гравитационные генераторы-опоры, на которых висело здание Центрального управления фирмы. Он сфокусировал свою волю в кулак и ударил изо всех сил в одну из опор-генераторов. Это привело к тому, что он тут же вышел из строя. Работа остальных была нарушена. Автоматика начала отключать их один за другим. Здание «Криогеникса» на секунду зависло в воздухе, а потом рухнуло вниз. Но такое титаническое усилие отобрало у него последние силы. Он бессильно рухнул на пол. Последнее, что он увидел, это перекошенный ненавистью и страхом рот Абрахама Резена...

На пульте управления вспыхнул огонек экстренного вызова. Одновременно прозвучавший зуммер был раздражающе низок по тону.

— Кому это я понадобился? — недоуменно пробормотал Саймон. — Время оперативной связи закончилось. Странно... Неужели с кем-нибудь из агентов случилось несчастье?.. Саймон Рэк на связи! — произнес он в микрофон, встроенный в браслет правой руки.

— Шеф, я на связи, — прозвучал голос Богарта.

— Ты не попал в диспетчерскую, Лео! Где находишься? Почему так долго молчал?

— Я на 17 автостраде. В ста милях от нашей конторы.

У доктора отвисла челюсть от удивления, а Саймон внимательно посмотрел на него и произнес:

— Ничего не понимаю... Я совершенно не посылал его в этот район. Как он там очутился...

— Может быть, произошло какое-то внешнее вмешательство? — предположил доктор Бенджамин Рокул.

— Похоже... но какое?..

— Шеф, — опять подал голос Богарт, — Вики Лауэр хотела бы переговорить с вами.

— Что!? Как она там оказалась?

— Ваш помощник свалился мне прямо на голову, когда я остановила машину и решила немного прогуляться, — послышался звонкий голос Вики.

— Вот вам и вмешательство из вне, — с ухмылкой заметил доктор.

Саймон вздрогнул и сглотнул, словно эти слова застряли в его горле. Он внимательно посмотрел на свои руки, потом развел их в стороны и резко сжал кулаки. Раздался звук, напоминающий грозовой разряд. Правда, вспышки не было, хотя в помещении запахло озоном. Бенджамин Рокул удивленно поднял брови и вопросительно уставился на Саймона.

— В последнее время я так избавляюсь от излишних эмоций. Такое упражнение возвращает мне спокойствие и уверенность, — улыбнулся Саймон.

— Очень трудно поверить, что передо мной обычный человек. После того, что я здесь вижу... — многозначительно произнес доктор Рокул.

— Саймон! — снова раздался из динамика голос Вики. — Я как раз ехала к тебе, чтобы переговорить...

— Я сейчас вышлю за тобой вертолет! — перебил ее Саймон, одновременно набирая на пульте код вызова оперативной дежурной группы.

— Лейтенант Честер слушает, — донеслось из динамика.

— Сотая миля 17 шоссе! Пассажиров остановившейся автомашины срочно ко мне!

— Вот вам подтверждение моих слов, что переброс вашего помощника не случайность. Эта крошка в момент переброски думала о вас. У нее к вам какое-то дело, а тут этот эксперимент с вашим помощником.

— По-моему это очень просто сводить к тому, что она была настроена на мою волну в момент переброски! Думаю, здесь все намного сложнее. Поэтому, доктор, принимайте это дело в свои руки! Вам будет предоставлена вся информация по «Новому раю», и дай вам бог хоть что-то выжать из нее. Вот вам код и шифр дос-

тупа к секретной информации. Но условие одно — работать только в этом кабинете! Вы не должны выходить с этой информацией во внешнюю компьютерную сеть.

Саймон оторвал листок из записной книжки и подал его доктору Рокулу. Тот молча взял его и спрятал в карман, предварительно посмотрев, что там записано.

— Сейчас вы отправитесь к начальнику экспертного отдела и доложите ему, что вы приняты на работу в качестве личного эксперта Саймона Кеннеди Рэка для работы над темой «Новый рай». Он вас ведет в круг ваших обязанностей, как члена экспертного отдела. Да, еще, о том, что вы видели здесь, никому ни слова! Договорились?

— Конечно, коммандер!

Бенджамин вышел, а Саймон снова углубился в размышление над тем, как так могло произойти, что Богарт попал не туда, куда он его послал. Ведь он провел около сотни экспериментов, перемещая большое количество предметов в пространстве, прежде чем решиться на этот эксперимент. И все было до сих пор удачно. Абсолютно все! И мыши, с которыми он экспериментировал, и все возможные неодушевленные предметы оказывались там, где он хотел их видеть. Значит, связь с Вики все же прослеживается... Без нее тут не обошлось... Но как объяснить все это? Надо подумать!

Распахнулась дверь, и на пороге появился Богарт. Из-за его плеча выглядывала Вики.

— Вот мы и прибыли, Саймон.

— Я пойду в душ, а то от всего этого, страшно вспотел, — засмеялся Богарт. — Это твоя переброска, а потом какая-то жуть в кабине вертолета. Было так жарко...

— Хорошо, — крикнул Саймон. — Жду тебя через полчаса. Помозгуй создавшуюся ситуацию с этой переброской. Требуется все хорошенько обсудить.

— Привет, Саймон, — на губах Вики играла загадочная улыбка. — Как я рада тебя видеть. В последнее время ты не хочешь видеться со мной. Почему?

— О, дорогая, я очень занят. Прости меня.

— Нет! Тут явно другая причина, коммандер! Думаю, я имею право ее знать!

— То, что ты сегодня узнала, случайно узнала, — при этих словах голос Рэка непроизвольно дрогнул, — не дает тебе такого права, — произнес Саймон с ноткой раздражения.

Ему явно не хотелось посвящать Вики в свою тайну. Он всеми силами старался уберечь эту девушку от тех душевных мук, которые она наверняка будут испытывать, когда узнает, кто перед ней. Она ведь еще полностью не оправилась от той травмы, которая возникла со смертью Анжелики. А тут новость о нем...

Все эти мысли вихрем пронеслись у него в голове. Вики, уловив его раздражение, прошла в кабинет и уселась в кресло напротив него.

— Саймон, мне необходимо поговорить с тобой. У меня снова назревают неприятности!

— Что ты имеешь в виду? — Саймон сразу стал сосредоточенным.

— Опять за мной пытаются установить слежку. Кто не знаю. Но думаю, что это те же мерзавцы, которые убили бедную Анжелику. Понимаешь, я сейчас готовлюсь к новой регате. Диму предложил новый форсаж для двигателя. Вещица очень заманчивая и перспективная, но в систему управления встроена одна цепь, при срабатывании которой двигатель выходит из строя, вернее им просто становится невозможно управлять!

Саймон нахмурился, встал и подошел к девушке. Положив свои ладони ей на плечи, он пристально посмотрел ей в глаза, а затем произнес:

— Вики, может быть, ты на некоторое время отложишь свое увлечение звездными яхтами. Ради своей же безопасности...

— Ты забываешь, кто я! — возмущенно вскрикнула Вики, сбрасывая его руки с плеч. — Я «звездная леди», и этим все сказано! Я уйду в космос, даже если это будет моим последним стартом!

— Прости меня, девочка. Я сказал это, не подумав. Это все от того, что ты у меня единственное, что осталось от прежней жизни. И потерять тебя для меня будет равносильно самоубийству.

Саймон говорил это глухим монотонным голосом, даже немного нудным. Но его чувства были написаны на его лице. На нем возникла какая-то особая решительность, а глаза засветились зелено-голубым огнем. Вики не обратила на эти изменения его внешности никакого внимания, так как полностью была поглощена осознанием только что сказанных им слов. Внутри нее что-то шевельнулось, и она почувствовала, как огромная волна нежности захлестывает ее. Сердце учащенно забилось, на глазах появились слезы. Но она усилием воли справилась со своими чувствами.

Сейчас, как никогда она прекрасно понимала Саймона. Она даже удивилась этому. Для нее стало непонятным, как это она смогла угадать не только эмоции, но и желания Саймона по почти неуловимым признакам.

— Я уже взрослый человек, Саймон. И пора тебе уже это понять и перестать относиться ко мне, как к ребенку!

— Да, это так. Ты уже совсем повзрослела и стала копией...

Он не договорил, повернулся и направился к компьютеру. Набрав на клавиатуре какой-то код, он обернулся к Вики:

— Что это за фирма поставила тебе форсажер?

Она назвала ему фирму. Снова его пальцы забегали по клавиатуре. Через несколько минут он оторвался от экрана дисплея, посмотрел снова на Вики, улыбнулся и сказал:

— Ну вот, подождем немного и кое-что выясним...

Через пять минут на дисплее возникла строчка букв:

МАЛО ИСХОДНЫХ ДАННЫХ

— Я так и предполагал, — кивнул Саймон.

Он уселся в кресло и уставился в одну точку на противоположной стене. Сейчас он мысленно представлял себя на месте преступника. То, что они поставили себе целью вывести яхту из соревнований во время гонок, не подлежало сомнению. И как это они собрались сделать такое ясно! Вот Вики дает команду на поворот, затем на торможение, а в это время поступает команда на форсирование и... взрыв двигателей или развал корабля на части, что тоже равноценно взрыву... А так как гоночная яхта не имеет спасательной капсулы, то и взрыв и разваливание корабля на части приведет к гибели Вики...

— Как подключен форсажер к центральному компьютеру? — спросил он у Вики, рывком поднимаясь с кресла.

— Напрямую, через коммутационный блок.

— Вот и отлично! Тогда тебе нечего бояться их микропередатчиков!

Он наклонился к дисплею и быстро нарисовал принципиальную схему — двигатель — компьютер.

Вики добавила и внесла коррективы применительно к ее яхте. Мысль Саймона работала ясно, четко. Он уже себе полностью представил, как лично защитит яхту и Вики.

— Вот здесь на выходе поставишь односторонний фильтр... И вот здесь... — Он указал, где именно. — Это тебе позволит пе-

ревести работу форсажера в режим «глухого диалога», то есть в режим работы, когда он выполняет только команды, поданные с центрального компьютерного пульта.

— Так просто? — не поверив, удивилась Вики.

Затем, поразмыслив, она поняла простоту этого замысла. Гениальную простоту защиты, на которую был способен сейчас только Саймон.

— Спасибо за заботу, дорогой! Ты опять помогаешь мне выйти из беды!

Ее глаза светились от счастья, она хотела было обнять его и расцеловать, но, встретившись с его взглядом, смутилась и отвернулась. Ее порыв быстро иссяк. Стало очень обидно за то, что он до сих пор не хочет понять, что она уже не девочка, что уже вышла с того возраста, когда считалась девушкой. Хотя она довольно и молода, но жизнь заставила ее стать взрослой. Неужели он до сих пор любит ее мать? Нет, это абсурд! Она чувствует на себе его взгляды, чувствует его желание оградить ее от бед этого мира, быть всегда ее ангелом-хранителем. Но неужели это просто чувство отца, до безумия любящего свою дочь? Если это так, то она заставит его полюбить ее как женщину! Так же горячо, как когда-то он любил ее мать!

Через мгновение она сказала:

— Саймон, вам большой привет передает доктор Булман.

— Что ты сказала? Он жив? Где он?

— Он скрывается на одной из планет. Вот ее координаты, — и Вики написала координаты неизвестной ему планеты.

— Правда, он свяжется с тобой сам. Меня он попросил тебе ничего не говорить, пока ты... нет, это не важно. Но я вижу, что ты уже вполне готов для беседы с ним.

— Ты имеешь в виду эксперимент с Богартом?

— Да.

— Значит, я не один такой...

— Еще раз да, Саймон. Ты действительно не один такой урод. Ведь именно это ты не хотел говорить мне, не так ли? Доктор Булман тоже такой же, как и ты, хотя и обладает более мощным полем, да и количество эффектов, которым он научился, побольше, чем у тебя.

— А ты откуда все это знаешь?

Тут его лицо начало снова вытягиваться, в глазах заискрился лихорадочный блеск. Только теперь он понял, что брелок ведь первоначально был у нее, а это означает, что...

Вики озорно улыбнулась ему и протянула руку. Его нагрудный карман, где хранились в данный момент его записная книжка, открылся без всякого на то его желания, и через мгновение книжка оказалась в ее ладони...

Глава 5. Кое-кто начинает сомневаться...

Вот уже третью неделю Зета Грейс работала в аналитическом отделе ГСБ на Крокусе. Теперь ее жизнь была наполнена смыслом. Раны на лице зажили. Она даже похорошела после пластической операции. А так как фигура у нее всегда была подтянутой и стройной, то сейчас, глядя на себя в зеркало, она с удовольствием отмечала, что выглядит весьма недурно. Если покрасить волосы и умело наложить макияж, то вполне можно сойти за шестнадцатилетнюю девчонку. Шмыгнув носом, она снова уселась за компьютер. Временем она была не ограничена, но задача, поставленная перед ней Саймоном, была очень сложной. Для ее выполнения ей пришлось пройти на перепрограммирование поискового компьютера. Специалисты из отдела обеспечения целый день возились с компьютером, выполняя ее задание. Но даже после этого ей не удалось напасть на неофициальные контакты «Криогеникса». Следовало сделать перерыв в работе. За эти три недели накопилась довольно большая усталость. Сдав помещение дежурному, она отправилась к себе домой. Теперь она жила в жилом комплексе неподалеку от ГСБ и имела в своем распоряжении просторную квартиру, более просторную, чем это надо для одного человека.

Приняв душ, она прилегла на кушетку. Немного полежав, она занялась психотренингом, и вскоре к ней вернулось хорошее настроение и бодрость тела. Поплескавшись под душем и растеревшись махровым полотенцем, она стала готовой ко всему! А лучше всего, как мысленно рассмеялась она, пойти потанцевать и хорошенько повеселиться в ближайший музыкальный центр.

Наложив грим и одевшись (не забыв при этом напялить парик, который полностью изменял ее внешность), она вышла на улицу. Остановив первое попавшееся такси, она попросила отвезти ее в молодежный центр.

Везде на Крокусе можно было встретить эмблему «Криогеникса». Даже в молодежном музыкальном центре, где, казалось, ей то и делать было нечего, она мелькала перед глазами. В последнее

время Зету это стало даже раздражать, но сейчас следовало не обращать на это внимание. Она уселась в мягкое кресло, взяла с подноса стакан тоника со льдом, который держал робот-слуга, и начала не спеша пить, с любопытством поглядывая по сторонам.

Давно она уже не бывала здесь. Раньше все как-то не было времени, а потом желания. Теперь же следовало обязательно развеяться. Она внимательно осмотрела зал. Он был полупустым. Только небольшая группа любителей поп-рок-уда танцевала в центре под музыку музыкального автомата. Кроме этих волосатых юнцов и коротко стриженных девиц было всего несколько пар, которые сидели в другом конце зала за столиками. Допив свой тоник, она направилась к музыкальному автомату, села возле него в кресло, просмотрела каталог и включила любимую пятнадцатую цветосимфонию. Мягкие пастельные тона и приятная старинная музыка. Откинувшись на спинку кресла и прикрыв глаза, она погрузилась в нирвану. Расслабленная, она не замечала ничего вокруг себя и вздрогнула, когда к ней обратился незнакомец.

— Вам нескучно слушать эту траурную мелодию? Не лучше ли сменить пластинку и немного потанцевать?

— Я не люблю слишком громкую и быструю музыку, — улыбнулась она, открыв глаза. Перед ней стоял высокий, стройный мужчина, лет тридцати. Одет он был в костюм спортивного покроя, очень эффективно подчеркивавший его великолепную фигуру. Светло-карие глаза, прямой нос и темно-каштановые волосы, волнами спадающие на плечи придавали ему вид сказочного богатыря. В глазах незнакомца бегали искорки веселья, а сам он улыбался.

— Редко сейчас увидишь девушку, которая не любила бы танцевать!

— А разве я сказала вам, что не люблю танцевать? Просто мне сейчас хочется чего-то другого, а не танцевать...

— О, неужели мне повезло, и я встретил принцессу из старинной сказки?

— Нет, вы просто встретили человека, которого привлекает тишина, медленные танцы и спокойная музыка.

— Вы любите одиночество?

— Нет, я к нему просто привыкла.

— Тогда мне понятно ваше настроение. Но почему же вы все-таки пришли сюда, где как правило всегда шумно и многолюдно?

— Я люблю людей и ненавижу одиночество. Здесь всегда много новых лиц. Даже шум, который я ненавижу, приносит мне облегчение.

— Неужели вы так одиноки? — удивленно спросил он.

— Да...

Молодой человек не сразу нашел, что ответить. Он внимательно посмотрел на Зету и только через некоторое время сказал:

— Позвольте тогда навязать вам свое общество. Бен Джексон, инженер-криогенщик.

Зета с самого начала подсознательно с подозрением начала относиться к этому молодому человеку. А тут еще и его профессия... Она решила не называть своего настоящего имени.

— Габриэла Маршан, работаю в информационном центре.

— Вот и прекрасно, а теперь пошли танцевать, — и Бен протянул руку, приглашая следовать за собой. — Как раз ваш любимый медленный танец.

Действительно, зазвучала медленная музыка. Зета улыбнулась и поднялась. В центре зала уже танцевало несколько пар. Она положила руку на плечо мужчины и закружилась в медленном танце, закрыв от удовольствия глаза. Бен оказался хорошим партнером и ни разу не наступил ей на ноги. Она чувствовала себя счастливой, как когда-то в детстве, когда, вот так, именно прижимая к себе, учил ее танцевать первый мужчина, в которого она была без памяти влюблена...

После того, как они закончили танец, Бен подвел ее к стойке бара и предложил заказать на свой выбор коктейли. Зета заказала себе фруктово-ананасовый, а ему — бокал шампанского. Он взял бокал и заказал бармену еще один.

— Шампанское не коктейль, его пьют только вдвоем или в компании, — сказал он, протягивая ей второй бокал. Зете пришлось взять его и сделать глоток, хотя она очень не хотела давать Бену повод думать о ней, как о девушке, ищущей развлечений. Затем она села и стала через соломинку потягивать свой фруктовый коктейль. Бен, усевшись справа, закурил и начал что-то говорить ей. Но она не слышала. Да и зачем, ей и так было очень хорошо.

Через несколько минут Бен понял, что его рассказ впустую, и тогда он встал и предложил даме проводить ее за столик.

Там Бен опять принялся рассказывать ей о себе, о своих родителях, о двух младших сестрах, о своей работе в фирме «Криогеникс» и о том, что он любит и что нет.

Зете пришлось признать, что Бен отличный рассказчик. Но она так и не изменила своему решению и, принявшись в свою очередь рассказывать о своей жизни, очень часто упускала детали, по которым ее было бы очень легко вычислить.

В конце вечера Бен предложил поехать к нему, но Зета отказалась. Тогда Бен тут же назначил ей свидание на следующий день в этом же зале. Он хотел было бы отвезти ее на своей машине домой, но она опять отказалась и, подозвав такси, поехала домой.

Уже лежа в постели, она никак не могла заставить себя забыть Бена. О, боже! Такой красивый, мужественный и, конечно же, добрый и умный. Строя радужные мечты на будущее, она не заметила, как заснула.

Утром она проснулась с прекрасным настроением. Перекусив на скорую руку, она поспешила на работу. На столе уже был целый ворох распечаток, на просмотр которых ушло добрых полчаса. Затем она села за дисплей центрального Компьютера ГСБ. На этот раз ей повезло. Через три часа работы она получила новую комбинацию из названий фирм. На этот раз это была смесь очень солидных фирм и фирм «однодневок», которые создаются как правило для проведения одной или нескольких экономических операций и тут же ликвидируются.

Она принялась внимательно изучать список солидных фирм. В основном, это были фирмы специализирующиеся на радиоэлектронике, медоборудовании и изготовлении биопрепаратов. В своих отраслях они были лидерами. Вместе с тем, все их сделки не имели ничего общего с программой «Новый рай». Или во всяком случае на первый взгляд так казалось. Зато вся деятельность мелких компаний представляла сплошную головоломку, такую, что даже компьютер ГСБ не в силах был решить. Зета отложила в сторону пластиковые записи этих фирм и еще раз сделала запрос в компьютер по поводу этих фирм. Но на этот раз попросив выделить фирмы, которые в последние несколько лет проявляли наибольшую активность в области электроники, медицины и биологии. Через несколько минут компьютер выдал название трех фирм. Она трижды проверила данные компьютера, пока наконец решилась набрать номер Саймона Рэка.

* * *

— Викки?! Т-т-ты... ты так же, как и я... — начал было заикаясь Саймон. Даже его стальные нервы не выдержали такого напряжения.

— Да, дорогой, — улыбнулась девушка. — Мы с тобой стали мутантами. И не только мы. Из того, что рассказал мне профессор Булман, следует, что он знает еще о группе пяти человек, которые обладают приблизительно такими же свойствами, что и мы.

Саймон, казалось, был изумлен тем, что услышал. Вики не поняла его реакцию. Он приблизился к ней и прошептал, глядя в глаза:

— Повтори, что ты сказала!

При этом его глаза лихорадочно блестели, а височная артерия пульсировала в бешенном темпе. Он тяжело дышал, как от быстрого и долгого бега. Вики даже испугалась за его состояние. Такого сумбура в его мыслях она еще ни разу не чувствовала. Она заглянула ему в глаза и почувствовала невероятное счастье, исходящее от его взгляда. Тут она поняла, в чем дело. И обняла его за шею и поцеловала. Он чуть не задохнулся. Она только и смогла разобрать: «...любимая, родная, единственная... люблю...» Он обнял ее за плечи, привлек к себе и начал целовать, целовать, целовать...

— Неужели ты не понял, Саймон, что я тебя люблю. Люблю не как отца, а как своего будущего мужа. Ведь ты для меня не только отец, а самый близкий человек, которого я вот уже много лет люблю...

— Прости меня, Вики, что я отрывал тебя от своего сердца. Я думал, что не имею права на твою любовь.

— Теперь ты знаешь, что ошибался.

— Да.

Только теперь они заметили, что висят в воздухе, а вокруг них сияние, вроде полярного. Все приборы точно взбесились. На пульте охранной сигнализации ревел сигнал экстренного вызова. Он включил экран. Дежурный был очень встревожен:

— Сэр, все приборы защиты вашего кабинета вышли из строя, что там у вас происходит?

— Идет эксперимент по программе «Новый рай».

Дежурный хотел было еще что-то сказать, но передумал, кивнул и отключился.

Приборы постепенно пришли в норму.

— Теперь и поцеловать тебя здесь будет нельзя, — засмеялся Саймон.

— Ничего, дома это даже будет лучше, — в тон ему ответила Вики. Она была счастлива. Беспредельно счастлива. Это мог почувствовать каждый, кто только взглянул бы сейчас ей в лицо.

— Меня сейчас волнует, как я буду общаться с доктором Булманом?

— Он сам тебя найдет. Будем вместе с ним общаться. Думаю, ты не испугаешься его так, как я испугалась, когда голографическое изображение его головы возникло передо мной.

— Думаю, никакого изображения ты просто-напросто не видела. Я имею в виду, видела глазами, дорогая. Скорее всего, это была зрительная галлюцинация, переданная тебе непосредственно в мозг, а мозг уже интерпретировал это таким образом.

— Мне же показалось, что я просто сошла с ума.

— Теперь тебе это уже не будет казаться, — услышала она. Но это был как бы ее внутренний голос, поскольку губы Саймона оставались сомкнутыми.

— Я это знаю, — таким же способом ответила она ему.

Глаза Саймона светились счастьем.

— Теперь мы никогда не расстанемся, родная. Где бы ты ни была, я буду всегда с тобой.

— Да, теперь мы с тобой не расстанемся до самой смерти...

Она произнесла это так уверенно, что Саймон невольно вздрогнул. Ему показалось, что сейчас перед ним не Вики, а ее мать, которой когда-то тоже хватало решительности отдать предпочтение другому, хотя прекрасно знала, как Саймон ее боготворит.

— Уже поздно, Вики, пора идти домой, — сказал он и ужаснулся. Он жил в однокомнатной квартире, старого образца, в пристройке к техническому корпусу ГСБ.

— Не смущайся, дорогой. Теперь моя квартира становится нашей, — рассмеялась Вики.

— О, боже, от этой женщины ничего не скроешь, — подумал Саймон и покраснел от смущения. Посмотрев Вики в глаза, он попросил:

— Вспомни свою комнату, дорогая.

После этого обнял девушку, сосредоточился и...

Они очутились посреди комнаты. В ушах звенело, а во рту чувствовался привкус горечи. Судя по внешнему виду, Вика чувствовала себя не лучше. У нее был вид испуганного ребенка. Тут

Саймон почувствовал какой-то дискомфорт. В воздухе начало нарастать напряжение. И еще что-то. Он никак не мог понять, на что это похоже. Такое чувство он, похоже, испытывал впервые. Внезапно он заметил, что Вики тоже как будто и чему-то прислушивается. Где-то в глубине квартиры что-то звякнуло. Вики тут же бросилась на звук.

Через несколько секунд она появилась вновь, ведя за руку пожилого, но еще крепкого мужчину.

— Знакомься, Саймон, это доктор Булман!

Боджи пришел в себя привязанным к койке. Все его тело было опутано датчиками и проводами. Он не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Не мог даже поднять голову, чтобы посмотреть, что же произошло? Он так и не мог вспомнить, как ни старался.

— Вы уже пришли в себя, господин Боджи? Ну и отлично. Сейчас вас покормят, — раздался незнакомый голос из динамика, укрепленного над изголовьем.

Открылась дверь, и в комнату въехал робот-сиделка, стандартная модель. Остановившись возле Боджи, он выдвинул из себя трубку, которая точно попала в рот узника. Как только он захватил ее зубами, в рот ему полился теплый вкусный бульон. Насытившись, он сжал конец трубы зубами, и подача питания тут же прекратилась. Выплюнув трубку, он уставился в потолок. Робот отъехал. На потолке был установлен экран видеомонитора.

Через какое-то время, Боджи никак не мог оценить бег времени в этом помещении, экран засветился, и на нем возникло лицо незнакомого человека.

— Вот мы и встретились, господин Боджи. Я так рад видеть вас. Видите ли, я давно хотел встретиться с вами, и вот удача! Она состоялась.

— Кто вы?

— Я Корман. Харли Корман.

— Так вот вы какой, господин БОГ!?

— Что, не ожидал увидеть старика? Я действительно непохож на супермена.

— Я вас именно таким себе и представлял, — буркнул Боджи. — Желчным маразматиком!

— Ты ошибаешься, мой мальчик, маразматиком стал ты. Ты даже не помнишь, что было с тобой час назад, — зловеще зашипел

Корман и засмеялся, словно лопались пузыри, прорывающиеся через мед. — Ты осмелился выступить против меня, червяк! Это я стер тебе память, и теперь ты ничто! Ты больше не человек! Теперь ты останешься здесь, в этой лаборатории, и я буду проводить на тебе эксперименты! Да, да, дорогой, ты станешь опытным образцовым материалом. — Он снова зловеще засмеялся.

Боджи действительно испугался. Он никак не мог предполагать, что окажется в роли подопытного кролик. И этот испуг таки сослужил хорошую службу. Он начал лихорадочно думать, как выбраться из создавшейся ситуации. Сначала требовалось вспомнить, что все-таки произошло с ним, как он оказался здесь.

Ничего.

Ну что ж, дальше. Затем он, наливаясь бешенством, начал рваться, стараясь освободиться от пут.

Бесполезно.

Он долго бился в припадке ярости, вертелся, но так и не смог вырваться. Все это время с экрана на него взирал Корман и, желчно улыбаясь, советовал, что следует сделать в следующую очередь. Совершенно обессилив, Боджи затих.

Его воспаленный мозг метался в поисках выхода и не находил его. Внезапно он почувствовал, что впадает в какое-то забытье.

«Похоже, я впадаю в бред», — решил он, но тут не удивился тому, как логически правильно он мыслит.

Он не смог найти объяснений своему состоянию. Некоторое время он пролежал в таком состоянии, не обращая ни на что никакого внимания. Приборы, расположенные вокруг его постели мерно жужжали и перемигивались лампочками. Через какое-то время он вдруг ощутил, что туман перед глазами начал рассеиваться и сквозь него проступает ЧТО-ТО.

Сначала неясно, потом все четче и четче перед ним начал возникать контур человеческой головы. Вот последний сгусток тумана исчез и он увидел, что это голова мужчины, причем живая голова, а не портрет, внимательно смотрит на него немигающим взглядом.

Боджи решил, что сходит с ума, но потом отбросил эту мысль, так как вспомнил угрозы Кармана, решил, что это все результаты его деятельности. Он внимательно присмотрелся к голове, и внезапно у него зародилось какое-то подозрение. Он начал смутно припоминать, что где-то уже видел этого человека... Но где? Это пока что было для него загадкой.

— Вспоминай, скорее вспоминай меня, Боджи! — раздался энергичный голос у него в мозгу. — Вспомни доктора Ричардсона!

Этот голос был очень знаком Боджи. Он напряг свою память. Но тут что-то в атмосфере комнаты начало происходить. И первое подтверждение — голова начала меркнуть, контуры ее искажаться. Через мгновение Боджи почувствовал, что словно две силы начали борьбу за его тело, пытаясь завладеть им.

Борьба была настолько яростной, что он почувствовал — еще мгновение и тело его разорвется на части. Но в последний момент, когда он уже убедил себя, что уже слышит хруст костей, будто удар молнии пронзил его мозг, и перед его взглядом возникла комната, та, пещерная комната, в которой сидел доктор Ричардсон и он. Тут все на мгновение померкло перед его глазами, и снова та комната возникла перед его взором, комната, где он когда-то находился, и три сосредоточенных лица, склоненных над ним...

Саймон опустил пистолет. Вот он какой, неуловимый доктор Булман. Сколько же было отработано версий по этому человеку, сколько времени потрачено впустую, сидя за компьютером.

— А я вас представлял другим, доктор, — сказал Саймон, пряча пистолет в карман.

— Я это знаю, — с улыбкой ответил тот.

— Прошу извинить меня за столь бесцеремонное вмешательство, но пришло время поговорить с вами и помочь вам в нашей борьбе с Харли Корманом.

— Вы считаете, что пришло время с ним вступить в контакт?

— Вы это уже сделали, но туда прибыл ваш сотрудник, пожал плечами доктор Булман.

— Что ж вы стоите, прошу садитесь, — раздался за их спинами голос Вики.

Мужчины повернулись и увидели, что девушка показывает на диван, к которому был уже придвинут столик с чашечками кофе и горкой ароматных тостов на подносе посреди стола.

— Когда же ты все это успела? — только и смог вымолвить Саймон.

Вики улыбнулась:

— Прошу вас, доктор Булман.

Они с Вики сели на диван, а Булман устроился напротив в мягком кресле.

— Что вам известно о судьбе Боджи? — спросил доктора Саймон. — Я с ним потерял ментоконтакт, затем были какие-то моменты, когда я вроде бы нащупывал его, но затем снова полное молчание.

— Я все время поддерживал с ним контакт — ответил Булман. — Затем, когда Корман решил его уничтожить, я совместно с доктором Ричардсоном вызволил его из лап этого хищника.

— Значит, мы действительно не одни! — воскликнул Саймон. — Но знаете, что меня огорчает, это то, что ментовласть принадлежит не вполне порядочным людям... некоторым из них...

— Да, — кивнул Булман. — К большому моему сожалению это вышло за пределы моего контроля. Я не препятствовал, чтобы «брелок» попал в ваши руки, ибо я с самого начала зачислил вас в свои союзники.

— Так, значит, не случайно я его получила? — удивленно спросила Вики.

— Да, девочка. Карл передал тебе брелок под моим внушением. Он как раз вовремя успел это сделать. Ищейки Кормана уже напали на его след, и он был обречен. Я же ни чем не был способен ему помочь, потому что самому пришлось бежать от ищеек «Криогеникса». Я рассчитывал, что нас будет трое, но как выяснилось позже, Корман тоже пошел по этому пути и стремится стать суперменом для того, чтобы обладать властью над всем миром. Я вообще сторонник того, чтобы это изобретение было положено в сейф. Но так получилось, что джинн оказался выпущенным из бутылки. И вот случилось, то, чего я больше всего опасался — оно попало в нечестные руки.

Саймон внимательно слушал Булмана, медленно куря сигарету. Вики склонила голову на его плечо и с тем же вниманием вслушивалась в каждое слово доктора.

— А разве мы сейчас не способны уничтожить этого негодяя? — поинтересовался Саймон, когда Булман перевел дух, останавливаясь в своем рассказе.

Вики вздрогнула от этих слов, но только крепче прижалась к Саймону.

— Нет, Рэк, не способны. Даже после того, как Боджи уничтожил два их основных усилителя пси-поля, ментопотенциал самого Кормана настолько силен, что я даже не знаю, способен ли с ним кто-либо справиться. Понимаешь, у меня пока нет желания состязаться с ним в могуществе.

На некоторое время в комнате повисла тишина, затем Саймон поинтересовался:

— Так сколько же нас, обладающих этими свойствами?

— Я установил контакт с семью людьми...

— Кто они? — Вики явно была заинтригована ответом доктора.

— Это вы, я, Корман, и еще трое. Судя по тому, что они только временами находятся на Юлии и после этого там происходят сбои в работе исследовательского комплекса «Криогеникса», вне всякого сомнения, что они наши союзники. Но, пока, что мне не удалось вступить с ними в контакт.

— Всего семь человек? — удивилась Вики. — Так мало?

— Нет, девочка, так много. Я очень боюсь, что бесконтрольная деятельность человечества в этом направлении может привести к его гибели. Думаю, вы согласитесь со мной.

— Только отчасти доктор. Только отчасти, — задумчиво произнес Саймон. — Ведь зло наступает только тогда, когда этого хотят злые люди. Понимаете доктор, *злые!* Преступники! Таких людей мы знаем и сможем оградить человечество от них. Но вы подумайте, доктор, да, да, подумайте над перспективами, которые открываются перед обновленным человечеством. Ведь тогда оно сможет полностью овладеть пространством, а может быть, даже и временем. Нам тогда не потребуется строить громоздкие корабли для путешествия с одной планеты на другую. Одно волевое усилие и ты там, где хочешь быть. И еще много такого, чего я даже сейчас не могу себе представить, потому что просто не знаю и не догадываюсь об этом. Это все и приведет нас к невиданному расцвету, могуществу нашей цивилизации. Вы только представьте себе это, доктор!

На короткое время все замолчали. Саймон тяжело дышал, глядя на Булмана, а Вики была прямо поражена красноречием любимого. Ее глаза блестели, а щеки пылали. Только доктор оставался спокойным и рассудительным. Казалось, его совсем не затронула волнующая речь Саймона. Он смотрел в одну точку, словно находясь в оцепенении. Затем он вздрогнул, поднял голову и посмотрел Саймону прямо в глаза. Затем начал говорить:

— В принципе это может быть в действительности так, но только при удачном стечении обстоятельств, многие из которых от нас просто не зависят. Вероятность такого процесса мала и со временем уменьшается, стремясь к нулю, при стремлении времени к вечности.

— Почему вы так считаете, док? — удивилась Вики.

— Здесь два процесса, о которых Саймон не сказал ни слова, но которые неотвратимо будут нарастать со временем и которые грозят погубить нашу цивилизацию.

— Что это за процессы? — твердо спросил Саймон.

— В первую очередь, это наши дети. Да, да, Саймон, наши дети. Ты забыл о них. Рано или поздно, но у вас будут прекрасные малыши, которых вы воспитаете отличными людьми, я в этом уверен...

Эти слова заставили покраснеть Вики, а Саймона улыбнуться.

— ...Но это ваши дети, Саймон. А где гарантия, что дети остальных членов нашего общества, обладающих теми же свойствами, станут такими же? Этого никто не сможет сказать! Ни один мозг, как бы его не запрограммировали, не даст вам положительного ответа. Да вы об этом и сами знаете. Но это еще не все, Саймон. Есть не один процесс, а вернее антипроцесс. Это регресс нашего общества. Как только наступит предел возможностей человеческого индивидуума, как только человечество перестанет стремиться к совершенствованию, а это неизбежно при таком уровне концентрации энергетических ресурсов, наступит регресс в сознании и человечество начнет медленно, но неуклонно катиться вниз к своему закату. Так уже было. Не одна цивилизация гибла от пресыщения. Вспомните нашу старушку Землю с ее цивилизациями — Египет, Древний Рим. Достигнув своего могущества, эти цивилизации гибли. Вы, конечно, можете мне возразить, но диалектика есть диалектика и от этого никуда не уйдешь. При достижении определенного потолка в своем развитии любая цивилизация наталкивается на процесс упадка и не каждая из них способна ему противостоять. Я считаю, что наша цивилизация угаснет, если все мы станем такими, как вы и я. И не подумайте, что я эгоист и втайне буду радоваться своему могуществу. Это не так.

Булман замолчал. В комнате повисла гнетущая тишина. Вики и Саймон с трудом переваривали услышанное. Булман же этим временем взял со стола чашку кофе и небольшими глотками начал пить, заедая бисквитами. Через некоторое время Вики дрожащим голосом спросила Булмана:

— И что же вы нам предлагаете? Не иметь детей?

Саймон вздрогнул и резко повернулся к доктору. Тот не спеша поставил чашку на стол, дожевал бисквит и только после этого заговорил.

— Вы меня поняли буквально. Ни перед вами, ни перед вашими детьми и внуками такой проблемы стоять не будет, но в дальнейшем она обязательно проявится. Да и я не могу сейчас со сто процентной гарантией утверждать, что ваши свойства полностью передадутся вашим потомкам, а не заглохнут по времени.

Вики улыбнулась и посмотрела на Саймона. Тот кивнул ей и тоже улыбнулся.

Булман посмотрел на часы и поднялся.

— Прошу меня простить, но сейчас я ухожу. Вам надо отдохнуть. Я буду у вас завтра утром, и мы обсудим, как помочь Боджи выбраться с Юлии и как помочь этим троим нашим неизвестным союзникам войти с нами в контакт.

Глава 6. Перед становится задом, а зад становится передом

Боджи с большим трудом приходил в сознание. Сначала ему казалось, что он разламывается по частям от чудовищных перегрузок. Затем ему показалось, что он сгорает от внутреннего пламени, которое его спалило, затем возникло ощущение, что его мозг взорвался как сверхновая. От этого последнего ощущения он пришел в себя и сразу же застонал. Адская головная боль не позволила ему снова впасть в забытье. Он почувствовал, как кто-то осторожно дотронулся до его лба, потом до губ, разжал их и влил в рот какую-то жидкость. Глаза его по-прежнему оставались закрытыми. Не было сил их открыть. Постепенно головная боль стала уменьшаться. Он почувствовал облегчение и стал погружаться опять в пучину небытия. Последним его ощущением было чувство страха о том, что он умирает. Затем наступил покой.

Он не помнил, сколько времени пролежал без сознания. И практически забыл все, что предшествовало его появлению в этой комнате. Только где-то в уголке сознания, на границе между сознанием и небытием в его памяти возникали какие-то образы. Но они были настолько неясными и настолько блеклыми, что он никак не мог припомнить, что же послужило причиной тому, что он оказался в этом помещении.

Наконец он полностью пришел в себя. Теперь он мог оценить полностью в достаточной мере, что лежит в удобной постели в комнате без окон. На потолке были матовые плафоны, откуда

лился мягкий неясный свет. Двери комнаты были полностью прикрыты.

Прошло какое-то время, и в комнату вошла, осторожно приоткрывая дверь, миловидная девушка с подносом в руках. Она улыбнулась ему, поставила поднос на столик, потом пододвинула его к кровати и сама села рядом. На подносе находились три тарелки с едой. Он почувствовал дурманящий запах бульона и понял, что голоден.

Боджи попытался приподняться, но девушка решительно положила ему на грудь руку, укладывая снова в постель. При этом она сказала:

— Господин Боджи, вам нельзя вставать! Я сама покормлю вас!

Она приподняла его, положила под спину подушку и, взяв со столика тарелку с бульоном, стала его кормить. Это было что-то потрясающее — бульон оказался такой вкусный, что Боджи попросил еще добавки. Но девушка покачала головой и взяла тарелку с розовым желе с подноса. Оно тоже оказалось приятным на вкус. В третьей тарелке оказался молочный кисель. Он и его съел.

После этого опять накатила слабость и сонливость. Девушка отметила это и тут же помогла ему улечься поудобнее, а затем молча вышла из комнаты, плотно прикрыв за собой двери.

Боджи спал неспокойно. Ему снились кошмары. То его кто-то пытал, то он с кем-то самым непостижимым образом сражался, а напоследок ему приснилось, что его кто-то похищал. Но тем не менее, когда он проснулся, то почувствовал себя нормально. Он встал с постели и стал осматривать комнату, в которой оказался по воле случая. Она ему ничего не напоминала. Голые стены, минимум мебели, мягкое освещение, его кровать, столик и пульт управления, его кровать, столик в изголовье кровати. Тут он увидел на стуле свои вещи, которые были поглажены и аккуратно уложены на стул, который стоял рядом с кроватью. Он начал одеваться, и как только сделал это, раскрылась дверь, и на пороге возник смутно знакомый пожилой человек. Незнакомец приятно улыбнулся, но во взгляде его чувствовалась скрытая печаль. Боджи внимательно уставился на него. Что-то знакомое лицо... черты лица, седые волосы. И тут он вспомнил, кто этот человек и где он, Боджи, сейчас находится. И не только это, но и все остальное, что с ним происходило раннее, вплоть до последнего момента, когда он, облепленный датчиками, снова потерял сознание.

— Доктор Фрэнк Ричардсон! — воскликнул Боджи.

— Я рад, что к вам вернулась память, господин Боджи.

— Как вам удалось вырвать меня из лап этого чудовища?

— Еще не удалось, Боджи. Пока что я всего лишь отсрочил вашу встречу с ним, — грустно произнес доктор.

— Как вас понимать, док? Вы меня пугаете. Как я понимаю, сейчас я нахожусь в вашем лагере, так? Так что же мне может угрожать? Разве я не нахожусь в безопасности?

— Видите ли, друг мой, вы находитесь в ментоблокаде со стороны Кормана. И таким образом, вы не можете выйти за пределы этого убежища. Да и не только вы. Все, кто находится здесь, не могут сделать этого. Двое моих помощников уже поплатились жизнью за попытку прорваться во внешний мир. Теперь я здесь один. И у меня нет сил противостоять всей мощи этого чудовища. Я даже не знаю, что он сейчас делает и где находится.

— Вы ошибаетесь, доктор. Вы не один. Теперь я буду вашим помощником. Правда не сейчас, мне потребуется некоторое время для того, чтобы вспомнить то, чему меня научили. Я все основательно позабыл...

— Вы о чем говорите, господин Боджи? — удивленно поинтересовался доктор Ричардсон.

— О том, что вы меня наградили ментоспособностями!

— Я вас ничем не награждал, сэр! Я просто ввел в подсознание ранее запретную информацию с определенных уровней памяти и запечатал при этом некоторые клетки головного мозга, вот и все, что я с вами сделал, — настороженно произнес Ричардсон.

— Нет, доктор, после вашего вмешательства мой мозг стал работать, как отлично налаженный компьютер. Он выдал то, что я не мог и предполагать. Он выдал форму единого поля, которую изобрел один ученый, я сейчас не помню его имени и которую в обрывках получили сотрудники исследовательского отдела «Криогеникса».

— Да, я действительно активизировал ваш мозг, но не настолько, чтобы он мог творить чудеса. Здесь что-то не так... — рассеянно произнес Ричардсон. — Вы сказали, что вывели какую-то формулу. Наверное, вы имели в виду формулу, над которой бился еще старик Эйнштейн?

— Да, док, вы правы. Я все перепутал из-за того, что со мной приключилось...

— Но если это так, как вы говорите, значит, мы получили в руки могущественную силу, — глаза доктора Ричардсона забле-

стели, бледное лицо начало приобретать нормальный цвет, а щеки порозовели. Он явно волновался. Об этом говорил и его дрожащий голос:

— Я предлагаю вам пройти сейчас же со мной в лабораторию. Там я проверю ваши способности, и вы мне покажите формулу, которую вывели. Если она совпадает с некоторыми выкладками, над чем я работаю, то мы снова вступим в схватку с Харли Корманом!

Он схватил Боджи за руку и потащил в раскрывшуюся дверь.

Глава 7. Все изменяется

Корман сидел, нахмурившись. В последнее время он терпел одно поражение за другим. Его помощники оказались настоящими кретинами. Это же надо — ухлопать доктора Карнера! Он ведь был настоящий гений, даже не подозревавший о том, что открыл. Прав, сто крат прав этот недоумок Боджи, когда говорил, что Абрахам перестарался.

Открывшаяся дверь прервала поток мыслей. На пороге стоял Вилли Кливенск, начальник исследовательского отдела, выдающийся организатор и видный ученый. Это благодаря ему фирма смогла снова подняться на ноги и занять подобающее ей место в деловом мире Федерации. От него у Кормана не было секретов, ибо они вдвоем начинали поднимать фирму из развалин.

— Что нового, Вилли?

— Боджи прав, Харли. Его формула действует. Вернее, не его, а Артура Карнера.

— И что она нам дает?

— Нам бессмертие, а нашей армии огромную мощь! Мы наконец получим возможность взять под контроль всю Федерацию!

— Ты о какой армии говоришь? — вкрадчиво поинтересовался Корман, хотя прекрасно знал, о чем говорил Вилли. Он сам давно вынашивал планы захвата власти в Федерации.

— Формула доктора Карнера, которую нам предоставил Боджи, позволяет наделять людей такими способностями, которыми обладают вы и Фрэнк Ричардсон.

— Я просил не упоминать имени этого выскочки в моем присутствии! — Глаза Кормана налились кровью, а сам он взвился в

воздухе и несколько секунд висел над стулом. Затем, справившись с эмоциями, душившими его, обратно уселся в кресло.

Вилли не удивился тому, что произошло с шефом. Он просто завидовал ему, тем, чем обладал Корман. Завидовал тому, что этим обладает не он, Вилли Кливенс, а этот Корман. Хотя он один из первых обнаружил это свойство человеческого мозга, когда еще с Фрэнком Луксом разрабатывал теорию сверхчеловека. Теперь же с появлением этой формулы он надеялся подобрать параметры обучающей установки для своего мозга. Из формулы следовало, что практически любой человек мог пройти через мутагенез и в конечном счете приобрести качества сверхчеловека. Все упиралось лишь в количество стадий мутагенеза. Одним требовалось пройти одну-две стадии, а для других их было очень много и путь сильно удлинялся. Но все же надежда была!

— От того, хочешь ли ты упоминать имя Фрэнка или не хочешь, ему от этого не становится хуже. Он существует и блокирован у себя в норе!

— Блокада надежна?

— Да, пока что он не сможет высунуться! Двое его посланцев сгорели, так и не преодолев барьер пси-поля.

— Почему пока, Вилли? Он что, способен когда-нибудь преодолеть его?

— «Пока» я говорю потому, что в мире нет ничего непреодолимого. Пока он в одиночестве, мы можем не беспокоиться. Ему не выбраться из своей норы. Но ты, наверное, позабыл, что доктор Булман исчез и наши люди так и не смогли напасть на его след. А брелок с прибором, который влияет на мутагенез, вернее дает начало неуправляемому процессу изменений, находится пока что не в наших руках. Это ведь надо тоже принимать во внимание.

— Да, здесь есть, над чем подумать. Что ты предлагаешь?

— Я предлагаю убрать немедленно владельца брелка и вместе с ним ту цепочку людей, которые когда-то владели им!

— Карла мы убрали. Вики Лауэр настолько безобидна, что, думаю, нам она не доставит проблем... хотя я предпринял кое-что...

— А у кого сейчас брелок? — резко спросил Вилли.

— У начальника спецотдела секторального отделения ГСБ Саймона Кеннеди Рэка.

— Что! — у Вилли побледнело лицо и затряслись губы.

— Что ты так испугался? Я недавно зондировал его мозг, и он оказался абсолютно чистым. Он даже понятия не имеет о том, что в его руках.

— Меня настораживает и пугает определенная последовательность, — пожал плечами Вилли, поборов страх. — Сначала брелок попадает в руки к этой девушке, затем она, испугавшись проявления мутагенеза, несет его этому Рэку, который отправляет к нам своего агента под видом сделки, которого в свою очередь перехватывает Фрэнк Ричардсон. Затем, после соответствующей обработки, он возвращает его нам с целью уничтожения тебя! Разве нет повода для раздумий, Харли?

— Ты прав, я как-то не подумал обо всем этом. Спасибо за подсказку, Вилли. Но мне кажется, что ты сильно преувеличиваешь. Боджи понятия не имеет о своих возможностях, которыми наградил его этот выскочка. Тем более, если говорить о Саймоне Рэке! Мне точно известно, что Боджи отправлялся к нам на свой страх и риск, не поставив в известность свое руководство. Даже если этот человек и пронюхал о том, что Боджи отправился к нам на встречу, то он явно был сбит с толку его похищением. Так что у него нет никаких данных о том, что Боджи у нас, я имею в виду прямых улик контакта.

— Харли, ты явно недооцениваешь этого человека!

— Почему, Вилли? Или у тебя есть что-то интересное по этому вопросу? — Корман удивленно посмотрел на своего собеседника.

— Ты ведь прекрасно знаешь, что я верю только фактам. То, что я тебе сейчас покажу, не может быть простым совпадением. Вот и смотри!

Вилли достал из кармана рулон бумаги и расстелил перед Корманом.

— Что это за графики ты мне подсовываешь? — попробовал тот грубо пошутить.

— Минуточку внимания, Харли. Это вот график положительных и отрицательных результатов событий, которые происходят у нас. Вот эта красная точка на временной шкале указывает момент попаданий в руки Саймона «Брелка». А теперь не трудно сопоставить, что число минусов после красной точки начинает расти хоть и медленно, но все же неуклонно повышается, не так ли, Харли?

— Может быть, это просто совпадение?

— Не знаю. Вряд ли. Я просчитал это на компьютере, и он дает вероятность вмешательства пятьдесят четыре процента. Понимаешь, более чем пятьдесят процентов того, что этот Саймон имеет отношение к увеличению числа минусов!

— Но это незначительное преимущество! Тут не надо быть математиком, чтобы понять это!

— Да, Корман! Я согласился бы с тобой, не будь одного «но». Мы попытались убрать всю тройку — Саймона, Вики и ее наставницу, и что же?

— Вы смогли убрать только ее наставницу.

— Но ты не знаешь главного, Харли.

— Что?

— К этой операции был подключен один из наших самых грамотных специалистов в этой щекотливой области. Он никогда прежде не срывал выполнения порученных заданий.

— Ну что ж, когда-то должно было не получиться, Вилли.

— Не торопитесь, группа прикрытия засняла следующее: когда он сел в машину к Саймону, того там не было. Как только Рэк залез в машину, Рона, так звали нашего человека, приступил к операции. Но они успели обменяться только несколькими фразами, и сразу после этого в машине раздался взрыв, и она рванула с места. Саймону удалось оторваться от наших людей, а Рони нашла полиция на крыше одной из старых многоэтажек без признаков жизни.

— Что же ты, старый осел, не поставил меня в известность? Мы потеряли столько времени! Почему ты о самом главном говоришь в конце? — гневно зашипел Корман. — Ну что ж, подумаем... Значит, можно сказать, что один из их компании обладает кое-какими свойствами... — пробурчал Корман через некоторое время. — Но голову даю на отсечение, он пока не знает об этом... Он не знает, что его организм уже начинает изменяться. Вот и хорошо, время есть. А значит, необходимо как можно быстрее прикончить Фрэнка и всю его компанию. И это поможет нам сделать формула Карнера. Кстати, когда можно ожидать результатов ее применения?

— Очень плохо, Харли. Видишь, для полной перестройки необходимо время...

— Его у нас нет! — перебил взбешенный Корман, — значит, так, я займусь Фрэнком, а ты, немедленно, слышишь, немедленно, примись за Саймона! Он должен быть мертв.

* * *

Саймон по привычке проснулся от зуммера своего браслета. Часы показывали семь утра. За окном уже был рассвет. Через пятнадцать минут ему было необходимо находиться в своем кабинете и принимать участие в оперативном совещании. Черт, как он мог забыть об этом! Теперь придется снова прибегать к прыжку, но сможет ли он его совершить? Он весь вымотался, ночью не спал, заснул только под утро. Когда Вики сама его об этом попросила, весь остаток ночи после ухода Булмана у них с Вики прошел в разговорах. Сейчас она спит, а у него возникла проблема.

Он ополоснулся в душе, натянул на себя комбинезон и вышел в холл. Теперь предстояло сосредоточиться. Он сделал два глубоких вдоха и представил, что находится у себя в кабинете.

Что-то щелкнуло, на мгновение перед глазами возникла чернота, но когда зрение вернулось к нему, то он увидел, что находится перед дисплеем компьютера за столом в своем рабочем кабинете. На пульте горел вызов диспетчерской связи. Он включил тумблер, и на экране возникло лицо дежурного.

— Коммандер, я включаю вас в селектор.

— Давай!

Дежурный кивнул и отключился. На экране возникло лицо шефа ТСС на Крокусе. Его лысая голова была вся в капельках пота, а лицо налито кровью. Похоже, что он явно, кого-то недавно распекал.

— Все в сборе, — кивнул шеф, — начинаем. Строиг, доложи обстановку!

Встал худощавый верзила и начал перечислять:

— Семь краж, одно изнасилование, одна попытка захвата грузового автомата-лайнера, два убийства и похищение нашего сотрудника Боджи, который пропал на Юлии.

Каждый из начальников отделов докладывал свои соображения по вопросам сводки происшествий. Самым трудным для всех оказался поиск Боджи. Когда очередь подошла к Саймону, он произнес:

— Нам известно, где Боджи. Он будет освобожден в течение месяца.

Все с удивлением посмотрели на него. Такого самонадеянного ответа от него никто не ожидал.

— Вы в этом уверены, коммандер? — В голосе начальника сектора слышалась ирония. — Что вам для этого понадобится?

— Сертификат на всю мою группу и свободу действий на Юлии.

— Хорошо, считай, что уже получил. Кстати, кто и зачем захватил Боджи? Где он содержится?

— Его похитили бандиты и прячут... в общем, это трудно выразить словами, шеф. Поверьте, я знаю, о чем говорю.

— Желаю удачи!

Совещание закончилось. Саймон отключил связь и стал подготавливать программу на день для своего компьютера. Тут снова включился экран экстренной связи. На нем появилось лицо Зеты Грейс.

— О, наконец-то я вас снова вижу на экране у себя в кабинете. Что-нибудь новенькое есть? — сразу подал голос Саймон, не давая произнести ни слова девушке.

— Да, шеф. Компьютер наконец выдал положительный результат по трем фирмам.

— Не может быть! — Саймон даже привстал. — Немедленно ко мне со своими материалами!

С экрана исчезло лицо Зеты, но появился Богарт.

— Саймон, к тебе можно?

— Нужно, необходимо, жду! — бросил Рэк и тут же отключился.

Открылась дверь и в кабинет одновременно вошли Зета и Богарт.

Саймон посмотрел на них и улыбнулся.

— Вы молодцы, сегодня вы мне очень понадобитесь. Где материалы? — Он вопросительно посмотрел на Зету.

— Вот эта дискета, шеф. На ней последняя запись.

Она протянула Саймону небольшую коробочку.

Саймон вставил дискету в прорезь дисплея и включил его. На экране засветилось название трех фирм. Это были мало кому известные «Интернешенл лимитед электрик», «Биоэлектромагнетик» и посредническая фирма «ИСК». Все эти фирмы по сравнению с «Криогениксом» были блохами и само перечисление их в одном ряду с «Криогениксом» было необычайным, не говоря уж о том, что их связывало какое-то сотрудничество. Да, действительно, в этом стоило хорошенько разобраться.

— Как тебе удалось выйти на них? — спросил Саймон.

— Пришлось перебрать более сотни стандартных поисковых программ, но все было безрезультатно. Тогда мне пришлось со-

ставить свою программу-поиск, и как видишь, она сразу же сработала.

— На каком алгоритме ты сделала упор?

— На самом невероятном. Я заложила в поисковый компьютер требования на анализ общей деятельности фирм, связанных с «Криогеникс» по самым нехарактерным связям. И сразу же получила около десятка названий. Эти три первые наименее партнеры «Криогеникс».

— Ты оценила их экономические структуры на совместимость с «Криогеникс»?

— Да. Смотри дальше. Там все расчеты и графики.

— А может, эти фирмы — просто деловые партнеры и посредники между «Криогеникс» и еще кем-то?

— Тебе следует знать, что фирма с таким положением как правило не пользуется услугами посторонних посреднических компаний. Они могут иметь свои дочерние фирмы, которые выполняют эти работы. В крайнем случае, иногда, они пользуются услугами каких-нибудь известных посреднических фирм.

— Ну что ж, значит, «прикрытие». Да, подобные фирмы создаются на короткое время и, как правило, для того, чтобы запутать инспекцию торгово-промышленной палаты. Ты просто молодец, Зета! Я рад, что не ошибся в тебе. Ну а ты, Богарт, что скажешь на это?

— Думаю, нас реально заинтересует одна, максимум две фирмы из этого списка. Остальные созданы в качестве дымовой завесы. В качестве прикрытия для этих реальных действующих фирм-посредников.

— Получается, что эта фирма пытается двукратно скрыть свою деятельность? — пожала плечами Зета.

— Да. Ей есть, что скрывать от нас. Но думаю, что это ей не удастся! — он рассмеялся.

Они некоторое время молчали, глядя на экран, по которому пробегали столбцы цифр и данных о деятельности корпорации «Криогеникс». Через несколько минут Саймон повернулся к Богарту и Зете и произнес:

— Сейчас мы не знаем, что нам надо искать криминального в деятельности «Криогеникс», но, думаю, что скоро узнаем об этом. А пока вот вам первое совместное задание. Отправляйтесь в аналитический центр и посмотрите за последние десять лет всю номенклатуру «Криогеникса», может быть, что-нибудь и найдете.

Особо обратите внимание на тот период, с которого были образованы те первые три фирмы. Вы поняли, что вам придется сделать?

— Да, шеф, — кивнул Богарт, — перелопатить кучу навоза и найти в нем бриллиант.

Саймон задумался. Он почему-то вспомнил лицо Вики, ее губы, вздрагивающие ресницы...

«Ты что-то хотел мне сказать, милый? — раздался у него в голове голос Вики. Верее не ее голос, ибо он не чувствовал тембра, но ему было известно, что это именно она говорила с ним.

Он вздрогнул. Как-то было непривычно от мысли от того, что кто-то в этот момент подслушивает его мысли. Но он еще больше смутился, когда подумал о том, что она знает, о чем он только что думал.

— Не смущайся, дорогой, а постарайся поскорее привыкнуть к этому. К тому же мне кажется, что скоро ты научишься блокировать свои мысли.

— Как? Разве есть такая возможность?

— Не знаю. Доктор Булман ничего о подобном не говорил. Но судя по тому, что мы вступили в контакт только при определенном настрое, думаю, что возможно заблокировать свой мозг от окружающих.

Мой мозг всегда будет открыт для тебя, дорогая, и Саймон мысленно послал поцелуй Вики.

Ответа не последовало, видно, девушка уже отключилась.

Зета Грейс и Богарт опустились в аналитический центр, который располагался на нижних уровнях, и приступили к выполнению задания. Оно оказалось очень трудным, хотя и несложным для выполнения. Просто объем информации, которую необходимо было переработать, оказался просто огромным.

Зета покачала головой и обратилась к Богарту с предложением:

— Лео, вы посмотрите номенклатуру «Криогеникса» за последние десять лет и постарайтесь выявить интересующие нас факты, а я пройдусь по всем экономическим связям фирмы и постараюсь отыскать нужное нам звено.

— Хорошо. Зета, меня это устраивает.

Зета уселась за свой персональный (выделенный в ее личное распоряжение) компьютер, а Богарт подключился к главному информационному компьютеру. Работа началась. Они сделали не-

большой перерыв для того, чтобы выпить по чашке черного кофе и проглотить по бутерброду.

Зета внимательно просматривала финансовые отчеты. Сотни фирм прошли у нее на экране, тысячи сделок, но желанного результата все не было. Она так и не могла выявить ни одной подозрительной сделки. Тогда она начала просматривать деятельность уже известных фирм. И тут тоже в начале все было чисто. Только после обработки данных компьютер выявил две аналогичные сделки между «Криогеникс» и «Биоэлектромагнетикс».

Она откинулась на спинку стула и с наслаждением затянулась сигаретой. Посмотрела на Богарта и улыбнулась. Тот работал вовсю, занося что-то в блокнот с экрана дисплея.

— Не пора ли нам сегодня закругляться? — спросила она у Богарта, — а то еще нам надо попасть к шефу.

— Да, наверное, пора, — кивнул Богарт, — хотя я и не полностью обработал всю информацию, но думаю, что на сегодня хватит. Мне кое-что удалось зацепить, а тебе?

— И мне тоже.

— Тогда шеф будет доволен.

Они рассмеялись. Но их смех прервал голос Саймона из микрофона:

Богарт и Зета, прошу зайти ко мне.

— Ну вот, сами и напросились, — засмеялся Богарт.

Саймон сидел, задумавшись. Пока что нет никакой возможности организовать экспедицию на Юлию. Не было известно, где именно находился Боджи. Но даже будь это известно, пока что силенок у них было маловато. То, что придется иметь дело с Корманом, он не сомневался. Он также не сомневался и в том, что это будет война сверхлюдей, и оружием в этой войне будут их сверхспособности! А раз так, то надо обзавестись помощниками. И что бы не говорил Борман, ему придется все же научить Богарта и Бенджамина тому, чему он сам уже научился. Есть, правда, Вики, но ее он не пустит в это дело. Он не имеет права рисковать ею. Только себя и своих друзей он может взять на это дело!

Не успел он об этом подумать до конца, как внутри у него стало тепло и приятно, неожиданно он почувствовал, как зачесались глаза и по щекам полились слезы.

Он был ошеломлен своими ощущениями. Только большим усилием воли он заставил себя успокоиться. Непонятно было, что могло вызвать в нем такую реакцию.

— Прости меня, Саймон, — услышал он голос Вики, — я не хотела тебя так волновать. Но ты не представляешь себе, как мне стало хорошо, когда я подслушала твои мысли обо мне.

Тут только до Саймона дошло, что он ощущал не свои, а мысли Вики, верее ее ощущения, вызванные его размышлениями о предстоящей схватке с Корманом.

— Но ты все равно должен будешь взять меня на Юлию, — снова услышал он голос Вики. — Я тоже должна отмстить этому чудовищу за смерть Анжелики!

— Ты считаешь, что он в этом виновен?

— Несомненно! Это... это его люди охотились за мной и за тобой ради этого прибора!

— Но я не смогу взять тебя с собой! Там будет очень опасно.

— Я знаю, но я хочу быть рядом с тобой! Если ты погибнешь, то я тоже не буду жить!

Больше Саймон ничего не воспринял, но тут волна эмоций, его собственных эмоций, захлестнула его с головой. Только сейчас он почувствовал, какая неразрывная сила связывает его с Вики. Справившись с этими эмоциями, он посмотрел на приборы. Все было в норме. Теперь его мысли обратились к доктору Рокулу. Он нажал клавишу на пульте управления и на засветившемся экране возник Бенджамин.

— Доброе утро, сэр, — обратился он к Саймону, — я к вашим услугам.

— Вы выполнили мою просьбу, доктор?

— Да, коммандер. Я собрал портативный диагност.

— Тогда несите его мне!

— Сейчас буду у вас.

Пока не пришел Бенджамин. Саймон начал обдумывать последовательность экспериментов, которую он должен будет проводить под контролем Бенджамина Рокула.

Вошел доктор. За собой он катил тележку с многочисленными приборами. Как только за ним закрылась дверь, Саймон включил защиту, отключил все коммуникации, оставив только канал экстренного вызова. Перед этим в микрофон он сказал дежурному:

— Я занят. Беспокоить только в случае общей тревоги.

Он предложил Бенджамину сесть за стол рядом с собой.

— Сейчас, доктор, вы обследуете меня в процессе, когда я буду экспериментировать со своими возможностями. Но перед тем, как мы с вами начнем, я вам скажу, для чего все это делаю.

— Мы уже говорили об этом, коммандер.

— Не торопитесь, док. Обязательства изменились и мне необходимы помощники в одной очень сложной операции. Помощники, которые обладали бы такими же, как и у меня свойствами.

Бенджамин непонимающе смотрел на Рэка. До него еще не дошел смысл всего сказанного.

— По косвенным ощущениям, я уверен, что мне этот прибор не понадобится для того, чтобы другому человеку дать возможность приобрести такие навыки.

Теперь уже во взгляде Бенджамина появилась мысль. Он облизал пересохшие губы и быстро вытер выступивший на лбу и шее пот.

— Вы хотите сказать, что...

— Да, — прервал его Саймон. — Я хочу предложить вам стать обладателем таких же свойств, что и у меня. Но вам придется принять участие в очень опасном и рискованном предприятии.

— Я согласен на все, даже без того, чтобы вы превратили меня в супермена. Я полностью в вашем распоряжении, коммандер!

— Дело в том, док, что глава «Криогеникс», вероятнее всего, обладает такими же, если не большими свойствами. Но он стремится к господству над миром при помощи своих качеств. Он уже многое сумел, но ему пока что кто-то мешает из его же лаборатории. Вот я и хочу помочь тем людям побороть этого мерзавца. Но этого пока мало. Дело в том, что ему в руки попал один наш сотрудник и поэтому я должен еще обеспечить безопасность этому человеку. Вот поэтому мне и нужны помощники. Так вы согласны стать моим помощником?

— Я вам уже ответил, сэр. Я согласен.

— Тогда приступайте к своим обязанностям.

Бенджамин предложил Саймону раздеться и быстро начал накладывать на его тело различные датчики. Закончив эту часть работы, доктор перешел к приборам и начал их настраивать. Это заняло минут пять. Затем он отошел в сторону и обратился к Саймону.

— Можете приступать к своим экспериментам, коммандер.

* * *

Боджи внимательно осмотрел лабораторию доктора Ричардсона. Она ничем не отличалась на внешний вид от многих других лабораторий, которые ему доводилось видеть. Приборы, приборы, приборы... как много их повидал Боджи, и тем не менее они казались ему совершенно незнакомыми. До чего же богата выдумка у человека! Жажда познания его ненасытна.

— Ну как? Вы уже готовы к тому, чтобы я начал вас обследовать? — раздался у него за спиной голос.

Он обернулся, но никого не увидел.

«Неужели док может быть еще и невидимым?» — пронеслось у него в голове шальная мысль.

— Увы, мой друг, я не бог и не сатана! Бесплотным я могу быть только во время перемещения из одной точки пространства в другую, — снова услышал Боджи у себя за спиной. Но теперь он увидел место, откуда исходил голос. Миниатюрный микрофон был прикреплен к одной из панелей.

— Не ищите меня в комнате. Я в соседней комнате. Там пульт управления. Вы себя чувствуете свободно? Расслабьтесь, друг мой. Садитесь в кресло и ждите. Приборы уже работают.

Боджи удивленно посмотрел назад.

Ведь там не было никакого кресла! Но когда он оглянулся, то в углу комнаты стояло удобное кресло. Он не стал ничему удивляться, вспомнив каким образом, он сам очутился в этой комнате. Да, как же я раньше его об этом не спросил! — подумал он.

Раскрылась дверь. В комнату вбежал красный от волнения Фрэнк Ричардсон. Сквозь слезы он пытался что-то сказать Боджи, но так и не смог справиться с волнением. Пришлось Боджи его успокаивать.

— Вы не знаете, кто вы. Само провидение послало мне вас. Вы идеально подходите для того, чтобы приобрести сверхспособности!

Все это Фрэнк Ричардсон выпалил одним духом на недоумевающего Боджи.

— Теперь, мне понятно. Почему у вас появились кое-какие способности. Теперь мы их разовьем полностью! И вы сможете на равных сражаться с Корманом!

Лицо Боджи сияло от восторга.

— Значит, я смогу летать, как и вы, док?

— Не летать, а перемещаться в пространстве — усмехнулся Фрэнк.

— Скажите док, как вы вытянули меня из лаборатории Кормана? Меня давно интересует этот вопрос.

— А ты разве не помнишь? — последовал удивленный вопрос.

— Смутно что-то припоминаю, но кроме неясных теней ничего не припоминаю.

— Мы использовали спаренный резонанс — эффект при нульпереброски. Второй мой помощник контролировал наши действия и способствовал быстрой настройке на ваши менточастоты. Вот таким образом мы и перебросили вас сюда.

— Что же произошло с вашими помощниками, если они обладали такими сверхспособностями? Ведь они все равно, что боги!

— Мы не боги, Боджи, мы просто грешные люди. Они погибли, сгорели в результате попытки пробить ментобарьер, установленный вокруг нашего убежища Корманом. Их сил не хватило для создания надежного защитного поля.

— Вы считаете, что мы вдвоем сможем такое поле создать?

— Надеюсь, что после небольшой подготовки, когда ты приобретешь настоящую силу, то мы сможем вдвоем преодолеть их заслон.

— А почему сам Корман не может здесь появиться?

— Появиться обычным способом он может, но это ничего ему не даст. Он не сможет найти нас в этом лабиринте пещер. А применить свои сверхспособности он тоже не может — для этого ему надо хоть на короткое время снять установленную им блокаду.

— Когда мы начнем подготовку к ментоатаке на Кормана?

— Завтра и начнем. Мне нужно рассчитать процесс ментооблучения твоего тела. Да, кстати, ты обещал мне показать ту формулу, которую восстановил из обрывков «Криогеникса».

— Вот она. — И Боджи быстро набросал ее на листке записной книжке, которую протянул ему Фрэнк Ричардсон.

Тот взял ее и внимательно начал изучать, а затем глухо произнес, выдав тем самым охватившее его волнение:

— Да, это та самая формула, которую я так долго ищу. Плохо, что ты передал ее Корману.

— Я передал ее укороченный вариант, Фрэнк, вот такой. — И Боджи снова написал на листке новую формулу.

Фрэнк Ричардсон снова принялся долго изучать ее. Затем сказал:

— Это дискретный вариант той формулы, которую вывел доктор Корнер. Он упрощает процесс подготовки и проведения экспериментов, но интенсивность облучения и здесь ограничивается. В результате этого процесс превращается в более длительный.

— Совершенно верно. При такой интенсивности облучения мутагенез становится длительным и многоступенчатым, хотя позволяет гарантированно рассчитывать на положительный конечный результат. В первом же случае изменения, вызванные мутагенезом, происходят лавинообразно, наподобие взрыва. В этом случае мы не можем заранее предугадать, на какой стадии закончатся изменения.

— О, вы, Боджи, делаете поразительные успехи на этом поприще! — удивленно воскликнул Фрэнк.

— Да, я сам это заметил, доктор. После того, как я побывал у вас, в моей голове что-то перевернулось, словно спала какая-то пелена с глаз. Я многие вещи стал видеть совершенно по-другому. Кто я был до этого — простой методист по прыжкам в ГСБ. У меня почему-то всегда получается лучше контроль за работой соответствующей аппаратурой, чем у других. Кроме того, не знаю почему, меня всегда привлекало бывать в лаборатории ГСБ. Знаете, всякие там приборы, различные штуковины и все такое... Эти блестящие железки, но вот я попал к вам, и вы дали моему мозгу огромный импульс, вы сняли с моего разума оковы. Теперь я, практически без всяких усилий, могу воспользоваться теми огромными знаниями, которые я подсознательно накопил за этот период и которые хранились в моем подсознании.

— Вы совершенно правы, Боджи. То, что вы смогли синтезировать по отдельным обрывкам формулу Артура Карнера, а затем вывести ее утонченный вариант, говорит о том, что вы обладаете огромным интеллектом. Скорее всего, так оно и есть, я каким-то образом инициировал деятельность вашего мозга. Я даже подозреваю, что в результате этого образовался дополнительный канал связи между той частью памяти, что хранится в подсознании и так называемой «оперативной» памятью, которой мы пользуемся всю свою сознательную жизнь. И если это верно, то тогда многие функции компьютеров возьмет на себя сам человек. О, как это грандиозно.

— Чем мы сейчас будем заниматься, доктор? — прервал его Боджи.

— Сейчас я с помощью вашей формулы, вернее, с помощью ее утонченного варианта, рассчитаю процесс воздействия на ваш организм. Это займет, думаю, немного времени. У меня здесь стоит приличный компьютер. А к вечеру я примусь за вас. Думаю, пять-шесть ночей будет вполне достаточно, чтобы вы смогли догнать меня, а может быть, и перегнать, ведь ваш ментоспектр просто идеальный для наших целей, чего я не могу сказать о себе, — грустно улыбнувшись, произнес Ричардсон.

— Доктор, а может, мы возьмемся за первый вариант? И запустим его на полную катушку?

— Нет, нет, Боджи. Спешить не будем, потому что ты уже подготовлен для изменения. Твой мутагенез должен протекать достаточно быстро, по крайней мере гораздо быстрее, чем у обычного человека. А кроме того, не надо забывать, что это очень опасно... Хотя я еще ни разу не наблюдал ни одного отрицательного результата после мутагенеза, но законы природы неумолимо говорят нам о том, что любой прогресс несет в себе прогресс. Сейчас ты пойдешь в центральный зал, там дежурный поможет тебе ознакомиться со своей информацией по мутагенезу, которой я только располагаю, а также о том, что происходит в «Криогениксе». Все это заложено в наш компьютер, а вечером приступим к первой серии опытов.

— Хорошо, доктор.

— Тогда, пошли!

Дим был в недоумении. Сработала штатная следящая система. Его система была выведена кем-то из строя, а ментосистема, которую он тоже наладил по настоянию Вики, ничего не зарегистрировала. С пистолетом в руке и повесив на пояс тяжелый бластер, Дим встал. Он не представлял, что его ждет в ангаре, но уж точно знал, что это наверняка — ОНИ. Те, кто желают убить Вики, а заодно и его самого. Он оглядел полки, висящие над столом и над кроватью. Ничего не забыл? Тут его взгляд упал на минимальный миниатюрный передатчик-бластер. Он взял его, настроил на волну приемника Вики и включил. Теперь если вдруг с ним что-то и случится, Вики обязательно об этом узнает. Так... похоже, теперь он полностью экипирован.

Дим уверено направился к двери. Перед самым выходом в ангар, он выключил свет и надел очки ночного видения. С пистолетом в руке он начал свой путь в ангар, где была яхта. Первым делом он посмотрел в люк. Входной шлюз был закрыт, пломбы на

месте. Странно, значит, их пока что на яхте не было. Они где-то здесь в ангаре. Ну что ж, тогда будем искать. Дим пошел в сторону склада. Там удобнее всего было спрятаться человеку. Проходя мимо силового щита, он услышал какой-то шорох и повернул голову в ту сторону, сначала даже не поверил своим глазам. Какая-то тварь, сначала он принял ее за крысу, которых в этой пустынной местности было очень много, сидела возле бронекабеля основного питания и пыталась его перегрызть. Присмотревшись лучше, он увидел, что это не крыса, а робот. Вместо зубов у него два контакта, которыми он и пытался пережечь оболочку кабеля. Такого Дим еще не видел не разу в своей жизни. От испуга даже волосы зашевелились на голове. Засунув ненужный пистолет в карман, Дим схватил бластер и первым же выстрелом превратил это механическое чудовище кучу расплавленного металла.

После того, как он немного пришел в себя, Дим внимательно все осмотрел здесь. Ничего, в голове билась неотступная мысль: «Откуда здесь взялась эта механическая пакость?»

Внезапно снова послышался шорох, и возле контейнеров с запчастями для двигателя он увидел сразу целый выводок этих бестий. Почти таких же, как только что уничтоженная. Он насчитал их шесть штук. Они, не обращая на него никакого внимания, деловито занимались тем, что дырявили оболочку контейнера.

Дим был не робкого десятка, побывал во многих переделках. Но теперь он испугался по-настоящему. Ему совсем не хотелось быть растерзанным этими механическими тварями. Но он продолжал следовать своему долгу и шесть чудовищ один за другим превратились в шесть металлических клякс расплавленного металла. Ровно половина заряда осталась у него. Стрелка индикатора приблизилась к красной черте. Он проверил запасные батареи. В карманах их оказалось только две. Надо было срочно возвращаться в свою комнату и в сейфе взять запасные батареи. Хотя бластеры были мощным оружием, но в дальности действия и удобства обращения они еще не могли поспорить с пистолетами. Поэтому их, как правило, использовали только как сверла или как резаки в аварийных ситуациях. Он еще не разу не слышал, чтобы их использовали для нападения, правда, следующие люди поговаривали, что они имеют хождение на спутниках и у космических пиратов в качестве оружия.

Добежав до двери, он увидел, что у него в комнате уже хозяйничают эти твари. Одна из них сверлит дверцу контейнера, кото-

рый ему как раз и требовался. Нажав на спуск он первым делом прихлопнул ту, что пробиралась к его сейфу, а затем прикончил и остальных. Открыв сейф, он забрал весь запас бластерных батарей, а пистолет бросил вовнутрь и закрыл внутри. Затем парой выстрелов заплавил дверцу. Прислушался. Было тихо. Он присел на стул и стал обдумывать ситуацию. То, что эти твари подосланы врагами, он не сомневался. Сейчас важнее было понять, чего они хотят. Да, скорее всего — яхта! Они хотят уничтожить именно ЯХТУ! Неделю тому назад здесь была Вики и предупредила его насчет возможных гостей. Значит, они пожаловали в гости, вернее, не они, а их творения. «Ну ничего, я еще смогу постоять за себя и за нашу яхту! Жаль, что нет связи с девочкой, хотя передатчик должен быть в исправности, если эти твари к нему не добрались».

Он вспомнил, что забыл личный код Вики. Она его сменила, а новый он не успел записать. Оставалось одно — яхта!

Она стояла в отдельном боксе. Находясь там, Дим был настороже, стараясь обнаружить механических крыс. Но похоже, здесь их не было.

Он быстро открыл люк и направился в штурманский отсек, находившийся в нескольких метрах от пилотского. Там была рация. Он включил ее на сигнал «СОС». Через секунду послышался тревожный возглас Вики:

— Кто на яхте? Почему включен «СОС»?

— На нас напали, нужны бластеры! — Больше он ни чего не успел сказать, так как услышал знакомое шуршание и треск.

Он выскочил наружу и увидел, что две крысы возятся у борта яхты, стараясь прогрызть обшивку в месте топливного отсека. Правда топлива на яхте не было, но с дырой яхта не могла функционировать в космосе. Это точно. Он закрыл люк и тут же выстрелил в нападавших тварей. Одного он сразу же превратил в пятно расплавленного металла, а другое, вот это да, точно живое, бросилось от него в сторону, семеня своими суставчатыми ножками. Дим от неожиданности чуть было не выпустил из рук бластер. Но совладал с собой и сделал целую серию выстрелов по убегающей твари. Только третий разряд догнал его и заставил утихнуть.

Дим огляделся по сторонам и увидел отверстие в сетке бокса, откуда как раз вылезали еще две крысы. Он успел уничтожить их, а затем заплавить отверстие в этом месте. Со всех концов ангара доносился шум, треск и какое-то странное попискивание — характеризующее работу механических чудовищ.

Вот послышался скрежет сразу в трех местах стены бокса и в образовавшихся отверстиях показались ужасные морды. Три вспышки бластера — и эти отверстия были заплавлены. Но все же шум и возня по всему ангару продолжалась. Похоже, волна этих чудовищ всерьез принялась за бокс.

Послышался шум на правой стороне бокса, за яхтой. Он бросился в ту сторону, но в это же мгновение погас свет!

— Черт, успели добраться до силовой установки! — выругался Дим и включил очки ночного видения.

Забежав за яхту, он увидел, что в углу бокса в полу образовалась воронка, из которой потоком ползли механические чудовища. Они были разных типов. Одни — хорошо знакомые — «крысы» с тупыми мордами и шарнирно-суставчатыми, словно у крабов, ногами, других он видел в первый раз. Все они стремились выбраться из туннеля проделанного в земле.

Дим включил бластер на непрерывное поражение. От едкого дыма он даже закашлялся. Перезарядив бластер, он снова принялся сжигать чудовища. Через несколько секунд он отметил, что многие твари избегают пламени оружия, и все большее их количество вытекает из дыры в полу. Пришлось решиться на крайние меры: он знал, что бандиты иногда используют бластерные батареи как плазменные бомбы, поджигая их лучом бластера. Но в этом ограниченном пространстве это было равноценно самоубийству. Одна надежда на яхту!

Дим забрался в люк, но оттуда ему не было видно этой копошившейся массы. Его прошиб холодный пот ужаса. Сейчас настанет время смерти.

Но тут же спасительная мысль мелькнула в голове: «Стрелять не нужно. У них дектрорезаки. Они сами подорвутся, когда начнут разгрызать батареи».

Он высунулся из люка и точным движением послал батарею бластера в самую гущу шевелящих суставов. Едва он успел захлопнуть люк, как за бортом раздался взрыв. Яхта, стоявшая на стапелях, покачнулась. Послышался скрежет, затем глухие удары, затем снова скрежет. Это куски падали на землю. Когда грохот и скрежет затих, Дим с трудом распахнул люк. Его наружную сторону придавил кусок внутренней переборки ангара. Пришлось его удалять с помощью бластера.

Выйдя наружу, Дим увидел полный разгром. От бокса ничего не осталось. Впрочем, ангара тоже не было. Под открытым небом

валялись куски того, что когда-то было ангаром, а посреди всего этого разрушения гордо возвышалась яхта. Во многих местах были видны языки пламени, вились клубы дыма, рассыпались искры. И только яхта, точно сказочный исполин, стояла среди этого механического хаоса. От взрыва она тоже пострадала. Краска корпуса выгорела, многие датчики внешнего обзора были покорежены. Яхта имела вид только что совершившей посадку аварийной ракеты.

Но битва еще не была выиграна. Наступило затишье, и враг перегруппировал свои силы.

Это прекрасно понимал Дим. Но его сейчас тревожило только одно — успеет ли Вики приехать до того, как он погибнет? А то, что рано или поздно, эти твари его прикончат, он не сомневался. Конечно, яхта выдержит еще два-три таких взрыва, но потом... придется выйти и сражаться вручную с этими бестиями. Очень хотелось курить, но он боялся того, что первая же затяжка окажется роковой. И так фильтры маски едва справлялись с очисткой воздуха. У него кружилась голова. Хотя это могло быть следствием перенапряжения нервной системы.

Снова послышался шум и треск. Новая волна механических чудовищ приближалась к яхте. Теперь не было слышно потрескивания, которое сопровождало попытки этих тварей прогрызть себе проход в стенах бокса и перегородках ангара.

Как мне остановить эти полчища? — подумал он.

Тут он вспомнил, что яхта снабжена противометеоритной защитой — минипушкой, мощностью в тысячи раз превосходящим силу его бластера. И тут же было принято решение. Выскочив наружу, Дим установил на видном месте батарею бластера, с той стороны яхты, куда он не мог выстрелить. Затем выпустил якоря-захваты. На это ушло не так много времени. Как раз столько, чтобы успеть приготовиться к появлению очередной волны роботов.

На экране ему прекрасно было видно, как из-за клубов дыма возникла первая волна роботов, за ней тут же шла вторая, гораздо большая. Теперь он ясно увидел различие этих новых врагов от тех, что были вначале нападения. Эти машины были скорее похожи на действующие модели поисковых модулей геодезистов, только уменьшенных в десятки раз. Все они были оснащены колесами. Те роботы, которые шли впереди, расчищали дорогу, растаскивая по сторонам обломки валявшихся на пути. Первая волна прошла, не заметив батарею бластера, но наступила вторая волна — основная волна машин. Дим навел перекрестие пушки

на батарею и принялся ждать. Как только первые чудовища поравнялись с ней, он нажал на спуск. Яркая вспышка и экран потемнел. Автоматика отключилась. Корпус яхты резко вздрогнул и завибрировал. Снаружи послышались удары и металлический скрежет. Это разлетались в разные стороны еще уцелевшие остатки ангара.

Прошло несколько томительных минут. Как только снаружи воцарилась тишина, Дим выглянул в люк. С его стороны механические твари были уничтожены не полностью. Некоторые из них были повреждены и образовали непроходимый вал, который теперь прогрызли новые полчища роботов, стремящихся добраться до яхты.

— Вот вы мне и нужны! — крикнул Дим, бросая очередную батарейку в то место, где были видны сполохи электрической дуги. Он успел таки задраить люк, прежде чем грохот обрушился на него со всех сторон. Яхта вздрогнула, его бросило на стену, от удара потемнело в глазах, и он потерял сознание.

Сколько он пробыл в беспамятстве, Дим не знал. Страшно болела голова, дотронувшись до лба, он почувствовал огромную шишку. С трудом открыв люк, он выбрался наружу. Ангара как такового не было. Была воронка с неровными краями, в центре которой намертво заякоренная стояла яхта с обгоревшими бортами и помятым корпусом. Даже через маску он чувствовал, что дышать здесь практически нечем. И к тому же — этот адский жар! Из-за этого края воронки были расплывчатыми и все время меняли свои очертания, будто он смотрел на нее сквозь пламя. Пришлось срочно переходить на кислородный баллон НЗ. Но запас кислорода был небольшой и гарантировал снабжение человека этим разом не более чем два часа. Дим прикинул, что этого должно вполне хватить. Сейчас надо срочно осмотреть яхту. Да, старушка выдержала больше, чем можно было ожидать от нее. Вики может стартовать в срок, хотя многие будут наверняка смеяться при виде такой яхты. Он задраил люк и порылся в карманах. Достал батареи к бластеру и пересчитал их. Их было одиннадцать. Он разделил их на две части по пять штук, а оставшуюся одну засунул в карман, как НЗ. Затем он соединил все батареи вместе, создавая таким образом два стержня, длиной около десяти дюймов каждый. Он вставил один такой стержень в гнездо зарядов, а второй положил в карман на груди. Теперь он оказался готов к появлению новых орд этих металлических полчищ.

Проходили минута за минутой, но пока, что новых полчищ не было видно. У Дима появилась передышка для осмысления случившегося. Он машинально взглянул на часы и удивился. Всего сорок пять минут как он передал свой вызов Вики. Как много прошло времени и в то же время, как оно быстротечно! Оставалось только ждать...

Послышался шум и вот уже новые полчища чудовищ появились у края воронки, сразу по всему периметру.

— А, пришли по мою душу! — закричал Дим. — Но ничего у вас братцы не выйдет! Пока что я сумею постоять за себя!

Механические твари, казалось, раздумывали, что им делать. Затем по чьей-то команде все разом полезли в воронку. Дим, не заботясь о том, что бластер выйдет из строя, нажал на спуск и повел непрерывным лучом по волне «крыс», «пауков», «крабов», «машинок» непрерывным потоком вливающихся в воронку. Глаза его радостно блестели, когда он увидел, как горят и плавятся эти чудовища. Он оббежал вокруг яхты, затем еще раз и еще. Волна нападавших иссякла... И как раз вовремя! Иссяк первый блок батарей. Он поставил на его место новый и стал ждать появления новых гостей. На этот раз в поведении киберов что-то изменилось. Теперь по краю воронки появились какие-то массивные конструкции, но не сплошной линией, как прежде, а отдельными экземплярами. Они были похожи на большие ящики, установленные на гусеничном ходу. Дим прицелился в одну такую штуковину. Раздался оглушительный взрыв. И тут же оставшиеся открыли огонь по нему. Один из лучей лазера попал ему в руку. Он выронил бластер и упал на землю.

— Вот и конец! — пронеслось у него в голове.

Он посмотрел на руку и удивился. В правой руке зияла большая рана, но сама рука была на месте. Теперь он знал, что находилось перед ним. Это были передвижные фотолазерные установки, мощность которых относительно невелика, но вполне достаточно для того, чтобы отправить незащищенного человека на тот свет. А он вполне подходил на эту роль.

Непонятная злость охватила его. Он заскрежетал зубами, схватил бластер в левую руку и встал во весь рост, прижавшись к стабилизатору яхты. Непрерывная стена огня встала там, где ползли чудовища. Раздались взрывы освобожденной энергии. Казалось,

что началось круговое извержение. В лицо пахнуло нестерпимым жаром, горло перехватил спазм. Теряя сознание, он услышал чей-то возглас:

— Вики, вот он! Мы успели вовремя!

Он даже улыбнулся. «Вот уже начался бред», — была его последняя мысль.

Саймон стоял как изваяние, весь напружинившись. Он посмотрел на свои руки, развел их в стороны и начал медленно сводить над головой. Над ними засветилось сияние, что-то вроде коронного разряда, затем начали сыпаться искры, а когда яркая полоса достигла уровня плеч, возникла стоячая светящаяся дуга, которая к удивлению Бенджамина перестала испускать треск и искры. Доктор орудовал возле своих приборов, что-то записывая и сверяя, снова записывая и сверяя. Запись велась на инфокристалл. Это была новинка, которая только начала внедряться в практику. Такая запись позволяла в минимальном объеме осуществить огромное накопление информации.

В таком положении, словно изваяние, Саймон простоял долгое время, пока Бенджамин орудовал у приборов. Наконец, решив, что запись должна получиться четкой, он махнул рукой. Сначала Саймон ничего не предпринимал, затем, через некоторое время, он резким движением опустил руки вниз и тут же поднял их. Светящаяся полоса растаяла в воздухе, а он повис над полом на расстоянии двух десятков дюймов.

Приборы Бенджамина словно ошалели. Они показывали невероятные данные и если бы при этом не присутствовали сам доктор, у которого волосы зашевелились на голове, то он мог бы сказать, что его диагност свихнулся, вышел из строя. Он сам готов был помешаться от увиденного. Но его спасло то, что ему приходилось следить за работой десятков разных приборов, не очень-то осмысливая создавшуюся ситуацию. Он должен был внимательно уловить тот момент, когда приборы могли выйти на опасный режим, чтобы своевременно ввести корректировку. А ток как приборы работали на пределе своих измеряемых параметров, то ему приходилось настраивать их чуть ли не ежеминутно. Хотя проходил только второй эксперимент, тем не менее, он взмок. Лицо покрылось потом, а цвет его приближался к ярко-малиновому. Пульс стал учащенным, а дыхание прерывистым.

Чувствуя, что доктор на последнем пределе своих сил, Саймон остановил эксперимент и сказал, чтобы Бенджамин выключил на время свои приборы.

— А то вы потеряете сознание через минут пять от такой напряженной работы! — усмехнулся он.

Отдышавшись, доктор забросал Саймона вопросами.

— Коммандер, как вам все это удается? Что вы чувствуете в этот момент? Вы можете описать то, что происходит с вашим организмом?

— Не знаю, док. Я сам хотел бы во всем разобраться, конечно, с вашей помощью! Для этого я и пригласил вас участвовать в этих экспериментах. Вы должны помочь мне понять происходящее с медицинской точки зрения то, что происходит в момент экспериментов с моим организмом. Мне это нужно для того, чтобы как-то ориентироваться в своих возможностях, чтобы я мог управлять ими. Теперь, что я чувствую при этом? Постараюсь описать вам. Когда я вот так делаю руки, — он показал как, — у меня возникает ощущение, что в меня вливается сила. Почему возникает такое чувство — в этом вы и должны разобраться, доктор! Хотя думаю, это связано с... нет, доктор, не буду мешать вам самому прийти к каким-то выводам. А потом мы сравним наши результаты. Вы понимаете, док, после всего этого, я чувствую себя как после хорошего, сытного обеда. Это повторяется всегда после окончания процесса «зарядки» и не зависит от продолжительности процесса. Что касается второго эксперимента, то ему нечего не предшествует, кроме моего желания взмыть вверх. Но как только я поднимаюсь, меня охватывает чувство полета. Наверное, такое чувство испытывают пилоты планеров или ныряльщики в глубины океана. Оно прекращается вместе с прекращением полета. Вот пока и все, что я могу сказать вам о своих ощущениях.

— Как я вам завидую, коммандер! — воскликнул доктор. — Мне кажется, что я готов пожертвовать своей жизнью ради дня обладания теми чудесными качествами организма, которыми обладаете вы!

— Вы ошибаетесь, Бен, если думаете, что я испытываю счастье и блаженство от того, что обладаю уникальными качествами. Они мне приносят много дополнительных забот. Забот, о которых вы даже не можете подумать.

— Как? — удивился доктор. — Вы недовольны тем, что умеете летать? Тем, что обладаете невероятной силой, которая может служить вам самой надежной защитой?

— И одновременно служить невероятно опасным оружием в руках убийцы, если только оно попадет в нечестные руки, — закончил за него Саймон.

Бенджамин при этих словах поперхнулся и замолчал.

Через минуту он произнес.

— Простите меня, коммандер. Я, как сопливый мальчишка, распустил нюни при виде того, что некоторые детские мечты могут наконец осуществиться. Я на мгновение забыл, ради чего вы собираетесь передать мне те свойства, которыми владеете. Еще раз прошу простить меня.

— Очень плохо, Бен, но так уж устроен мир, что все новое, прогрессивное мы узнаем через обратную сторону, а уж только потом пытаемся познать прелесть этого нового... Но обязательно в борьбе с его негативной стороной. И не всегда мы, впрочем, выигрываем в этой борьбе. Так повелось с тех самых пор, когда началась история человечества на старушке Земле. Я сейчас даже не уверен, что те супервозможности, которыми обладаю, принесут в целом всему человечеству пользу. Это и есть одна из причин того, что я держу это в тайне от своего начальника.

— Вы правы, коммандер. Большее счастье может в то же время обернуться страшным горем. Но мы отвлеклись. Я уже отдохнул и готов продолжать работу, — сказал доктор, но в его голосе уже не было ноток восторженного умиления.

Саймон поднялся и прошелся по кабинету. Затем остановился в центре и произнес, вынимая из кармана иридиевые кубики и платиновый шарик.

— Теперь я покажу вам, док, что удается мне проводить с этими предметами. Сначала начнем с перемещения масс в пространстве.

Он наклонился, поискал что-то на полу и не найдя там того, что искал, подошел к столу и достал из ящика стола две салфетки, которые положил на разные концы стола. На одну салфетку он выложил два иридиевых кубика, а вторую оставил пустой. Затем он отошел на середину комнаты.

— Сначала я предлагаю вам посмотреть самому, док, а потом уже взяться за фиксирование приборами.

С этими словами Саймон вытянул вперед правую руку, в кулаке которой был зажат платиновый шарик. Затем он раскрыл кулак и доктор убедился, что у него на ладони лежит шарик. Затем Саймон закрыл кулак и снова раскрыл его. Теперь на ладони ниче-

го не было. Но когда доктор перевел взгляд на стол, он невольно вздрогнул. На пустой ранее салфетке лежал платиновый шарик.

— Теперь, док, — продолжал невозмутимо Рэк, — мы немного усложним эксперимент.

Саймон сжал кулак и начал поворачивать руку со сжатым кулаком так, чтобы тыльная сторона ладони была то внизу, то вверху. При этом каждый раз при повороте кулака кубики и шарик менялись местами на салфетках. Доктор был настолько удивлен, что сидел не шелохнувшись и во все глаза смотрел на манипуляции Саймона.

— Скажите, — наконец выдавил он из себя, — для того, чтобы происходил такой обмен массами, необходима такая манипуляция руки?

— Нет, доктор. Просто мне так удобно. Я могу это делать и мысленно. Но так мне проще...

— Мне можно начинать? — Рокул вопросительно посмотрел на Саймона.

— Нет, я еще не закончил, — покачал головой Саймон и продолжал манипуляции с рукой.

Теперь он делал так — сжав кулак, он поворачивал кисть руки влево, затем открывал ладонь, затем снова сжимал кулак, поворачивал вправо и снова раскрывал ладонь. При этом происходило круговое перемещение шарика и кубиков. Сначала шарик оказывался на пустой салфетке, а кубики переходили в его кулак, затем кубики перекочевывали на пустую салфетку, а шарик на занятую. В следующее мгновение шарик переходил на занятую, а кубики ему на ладонь... И так до бесконечности.

Бенджамину казалось, что перед ним выступает фокусник, и что он в цирке, который часто посещал в детстве. Затем, очнувшись, он бросился к своим приборам. Он дал команду, и Саймон начал повторять все сначала и делал свой «фокус» до тех пор, пока Рокул не убедился, что запись прошла успешно. Он основательно взмок, пока получил нужные данные.

— Перерыва делать не будем, — произнес Саймон, когда увидел, что Бенджамин закончил колдовать над приборами. — До сих пор я вам показывал то, что у меня уже довольно четко отработано. Теперь вы увидите, что я открыл в себе совсем недавно и это всегда у меня пока что получается.

— Что? — заинтриговано прошептал Рокул.

— Превращение материи из одного состояния в другое!

— Вы хотите сказать, что вам доступны некоторые аспекты деятельности Создателя? — игриво удивился Бенджамин, хотя удивление, скорее всего, у него было истинным.

— В какой-то мере...

— Тогда начинайте! Не будем терять времени, а то мы с вами уже третий час занимаемся!

— Неужели мы так медленно работаем? — заволновался Саймон. — У меня на вечер назначена встреча, а мы еще и половины дел не сделали.

— Сегодня сделаем, сколько успеем, а завтра закончим, — сказал Рокул, усаживаясь поудобнее в кресле.

Саймон взял в руку шарик и внимательно посмотрел на него. То, что происходило дальше. Бенджамин воспринял как нечто невероятное. Шарик охватило пламя зеленого цвета. Посыпались искры. Когда пламя опало, на ладони у Саймона находилась пирамида неизвестного белого вещества. Он подошел к Рокулу и протянул его ему. Тот с опаской взял пирамидку и начал осматривать.

— Так это же воск! — через мгновение воскликнул он.

— Да, это разновидность воска, но какая — я в самом деле не знаю. — Рэк улыбнулся, глядя на ошалевшего Рокула. — Я ведь не химик и поэтому не могу сказать, что это за вещество. Другого я, правда, еще не научился делать, да и не очень пытался.

— Невероятно, просто невероятно. Как вам это удается делать? — вскакивая с кресла, воскликнул Рокул.

— Не знаю, не знаю, доктор. Перемещать предмет мне помогает воображение. Я заранее представляю себе, где какой предмет должен находиться. А превращать металл или какое-то другое вещество в воск мне ничто не помогает. Я не испытываю при этом никаких усилий. Когда мне надо превратить что-то в воск, я просто пытаюсь мысленно сжать это. При этом у меня напрягаются какие-то мышцы тела. Вот и все.

— А обратный процесс возможен? — тут же поинтересовался доктор, приготавливая аппаратуру для записи.

— Увы, док, должен вас разочаровать, обратный процессу меня не получается. Но надеюсь, что с вашей помощью я смогу овладеть и обратной операцией. А теперь док, будьте внимательны.

И Бенджамин увидел, как кубики переместились с одной салфетки на другую.

Бенджамина не требовалось подгонять. Он тут же включился в работу, внимательно наблюдая за показаниями приборов. Он уже

ничему не удивлялся, у него наступил уже предел, когда его сознание реагировало на новую информацию довольно неадекватно. Теперь он лишь работал у приборов. В обоюдном молчании прошло еще около часа времени.

Бенджамин уже валился с ног от усталости. Видно поняв, что доктор может в любой момент времени потерять сознание, Саймон прекратил экспериментировать.

— На сегодня достаточно, — произнес он, обращаясь к уставшему доктору.

— Скоро ко мне должны придти мои сотрудники. Завтра мы с вами продолжим экспериментировать. Осталось совсем немного. Завтра вы закончите запись всех моих параметров. Сколько времени вам понадобится на обработку результатов и выдачи рекомендаций, док?

— Для всего мне надо не более суток и ваша большая машина. Да, еще, о выдаче рекомендаций мне пока что нечего сказать, и все потому, что, обработав результаты экспериментов, я не могу ни о чем говорить.

— Отлично, доктор! Я думал, что это займет у вас гораздо больше времени!

— Я заранее подготовил программу, которую оттестировал, а теперь как только будут введены в машину записи, сразу начнется обработка результатов.

— Тогда до завтра! — попрощался Саймон, снимая с себя все датчики, которыми был оплетен.

Саймон только успел выключить приборы связи и контроля, как на экране возникло лицо дежурной.

— Коммандер, вы просили напомнить вам, чтобы вызвать вашего помощника и новую сотрудницу Зету Грейс. Приказ остается в силе?

— Спасибо, что напомнили. Я естественно забыл. Спасибо, я сам их вызову.

Он нажал кнопку на пульте связи и произнес.

— Богарт и Зета, прошу зайти ко мне!

Через полчаса перед ним стояли вызванные. По их сияющим глазам Саймон понял, что они справились с заданием.

— Выловили что-нибудь интересное?

— Да, шеф — заявил Богарт.

— Тогда присаживайтесь и начинайте по порядку, — предложил им Саймон.

Первая начала Зета.

— Мне было поручено покопаться в деятельности этих фирм. Я выявила две подозрительные сделки между «Криогеникса» и «Биоэлектромагнетикс».

— Что именно?

— Это аналогичная сделка: «Криогеникс» дважды заплатила этой фирме более чем десятикратное превышение стоимости продукции, которую купила. Я проверила по другим сделкам. Эта фирма за аналогичную продукцию получала в десять раз меньше, чем им заплатил «Криогеникс». Сам же «Криогеникс» прекрасно информирован и стоимости продукции. Что-то тут не так. Я предполагаю, что здесь оприходованы деньги за какие-то другие услуги или другую продукцию.

— Правильно. Но они просчитались. Здесь им не удалось упрятать концы в воду. Мы сейчас потянем за эту ниточку, понятно? А что у тебя, Богарт?

— Я нашел поставки оборудования, которые заказывал «Криогеникс» и которые не вписываются ни в какие рамки их официальной деятельности. Я выбрал лишь двенадцать позиций из более чем пятнадцати тысяч единиц многоцелевого оборудования.

— Что за оборудование?

— Скорее всего, это комплекс оборудования. Он предназначен для создания широкого диапазона гравиэлектромагнитного излучения. Я просматривал всю информацию, что мне выдал компьютер и обратил внимание на то, что почти такое же аналогичное оборудование было заказано в институте Шредера, который занимался проблемой психогенеза. Его недавно закрыли за то, что они перешли на эксперименты на людях, добровольцев из числа сотрудников института. Этим был нарушен устав федеральной научной Гильдии, которому они должны неукоснительно следовать, будучи федеральным научным учреждением.

— Ты говоришь, что такое оборудование можно было использовать в психотерапии?

Саймон замолчал и задумался. Затем он что-то решил и сказал, обращаясь уже к Богарту:

— То, что ты сообщил — очень ценно. Но должен еще проконсультироваться по этому вопросу с доктором Булманом. Ты же будь готов с завтрашнего дня начать тренировки под наблюдением доктора Рокула. А сейчас вы свободны.

Саймон остался один. Он устал, но не физически. Физически он был свеж и бодр. Но психологически подавлен. Ему еще не были по силам такие психологические нагрузки. Он попытался снять напряжение обычным способом, но даже это не помогло. Вдруг что-то изменилось. Тяжесть, давившая его все это время, куда-то исчезла, и он услышал встревоженный голос Вики:

— Тебе тяжело, дорогой? Что случилось? Может быть, тебе нужна моя помощь?

— Нет, дорогая. Все в порядке. Не тревожься.

Волна нежности охватила его. Он был счастлив от того, что есть человек, который волнуется о нем, которому не безразлично, как он себя чувствует. Он сосредоточился для перехода, представив себе комнату Вики, но тут раздался зуммер на пульте.

— Саймон Рэк слушает, — произнес он в микрофон.

— Шеф просил передать, что после обеденного перерыва у него будет совещание. Вам приказано прибыть обязательно, — сказал дежурный.

— Буду в 14:00, как всегда, — кивнул Саймон и отключился.

После этого он вышел из кабинета, передав его под охрану дежурного. Спустился лифтом в холл и, выйдя на улицу, окунулся в теплый летний вечер.

Он подошел к своей машине и сел в нее. Закрыв дверцу, он опустил поляризационные фильтры, чтобы никто со стороны не мог его видеть в машине, сосредоточился и... очутился на диване в комнате у Вики.

Глава 8. Окончательно заблокированный

Саймон лежал на диване. Рядом сидела Вики, прижавшись к нему спиной. Он закрыл глаза от наслаждения, нежно гладя руку Вики, которую прижимал к щеке. Играла тихая музыка. Медленный ее темп помогал расслабиться и отдохнуть. Внезапно Вики встрепенулась.

— Ты ничего не чувствуешь? — обратилась она к Саймону, глядя в правый противоположный угол комнаты.

Саймон прислушался. Ему показалось, что он слышит какие-то неясные звуки, доносившиеся из правого угла.

— Не иначе как доктор Булман пожаловал к нам собственной персоной. Не стесняйся, док. Мы давно ждем вас.

Вики непонимающе посмотрела на него. В углу послышалось покашливание, и тут же посреди комнаты возник смущенный доктор Булман.

— Прошу меня простить, но я не хотел нарушать ваш отдых...

Вики вскрикнула от неожиданности, а Саймон рывком поднялся и сел на диване, не позволяя себе облокотиться на спинку.

Через мгновение он жестом предложил новоприбывшему присесть за стол, сам усаживаясь в другое кресло, как раз напротив доктора.

— Я вас слушаю, доктор, что привело вас в это время ко мне?

Вики, оправившись от внезапного появления в этой комнате человека, отправилась на кухню, чтобы приготовить кофе.

— Я очень вами недоволен, коммандер, — резко начал Булман. — Вы, похоже, так ничего и не поняли из того, что я вам говорил в прошлый раз.

— Вы имеете в виду то, что я посвятил в это Богарта и Рокула?

— Да. Именно это я и имею в виду!

Но то, что мне придется сделать, потребует помощников, обладающих такими же способностями!

Доктор Булман кивнул.

— Да, это так. У тебя не было другого выхода, это очень трудное и опасное задание. Но ты справишься. Я помогу тебе...

— Спасибо, доктор. Буду только очень признателен.

— Я прослежу, чтобы последние стадии изменений ты прошел убыстренным темпом. Я постараюсь ускорить этот процесс.

— И что это мне даст? — закинул наживку Саймон.

Булман тут же клюнул.

— Ты, мой мальчик, будешь иметь такие же способности, как и я. И тогда тебе не будет страшен и Корман.

— А почему я должен его опасаться?

— Потому, что он знает, что «брелок» у вас. А поэтому он приказал убить вас!

За их спинами послышался вскрик Вики и грохот падающего подноса. Саймон и доктор обернулись.

— Саймон, я боюсь. Я чувствую опасность, которая угрожает нам... особенно тебе, — прошептала она последние слова. — И она все время усиливается...

В глазах девушки стоял страх.

Саймон обнял Вики за плечи и нежно поцеловал ее.

— Успокойся, дорогая. Это все оттого, что ты чересчур эмоциональна. Успокойся, все будет в порядке.

— Нет, нет, Саймон. Ты не прав, — снова подал голос Булман. — Дело в том, что ее мозг подсознательно получает информацию об опасности, которая угрожает вам со стороны известных вам людей. И если развить эту ее способность к подсознательному восприятию ассоциаций, ей не будет равных в мире.

— Да откуда вы взяли, что меня хотят прикончить по заданию Кормана? — перебил его Саймон.

— О, это целая история. Мне пришлось тайком от Кормана побывать на Юлии и прозондировать кое-чей мозг. В результате мне стало известно, что Корман знает о том, что «брелок» в твоих руках. Он начал подозревать, что ты стал на путь мутагенеза, а так как ты стал в последнее время основательно наступать ему на пятки, то лучше, чем убрать тебя, они ничего не придумали.

— Ну и как это они собираются сделать?

— Для этого у них разработаны целый ряд планов, и как они утверждают, по крайней мере один из вариантов должен привести к твоей гибели.

— А как вы оцениваете эти возможности? — поинтересовалась Вики.

— Почти равны нулю, а после сегодняшнего моего воздействия не точно почти, а абсолютно равны нулю. Так что не переживай, Саймону ничего не грозит. Он после сегодняшней тренировки с моей помощью перестанет быть человеком в примитивном смысле этого слова.

— И в кого же он превратится? — с тревогой в голосе спросила Вики.

— Он приобретет такие же возможности, какими обладаю и я. А это должно полностью обезопасить его от всех попыток покончить с ним.

— Но я и так владею множеством способностей, которые наверняка обезопасят меня от любых неожиданностей, немного самоуверенно заявил Саймон.

— Ты ошибаешься, Саймон, у Кормана есть кое-что про запас. У него есть ментоусилители, против которых в одиночку никто не сможет устоять. Даже я не рискну вступить с ним в противоборство на Юлии, где этих усилителей у него множество. Там могут находиться только люди с нормальным пси-потенциалом. Остальные просто сгорают в менто-поле.

— И ничего нельзя сделать? — спросила Вики с дрожью в голосе.

— Почему же нельзя? Против силы — всегда есть сила — закон диалектики, открытый нашими предками. Защитное пси-поле должно уберечь нас от действия его усилителей...

— Я уже могу его создавать, — не удержался Саймон.

— Нет, дорогой мой, то, что ты можешь генерировать, это силовое поле, подобное гравитационному. И в нем нет ментосоставляющей. Поэтому пси-полем тут и не пахнет. Тебе необходимо пройти последнюю стадию ментогенеза, и только тогда ты сможешь генерировать пси-поле и управлять им.

— Так где же все-таки Боджи?

— Он на Юлии. Но здесь есть один нюанс. Раз Корман устроил ментоблокаду Юлии, то, значит, там есть «некто», кого он не может уничтожить сам. Выходит, что этот «некто» равен ему по силе. Думаю, это человек, параллельно мне овладевший секретом пси-поля, и Боджи сейчас под его защитой.

— Значит, у нас есть союзник в логове этого выродка? — с надеждой в голосе спросила Вики.

— Да... Мы должны воспользоваться его помощью. Но для этого надо уничтожить пси-усилители...

— Это я беру на себя, — уверенно произнес Саймон. — Мои люди напали на след фирмы, которая служит поставщиком радиотехнического оборудования для «Криогеникса».

— Будь нам известен частотный спектр их генераторов, мы могли бы вывести их из строя, — задумчиво произнес доктор.

— Мы это обязательно узнаем! Что бы это не стоило! — воскликнул Саймон.

— А сейчас, Вики, вам следует уйти на кухню, а я займусь с Саймоном кое-какими упражнениями. Понимаете, дорогая, ваше присутствие здесь будет только мешать нам, не обижайтесь.

Вики неохотно встала с кресла, вопросительно посмотрела на Саймона. И не получив от него никаких указаний молча отправилась на кухню готовить праздничный обед.

— Сейчас мы с тобой, Саймон, займемся кое-какими упражнениями, — произнес Булман. — После того, как Вики покинула комнату. Предварительно я активизирую некоторые участки твоего мозга, что позволит тебе с моей помощью, овладеть навыками и ментоблокады, ментозондирования и наведения защитного пси-поля. Вот вообще и все чему я собираюсь научить тебя.

Это те азы, с помощью которых ты сможешь осуществить многие свои задумки.

— Я буду искренне благодарен вам, док, — кивнул Саймон.

Булман уложил Саймона на диван и начал проводить над ним свои манипуляции, предварительно погрузив пациента в транс. Так продолжалось более часа. Затем он пробудил сознание Эрика и начал проверять то, чему должен был его научить. Саймон оказался способным учеником. Все, чему Булман обучил его во время транса, он впитал в себя. Закончив проверку, Булман удовлетворенно кивнул.

— Теперь тебе остается научиться немногому. И в первую очередь ты должен будешь уметь превращать энергию в массу, и массу — в энергию. Ну, это просто всего лишь производная от умения пользоваться силой гравитации, что ты уже умеешь делать. Этим мы займемся несколько позже, я уверен, что ты овладеешь этим очень быстро. Главное, я вывел тебя на дорогу совершенства, на которой уже никто не в силах будет остановить тебя в увеличении способностей твоего организма. Теперь путь в познании космоса, в его покорении лежит через тот инструмент, который есть у тебя, Саймон.

— Я благодарен вам, доктор, — в голосе Саймона слышалась глубокая признательность.

— Тебе еще многое надо успеть, парень. Для подготовки помощников у тебя не так уж много времени.

— Я постараюсь их подготовить в течение недели. Думаю то, что им понадобится для схватки с Корманом, они получат.

— Главное, чтобы они умели блокировать свой разум и вступать в ментоконтакт с тобой. Это позволит тебе контролировать их деятельность, а кроме того, даст в твое распоряжение резерв мощности ментозащитного поля.

— Я так и сделаю.

— Вот и пудинг, — сказала Вики, входя в комнату, неся на руках поднос.

— Начни с нее, — шепнул Булман. — А мне пора исчезнуть. Не буду больше вас утомлять своим присутствием.

Вики не успела возразить, как Булман исчез.

— Вот и готовь для вас, — обиженно произнесла она, ставя поднос на стол.

— Ничего дорогая, а это волшебство мы вдвоем с тобой запросто ухлопаем, — рассмеялся Саймон, подтягивая к себе поднос с пудингом.

Но не успел он проглотить первый кусок, как сработал сигнал экстренной тревоги на его личном интеркоме.

— Докладывает дежурный диспетчер Стив Кидерски, — послышался из динамиков голос. — Тревога «двойное А» объявлена вашей сотрудницей Зетой Грейс, сэр.

Зета, как и договаривались с Беном, появилась в молодежном центре ровно в восемь. Он уже ждал ее. После их первой встречи прошло уже не одно свидание. И каждый раз она чувствовала особое волнение при встрече. Так уже получилось, что ей пришлось играть роль девочки с информационного центра, которая только и умеет что программировать различные вопросы для супермозга. Ей это не очень нравилось, но в то же время интуиция подсказывала ей, что именно такая линия поведения нужна сейчас. Она привыкла доверять своим чувствам, поэтому-то сейчас не очень грызла себя тем, что играет какую-то роль.

Зета внимательно посмотрела на Бена, даже после выпитого шампанского, хотя она позволила себе выпить гораздо больше обычного. Бен оставался прекрасным парнем. Он не пытался споить ее, чтобы кое-что себе позволить. Сколько бы она не выпила, он не пытался ее обнять. И это начало даже злить Зету. И она решила немного поиграть.

Для начала следовало немного разыграть обиду.

— Я вижу, что не нравлюсь тебе, раз ты даже не хочешь обнять меня. Поэтому, я должна спросить тебя, для чего вся эта комедия, мой мальчик?

От этих слов Бен вздрогнул и внимательно посмотрел на нее. Затем, явно колеблясь, он произнес:

— Ты явно не та, чью роль и маску надела на себя. В то же время ты не из отдела Билли... Слишком грубо ты работаешь... а может быть, в этом и заключается твой замысел?

Теперь пришлось вздрогнуть Зете. Она лихорадочно искала выход из создавшегося положения, делая вид, что рассеянно смотрит на дно бокала. Ничего нужного не придумав за эти секунды, которые она отвела себе на раздумья. Зета решила поступить так, как подсказывала ей интуиция.

— А разве я похожа на сыщика, дорогой? Мне просто ты нравишься и все. Ведь ты первый ко мне обратился в музыкальном салоне, разве не так?

Молодой человек смутился. Он внимательно посмотрел на нее, а затем через несколько секунд сказал:

— Ты права, когда я тебя увидел в первый раз, ты поразила меня своей оригинальностью, но, познакомившись поближе, понял, что это не оригинальность, а твоя суть. Я бы поверила тебе, если бы не моменты фальши, которые изредка ловила в твоем поведении.

— Какие именно? — с издевкой в голосе поинтересовалась Зета.

Его слова взбесили ее, и она уже не могла остановиться.

— Тоже мне отыскался психолог. Знаток тонкой, женской натуры! — Алкоголь моментально улетучился из ее крови, а голова снова стала светлой и ясной. Но злость уже застлала разум. — Не пытайтесь строить из себя детектива. У тебя это явно не получается. Будь ты настолько проницательным, насколько об этом сейчас мне говоришь, давно уже смотал бы удочки из фирмы, в которой работаешь.

— Что ты этим хочешь сказать? — перебил ее Бен. — Чем тебе не нравится «Криогеникс»? Это самая престижная фирма в нашем секторе. Самые высокие ставки! — удивление в его голосе было явно не поддельным.

— Я имею в виду не «Криогеникс», а ту, где ты работаешь на самом деле, а не только числишься.

Он побледнел. Брови сдвинулись к переносице. Оглянувшись по сторонам, он произнес:

— Откуда тебе это известно? Ты в самом деле шпионишь за мной?

Через несколько мгновений он добавил:

— Вот ты и выдала себя! Кто ты?

Зета лихорадочно обдумывала ситуацию. Такого везения она не ожидала. Бен, оказывается, работает в фирме, куда они должны были проникнуть по заданию Саймона.

— Ты мне наконец скажешь, кто ты, или я ухожу и мы больше не увидимся.

— Я сотрудница седьмого отдела, — соврала Зета, чтобы хоть как-то выиграть время.

Бен от неожиданности и такой прямоты немного даже оторопел.

— Что-то не знаю такого отдела в вашей фирме, — наконец произнес он.

— Ты многого не знаешь, Бен. А вот если бы знал, то наверняка постарался очутиться как можно подальше от своего «Криогеникса».

— Кто ты? — снова повторил он вопрос, и дуло небольшого игольчатого пистолета оказалось направленным в ее глаза.

— Твой ангел-хранитель, который имел несчастье в тебя влюбиться...

Теперь Зета хоть и лгала, но зато не кривила душой.

— А может быть, никакой не ангел-хранитель, а просто *палач*? — Пистолет продолжал оставаться направленным в ее лицо.

— Возможно. Все зависит от обстоятельств.

— И скольких же ты успела освободить от грешной жизни?

— Пока что только троих. Но если ты будешь несговорчив, то такая же участь может постичь и тебя.

Сказав это, она поняла, что Бен подписал себе смертный приговор сразу же, как только начал за ней ухаживать. Не обращая внимания на его пистолет, она достала из сумочки микропередатчик и связалась с дежурным.

— Тревога класса «двойное А». Я в молодежном центре!

Добавив код «А», она перевела операцию по спасению агента из разряда личного в разряд государственных интересов. Теперь в управлении будут знать, что агент, который в опасности, обладает ценной информацией, и они сделают все, чтобы вытащить его. Теперь она была уверена, что сможет спасти Бена, по крайней мере сегодня, сейчас.

Спрятав в сумочку рацию, она посмотрела в глаза Бену. На лице его была явная растерянность. Он уже спрятал пистолет в карман и сейчас только от удивления разевал рот. Наконец он смог выдавить из себя.

— И все же кто ты и что мне угрожает?

— Кто я, узнаешь позже, а угрожает тебе смерть. Ибо ты знаешь так много, что лучший способ заставить тебя замолчать — это отправить к праотцам. Так будет надежнее.

— И это сделаешь ты?

— Нет, Бен. Мы работаем в разных фирмах, и я как раз делаю все возможное, чтобы спасти тебя.

Она попыталась его обнять, но он отстранился. Он о чем-то спросил ее, но она не расслышала, так как обратила внимание на двух типов, которые направились в их сторону из разных точек зала. Их угрюмые лица ничего хорошего не предвещали. Она молча указала на того, что был с правой стороны.

— Другой идет слева, но я думаю, что их больше, чем двое. Так, что приготовь свой пистолет к стрельбе.

— Но в нем отравленные стрелы...

— А у них бластеры среднего калибра, — усмехнулась она.

Теперь-то она отлично поняла, что «Криогеникс» давно уже пасет их, и что, скорее всего, они уже знают кто она такая. Сейчас она очень жалела, что у нее нет никакого оружия, по крайней мере даже такого, как у Бена, но зато неожиданность на их стороне...

Как только первый бандит поравнялся с Беном, Зета закрыла обзор своему противнику. Она не видела, что происходит, но чувствовала, что, скорее всего, этот второй должен вытаскивать бластер, чтобы прицельно стрелять поверх ее головы. Но это было ошибкой. Хорошо сработанным приемом Зета нанесла серию из трех ударов верзиле на болевые центры. Но обычного результата не последовало. Он устоял на ногах, хотя его правая рука повисла вдоль тела, и весь заряд бластера с шипением ушел в пол, покоробив пластик и проделав в нем большую дыру.

За ее спиной послышался шум падения тела на пол. Но сейчас некогда было оглядываться. Бандит левой рукой пытался схватить ее за волосы и сломать шею. Эта ошибка оказалась фатальной. Стащив с ее головы парик, он оторопело уставился на него. И тут уже было дело техники. Двойным ударом ноги и руки она разбила ему кадык и заставила рухнуть на пол. В прыжке она подхватила с пола его бластер и, перекувырнувшись в воздухе, дважды выстрелила в двух подозрительных личностей, которые было кинулись к ним. Бен с изумлением наблюдал за этим акробатическим трюком Зеты.

— К выходу! В машину! — приказала она ему.

Теперь он слушался ее с полуслова. Пропустив его вперед, она шла, прикрывая его спину. Нападений больше не было. Толпа зевак разбежалась в стороны и, казалось, по углам, опасливо поглядывая на них. Когда они вышли из здания, Бен бросился к своей машине, но Зета остановила его. В это время подъехало шикарное белое авто с компанией скучающих бездельников. Они сначала ничего не поняли, что от них хотят, но наведенный на них пистолет и бластер, сделали их сразу сообразительными.

— Садись за руль и гони в центр города. Наверняка наши квартиры уже блокированы этими подонками.

— Куда мы поедим, в полицию?

— Для большинства полицейских мы преступники, и кроме того, большинство полицейских на этой планете куплено «Криогениксом».

— Значит, в ГСБ?

— Я же сказала, что наверняка они все блокировали.

Похоже было, что только сейчас Бен понял, что она сказала. Он удивленно воззрился на нее.

— Вот откуда ко мне прилетел ангел-хранитель! — саркастически улыбнулся он. — Теперь мне понятно, почему ты так играла.

— Поезжай по адресу, — и она назвала адрес Колонел Спеки. — Это старая моя знакомая. Думаю, она приютит нас, пока не прибудут сотрудники ГСБ. Поторопись.

Бен включил максимальную скорость, и началась бешеная гонка по центральной автостраде. Их попыталась догнать полицейская машина, но полицейским явно не хватало умения рисковать. За квартал до нужного дома Зета приказала Бену остановить машину.

— Но мы не доехали? — возразил молодой человек.

— Белый цвет отличная мишень для бластера.

Они пробирались по улицам, скверам стараясь все время быть в тени деревьев и домов. Вот и заветный дом. Они поднялись в лифте на нужный этаж. Вот и нужная квартира. Она нажала на кнопку автоответчика.

— Никого нет дома, — раздался голос робота.

— На крышу в солярий! Если они вычислили нас, то наверняка постараются вломиться в эту квартиру. Пока они будут здесь все переворачивать, мы успеем спуститься на лифте вниз, а там уже и посмотрим.

Хотя Бен и не разделял ее оптимизма, следовало подчиняться. Взобравшись на крышу, Зета вытащила рацию и связалась с диспетчерской ГСБ.

— Я в точке... на крыше дома, — произнесла она в микрофон. — Срочно нужна помощь.

— Зета, детка, ты меня слышишь? — раздался из динамика голос Саймона Рэка.

— Да, шеф.

— В чем дело?

— Я не одна, ценная информация по операции «Новый рай».

Они услышали, как к дому подъехало несколько автомашин.

— Зета, почему ты замолчала? — послышался встревоженный голос Саймона.

— За нами прибыли, похоже...

— Продержитесь хотя бы пару минут, мы постараемся вам сейчас помочь.

— Бен, выключи лифт. — Зета была почти спокойна. — И побыстрее!

Бен кинулся вниз.

— Кто такой Бен? — снова раздался голос Саймона.

— Источник нужной нам информации.

— А ты в этом уверена?

— Он не последний человек в той фирме, куда мы хотим проникнуть.

Саймон присвистнул от удивления.

— Сколько сможете продержаться?

— Но как только они убедятся, что лифт не работает, тут же появится их вертолет.

— Ты права. Придется рискнуть.

— Что вы надумали, шеф?

— Как только появится Бен, попроси его крепче обнять тебя, а ты постарайся вспомнить мое лицо. Чем четче ты его себе представишь, тем быстрее вы окажетесь в моем кабинете, понятно?

На крыше появился запыхавшийся Бен. Лицо его было в саже.

— Задание выполнено, Зета Грейс!

— Как ты меня узнал, Бен?

— Твое настоящее имя, цвет волос и умение владеть бластером — я ведь тоже люблю в газетах читать раздел уголовной хроники.

— Ты просто гений, Бен. Но сейчас покрепче обними меня. Мы сейчас окажемся в кабинете моего шефа.

— А поцеловать можно?

— Только после того, как очутимся в ГСБ.

Бен не понимающе уставился на нее. Ей пришлось самой прижаться всем телом к его широкой груди и вспомнить лицо шефа.

Что-то мелькнуло в воздухе, возник порыв ветра и... она открыла глаза.

Они находились посреди небольшого кабинета Саймона.

— Целоваться будете потом, а сейчас прошу садиться, — усмехнулся Саймон покрасневшим от смущения Зете и Бену, указывая на два кресла, стоявшие напротив его пульта.

Бен не понимающе оглядел помещение, в котором очутился, затем сел в кресло рядом с Зетой. Через некоторое время, придя в себя, он спросил Саймона:

— Кто ты такой и где я нахожусь?

— Я начальник спецотдела ГСБ, Саймон Рэк, вот мой сертификат, — сказал Саймон, протягивая ему свое удостоверение.

При этих словах Бен вздрогнул и внимательно посмотрел на коммандера.

Меня неоднократно предупреждали, что вы способны на самые невероятные мистификации, но чтобы вот так, совершить предпространственный минипрыжок в атмосфере на таком уровне! Тут даже моя буйная фантазия пасует. Как это вам удалось, коммандер? Я не вижу специальной аппаратуры для прыжков, а у меня нет к тому же активатора.

— Мне они ни к чему. Тебе много говорили обо мне правду, Бен, но то, что я сейчас сделал, это всего лишь техника, из многого того, что я умею.

— Мне говорили, что Корман может творить такие чудеса, но я не верил этому, но теперь убедился, что человек может стать богом. Коммандер, зачем вам понадобилось меня заманивать столь экстравагантным способом? — после некоторой паузы спросил Бен.

— Мы тебя не заманивали, Бен, а спасли. Ибо после того как ты познакомился с Зетой, — Саймон кивнул в ее сторону, — они узнали, кто она такая, и это был твой смертный приговор.

— Значит, вы заранее планировали, что они постараются меня пристукнуть, а вы вытащите меня в последний момент из петли и я за это буду вам благодарен? Увы, вы ошиблись.

— Мне не нужна твоя благодарность, Бен. То, что Зета в опасности я узнал только полчаса назад. И мне пришлось рискнуть и прибыть сюда точно таким же способом, каким перебросил сюда вас. Я знаю все, вернее все о деятельности твоей фирмы и «Криогеникса». А если мне еще что-то нужно, но на это я должен иметь твое согласие. Ты и так добровольно все выложишь?

Наступила пауза. Бен уставился на Саймона, пытаясь переварить услышанное. На его лбу выступили бусинки пота.

— Я понимаю, Бен. Ты просто обижаешься на Зету, за то, что она использовала тебя. Ну что ж твое право, но не забывай, что она прихлопнула двоих бандитов, которые были готовы покончить с тобой. Ведь то, что она познакомилась с тобой, чистая случай-

ность, скорее ты должен обвинять во всем «Криогеникс», ведь эта фирма решила покончить с тобой, когда раскрыла Зету.

— Да, господин, вы умеете убеждать! — усмехнулся Бен.

— Бросьте ломаться, парень. В вас говорит задетое мужское самолюбие, вот и все. К сожалению, тут переплелись личные и служебные интересы, и во всем этом очень трудно разобраться, но это уже ваше личное дело. А сейчас ответьте мне на пару вопросов.

— Что вам нужно от меня?

— Частоту генераторов тороидального поля, вернее, диапазон рабочих частот.

— Как, вам и это известно? — удивился Бен.

— Нам многое что известно, Бен. Я, например, точно знаю, что ты этого не знаешь. Но я не хочу быть некорректным и обшаривать твой мозг помимо твоей воли.

— Ка-ак это обшаривать мой мозг? — запинаясь от испуга, спросил Бен.

— После того, как я перенес сюда вас с Зетой, чему ты удивляешься? Я настолько же могущественен, как и ваш Корман, только он пользуется усилителями тороидального поля, а я — резервами человеческого организма.

— Тогда вы столь же могущественны, как Господь Бог!

— Да, это почти так. Но только Корман свое могущество хочет использовать во вред всему человечеству. Он хочет стать полновластным хозяином всей Федерации. Но мы этого не хотим, и поэтому я вступил с ним в борьбу. Для этого мне нужны верные помощники и знание спектра частот усилителя тороидального поля. Зная это, мы сможем, прибыв на Юлию, вызвать в них резонанс и таким образом, вывести их из строя.

— Если вам все известно о деятельности Кормана, так почему вы его не арестуете как международного преступника?

— О, это длинный разговор и он скорее философский, чем криминальный.

Бен некоторое время молчал, но по его лицу было видно, что он усиленно размышляет. После некоторого прошедшего времени, он сказал:

— Я кое-что слышал о Кормане, о его нечеловеческих возможностях. Кроме того, вы тоже меня убедили в своем могуществе. Даже если я попытаюсь что-нибудь скрыть от вас, все равно не смогу сделать это. Поэтому мне нет смысла таиться от вас. Над этими генераторами работали Альфред Резен, Барри Смит, Ульф

Петерсон и кто-то еще. Все они должны знать частотный спектр генераторов. Но как вы с ними свяжетесь?

— Вспомни, пожалуйста, как они выглядят? — спросил Саймон, не обращая внимания на вопросы Бена.

Через пару минут Саймон открыл глаза и сказал:

— Спасибо за помощь, Бен. Думаю, ты станешь моим союзником. Ну а пока, я могу лишь отблагодарить тебя тем, что подарить тебе один из даров тороидального поля.

— Неужели вам известна моя мечта? — не утерпел Бен.

— Да, ты получишь вечную молодость, Бен. Но это не бессмертие. Просто ты умрешь, когда захочешь.

— Коммандер, мы можем быть свободны? — спросила Зета, медленно поднимаясь из кресла.

— Да. Ты выполнила задание больше, чем я надеялся. Теперь у тебя двухнедельный отдых. Разрешаю посвятить Бена в суть операции «Новый рай». Вам, думаю, на первый раз подойдет однокомнатный бокс в нашей жилой зоне. — Глаза Саймона в упор смотрели на покрасневшего Бена. Он явно сейчас брал реванш.

Взяв за руку Зету, Бен сказал Саймону невинным голосом:

— Коммандер, благодарю вас за предоставленную возможность выяснить в подобающей обстановке детали одного запутанного, слишком запутанного дела, которое еще к тому же не раскрыто.

— Успеха вам в решении этого вопроса. Дежурный, тревога «двойное А» отменяется, пропуск в жилой сектор для Бена Джексона.

— Докладывает дежурный Стив Андерсон, — послышался голос из динамика. — Тревога «двойное А» объявлена вашей сотрудницей Зетой Грейс.

— Где она?

— В молодежном центре.

— Что она просила?

— Контакт с Лео Богартом.

— Богарта в диспетчерскую, держать с ней постоянный контакт. Я буду через десять минут.

— Я вас понял, жду через десять минут.

— Что-то серьезное? — поинтересовалась Вики с тревогой в голосе.

— Зета видно что-то раскопала. Скорее всего, это связано с ее поклонником. Она с ним усиленно флиртует вот уже целый месяц.

— Нехорошо вмешиваться в личную жизнь подчиненных, — с напыщенностью и строгостью сказала Вики. — Это не входит в вашу компетенцию.

— Когда сотрудник работает по сверхсекретной информации, его личные контакты всегда контролируются, детка.

— Когда тебя ждать, милый?

— Не знаю, но как только буду свободен, свяжусь с тобой по нашей связи.

— Я готова всегда быть с тобой, хотя бы и мысленно.

— Ты всегда будешь со мной, родная, — сказал Саймон и отошел на шаг от Вики.

Через секунду его уже не было в комнате.

Прыжок в машину для него не составлял труда. Он включил двигатель, затем автопилот, и откинулся на спинку сиденья, пытаясь установить ментоконтакт с Зетой. Это ему удалось, но четкой картины пси-контакта он не получил. Хотя и этого было достаточно, чтобы понять, что надо во что бы то ни стало спасти этого парня, которого она случайно подцепила. Он обладает сверхважной информацией по теме «Новый рай».

«Что ж, я еще раз могу повторить, что не ошибся в тебе. Мы вытащим тебя с этим парнем, даже если для этого мне придется применить свои способности» — пробурчал Саймон, подъезжая к управлению.

В кабинете он сразу же связался с дежурным. На экране возникло лицо лейтенанта Андерсона.

— Коммандер, на них напали в центре, но они отбились и сейчас уходят в район старого города. Их все время «пасут» ребята из «Криогеникса».

— Почему их не прикрыли?

— Не успели, да и в этом не было необходимости. Зета сама справилась со всеми.

— Где Богарт?

— Он сейчас будет. Ему приготовлен вертолет.

— Отставить! Богарта ко мне!

Как только на пороге возник Богарт, Саймон указал ему на экран, на котором была картинка с изображением движущейся машины Зеты. Съемка велась со спутника.

— Как ты думаешь, куда они несутся?

— Думаю, они хотят укрыться у Колонел Спеки. Она как раз живет в этом районе. Они смогут отсидеться там, пока не придет наша помощь.

— Лейтенант, свяжите меня с Колонел Спеки, — бросил в микрофон Саймон.

— Ее автоответчик сообщает, что никого нет дома, — секунду спустя доложил дежурный.

— Что будем делать? — спросил Саймон. — Я готов на вертолете снять их.

— Поздно, — сказал Саймон, указывая на экран. — Вот эти движущиеся точки — вертолеты, которые идут в наш район. Они перекроют все точки подлета. Ты просто не успеешь. Нет сомнения, что это «Криогеникс».

— Есть связь с Зетой Грейс! — доложил дежурный, и Саймон услышал обрывок их разговора.

— Зета, детка, ты меня слышишь? — крикнул он в микрофон, пытаясь своим голосом перекрыть помехи.

— Да, шеф.

— В чем дело?

— Я не одна. Ценная информация по операции «Новый рай».

Саймон слышал, как девушка кому-то отдала приказ отключить лифт.

— Что случилось?

— За нами прибыли гости, и я приказала Бену отключить лифт с помощью бластера.

— Кто такой Бен?

— Источник нужной информации.

— Ты уверена в этом?

— Он не последний человек в той фирме, куда мы хотели проникнуть.

— Вот это удача! — присвистнул Саймон. — Сколько вы продержитесь?

— Не знаю, но как только они убедятся, что лифт не работает, они вышлют вертолет.

— Ты права, придется рискнуть.

— Что вы затеяли, шеф?

— Как только появится Бен, пусть он покрепче прижмет тебя к себе, а ты постарайся вспомнить мое лицо, чем четче это сделаешь, тем быстрее вы очутитесь у меня в кабинете.

Затем он повернулся к Богарту и произнес, предварительно отключив связь с диспетчерской.

— Приготовься, Лео. Ты мне поможешь сейчас осуществить их переброс прямо сюда в кабинет.

— Что я должен сделать?

— Тоже что и при переброске кубиков с одной ладони на другую.

— Я понял.

— Я дам команду «начинай», и ты вступишь в дело.

Саймон начал налаживать ментоконтакт с Зетой. Вот он увидел, где они находятся и когда их фигуры стали четкими и слились в одну, прозвучала команда — «начинай»!

Когда Зета и Бен ушли, Саймон подозвал к себе Богарта и указал на кресло перед собой.

— Лео, мы выходим на финишную прямую. Скоро мы отправимся на Юлию в гости к Корману, но ты еще не готов. Ты научился всего нескольким приемам из того арсенала, чем я владею. Ты что, не хочешь обучаться? Но в таком случае я не смогу тебя взять на Юлию. Я не стану убийцей для своего лучшего друга.

— Я не могу, Саймон. — В глазах у Богарта засветилась тоска и затаенная боль. — У меня не получается. Я, наверное, не способен...

— Сейчас я проверю, что с тобой, — сказал Саймон и начал сосредоточенно смотреть на Богарта.

У того закрылись глаза, голова опустилась на грудь — он был в трансе. Саймону не потребовалось много времени для того, чтобы выяснить, что внутренний тормоз для Лео — подсознательное неверие в такого рода явления. Он снял преграду дополнительным внушением, а заодно активизировал его мозг для более успешного овладения новыми ступенями неведомого.

Когда Богарт пришел в себя, он удивленно посмотрел на Саймона.

— Что ты сделал со мной?

— Прочистил тебе мозги. А теперь постарайся взлететь в воздух, оторваться от пола и зависнуть. Дежурного я отключил.

— Как взлететь? — не понял Богарт.

— Как детский воздушный шарик.

Не успел он этого проговорить, как Богарт оторвался от пола, взвился почти под потолок, больно ударившись головой, и морщась от боли снова опустился на пол.

— Не так резко, — рассмеялся Саймон.

Лео повторил упражнение. Но теперь уже осторожно, опасаясь снова стукнуться головой о потолок. На этот раз он даже попытался маневрировать. Со стороны это было забавно наблюдать. Казалось, что это гигантская ночная бабочка порхает вокруг светильника. Когда Лео опустился на пол, Саймон дружески похлопал его по плечу.

— Вот ты и научился летать, парень. Вернее, получил возможность научиться летать. Но это не самое главное. Сегодня вечером приходи ко мне в кабинет, где получишь основные знания необходимые для борьбы с Корманом.

— Буду обязательно, Саймон.

Теперь во взгляде Богарта уже не было тоски, а одна только надежда.

Когда Богарт ушел, Саймон включил связь с дежурным и спросил его, когда появится шеф.

— Полковник у себя на вилле и просил не беспокоить его два дня.

Саймон взглянул на часы. Пять утра. Самое подходящее время для срочных вызовов и неожиданных визитов. В его голове созревал план, как начать официальное расследование по незаконной деятельности «Криогеникса».

— Соедините меня с шефом, — сказал он дежурному.

— Не могу, сэр, у меня приказ до 8:00 не беспокоить его.

— Срочный вызов категории «двойное А»!

Дежурный удивился. Он впервые принимал такой вызов от Саймона Рэка. Но беспрекословно выполнил приказ и через полминуты в микрофоне послышался сонный и рассерженный голос Джексона, а на экране возникла его заспанная физиономия.

— Какого черта меня подняли в такую рань? Я ведь просил меня не беспокоить.

Но когда он увидел на экране лицо Саймона, злость перешла в тревогу, и он добавил:

— Что стряслось у нас, Саймон?

— Оперативные данные особой секретности, сэр, нужна ваша санкция на проведение операции.

— Говори, что там у тебя, и я пойду досыпать, — бросил сонно полковник, успокоившись ответом Саймона.

— Шеф, мне необходимо ваше присутствие у меня. Вы должны ознакомиться с оперативными данными по одной теме.

— Да не тяни, черт тебя побери!

— Не могу рисковать, сэр, игра идет по крупному. Вы же знаете, что по пустякам я вас не потревожу.

— Да.

— Буду через полчаса.

— Жду вас через час, сэр, — кивнул Саймон, отлично зная расторопность шефа и то, где его вилла.

Но такое его вполне устраивало. Он к этому времени сможет спокойно проанализировать все данные по «Новому раю» на том уровне секретности, который не повредит их делу и в тоже время заинтригует шефа. Он долго отбирал и сортировал материалы по тематике «Новый рай», затем, выбрав нужные кристаллы, он произвел их перезапись на общую кристаллокассету. После этого он еще дважды посмотрел смонтированный фильм. И остался довольным, остальное убрал в сейф, оставив кассету на столе. Скоро уже должен появиться шеф.

Как и предполагал Саймон, полковник появился через час с небольшим.

— Вот и я, Саймон, — начал он с порога. — Говори, зачем ты поднял меня в такую рань?

— Хочу, чтобы вы разрешили операцию против «Криогеникса».

— Ты сошел с ума, Саймон? На основании чего мы будем туда соваться и что такого противозаконного они сделали?

— Данных у меня предостаточно. Вот здесь все записано, шеф, — он указал на лежавшую на столе кассету, — посмотрите, пожалуйста. Речь идет о судьбе всего человечества.

— Неужели они продолжают то дело, что привело их на грань банкротства? Тогда у нас не было, к сожалению, никаких доказательств, о чем писали журналисты.

— Теперь они есть! Они на этой кассете!

— Тогда приступаем к просмотру! — шефу явно не терпелось просмотреть сенсационный материал.

Саймон ошибался насчет усидчивости полковника. Он трижды просмотрел кассету с огромным вниманием. После третьего просмотра он откинулся на спинку кресла и погрузился в краткий рас-

слабляющий сон. Он прекрасно умел пользоваться психотренингом. Через пять минут он открыл глаза и произнес:

— Я кое-что не понял в вашей записи, голубчик, что это за операция «Новый рай»?

— Это кодовое название нашей операции, вернее операции нашего отдела, по проникновению в сокровенную тайну «Криогеникса», а именно по расшифровке ее деятельности над одноименной работой — «Новый рай».

— Я это понял, но в вашей записи ничего не говориться о сущности этой работы. Я хочу понять, что же такое — «Новый рай» и чем это может грозить человечеству? Что это может нам дать?

— Поэтапного достижения физического бессмертия для человечества, шеф. При некоторых побочных эффектах...

Джексон внимательно посмотрел на Саймона.

— Вы не похожи на сумасшедшего, Рэк, и шутником я вас давно не видел. Но такое! Вы что же хотите, чтобы я поверил в эти идиотские бренди, которые распускают падкие на сенсации журналисты? И это вы пытаетесь подтвердить подобной записью?

— Нет, сэр. Но то, что вы видели, истинная правда, и вы в этом сейчас убедитесь!

Он достал из кармана кусочек пластического вещества, из которого дети лепят самые разнообразные фигурки, и, положив его на ладонь, поднес ее чуть ли не к самому лицу шефа.

— Глядите внимательно, сэр, и не говорите потом, что разыгрываю здесь перед вами дешевые фокусы. У меня на ладони обычный пластик. Если хотите, можете убедиться в этом. Ну, потрогайте, прошу вас!

Полковник недоверчиво коснулся кусочка и хмыкнул.

Но тут же оборвал этот свой недоверчивый возглас, так как бесформенный кусочек начал на его глазах превращаться в кубик, затем в цветок лилии. Сейчас у него уже округлились глаза от ужаса увиденного, лицо побледнело, а губы затряслись. Булькающим голосом он попытался что-то сказать...

— Значит... это... это... — только и смог разобрать Саймон.

— Да, сэр, это действительно, правда. То, что вы сейчас наблюдаете, не фокусы, а именно те побочные явления, о которых я вам уже говорил.

— Значит, вы стали... бессмертным, Саймон! — теперь уже страх сквозил во взгляде Джексона.

— Нет. Я еще не стал, не достиг этого, но на пути к достижению цели.

— Как же это у тебя получается и что ты можешь делать еще? — заискивающе поинтересовался полковник.

— Не многое... — после секундного промедления ответил Саймон. — Могу превратить этот пластик в парафин, а также практически любое вещество в него. Почему именно в парафин, не знаю. Кроме этого могу перемещать небольшие размеры массой до десяти фунтов из одной точки в другую. Вот, пожалуй, и все, что я могу сделать на этой стадии.

— Но причем здесь Корман и его компания «Криогеникс»?

— «Криогеникс» не причем, а вот Корман рвется на роль мессии всего человечества. Он держит в блокаде нашего сотрудника Боджи, который шел на связь к одному из первооткрывателей способа вечной молодости. Теперь они вдвоем находятся в «блокаде» на Юлии.

— Я прикажу арестовать Кормана.

— Не надо, сэр. Во-первых, вы не сможете его арестовать, а, во-вторых, даже если его обложит весь флот Федерации, то он уйдет в такие дали, где мы его никогда не отыщем. Он уже не человек, он маньяк, которого надо во что бы ни стало остановить... и даже, если надо — убить!

При этих словах полковник вздрогнул. Он внимательно посмотрел на Саймона, а потом саркастически заметил:

— Неужели боишься конкуренции, парень?

— Нет, шеф. Дело в том, что я не один обладаю этим секретом, на Юлии есть человек, который превосходит меня в этом искусстве, кроме того, где-то скрывается доктор Булман, который тоже немного превосходит меня.

— А как в этом плане Корман?

— Он пока сверхзвезда, каждому из нас не в силах с ним справиться в одиночку.

— Что же ты предлагаешь?

— Я с друзьями отправляюсь на Юлию, и не раньше моего сигнала, вы, полковник, все крейсера, находящиеся в вашем распоряжении, отправляете на Юлию и блокируете ее. Ни один корабль не должен уйти с планеты! Но не раньше моего сигнала, сэр! Иначе все экипажи кораблей будут уничтожены ментополем Кормана. И еще. В операции должны быть задействованы только наши крейсера.

— А почему вы не обратитесь за помощью в Федерацию? — недоуменно поинтересовался Джексон.

— Приказ должен поступить только капитанам кораблей. Понимаете? Только на них можно положиться. Я готов присягнуть, что они не перекуплены «Криогениксом».

Чувствуя, что беседа подходит к концу, полковник напрямую задал вопрос:

— А могу я надеяться, что тоже буду обладать вечной молодостью?

— Да, сэр. Эти возможности присущи каждому человеческому организму.

Практически каждый человек, если он не дебил, рано или поздно станет обладателем этих возможностей. Но это очень длительный процесс, если он не поддерживается постоянной корректировкой извне. После окончания операции я попытаюсь дать первоначальный импульс вашему мутагенезу, но не более. Для большего вам нужен доктор Булман или пленник Кормана. Все зависит от структуры вашего мозга... сэр.

Полковник облегченно перевел дух.

— Я даю согласие на проведение этой операции. Но мне потребуется проинформировать о ней Федерацию.

— Конечно, сэр. Как только мы завершим операцию, вы поставите в известность Президента и Председателя Федерации.

— Да, будет так, мальчик, — полковник улыбнулся и поднялся с кресла. Он похлопал по плечу Саймона и величественно удалился из кабинета.

Саймон был доволен. Теперь об истинных целях путешествия на Юлию никто не будет знать, за исключением его людей. За полковника он был спокоен. Во время беседы он прозондировал его сознание и понял, что тот страстно желает стать бессмертным и будет ради этого делать все возможное, чтобы помочь Саймону. На всякий случай, Рэк усилил блокаду шефа, который в этот момент как раз выходил из здания управления, чтобы успеть на виллу. Итак, теперь можно быть полностью уверенным, что Джексон не проболтается.

Вилли работал над новой, принципиальной схемой активатора головного мозга. Этот профан Боджи даже не проанализировал формулу, которую вывел. При более глубоком анализе Вилли на-

толкнулся на возможность создания активатора мозга, использую некоторую модификацию тороидального поля. Воздействуя пучками этого поля на определенные клетки мозга, можно заставить их вступить в резонанс с частотой поля. Вот только вся загвоздка в параметрах этих пучков. Нет, это не проблема, можно подобрать частоты опытным путем. Да, благо, в добровольцах не будет отбоя. Фирма ведь неплохо платит!

— Вилли, поднимись ко мне! — На экране возникло лицо Кормана. Шеф был сердит. Взбучка будет еще та! Ведь он так и не сумел убрать этого чертова Рэка, а тут еще одна неприятность. Как это ребята Брайтона упустили эту чертову ведьму. Да, люди в ГСБ не зря получают свои деньги.

— Я слушаю вас, шеф, — произнес Вилли, переступая кабинет Кормана.

— Прошу садиться! — Корман указал Вилли на пустующее кресло возле себя.

Вилли уселся в кресло и вздохнул от ужаса.

На экране, который был как раз против его глаз, показывали, как человека скармливали голодным крысам. Бедняга рвался из заточения и страшно кричал. Это был Брайтон.

— Ну как ты считаешь, я правильно поступил, отдав его не съедение этим мерзким тварям?

У Вилли засосало под ложечкой. Еле ворочая языком, он попытался ответить:

— Тебе не откажешь в справедливости.

— Рад это от тебя слышать. А как поживает Саймон Рэк, начальник отдела ГСБ?

— Думаю, что неплохо. — Вилли уже пришел в себя и его ответ прозвучал достаточно уверенно. К тому же, к этому вопросу он готовился заранее.

— Я это сам знаю! Я спрашиваю тебя, почему он еще жив?

— Потому что мои люди не могут его зацепить! Он нигде не бывает кроме своего рабочего кабинета и жилой зоны ГСБ. А если и выходит в город, то мои ребята, приставленные к нему таинственно исчезают... Вернее, — и тут Вилли сглотнул, — погибают. Причем смерть носит самый странный характер, если не говорить нелепый...

— Ты хочешь сказать, что в этом замешан коммандер?

— Конечно. Больше некому. Фрэнк сидит у себя в мышеловке, а брелок до сих пор в руках этого Рэка.

— Похоже на то... А что ты можешь сказать насчет этого Бена?

— Инженера-криогенщика?

— А кого же еще?

— Он не имел доступа к генераторам тороидального поля.

— А кого он знает из тех, кто работал над этой проблемой?

— Лично никого, но он мог получить информацию от других сотрудников лаборатории.

— Их надо изолировать, а лучше уничтожить.

— Что? Всех?

— Да, всех! Если мы не можем быть уверены в том, что Бен не имеет информации о тех, кто знает проблему генераторов.

— Сделаем, шеф.

— Я сейчас пробую прозондировать этого Рэка. Какие и сколько усилителей ты мне для этого можешь выделить?

— Если не снимать защиту, то только два — твой и мой, лабораторный. Их мощности для Рэка вполне хватит.

— Хорошо! Я сейчас займусь подготовкой, а ты зайди к бритоголовым!

— Одну минутку, шеф. У меня есть задумка, как все же разделаться с этим Рэком.

— Я тебя внимательно слушаю, Вилли, — вкрадчиво произнес Корман.

— Скоро мы заканчиваем монтаж двух усилителей на базе VII, возле звезды B 36-V-CI по каталогу Юджина. Это в полупарсеке от Крокуса. Я думаю перебросить эти аппараты на Крокус и устроить там ловушку для них.

— Отлично, парень! Может быть, что-то и получится. Знаешь что, ты сам лично должен будешь возглавить эту важную операцию. А теперь не мешай мне.

И Корман снова склонился над пультом управления личного усилителя пси-поля.

Саймон заканчивал подготовку к операции против «Криогеникса». Он предполагал произвести одновременный налет на «Криогеникс» и на фирму поставщика для ментоусилителей Кормана. Это могло дать хорошие результаты. Особенно он был доволен тем, что удалось отыскать среди бритоголовых ученых Кормана тех, кто занимался усилителями тороидального поля. И прозон-

дировав их разумы, удалось таки обнаружить частотные спектры работы усилителей. Да, теперь им уже не страшны ментоусилители Кормана.

Внезапно он почувствовал надвигающуюся тяжесть в области затылка. И инстинктивно воспользовался приемом, который ему показал доктор Булман. Немного стало легче. Он повторил несколько упражнений. Да, удалось выйти из ментоконтроля. Теперь требовалось создать свое защитное пси-поле. И надо спешить, потому что ментодавление возрастает. Завыла сирена. Приборы защиты показывали наличие большого потока неизвестного происхождения. Направленная атака Кормана, а в том, что это был Корман, он не сомневался, продолжалась не более пяти минут. Затем тяжесть, все это время хотя и прогрессирующая, но тем не менее не уходящая, стала спадать и вскоре совсем исчезла.

Саймон был на грани потери сознания. Как только смолкла сирена, засветился экран, и на нем возникло испуганное лицо полковника Джексона.

— Что случилось, Саймон? Нужен врач?

— Спасибо, обойдусь.

— Что это было? Генераторы защитного поля сели на нуль. Энергетики в растерянности. Такого еще никогда не было.

— Это не что иное, как попытка Кормана пожаловать к нам в гости. Но я этому воспротивился. Прошу вас, шеф, пусть все думают, что произошел какой-то непонятный физический эффект.

— Но суммарная мощность генераторов защитного поля более десяти гигаватт. Какова же должна быть мощность установки, чтобы погасить их на таком расстоянии?

Его вопрос Саймон оставил без ответа и отключился. Он неважно себя чувствовал, а сейчас должны будут прийти доктор и Богарт, и он должен будет возобновить с ними занятие. Саймон встал и прошелся по коридору в холле своего кабинета, постарался расслабиться, сидя в кресле, в то же время пытаясь сосредоточиться. Получалось не очень. Хотя эффект какой-то был. Однажды он подметил, что такой противоречивый подход все же снимает какую-то долю усталости, улучшает работоспособность и настроение, так же как снятие избыточной энергии в организме. Хотя о каком избытке энергии сейчас могла идти речь?

Когда вошел доктор и Богарт, Саймон еще полулежал в кресле.

— Что с вами, коммандер? Вы не заболели, не надо ли вам помочь? — взволнованно спросил доктор.

Богарт хотя и промолчал, но на его лице застыл тот же вопрос.

Прежде чем ответить, Саймон встал, заблокировал свой кабинет, как он это делал во времена занятий, и только после этого улыбнулся и произнес:

— Ну, что ж, начнем?

Прибывшие кивнули.

Саймон вышел на середину кабинета и жестом предложил Богарту и доктору сесть в кресло.

— Я просто сильно устал, друзья. Сегодня мне пришлось выдержать атаку Кормана. Это потребовало почти всех сил. Мне сегодня трудно будет с вами работать, но надо. Время торопит. Не обращайте внимания на мой внешний вид.

— Но ведь Корман на Юлии! Как же он мог сюда достать? Если он настолько могущественен, то мы против него не выстоим и двух секунд!

— Нет, Богарт. Это был не совсем Корман, а вернее не только он. Думаю, он сам ненамного превосходит меня. Тут, скорее всего, работали его усилители. А это — как вы поняли, грозная штука. Но теперь мы знаем уязвимое место этих генераторов и наверняка сможем их уничтожить, если это понадобиться.

— Что это за усилители и как мы сможем их уничтожить? — удивился доктор Рокул.

— Это усилители так называемого тороидального поля, или, как его еще называют, пси-поля. Да. *Да*, Лео. Это ментоусилители. Они позволяют концентрировать волю мозга и превращать ее в сгусток электромагнитных колебаний. Видишь ли, генераторы этого поля работают в переменном режиме, крайняя частота которого совпадает или очень близка к критической частоте, на которой возможен резонанс. В нашем случае, верхняя часть спектра всего лишь на пол процента отстает от критической. Поэтому импульс для возбуждения резонанса нужен небольшой и он под силу любому человеку, знающему, как это делается.

После короткой паузы он продолжил:

— Расслабьтесь. Сейчас я активирую в ваших мозгах последние незадействованные центры. После этого под моим руководством вы пройдете краткий курс ментообмена, а также научитесь проводить зондаж чужого мозга и строить защиту против чужого проникновения волевой силы в ваш мозг.

Изумленные услышанным, Богарт и Бенджамин привстали в креслах. Саймон снова знаком усадил их, а когда они расслабились,

усыпил. Затем он сосредоточился и внимательно обследовал головной мозг своих адептов. Только после этого, убедившись, что нужные центры найдены, он перешел к активации их. Это не только требовало большого напряжения сил. Но тем не менее пришлось потрудиться. Если бы Богарт и Рокул проснулись, то оказались бы шокированы увиденным. Черты лица Саймона исказились до неузнаваемости, из глаз били розово-фиолетовые лучи и вонзались в головы адептов. Вокруг головы Саймона светился ярко-голубой свет, создавая что-то подобное нимбу, а сам он висел в воздухе. Еще больше они удивились бы, обнаружив, что сами висят в воздухе.

Закончив активацию центров мозга, Саймон удобно расположился в кресле, разбудил друзей, и подождал, пока они примут нормальное положение, через некоторое время они пришли в себя настолько, чтобы начать реально оценивать окружающее и тогда Саймон громко рассмеялся.

Дело все оказалось в том, что очень забавно выглядели друзья. То, как они смотрели друг на друга, как непонимающе потом уставились на Саймона, было довольно забавно.

Словно придя в себя от смеха Саймона, они подозрительно посмотрели друг на друга, и Рокул подал голос:

— Лео, ты что-нибудь чувствуешь?

— Нет, доктор, никаких чувств и ощущений.

И как только он это произнес, они оба почувствовали непонятную тяжесть, обрушившуюся на их тела. В то же время головы начало стягивать как бы обручем. Затем, когда эти ощущения исчезли, в их головах раздался насмешливый голос Саймона. Хотя они и не чувствовали тембра, он как бы сам рождался в их головах, но тем не менее знали, что он принадлежит Саймону.

— Ну, как, друзья, как насчет новых ощущений?

Все дружно рассмеялись.

— Как ощущать в голове чужое присутствие вы уже знаете. Как мысленно разговаривать между собой, я вам сейчас объясню. Закройте глаза. Теперь вспомните лица друг друга и, когда это произойдет наиболее четко, скажите несколько слов друг другу. Не бойтесь, Смелее!

И Рокул, и Богарт выполнили указания Саймона и закрыли глаза. Через несколько минут доктор воскликнул:

— Получилось, черт побери! Получилось, коммандер!

— Я рад, — в голос произнес Саймон. В дальнейшем для этого необязательно закрывать глаза. А теперь я научу вас противо-

стоять чужому ментозондированию. Представьте себе, что вы окружены сферой, которая постепенно сужается, готовая раздавить вас. Вы упираетесь руками и ногами, пытаясь противостоять этому усилию.

— Так просто? — вырвалось у Рокула.

— Я прозондирую мозг, а вы сопротивляйтесь мне, — усмехнулся Саймон.

Через некоторое время Саймон начал зондаж. Сначала он не почувствовал сопротивления, но постепенно оно начало возрастать, и в конце концов он прекратил это занятие, убедившись, что их защита гораздо сильнее его проникновения.

— Вот вы и научились противостоять чужому влиянию. Но вам потребуется еще научиться распознавать попытки зондажа. Он тем и опасен, что не чувствителен на начальной стадии. А для того чтобы узнать интересующую информацию из твоего мозга, противнику необязательно стараться овладеть всеми функциями мозга. Главное распознать, когда начнется контакт и тут же его оборвать. Это все приходит с опытом, а пока вот вам совет. Когда вы вступите в пределы зондажа Кормана, держите свои мозги на замке.

— А как же мы будем тогда общаться? — поинтересовался Богарт.

— А как и все остальные люди, — усмехнулся Саймон, — с помощью языка и слуха!

Глава 9. Кульминация

— Вилли, это ты? — Корман сидел возле пульта и что-то считал.

— Ваше задание выполнено, шеф. В лаборатории случилось несчастье. Взорвался испытательный стенд. Почти весь персонал погиб на месте, семь человек скончалось в госпитале.

— Что поделаешь, даже сейчас медицина не всесильна. Кому положено умереть, того и она не спасет. — Корман засмеялся своим зловещим булькающим смехом. — Готовь к эвакуации свой сектор, Вилли. Мы уходим подальше, где нас никто не найдет. Для этого у нас есть два корабля. На одном пойдем мы с тобой. Там я прикажу установить наши усилители, а на втором корабле будет экипаж прикрытия и те, кого ты решишь взять с собой. Но это не

должно превышать больше двадцати человек. На большое количество не рассчитаны анабиозные ванны кораблей.

— Контакт удался? — в голосе Вилли явно слышался страх.

— Да, более чем удался. На третьей секунде он меня вышвырнул, будто и не были подключено два усилителя.

— Вы что-нибудь узнали, шеф? — Вилли весь дрожал.

— Да. И то, что я узнал, заставляет нас бежать в сектор смерти. Только там, среди нейтронных звезд, черных дыр и сможем укрыться до тех пор, пока я не осуществлю свой план. Федерация будет моей!!!

— Неужели этот человек так могущественен?

— Да! Из того, что узнал, я понял, что он ненамного уступает мне в силах и знаниях. Кроме того, он желает сразиться со мной в поединке. Что-то придает ему уверенности в победе. Но что? О, как бы мне это хотелось знать!

— Может быть, информация, которую он получил от Бена?

— Нет, Бен мало что мог сообщить ему. А о наличии у нас ментоусилителей знали еще до него. Здесь что-то другое... Но что именно?

— Может, он знает частоту тороидального поля? — в ужасе высказал догадку Вилли.

— Возможно... Поэтому-то я и хочу поскорее уйти в глубины космоса, где ему не удастся настичь меня. Там мы подготовим армию бойцов, которые сделают для меня все, что я прикажу. Ты удивлен? Так знай, что с собой мы возьмем миллионы оплодотворенных клеток. Это позволит в очень короткий срок создать новый вид биороботов, послушных только моей воле, но обладающих почти равными мне способностями. С их помощью я уничтожу всех, кто будет стоять у меня на пути к власти над Федерацией.

Вилли продолжал стоять и смотреть на Кормана. Тот закончил расчеты, откинулся в кресле и проворчал!

— Ну и как твоя ловушка, парень? Я что-то не вижу радости на твоем лице? Что такое?

— Мне нечем порадовать вас, шеф. Я чудом уцелел, когда взорвался усилитель. Но двоих из его группы я все же уничтожил. Жаль, что они поторопились. Следовало подождать. Но я ведь не мог предположить, что у него целая группа!

Корман внимательно посмотрел на Вилли, заставив его замереть от ужаса. Затем произнес:

— Так вот в чем дело. Ай да Саймон! Опередил меня все-таки! Да, теперь мне все стало ясно, Вилли. Они хотят накинуться на меня скопом. Ну что ж, я им не представлю такой возможности. Будь готов к отлету через два дня, нет, через сутки! Забери самых нужных людей. Остальных уничтожить!

— А как быть с теми, кто в пещере?

— Они погибнут, когда взорвутся генераторы, блокирующие им выход.

— Когда начинать загрузку кораблей?

— Наш корабль уже готов к отлету, а корабль прикрытия на подходе. Через пару часов он должен здесь появиться. С тобой свяжется капитан. Ты укажешь ему, кого взять из сотрудников.

Поняв, что разговор закончен, Вилли вышел из апартаментов Кормана и отправился в свою лабораторию готовить свой личный сейф к эвакуации.

Вики отдыхала. Сегодня она многое успела сделать. И хотя был только полдень, но все задания Саймона она выполнила. Обучение у нее проходило гораздо быстрее, чем у остальных участников группы, но в то же время она заметила, что на ее успехи влияет в большей степени эмоциональное состояние, в котором она пребывает в данный момент.

«Что-то я давно не наведывалась к своей яхте», — подумала она, взглянув на голограмму «Летящей среди звезд», висевшую на стене над диваном. Голографическая пластинка была выполнена из кварцелитового стекла, что позволяло делать изображение стойким к внешним воздействиям. Кварцелит не покрывался грязью, пылью, не царапался. Такие снимки на долгие годы сохраняли первозданную свежесть.

Вдруг неясная тревога охватила девушку. Предчувствие беды защемило в груди, перехватило на какой-то миг дыхание. Вики послала сигнал тревоги. Через секунду перед ней стоял встревоженный Саймон.

— Что случилось, дорогая? — произнес он, с тревогой заглядывая ей в лицо, искаженное гримасой боли.

— Наша яхта в опасности, а вместе с ней и жизнь Дима!

Саймон уже привык к тому, что Вики обладает вещим даром, который ему по какой-то причине недоступен. Он в этом уже неоднократно убеждался.

— Жди меня здесь, я сейчас отправлюсь за подмогой! Сама ничего не предпринимай! — сказав это, Саймон исчез.

Вики справилась с волной тревоги, тут же попыталась вступить в ментоконтакт с Димом. Это ей удалось. Перед ней открылась картина страшных разрушений ангара и полчища механических чудовищ, которые со всех сторон атаковали ее яхту. Дим последним отчаянным усилием старался их уничтожить, По обрывкам его мыслей, которые она уловила, Вики поняла, что его боеприпасы подходят к концу, и он израсходует последнюю бластерную батарею в ближайшую минуту.

Ее ментоконтакт прервался появлением Богарта, Бена, Зеты и Бенджамина. Последним возник в комнате Саймон.

— На ангар напали роботы. Они хотят уничтожить нашу яхту. Дим отбивается от них бластерными батареями, используя их в качестве плазменных гранат. Но они у него уже закончились...

Вперед вышла Зета, а за ней Бен.

— Коммандер, перебрасывайте нас к яхте, а то мы не знаем местности, где она находится. — Она заговорщицки подмигнула Вики и обняла Бена.

Вики почувствовала, как страшная тяжесть наваливается на нее, крик, который вырвался из ее груди слабым стоном и расширенные от ужаса глаза не остановили Саймона. Он их просто не заметил. Зато Бенджамин не растерялся и подхватил на руки потерявшую сознание Вики. Только после этого Саймон обернулся к девушке.

— Вики? — крикнул он, рывком наклоняясь к ней.

— Саймон, она в болевом шоке! Позволь, я выведу ее из этого состояния, — крикнул Бенджамин.

К своему большому удивлению Богарт увидел, как из пальцев Бенджамина, которые он держал над головой Вики, вырвались снопы розово-фиолетовых искр и заструились по ее телу. Это оказало свой эффект, так как Вики тут же открыла глаза и произнесла шепотом:

— Саймон, они погибли! Там смерть!

Саймон непонимающе уставился на нее.

— Откуда там смерть, дорогая? Что ты говоришь?

Вики закрыла глаза, силы еще не вернулись к ней. Тем не менее, она пошатываясь встала на ноги. Саймон застыл на мгновение, а затем вздрогнул всем телом. Из его груди вырвался стон и проклятие в адрес Кормана:

— Чертов убийца! Ты от меня никуда не уйдешь! Я с тобой за все расквитаюсь. Богарт, Бенджамин — руки в кольцо!

Зная, что им надо делать, Богарт и Рокул взялись за руки и образовали с Саймоном кольцо. Глаза Саймона засветились малиновым цветом. В центре круга возникло какое-то свечение. В центре светящегося клубка Богарт стал различать какое-то движение и наконец увидел помещение, где над пультом какой-то установки склонились люди.

— Получайте! Получайте!.. — прошептал Саймон и две искры, словно фиолетовые молнии вылетели у него из глаз.

Яркая вспышка, которая формировалась в середине клубка, стерла изображение. Не дав опомниться своим товарищам, Богарт произнес:

— Саймон, мы готовы к переброске, начинай!

— Вам надо защитное поле, а не то вы можете попасть в ловушку Кормана. Я не уверен, что полностью с ним разделался.

— Саймон, вперед! — воскликнул Рокул.

— Вперед! Я уже начал формировать его!

С этими словами он вплотную подошел к Богарту. И... через секунду их не стало. Саймон повернулся к Вики, которая уже пришла в себя. Он хотел обнять ее, но она решительно высвободилась из его объятий. Глаза ее пылали зеленоватым огнем. Такого возбуждения, в котором находилась она, Саймон еще не припоминал. Вонзившись в него глазами, Вики скорее прохрипела, чем сказала:

— Корман должен умереть от моей руки! Обещай мне это Саймон!

— Клянусь, что все сделаю, чтобы это было так!

После этого Вики отвернулась от Саймона и стала смотреть в какую-то точку пространства, а через мгновение сказала Саймону уже нормальным голосом:

— Дим живой, волна аннигиляции его не задела, но нам надо спешить. Начинаем!

Саймон привычно сосредоточился и, поймав в образ место, куда требовалось переместиться, волевым усилием послал свое тело в пространство.

Они стояли на выжженной стене кратера, в центре которого стояла их яхта. В нескольких метрах от них было распростерто тело Дима. Он сжимал в руке бластер, лишенный энергии. Сквозь поврежденный защитный комбинезон было видно обожженное местами обуглившееся тело. Сбежав вниз, они склонились над

ним. Дим широко раскрыл глаза и невидящим взглядом уставился на них. Затем уголки губ поползли вверх, и на его лице появилось подобие улыбки. Несколько раз губы дернулись, видно он что-то хотел сказать. Затем глаза его закрылись, и голова откинулась в сторону. Он потерял сознание.

За их спинами слышались шипение и хлопки. Это Богарт и Рокул уничтожали остатки механических полчищ. Саймон нагнулся над Димом, осторожно взял его на руки и исчез. Вики от удивления даже присела на оплавленный валун. Через минуту он снова возник рядом с ней. Но уже без Дима.

— Я положил его в спальню на диван. Отправляйся туда с доктором. А мы с Богартом приберемся здесь немного.

Вики позвала Бенджамина, и они исчезли.

Богарт наклонился над безжизненным роботом и поднял его за неподвижную конечность.

— Странная конструкция... Никогда не видел ничего подобного... Откуда они, как вы думаете, шеф?

— Не знаю, но судя по внешнему виду они созданы целенаправленно для уничтожения нашей яхты. Это уж точно. Ты только посмотри, насколько они функциональны.

— Что будем делать с яхтой?

— Сейчас осмотрим ее, а затем перебросим ее на нашу базу. Я как-нибудь договорюсь с Фрэнком. Он мне не откажет в этой маленькой услуге. Думаю, недолго ей придется стоять без дела. Скоро, очень скоро мы стартуем на Юлию.

Они вошли вовнутрь яхты. Хотя корпус «Летящей среди звезд» был в некоторых местах помят, обгорел и страшно закопчен, внутри ничего не пострадало. Внутри яхта была как новенькая, вся блестела и сверкала краской и лаком. Саймон осмотрелся, нашел бортовой компьютер и включил его. Затем набрал тест-программу проверки состояния механизмов корабля. Прошло несколько секунд. Ответ загорелся на экране дисплея. Он его вполне устроил. Все системы яхты работали нормально. Даже металл корпуса не пострадал. Во всяком случае он не требовал ремонта.

— Богарт, я сейчас тебя отправлю к нам, ты скажешь, что я через час буду на месте, только переброшу яхту на нашу стоянку. Пусть меня ждут.

Тут же, не выходя из яхты, Саймон отправился к передатчику, а Богарта отправил к Вики. Надо было сначала связаться с Фрэнком.

* * *

Дим лежал на диване. Когда появился Бенджамин, Вики осторожно срезала с него остатки защитного комбинезона. Доктор дотронулся до ее плеча и тихо, но настойчиво сказал:

— Вики, оставьте это мне! Я все-таки врач.

Вики посмотрела на него и кивнула. Затем она отошла в сторону и стала наблюдать за действиями Рокула, который начал колдовать над раненным. Через несколько минут Дим лежал уже голый. Бенджамин раз за разом осторожно ощупывал его ожоги, затем приподнялся и сказал Вики:

— Он сейчас погружен мной в транс. Две трети его ожогов я залечу без помощи мазей и лекарств, но вот обугленные участки на его бедре и плече требуют оперативного вмешательства. Без госпиталя нам не обойтись.

После этого он снова склонился над Димом и начал манипулировать руками над его телом. Вики с удивлением увидела, что под воздействием голубоватого свечения, которое исходило из кончиков его пальцев, ожоги на теле раненного начали медленно затягиваться, цвет пораженных участков тела постепенно приобретал нормальный вид, а струпья сами по себе отпадали или поглощались телом. Через двадцать минут он полностью освободил Дима от ожогов. Осталось только два места, где еще были незалеченные ожоги, на плече и бедре. Но даже они изменили свой цвет. Вокруг обугленных мест исчезло покраснение и подсохла слизь.

— На сегодня хватит, — сказал уставшим голосом Бенджамин.

В комнате возник Богарт.

— А где Саймон? — тут же задала ему вопрос Вики.

— Он перегоняет яхту на служебную площадку ГСБ и будет здесь только через час. Как себя чувствует ваш механик?

— Все в норме. Бенджамин залечил ему ожоги. Осталось совсем немного. Его теперь не нужно отправлять даже в госпиталь.

— Да. Я даже сам удивляюсь, как удачно произошла регенерация кожи, — послышался голос доктора из ванной комнаты.

— Отдохни, Богарт, — Вики подвинула ему кресло, — а я пойду и приготовлю вам поесть. Когда выйдет Рокул, отправляйся под душ. Тебе это будет как раз кстати. Усталость как рукой снимет.

Богарт кивнул и уселся в кресле.

* * *

Доктор Фрэнк Ричардсон сидел у себя за пультом и вот уже пару часов пытался нащупать контакт с Корманом, но все пока было бесполезно. После последнего разговора с Боджи, который он помнил с точностью до нюансов, мысль о том, что ментоблокада непосильна одному человеку, не покидала его. Впервые он задумался над этой проблемой всерьез. Он детально обсудил эту проблему с друзьями и даже кое-что прикинул на большом компьютере. Все происходило так, как говорил этот Боджи. Но если к этому привлечены усилители, то тогда их дело становится практически безнадежным.

— Почему вы считаете, что дело так безнадежно? Просто нам нужно связаться с Саймоном Рэком, По-моему, он заинтересовался деятельностью «Криогеникса», — послышался голос Боджи.

— Это невозможно, слишком велико расстояние.

— Сколько нас здесь осталось?

— Всего пять человек с нами включительно, но только мы с вами обладаем суперспособностями. Остальные же просто обыкновенные люди.

— Так что же будем делать? Ведь сидеть сложа руки нельзя!

— Да, это так! — кивнул доктор.

— А если мы ускоренными методами обучим их тому же, что умеем сами? — заметил Боджи.

— Это невозможно. Они погибнут!

— Почему?

— У нас много проблем и в первую очередь отсутствие необходимого времени. У нас его сейчас просто нет!

— Как так?

— У нас всего двое-трое суток.

— И что ж, потом... конец?

— Скорее всего, Корман постарается уничтожить нас с помощью своих усилителей.

— А что мешает нам уничтожить их?

— А ведь это выход из положения! — воскликнул Фрэнк. — Я займусь локацией пространства, а ты мне в этом поможешь. Будешь в качестве резервного источника энергии.

— Что я должен в этом случае делать?

— Подойди ко мне вплотную и положи ладони мне на виски, закрой глаза и представь себе светящуюся спираль.

Боджи подошел к Фрэнку и выполнил все, что сказал ему Ричардсон.

— Я начинаю, — произнес Фрэнк, вытянул вперед руки и, закрыв глаза, начал осторожно поворачиваться, увлекая за собой Боджи.

Боджи сразу впал в транс и ничего не помнил и не чувствовал. Он пришел в себя только после того, как его вывел из этого состояния Фрэнк. Он долго приходил в себя, тяжело дыша и поглядывая по сторонам. Через некоторое время полностью придя в себя, он спросил у доктора Ричардсона:

— Ну как? Нащупали эти две установки?

— Сначала как вы себя чувствуете?

— Сейчас слабость прошла, а в начале даже было темно в глазах.

— Вот и отлично. Установки нащупал. Думаю, что это они. Уж очень плотный поток пси-энергии в этих местах.

— И что мы намерены дальше делать?

— Это трудный вопрос. Видишь ли, я попробовал на мгновение пробить защитный экран этих установок, но все впустую. Плотность защитного поля очень велика. Даже не знаю, что делать...

— Док, а как же вы вначале планировали разделаться с генераторами? Взорвать?

— Да, при работающей установке прорыв защитного поля приводит к ее взрыву. Но как видишь, пока что ничего не получается.

— Может быть, что-нибудь другое? Может, не только взрыв.

— А что другое? — взорвался Ричардсон, перебивая Боджи. — Что? Мы в западне? Мы уже никогда не сможем покинуть это чертово подземелье!

— Но ведь любой генератор можно вывести из строя, создав в нем колебания, которые вызовут резонанс.

— Я об этом подумал, но ведь мы не знаем частоты работы этих генераторов, а попробовать весь диапазон частот — это не по силам даже нам!

А если определить границы резонансной частоты, хотя бы приблизительно? Ведь тогда мы сможем гораздо облегчить нашу работу по уничтожению генераторов!

— Ведь это шанс, Боджи. Я сейчас прикину на компьютере, а ты немного отдохни, обрадовался Фрэнк и начал что-то набирать на клавиатуре пульта управления.

Боджи вышел в соседнюю комнату, где были и кресла и прекрасное бра, которое давало мягкий не яркий свет. В этом кабинете Фрэнк любил отдыхать. Боджи расслабился в кресле и постарался немного вздремнуть. Это ему удалось.

Глава 10. Прощай, спокойствие

Богарт вышел из душа бодрым и свежим, ему даже не пришлось прибегнуть к саморегуляции и самовнушению. Он даже почувствовал неожиданный прилив сил. В комнате шла оживленная беседа. Бенджамин увлеченно говорил что-то пожилому человеку.

— Знакомься, Лео, перед тобой знаменитый доктор Булман.

Богарт очень обрадовался появлению этого человека и удивился, что не узнал его. Он совсем непохож на свою фотографию, которая была у них в отделе и которую он хорошо помнил.

— Доктор, — спросил он Булмана, — как вам удалось так изменить свою внешность, ведь судя по той фотографии, которая есть в нашем отделе, вы должны выглядеть иначе?

— А как иначе? — лукаво улыбнулся Булман.

— Вы на ней гораздо старше, и черты лица совсем не такие.

— А вы очень наблюдательны, мой мальчик, — снова насмешливо произнес доктор.

Богарт обиделся и замолчал.

— Не обижайтесь, молодой человек, на старика, которому удалось помолодеть на несколько десятков лет!

— Как? — только и смогли проговорить Богарт и Бенджамин.

Первым опомнился Богарт.

— Но, послушайте, док, если вы действительно смогли помолодеть, то все равно у вас должны были остаться приблизительно такие же черты, что и на фотографии, да и выглядели бы вы значительно моложе, чем сейчас.

— Ты прав, Богарт. Я не только помолодел, но и переменил внешность.

— Это невозможно, доктор! — воскликнул Богарт. — Человек не способен менять по своему желанию свое бренную оболочку без хирургического вмешательства. А я вижу, что скальпель хирурга вас не касался.

— Обыкновенные люди не могут, а мы можем. Нам даны возможности управлять всеми процессами клеточного обмена, и мы можем быть скульпторами своей плоти.

— Значит, и я смогу менять свою оболочку, как мне того захочется. Значит, и я смогу помолодеть, когда захочу? — не веря своим ушам переспросил Богарт.

— И да, и нет, — загадочно ответил доктор Булман. — Изменять свою оболочку ты со временем научишься. У тебя это пройдет гораздо быстрее, чем у всех нас. Но вот молодеть ты никогда не сможешь.

— Почему? — голос Рокула дрожал от волнения.

Богарт внимательно слушал Булмана, пытаясь в тоже время прозондировать его мозг. Но, увы, он не смог разблокировать ментозащиту Булмана.

— Да, просто потому, что ты никогда не состаришься, — последовал быстрый ответ Булмана.

— Что вы этим хотите сказать? — теперь уже у Богарта слышалось волнение в голосе.

— Только то, что вы обрели вечную молодость и в придачу к этому бессмертие.

Богарт стоял не в силах вымолвить хоть слово. У Бенджамина по щекам текли слезы. Булман был явно озадачен их реакцией. Он начал успокаивать их, исподволь гася их эмоции. Они очень быстро успокоились, даже не догадавшись о том, кто им в этом помог.

— В чем дело? — поинтересовалась Вики, входя в комнату. — О чем спор?

— Спора нет, просто ребята еще не привыкли к тому, что они теперь стали небожителями, — ухмыльнулся Булман.

— А вот в чем дело! Но к этому они быстро привыкнут. Я это знаю по себе.

— И вот и я! — раздался за спинами голос Саймона.

Все обернулись и увидели, что Саймон стоит в проеме двери.

— Рад вас приветствовать, доктор Булман. Рад, что вы пожаловали к нам на этот раз. Пора собираться в путь. Богарт Юлия ждет нас.

— Зачем так спешить, мы должны еще поужинать. Ведь я все это приготовила! — поспешно произнесла Вики.

— Вы меня не правильно поняли, Вики. У нас есть еще немного времени.

— Но к чему такая спешка? — удивился Саймон.

— После неудачного покушения на тебя и Вики, Корман решил убраться в область «мертвых звезд», где мы его не сможем достать. Он уже отдал приказ об эвакуации. У него для этого приготовлены два суперкрейсера, оборудованные усилителями псиполя, которые он наверняка использует как силовые экраны защиты от нашего нападения.

— Смогу ли поднять дежурную эскадру крейсеров ГСБ? — спросил он у Булмана.

— Нет, крейсера не смогут прибыть туда вовремя, — покачал головой доктор.

— А как же мы?

— Я переброшу вас туда через пространство.

— Джентльмены, прошу вас к столу. Прошу извинить меня, но я накрыла стол на кухне, но там вполне хватит места для всех нас, — немного стесняясь, произнесла Вики.

Все прошли за ней на кухню и сели за стол, на котором уже было множество различных блюд. Кушали молча, понимая, что их ожидает впереди, помня, что всего пару часов назад погибли их товарищи.

— А как нам быть с Димом? — Вики нарушила молчание за столом.

— Все будет нормально, дорогая. Я погружу его в транс. Неделя крепкого сна в замедленном биоритме ему не повредят. К этому времени закончится полная регенерация поврежденных участков кожи.

— Квартира будет блокирована и поставлена на спецзащиту. При такой защите никто не сможет сюда проникнуть, — кивнул Саймон.

— Вот и отлично, а твоя беспокоилась о том, что будет кому-то нужно остаться с этим человеком, — произнес доктор Булман, вставая из-за стола. — Прошу меня простить, но мне необходимо будет сейчас заняться больным.

Булман прошел в спальню. Остальные заканчивали ужин в полном молчании. После того, как все поели, Вики включил кухонный автомат, чтобы вымыть посуду, а остальные прошли в спальню, где доктор Булман занимался Димом. Богарт, Саймон, Бенджамин и Вики встали за спиной у Булмана и наблюдали за его манипуляциями.

Доктор Булман стоял спиной к ним, широко расставив ноги и разведя руки в стороны, наклонив вперед голову. Над телом Дима

пульсировало яркое сияние. Больше никаких особых эффектов не наблюдалось, не считая того, что вплотную подойти к доктору и Диму не удалось. Мешало какое-то силовое поле, родственное гравитационному. Все это походило на инсценировку старых сказок о чародеях, волшебниках и других фантастических созданиях. Отойдя немного в сторону, Богарт, Саймон и Вики уселись на стулья, а Бенджамин остался стоять рядом с защитным полем, продолжая наблюдать за Булманом. Через некоторое время пульсация свечения начала спадать и вскоре совсем прекратилась. Через минуту после того, как она исчезла, доктор Булман медленно опустил руки и повернулся к Саймону. В этот момент Бенджамин почувствовал, что силовое поле исчезло.

— Я закончил, Саймон! — произнес доктор, — теперь этот человек будет спать в замедленном ритме неделю. Затем он проснется совершенно здоровым.

— Вы считаете, что мы к этому времени успеем все закончить? — поинтересовалась Вики.

— Просто должны успеть! Иначе — гибель! — ответил Булман.

— Тогда я все же оставлю защиту. Он должен все знать и уметь разблокировать комнату.

Вики наклонилась к шкафу, достала оттуда диктофон, вложила в него чистый кристалл и начала диктовать в него послание Диму.

Булман очень устал и по тому, как он подошел к креслу, как сел и как, закрыв глаза, откинулся на его спинку, Саймон видел, насколько тяжелую работу он только что проделал.

Саймон встал и предложил доктору стакан воды. Тот от удивления приподнял брови и увидел взволнованный взгляд коммандера, кивнул и выпил воду. Затем откинулся снова на спинку кресла и закрыл глаза. Так прошло несколько минут. Затем доктор открыл глаза и несколько раз глубоко вздохнул, встал и посмотрел на сидящих в комнате.

— Квартира заблокирована и защищена! — произнес Саймон. — Можно начинать!

— А как мы установим связь с Боджи? — поинтересовался у Булмана Богарт.

— Думаю, что это нам не удастся из-за большого расстояния и той ментоблокады, в которой он находится. Но попытаться надо!

— А что это нам даст? Что мы от этого получим? — удивился Бенджамин.

— Если нам удастся взорвать хотя бы один усилитель, они смогут вырваться из блокады и помочь нам. Ведь надо не только уничтожить Кормана, но и не дать ему уничтожить Юлию. Если ему удастся взорвать одновременно все усилители, Юлия превратится в облако плазмы.

— Тогда попытаемся установить с ними связь! Начинайте, Булман! — Саймон встал, и за ним встали все остальные.

Процедура нащупывания контакта уже была известна Саймону и его товарищам. Только теперь в центре круга встал Булман. Он всех погрузил в транс, и они не могли видеть того, как в центре круга образовался столб голубоватого свечения, в центре которого находился Булман.

Если бы кто-то из спутников Саймона мог в это время наблюдать за Булманом, он с удивлением отметил бы, что постепенно изображение доктора расплывается в центре колонны голубого свечения.

Прошло несколько минут, и снова в центре колонны свечение фигуры Булмана начало обретать плоть. Когда все очнулись от транса, то заметили, что Булман, изможденный, сидит в кресле, откинув голову назад. Бенджамин было направился к нему, но его остановил Саймон.

— Не надо, доктор, через несколько минут Булман будет как огурчик. Лучше подумаем о себе.

Он всех подозвал к себе. Затем положил по очереди каждому руки на затылок, глядя при этом каждому в глаза в течение нескольких секунд. При этом каждый чувствовал, что в него вливается сила и жизненная энергия. После такого «допинга» все ожили и повеселели, усталость, которая у них появилась после того, как они очнулись, прошла. К этому времени пришел в себя Булман. Все с нетерпением ждали его сообщения. Он не стал испытывать их терпение и сказал:

— Мне очень трудно пробить ментоблокаду Кормана. Я смог установить только касательный контакт с Боджи. На большее меня не хватает.

— Вы использовали все резервы? — В вопросе Вики чувствовалось недоверие.

— Да.

— Значит, мы не можем вступить с ним в контакт?

— Похоже, что так...

Наступило угрюмое молчание.

— А если мы пошлем им письмо? Это возможно? — спросил Бенджамин.

— А ведь это выход из положения! — воскликнул Булман. — Да, да, выход! — повторил он еще раз, видя, что Саймон пока что не понимает о чем идет речь.

Он взмахнул рукой, и на его ладони возникла золотая пластина.

— Возьми игру и нацарапай на пластине послание, а я отправлю ее Боджи!

Саймон вытащил из кармана экспрессдиагностик и его иглой нацарапал на табличке.

«БОДЖИ, ЧАСТОТА ГЕНЕРАТОРОВ МЕНТОПОЛЯ ..... ВЗОРВИТЕ ХОТЯ БЫ ОДИН ГЕНЕРАТОР, САЙМОН РЭК»

Затем он передал пластину Булману. Тот сложил ее себе на руку. Через мгновение она исчезла в яркой вспышке огненного вихря.

— Теперь, джентльмены, вернемся к главному, — произнес Булман. — Я сейчас переброшу вас на Юлию в следующем порядке: первый пойдет Саймон, за ним — Богарт. В вашу задачу входит следующее: Ты, Богарт, постараешься погасить генераторы или по крайней мере уничтожить систему управления генераторами. Хотя это хуже, но что делать. Учтите, что если это не удастся, то можно считать, что Юлия будет потеряна для Федерации. Но это крайняя мера. А ты Саймон должен будешь обеспечить прикрытие Богарту и нам, когда мы туда прибудем. До нашего появления ни в коем случае не вступай в контакт ни с кем. Вики, Бенджамин и я пойдем следом за вами. Я буду с тобой поддерживать постоянную связь. Как только ты окажешься на Юлии, переключай себя на тета-режим, как я тебя учил. Мне нужно будет получать от тебя энергию в момент своей переброски.

Саймон кивнул. Из того, что сказал доктор Булман, только он один понял, что надо делать. Он подошел к Богарту, положил свои руки ему на плечи, а его руки на свои. После этого он обратился к Булману:

— Мы готовы, доктор. Можете начинать.

Не успел он закончить свои слова, как возникла вспышка фиолетового цвета на том месте, где они стояли. На какое-то время все потеряли возможность видеть. Когда к ним вернулось зрение, то в помещении уже не было ни Богарта, ни Саймона.

— Теперь наша очередь, — произнес Булман. Прошу приготовиться!

Глава 11. Всегда ли лучше комфорт?

Боджи сидел в кресле. Он решил немного отдохнуть, так как надеялся, что Фрэнк сможет справиться с поставленной перед ним задачей. Вдруг что-то звякнуло рядом с ним. Но он не обратил никакого внимания на этот звук. Он был отрешен от всего. В свое время Боджи не плохо умел пользоваться психотренингом. Теперь это ему очень пригодилось. Он впал в эйфорию, плавая в море блаженства. Ничто сейчас не беспокоило его. Но ничего нет вечного. Его привел в реальность голос Фрэнка, властно прозвучавший в его мозгу:

— Боджи, я приблизительно определил границы возможной частоты колебаний излучателя генератора тороидального поля. Приходи ко мне, ты мне нужен!

Эйфории как не было. Боджи тут же подхватил и чуть ли бегом отправился к доктору.

Внезапно его взгляд скользнул по какому-то предмету, лежащему на полу.

«Странно, — промелькнула у него мысль. — Очень странно...»

Однако своего шага он не прервал. Когда же сознание оценило этот предмет, как какую-то пластинку, он отметил про себя, что она никак не могла вывалиться из кармана. «Что же это такое?»

Он вернулся и поднял эту штучку. На полированной ее поверхности четко можно было прочесть послание. Сначала он не поверил своим глазам. Затем прочитал еще раз. Не было никаких сомнений. Это действительно Саймон протягивает руку помощи.

Будто вихрь появился Боджи в кабинете Фрэнка. При этом умудрился опрокинуть самого доктора, когда бросился обнимать и целовать его. Только хорошая встряска, которую он тут же получил, привела его в чувство.

— Ты совсем, парень, свихнулся от радости? — пробурчал Фрэнк, когда услышал новость. — Дай-ка мне эту пластинку!

Боджи протянул послание. Фрэнк внимательно прочел, затем несколько раз перевернул пластинку в руках, и она тут же превратилась в кусочек какого-то серебристо-белого вещества.

— Да, это послание от Саймона. Это не простое золото, а трансформированное, — в раздумье произнес он. — Значит, Саймону многое подвластно. Боджи, готовься, встречать друзей!..

— Как? Но ведь на пластинке ничего такого нет!

— Саймон вступает в схватку с Корманом и просит нас ему помочь проникнуть на Юлию. Без нашей помощи ему не преодолеть ментопотенциал, который создают усилители тороидального поля Кормана. А во-вторых, в одиночку невозможно совершить бросок на такое огромное расстояние, которое разделяет наши две планеты!

— Значит, я смогу прихлопнуть этого маразматика своими руками?

— Возможно, что так, если он не сбежит от нас. А теперь — за дело! Сейчас ты настроишься на мой менторитм и постараешься войти с ним в резонанс. Этого мне будет достаточно, чтобы я смог пробить защиту одного из ментоусилителей. Я же буду генерировать ментополе частотой, указанной Саймоном. Она отлично ложится в тот диапазон, который я вычислил, — при этом он что-то переключил на пульте.

— Рене, Боб, Стюарт — вы меня слышите? — произнес он в микрофон, вмонтированный в ручной хронометр.

— Да, шеф.

— Боб на связи, шеф!

— Стюарт слушает!

Всем собраться в блоке номер девять. Я сейчас буду взрывать ближайший усилитель тороидального поля, это такая штука, которая убила Лию и Стронта и которая не дает нам с Боджи покинуть эти помещения. Взрыв я ожидаю большой, поэтому, ребятки, могут быть большие сейсмические колебания. Как вы знаете, блок номер девять рассчитывался на прямое извержение вулкана, думаю, что вы там можете оказаться в безопасности... Кроме того, вы найдете там пятиместную «Стрекозу» с автоматическим питанием на десять дней. Этого хватит, если в случае чего вам придется прибегнуть к тому, чтобы выбраться на поверхность планеты. В «стрекозе» программа, которая дней за семь должна доставить вас на равнины Голубых Трав.

— Шеф, а как же вы?

— Пришло время прихлопнуть этого убийцу. Ко мне спешат новые друзья с Крокуса, но я хочу сам пробить проход. Думаю, скоро мы увидимся на Юлии, но уже без Кормана.

— Успехов вам, шеф!

— Стюарт, бери ребят и дуй в блок! Обо мне не беспокойся! Со мной все будет в порядке.

Отключившись, он посмотрел на Боджи.

— Парень, как только мы выберемся из этой норы, ты первым делом взорвешь генераторы офиса Кормана. Это увеличит панику, а нам даст время для того, чтобы мы смогли задержать этого гада до прихода твоих друзей. Ну что? Начинаем? Вперед!

Боджи посмотрел в глаза Фрэнку. Ему показалось, что из них ударили два красных луча... нет, вернее, не луча, а... какое-то странное красное сияние, которое начало медленно обволакивать его, пронизывая клеточку за клеточкой весь организм. Через мгновение Ричардсон сам оказался уже частью красного свечения, частью этого красного пламени, пульсирующего в нем. Он прислушался к этой пульсации. Это не было ходом крови по его венам — да, совсем другая частота!

Боджи испытывал те же чувства, но в отличие от Ричардсона, он с опаской анализировал нахлынувшие на него новые чувства. Внезапно какой-то дискомфорт начал настойчиво прорываться в том шуме, который окружал сейчас его со всех сторон. И он с ужасом вспомнил, о чем ему говорил доктор. Он начал подстраиваться под эту все поглощающую пульсацию. И вот, уже и он тоже пульсировал в такт этому внешнему воздействию, и тут же окружающее его пламя перешло из красного в алое, из алого — в ярко-желтое, а затем в белое. Перед ним раскинулся какой-то странный мир, весь залитый этим белым светом. Постепенно он начал разглядывать какие-то странные белые линии, которые тянулись к нему откуда-то сверху. Ритм пульсации все убыстрялся. Боджи уже с трудом удерживал свое белое пламя в ритме, который он чувствовал. Постепенно он увидел, как вокруг него начали проступать такие же линии, образовывая с теми, которые падали вниз, сетку. Узлы сетки начали постепенно проступать вдаль, и чем больше был ритм, тем больше узлов этой сетки собиралось в точку где-то на пределе его видимости. И когда Боджи уже решил, что не в силах поддерживать заданный ритм, яркая вспышка пронзила его мозг. Вскрикнув, он потерял сознание.

Вилли сидел у пульта защитной станции космодрома. Осталось совсем немного погрузить на корабль. Главное было сделано. Первый крейсер, который взял на борт оба усилителя, был уже полностью подготовлен к полету. Правда, самого Кормана пока что на его борту не было. Он где-то пропадал. Похоже, готовил сюрприз для коммандера ГСБ.

Внезапно Вилли почувствовал, что здание станции начало медленно-медленно дрожать. И тут же погас свет, правда аварийное освещение немедленно зажглось, но вибрация здания станции усилилась.

— Что случилось? — крикнул Вилли, появившемуся на экране диспетчеру космодрома.

— Вулканическая активность в районе Пасти Дракона. Вышла из строя энергоцентраль, питающая космодром. Мы перешли на свою резервную энергостанцию.

«Неужели Корман уже начал взрывать генераторы? — промелькнула ужасная мысль в мозгу Вилли. — Нет! Не может этого быть! Он меня предупредил бы, да и все генераторы взорвались бы разом... Здесь что-то не так... Неужели дьявол все же вырвался на свободу...»

От этой мысли у Вилли задрожали колени, когда он привстал, чтобы включить экран прямой связи с крейсером, на котором ему следовало находиться. Но не успел, так как кто-то схватил его за руку и отшвырнул от пульта связи.

Обернувшись, Вилли увидел так хорошо знакомые ему глаза, которые пылали смертельным огнем и ненавистью, и местью. Да, это был он — Седой Дьявол, Демон Смерти и как там его еще звали в «Криогениксе»! Вилли было рванулся к бластеру, но неведомая сила сковала его мышцы. И тут он услышал голос:

— Это бесполезно, Вилли. Где твой хозяин?

Саймон ничего необычного не почувствовал при переброске. Сразу же после того как к нему вернулась возможность восприятия окружающего мира, он сформировал защитное поле.

— Саймон, почему я могу дышать? У нас же нет скафандров? — услышал Саймон голос Богарта.

— Мы в энергоколпаке, который обеспечивает нам жизнь. Теперь положи на меня руки, как ты это уже делал и отключись. Мы должны принять всех остальных.

— Я не понимаю, что происходит...

— Потом, потом я тебе все объясню! А сейчас давай положи мне руки на затылок! — прокричал Саймон, переместившись почти вплотную к Богарту.

Лео молча повиновался.

Когда он снова открыл глаза, то рядом была уже Вики, а чуть поодаль Булман и Бенджамин.

— Всем построиться на создание защитного поля! — раздался голос Булмана.

Богарт тут же приступил к формированию защитного поля. И тут почувствовал на себе упругое давление чужого ментополя.

— Богарт и ты, Саймон, уничтожьте управление усилителями тороидального поля, расположенных на планете! — снова раздался голос Булмана в голове у Богарта.

Он ощутил, как неведомая сила тащит куда-то его в сторону рыже-голубого шарика планеты, над которым они висли. Это Саймон увлекал его за собой. При приближении к планете давление ментополя усиливалось. Внезапно Богарт почувствовал толчок, а затем на какое-то мгновение давление совсем исчезло, правда, оно тут же возникло с удвоенной силой, но уже имея форму импульсов.

— Молодец, Богарт! Все же сумели взорвать один из генераторов! — послышался голос Саймона. — А вот и центр управления! Руки, Богарт!

Все повторилось, как и на Крокусе, через секунду центр управления перестал существовать. От его подземного бункера ничего не осталось. Богарт почувствовал, как резко возросла сила импульсов.

— Беру управление на себя! Сейчас будем их гасить! — снова послышался голос Саймона.

Теперь Богарт знал, что надо делать и без подсказки Саймона.

Они вдвоем сумели погасить колебания только одного усилителя, но колебания остальных начали сами затухать. После того, как они все утихли, Саймон приказал Богарту, следовать за ним и, они ринулись вниз, на планету.

— Ну что, пришли в себя? — услышал Боджи голос Фрэнка, когда очнулся.

— Похоже, мы взорвали их усилитель... — произнес Боджи, едва двигая губами, кряхтя и охая.

— Да, мы вырвались из западни! Но теперь надо погасить колебания остальных, иначе они пойдут в разнос и взорвутся! — почти прокричал Фрэнк.

Боджи огляделся по сторонам. Они стояли на невысоком холме в степи, которая простиралась до самого горизонта.

— Я сейчас проникну в центр управления ментоусилителями. Он от нас недалеко, и отключу их от энергоцентрали. А, черт, зачем они это сделали! — прокричал Фрэнк, и Боджи услышал, как несколько раз вздрогнула почва у них под ногами.

— Что это такое?

— Твои друзья взорвали центр управления. Теперь есть шанс всем нам взлететь на воздух! Поспешили... явно они поспешили, эти друзья твои... теперь тебе здесь придется заняться погашением резонанса генераторов, а я на космодром — там должны быть корабли Кормана, которые надо обязательно уничтожить!

Сказав это, Фрэнк исчез.

Боджи ощутил давление чужого ментополя. Оно импульсами накатывалось на него. Причем частота импульсов постепенно возрастала. Он вспомнил, как они взрывали усилитель, и решил применить тот же способ. Постепенно ему удалось погасить один за другим два усилителя. Колебания ментополя стали неощутимыми. Покончив с этим, Боджи перенес себя к офису «Криогеникса». Теперь ему предстояло приземлить это гигантское здание. Он понял, где проходит энергокабель, и, разрубив его концентрированным разрядом энергии, остановил генераторы. Затем огромным усилием ему удалось остановить падение здания и плавно его опустить на поверхность планеты. Из всех выходов начали выскакивать перепуганные сотрудники, а с причальных балконов во все стороны разлетелись, точно рой мошкары, авиетки. Здесь уже все было закончено, и путь его лежал на космодром.

— Доктор, почему мы ничего не предпринимаем, а болтаемся без дела? — возмутилась Вики.

— Мы не болтаемся без дела, а блокируем космос для того, чтобы этот мерзавец не ушел на корабле. Два из них должны стартовать! Там Корман и его приспешники. Их надо уничтожить, мы как раз висим над тем местом, откуда они должны стартовать! — ответил доктор Булман.

Не успел он проговорить, как с планеты оторвалась огненная точка и рванулась вверх. Это с космодрома стартовал космический крейсер.

— Приготовиться к поражению цели! — приказал Булман, и тут же с его рук сорвался разряд энергии, которой устремился к приближающемуся кораблю.

У Вики и Бенджамина получилось иначе. У них с пальцев обоих рук сорвалась змейка разноцветных искр и тут же устремилась к кораблю. Когда же они встретились с этим кораблем, то взорвались морем бушующей энергии. Когда прекратился этот огненный смерч, все увидели, что от корабля ничего не осталось, только облако пыли высокой активности выдавало место катастрофы.

Снова ударил разряд энергии, и облако перестало существовать.

— Вы, наверное, и звезды умеете гасить, доктор? — воскликнула восторженно Вики.

— Знаю, как это можно сделать, — самодовольно произнес Булман, — но еще ни разу не применял эти знания на деле.

— Опасность!!! — крикнула Вики, почувствовав холодок, поступающий к Бенджамину, Булман успел вовремя. Он сконцентрировал свою энергию на формирование защитного ментополя. Это и спасло их от смерти. Его защитная сфера хоть и была полностью нейтрализована, но она смягчила удар чужого ментоимпульса и позволила перенести его Бенджамину и Вики, потеряв сознание. Как только первая волна страшной боли стихла, Вики к своему удивлению поняла, что они живы и даже не потеряли сознание, но вот Булман не подавал признаки жизни.

— Все на защиту! — бросила она Бенджамину. — Все силы!!!

Но он и без ее напоминания переключил все свои энергетические резервы организма на создание защитного ментополя. Вики подплыла к Булману и начала его осматривать. Он был жив, но находился без сознания. Это ее успокоило, и она снова переключилась на создание общего защитного поля.

Тут они снова увидели, как с планеты стартует космический корабль, и одновременно с этим почувствовали новую волну боли. Но теперь они к этому уже были готовы, и она не помешала им связаться с Саймоном.

Саймон и Богарт тут же вынырнули из подпространства. Они ничего не произнесли, но все их поступки сами за себя все сказали Вики и Бенджамину.

Саймон подплыл к Булману и начал с телом какие-то манипуляции.

Что именно, ни Вики, ни Бенджамин не могли понять, а Богарт в это время послал в корабль разряд энергии. Через секунду — новый. Точно так, как делал это Булман.

* * *

— Я тебя еще раз спрашиваю Вилли, где Корман?

— Не знаю, — заикаясь произнес Вилли.

— А, вот и встретились мы с тобой, голубчик! — раздался сначала голос Боджи, а потом и сам он материализовался в диспетчерской.

При виде разъяренного Боджи Вилли начал хватать ртом воздух, потом схватился за ворот комбинезона, рванул его, словно ему не хватало воздуха, затем пошатнулся... и упал на ковер.

— Умер от страха! — произнес Фрэнк. — Туда ему и дорога!

Тут они увидели вспышку стартующего корабля. Фрэнк подбежал к окну и замысловато выругался.

— О, черт! Мы прошляпили их бегство! Теперь нам их не догнать!

— Не думаю. Если наши спасители не дураки, а они точно не дураки по их поступкам, они кого-то обязательно должны были оставить над космодромом. Ведь крейсеры не могут уходить в подпространство прямо над планетой. Они должны удаляться от планеты, как минимум на расстояние равное ее двойному диаметру.

Не успел он закончить свою мысль, как над космодромом вспыхнуло небольшое солнце. Когда оно погасло, то ничего не было видно. Затем в том месте снова вспыхнула яркая вспышка, и все...

— Я был прав, — произнес Боджи.

— Постарайся связаться с Саймоном Рэком, а я прощупаю второй корабль. Может быть, на нем Корман, — произнес Фрэнк.

Тут они заметили, что второй крейсер готов к старту.

— Помешай ему стартовать! — крикнул Фрэнк, но понял, что это бесполезно. Боджи установил ментоконтакт с Саймоном и ни на что не реагировал. Тогда Фрэнк сам попытался проникнуть к кораблю. Это ему не удалось. Ментозащита на корабле!!!

— Фрэнк, он взлетел! — послышался голос Боджи. — Они постараются его уничтожить.

— Не выйдет. На нем ментогенераторы.

— Тогда мы их сейчас взорвем! — радостно крикнул Боджи.

Фрэнк, не говоря лишних слов, положил руки на затылок. Через мгновение вся энергия, которую Фрэнк смог сконцентрировать в себе, перелилась Боджи. Постепенно столб белого свече-

ния, в центре которого они стояли, достиг корабля. Еще мгновение, и яркая ослепительная вспышка поглотила половину небесной сферы.

Когда они пришли в себя, то увидели, что стоят в окружении каких-то людей, Боджи сразу же узнал среди них Богарта, Саймона и доктора Булмана. Он радостно улыбнулся.

— Фрэнк, это наши спасители! — закричал он.

— Боджи? О, а где же ваш животик? — смеясь, произнес Богарт, тыча пальцем в живот Боджи.

Все дружно рассмеялись.

— Мы все спасены, друзья! — рассмеялся сияющий Булман. — Корман уничтожен!

— Нет, доктор! Еще рано говорить об этом! Вполне вероятно, что он жив и находится на планете! — Вики настороженно огляделась. — Я до сих пор чувствую опасность. Он где-то поблизости затаился. Теперь он надеется отсидеться и подождать, пока мы не покинем Юлию.

— Надо его найти! — решительно произнес Саймон. — Но как?

— Я постараюсь вступить с ним в ментоконтакт, а вы, доктор Булман, мне должны помочь. Мне понадобится ваше умение концентрировать энергию. Смотрите только не гасите нашу «звездочку» и он ткнул пальцем в потолок.

Саймон с удивлением посмотрел на этого седого человека. Ему явно не хотелось отдавать первенство в чужие руки. Зато Булман сразу поняв, кто стоит перед ним, молча кивнул и приблизился к нему.

— Всем встать по периметру комнаты! — приказал Булман.

Все разошлись в разные стороны и стали у стен этой почти круглой комнаты. Как только они это сделали, в том месте, где стояли Булман и Ричардсон, завертелся смерч энергии, переливаясь всеми цветами радуги. Потом его охватила мутная радужная пленка, которая начала распухать и подступать к ним.

— Защитное силовое поле! — закричал Боджи. Потом немного тише. — Но по параметрам, которые я ощущаю, такого не может создать ни один генератор!

— Это не генератор, а Булман! — произнесла Вики.

Боджи взглянул в окно. На летное поле высыпал практически весь персонал космодрома. Все они смотрели в их сторону, тыча руками в небо, часто задирая головы вверх и что-то там высматривая. На их лицах можно прочесть удивление и страх, растерян-

ность и любопытство. Послышался треск, и пол под ногами завибрировал, люди начали разбегаться в стороны, подальше от их здания.

— Мы нащупали Кормана, — послышался в их головах голос Булмана. — Сейчас мы держим его в блокаде энергоколпака. Давай так, Саймон. Как только мы снимем защиту, ты, Богарт и Боджи присоединяетесь к нам. Вики с Бенджамином блокируют подступы к диспетчерской.

Как только спала радужная оболочка, все увидели, как темно-малиновый столб пламени упирается в потолок комнаты, а в нем, обнявшись, застыли в объятиях друг с другом Фрэнк и Булман. Не задумываясь, Саймон, Боджи и Богарт шагнули в темно-малиновый столб и замкнули в кольцо стоявших в нем. Как только это произошло, цвет свечения внутри столба стал меняться на ярко-желтый и, когда он стал почти что белым, фигуры в нем зашевелились.

— Теперь мы замкнули Кормана в сферу! — раздался голос Булмана. — Вытаскивайте его в пространство, Фрэнк! Там с ним и покончим!

— Начинаем! — услышала Вики и увидела, как завибрировало пламя вокруг пятерых людей, как охватило их красно-лиловым языком, а затем яркая вспышка, на миг ослепившая стоявших снаружи. Через миг они могли видеть только пустой зал.

— Куда они отправились? — удивленно спросила она Бенджамина.

— Мы над внешней планетой, — услышали они ответ Саймона.

— Нам тоже надо туда! — произнес Бенджамин, протягивая ей руки.

Когда наконец старший диспетчер осмелился войти в центральный пост управления, то кроме уже окоченевшего трупа помощника директора фирмы «Криогеникс», начальника исследовательского отдела Вилли, он ничего не обнаружил.

Бенджамин и Вики очутились на Северном полюсе планеты, которая официально не имела названия, так как на ней не было постоянного поселения людей. Даже не было научной станции. Только автоматическая разведывательная установка, которая вела

здесь разведку вот уже не один десяток лет. Эта планета представляла собой сплошной айсберг воды. Лишенная полезных ископаемых, она никого не интересовала. Вот такое мрачное место и выбрал Фрэнк Ричардсон для расправы над своим смертельным врагом Харли Корманом.

Едва опустившись к южному полюсу, они увидели два огненных шара. Один, поменьше, темно-голубого цвета, внутри которого корчилась фигура человека. Это наверняка был Корман, немного поодаль находился шар бледно-розового цвета, который медленно приближался к меньшему шару.

Через несколько минут он медленно вплотную приблизился к меньшему шару. Внутри него было пять человек. Это были их друзья, решившие судить маньяка-убийцу. Подлетая к ним, Вики обратилась к Саймону:

— Ты помнишь наш договор, дорогой?

— Да.

— Что за договор? — тут же подал головой Ричардсон.

— Корман должен погибнуть от руки Вики.

— Ну что ж, согласен. Пусть он погибнет от ее руки! — кивнул Фрэнк. — Вики должна последней замкнуть кольцо. Ее энергия и убьет Кормана.

— Спасибо, Фрэнк! — поблагодарила Вики.

— Куда мы направим энергию импульса? Она будет у нас такой мощный, что может вызвать энергоколлапс!

— Куда? Да хоть к одной из черной дыр, в сектор «Смерти», куда так стремился этот безумец Корман.

Все дружно рассмеялись.

— Начинаем! — произнес Булман. — Боджи, подключайся!

Боджи вступил в шар и положил руку на связку между Саймоном и Богартом. Мгновенно... и он уже был в кольце. Внутри малого шара Корман застыл не в силах что-то предпринять, не в силах даже сдвинуться с места.

Вики подошла к Саймону и стала между ним и Боджи. Положив свои руки на их ладони. Повинуясь какому-то порыву, она разжала их ладони и мысленно сконцентрировалась, превращая наполнявшую ее энергию в один-единственный импульс и посылая ее в шар.

Шар налился ярко-голубым светом и в ослепительной вспышке пропал. Только длинный светящийся луч голубоватого свечения в бесконечность.

Под ногами разверзлась клокочущая бездна. Дикие смерчи жидкого кислорода, испаряясь, создавали диковинные картины, казалось, что на планете начался «страшный суд».

— Человечество вне опасности! — произнес Фрэнк Ричардсон, но ему никто не ответил.

— Не пора ли нам домой, — поинтересовался Богарт.

— Да, пора на Крокус, — кивнул Саймон. Потом, обратившись к Ричардсону, поинтересовался:

— А вы где будете обитать?

— Наверное, скорее всего, на Юлии, у меня там друзья и работа!

— А как вы считаете относительно «новых небожителей»? — поинтересовался Булман.

Фрэнк некоторое время соображал, что хочет от него доктор. Но когда до него дошел истинный смысл его вопроса, он серьезным тоном ответил:

— Появление новых «богов» для человечества преждевременно!

— Мы в этом с вами солидарны, — кивнул Саймон.

— Я вам помогу в переброске. Пусть это будет моей благодарностью за то, что вы спасли наш мир от гибели, — произнес Фрэнк. Как только он это сказал, все увидели, как их начало охватывать голубовато-белое свечение, а когда оно пропало, все обнаружили, что стоят посреди комнаты в квартире Вики, недалеко от спящего Дима.

— Вот это да! Я так не умею! — удивился Булман.

В ответ ему Вики хитро подмигнула.

Первым делом Саймон связался с дежурным по отделу. Тот доложил ему, что особых происшествий не было и что завтра шеф всех вызывает на совещание.

— А я обещал ему бессмертие... — внезапно с неудовольствием вспомнил он.

— Он может его получить, шеф, если будет обладать одним приборчиком, который я придумал, — пришел на помощь Боджи.

У всех на лице возникла гримаса удивления. Саймон очень хорошо знал Боджи как тугодума, хотя и интересовавшегося научной деятельностью... Скорее даже не деятельностью, а так, научной литературой. А тут такое... Заметив удивленные лица друзей, Боджи улыбнулся и произнес:

— Это все доктор Ричардсон. Он мне прочистил мозги. И я на досуге, забавляясь, вывел формулу, с помощью которой можно разработать методику направленного лавинного мутагенеза, который позволяет превратить человека в супермена за считанные дни, усеченный вариант этой формулы позволяет достигать определенных результатов за считанные дни. Если взять за условие необходимости долголетия, то импульсатор, рассчитанный вот по этой формуле, — он достал записную книжку и на листке набросал формулу, — позволит практически полное бессмертие на период его работы. Организм человека будет постоянно регенерировать, оставаясь на том же уровне, как и до момента включения прибора.

— Но я ему говорил не совсем так, — удивленно произнес Саймон.

— У тебя достаточно возможностей, коммандер, чтобы шеф поверил именно в этот вариант бессмертия, — хитро улыбнулся Боджи, намекая на возможность применения к Саймону частичной корректировки памяти.

— Придется прибегнуть к ментозондированию, — задумчиво кивнул Саймон.

Пока они это говорили, Вики с Булманом пробудили Дима. Судя по настенным часам, Дим проспал более трех суток с того момента, как его погрузили в псевдосон. Дим изменился, изменился внешне. Теперь это был двадцатилетний молодой человек...

Раздался стон и Дим открыл глаза. Он несколько раз кашлянул, что полностью согнало с него сонливость. Он приподнялся со своего ложа и попытался встать, но оказался еще слаб, и его немного пошатывало.

— Сколько я спал? — были его первые слова.

— Чуть более трех суток, Дим, — успокоила его Вики.

Посмотрев на свои руки, он присвистнул от удивления.

— Я чертовски помолодел за эти трое суток! Что же вы сделали со мной?

— Не волнуйся, Дим. Это новая динамика лечения ожоговых травм. Как побочный эффект, эта методика вызывает у некоторых людей омоложение организма. Вот такой случай произошел с вами. Вы одновременно с новой кожей помолодели на полсотни лет, — рассмеялся Саймон, — можете спросить у доктора Бенджамина, он вам подтвердит, что я не вру.

Бенджамин, поняв игру Саймона, молча кивнул. Дим встал, прошелся по комнате и немного размялся. Только после этого он

подошел к зеркалу. Действительно, на него смотрел крепко сложенный парень, которому не было семидесяти пяти лет.

— Я вам признателен Саймон, вы подарили мне столько лишних лет жизни. Да, я чувствую себя полностью здоровым и могу снова приступить к выполнению своих обязанностей.

— Яхта цела?

— Да, но она теперь в другом месте. Ангар полностью разрушен. — Саймон развел руками. — Вот вам адрес гостиницы, — он протянул Диму листок бумаги, — ее хозяин мой должник. Он вас приютит на ночь, а утром придете ко мне на службу.

— А может быть, все же остановитесь у нас, Дим? — Вики растерянно смотрела на своего механика, не понимая, почему Саймон его выживает.

— Нет, Вики. У вас не шикарная комфортабельная вилла, где на каждого гостя по дюжине комнат. Я переночую в гостинице, а завтра Саймон подыщет мне квартиру. Я ему заранее благодарен. До свидания.

Дим вышел, простившись со всеми за руку. Вики с удивлением прощупала его мозг, отметив, что он на них не в обиде, а наоборот, безмерно благодарен.

— Почему ты его выгнал на улицу? — гневно спросила она у Саймона. — Ты ведь вполне мог оставить его у нас. Места бы хватило! Ты понимаешь, нам бы всем здесь хватило места!!!

— Так надо, Вики! Я не мог не реагировать на то, что он так изменился. Кто знает, какие могут быть последствия... — Булман пожал плечами. — Нам в этом требуется хорошо разобраться! А сейчас нам придется серьезно поговорить на одну тему, о которой Дим не должен знать!

— Это еще о чем? — заинтересовался Бенджамин.

— Вы, то есть, мы все, — поправил себя Булман, — обладаем сверхвозможностями, мы все только что с большим трудом прихлопнули маньяка, равного каждому из нас по могуществу. Человечеству еще рано обладать такими возможностями. Оно еще не доросло до этого, по крайней мере на данном этапе.

— Короче, Булман, — не выдержал Саймон, — ты помолодел, но душа осталась прежней. Чего ты хочешь? Не томи нас!

— Пусть каждый из нас поклянется, что сохранит свои возможности в тайне от всего человечества! — кивнул Булман.

— А как же бессмертие нашего шефа? — едко заметил Боджи. — Что скажете, коммандер?

Саймон пожал плечами, Булман промолчал, соображая, а вот Бенджамин среагировал сразу же:

— Думаю, нам следует постараться не проявлять свои сверхвозможности в открытую. Это, надеюсь, всем нам ясно. Но в то же время я не согласен с вами, доктор Булман, как врач. Я считаю, что все, что способно излечить человечество, нужно поставить ему на службу! Ведь только слепой случай даровал нам бессмертие, а в мире так много людей, нуждающихся в нашей помощи.

— Правильно, Бенджамин! С помощью формулы, которую вывел Боджи, мы сможем организовать производство приборов долголетия!

Все оживились, только Булман оставался угрюмым.

— Предлагаю организовать фирму «Новый рай», которая будет заниматься омолаживанием организма человека, продлением жизни и лечением страшных заболеваний, — произнес Богарт. — Пусть руководителем группы будет профессор Булман. Саймон будет следить за соблюдением секретности фирмы. Боджи будет представлять нас в прессе, а вы, Бенджамин, займетесь организацией клиник и набором персонала.

— А что вы оставили для себя, Богарт? — пожал плечами Булман.

— Как и раньше, буду помогать Саймону! — рассмеялся Лео.

— Ну что ж, наша фирма «Новый рай» начинает свою деятельность!

СОДЕРЖАНИЕ

Дремлет Земля 5
Война на Алефе 126
Ретроспекция 241
Планета слепых 349
Новый рай 457